

ДИАНА ГЭБЛДОН

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

КНИГА 2

В ПЛЕНУ
СТИХИЙ

СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ –
ЧИТАЙТЕ
КНИГУ!

Annotation

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время, – завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Двадцать лет Клэр Рэндолл хранила свою тайну и надеялась, что однажды найдет способ вновь оказаться рядом с Джейми, человеком, которого все долгие годы разлуки продолжала любить. Но, воссоединившись, возлюбленным вновь предстоит пройти нелегкие испытания. Смогут ли Клэр и Джейми преодолеть все невзгоды и сохранить свое хрупкое счастье?

- [Диана Гэблдон](#)
 -
 - [Часть восьмая](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Часть девятая](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)

- [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [От автора](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

Диана Гэблдон
Путешественница. Книга 2. В плену
стихий

Diana Gabaldon

Voyager

Copyright © 1994 by Diana Gabaldon

© Зайцева В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

Часть восьмая

На воде

Глава 40

Я ухожу в море

– Вы сможете взять только «Артемиду».

Кузен Джейми задумчиво коснулся лба, хлопнув крышкой маленького письменного стола. Тогда, двадцать лет назад, он был уже немолод – ему было за пятьдесят, – а сейчас и все семьдесят, и все же он мало изменился: я увидела того же поджарого деятельного мужчину, каким я знала Джареда. Кажется, только волосы, поседевшие и поредевшие, потерявшие былую гладкость, выдавали его истинный возраст, да и те были собраны в хвост с помощью ленты красного шелка, так что внимание собеседника в основном привлекал курносый нос, впрочем, ничуть не портивший облика Джареда.

– Шлюпка небольшая, уместится разве человек сорок команды, но другого ничего нет – конец сезона. Когда бы «Артемиды» не нуждалась в ремонте, она бы давно уже была на Ямайке, и вы бы вообще остались ни с чем, ведь все желающие попасть в Карибское море ушли с месяц назад.

– Джаред, мне неважно, сколько человек будет в команде. – Джейми не терпелось поговорить о деле. – Получить корабль и капитана – а больше ничего не нужно.

Джаред только повел бровью на протест кузена.

– Правда не важно, кузен? Когда будешь кататься из стороны в сторону по плохонькой палубе, ты изменишь свое мнение, да будет поздно. Командный состав корабля, равно как и тоннаж, – один из важнейших показателей, поверь. Кстати, как прошло плавание? – ехидно поинтересовался Джаред.

Джейми только нахмурился в ответ. Он явно понимал, что кузен прав: не стоит выходить в открытое море, если ничего не смыслишь в кораблях, а напоминание о том, что он страдает от морской болезни, больно уязвило его. Джейми тяжело перенес переход через Ла-Манш – это небольшое морское путешествие не только далось нелегко, но заставило его буквально позеленеть. К счастью, погода сопровождала нас, и мы быстро достигли французского берега, но побелевшие губы и темные круги под глазами Джейми указывали на то, что он до сих пор не оправился от плавания на пакетботе.

– Выдержу, – быстро проговорил он.

Казалось, Джаред не поверил его обещанию. Да и было достаточно причин усомниться в способности Джейми выдержать столь длительное

плавание – нам предстояло плыть через Атлантику два или три месяца, – ведь от его физического состояния ни много ни мало зависел успех нашего предприятия, а ближайший остров, где можно будет бросить якорь, должен был появиться только ближе к концу плавания. Значит, все это время Джейми будет беспомощно барахтаться в маленькой каюте. Можно только представить, чего это будет ему стоить: если он продолжал чувствовать себя плохо шесть часов спустя после плавания, если от Инвернесса до Гавра он выглядел ужасно, да что там – если вид заякоренного корабля заставлял его зеленеть, о чем можно было говорить? Мне было боязно за него.

– Повлиять на это нельзя, значит... – Джаред, вздохнув, ободряюще улыбнулся мне: – Значит, врач всегда будет при тебе. Верно я говорю, Клэр?

– Ну разумеется. Скажи, как скоро мы сможем выйти в море? Мне нужно время, чтобы подготовить снадобья, могущие понадобится в пути.

Кузен Джейми задумался.

– Думаю, не раньше, чем через неделю. Корабль придет сюда только послезавтра – если ветер будет попутным, – он в Бильбао с итальянской медью и дублеными испанскими кожами. Команда есть, но нет капитана, который бы дал согласие плыть так далеко на исходе сезона. Впрочем, я знаю человека, который может согласиться, но он может быть в Париже, то есть прибавь еще четыре на дорогу туда и обратно. Еще день-два на пополнение запасов, на воду для бочек... Не раньше, чем через неделю.

– Сколько корабль идет до Вест-Индии? – отрывисто спросил Джейми.

Он был все так же напряжен, как и тогда, когда мы ехали в Гавр к его кузену. Это был не человек – лук, готовый немедленно выпустить стрелу, как только представится возможность. Он не хотел терять ни минуты – ведь мы и так уже упустили слишком много времени – и найти малыша Эуона как можно скорее. Я подумала о том, что пока мальчик в руках у похитителей, это нервное напряжение будет сохраняться.

– Обычно два месяца, – последовал ответ хмурившегося Джареда, – но это в сезон. Не за горами зимние шторма, так что вы попадете в Вест-Индию разве что через три месяца или даже больше. Кабы выйти на месяц раньше...

От меня не укрылось суеверное постукивание Джареда по деревянному столу. Значит, он боится сглазить нам дорогу, боится, что наше предприятие не будет удачным. И все же он не сказал, что мы можем не доплыть. Суеверный страх или простое чувство такта?

Я никак не могла отогнать от себя мысль, что корабль, увезший Эуона, мог направиться не в Вест-Индию. Наше предположение подтверждали

только бумаги начальника гаврского порта, которые повезло найти Джареду. Корабль носил название «Бруха», что на испанском значило «Ведьма»... Уместное название, ничего не скажешь! За последние пять лет он был в Гавре дважды, а затем отправлялся в порт приписки – Бриджтаун, находящийся на острове Барбадос.

– Джейми, повтори еще раз свой рассказ о корабле. Ты можешь вспомнить его осадку? Как он был нагружен?

Джейми, прикрыв глаза, воскрешал в памяти фатальный корабль. Вспомнив, он кивнул кузену:

– Хорошо был нагружен, ты верно говоришь. Пушечные порты почти касались воды – они были не выше шести футов от волн.

Услышав удовлетворительный ответ, Джаред улыбнулся.

– Я был прав: он выходил из порта, отправляясь в дальнейшее путешествие. Это очень хорошо, потому как я разослал запросы в крупнейшие порты Франции, Португалии и Испании, чтобы нам предоставили сведения о том, откуда корабль начал свой путь. Таким образом мы узнаем и место отправления, и место назначения, указанное в бумагах. – Внезапно по его лицу пробежала тень. – Но если документы поддельные и это пиратский корабль, тогда мы ничего не будем знать наверняка.

Он встал, отодвинув раскладной письменный стол красивого красного дерева, ставшего еще красивее с течением времени, за которым сидел, и сказал:

– В любом случае, мы делаем все от нас зависящее. Идемте поужинаем – уже поздновато. Кузен, утром мы с тобой займемся подготовкой к путешествию, а твоя жена может колдовать над своими снадобьями.

Мы находились недалеко от дома Джареда, но поскольку в пять часов вечера здесь было уже темно, нас проводили два факельщика. Увесистые дубинки в их руках не оставляли сомнений: преуспевающим людям в Гавре лучше поостеречься и позаботиться о своей защите. Очевидно, Джаред знал о возможной опасности пребывания на пристани в темное время суток и принял необходимые меры.

Как бы то ни было, смотреть на горящие впереди факелы было приятно: они вселяли веру в успех предприятия и были тем огоньком надежды на лучшее, который подарил нам Джаред. Хотя мы были голодны и не выспались после тяжелого для Джейми перехода через Ла-Манш, а воздух был пропитан запахом сырой рыбы, настроение у нас было хорошим – мы понемногу приближались к цели.

«Бруха», по нашему мнению, была пиратским судном, и мы считали,

что пиратам будет невыгодно калечить мальчика, только если они не убили его сразу. Джейми и его кузен рассудили, что Вест-Индия является в том числе и рабовладельческим рынком, и Эуона – здорового юношу – сочли бы хорошим рабом или пригодным для подневольных работ, а таких ребят продавали за двести фунтов. Это были хорошие деньги, а пираты вряд ли бы работали себе в убыток. Таким образом, узнав, в каком порту был продан в рабство мальчик, мы сможем выйти на след самих пиратов и в конце концов вернуть Эуона.

Налетевший ветер брызнул мне в лицо дождевые капли. Это остудило мой пыл: я фантазировала о том, как легко можно будет вернуть парня, стоя на французской земле, а ведь у нас пока не было даже корабля. «Артемиды» еще не вернулась из плавания, а «Бруха», возможно, тоже прибудет в Вест-Индию с задержкой: и мы, и они попадаем в полосу зимних штормов.

Дождь шел всю ночь, барабана по черепице. Странное дело: мне всегда казалось, что слушать звук стучащих по крыше дождевых капель приятно, это усыпляло и расслабляюще действовало на нервы, но не теперь. Сейчас мне казалось, что это звучит угрожающе и предупреждает нас о чем-то.

Мне не спалось. Джаред встретил нас прекрасно: ужин был вкусен, а вина – превосходны, и все же я поминутно представляла, как ветер рвет на части паруса «Артемиды» (которой, кстати, я еще не видела), а море глухо рокочет, неся смерть кораблю. Хорошо, что Джейми не было рядом – он обсуждал с кузеном детали путешествия, – иначе бы моя тревога передалась и ему, а он, без сомнения, и так переживал.

Джаред предоставлял нам свой корабль и брал на себя расходы по поиску капитана, но он настаивал, чтобы Джейми был суперкарго.

– Кем был? – изумилась я.

– Он возьмет на себя обязанности суперкарго, – понимающе улыбнулся Джаред. – Человека, который отвечает за груз. Капитан ведет корабль в пункт приписки, команда помогает ему в этом, а вот суперкарго целиком и полностью отвечает за груз – наблюдает за погрузкой и состоянием груза на корабле, следит за его сохранностью, наконец, доставляет его куда следует и разгружает. А поскольку торговый флот доставляет грузы, суперкарго – главнейший человек на судне. Бывают случаи, когда ради сохранности товара капитан исполняет приказы суперкарго.

Ну что ж, Джаред искренне помогал нам и тратил свои деньги на снаряжение «Артемиды» и поиск капитана, но он не отказывался заработать на этом дополнительном рейсе. Это побудило его распорядиться

принять на борт в Бильбао и Гавре грузы, чтобы доставить их на Ямайку. В Шотландию «Артемиды» должна была привезти ром: Джаред имел сахарную плантацию на острове.

Но назад «Артемиды» не могла отправиться так скоро: нужно было буквально ждать у моря погоды, то есть конца апреля – начала мая, когда прекратятся шторма. По нашим расчетам, на Ямайку мы должны были попасть в феврале, а вернуться назад, в Шотландию, в мае. Таким образом, у нас было около трех месяцев, за которые мы должны были найти Эуона на Ямайке или избороздить Карибское море в поисках мальчика, если это потребуется. Мы должны были найти его за это время...

Строго говоря, отправляясь в путешествие, мы рисковали не только своей жизнью, но и имуществом, любезно предоставленным нам Джаредом. Что и говорить, потеря корабля огорчила бы его, но ведь у него была не только «Артемиды», да и к тому же мы должны были привезти из путешествия ром, который, несомненно, принес бы хорошую прибыль Джареду, хотя его дела и без того шли довольно успешно.

Мне не спалось – оно и неудивительно, если учесть, какие мысли вертелись в моей голове. Ворочаться в постели надоело, и я пошла к окну, предварительно завернувшись в теплое одеяло.

Ветер уже немного ослабел, и не было слышно ужасного пугающего воя в печной трубе, но его дуновения было достаточно для того, чтобы гнать по темному небу тучи, закрывавшие на время луну. Дождь, хлеставший по стеклам, все же не мог скрыть мутное небесное светило, так что я могла видеть корабли у причала. Ветер гнал воздух и паруса, но тугие якоря крепко держали суда, качавшиеся на волнах от этих разнонаправленных сил. Это было прекрасно, но еще прекраснее было осознавать, что очень скоро – уже через неделю – я сама взойду на борт и смогу ощутить дыхание морского ветра на щеках.

Когда я отправлялась в Шотландию сквозь камни, я не позволяла себе испытывать судьбу и не думала о том, как сложится моя жизнь с Джейми и что будет, если мне не удастся его найти. Впрочем, у меня в голове была одна мысль – я хочу быть с любимым, что бы мне ни пришлось сделать для этого. К счастью, судьба оказалась благосклонна ко мне, и я нашла Джейми сравнительно легко. Разумеется, я не знала, как он живет, а потому за несколько месяцев я смогла оценить прелесть перемен, перемещаясь вместе с ним по тайным тропкам Шотландии. Я была женой печатника Малькольма в Эдинбурге, где Джейми, как оказалось, вел двойную жизнь, печатая как неприятные литературные вещицы, так и острые политические памфлеты, спутницей контрабандиста, которую часто

подозревали в распутной жизни, и поселянкой, ведущей мирную жизнь в горах.

Но теперь мы вновь сжигаем за собой мосты и оставляем весь устоявшийся быт по своей воле.

Это нисколько не пугало меня, напротив – возбуждало. Я так долго сидела на одном месте, привязанная к семье и работе, не могущая себе позволить поступать по своей воле, что сейчас одна перспектива самостоятельно вершить свою судьбу кружила мне голову, а ведь я в самом деле взяла все в свои руки. Я без оглядки бросилась в бурлящий поток событий, он подхватил меня и понес навстречу неизвестности. И эта безумная и безвестная стихия несет меня до сих пор.

Пока я размышляла о предстоящем путешествии, на оконном стекле образовалось пятнышко от моего дыхания. Вспомнив былое, я начертила пальцем сердечко: так когда-то я рисовала сюрпризы для Брианны. На морозной поверхности тогда появлялось изображение сердечка, содержащего инициалы дочери В. Е. Р. – Брианна Элен Рэндолл. Будет ли она впредь называть себя Рэндолл? Или назовется по-настоящему – Фрэзер? Мгновение я раздумывала, а затем вписала в фигуру всего две буквы – «J» и «C».

Джейми застал меня у окна.

– Не спится?

– Это из-за дождя, – слегка удивилась я его вопросу.

В тревожном ночном холоде Джейми был надежной и теплой опорой, и обнимать его было вдвойне приятно.

В ответ он обнял меня, уткнувшись мне в волосы. Я почувствовала запах горящего воска и чернил, а еще от него исходил запах, характерный для перенесших морскую болезнь.

– Что-то писал?

Джейми воззрился на меня.

– Откуда ты знаешь?

– Услышала запах чернил, – пояснила я.

Джейми слегка улыбнулся, но все же растерянно взъерошил волосы.

– Вот это да, англичаночка! Этак свинья ищет трюфели, с таким-то чутьем!

– Ну спасибо. – Комплимент был вполне в стиле Джейми, поэтому я как оскорбленная сторона сочла себя вправе подвергнуть его расспросам. – Так что ты писал?

Он перестал улыбаться и насупился.

– Решил написать сестре, – бросил он, снимая плащ и развязывая

галстук. – Поскольку мы уже поговорили с Джаредом и сможем вскоре начать поиски, будет нелишним известить о том, что произошло. И по чьей вине, – добавил он. – Теперь можно рассказать, что мы собираемся делать, чтобы вернуть парнишку.

Он помолчал и снял рубашку. Grimаса боли исказила его лицо.

– Представляю, в какую фурию она превратится, когда все узнает. Хорошо, что я буду далеко от дома, когда она получит эту добрую весточку от заботливого брата. – Горькая усмешка выказывала истинные его чувства – смесь ярости, сожаления и вины.

Признание, пусть и письменное, далось ему нелегко, но оно облегчило душу. Джейми уселся, все еще раздумывая, как отнесется к нему сестра после прочтения письма. Пока он разувался, я коснулась его волос, чтобы расплести их.

– Хорошо, что я написал ей, – произнес он. Видимо, содержание письма не давало ему покоя, но я поняла, в чем причина, когда Джейми пояснил: – Мне никогда еще не было так страшно. Кто бы мог подумать, что я буду бояться родной сестры.

– Выходит, ты во всем признался? Ты написал все как есть? Сказал, что Эуона похитили? – Я все же не удержалась от расспросов.

– Ну да, – пожал он плечами. – Я не мог соврать. Я никогда не вру, никому.

«Разумеется, никому, я не в счет», – мелькнуло у меня в голове. Однако я сдержалась и провела ладонью по спине Джейми, лаская его узловатые мускулы.

– А где мистер Уиллоби? – вспомнила я любовь китайца к оригинальному массажу. Мистер Уиллоби постоянно присутствовал на корабле, словно ангел-хранитель в одеждах цвета небесной лазури, зорко наблюдая за Джейми и помогая ему по мере возможности. Джаред не стал подвергать его расспросам и, казалось, ничуть не удивился, по крайней мере не выказал своего изумления ни появлением незваного гостя, ни его крохотным росточком. Мне думалось, что это оттого, что французские порты предоставляли массу возможностей познакомиться с экзотической публикой и Джаред видал всякое. Он сказал пару слов китайцу и был серьезен в общении с ним – в его тоне нельзя было заподозрить и тени иронии. Правда, экономка не была так учтива и намекала на то, что не рада видеть мистера Уиллоби в доме.

– Думаю, он спит на конюшне, ведь Матильда не пустила его ночевать, хоть и дала поужинать. Ты знаешь, она заявила, что нога язычника не ступит в дом, и даже окропила кухню святой водой.

Джейми растянулся на кровати, улыбаясь. Заметив сердечко, которое я нарисовала на окне, он вопросительно посмотрел на меня.

– Ничего особенного, я дурачилась, – ответила я.

Он взял мою ладонь и тронул большим пальцем то место, где у меня был шрам в виде буквы «J», – след, оставленный им у основания моего большого пальца перед Каллоденом. Он хотел, чтобы хоть что-то напоминало мне о нем. Джейми ошибся: я никогда не вспоминала о нем, потому что помнила его всегда.

– Англичаночка, я не спросил, хочешь ли ты пуститься в путешествие. Видишь ли, я все решил за тебя, но ты можешь остаться у Джареда, кузен будет рад. Или перебраться в Париж, он поможет. Или даже вернуться на ферму в Лаллиброх.

– Верно, ты все решил за меня, потому что знал, что я отвечу. Разумеется, ни в какой Париж или Лаллиброх я не поеду, потому что я отправляюсь с тобой в плавание.

Наша обоюдная одновременная улыбка была лучшим подтверждением того, что наши мысли и чувства совпадают. Забыв тревогу и усталость, мы улыбались друг другу, твердо зная, что преодолеем все трудности, какие нам сулит судьба. Джейми тронул мою ладонь губами. Его рыжие волосы вспыхнули золотом в свете свечей.

Дождь хлестал по плакавшему крупными каплями стеклу, ветер не утихал, но я была уверена в успехе нашего предприятия и смогла наконец спокойно уснуть рядом с Джейми.

Утро встретило нас ярким солнцем, которое, правда, не дарило тепло. На улице царил холод, и ветер бился в стекла, но мы пока наблюдали за буйством погоды из теплых комнат. Если в Париже у дяди Джейми была роскошная резиденция, то дом Джареда в Гавре в три этажа тоже был довольно солидным зданием.

Огонь весело трещал в камине. Я писала, поставив ноги на каминную решетку. Перо выводило на бумаге латинские слова, составлявшие список необходимых вещей для аптечки. Так я была похожа на заправского старинного лекаря, соотносящего свои возможности с объективными потребностями. Одной из таких потребностей был чистый спирт – дезинфицирующее средство, без которого было не обойтись, – но она удовлетворялась очень легко: Джаред обещал доставить для нас бочонок из Парижа.

– Только учтите: если вы так и напишете, что в бочонке содержится спирт, команда быстро смекнет что к чему и выдует его еще в порту. Так что стоит подумать над содержанием этикетки.

В таких заботах, мелких и не очень, проходил день. На бумаге то и дело появлялись новые слова: «очищенный лярд», «зверобой», «чеснок» (с припиской «десять фунтов»), «тысячелистник».

«Огуречник»... впрочем, нет, стоит написать «воловик», иначе аптекари могут не понять. Лучше употреблять более старые названия, благо я их знаю.

Нельзя сказать, чтобы я писала очень быстро, ведь нужно было хорошенько подумать, прежде чем выбрать, какое из снадобий поможет лучше других, да и я, честно говоря, подзабыла, как можно использовать то или иное средство. Впрочем, вернувшись в Бостон, я еще долго пользовалась знаниями, приобретенными таким необычным путем, и коллеги и наставники удивлялись и ужасались, видя, как я прибегаю к лечению травами, свойства которых мало изучены (а на самом деле просто забыты или вытеснены более эффективными современными лекарствами). Конечно, со временем я перестала шокировать публику экзотическими методами лечения, хотя они и приносили свои плоды, и не обрабатывала раны тысячелистником или окопником, имея под рукой раствор йода. Никакая пузырчатка не сравнится с действием пенициллина, это было ясно. Но теперь я снова была в том времени, когда медицина безуспешно боролась со многими болезнями, которые не приводят к смертельному исходу в двадцатом веке, и проигрывала в неравном поединке с системными инфекциями.

Так я записывала знакомые названия или вспоминала забытые, а когда моя рука замирала над листком бумаги, я невольно представляла цвет, вкус и запах лекарственных трав и разнообразных препаратов: березовое масло битумного цвета с приятным запахом, терпкая освежающая мята, ромашка с ее желтой сладковатой пылью, вязущий вкус горлеца...

Джейми сидел напротив меня и писал что-то свое. Тишину нарушал только треск дров в камине и негромкие шотландские чертыханья: левая рука все еще давала о себе знать.

– В аптечке будет лимонный сок? – внезапно спросил меня Джейми.

– А зачем он нам? – удивилась я.

Он бросил взгляд на свой список и убрал волосы, упавшие на лоб.

– Обычно корабельные хирурги просят лимонный сок. Но «Артемиды» – маленькое судно, так что у нас не будет хирурга. В таких случаях запасы продовольствия пополняет эконом. Но у нас не будет и его: нет времени, да я и не знаю, к кому могу сейчас обратиться. Не могу сообразить, где найти надежного человека и как уговорить его выбраться в такую даль. Время не терпит, поэтому, судя по всему, экономом буду тоже я.

– Ну что ж, раз уж ты будешь выполнять обязанности и суперкарго, и эконома, значит, вся хозяйственная часть будет на твоих плечах. Тогда я постараюсь не ударить в грязь лицом и буду честно играть роль корабельного хирурга. А коль уж они обычно заказывают лимонный сок, делать нечего, я займусь этим.

– Хорошо, англичаночка, спасибо.

Мы так были заняты составлением своих списков – это и впрямь было необходимым условием подготовки к будущему путешествию, – что горничная Жозефина была вынуждена стучать несколько раз. Она доложила, что нас желает видеть какой-то господин, причем всем своим видом она выказывала, что вовсе не держит его за господина.

– Он не уходит, хотя дворецкий его гонит. Говорит, что ему назначена встреча. Месье Джеймс, он стоит на пороге.

– Кто там?

Жозефина скривилась еще больше, поджала губы. Носик ее сморщился. Я не стала сдерживать любопытства и выглянула в окно, но не смогла рассмотреть гостя, так как человек, стоящий внизу, низко опустил пыльную помятую шляпу черного цвета.

– Кажется, это какой-то бродячий торговец, потому что он держит сверток. – Сообщив это, я намеревалась смотреть еще и вцепилась за подоконник, но Джейми увлек меня за талию в глубь комнаты, а затем выглянул на улицу сам.

– Это пришел меняла, которого сосватал нам кузен! Зови его немедленно.

Горничная дала понять, что недовольна таким положением вещей, но не могла не выполнить приказа. В комнату вошел парень двадцати лет – долговязый и нескладный. Теперь мы смогли рассмотреть его и убедились, что вся его одежда была изрядно потрепана: он был обут в тяжелые деревянные сабо, по виду самые дешевые, чулки не держались на его ногах, равно как и штаны, которые были велики и широки, а старомодный плащ только подчеркивал бедность посетителя.

Войдя, парень вежливо обнажил голову – под шляпой оказалась ермолка. Впрочем, не только она выказывала в нем еврея: на происхождение юноши красноречиво намекала борода, а в Гавре никто не носил бород, разве что какие-нибудь моряки.

Меняла умудрился поприветствовать нас с Джейми поклоном, не отрываясь от своей торбы, которую он снимал с плеч.

– Мадам. Месье. Вы очень любезны ко мне. Я благодарен вам за радушный прием. – Локоны на его висках двигались в такт кивкам головы.

Он говорил очень быстро и напевно, отчего подчас было трудноато понять его.

Теперь понятно, почему Жозефина была недовольна: вначале китайцы-«язычники», а теперь еще и евреи. Парень был симпатичным, и, глядя в его умные голубые глаза, я не чувствовала предубеждения по отношению к нему.

– Мы благодарны тебе, – ответствовал Джейми. – Я, признаться, ожидал тебя несколько позже, но то, что ты справился с делами и пожаловал сюда сейчас, это очень хорошо. Я рад. Кузен говорил, что тебя зовут Мейер, верно?

Парень воодушевленно кивнул.

– Все верно. Не стоит беспокоиться: я уже был в Гавре какое-то время, так что это было несложно.

– Да ведь ты прибыл сюда из Франкфурта, а это далекоато от Франции, – уважительно произнес Джейми.

Наряд Мейера лучше всяких слов показывал, что из Германии до побережья Франции лежит неблизкий и пыльный путь. Джейми оглядел непрезентабельную нескладную фигуру юноши и предложил ему вина.

Тот помялся, дернул губами, но потом молча кивнул.

Все время, пока он находился в комнате на правах странноватого, пусть и желанного, гостя, паренек смущался, но стоило ему раскрыть торбу, как он превратился из нищего в богача и из гостя в хозяина. Казалось, что может содержать заплечный мешок странствующего еврея? Помятое белье или жалкий кусок хлеба. Каково же было наше удивление, когда мы обнаружили, что в торбе находится деревянное приспособление для переноски денег! Махонькие мешочки из кожи чудом держались в гнездах рамки, и даже естественное покачивание мешка при ходьбе не могло нарушить их покоя.

Довольный Мейер откуда-то извлек кусок бархатной ткани и застелил им стол, убрав с него ненужные теперь бумаги. Что значили глупые закорючки против того, что мы увидели!

– *Aquila Severa aureus*, золотой орел Севэра^[1], – указал он на маленькую золотую монету. – А это сестерций рода Кальпурниев^[2], – приговаривал меняла, выкладывая новые монеты.

Нам попался истинный знаток старинных монет: по тому, как он ловко показывал полустертые профили римских императоров, можно было судить, что он хорошо знает, о чем говорит. Удачно подобранный тон бархата – голубой – отлично оттенял блеск золота. Казалось, что этот блеск

передается и глазам парня, так они сверкали. Или это от того, что в его руках были несметные богатства?

– Когда мы говорили с месье Фрэзером, он настаивал на том, чтобы я показал как можно больше старинных, раритетных монет, преимущественно греко-римской эпохи. Но вы понимаете, долгая дорога, слишком опасно... Я взял не все, остальная часть во Франкфурте. Если месье хочет, я могу послать за ними.

Джейми тряхнул кудрями.

– Нет, мистер Мейер, мы не располагаем временем...

– Месье Фрэзер, зовите меня просто Мейер. – В вежливом голосе парня послышались настойчивые нотки.

– Хорошо, Мейер. Надеюсь, что мой кузен, с которым ты говорил, сказал, какую цель я преследую, вызывая тебя сюда. Мне не нужны монеты, то есть я не собираюсь их покупать, – поправился Джейми. – Но расходы на дорогу я оплачу, – добавил он, видя, как Мейер поднимает брови.

Джейми прищурился и посмотрел на лежащие на бархате сокровища.

– Видишь ли, мне необходимо сравнить то, что ты принес, с тем, что я некогда видел. Думаю, кое-что должно совпасть, и надеюсь, что ты расскажешь мне о некоторых образцах. Как и о том, кто мог покупать подобные вещи лет двадцать назад. Также я рассчитываю на то, что кто-либо из твоих родных или знакомых знает покупателей таких нумизматических редкостей.

Мейер молча глазел на говорившего, пребывая в изумлении. Тогда Джейми улыбнулся и попытался снять воцарившееся было напряжение:

– Я хочу слишком многого, не правда ли? Но Джаред, мой кузен, с которым ты имел разговор, говорил, что ваша семья разбирается в монетах лучше всех, а ведь сегодня такое знание – редкость. Поэтому я обратился к тебе в надежде, что ты оправдаешь рекомендации, данные моим кузеном. А если еще и сможешь подсказать, кто занимается подобными вещами в Вест-Индии, то я буду весьма признателен тебе.

Мейер продолжал молчать, но его глаза заинтересованно блеснули. Он сдержанно погладил свою торбу, склонив голову, отчего гагатовые бусины на его ермолке наполнились солнечным светом. Наконец он заговорил, взвешивая слова:

– Двадцать лет назад подобными вещами занимались мой отец и дядя. Я, конечно, не могу знать досконально, чем именно они торговали, но свод торговых операций тех лет при мне. Там указаны заключенные сделки и приведен каталог монет, которые мы приобрели или продали в течение

последних тридцати лет. Думаю, что не обману ваши ожидания.

Парень потянул за уголок бархата, и перед Джейми оказалась вся коллекция монет.

– Видите ли вы здесь то, что вы видели ранее? Какие-то монеты совпадают?

Джейми сосредоточенно всматривался, а затем указал на серебряную вещицу, своими размерами напоминавшую мне американский двадцатипятицентовик. В центре монеты был изображен колесничий, а по ободу чеканка изображала трех дельфинов в прыжке.

– Эта совпадает. Их было несколько, какие-то даже немножко отличались от этой, но на всех были дельфины, я точно помню.

Немного погодя он стал перебирать монеты. Так в его руках оказались золотник и сребреник, причем первый почти весь истерся и профиль на нем был неразличим, а на серебряной монете были отчеканены хорошо видные анфас и профиль.

– Четырнадцать золотых и десять таких, – Джейми указал на сребреники.

– Десять таких! – Мейер округлил голубые глаза. – Не верится, что в Европе их так много.

Джейми подтвердил:

– Их точно было десять, я держал их в руках.

Молодой еврей коснулся монеты:

– Две головы Александра Македонского – редкость. Это тетрадрахма. Отчеканена в честь битвы при Амфиполисе. На поле битвы затем основали город.

Джейми слушал улыбаясь: разумеется, он не мог ничего знать ни об этой монете «с двумя головами», ни о какой-либо другой, но его забавляла страсть, вспыхивавшая в глазах юноши, когда он рассказывал о своих раритетах, и заставлявшая его почтенно склонять голову перед Джейми, видевшим воочию несметные богатства. Люди, страстно увлеченные своим делом, всегда были уважаемы шотландцем, а молодой человек выказывал редкую осведомленность в своем нелегком деле. Через четверть часа коллекция была наконец сформирована: ее составили четыре греческие драхмы, пара небольших золотников и тяжелый римский квинтинрий и серебряные монеты.

Когда возникла необходимость свериться с каталогом, Мейер достал из своей торбы рулон, перевязанный лентой. Листы оказались каталогом; убогое еврейское письмо содержало свидетельства о том, кто и когда купил ту или иную монету. Какое-то время парень сосредоточенно изучал

надписи, а затем, по-птичьему склонив голову набок, взглянул на Джейми.

– Месье, сведения, которые я предоставляю вам, строго конфиденциальны. По этой причине я не имею права сообщать вам, кто именно купил монету. Но я могу сказать, что это за вещь и когда она была продана, если вас это устроит.

Помолчав, он произнес:

– То, что я услышал, заставляет меня предположить, что в виденной вами коллекции было около шести золотых рода Кальпурниев. Я также уверен в том, что вы видели три драхмы, две монеты, на которых изображен профиль Гелиогабала^[3], а одна из них содержит к тому же и изображение Александра. Мы продали эти монеты – или монеты, подобные этим, – в тысяча семьсот сорок пятом году.

Мейер умолк и задумался.

– По моему обыкновению и в силу вышеуказанных причин я не предоставляю других сведений тем, кто хочет что-либо узнать о покупателях монет. Но этот случай особый, поскольку покупателя нет в живых уже несколько лет. Думаю, что я могу...

Мейер вскинул плечо и решительно проговорил:

– Их купил англичанин, Кларенс Мэрилбоун, герцог Сандрингем.

– Герцог Сандрингем! – вырвалось у меня.

Парень выжидающе взглянул на меня, но я молчала. Лицо Джейми тоже было непроницаемо: вежливый интерес, но не более.

– Именно, мадам, герцог Сандрингем. Нам стало известно о его смерти, поскольку его обширной коллекцией монет теперь владеет наш род: наследники герцога в тысяча семьсот сорок шестом году продали ее моему дяде, о чем есть соответствующая запись в этом каталоге.

Говоря последние слова, меняла взял бумагу за уголок, приподнял ее, словно демонстрируя ценность каталога, и отпустил. Тот с негромким стуком упал на стол.

Мне было известно о смерти герцога, ведь Мурта, крестный Джейми, темной мартовской ночью убил его. Это произошло в тысяча семьсот сорок шестом году, еще до Каллодена. Когда я видела глаза Сандрингема в последний раз, они выражали крайнюю степень удивления.

Мейер наблюдал за нами.

– Еще я должен сообщить, что не помню тетрадрахм из коллекции. Очевидно, когда дядя приобрел монеты, их там не было.

– Да уж наверняка не было, – протянул Джейми.

Он спохватился и принял официальный тон, давая понять, что больше не нуждается в услугах менялы.

– Спасибо тебе, Мейер. – Джейми потянулся за бокалами. – Предлагаю выпить за твою смышленную голову и эту полезную вещь, – кивнул он на каталог.

В качестве благодарности Мейеру был вручен мешочек с серебряными ливрами, который, разумеется, не мог пополнить коллекцию редкостей, однако вполне успешно мог способствовать поправлению финансовых дел молодого еврея. Впрочем, я была уверена, что неказистую шляпу и жалкую одежду юноша носит не от бедности.

– Мадам, всего хорошего.

– Тебе тоже, мальчик. – Я помялась, но все же спросила: – У тебя нет других имен, только это?

Едва заметная искорка уважения и интереса мелькнула в его глазах, но тут же скрылась. Взваливая мешок на спину, он сдержанно отозвался:

– Видите ли, мадам, во Франкфурте нам нельзя использовать родовые имена. – Кривая ухмылка сопровождала это известие. – Когда-то на фасаде дома, где мы живем, был изображен красный щит, так что соседи прозвали нас в его честь. А так у меня нет других имен, – резко закончил он.

За юношей пришла Жозефина. Показывая ему выход, она шла впереди, но было заметно, что она всячески желает избавиться от провожатого как можно быстрее: горничная спешила, и ноздри ее раздувались. Мейер, напротив, шел медленно, но исключительно потому, что сабо скользили по полу.

Джейми углубился в свои мысли: на это указывал его отсутствующий взгляд.

Дверь закрылась, и стук сабо донесся уже с улицы – значит, парень ушел. Интересно, куда лежали его стопы?

Звуки выдернули Джейми из раздумья, и он посмотрел в окно.

– Всего хорошего, Мейер Красный Щит, – напутствовал Джейми юношу, который, конечно, уже не мог слышать пожелания доброго пути.

Мысль, неожиданно пришедшая мне в голову, заставила меня вздрогнуть.

– Джейми... ты знаешь немецкий?

– В какой-то мере. Ну да.

Ответ был скомкан, оттого что шотландец смотрел в окно, наверное, тоже пытаясь угадать, куда еще отправится этот смелый паренек, только что ушедший от нас.

– Как немцы говорят о красных щитах? Как сказать «красный щит»? – уточнила я.

Джейми посмотрел на меня и просто ответил:

– Ротшильд. А какое это имеет значение?

– Да, в общем, никакого, так, подумалось. – Мой взгляд упал на брусчатку, по которой уже отстучали башмаки юного еврея. – Думаю, что удача будет сопутствовать ему.

Сам собой вспомнился мотив песенки, и я запела:

– «Пятнадцать человек на сундук мертвеца. Йо-хо-хо, и бутылка рома!»

Джейми заинтересованно покосился в мою сторону.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Всего лишь то, что герцог мертв. И что до содержимого его сундука много охотников. Мне кажется, что тюлений остров был в его собственности. Согласен?

– Не могу согласиться целиком и полностью, потому что не знаю, так ли это, но очень похоже на то, – улыбнулся он.

Джейми стучал по столу негнувшимися пальцами, приговаривая:

– Джаред вывел меня на Мейера, тогда-то я и подумал, что стоит узнать поподробнее о монетах, потому что «Бруха» должна была забрать клад, и посылавший ее с большой долей вероятности и был тем, кто этот клад спрятал, – последние слова он произнес нараспев.

– Похоже на то, – отозвалась я, – да только если сокровища спрятал герцог, он физически не мог посылать за ними «Бруху». По моим прикидкам, клад можно оценить тысяч в пятьдесят.

Джейми смотрел на свое отражение в пузатом графинчике и не удержался от искушения пропустить стаканчик. Оно и понятно: вино лучше ощущать в желудке, чем созерцать его в графине.

– Монеты нетяжелые. Там нет пятидесяти тысяч. Но ты видела цены, по которым еврей сбывал их?

– Ну да, а что?

– Тысяча фунтов стерлингов за какую-то старинную дрянь! Да она же в плесени! – бурно возмущался Джейми.

– Твое изумление понятно, но ведь и монеты не дрянь, хотя и старинные. – Видя, что он хочет продолжить обсуждение ценности раритетов из коллекции Ротшильдов, я махнула рукой, как бы отменяя возможность дальнейших расспросов. – Главное сейчас другое: могло ли сокровище, спрятанное на острове тюленей, быть теми пятьюдесятью тысячами фунтов, обещанными Стюартам?

В тысяча семьсот сорок четвертом году Карл Стюарт был во Франции. Целью его визита была встреча с Людовиком, его царственным кузеном, который мог оказать поддержку Стюарту. Тогда-то герцог Сандрингем и

отправил Карлу зашифрованное письмо, в котором предлагал предоставить в его распоряжение пятьдесят тысяч фунтов, которых бы хватило на снаряжение – или наем – небольшого войска для вторжения в Англию. Таким образом, герцог предлагал профинансировать восстание с целью возвращения трона предков.

Возможно, именно это предложение побудило принца совершить поход на Англию, окончившийся, к сожалению, плачевно. Но нельзя сбрасывать со счетов и другие факторы, не менее маловажные, которые были бы второстепенными в других случаях, но не в случае с принцем, как-то пьяный спор или подначка возлюбленной, пославшей в Шотландию всего шесть союзников, но две тысячи голландских палашей и бочонки бренди для горцев.

Но дело в том, что герцог умер раньше, чем Карл Стюарт вернулся в Англию. Загадка этих денег не мучила меня: что, если принц смог бы использовать эти деньги по назначению?

Полученный клад мог бы изменить ход истории. Восстание якобитов могло бы окончиться успешно. Не было бы Каллодена. Я не вернулась бы в свое время... и умерла бы при родах, а Брианна тогда же или впоследствии. Но что толку задавать глупые вопросы и кому задавать их? Какие «бы», какие «если», когда все пошло по-другому.

Джейми тер переносицу.

– Может быть. Правда, если бы от сокровища спешно избавлялись, продавец получил бы меньшую сумму, чем настоящая стоимость клада, но при наличии достаточного для поиска хорошего покупателя времени продавец имел бы пятьдесят тысяч, это вполне возможно.

– Дункан Керр был якобит?

Джейми насупился и кивнул.

– Да. Я понимаю, что ты хочешь сказать... Впрочем, командующему неловко иметь при себе такие суммы.

– Но ведь монеты и камни очень удобны в плане перевозки: они немного весят и их удобно прятать, не так ли? Герцог, изменник для британской короны, сговаривался со Стюартами! Значит, он был заинтересован в том, чтобы передать ценности незаметно, производя минимум действий. Как бы он переправлял пятьдесят тысяч, а? Неужели экипажем – и не одним – с конвоирами? Золото довольно тяжелое, транспортировка ящиков неизбежно привлекала бы внимание. В отличие от одинокого путешественника, перебирающегося через Ла-Манш с мешочком у пояса.

Джейми кивнул, давая понять, чтобы я дала ему слово, – он согласен с

ходом моей мысли и продолжит за меня.

– Если ты собираешь такие штуки, никто или почти никто не будет интересоваться, когда ты приобрел ту или иную вещь. Тем более у кого. Непосвященный не поймет, сколько стоит камушек на самом деле, так что способ очень удобен. – Он блестел глазами и продолжал, вдохновляясь своими словами и прикидывая, как бы сам поступил на месте героя рассказа. – Настоящие ценности можно при первом удобном случае отправить за море, чтобы не мозолили здесь глаза, и подменить их. Банкиры ни при чем, платежных обязательств нет, никто ни о чем не знает... Черт возьми, англичаночка, это отличный план!

Вскрикнув от восхищения, Джейми призадумался и продолжил размышлять вслух.

– Хорошо, тогда отчего же Дункан пришел десять лет спустя после Каллодена? Хотел ли он оставить клад на острове или забрать?

– И кто хочет забрать его сейчас? – подхватила я.

– Да. Кто хочет? Черт побери, если мне это известно, – раздосадованно протянул он. – Может, у герцога были сообщники? Пусть так, мы все равно не можем точно установить, с кем имеем дело.

Джейми встал, потягиваясь. Я отметила, что он привычно определяет время по высоте солнца – он делал так всегда и везде, будь то город, где можно видеть часы на башне, или деревня.

– Как бы то ни было, за два месяца мы сможем что-нибудь придумать. Или хотя бы подумать о том, кто это может быть. А сейчас почти полдень, а дилижанс на Париж отходит в три.

На улице де Варенн уже не было аптеки. Там расположились сразу три заведения – таверна, ломбард и лавка ювелира.

– Мадам, вы спрашиваете о мэтре Раймоне? – Брови ростовщика сошлись на переносице. Он смотрел так недоверчиво, что я невольно поежилась и уже не надеялась услышать сколько-нибудь приличный ответ. – Вот уже несколько лет, как он здесь не появляется. Поскольку вы ищете аптекаря, то я могу посоветовать вам обратиться к тем, кого знаю лично: это Краснер, чье заведение размещается на площади Алоэ, мадам Веррю, которая близ Тюильри...

Все время, пока говорил, он не спускал глаз с мистера Уиллоби, стоящего подле меня. Наконец ростовщик не выдержал и тихонько проговорил:

– Коли вы хотите продать китайца, я помогу вам: имею клиента, влюбленного в Восток. Он заплатит вам очень хорошие деньги, а я возьму себе небольшой процент, вам не придется искать себе помощника в таком

щекотливом деле.

Сам мистер Уиллоби, о котором шла речь, не мог понять, что мы говорим о нем, ведь он не знал французского, но, видимо, у ростовщика ему не понравилось: высокий фарфоровый кувшин с узким горлышком, расписанный в китайском стиле, привлек его внимание и заставил скривиться при виде фазанов, изображенных на нем.

– Нет, благодарю. Я пока не намерена продавать его, – мягко отказалась я от сомнительных услуг назойливого старика. – Воспользуюсь вашими рекомендациями и обращусь к Краснеру.

Отношение парижан к мистеру Уиллоби отличалось от того отношения, которое он встретил в Гавре, по той простой причине, что его одеяние голубого шелка привлекало внимание зевак. К тому же одежда китайца подозрительно походила на пижаму, поверх которой был надет стеганный жакет, а длинная коса была несколько раз обернута вокруг головы. В аптеке мистер Уиллоби показал, на что он способен, поразив мое воображение знаниями из сферы медицины.

– Бай ей ай, – назвал он по-своему горчичные семена, помещавшиеся в коробке в лавке Краснера. – Это для почка, шеен-йен.

– Да. Но откуда тебе это известно? – изумилась я.

Несколько наклонов головы, которые он произвел из стороны в сторону, дали понять, что он рад и горд оттого, что смог показать свои знания в деле.

– Моя знать много лекарей. Было время. – Указывая на корзинку с какими-то непонятными шариками, похожими на комки грязи, он перевел разговор на другое: – Это есть шун-ю. Ваша купить, потому что это чистить кровь очень хорошо. Хорошо для печень, для глаза. Нет сухая кожа.

В корзинке оказались куски сушеного угря, обмазанные глиной и таким образом сформировавшие шарики. Аптекарь просил сдельную цену, и я положила эти подозрительные вещицы в свою корзинку, где уже лежали приобретенные мной снадобья.

Хотя начался декабрь, на улице было довольно тепло, и на улицах города было шумно и оживленно. Под ярким зимним солнцем толпились люди, желавшие заработать различными способами: попрошайки, торговцы, продавщицы, проститутки. Было и множество гуляк, радовавшихся временному потеплению и пользовавшихся моментом, чтобы поглазеть на Париж.

Проходя угол Северной улицы и Утиной аллеи, я заметила необычную фигуру – высокого человека с покатыми плечами, одетого в черный сюртук и круглую черную же шляпу.

– Мистер Кэмпбелл! Преподобный!

Заслышав, что его зовут, преподобный остановился, обернулся и снял шляпу в приветственном жесте, узнав меня.

– Миссис Малкольм, рад вас видеть.

Присутствие мистера Уиллоби заставило его прищуриться и заметно охладеть.

– Прошу, знакомьтесь – мистер Уиллоби. Это... сотрудник моего мужа. А это преподобный Арчибальд Кэмпбелл, – попыталась снять напряженность я, но мне это не удалось.

Преподобный всегда отличался строгостью нравов, да и его взгляд и внешность внушали трепет, но теперь он так скривился и поджал губы, что явно не раз пожалел о нашей встрече. Никакой радости он уже не чувствовал и имел такой вид, будто ему предложили угоститься проволокой.

– Вы ведь хотели отправиться в Вест-Индию, не так ли? – я отвлекла его внимание от китайца.

На этот раз мне удалось завладеть его вниманием.

– Спасибо, миссис. Благодарю, что вы помните. Я действительно не отказываюсь от своего намерения и покидаю Эдинбург в четверг, но прежде мне нужно кончить неотложное дело во Франции.

– Как здоровье вашей сестры?

Преподобный покосился на китайца, словно не мог свободно говорить в его присутствии, отступил на шаг и понизил голос:

– Много лучше, много лучше, спасибо. То, что вы посоветовали принимать, помогло, теперь она ведет себя спокойнее и даже может уснуть. Сердечно благодарю за участие.

– Что ж, я рада, что смогла помочь. Смею надеяться, что вы удачно доберетесь до Вест-Индии.

Расстались мы тепло и сердечно, насколько это было возможно, учитывая характер мистера Кэмпбелла. Идя по Северной улице к дому, где жил Джаред, мистер Уиллоби уточнил:

– «Преподобный» – это очень благо-чесивый человек?

Китаец, как и многие выходцы с Востока, не всегда произносил звук «т». Слово «благочестивый» в его устах приобрело ироничное звучание, и я решила узнать, почему его заинтересовала фигура преподобного.

На это мистер Уиллоби ответил ухмылкой и убежденно произнес:

– Этот малый не благо-чесивая, совсем нет.

– Почему же? Ты что-то знаешь о нем?

Китаец лукаво взглянул на меня и выпалил:

– Моя видеть этот малый у мадам Жанна. Там она тихо-тихо, здесь, о, здесь громко. Очень, очень благо-чесивая!

Китаец разразился смехом, а я обернулась было в сторону мистера Кэмпбелла, но его и след простыл.

– Он ходить к проститутки, да, – резюмировал мистер Уиллоби и для наглядности произвел несколько движений в области своего паха.

– Может быть. Значит, и служители Шотландской свободной церкви бывают слабы плотью.

Во время ужина я оповестила, что видела пастора: я сочла это происшествие заслуживающим внимания, правда, не сказала о подробностях его личной жизни, которые передал мне китаец.

– Стоило бы узнать, куда именно он хочет попасть, а то Вест-Индия большая, – сообразила я задним числом. – Конечно, мистер Кэмпбелл не из тех людей, которых хочется видеть каждый день, но в Вест-Индии у нас не будет никого, к кому можно было бы обратиться за помощью в случае неприятностей. Лучше, если это будет он, а не вовсе чужой человек.

Джаред молча слушал, так как был занят жарким из телятины, макая его в винный соус, но когда прожевал, сообщил:

– Не волнуйтесь, у меня есть знакомые в тех краях. Джейми получил от меня внушительную стопку рекомендательных писем к людям, могущим быть полезными.

После этого обнадеживающего известия Джаред продолжил есть, глядя на Джейми, словно решая что-то, а после непринужденно проговорил:

– Кузен... мы встречались на равнине.

Джейми испытующе посмотрел в глаза Джареду и ответил:

– И расстались на площади.

Кузен отреагировал на это широкой улыбкой. Пока я недоумевала, он принялся расспрашивать Джейми:

– Тогда о верных людях и вовсе не стоит беспокоиться! У меня было такое подозрение, но я решил проверить, как видишь. В таком долгом путешествии их помощь точно пригодится. Кто тебя посвятил?

– Это произошло в тюрьме. Приняли в Инвернесскую ложу, впрочем, это и так понятно в какую.

Джаред выказал свое удовлетворение кивком.

– Отлично. В тех местах ложи находятся на Ямайке и Барбадосе, самая большая – на острове Тринидад. Там около двух тысяч членов. Письма к мастерам я заготовил, но тебе стоит обратиться лично к тринидадцам: они всегда в курсе того, что происходит на острове.

– Может, вы посвятите и меня в свои секреты? – обратилась я к мужчинам. – О каких ложах вы говорите?

– О ложах вольных каменщиков, – одарил меня улыбкой Джейми.

– Вот это да! Так ты масон? Почему я об этом не знаю?

– Потому что об этом не говорят вслух, – оборвал меня Джаред. – Вольные каменщики проводят свои встречи и обряды втайне от всех. Если бы кузен не был одним из нас, не видеть бы ему писем к тринидадцам.

Обсудив масонские тайны, мужчины принялись говорить о том, что нужно взять с собой на «Артемиду» из провизии, и я могла бы присоединиться к их разговору, но предпочла слушать. То, что Джейми является членом масонской ложи, таинственного ордена, о котором до сих пор ходят разнообразные слухи, заставило меня задуматься о том, что я почти не знаю своего мужа. Раньше я знала о нем все, но не теперь.

Сейчас мы, конечно, говорили откровенно, хотя во время разговора о Брианне мне пришлось нелегко. После ночи любви я засыпала на его плече, зная, что мысли моего мужа понятны для меня.

Однако же очень часто взгляд Джейми был направлен туда, в прошлое, и я чувствовала себя лишней, ничего не знающей об этом рослом рыжем человеке. Слишком много времени прошло со времени нашего расставания, и слишком много событий имели место, чтобы нам было легко и просто вместе. Мы оба понимали это, но в такие моменты мне казалось, что почва уходит у меня из-под ног.

В ответ на мои тяжелые мысли Джейми прижал мою ногу под столом и слегка улыбнулся мне, поднимая бокал, напоминая мне тем самым о брачной ночи. Тогда мы были совсем чужими и отчаянно боялись друг друга, спасаясь от самих себя вином. Тогда между нами не было ничего, кроме брачного контракта. Мы обещали быть честными друг с другом и сдержали свое обещание.

– Кое-что ты, возможно, никогда мне не расскажешь, потому что не сможешь или не доверишь, я понимаю это. Но то, чем ты решишься поделиться со мной... пускай это не будет ложью. Если не можешь – не рассказывай ничего. Мы уважаем друг друга – пока только это, – а это значит, что можем иметь личные секреты, но никак не лгать друг другу.

Вспоминая это, я отпила вина и почувствовала, как теплая волна алкоголя прокатывается по моему телу. Джаред еще говорил о галетах и свечах, но Джейми смотрел только на меня, сильнее прижимая мою ногу.

– Утром, кузен, – ответил он на какой-то необязательный вопрос. – Лучше я разберусь с этим утром: днем было слишком много всего.

Встав, он отодвинул стул и спросил меня:

– Англичаночка, ты со мной?

Глупая условность! Ну разумеется. Вино грело меня изнутри, дополняя мое возбуждение. Мы снова понимали друг друга с полуслова, а существовавшее уважение давало простор для любых маневров, не связанных с ложью.

Утром следующего дня Джейми, кузен и китаец занимались своими делами, а я отправилась заниматься своим, для которого мне не требовались свидетели. Мне хотелось встретить людей, много значивших для меня в Париже лет двадцать назад, но одного из них, мэтра Раймона, оказывается, уже не было в живых. Что же до второй особы, то я не была уверена, жива ли она, найдется ли у нее время, захочет ли она меня видеть, но проверить стоило, ибо я увижу ее в последний раз, если увижу. В предвкушении встречи я приказала кучеру Джареда отвезти меня в больницу, поэтически называвшуюся «Обитель ангелов».

Я стояла на кладбище, где покоились монахини из женского монастыря. Собор высился над этим последним убежищем верующих женщин, хмурые облака бежали по небу, гонимые ветром. Известняковые плиты ясно виднелись в волглом тумане, и толстые стены, отделявшие кладбище от остального мира, надежно укрывали от сырости, тянувшейся с Сены. Многие камни поросли мягким мхом, скрашивающим печальную обитель и отвлекающим внимание от голых ветвей деревьев, которые пронзительно напоминали о бренности человеческого существования.

Надгробие, у подножия которого я стояла, было сделано из белого мрамора. На нем были высечены херувимские крылья, а надпись гласила: «Вера».

Я глядела долго, чувствуя, как на глаза набегают слезы, затем положила к подножию цветок, розовый тюльпан – редкость для зимнего Парижа. Джаред имел свою оранжерею, так что достать этот нежный цветок, мягкие лепестки которого похожи на щечки младенчика, не составило труда.

Почувствовав на своей голове ладонь матушки Хильдегард – я узнала ее сразу, даже не оборачиваясь, – я призналась, что не думала плакать, но не смогла справиться со своими чувствами.

– Le Bon Dieu держит в руке своей судьбы человеческие и распоряжается ими так, как считает нужным. Но обычно Он не объясняет нам свои решения, поэтому мы часто ропщем на Него. – Матушка, как и все французы, называла Бога Добрым Господом.

Я тяжело вздохнула, понимая, что эта встреча все равно подняла во мне бурю чувств, как бы я ни готовилась к ней, и утерлась краем плаща.

Встретившись глазами с монахиней, я увидела, что она смотрит сочувственно и в то же время с интересом. Неудивительно: мы так давно не виделись...

– Знаешь, дитя мое, я заметила удивительную вещь: сколько бы времени ни прошло, мать всегда будет считать ребенка именно ребенком, сколько бы лет ему ни было. Мать помнит его при рождении, помнит его первые слова и шаги, может воскресить в памяти любое событие, связанное с дитятей, поэтому даже когда ее ребенок имеет своих детей, ее отношение к нему не меняется и остается материнским, – задумчиво произнесла монахиня. – Для матерей времени не существует.

– Вы правы, матушка. Особенно если дитя спит. Тогда его всегда можно увидеть совсем маленьким, – проговорила я, взглядывая на надгробие, белевшее в тумане.

– Да, дитя мое. Но ты выглядишь и ведешь себя так, будто у тебя есть другие дети.

– Да, девочка. Она уже взрослая. Но, матушка, ведь вы монахиня... откуда вы столько знаете об этом?

Я натолкнулась на пронизательный взгляд маленьких черных глаз. Соболиные брови, когда-то черные, теперь поредели и вконец поседел.

– Я уже в таком возрасте, когда по ночам трудно уснуть. Временами я общаюсь ночью с больными, – уклончиво ответила она.

Я отмечала изменения, которым подверглась мощная фигура матушки. Она, подобно многим старухам, усохла и стала более щуплой, так что знавшие ее раньше не смогли бы сказать, что эта старая монахиня некогда была широкоплечей красавицей. Но и теперь, состарившись и изменившись, она не потеряла былого величия и возвышалась над другими, пугая и в то же время внушая уважение. С удивлением увидев посох в ее руках, я быстро сообразила, что он служит для других целей, нежели помощь при ходьбе – матушка, как и прежде, ступала решительно и так быстро, насколько позволял возраст, – в частности для вразумления лентяев и бездельников.

Оставив могилку Веры и проходя с матушкой по кладбищу, я увидела, что большие камни перемежаются маленькими. Неужели это...

– Да, здесь похоронены дети монахинь, – без тени смущения подтвердила мать Хильдегард.

Наверное, я так вытаращила глаза, что монахиня пожала плечами, сохраняя спокойствие и достоинство.

– Здесь нет ничего ужасного. Такое бывает, хоть и нечасто.

Подняв посох, она указала на могилы, которые были перед нами, а

затем обвела и другие, очертив таким образом в воздухе подобие круга.

– Здесь покоятся сестры, благодетели больницы и те, кого они любили.

– Кто, благодетели? Или все-таки сестры?

– Сестры, конечно. Ты, олух!

Последний возглас относился к санитару, курившему трубку у стены собора. Праздность никогда не поощрялась ни матушкой, ни церковниками, поэтому лентяя ждал разнос, причем мать Хильдегард выговаривала ему на изысканном французском, каким говаривали во времена ее юности.

Я отошла в сторону и принялась озирать кладбище. Освященная земля заканчивалась у дальней стены, но небольшие таблички из камня располагались на освященной территории. Их было ровным счетом пятнадцать, каждая содержала порядковый номер, обозначенный римской цифрой, и одно имя – «Бутон». Это были могилки песиков, любимых пуделей матушки Хильдегард. При ней неотлучно находился очередной носитель этого имени, шестнадцатая собачка, которой тоже предстояло упокоиться на кладбище рядом со своими предшественниками. Этот угольно-черный кудрявый Бутон сидел и молча наблюдал, как хозяйка ругает нерадивого работника, и хлопал круглыми глазенками.

Сестры и те, кого они любили.

Когда монахиня кончила выговаривать санитару, она снова обернулась ко мне. Я увидела, как сердитое выражение ее лица меняется на приветливое, и мне показалось, что это красиво.

– Как хорошо, что ты здесь, *ma chère*. Пойдем-ка, я поищу то, что может тебе пригодиться в дальней дороге, – пригласила она меня.

Посох она определила на руку, а меня взяла под локоть, чтобы опираться. Ощущая тепло ее костлявых пальцев, я подумала о том, что это не я помогаю ей идти, а она мне.

Мы уже свернули в тисовую аллею, которая вела к больнице, и я не сдержалась:

– Матушка, я надеюсь, что мой вопрос не покажется вам нетактичным, но хотелось бы знать...

– Мне восемьдесят три года, – перебила она меня и, радуясь, что угадала вопрос, продемонстрировала желтые лошадиные зубы. Поймав мой взгляд, она пояснила: – Меня столько раз об этом спрашивали. – Обернувшись в сторону кладбища, мать Хильдегард по-галльски вскинула одно плечо. – Еще рано, и очень много работы, *Le Bon Dieu* знает об этом. Господь добр ко мне.

Глава 41

Мы ставим паруса

Декабрь в Шотландии всегда серый и холодный, и вот в один из таких дней «Артемиды» причалила к северо-западному побережью, а именно к мысу Ярости.

Туман клубился над прибрежными утесами, скрывая их за непроглядной пеленой. Своим запахом морских водорослей, проникавшим в щели всех зданий, и шумом прибоя, постоянно сопровождавшим всех путешественников, мыс очень уж напоминал печально известный остров тюленей. Это было более чем печально, ведь прошел месяц с тех пор, как Эуона похитили пираты, а мы все еще сидим в Шотландии! Шум моря, доносившийся до нашего слуха и в трактире, заглушал наши разговоры и заставлял осознавать свое бессилие перед лицом стихий и обстоятельств.

В трактире горел огонь, но Джейми не мог находиться на одном месте и отправился ходить по пристани под дождем. Когда мы плыли назад в Шотландию из Франции, ему было так же плохо, и одному богу было известно, о чем он думал сейчас. Часто, слишком часто я просыпалась среди ночи, не обнаруживая его рядом: он уходил бродить по ночам, чтобы развеять тоску и успокоить нервы. Любая мелочь, которая задерживала нас перед отплытием, раздражала его и заставляла переживать за успех предприятия.

Забавно, но сейчас мы задерживалась как раз по вине Джейми: на мысе Ярости мы должны были забрать Фергюса, который разыскивал здесь нужных нам людей, пока мы добирались до Шотландии.

Это была идея Джейми – привлечь к нашему путешествию контрабандистов. Он объяснял, что не хотел бы рисковать, идя на пиратов с голыми руками, а верные люди очень облегчали участие в возможной драке.

Кроме того, был еще один момент, суливший нам успех: все без исключения контрабандисты прекрасно знали морское дело и не раз переплывали море если не на больших кораблях, то на лодках. Это значительно облегчало нашу затею и было неоценимой поддержкой, ведь команда «Артемиды» изрядно уменьшилась после окончания сезона, когда многие моряки отказались идти в Вест-Индию в шторма.

Забрать новую команду с мыса Ярости тоже было удачной задумкой: этот маленький порт не обращал на себя внимания нежелательных нам лиц,

тем более сейчас, когда там стояли всего пару рыбачьих лодок и кеч. Правда, как во всяком порядочном порту, там имелся кабачок, и моряки не преминули воспользоваться гостеприимством его хозяев. Он был так мал, что часть разношерстной команды, не помещаясь внутри, толпилась под навесами на улице, куда счастливики, попавшие в помещение, передавали им пенистый эль.

Джейми все время ходил в одиночестве по мысу. Никто толком не видел его – он приходил только пообедать. Когда он наконец усаживался у огня, пар, поднимавшийся от его мокрой одежды, скрывал его грустные глаза и напряженную складку между бровей.

Ждали только Фергюса, все остальные были на месте. Казалось, что все матросы не особо тяготятся непредвиденной задержкой, и только Джейми и капитан с нетерпением ждут команды к отплытию. Капитана Рейнса нанял Джаред. Если Джейми непрестанно топтал камни мыса, то немолодой низенький капитан торчал на палубе, попеременно взглядывая то на барометр, то на низкое небо, будто ища подтверждения своим мыслям.

– Ого, англичаночка, что это у тебя так пахнет? – заметил Джейми, проходя мимо моего стола с разложенными снадобьями.

– Это имбирь. Свежий. – Я как раз измельчала в плошке корень имбиря и решила просветить Джейми, с какой целью я это делаю. – Говорят, что отлично помогает при морской болезни. Хочу проверить.

– Да-а? – недоверчиво протянул Джейми. – Дай-ка я.

Схватив мою плошку, он сунул нос в мелко нарезанную приправу и, вне сомнения, начал безостановочно чихать.

– Но-но, это не табак, которым можно набивать нос, – ворчала я, отбирая у него плошку, боясь, чтобы он не рассыпал оставшееся снадобье. – Ты должен будешь пить его с чаем, тогда это поможет. Иначе я не знаю, что с тобой делать, кроме как выбросить за борт.

– Миссис, не стоит беспокоиться, поверьте, – встрял в нашу шуточную перепалку один из старых моряков. – Всем новичкам поначалу не очень хорошо, но только первые несколько дней. Потом, как правило, привыкают и уже день на третий-четвертый бегают по палубе и порхают по реям аки птички.

Джейми никак не походил на птичку, но сейчас он выглядел, будто возбужденный воробей, распушивший перья в порыве воодушевления. Он даже кивнул служанке, чтобы ему принесли эль. Что может сделать с человеком надежда!

– Ну да, все может быть. Охотно верю. Джаред, кстати, тоже меня

успокаивал, говорил, что так и есть, мол, если не штормит, то морская болезнь быстро проходит.

Он взялся за кружку с элем и отпил немного, затем еще.

– Дня три продержусь, – храбро заявил он, делая большой глоток.

На следующий день мы заметили шестеро всадников, едущих, судя по всему, в нашу сторону. Косматые горные пони семенили по камням.

– Вот, смотри, впереди Риберн. – Джейми прищурился. – Дальше Кеннеди и Иннес – тот, который без левой руки. Дальше Мелдрум и Маклауд, эти всегда держатся друг друга. Замыкает... Фергюс или Гордон?

– Думаю, что это Гордон, всадник ведь толстый, а Фергюс не такой, – честно ответила я, всматриваясь в едущих верхом, хоть мне и хотелось верить, что это француз.

– Куда подевался Фергюс, черт возьми? Почему задерживается? – Джейми бросился нетерпеливо расспрашивать Риберна, едва тот вместе с другими контрабандистами представился морякам и сел за стол, где его ждала вкусная еда и бокал.

Жуя пирог, Риберн отвечал:

– Ммм, он сказал, что занят, дело есть одно. Мне велел купить лошадей, вот этих, и ждать Мелдрума и Маклауда, ну чтобы уговориться ехать сюда. Вот, стало быть, я и стал ждать, да их-то не было долго, на лодке ходили, пришлось ждать денек-другой...

– Какое еще «одно дело»? Чем он может быть занят? – взвился Джейми, но Риберн ничего не мог ответить на это.

Гэльское проклятие донеслось до нашего слуха, но Фергюс, конечно, не мог его слышать. Джейми продолжил ужин в молчании. Выходит, недоставало только француза – все остальные были готовы к отплытию. С утра команда принялась за последние приготовления. Мне было в новинку смотреть, как моряки вместе с контрабандистами снуют по палубе, выскакивают из люков и вновь пропадают там, лезут по реям или спрыгивают с них. Признаться, я чувствовала себя чужой среди этих деятельных людей и нигде не могла приложить усилия и чем-то помочь, но Джейми, казалось, чувствует то же, что и я. По крайней мере, он ни во что не вступал и стоял возле штурвала, всякий раз предлагая помощь, когда видел, что может потребоваться физическая сила. Впрочем, команда прекрасно справлялась сама, поэтому Джейми стоял, смотря на дорогу, по которой должен был приехать Фергюс.

– Отправимся в полдень, пока не пропустили прилив, – твердо произнес капитан Рейнс. – Барометр падает, а это значит, что через сутки погода переменится, да и шею ломит, а это верный знак.

В подтверждение своих слов он поднял глаза на небо, ставшее уже свинцовым, тогда как еще на рассвете оно было цвета олова.

– В шторм пойдет только круглый дурак, а я им не являюсь. Если вы хотите добраться до Вест-Индии в кратчайшие сроки...

– Капитан, я понимаю. Я не ограничиваю вашу свободу действий. В конце концов, я всецело полагаюсь на вас, потому как не смыслю ничего в морском деле. Вы вправе принимать любые решения, предварительно известив о них меня. Да, мы отплываем в полдень.

Закончив эту тираду, Джейми шагнул назад, пропуская матроса. На том и порешили.

Я внимательно наблюдала за Джейми: он выглядел сосредоточенным, но было кое-что, что выказывало его волнение, – он стучал негнущимися пальцами по бедру так, что даже посторонний человек заподозрил бы что-то неладное. Оно и неудивительно: Фергюс не отдалялся от хозяина ни на минуту, а если его не было, значит, он выполняет поручения Джейми. Первым таким поручением был перехват писем Карла Стюарта – для этого Джейми и нанял смышленного мальчонку из борделя.

Кроме того, с момента рождения Эуона-младшего француз жил в Лаллиброхе, поэтому отсутствие еще и Фергюса заставляло Джейми изрядно волноваться. Фергюс никогда не знал своего отца, что неудивительно, если учесть обстоятельства его рождения, поэтому Джейми заменил ему отца. Двадцать лет он неотлучно пребывал в семье Фрэзеров. Почему же сейчас он не с Джейми? Что же могло задержать его в пути? Шотландец непрерывно отбивал нервный ритм по перилам корабля, мучаясь теми же вопросами, что и я.

Наступил полдень. Джейми едва заставил себя отвести взгляд от пустынного берега, где не было ни единого намека на то, что на бешеном коне к нам летит Фергюс, или хотя бы на то, что на берегу появилась точка, постепенно превращающаяся во всадника, несущего нам весточку от француза. Матросы уже задраили люки, смотали лини и готовились отдать швартовы. Шесть швартовых толщиной с мое запястье.

Делать было нечего – Фергюс не приехал. Я попыталась отвлечь Джейми от невеселых мыслей и, касаясь его руки, предложила:

– Пойдем вниз, я заварю тебе чаю с имбирем. Выпьешь, успокоишься немного...

С берега донесся долгожданный звук топота копыт: лошадь летела галопом, именно так, как мы и хотели. Правда, всадника еще не было видно, но мы уже знали, кто он.

– Проклятый лягушатник, – отпустил Джейми колкость по адресу

опаздывающего. Я с удовлетворением отметила, что в его голосе слышится радость и облегчение.

Далее Джейми повернул корпус в сторону капитана, ждавшего его распоряжений.

– Прилив продолжается? Мы отчаливаем.

– Отдать швартовы! – раздался зычный бас капитана.

Нас уже ничто не удерживало у причала, напротив: натянулись ванты, а все швартовы мигом были втянуты на палубу и умело смотаны. Паруса с приятным шумом, похожим на взмах крыльев огромной бабочки, развернулись, наполнились ветром и зашумели, зовя в путь, в неведомые страны. Боцман метался между моряками, отдавая команды скрипучим голосом.

– Он тронулся. Пришел в движение! Под килем чудится живое напряжение!^[4] – прокричала я, стоя на дрожащей палубе и вспоминая подходящие строки, как нельзя лучше описывающие происходившее.

«Артемиды» превратилась в живое существо с помощью людей, бывших на корабле. Казалось, члены команды передают ей свою энергию, а паруса придают мощи.

– Боже мой! – Джейми тоже почувствовал эту энергию, но не смог вдохновиться ею.

Схватившись за поручень, он закрыл глаза ладонью, чтобы не видеть, как берег удаляется от него.

– Мистер Уиллоби заверяет, что знает, как тебе помочь, у него будто бы есть какое-то лекарство, – подлила я масла в огонь.

– Угу, – пробормотал Джейми, приоткрыв один глаз и кося им на меня. – Блоха думает, что он самый умный, как же... Я не позволю проделывать со мной эти грязные штучки... Черт побери!

Поскольку последние слова Джейми выкрикнул, глядя куда-то в сторону, я сочла логичным проследить за направлением его взгляда, чтобы понять, что могло разозлить или удивить его. Оказывается, Фергюс спрыгнул на палубу и помогал сойти со схода девушке. Длинноволосая блондинка была Марсали Маккензи – дочерью Лаогеры.

Пока я ловила ртом воздух, не зная, что говорить и что вообще думать по этому поводу, Джейми уже стоял возле парочки и буравил их глазами.

– Фергюс, черт тебя побери, что это такое? Зачем ты ее притащил сюда? Что это значит, будь добр объяснить?

Поскольку на палубе и вообще на корабле кипела жизнь и матросы, заинтересованные в том, чтобы им никто не мешал, могли оттеснить меня от парочки и нависавшего над ними Джейми, я шмыгнула поближе к ним,

чтобы ничего не пропустить и услышать все из первых уст.

– Мы женаты. Поженились сейчас, поэтому я опоздал, – честно объявил Фергюс и встал перед девушкой, будто бы защищая ее.

Француз был бледен как мел, испуган, но в то же время возбужден. Было видно, что он намерен защищать свое счастье, заключавшееся в возможности называть Марсали своей женой.

– Что-о?

Джейми сжал кулаки, и парень чуть не отдавил девушке ногу, отступая.

– Как это вы поженились? Что еще за новость?

Я заинтересованно следила за разыгрывавшейся сценой, но, видимо, не вполне понимала смысл происходящего: Джейми понял все намного быстрее меня и спросил Фергюса, что называется, в лоб:

– Ты что, взял ее? Это ты называешь женитьбой?

Я не могла видеть, что выражает лицо Джейми, но лицо Фергюса изменилось еще больше, из чего я сделала вполне резонный вывод: шотландец даст французам фору.

Щеки Фергюса стали зелеными.

– Милорд... я не... – залепетал он, но крик Марсали оповестил всю команду:

– Да, он спал со мной! Он взял меня! Я его жена!

Джейми недоверчиво покосился на обоих и позвал штурмана:

– Мистер Уоррен, пожалуйста, поверните корабль к берегу, мы должны сбросить балласт.

Штурман был занят – он отдавал приказание команде. Услышав слова Джейми, он опешил и молча смотрел на шотландца. Переведя взгляд на берег, он потемнел: «Артемиды» отошла на тысячу ярдов в море. Шутка ли – вернуться! Утесы, торчавшие из воды, быстро исчезали из виду.

– Мне кажется, что балласт придется оставить на корабле, Джейми. Мы вышли в море с приливом, значит, скоро начнется отлив. Не будем же мы так рисковать, – тихо добавила я.

По счастью, Джейми принадлежал к отходчивым натурам и, проведя долгое время в компании моряков, мог оценить, какому риску он подвергает всю команду и прежде всего корабль. Стиснув зубы, он попытался, а затем мотнул головой в сторону лестницы, по которой можно было спуститься под палубу.

– Идите туда. Фергюс, помоги ей.

Парень и девушка уселись на одной койке, вцепившись друг в друга. Мы находились в моей каюте.

Джейми был напряжен и не хотел даже произносить что-либо, предпочитая сейчас говорить как можно меньше, так что просто показал мне, чтобы я пересела, благо я понимала его без слов. Упершись кулаками в бока, он начал воспитательную работу:

– Ну и? Что скажете в свою защиту, голубки? Кто это вас венчал, хотел бы я знать? Женитьба – что за чушь?

– Милорд, мы действительно женаты, – взял слово Фергюс.

Он все еще был очень взволнован, так что глаза, казалось, светились на мертвенно-бледном лице. Вцепившись в руку девушки своей здоровой рукой, он держал крюк поперек бедра.

– Ну так что же, обряд венчания был?

Парочка обменялась взглядами, новоявленный муж облизал губы.

– Мы... заключили контракт, – проговорил он.

– У нас есть свидетели, – добавила новоиспеченная жена.

Марсали, в отличие от Фергюса, была румяной, то ли от счастья, то ли от гордости за свой взбалмошный характер, то ли от всего сразу. Зная ее, я бы не сказала, что румянец на ее щеках вызван стыдом: кто-кто, а она делала что хотела, руководствуясь только своими чувствами. Впрочем, как и ее мать.

Она выпятила упрямый подбородок, явно не похожий на подбородок матери, в отличие от цветущей кожи и здорового цвета лица, и коснулась корсажа, за которым что-то хрустнуло так, как обычно хрустит бумага, свернутая в несколько раз.

– Здесь брачный контракт. Наши подписи и подписи свидетелей прилагаются.

Джейми рыкнул и заерзал на койке. Формально брак состоялся, ведь шотландские законы позволяют признать парня и девушку мужем и женой, если они заключили брачный контракт в присутствии свидетелей, тогда венчания не требуется.

– Ну хорошо, но раз брачной ночи не было, церковь признает этот брак недействительным.

В кормовое окно были видно, как едва появившиеся утесы тут же скрылись из виду, что свидетельствовало о том, насколько быстро идет «Артемид». Джейми бросил туда быстрый взгляд и медленно проговорил, давая понять, что это его окончательное решение:

– В Льюисе корабль остановится: мы будем пополнять запас еды. Ты, Марсали, сойдешь на берег. Я дам тебе двух матросов в провожатые, мама может не беспокоиться – доберешься домой благополучно.

– Вот еще, нет! Ни в коем случае! – вскинулась Марсали. Она вперила

в отчима глазенки и так же твердо, как и он, заявила: – Я останусь на корабле с Фергюсом!

– Нет, маленькая негодница! Ты сделаешь то, что я сказал. Как ты вообще можешь так поступать с матерью? Бежишь черт-те куда и с кем, не оставив ей ни записки, ни послав весточки...

Марсали с вызовом смотрела на Джейми.

– Ничего подобного, я послала ей записку из Инвернесса. Написала, что отныне я жена Фергюса и что отправляюсь на «Артемиде».

– Мария, наша заступница! Да Лаогера убьет меня! Ты пишешь ей так, будто я посвящен в ваши безумные планы и сам все подстроил!

Хотя Джейми был напуган не на шутку и я понимала, какой может быть реакция Лаогеры на не совсем невинные забавы ее дочери, смотреть, как Джейми беспомощно хлопает глазами и втягивает голову в плечи, было забавно.

– Я просил... леди Лаогеру удостоить меня высокой чести и называть ее дочь своей женой. Когда был в Лаллиброхе в прошлом месяце, – осторожно сообщил Фергюс.

– Ха, не продолжай, я догадываюсь, какую отповедь она тебе дала. – Голос Джейми был сух, а щеки Фергюса наконец запылали. Жутко было видеть этот внезапный переход от бледности к лихорадочному румянцу.

– Она ответила, что не выдаст меня за бастарда! Сказала, что он преступник! И что...

– Но так и есть: Фергюс бастард и преступник. К тому же калека, не имеющий ни доброго имени, ни собственности. Думаю, Лаогера знает об этом. Неудивительно, что она отказала ему в твоей руке.

Возглас Марсали заглушил последнюю фразу Джейми.

– Ну и что, пускай! Он мне нужен, я его люблю. – Взгляд, которым девушка наделила Фергюса, свидетельствовал о любви лучше всяких слов.

Джейми не сразу нашелся, что сказать на это. Повозив пальцем по губам, он поразмыслил, а потом изрек:

– Ты совсем молоденькая. О какой свадьбе может идти речь?

– Я взрослая – мне уже пятнадцать! Неужели этого мало?

– Да, но ему уже тридцать! – отрезал Джейми. – Малышка, нет. Прости. К тому же мы уходим в море надолго. Кто знает, вернемся ли мы...

– Но ты берешь ее с собой! Почему же нельзя мне?

«Она» – это я. Марсали говорила обо мне, даже указала на меня. Хорошо, что не пальцем.

– Какое тебе дело до Клэр? Предоставь это мне, дорогуша. – Джейми был на удивление невозмутим.

– Что ты говоришь? Эта английская потаскуха вскружила тебе голову, и ты бросил маму ради нее! Да она еще и ведьма! О тебе судачит вся округа, а ты говоришь, что это не наше дело? Как ты смеешь теперь указывать мне? Я сама распоряжусь своей жизнью, а ты займись своей шлюхой!

– Смею, поверь. – В голосе Джейми послышались угрожающие нотки – он уже начал закипать. – Я тоже сам хочу распоряжаться своей жизнью, девочка.

– Так и я тоже! Отстань от меня со своими нравоучениями, папочка!

Фергюс, видя, что дело принимает серьезный оборот, встал и попытался увещевать Марсали, но ему плохо это удавалось.

– Ma chère, держи себя в руках. Не нужно так говорить с милордом. Он...

– И ты не указывай мне! Я сама решу, как с ним говорить! И вообще, я говорю так, как он заслуживает.

– Нет, он не заслуживает!

Марсали хотела было парировать, но осеклась. В свои тридцать Фергюс был не намного выше ее, но в его словах слышалась какая-то внутренняя сила, заставлявшая в критические моменты прислушиваться к его советам, превращавшимся тогда в распоряжения. Благодаря этому он выглядел сильнее и значительнее.

– Нет, он не заслуживает такого отношения к себе, – рассудительно повторил он. – Сядь, ma petite^[5].

Когда Марсали села снова на койку, француз принялся объяснять ей свое отношение к Джейми. Меня тронул этот рассказ.

– Милорд почти отец мне, даже больше чем отец. Он не раз спасал мне жизнь, поэтому я верен ему как собака. И он твой отчим, а это обязывает тебя выполнять его приказания. Пускай вы и не живете сейчас как одна семья, но он поддерживает твою мать, тебя и твою сестру, а это многого стоит. Он заслуживает только уважения. К тому же он не выгнал нас, как видишь, хотя мог бы, поскольку я, его слуга, ничего не сказал ему о своих планах и он будет вынужден объясниться с твоей матерью.

Слушая это, девушка хмурилась и кусала губы, но молчала: Фергюс был кругом прав. Когда парень закончил говорить, она повернулась голову в сторону Джейми, но не стала смотреть на него.

– Прости, – выдавила она. – Теперь можно было спокойно поговорить.

– Ничего, девочка, это ничего, – проговорил Джейми с хрипотцой. – Но, Марсали, я буду вынужден все-таки отправить тебя к матери.

– Нет, я не вернусь к ней.

Дыхание ее уже пришло в норму, но взгляд был упрям. Она решила стоять на своем до конца. Посмотрев поочередно на мужчин, она заявила:

– Он не признался, что мы спали, но я правда отдалась ему. По крайней мере я скажу об этом дома. Так что либо я выйду за него, либо приму позор.

Логика Марсали была безупречна, нужно отдать должное изобретательности юной любовницы, а тон ее не терпел возражений. Услышав такое, Джейми закрыл глаза:

– Господи, избавь меня от женщин, особенно взбалмошных и молоденьких. – Открыв глаза и тяжело вздохнув, он с недоверием посмотрел на падчерицу, но, встретив упрямую решимость в ее взгляде, махнул рукой.

– Что ты будешь делать... Черт с вами, женитесь, коль уж так хочется! Только чур все как положено, с венчанием. Думаю, в Вест-Индии можно будет найти хорошего священника. Только я ставлю условие: пока святая церковь не признала брак действительным, вы будете спать в разных каютах. А тебе, Фергюс, я даже запрещаю касаться ее, ты понял меня?

Джейми подкрепил свое требование свирепым взглядом.

– Ах, милорд, merci beaucoup!^[6] – просиял француз.

Марсали же надула губки, что означало ее несогласие с постулатом Джейми, но вовремя оценила свои возможности и решила довольствоваться малым. Опустив очи долу и послав мне украдкой взгляд, она тихонько пролепетала:

– Хорошо, отец, спасибо.

Эти события отвлекли внимание Джейми, и он, по-видимому, на время забыл о том, что путешествует на корабле. К сожалению, осознание этого прискорбного для него факта вернулось к нему слишком быстро. Я отмечала, как он зеленеет и меняется на глазах, но все мои попытки отцепить его руки от палубы были безуспешными: мой муж не хотел покидать палубы, пока вдали еще виднелись родные берега.

– Как знать, может, я вижу Шотландию в последний раз, – поделился он своими опасениями. Это был его ответ на мои убеждения, что ему стоит пойти прилечь, потому что его непрестанно рвет.

Линия берега неуклонно удалялась из виду, и это было еще одной причиной для тревоги Джейми, которая усугублялась пониманием обреченности всего предприятия, может быть, всей жизни.

– Не в последний, уж поверь мне. Я точно знаю: ты вернешься в родные края, правда, не могу сказать тебе даты.

Джейми вытаращился на меня, затем, сообразив что-то, растянул губы

в слабой улыбке:

– Понимаю. Ты, наверное, видела мою могилу, да?

Мгновение я колебалась, стоит ли говорить ему, но Джейми не был расстроен, поэтому я молча кивнула.

– Хорошо, я не боюсь. – Он помолчал и попросил: – Но не говори только... ты понимаешь... не хочу.

– Если бы и хотела сказать, то не смогу – не знаю. Там не были указаны даты, просто два имени, твое и мое.

– И твое?

Он вытаращился на меня, и было непонятно, чего больше в этом взгляде: испуга или удивления.

Переборов себя и сглотнув подступавшие к горлу слезы, я опустила и подняла голову. Я видела брачный камень, на котором были высечены наши имена, но только одну его половину. Вторая должна была замыкать дугу.

– Там были перечислены все твои имена. Так я поняла, что это ты. А в конце было написано «Любящий муж Клэр». Тогда я не поняла, зато понимаю сейчас.

Джейми тоже кивнул, осознавая то, что я сказала ему.

– Хорошо... Это значит, что я вернусь домой и буду твоим мужем. Выходит, можно не переживать когда. А уж если я вернусь в Шотландию, то только с мальчонкой, с Эуоном, и не иначе, англичаночка. Ты принесла мне хорошую весть.

– Конечно, мы вернемся вместе с мальчиком. – Положив руку на плечо мужа, я тоже смотрела, как вересковая Шотландия подергивается туманной дымкой.

Когда наступил вечер, мы уже были достаточно далеко в море и не видели родной земли, да и сгущавшийся сумрак не дал бы нам рассмотреть ее, если бы она и была видна. Тогда-то Джейми, чье лицо к тому времени приняло цвет свежестыранной и накрахмаленной простыни, позволил уложить себя в постель, не имея больше отговорок против лечения. Здесь оказалось, что уговор Джейми с молодой парой имеет неожиданные последствия.

Поскольку Фергюс и Марсали, согласно уговору, не должны были жить в одной каюте, я поместила девушку у себя, а Джейми, соответственно, парня: на корабле было только две отдельных каюты. Удивительно, но это обстоятельство очень осложнило наше путешествие.

Мне казалось, что проявления морской болезни сгладятся, если Джейми не сможет видеть движение линии горизонта, смещающейся из-за качки, но, к сожалению, моим надеждам не суждено было сбыться.

– Господи, снова? – забормотал Фергюс, лежа на койке и опираясь на локоть. Была глубокая ночь, но Джейми было все так же плохо. – Он ведь целый день просидел на одной воде! Разве так бывает?

– Раньше я тоже думала, что так не бывает, – проворчала я, пытаюсь вынести тазик из тесной каюты, не опрокинув его содержимое на себя и не задохнуться.

Мне было в новинку идти по палубе – я еще не приучилась держать равновесие при качке, а тут еще и ноша.

– Миледи, дайте я, – пришел мне на помощь Фергюс.

Он сел на постели, затем поднялся на ноги, но пошатнулся и чуть не сшиб меня.

– Миледи, ступайте отдохнуть. – Француз отобрал у меня тазик. – Я займусь милордом. Не переживайте.

– Вообще-то...

Возможность поспать, предоставляемая Фергюсом, выглядела очень заманчиво. Приходилось нелегко, но я не могла сдаться и пойти отдыхать, когда нужно было заниматься Джейми.

– Англичаночка, не выступай. Иди. Мы справимся. – Джейми был в поту, и в свете масляной лампы казалось, что он белый, словно призрак.

Признаться, я не была уверена в том, что с помощью Фергюса он справится, если не смог справиться с моей, но француз мог сделать все необходимое, то есть то, что можно было сделать при морской болезни, средства от которой нет. Джаред говорил, что в Атлантике качает не так, как при выходе из портов. Хотелось верить, что это правда, иначе...

– Ладно, уговорили. – Взвесив все, я решила уступить. – Надеюсь, что утром будет немного лучше.

Один открытый глаз Джейми сверкнул злобой, а его обладатель нахохлился и задрожал.

– А я надеюсь, что умру к утру.

Я не стала разубеждать его в этом и отправилась в темноту прохода, где споткнулась обо что-то. Этим чем-то оказался китаец – он спал у двери свернувшись калачиком. От неожиданности он издал звук удивления – видимо, он рассчитывал, что никто не потревожит его сон, и намеревался провести здесь всю ночь, – на четвереньках вполз внутрь каюты и свернулся вокруг ножки стола, несмотря на протесты Фергюса, мгновенно уснув.

Предназначенная мне каюта располагалась напротив сходней, так что я быстро добралась до нее, но мне не хотелось сразу же лечь: с верхней палубы шел свежий воздух, привлекавший меня. Корабельные доски

скрипели и трещали, паруса хлопали и щелкали, снасти завывали, а люди, которых было почти не слышно за этим разнообразием звуков, кричали далеко на палубе.

В каюте уже спала Марсали. Она не проснулась, хотя из двери потянуло холодным воздухом, и я обрадовалась, что не придется говорить с ней. Жаль, что все сложилось так, и в ночь, которая должна была стать брачной, девочка спит не с мужем, а одна, да еще и под бдительным присмотром отчима и его жены. С другой стороны, у них с Фергюсом впереди еще столько ночей.

Из-за холода, царившего в каюте, я не стала снимать с себя одежду и так и улеглась на койку. Звуки не утихали, кроме того, у меня над головой шумел океан: корпус «Артемиды» рассекал воду и она плескалась, успокаивая и даря надежду на скорое прибытие в Вест-Индию. Дул, не стихая, ветер. Не утихал Джейми, все так же страдая. Под эти звуки я и уснула.

«Артемиды», будучи восьмидесяти футов в длину и двадцати пяти в ширину, несла на себе шесть тонн шкур, сорок две бочки серы, тяжеленные листы меди и жести, а также нас – тридцать двух мужчин и двух женщин. Разношерстная команда пыталась поддерживать чистоту и порядок, но это не удавалось: на второй день я встретила крысу и не могу сказать, чтобы эта встреча была очень приятной. Фергюс заметил, что эта гостья, проникшая в трюм, еще маленькая, однако я была не рада ей. Мои снадобья по ошибке погрузили в трюм вместе с другими ящиками, так что я отправилась искать их и была неприятно поражена тем, что грызуны могли повредить мой ящик, да и вообще тем, что на корабле не обошлось без вездесущих крыс. Кстати говоря, не только их: ночью я слышала, как в каюте кто-то копошится, но не могла понять источника издаваемых звуков. Посветив, я поняла, что это тараканы и что их довольно много, несколько дюжин, но не успела ничего сделать – они немедленно разбежались, как только я зажгла светильник.

Гальюны, наспех сколоченные из досок, располагались по обе стороны от носа корабля и были, собственно, кабинками с дыркой в полу. Самым пикантным было то, что человека, посетившего гальюн, могло обдать водой, ведь кабинка размещалась прямо над волнами. Если исходить из гигиенических соображений, это было правильно, но если из психологических, то нет. Это вкупе с провизией в виде солонины и галет способствовало тому, что большая часть команды страдала запорами.

Штурман мистер Уоррен убеждал, что матросы ежедневно дряют палубы, полируют металл, какового на корабле было немного, и что

стараятся изо всех сил что касается поддержания порядка. Я же думала, что даже ежечасное мытье палубы не могло помочь, если из тридцати четырех людей мылся только один.

Это настроило меня на определенный лад, который нарушило посещение камбуза, куда я пришла за кипятком.

На «Артемиде» царил неряшливый полумрак, а здесь медь кастрюль и чанов, словно светящихся изнутри, выедала глаза. Кухня сияла и сверкала, и мне понадобилось время, чтобы глаза смогли рассмотреть убранство камбуза.

В стенки были вделаны полки и шкафы, то есть даже при шторме за сохранность посуды можно было не беспокоиться. Банки со специями, сложенные в стекло, были укутаны в войлок и поставлены над кастрюлями, чтобы обезопасить падение. Разнообразные ножи, тесаки и вертела были приспособлены для разделывания и приготовления любой, даже самой крупной туши. Срезанные верхушки репы находились в глиняных плошках и стеклянных стаканах. Подумать только, здесь росла и зелень! Котел с каким-то варевом издавал приятные звуки и запахи. Хозяин же этих хором стоял посередине, явно не желая пускать меня в свои владения, и буравил меня тяжелым взглядом.

– Вон! – бросил он.

– Здравствуйте. Я – Клэр Фрэзер, – придала я голосу теплоту.

– Вон! – Видимо, других слов я не удостоилась.

– Я – Клэр Фрэзер, жена суперкарга, и выполняю функции корабельного хирурга в этом рейсе. – Теперь в моем голосе звучал металл. – Мне нужно шесть галлонов кипятка, чтобы вымыть голову.

Кок прищурил голубые глазки и пронзил меня взглядом, жалея, что он не василиск.

– Я – Алоизий О’Шонесси Мерфи, кок этого корабля. И я только что выдраил палубу. Так что убирайся вон. Женщины не топчут полы моего святилища. Мой закон суров, но справедлив.

Я прикинула соотношение сил: Мерфи – косая сажень в плечах – был малость ниже меня, но зато фута на три толще. Его голова походила на ядро пушки, а вместо одной ноги была деревяшка. Он посылал мне убийственные взгляды в надежде, что я испугаюсь и покину камбуз.

Я шагнула назад – ровно шаг, не больше – и оказалась в коридоре, откуда продолжила наступление:

– Тогда пошлите мне воду с кем-нибудь из ваших помощников.

– Ха, пошлю. Если захочу, – отрезал он и отвернулся, выказывая всяческое презрение к моей персоне. И то дело: ему нужно было

разделявать баранью тушу, чем он не мешкая занялся.

Мистер Мерфи застучал тесаком по колоде, где лежала баранина, затем не глядя привычной рукой стащил с полки какую-то банку со специями и сыпанул на мясо. Запахло специями – это был шалфей. Тесак продолжил работать над луковицей, добавившей свой запах к предыдущим. Капитан Рейнс недаром выглядит так хорошо: при таком поваре это неудивительно.

Я сунулась в дверь, но не зашла, а осталась в коридоре.

– Теперь кардамон. Целый мускатный орех урожая этого года. Экстракт аниса, тоже свежий, – диктовала я. – Имбирь, корень. Две штуки, большие, без пятен.

Кок замер, но не обернулся. Стук ножа по колоде прекратился.

– Штук шесть целых ванильных цейлонских бобов.

Мерфи обернулся, вытирая руки о грязный кожаный фартук. Следовало сказать, что его одевание не отличалось чистотой.

Я могла видеть широкое румяное лицо и жесткие песочные бакенбарды, окаймлявшие его. Губы были поджаты, и по ним не замедлил пройти язык в нервном жесте.

– А шафран?

– Конечно, нужен. Пол-унции, – с готовностью ответила я, внутренне торжествуя.

Мерфи вздохнул и предложил:

– Мэм, там в коридоре коврик, воспользуйтесь им, и прошу на камбуз.

Фергюс принес столько воды, сколько смог и сколько позволил кок, но этого хватило только на голову. Помыться я не могла, поэтому вернулась к себе, чтобы посмотреть, что можно сделать без воды. Марсали уже не было – видимо, девчонка убежала к возлюбленному. Тяжко же им приходится.

Причесавшись и продезинфицировав ладони с помощью спирта, я прошла к Джейми, надеясь, что ему захотелось кушать или хотя бы пить, но эта надежда была иллюзорной.

Каюта, где ютились мы с девушкой, была самой просторной, ведь там каждая могла располагать шестью квадратными футами, правда, вытянуться на койке могла только Марсали, а я спала скрючившись и согнув ноги.

Постели Джейми и Фергюса были похожи на наши. Джейми, свернувшись в комочек при своем росте, был жалок, эдакая бледная рыжая улитка с серым лицом. Когда он зеленел, это составляло жуткий контраст с рыжей шевелюрой. Заслышав шаги, он послал мне туманный взгляд и закрыл глаза.

– Все плохо? – то ли спросила, то ли констатировала я.

На мою реплику Джейми открыл один глаз и даже рот, но передумал и выдал только «да».

Я провела было по его волосам, но эта ласка не подействовала на него, я не знаю даже, почувствовал ли он ее.

– Хорошие новости: капитан сказал, что завтра море утихнет, – я обнадежила мужа.

Отчасти это было правдой: качка хотя и ощущалась, море постепенно успокаивалось.

– Угу. Может быть. – Глаза его были закрыты по-прежнему. – Но я уже умру. Скорее бы, намучился.

– Знаешь, думаю, что ты ошибаешься. То есть ты, конечно, намучился, но и не умираешь! Кстати говоря, я не знаю случаев, когда бы умирали от морской болезни. Но если что, ты будешь первым.

– Не только от нее...

Джейми заставил себя подняться на локте, побелев и покрывшись испариной. «Плохо дело», – подумала я.

– Клэр, берегись. Осторожнее. Нужно было, чтобы ты знала раньше, но я молчал, ты бы волновалась, а...

Он изменился в лице, и я поспешно подставила тазик.

– Боже...

На подушки он приземлился белее полотна. Любое усилие было утомительно для него, а непрерывная рвота просто изматывала.

– Что мне нужно было знать? – Тазик был поставлен недалеко – возле двери. – Вообще-то стоило сказать об этом раньше, до отплытия.

– Я надеялся, что будет лучше.

– Я тоже, – съязвила я. – Ну так что там у тебя, выкладывай.

– Обратись к французу. Передай – я разрешил рассказать. Скажи еще, что с Иннесом все в порядке, он чист.

– В каком смысле чист? Я чего-то не понимаю? Что за секреты?

Среди симптоматики морской болезни нет делирия. Это давало повод для беспокойства.

Джейми с трудом смог сфокусировать взгляд на моей скромной персоне. От этого ничтожного дела он весь покрылся потом.

– Иннес вне подозрений. Не он хочет убить меня.

– А кто хочет? Что происходит?

Я тоже вспотела.

Джейми не бредил – лихорадки не было, глаза ясные, в конце концов, он узнавал меня.

– Кто хочет твоей смерти? Ты знаешь? – Мне показалось, что на меня кто-то смотрит, расценивая как потенциальную жертву.

– Нет... Не знаю.

Начался новый позыв рвоты, но Джейми смог его подавить, закусив губу.

– Фергюс, его спроси. Лично, – прошептал он. – Он скажет, он знает все.

Выходит, ему грозит опасность, а я ничего об этом не знаю! И не могу ничего сделать для предотвращения убийства...

– Пускай он придет сюда – не хочу оставлять тебя одного.

Джейми медленно выпростал согнутую руку и сунул ее под подушку, извлекая оттуда кортик. Даже сейчас, крайне обессиленный, он уверенно держал оружие.

– Я постою за себя. Иди ищи Фергюса. Это важно. Ступай, англичаночка, оставь меня. Они не посмеют днем, при всех. Или вообще не посмеют.

Сейчас он был похож на изваяние на надгробии, неподвижный, в позе, выражающей решимость.

– Ступай. – Я поняла это слово по одним губам – голоса не было слышно.

У входа что-то шевелилось, это опять был китаец, сидевший с поднятыми коленями. Увидев меня, он произвел подобие поклона, какой только был возможен в его положении: развел колени и сунул голову между ними.

– Госпожа не бояться, нет. Моя караулить. Первая жена идти смело, быть смело, – заверил он свистящим шепотом.

– Хорошо, спасибо, – растерянно поблагодарила я, занятая мыслью, где бы найти француза.

Фергюс, конечно же, стоял вместе с Марсали. С кормы они смотрели на белых птиц, сопровождавших корабль. Первым делом он сказал, что не уверен, что кто-то покушается на жизнь Джейми.

– Бочки на складе могли взорваться сами по себе, это не редкость, такое часто случается, равно как и пожар в хлипком сарае...

Я дернула его за рукав.

– погоди. Что у вас там произошло? Ты можешь мне объяснить, что, где и когда взрывалось, а что горело?

– Разве милорд не сказал? – вскинул брови француз.

– Милорд сейчас ни на что не годен. Он направил меня к тебе, сказал, что поручает расспросить, мол, ты все знаешь.

Фергюс осуждающе покачал головой.

– Милорд не меняется. Сколько я его знаю, он говорит, будто может управлять своим желудком силой воли и не заболевает, но всегда заболевает, как только корабль отходит от пристани футов на девять.

– Ого, я такого не знала. – Джейми не переставал меня удивлять. – Надо же, какой упрямец!

Марсали прикидывалась, словно меня здесь нет, и настаивала на своей отстраненности, но не могла не слышать разговора, а услышав, не смогла сдержаться и не засмеяться. Правда, заметив, что я смотрю на нее, она быстро перевела взгляд на морской простор.

Фергюс сочувственно улыбнулся.

– Миледи, вы ведь знаете его. Он такой и ничего не попишешь. – В его голосе слышались любовь и преданность. – Даже будучи при смерти, будет молчать.

– Ну поди посмотри на него сейчас. Вид – лучше всяких слов.

Произнося эту колкость, я чувствовала удивление и благодарность. Фергюс неотлучно находился при Джейми в течение двадцати лет, но тот не раскрыл своего секрета, считая морскую болезнь постыдной слабостью, в которой зазорно признаваться. Я бы знала, что он умирает, не только потому, что я врач.

– Ох уж эти мужчины...

– Мадам?

– Нет-нет, ничего, продолжай. Бочонки и пожар, – напомнила я.

– Разумеется.

Француз убрал напозавшие на лоб волосы крюком.

– Это произошло у мадам Жанны, в аккурат за день, как вы вернулись.

Значит, в день, когда я приехала в Эдинбург, причем за пару часов до моей встречи с Джейми в печатне. Той ночью Джейми, Фергюс и еще шестеро проводили бернтислендскую пристань, где среди кулей с мукой были спрятаны бочонки с мадерой.

– Она пропитывает дерево позже, чем другие вина. С бренди так не выйдет – собаки учуют. А мадера, залитая в бочонки, является вполне невинным товаром.

– Собаки? Чьи собаки?

– На таможне появились собаки, натасканные на табак и бренди, – то, что больше всего любят контрабандисты. Вернемся к нашим баранам. Мадеру мы пронесли спокойно, без происшествий. Припрятали на складе – его формально держит лорд Дандас, а по факту – милорд и мадам Жанна.

– Понимаю. – Я вновь ощутила, как падает сердце. Именно так, как

оно падало тогда, когда мадам Жанна узнала Джейми и отперла ему. – Они в доле?

– Можно сказать и так. – Фергюс с сожалением добавил: – Милорд имеет всего пять процентов, хотя он нашел это место. Зато мадам располагала живыми деньгами. Быть печатником – оно, знаете ли, не так прибыльно, как держать заведение.

Марсали продолжала смотреть на море, но подняла плечи.

– Наверное, так оно и есть.

Мадам Жанна далеко, в Эдинбурге, а мы здесь!

– Продолжай, пожалуйста. Милорду грозит опасность, а мы здесь рассусоливаем.

– Да, миледи. Мы спрятали товар, его осталось только замаскировать и продать. На рассвете все контрабандисты должны были разойтись, а пока пробавлялись напитками. Двое попросили денег, чтобы уплатить по долгам или купить еды семьям. Милорд пошел за золотом в каморку напротив.

Контрабандисты не смогли насладиться выпивкой: крепёжная решетка не выдержала веса стоявших на ней бочек и треснула. Маклауд, лучше других знавший тонкости складского дела, вовремя крикнул, чтобы люди легли. Бочка с элем весом две тонны скатилась с пирамиды, развалила ограждение и лопнула. За ней покатались другие.

– Милорда спасла Пресвятая Дева, не иначе. Он как раз проходил мимо пирамиды.

Лопнувшая бочка упала в паре дюймов, а когда начали падать остальные, Джейми прыгнул в пустую винную клеть.

– Понимаете, миледи, такое часто случается, – пояснял француз. – Нельзя сказать, что это редкость. В год с десятков складских работников Эдинбурга гибнет именно так. Но был и второй инцидент – пожар.

Это произошло за неделю до события на складе. Джейми работал тогда в сарайчике с упаковочной соломой. Перед дверью висел светильник, который внезапно упал и вызвал возгорание. Между Джейми и выходом возникла стена огня.

– Сарай был старым, а доски – гнилыми. Милорду достаточно было пробить дыру в стенке ногой, чтобы выбраться наружу. Похоже, очень похоже, что светильник упал сам, да только милорд говорит, что слышал не то выстрел, не то что-то подобное, а потом возникло пламя.

Фергюс наклонил голову, вздыхая. Очевидно, он сидел у постели Джейми ночь напролет.

– Мы не знаем, – признался он. – Все может быть. Похоже на случайности, даже если они следуют одна за другой. Но если соотнести с

той засадой и убийством таможенника, то слишком много совпадений, – справедливо рассудил француз.

– Кто-то предал вас? Кто-то, кто входит в число контрабандистов?

– Да, миледи, скорее всего. Но милорда заботит больше тот неизвестный, кого пристрелил китаец.

– Думаете, что это таможенник, следивший за Джейми до самого борделя? Но ведь при нем не нашли никаких документов.

– Вряд ли бы он носил их при себе, – оборвал меня Фергюс. – Зато у него была брошюра.

– Евангелие? Ну и что? Мало ли кто носит Новый Завет в кармане?

– Это Евангелие является лучшим документом, миледи, – оно напечатано Александром Малкольмом.

– Теперь ясно...

Фергюс кивнул, подтверждая мое предположение.

– Если корона следует по пятам за контрабандным бренди и раскрыла место его хранения, это одно. Это плохо, но с этим можно жить. Товар можно перепрятать, в конце концов милорд знает несколько трактиров, чьи хозяева будут готовы помочь нам, за деньги или за услугу.

Он оборвал себя жестом.

– Впрочем, неважно. Но если Джейми Рой, контрабандист, и мистер Малкольм, печатник, – одно лицо, то есть таможенники поняли это, это совсем другое, и последствия могут быть очень, очень печальными. Вы понимаете, миледи, – развел руками француз.

Конечно же, я понимала. Все, что связано с контрабандой, можно было придержать на время: отпустить людей по домам, отменить все встречи, перепродать товар или вовсе не заниматься пока незаконной торговлей, быть простым и честным печатником. Но в случае, если власть свяжет воедино обе эти линии... Оба источника дохода пропали бы, ведь Джейми не смог бы никому поручить выполнять эти функции за себя. И, что самое важное, враги смогли бы узнать его настоящее имя, что было вовсе не сложно. А где имя, там и прошлое, а где прошлое, там и тюремное будущее. Выходит, что человек, печатающий бунтарские прокламации, и торговец незаконным алкоголем – одна и та же личность, и эта личность – мятежник из Лаллиброха, ранее судимый и наказанный за измену. Каждый из этих пунктов тянул на виселицу, а вкупе они давали основания проделать это с десяток раз.

– Таким образом, когда милорд предлагал мне и маленькому Эуону пожить во Франции, он переживал из-за этих событий, верно?

Фергюс дал мне успокоение. От мысли, что Джейми тревожится не

только за свою семейную жизнь, связанную с разводом и дележом имущества, у меня потеплело на душе. Доселе я чувствовала себя виноватой за то, что являюсь причиной отъезда Джейми, а оказалось, что к этому его вынудили обстоятельства.

– Верно. Мы можем только подозревать кого-то из контрабандистов, но ничего не знаем наверняка, как не знаем и того, угрожает ли милорду опасность на корабле или где-либо еще.

– Да, это необходимо знать.

Следовало различать предательство из корыстных мотивов, ради денег и по идейным причинам, то есть основанное на личной мести или на своеобразном понимании справедливости. Во втором случае этот человек может восстановить справедливость самостоятельно, не дожидаясь королевского суда.

– Тогда можно подозревать кого-то из тех шестерых, что мы и делаем. Милорд пригласил их на «Артемиду», но они побывали во всех предыдущих переделках, когда жизнь милорда была в опасности, – во время пожара и падения бочек. И все заходили в заведение мадам Жанны.

Фергюс помолчал, сопоставляя факты.

– И все были на дороге у аббатства в ту ночь, когда на нас напали из засады и когда нашли удушенника.

– А о печатне они знают?

– Нет, миледи, никто! Милорд очень осторожен в таких вещах и никого не ставил в известность. Впрочем, они могли последовать за ним на городских улицах, если бы захотели, и узнать, что Джейми Фрэзер время от времени живет жизнью печатника Александра Малкольма.

Фергюс ухмыльнулся, замечая:

– Милорда легко узнать на улице.

– Да уж, легко. Но ты заметил, что капитан Рейнс называет Джейми по фамилии? То есть все контрабандисты знают его настоящую фамилию, знают, что Рой – это Фрэзер!

– Это так, – помрачнел француз. – Поэтому так важно узнать, кто предатель. Если он есть среди нас.

Эти слова заставили меня встrepенуться. Я привыкла, что Фергюс всегда был десятилетним мальчишкой с беличьими зубками или хотя бы беззаботным подростком, охочим до удовольствий, а он вырос за это время и возмужал. Теперь он волнуется за своего милорда и готов порвать глотку любому, кто будет представлять опасность для Джейми. Фергюс становился опасен, и можно было только порадоваться, что он на нашей стороне.

Марсали упорно созерцала море, хотя там не было ничего интересного. Она не желала беседовать с нами, да и о чем? Хватило с нее и того, что в нашем с Фергюсом разговоре упоминалось столько опасностей, прошлых и будущих, а ее избранник не желал отходить ни на шаг от милорда, желая разделить с ним любую участь, вплоть до повешения. Худые плечи девушки то и дело содрогались. Я была уверена, что не утренний холод тому причиной. Наверное, Марсали не думала, какая кутерьма может завязаться вокруг Фергюса и Джейми, и уж тем более не предполагала, что ей самой может грозить опасность, исходящая от предателя, потенциально находившегося на «Артемиде».

Я предложила французу отвести возлюбленную вниз, в каюту, и предупредила, что отлучусь на какое-то время.

– Миледи, но милорд? Он не...

– А я как раз не к нему иду – хочу заглянуть к Мерфи на камбуз.

– Но зачем? – искренне удивился Фергюс.

– Хочу узнать, сможет ли что-нибудь предложить Алоизий О’Шонесси Мерфи от морской болезни. Возможно, нам удастся сделать для него что-либо, ведь пока он лежит, его шансы на спасение уменьшаются. Его следует поставить на ноги хотя бы потому, что он должен будет дать отпор врагам.

Мерфи были предложены унция сухой апельсиновой корки и бутылка красного вина высшего качества, какое только мог гарантировать Джаред. Удовлетворенный этим, он вызвался помочь в деле кормления Джейми, причем именно вызвался: для кока человек, не желавший ничего есть, представлял практический интерес и в некотором смысле вызов. Мерфи рассматривал содержимое разнообразных баночек и скляночек как полезные средства, но Джейми упорно отказывался принимать пищу.

Штормов, слава богу, еще не было, но ветры дули по-зимнему, нагоняя мутные волны. «Артемиде» то взлетала на десять футов вверх, то снова падала. Смотреть на то, как линия горизонта поднимается и падает, было жутковато даже мне, не говоря уже о больном.

Обещания Джареда не подтвердились, и Джейми все так же лежал дни напролет в своей койке. Китаец и француз сторожили его покой, если это можно было назвать покоем, и тазик, всегда стоящий поблизости.

Контрабандисты соболезнавали, но других чувств не выказывали, так что заметить что-либо неладное было невозможно. Каждый из них приходил в каюту к Джейми, где был подвергнут тайной слежке, но наши наблюдения не дали результатов.

Я проводила дни, занимаясь пациентами, число которых не

ограничивалось Джейми Фрэзером. Ко мне приходили ударившиеся, порезавшиеся, те, у кого болели зубы или кровоточили десны, – я не сидела без дела. Мистер Мерфи предоставил мне возможность готовить снадобья в камбузе, а попутно с лечением я осматривала корабль.

Марсали исчезала из каюты рано утром, до рассвета, но, вернувшись вечером, я заставляла ее спать. Наши встречи ограничивались совместной трапезой, во время которой девица демонстрировала в лучшем случае враждебность и не скрывала своего неприязненного отношения ко мне. Я объясняла это двумя причинами: во-первых, обида за мать, во-вторых, необходимость ночевать со мной, а не делить ложе с возлюбленным. Что из этого было важнее, я не знала.

«Удивительно, – отметила я себе, – но Фергюс сдерживает свой пыл». Ради того, чтобы сдержать обещание, данное милорду, он готов был пойти на такие жертвы, хотя, если вдуматься, мог бы преспокойно нарушить запрет – Джейми не в состоянии был помешать ему.

– И это?! – Мистер Мерфи помрачнел. – Да это же бульон, от одного запаха которого вставали умирающие!

Забрав жестяную кружку из рук Фергюса, он понюхал зелье и дал понюхать мне.

– Миссис, судите сами: здесь мозговая косточка и кусочек свиного сала, чтобы придать аромат, чеснок и тмин. Очень щадящая штука – процеживается через марлю, чтобы большие куски не попадали в кружку. Но их там нет, в том-то и дело!

Бульон, предложенный Мерфи для Джейми, был превосходен: золотисто-коричневого цвета, почти прозрачный и издававший такой непередаваемый запах, что мне немедленно захотелось испробовать его, несмотря на сравнительно недавний завтрак. Мерфи был специалистом и по диетическому питанию тоже, поскольку его выписали для капитана Рейнса, которому требовалась легкая и полезная пища.

Кок «Артемиды» походил на свирепого морского волка: сходство ему придавали деревянная нога, габариты и широкое красное лицо. В Гавре он славился как лучший кок, и сам Мерфи честно говорил об этом. Его кулинарное искусство оценил весь город, бывшим крупным морским портом, а здесь какой-то суперкарго отказывается есть кушанья, приготовленные им! Это был вызов.

– Мистер Мерфи, поверьте, если бы я была больна, я бы залпом выпила этот чудесный бульон, более того – если вы всех отпаиваете таким, я готова заболеть. Но желудок Джейми вовсе не принимает пищи. Его сразу же выворачивает.

Кок свел брови, убрал кружку из-под моего носа и вылил ее содержимое в кипящий котелок с очередным яством.

Он потеревил редкую седую шевелюру и начал шарить по шкафам и сундукам в поисках чего-нибудь пригодного для больных морской болезнью.

– Не знаю, что и придумать для вашего Джейми, раз он такой капризный. Сухари, что ли. Ну да, что же еще. Уксус, быть может. Или кислый маринад, что-то в этом роде...

Толстые его пальцы выуживали припасы из таких фантастических мест, о которых я бы никогда не подумала, что там хранится еда. Лично я бы побоялась рыться в этих бесчисленных баночках, чтобы ненароком ничего не разбить, но Мерфи был богом, а камбуз – его святилищем, куда он не пускал посторонних, за исключением помощников и, по счастью, меня. Он мигом наполнил поднос и предложил его мне:

– Вот, может, это пособит. Здесь маринованные корнишоны, их нужно сосать, но не кусать. Хотя бы так, раз он ничего не принимает. Потом откусить от маленького сухарика. Только умоляю, мэм, запивать водой нельзя! Потом можно уже откусить от корнишона и съесть его, чтобы пошла слюна. Заесть сухариком. И так дальше, вы поняли меня. Коли не выблюет, дадим свежей горчицы, она у меня припасена для капитана. А дальше – дальше сам бог велел переходить на более вкусные вещи, но легкоусвояемые.

Я уже уносила поднос, а голос кока, привыкшего говорить с собой наедине, был все еще слышен:

– Можно гренки, предварительно надоить козьего молока... сливки тоже можно, взбить с крупным яйцом и с виски... Кабы дело пошло на лад...

Нельзя было не восхититься коком, оглашавшим даже коридор своим зычным басом.

Вход в каюту Джейми сторожил сидевший на корточках китаец, похожий на голубую болонку.

Каютa Джейми и святилище Мерфи представляли разительный контраст. Здесь – мрак, сырость, грязь, там – сияние надраенной посуды и ароматы снеди. Уже с порога я поняла, что кок старается зря: каюта была запущена донельзя, постель смята, повсюду была разбросана потная одежда и одеяла – все говорило о том, что болеть Джейми решил всерьез. Когда я увидела, что койку от прочего пространства отделяет еще и какая-то грязная тряпка, то почувствовала жгучее желание выбросить этот хлам, а самого Джейми отправить мыться и плотно завтракать с бутылочкой

хорошего бренди.

– Проснись и пой. – Мой бодрый голос прозвучал в этом мраке наигранно, но я не сдалась и сняла занавеску, на поверку оказавшуюся рубашкой Фергюса.

Все-таки Джейми не смог убрать свет полностью – он проникал сквозь призму в потолке, но и этого источника было достаточно, чтобы увидеть мученика с лицом бледно-зеленого цвета.

Одна восьмая дюйма, больше я бы не дала – настолько Джейми почтил меня своим вниманием.

– Убирайся. – Глаз и рот закрылись, едва открывшись.

– Ваш завтрак, сэр, – безапелляционно произнесла я.

На эти слова глаз открылся снова, но во взгляде не было ни намека на желание покушать.

– Не говори о завтраках, – взмолился Джейми.

– Хорошо, тогда полдник прибыл, сэр. – Я была готова на все. – Скоро полдень, так что пускай будет по-твоему.

Взяв табурет, я села у Джейми в головах и принялась тыкать в него корنيшоном:

– Вот, держи. Есть необязательно, можно просто пососать, так даже полезнее будет. Мерфи советовал вначале пососать, чтобы организм прореагировал и выделил слюну.

Моя тирада вызвала открывание второго глаза, воззрившегося на меня так, что я прекратила словесные излияния и убрала огурец. Джейми благодарно закрыл глаза.

Нужно было что-то предпринимать. Посмотрев на его койку, я увидела, что она такая же, как и в нашей с Марсали каюте, то есть встроенная и занимавшая не больше пяти футов в длину. Джейми помещался на ней, подтягивая ноги. Был и положительный момент: матросские гамаки качало еще больше.

– Она же мала тебе, койка. Неудобно ведь, – я решила перевести разговор на темы, не связанные с приемом пищи и едой как таковой.

– Ну.

– Может, гамак повесим? – поступило мое неуверенное предложение. – Ляжешь во весь рост.

– Нет.

– Капитан Рейнс просил передать, что хочет видеть список грузов, – помолчав, добавила я.

Ответ содержал рекомендацию для капитана, куда лучше приспособить несчастный список.

Я потрогала руку Джейми. Сердце бьется учащенно, ладонь потная и холодная.

– Ну ладно, – сказала я будто бы самой себе. – Давай попробуем то, что я проделывала с хирургическими больными.

Джейми застонал, но ничего не ответил.

Моя врачебная практика располагала интересным методом – я говорила с больными, которые через пять минут должны были подвергнуться хирургическому вмешательству. Присутствие доброжелательного врача, спокойный голос, приятная беседа давали положительный эффект, к примеру, больные теряли меньше крови, postanестетическая тошнота была не так выражена, и в целом операция переносилась легче, а восстановительный период проходил быстрее. Понаблюдав, я сделала вывод, что этот метод можно брать на вооружение, если он имеет такой эффект. Выходило, что Джейми не зря говорил Фергюсу, что дух и сила воли могут торжествовать над бранным телом.

– Подумай о чем-нибудь хорошем. – Я говорила тихо и размеренно. – О Лаллиброхе, например. Помнишь, как холм нависает над домом? А сосны, запах их иголок, смола, текущая по стволу? Свежий прозрачный воздух, над кухней поднимается дымок – там колдует Дженни. В руке у тебя яблоко нового урожая. Ты ощущаешь его твердость, гладкость, а на вкус оно...

– Англичаночка...

Я поймала взгляд Джейми, буравившего меня глазами, пока я вспоминала Лаллиброх. Он вспотел от натуги.

– Что?

– Уберись.

– Но почему?

– Уберись, – ласково прошептал он, – или сдохнешь здесь, сейчас же.

Посрамленная, я покинула каюту, это прибежище болезни.

Китаец стоял в коридоре, не решаясь зайти внутрь.

– Послушай, у тебя часом нет тех шариков? – осенило меня.

– Моя иметь шарики, всегда с моя. Дзей-ми требовать здоровые яйца?

Мистер Уиллоби полез было в рукав за чудодейственным прибором, но я показала ему, чтобы не искал, объяснив:

– Если бы можно было треснуть его как следует этими яйцами... Хотя Гиппократ не одобрил бы такого поступка.

Китаец с полуулыбкой наклонил голову, не совсем понимая, о чем я говорю.

– Забудь, – велела я, заметив слабое шевеление на койке. Джейми чем-

то занимался, и это что-то выглядело очень печально: из глубинскомканных одеял и потных простыней миру явилась рука, но проделано это было только для того, чтобы достать из-под койки тазик. Нашарив этот жизненно важный предмет, рука снова скрылась, а звуки сухой рвоты свидетельствовали о том, что операция прошла успешно.

– Проклятый осел, прости господи! – тревога брала верх над досадой и жалостью.

Путь через Ла-Манш корабль покрывает за десять часов ходу. Но два месяца плавания в открытом океане...

– Свиной голова, – подтвердил мистер Уиллоби. – Ваша не знать, Дзей-ми крыса или дракон?

– Он? – переспросила я. – Он воняет как все крысы и драконы вместе взятые! Но почему ты спрашиваешь?

– Есть год Дракона, год Крысы, год Овцы, год Лошади, много годов. Каждый разный. Люди рождаются в год и быть такими, какими этот год. Когда родиться Дзей-ми?

– В каком году, ты хочешь сказать?

Я припоминала, как в китайских ресторанах были нарисованы разные животные. Каждый рисунок сопровождался комментарием с описанием типичных черт характера родившихся в этот год.

– В тысяча семьсот двадцать первом, – уверенно проговорила я. – Но я не знаю, год какого животного это был.

– Моя предполагать, что Дзей-ми Крыса. – Китаец бросил оценивающий взгляд на грудку одеял. – Умный быть, везучий быть. Либо Дракон. Как он в постель? Драконы быть очень хороши, страстные.

– В последнее время он все больше с тазиком обнимается, – процедила я, желая сжечь грудку тряпья взглядом.

– Есть средство. Для рвота, живот, голова – все делать шибко хорошим. Моя знать, – обнадежил мистер Уиллоби.

Я заинтересовалась таким заявлением.

– Джейми знает об этом? Вы уже пробовали?

Голова мистера Уиллоби мотнулась слева направо.

– Дзей-ми не хотеть. Кричать, говорить крепкие слова. Бросить в море. Моя не мочь подойти к Дзей-ми.

Я кое-что придумала и подмигнула китайцу.

– Видишь ли, если у мужчины не прекращается рвота, это очень опасно. – Я говорила так громко, чтобы мой голос достигал каюты, не теряясь в окружающих шумах.

– Да, плохо. Моя знать.

Мистер Уиллоби кивал, показывая мне свежевыбритую переднюю часть черепа.

– Ткани желудка разрушаются, пищевод раздражается.

– Рушить и дразнить?

– Да, представляешь? Кровяное давление повышается, мышцы брюшной полости напрягаются и могут даже разорвать живот. Тогда образуется грыжа.

– О!..

Пораженный китаец издал звук удивления.

– Но самое страшное не это, – проговорила я еще громче, – а то, что яички могут перевестись в мошонку. Они перетянутся и больше не будут снабжаться кровью.

Коротышка, казалось, искренне изумлялся.

– И тогда мужчине придется совсем туго, потому что он перестанет быть мужчиной. – Я говорила тем голосом, каким дети рассказывают ночью под одеялом страшные истории. – Потому что нет другого выхода, как ампутировать яички. Иначе начнется гангрена и человек умрет в страшных муках.

Потрясенный нарисованной мной мрачной картиной китаец зашипел. Я скосила глаза на ворох одеял: он замер, а на протяжении нашего разговора ворочался.

Переведя глаза на мистера Уиллоби, я увидела в них недоуменный вопрос и знаком попросила подождать. Прошло около минуты, и миру явилась волосатая нога, а затем и другая выпросталась из-под одеял.

– Черти вас не берут, – прогудел всклокоченный и крайне взволнованный Джейми. – Входите, иродовы дети.

Парочка в лице француза и шотландки ворковала на корме. Марсали не собрала волосы в узел, и ветер развеивал их. Фергюс удерживал ее за талию.

Шаги заставили его обернуться, но при виде идущего Фергюс разинул рот и перекрестился.

– Молчи... умоляю. – Джейми стойко держался, но еще не знал, как его организм прореагирует на внешние раздражители.

Француз молчал, не в силах выдать ни звука от удивления, а девушка при виде отчима завизжала:

– Папа! Что это такое на тебе?

Она была напугана, и Джейми не стал язвить в ответ, шевельнув головой, над которой, как антенны, торчали золотые иголки.

– Не бойся. Это китаец хочет, чтобы у меня прекратилась рвота. – Джейми говорил осторожно, как будто определяя меру произнесенных

слов.

Падчерица подступила к нему и поочередно коснулась иголок, торчавших из-за ушей, из запястья и над лодыжкой.

– Это поможет? – недоверчиво уточнила она. – Тебе сейчас легче?

Джейми искривил губы в ухмылке, возвращаясь к жизни.

– Мне кажется, что я кукла колдуна, которую он утыкал иголками, чтобы извести врагов. Но рвоты пока нет, нет уже четверть часа. Наверное, язычники знали, что делать в таких случаях.

Мы с мистером Уиллоби стояли неподалеку, и Джейми послал нам хмурый взгляд голубых глаз.

– Что-то мне не хочется сосать огурцы, а вот к бокалу эля я бы присосался. Фергюс, ты пособишь мне?

– Конечно, милорд. Идемте.

Парень хотел было взять милорда за руку, но не решился и пошел вперед, увлекая его за собой.

– Пусть Мерфи соорудит тебе полдник! – напутствовала я Джейми.

Он обернулся и долго смотрел на меня, блестя иголками. Солнце золотило их, невольно превращая Джейми в лукавого чертика.

– Англичаночка, давай не будем, а? Я помню, что бывает, если ничего не есть. Яички перекрутятся, и их отрежут, верно?

Китаец, примостившийся в тени бочки с водой для палубных вахтенных, не обсуждал с нами последствия продолжительной рвоты, а вместо этого что-то считал, выставив вперед пальцы. Увидев, что Джейми ушел, он вскинул глаза.

– Моя ошибаться. Дзей-ми не быть крыса, не быть дракон, Дзей-ми быть бык. Год Быка.

– Ну надо же. Прямо в точку попал.

Могучие широкие плечи и рыжая голова были наклонены, чтобы лучше противостоять ветру.

– Да, ты прав. Он упрям, как бык.

Глава 42

Человек на Луне

Вопреки нашим ожиданиям, Джейми не был особо занят на корабле. Выполняя обязанности суперкарго, он наблюдал, как грузят в трюмы кожи, жемчуг и серу, но только и всего: во время плавания он должен был всего лишь отвечать за сохранность этих товаров, а кого интересовала сера или жемчуг? Впрочем, все хлопоты были впереди: на Ямайке ему предстояло не только выгрузить товар из трюма, но и проверить, все ли в наличии, все ли документы правильно оформлены и подписаны, довольны ли таможенники, учтены ли комиссионные при продаже, не пропущено ли что-нибудь из вораха сопровождающих товар бумаг...

Сейчас же на корабле делать было решительно нечего. Разумеется, Джейми не отказался бы выполнить какую-либо физическую работу, да и месье Пикар, наш боцман, всегда нуждался в помощи и не раз искоса взглядывал на мощную фигуру шотландца, однако же толку от суперкарго было мало. Он мог выполнять любую физическую работу, но чтобы работать на корабле, нужно было разбираться в морском деле, видеть, какой канат подтянуть, знать, как завязать морской узел, как поставить парус, а Джейми ничего этого не знал, хотя в проворности не уступал ни одному моряку. Поскольку грубая физическая сила требовалась сейчас не так часто, он чувствовал себя немного не в своей тарелке.

Рожденный солдатом, Джейми с удовольствием помогал команде в том, в чем он разбирался: через день на «Артемиде» проводились артиллерийские учения, для чего приходилось выкатывать огромные пушки и наводить их на воображаемые цели. В этом принимали участие все, за исключением меня, Марсали и мистера Уиллоби, да разве еще Фергюса, который присматривал за нами, вздрагивающими от грохота, – он бы и рад был поучаствовать вместе со всеми, но, не имея руки, не мог этого сделать. Джейми же часами торчал возле канонира Тома Стерджиса и в упоении обсуждал с ним таинства оружейного дела.

Признаться, я не рассчитывала на радушный прием со стороны моряков, но, казалось, женщина в роли судового врача их несколько не удивляет. Как пояснил Фергюс, моряки рады тому, что на таком маленьком торговом судне, каким является «Артемиде», есть хирург, ведь обыкновенно такой роскошью располагают только большие военные суда, а что касается женщин, то часто на маленьких судах жена канонира

выполняет обязанности костоправа и неизвестно, насколько хорошо это ей удастся.

Пока от меня не требовалось чего-то большего, чем заживлять ушибы и ожоги, вправлять вывихи, вычищать чирьи, лечить зубы и желудок. Нужно сказать, что ко мне обращались не часто, потому что команда была небольшой – тридцать два человека, а больным в море нечего делать, поэтому я располагала множеством свободного времени, не считая того утреннего часа, за который я успевала принять нуждающихся в помощи. Корабль шел на юг по великому Атлантическому кругу, и мы с Джейми наслаждались присутствием друг друга.

Мелкие заботы не отвлекали нас, а окружающие не требовали постоянного участия в их делах, и мы могли позволить себе основательно подзабытую роскошь общения. Нам ничто не угрожало сейчас, а если будет угрожать впоследствии – какое нам дело до этого? Мы просто были друг с другом, а это значило, что вместе мы преодолеем все препятствия, какие только могут случиться на нашем пути. Начиная с моего возвращения в Эдинбург и вплоть до этой поездки нас непрестанно отвлекала житейская рутина, а подстерегавшие опасности грозили уничтожить не только наше счастье, но и нас самих. Теперь же, пусть и на время, но мы были свободны.

Плавание по южным морям дарило нам незабываемые минуты новых открытий, добавляло новые темы в наши разговоры о разных забавных мелочах, вырывало из нашей груди восторженные возгласы при виде чудес и диковинок: восходящего и заходящего солнца вполнеба, блестящих мокрых спин морских рыбок, то и дело мелькавших зелеными и серебристыми спинками и исчезающих в глубине, едва мы успевали рассмотреть их, упорных дельфинов, плывущих по нескольку дней за кораблем, словно добровольные провожатые, выпрыгивающих из воды, чтобы получше рассмотреть странных существ на странном предмете. А плавающие водоросли, образывавшие целые острова, служившие жилищем для махоньких крабов и прозрачных медуз!..

Здесь не только солнце поражало наше воображение своими размерами, но и луна: в полнолуние нам казалось, что плоское светило внимательно смотрит на нас, не скрытых ни облаками, ни ночной тьмой. Было немножко боязно видеть, как на небе встает громадный светящийся диск, а вода в то же время остается темной, и непонятным оставался плеск воды, в которой, как я полагала, должны были плавать дельфины, но кто знает...

Это таинственное зрелище восхода луны волновало всех без

исключения: даже старые матросы из команды не могли сдержать своего восхищения. Итак, мы становились ближе к тайнам природы, а сама природа словно протягивала нам свои ласковые руки, предлагала щедрые дары – вот они, дотянись рукой и возьми. Земля против Луны, известное против непознанного.

Казалось, что можно сосчитать темные пятна и кратеры на поверхности светила – так близко она была.

– Можно поговорить с лунными людьми. – Джейми, улыбаясь, послал приветственный жест земному спутнику.

– «К закату рыдают Плеяды, луна под морями»^[7], – вспомнились мне поэтические строки. – Взгляни-ка, ведь в воде она тоже есть.

Лунный свет отражался в воде, будто где-то в толще вод морских находится еще одна луна.

– Знаешь, в моем времени, тогда, как я шла к тебе, люди хотели полететь туда, наверх, на Луну. Жаль, что я не смогу узнать, получилось у них или нет.

– Машины, сделанные человеком, могут улететь наверх? – Джейми скептически поднял глаза на небо. – Это должно быть великое путешествие, и совершат его очень смелые люди. Наверное, она довольно далеко. Помню, в одной книге по астрономии было указано, что отсюда до нее около трехсот лиг. Может быть, в текст вкралась ошибка и Луна намного ближе? Или ваши летательные аппараты... аэропланы... преодолевают такие расстояния?

– Аэропланы не смогут долететь туда, но другие машины, ракеты, смогут. Для этого их специально создают. Это правда, Луна довольно далеко, да и добраться до нее непросто: на определенном расстоянии от Земли начинается космос – это такое место, где нет воздуха, то есть люди не могут там дышать без специальных приспособлений. Кушать и пить там тоже нечего, поэтому все, кто отправится туда, должны будут взять с собой в канистрах воздух, воду и еду.

– Вот это да!

Джейми мечтательно уставился на небо. Я даже немножко завидовала ему, ведь я уже кое-что знала о том, как можно добраться на Луну и что там ждет людей, а он мог предаваться фантазиям.

– А они знают, что там, или летят наобум? Что там, на Луне? Ты знаешь что-нибудь? Как жаль, что я никогда не смогу увидеть!..

– Я расскажу тебе. До полета людей наши исследователи отправили туда приспособление, которое могло фотографировать поверхность Луны, так что теперь мы приблизительно знаем, что находится на ней. Так вот,

снимки показывают, что на Луне нет ни деревьев, ни цветов – там только камни. Но они по-своему красивы: там есть скалы, горы и кратеры – те, что кажутся нам отсюда пятнами.

Подумав, я прибавила:

– Будто Шотландия, разве что без растительности.

Услышав это, Джейми рассмеялся и сунул руку в карман, где были снимки Брианны. Он небезосновательно связывал слово «снимок» с моим временем, временем, из которого я пришла к нему, поэтому, очевидно, решил взглянуть на свою дочь из будущего, запечатленную, как ему казалось, на простом листке бумаги. Карточки хранились в кармане его плаща и не вынимались ни в чьем присутствии, о них не знал даже Фергюс. Сейчас, ночью, никто не мог видеть нас – палуба была пуста.

Мне хватило бы совсем немного света, чтобы с первого взгляда узнать, на какой из фотографий Бри запечатлена в том или ином возрасте, и припомнить все обстоятельства, сопутствовавшие фотографированию, а луна хорошо освещала снимки. Я отметила, что края карточек уже истрепаны, значит, Джейми не раз тайно доставал их и смотрел на дочь.

– Как ты полагаешь, он доберется туда? – он указал на Луну. Бри на снимке тоже смотрела куда-то вдаль, не зная, что она попадает в объектив фотоаппарата и уж тем более не предполагая, что ее образ когда-нибудь попадет в другое время, на двести лет назад.

Джейми полагал, что путешествие людей на Луну является всего лишь разновидностью одного из земных путешествий, пусть и требующим более тщательной подготовки и терпения. Не знаю, возможно, он был прав. Наше нынешнее путешествие, а тем более мое возвращение к нему тоже были так же безрассудны, и мы так же полагались на удачу, хоть и делали все от нас зависящее в плане материальной подготовки. Если сравнивать эти путешествия, они ничуть не уступали дерзкому полету на Луну.

– Все может быть. – Брианну тоже привлекали неведомые края, так что я не могла знать наверняка, куда ей захочется отправиться и как устроить свою судьбу.

Джейми занимался карточками, в который раз рассматривая их, показывающих ему свое отражение, только женское и чуть более молодое. Поразительно, но мы жили, зная, что через много-много лет нас повторит дочь – уже повторила. Мы были бессмертны.

Образ камня, который я видела в Шотландии, не выходил у меня из головы с тех пор, как я рассказала о нем Джейми. Хорошо, что напоминание о смерти было так далеко от нас сейчас. Я втайне надеялась, что наше последнее расставание произойдет не скоро. Брианна же была

памятью о нас в веках.

Припомнились строки Хаусмана:

Остановись у могильной плиты.
Он для нашего мира потерян.
Но помни: что тот, кому дорога ты,
Слову всегда был верен.

Мне захотелось прижаться к любимому, отцу моей дочери, и я сделала это, и через одежду чувствуя, какой он теплый. Положив голову на его руку, я могла видеть, как он смотрит на фотографии.

– Красивая девушка, – традиционно произнес Джейми, с уважением и интересом глядя на дочь. – Ты говорила, что она умненькая?

– Как и ты. – Он рассмеялся в ответ.

Увидев, что его взгляд стал напряженным, я решила взглянуть, что же его так могло поразить. Как я и предполагала, это была карточка, изображавшая дочь на пляже, где шестнадцатилетняя Бри, до бедер скрытая волнами, плещет воду на своего приятеля Родни, который, в свою очередь, тоже обдает ее брызгами.

Джейми молчал и хмурился.

– Ммм... Что за... – Он запнулся, но продолжил: – Клэр, ты не подумай, что я буду выговаривать тебе, но... – он с трудом подбирал слова. – Но не кажется ли тебе, что так нельзя? Это ведь против правил приличия.

Я сдержалась, чтобы не оскорбить его смехом.

– В мое время так выглядит большинство девушек. Это костюм для купания, в котором люди обычно появляются на пляже, так что здесь нет ничего зазорного.

На Бри был отдельный купальник-бикини. Трусики начинались чуть ниже пупка.

– Видишь ли, я долго думала, стоит ли показывать тебе этот снимок, не обидит ли он тебя. Но мне пришло в голову, что ты никогда не увидишь ее так полно, как здесь.

Джейми был сконфужен, но в целом понял мою идею и поддержал ее. В самом деле, на полуобнаженную Бри было приятно смотреть, и его переполняла гордость от того, что эта девушка – его дочь.

– Ты права. Она действительно красива. Везде.

Рассуждая, Джейми вертел карточку в руках, то поднося ее к глазам, то

снова отдаляя.

– Многие женщины купаются нагишом, это нестрашно. Пускай такой костюм странен для меня, но если в ваше время это красиво, я не против. Только... Зачем же она так стоит в присутствии парня?

Ясно: Джейми как истинный шотландец усматривал в безобидном Родни мужчину, который может сделать-то нехорошее в отношении его дочери. Что ж, справедливое суждение для восемнадцатого века.

Нужно было объясниться, чего бы это ни стоило, но как, если это скользкая тема для многих людей нашего времени, не говоря уже о Шотландии двухвековой давности?

– Мы привыкли, что подростки растут и играют вместе, и не запрещаем им. К тому же стандарт одежды у нас совсем другой, нежели у вас: если не холодно, то многие части тела можно открыть на людях.

– Ммфм. Да, что-то такое ты и впрямь говорила мне.

Характерный шотландский звук передавал удивление и неодобрение – Джейми, разумеется, не мог принять чуждые ему моральные устои и тревожился за дочь, живущую в таком странном и опасном, по его мнению, времени.

Впервые я увидела еще одну роль, которую Джейми играл в обществе, роль, которую я, по понятным причинам, не могла видеть, – роль строгого шотландского папочки. Возлюбленный и муж в его исполнении были на порядок мягче, дядюшка и брат не так суровы, даже лэрд и воин уступали в непоколебимости.

Хорошо, что ни Бри, ни Родни не ощутили на себе его тяжелый угрюмый взгляд! Впервые мне с облегчением подумалось, что Брианне очень повезло с тем, что ее настоящий отец не смог принимать участие в процессе ее воспитания, иначе бы ухажерам несдобровать. Ни один юноша на пушечный выстрел не смог бы приблизиться к ней.

Джейми заморгал и начал вздыхать, видимо, собираясь спросить что-то важное. Стушевавшись еще больше, он выдавил из себя:

– Ты не знаешь, она сохранила... девство?

Тон, каким был задан этот вопрос, и заминка посреди фразы давали ясно понять, что, спрашивая, Джейми ощущает примерно то же, что ощущает человек, прыгающий со скалы в горную реку без страховки.

– Конечно, сохранила, – твердостью голоса я дала понять, что ничуть не сомневаюсь в добродетели Бри.

Честно говоря, я не знала этого наверняка, но более-менее представляла себе жизнь Бри и могла с большой долей уверенности предположить, что это так. Впрочем, с Джейми я не была кристально

честна на этот счет, ведь, во-первых, не всякая мать может говорить свободно об интимной жизни дочери, а во-вторых, он не должен был знать о моих допущениях и сомнениях, поскольку перестал бы доверять и мне, и ей. Он и так не все понимал в моем времени, а идею сексуальной свободы воспринял бы как крайнюю распущенность и воспитание в юношах и девушках похоти.

– Уфф!

Возглас облегчения, вырвавшийся из его груди, дал мне понять, что я поступила правильно.

– Я так и думал, но...

– Бри честная девушка, – пожимая ему руку, сказала я. – Мы с Фрэнком, возможно, были плохой семьей, но для нее сделали все возможное.

– Я знал это. Спасибо вам.

Джейми быстро спрятал фотокарточку в конверт и спрятал его в карман плаща. Он избегал встречаться со мной взглядом и смотрел на луну. Ветер играл его волосами, выбивая их из-под ленты, стягивавшей его кудри, а он убирал их со лба. Было заметно, что Джейми размышляет о чем-то, а жест производит машинально: выражение его глаз было отсутствующим. Наконец он заговорил:

– Ты считаешь... Ты не думаешь, что зря вернулась ко мне? – глухо вымолвил он. Первым моим порывом было отвернуться, оттолкнуть его от себя и убежать, но он не дал мне этого сделать, поймав меня за руку и прижав к себе. – Я рад тебе, безумно рад! Ты не подумай... Без тебя я не представляю своей жизни.

Он обнял меня еще сильнее.

– Иногда я думаю, что умру от радости, когда вижу тебя, когда могу обнимать тебя, вот так... Но... ты оставила дочь... ради меня. У нее никого нет больше, Фрэнк умер, ты здесь, со мной. Нет ни одного мужчины из твоей семьи или семьи Фрэнка, который бы устроил ее брак и защитил ее. Она ведь незамужняя. Неужели ты не могла проследить за этим? Ты могла бы вернуться ко мне чуть позже, когда ее жизнь устроилась.

Я не спешила с ответом.

– Могла, не могла... Я не знаю, не могу сказать, – мой голос дрогнул, во мне разрывались женщина и мать. – Наше время другое.

– Ну и что? Неужели девушка в вашем времени не должна выходить замуж?

– Да то! Ты не понимаешь!

Я отстранилась от Джейми и свирепо посмотрела на «шотландского

папочку».

– Ты не поймешь. Наше время другое, совсем другое. Мы считаем, что девушка, как и парень, сама выбирает, что ей делать в жизни. Понимаешь, о чем я говорю? Брианна сама решит, когда и за кого выйти замуж. Она не будет ждать, что ей кто-нибудь, пусть даже я, устроит брак, нет, ею будет руководить любовь. Это будет только ее выбор. Она сама устроит и свой брак, и свою жизнь. Получит хорошее образование, сможет прокормить себя. Многие, очень многие наши женщины поступают именно так. Они не нуждаются в том, чтобы за них принимал решения мужчина...

– Если мужчина не покровительствует женщине, не защищает ее, не заботится о ней, грош цена ему и его времени!

Джейми рассердился не на шутку.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь овладеть собой.

– Наши женщины нуждаются в мужчинах, конечно. – Я попыталась говорить убедительно и мягко, подкрепляя свои слова лаской. – Но они могут выбирать и с удовольствием делают это. Они выходят замуж за того, кого любят, а не за того, кого им предложили или принудили.

Джейми немного расслабился, но все же напомнил:

– Ты была вынуждена выйти за меня.

– Да, но вернуться меня никто не принуждал. Я вернулась к тебе, потому что это мой выбор – быть с тобой и любить тебя, свободный выбор свободной женщины. Я могла бы остаться в своем времени, там, где были все удобства и горячая ванна, там, где были мои друзья и дочь, там, где я хорошо зарабатывала и была уважаема в обществе. Но ты нужен мне, потому я вернулась.

Лаская своего мужа, я чувствовала, что он уже успокоился.

– Я знал это, англичаночка.

Он снова привлек меня к себе, и я положила голову на его грудь, туда, где под тканью ощущались квадратные фотографии дочери.

– Когда я уходила, то очень боялась, – доверительно проговорила я. – Боялась, что умру при переходе, что не найду тебя, а не найдя печатника Малкольма, не смогу вернуться назад в свое время. Брианна настояла, чтобы я шла, иначе можно было ошибиться во времени и не встретить тебя. Но я боялась, в том числе боялась оставить дочь одну.

– Конечно. Я бы вообще не мог ничего делать, – заверил Джейми, глядя меня по голове.

– И я. Я знала, что не смогу говорить без слез, поэтому решила написать ей. Я понимала, что больше... что мы больше не увидимся.

Стиснув зубы, я умолкла. Написание письма и передача его Роджеру

так живо представились передо мной, что слезы уже подступили к горлу. Джейми, чувствуя мое состояние, провел кончиками пальцев мне по спине.

– Хорошая затея, англичаночка. А что ты написала?

Я нервно хихикнула:

– Я оставила письмо, в котором изложила все, что сочла нужным в тот момент. Такое материнское назидание дочери, вступающей во взрослую жизнь. Всякие советы, глупые и не очень. Изложила свое мнение о том, как следует жить. Не знаю, пригодится ли ей это, зато узнает то, чего я бы никогда, наверное, не рассказала ей, не будь возможности вернуться к тебе. И краткие рекомендации о том, что делать с документами и как распорядиться наследством.

Доживая последние дни в Бостоне, я где-то с неделю рылась по дому в поисках всех необходимых бумаг, закладных, банковских чеков и семейных реликвий. Часть архива касалась Фрэнка и его родных, от которых осталось множество подборок фотографических и газетных вырезок, генеалогических росписей и коробок с письмами, часть была моей. В стенном шкафу я хранила коробочку, вмещавшую весь мой скромный архив. Благодаря дяде Лэму он дошел до меня, правда, чего-то экстраординарного там не было: свидетельства о рождении (как мое, так и родителей), брачные свидетельства и акт регистрации автомобиля, на котором они и разбились. Последнее я бы не стала хранить, будь на то моя воля. Впрочем, странного ничего не было, если учесть, что дядя Лэм был ученым, а значит, берег все то, что содержало информацию – просто так, на всякий случай.

А еще там были фотографии. Я знала это наверняка, потому что часто лезла ночью в коробку, чтобы посмотреть на снимок матери. Она была изображена на нескольких фото, но довольно нечетко, и все же я пыталась представить, как она выглядела, домыслить, какой она была, ведь я вовсе не помнила ее.

Самым удачным был снимок крупным планом, раскрашенный вручную, где губы и щеки были яркими, как у куклы, а глаза – карими, что, по словам дядюшки, не соответствовало действительности: я унаследовала от мамы золотистые глаза. На ней была шляпа-колокол из фетра; мама улыбалась, смотря в камеру из-под полей.

В юности мне очень нужна была мать, но Брианна была старше, чем я тогда, и я надеялась, что она не будет страдать подобно мне. Все же стоило оставить ей что-то, что показывало бы меня всю, такую, какой она помнила меня, и я решила оставить ей свой студийный фотопортрет. Она должна была найти его в коробке, оставленной посреди письменного стола, куда я

надеялась вложить еще не написанное письмо.

«Дорогая Бри», – появились на бумаге первые слова, но они надолго оставались единственными, которые я смогла написать. Слишком тяжело было прощаться с дочерью вот так, посредством послания на листочке. Одно дело думать, что нужно будет оставить дочь и уехать неведомо куда, и совсем другое – выводить слова прощания, долженствующие объяснить причину ухода.

Мне казалось, что я схожу с ума: неужели это я сижу и пишу Бри прощальное письмо, вместо того чтобы поддержать ее после смерти Фрэнка? Я ясно видела, как ручка дрожит в моей руке и выводит не только знаки на бумаге, но и кружки по воздуху. Пришлось отложить ручку в сторону и сесть, закрыв глаза.

– Не дрейфь! Нужно написать это проклятое письмо, даже если дочь не станет читать его и выбросит в мусорное ведро. А уж если прочтет, то будет вспоминать свою непутевую матушку добрым словом. Никакого вреда от написания или чтения не будет, а написать все-таки надо.

Приказав себе писать, я вновь взяла ручку в руки.

«Дорогая Бри, я не уверена, что ты прочтешь это послание, хоть я и оставлю его на видном месте. Поскольку я все-таки надеюсь, что оно дойдет до тебя и ты прочтешь его полностью, я изложу здесь все, что знаю сама о твоих настоящих дедушках и бабушках, а также о прадедушках и прабабушках, и твою историю болезни».

Пока я писала строку за строкой и складывала приятно шуршащие листы, содержащие повествование о таких важных для меня вещах, в стопку, я немного успокоилась: письмо всегда унимает игру воображения, особенно если пишешь воспоминания или завещание. Приходилось думать и том, что я могу передать Брианне, что я знаю и помню сама? Какие-то кусочки жизненной мудрости, к которым я сама пришла не сразу, а придя, постепенно забывала, как пришла к таким выводам? Как рассказать в одном письме, пусть и довольно длинном, все то, что пережил и передумал за сорок восемь лет жизни? Как раскрыть таинственные – а с течением времени они перестали быть таковыми – пружины, побуждавшие меня действовать так или иначе? И вообще – захочет ли дочь читать мудрые наставления мамочки, сбегавшей от нее неведомо куда? Не знаю, как повела бы я себя, будь я на ее месте.

Впрочем, я писала не только для Брианны, но и для себя: я оценивала свой поступок, соотнося его со всей моей предыдущей жизнью, и убеждалась, что иначе быть не могло, так что в любом случае следовало доверить свои мысли бумаге.

Как это ни было похоже на сюжет фантастического фильма, но моим словам суждено было звучать в веках. Мне суждено отправиться в прошлое, а Бри будет здесь и всегда сможет услышать голос матери, пришедшей из прошлого, чтобы родить ее. Или из будущего, чтобы встретиться с ее отцом. Но удастся ли мне доверить бумаге материнские чувства?

Это была задача поистине огромной важности, и мне оставалось лишь подчиниться внутреннему голосу, звучащему во мне и диктовавшему слова. И надеяться, что дочь захочет прочесть эти советы и прислушаться к ним.

«Дитя». Это слово заставило меня остановиться и тяжело сглотнуть.

«Бри, ты – мое дитя, и останешься им навсегда, поверь. Когда ты сама станешь матерью, ты поймешь, что это значит, а пока просто поверь, что это так. У меня не будет другой возможности поговорить с тобой об этом, и я хочу рассказать тебе все сейчас, чтобы ты знала, что чувствовала твоя мать все эти годы. Когда я впервые почувствовала тебя внутри себя, я поняла, что отныне и навсегда ты будешь частью меня. Именно так – частью меня.

Сейчас, когда тебе уже восемнадцать, мне кажется, что я до сих пор поправляю тебе одеяло, когда ты спишь, слушаю, ровное ли у тебя дыхание, люблю тебя и умиляюсь сладости твоего сна. Я знала тогда и знаю сейчас, что, если ты живешь на свете, значит, все хорошо. В это трудно поверить, но я, наверное, как и всякая мать, помню все те глупые и милые прозвища, которые я давала тебе в разные годы твоей жизни: мой цыпленочек, моя тыковка, драгоценная голубка, прелесть, чудо, крошка, солнышко...

Знаешь, евреи и мусульмане называют своего Бога девятьюстами именами. Я думаю, что это оттого, что нельзя выразить любовь ни одним словом, ни даже десятью словами».

Глаза мои туманились от слез, и я моргала, чтобы согнать их. Если бы я ставила своей целью выразаться как можно точнее и яснее, я была бы вынуждена подбирать слова, думать о том, как лучше построить фразу, и тогда вряд ли бы мне удалось вообще что-либо оставить на бумаге. Сейчас я, по крайней мере, выражала материнские чувства так, как мне хотелось, и это было лучше, так как Бри могла услышать мой настоящий, неподдельный голос.

«Все, все врезалось в мою память и осталось в ней навсегда: младенческий пушок на твоей головке, золотистый и мягкий, появившийся на свет вместе с тобой, сломанный ноготь на большом пальце – помнишь?

В прошлом году ты попыталась пнуть дверь пикапа Джереми, – вечно обкусанные ногти... Подумать только: я никогда не узнаю, избавишься ли ты от этой детской привычки! Боже мой, ведь это последняя весточка, которую я могу послать тебе. Все прекратится вот уже очень скоро: я не смогу видеть тебя, следить, как ты меняешься, как у тебя формируются взрослые черты лица, как ты вытянешься и станешь выше меня ростом...

Я всегда буду помнить все-все, дорогая дочка. Мать не может забыть своего ребенка, потому что она мать.

Никто, никто не знает, как ты выглядела в трехлетнем возрасте, точнее, как тогда выглядели твои ушки. А я знаю, потому что обычно сидела возле тебя и читала тебе детские стихи наподобие «Рыбка раз, рыбка два» или «Три сердитых козлика», а ты розовела от удовольствия, и твои ушки тоже. Чистая младенческая кожа, на которой можно было видеть отпечатки пальцев, если коснуться ее...

Ты похожа на своего отца – на Джейми, это очевидно. Кое-что есть и от меня. Чтобы убедиться в этом, можешь взглянуть на фотокарточку моей мамы и на черно-белые карточки бабушки и прабабушки: у них был широкий красивый лоб, как и у нас с тобой. Если будешь следить за собой, то долго будешь привлекательной.

Мне так хочется присутствовать при всем этом! Но я не смогу видеть, как ты совершаешь вечерний туалет или как умываешься по утрам, поэтому тебе придется делать это самой для меня. Да, для меня, которой уже не будет рядом. Я не могу иначе, мне нужно уйти или остаться, третьего не дано».

Письмо уже было мокрым от слез, капавших на бумагу, и я сделала перерыв, чтобы утереть их и перевести дух, но вскоре продолжила:

«Бри, мне не жаль. Ты, конечно, понимаешь, что единственное, о чем я могу жалеть, так это о том, что придется оставить тебя, но больше я ни о чем не жалею. Двадцать лет я жила без любимого, а ты узнала об этом только сейчас. Можешь представить, каково мне приходилось все это время. Но у нас есть ты, а это стоит очень многого. Ты стала причиной и ценой нашей разлуки, но мы не жалеем об этом. Пусть так. Это лучше, чем если бы наше существование никак не продолжилось. Думаю, Джейми поддержит меня и не станет обижаться, что я говорю от его лица.

Девочка моя, ты моя радость, радость всей моей жизни. Ты и Джейми. Не знаю девушек лучше тебя, возможно, что их нет. Знаю, что сейчас ты хмыкаешь и передергиваешь плечиком: «Мама так считает, потому что она – мама. Другие сказали бы иначе». Ну разумеется, но разве тебя сейчас должно волновать мнение других? Я искренне считаю, что ты – самая

лучшая в мире девушка.

Ты – самая большая ценность, какая только у меня была, ты и твой отец. Я многое видела и сделала тоже довольно многое – сама знаешь, какую эпоху я застала, – но ты и твой отец были главными людьми в моей жизни, а встреча с Джейми и твое рождение – главными событиями в ней».

Я высморкалась и взяла новый лист. Как бы то ни было, письмо – это лучшее, что я могу сейчас сделать, хотя прощание такого рода представляло немалые трудности еще и потому, что я не могла видеть глаз Брианны и могла руководствоваться только своим настроением при написании последней весточки. Сейчас эти слова кажутся мне идущими от сердца, но почувствуется ли их искренность или спустя время все потеряется, словно в зыбучих песках? Что такого я могла пожелать ей сейчас, чтобы это пожелание пригодилось ей через месяц, когда меня уже не будет и ей придется жить самой? Или через год? А через десять лет, когда образ мамы совершенно изгладится в ее памяти и от меня останется лишь воспоминание, когда я стану приятным, но не главным эпизодом в жизни дочери?

«Люби таких, как Джейми, смелых и мужественных. Ответственных и сильных. И таких, как Фрэнк, потому что он твой отец». Написав это, я поймала себя на том, что сомневаюсь в справедливости написанного, но, вспомнив Роджера Уэйкфилда, оставила все как есть.

«Когда любишь мужчину и хочешь жить с ним, не стоит пытаться изменить его». Этот совет не вызвал внутреннего протеста, как предыдущий: зная Джейми столько лет, я все больше убеждалась в правоте своего решения предоставить любимому быть таким, какой он есть. «Но и не давай мужчине менять тебя: ему это не удастся, хотя он и будет пытаться».

Нет, все не то. Я куснула кончик пера. То есть, может быть, и то, но не так. Бри будет решать сама, что ей делать. Материнские советы здесь ни к чему. Поразмыслив, что же все-таки пожелать дочери напоследок, я дописала то, к чему пришла сама и что оказалось едва ли не самым важным, к чему я пришла за свою жизнь:

«Держись прямо и постарайся не толстеть.

Всегда любящая тебя мама».

По вздрагиванию плеч Джейми я поняла, что он, скорее всего, смеется. Я не могла видеть его лица и смотрела на рубашку, белевшую в лунном свете.

– У Брианны будет счастливая жизнь, – прошептал Джейми, когда притянул меня к себе. – У человека, являющегося дочерью такой матери,

как ты, жизнь просто не может сложиться несчастливо. Правда, ее отец – олух, зато ты, англичаночка, – лучшая в мире мать. Поцелуй меня и знай, что, если бы мне предложили целый мир, с тем чтобы я отдал тебя, я бы не согласился.

Глава 43

Фантомные ощущения

С тех пор как мы покинули Шотландию, шестеро контрабандистов не выходили из нашего поля зрения: Фергюс, мистер Уиллоби и я с Джейми зорко следили за ними, но не заметили никаких признаков странного поведения кого-либо из них. По прошествии времени я стала думать, что тревога была ложной, хотя нужно сказать, что все равно мы относились к ним несколько настороженно. Строго говоря, вне подозрений был только Иннес, поскольку у него не было руки, он не мог задушить акцизника, если бы и хотел это сделать. Джейми и Фергюс считали, что Иннес не является предателем и след нужно искать в другом месте.

Шотландцы славятся сдержанностью и неразговорчивостью, но Иннес превзошел их всех: мы почти не слышали от него слов, а если приходилось общаться, он обходился жестами или предпочитал короткие фразы, так что я ничуть не удивилась, увидев его сидящим с гримасой боли над раскрытым люком.

– Тебе помочь, Иннес? У тебя что-то болит? – участливо обратилась я ему.

Он, не ожидая того, что кто-то увидит его, и немало удивившись моей проникательности, вскочил и покраснел, но скорчился от боли и присел снова.

– Идем, я посмотрю тебя. – Я уверенно подошла к нему, чтобы он почувствовал мою силу, потому как Иннес вел себя как затравленный зверь, боящийся всех и не доверяющий никому. Взяв под локоть, я повела его в каюту, чтобы пропальпировать и установить точный диагноз, а он молча шел, слегка упираясь.

Осмотр показал то, о чем я догадывалась и сама: метеоризм. Печень была гладкой и плотной, а желудок слегка раздутый; боль заставляла его извиваться, а затем отпускала.

Стоило, однако, убедиться в том, что это не холецистит и не воспаление аппендикса, иначе я встану перед необходимостью вскрытия брюшной полости со всеми ее жизненно важными органами, чья работа не прекращается ни на секунду. Анестетики и антибиотики двадцатого века, разумеется, составляют хорошее подспорье медикам в их работе, но все же вскрытие брюшины – довольно опасное дело, требующее от врача определенного мастерства и постоянного контроля за состоянием пациента.

Будет лучше, если сейчас дело ограничится чем-то более легким, нежели такая серьезная операция.

– Вдыхайте! – Я держала ладонь на плоской груди Иннеса и представляла, как зернистая поверхность легких сейчас розовеет и наполняется воздухом под моей рукой. – А теперь выдыхайте.

Когда человек выдыхает, его легкие приобретают голубоватый оттенок. Дыхание Иннеса не было прерывистым и не содержало хрипов. Поскольку я не могла взять с собой в путешествие стетоскоп, я использовала веленевую бумагу, которую скатывала в трубочку: она была достаточно плотной, чтобы можно было свободно прослушать легкие.

– Когда вы последний раз опорожнялись?

Вопрос заставил Иннеса покраснеть до цвета свежей печенки. Из его бормотания, служившего ответом на мой, как ему показалось, нескромный вопрос, явствовало, что четыре дня назад.

– Вот как, четыре дня назад?

Движение тела шотландца свидетельствовало о том, что он намеревается удрать, но я властно пресекла такую попытку, прижав беднягу к столу.

– Лежите! Я хочу послушать еще.

Прослушивая ровные тоны сердца и имея наглядное представление о том, как открываются и закрываются сердечные клапаны, я убеждалась, какой силой обладают врачи в глазах несведущих в медицине: сотоварищи Иннеса уже просовывали головы в дверной проем, чтобы посмотреть, что я буду делать с их другом. На потеху публике я честно играла роль всемогущего лекаря, прослушивая кишечник.

Диагноз, поставленный на глаз, подтверждался: верхний отдел толстой кишки был полон газов, а прослушать нижнюю сигмовидную кишку не представлялось возможным – она была заблокирована.

– Запор и бурление газов, – изрекла я.

– Да уж я знаю... – протянул Иннес, услышав то, что ему и так было прекрасно известно.

Поймав его взгляд, брошенный на рубаху, и поняв, что шотландец мечтает уйти отсюда как можно скорее, я положила руку на сорочку, показывая, что ему не удастся так быстро отделаться от меня, пока он не скажет, чем питался в последнее время. Каково же было мое удивление, когда Иннес поведал, что рацион команды состоит из сухарей и свиной солонины.

– А горох и овсянка? – пораженная, пробормотала я.

Готовясь к отплытию, я узнала, чем обычно питаются моряки в

плавании, и приобрела триста фунтов сушеного гороха и столько же овсяной муки, чтобы разнообразить корабельный рацион.

Иннес угрюмо молчал, а вот его друзья, торчавшие в дверях, наперебой принялись жаловаться. Выслушав эти жалобы, я узнала много занятных вещей, имевших место на корабле.

Мы с Джейми и Фергюс с Марсали, будучи привилегированными особами на корабле, обедали с капитаном Рейнсом, которому Мерфи готовил амброзию и мальвазию, а вот команда питалась отнюдь не по-королевски. Кок относился к приготовлению пищи для стола команды предвзято, полагая, что матросам хватит и нехитрой снеди в виде сухого пайка, в то время как капитанский стол ломился от яств. Таким образом он разделял рутинную работу, заключающуюся в приготовлении, если можно так выразиться, пищи для команды, и работу, требовавшую высокого мастерства, где он мог выразить свои предпочтения в еде и где придерживался высочайших стандартов. Быстро и умело нарезав солонину и добавив в миску сухарей, Мерфи наотрез отказывался делать что-либо еще, как-то замачивать горох или варить овсянку.

Нельзя сказать, что причиной тому была сословная гордость либо нежелание тратить время на всякую ерунду, как окрестил кок требования матросов сварить им крупу. Мерфи ненавидел сам вид шотландской овсянки, всякий раз называя ее собачьей блевотиной и другими, не менее крепкими словечками, когда подавал нам на завтрак плоски с вожденной кашей.

– Мистер Мерфи заявил, что он кормил матросов солониной и сухарями на протяжении тридцати лет, значит, они сгодятся и для нас! Правда, он говорит еще, что готовит для нас пудинг и говядину, но коль уж это считать говядиной, называйте меня китайцем! – блестел глазами Гордон.

Причина овсяной войны заключалась еще и в том, что Мерфи обыкновенно готовил для смешанных франко-итало-испано-норвежских команд, составленных из моряков разных стран, а те ели все подряд, облегчая этим жизнь коку. Видимо, те моряки не считали обязательным наличие национальных блюд на столе, но здесь мы имели дело с шотландцами, которые желали во что бы то ни стало есть овсянку. Шотландское упрямство, возможно, могло бы повлиять на другого повара, но Мерфи был ирландцем, неуступчивым, как все ирландцы. Градус конфликта достиг точки кипения.

– Фергюс, когда сманивал нас, говорил, что будут кормить по-людски, мы и повелись, – сетовал Маклауд. – Да только на столе все свиная

солонина и вечные сухари, и желудок не благодарит кока.

– Мы не хотели из-за мелочей лезть к Джейми Рою, – добавил Риберн. – Джорджи предложил жарить овсянку на своей сковородке на огне лампы. Так мы и делали, пока овес не кончился. Теперь приходится довольствоваться тем, что есть, ведь ключ от кладовки есть только у мистера Мерфи. – Риберн смутился и доверительно добавил: – Мы не хотели бы его просить, потому что знаем, что он о нас думает.

– Миссис Фрэзер, вы знаете, кого он называет негодьями? – решил добить меня Макри, вскинув кустистые брови.

Слушая, я собирала травяной отвар для Иннеса: анис и дягиль, конская мята (щепотки побольше), побеги перечной мяты. Несчастный шотландец немедленно надел рубаху, которую я ему отдала, вручая коробочку с травами, завернутыми в марлю, чтобы сберечь их полезные свойства.

Обещая поговорить с коком насчет обогащения рациона столь любимой матросами овсянкой, я одновременно давала наставления Иннесу:

– Заварите это себе в чайнике, а когда настоится, пейте по полной чашке каждую смену вахты. Завтра, если ничего не удастся, применим более сильные средства.

Бедняга не знал куда деваться от лукавых взглядов товарищей, а когда его чрево отозвалось трескучим звуком на мою угрозу и все покатались со смеху, и вовсе сконфузился.

– Эх, миссис Фрэзер, здорово вы его напугали! Так все дерьмо-то повыйдет до завтра, – прокомментировал эту щекотливую ситуацию Маклауд.

Иннес, увлекаемый прочими, обреченно последовал за веселыми шотландцами. К тому времени его лицо приобрело оттенок алой артериальной крови.

С Мерфи и впрямь пришлось поговорить. Как он ни язвил, я добила своего и теперь отвечала за приготовление завтрака, включавшего – о шотландское счастье! – кашу из овсяной крупы, правда, я обязывалась готовить эту пищу богов в отдельном котле и с отдельным черпаком, чтобы, избави бог, овсянка, оскорблявшая эстетическое чувство мистера Мерфи, не касалась других блюд, и не петь при готовке. В целом моя стряпня должна была производиться под недреманным оком кока, строго следившего за тем, чтобы присутствие женщины на кухне никоим образом не нарушало установившегося порядка, которому он неуклонно следовал.

Под вечер мне не спалось, и, думая, что могло послужить причиной бессонницы, я вдруг поняла, какой поразительной была эта история с овсянкой. Жалобщики сказали, что не сочли себя вправе обратиться к

Джейми со своей проблемой – он ведь ничего не знал! – и предпочли решать ее своими силами, буквально ища себе пропитание. К тому же, хорошо зная Джейми, я привыкла, что никаких вопросов, а тем более проблем, у его людей не возникает: обыкновенно он сам знал, что происходит в его владениях, кого нужно приструнить, а кто нуждается в помощи. В результате все оставались довольны, а Джейми знал, кто каким духом дышит на него и почему. Подозревать кого-либо из подчиненных в кознях против себя не было необходимости, по крайней мере арендаторы в Лаллиброхе всегда были откровенны и не обращались бы с просьбами к чужому человеку, если им мог помочь Джейми.

Я твердо вознамерилась поговорить с мужем о том, что творится на корабле, но не застала его за завтраком – он с двумя матросами отправился ловить снетков. В полдень он вернулся, загоревший и радостный, ничего не подозревающий о том, что между ним и командой выросла стена отчужденности.

– Англичаночка, что ты сказала Иннесу? – широкая улыбка свидетельствовала о хорошем расположении духа. – Сидит вот уже полдня в гальюне справа по борту. Дескать, не выйду, пока не опорожнюсь, иначе миссис Фрэзер потребует к себе.

– Ага, вот как. Я обещала поставить ему клизму, если ему не удастся опорожниться до конца дня.

Джейми бросил иронический взгляд в сторону гальюна.

– Ну, коль не справится, сидеть ему там до конца плавания.

– Думаю, что такого больше не повторится, ведь команда снова будет получать овсянку на завтрак.

– Ты хочешь сказать, что сейчас они не получают? – удивился Джейми.

Пока он мыл руки, я рассказывала о том, как бунт против кока не удался благодаря моему вмешательству. Говоря о том, что конфликт удалось погасить, я внимательно следила за тем, как Джейми реагирует на мое сообщение.

– Это должен был решить я. Почему они не пришли с этим ко мне? – На его лицо легла тень.

– Когда-нибудь они бы и пришли, но я узнала об этом раньше, увидев, как корчится Иннес, сидя над люком.

Джейми с помощью пемзы счищал рыбью кровь с пальцев и молчал.

– Ты относишься к матросам по-другому, нежели к лаллиброхским арендаторам? – честно поинтересовалась я.

– Именно так, я отношусь к ним по-другому. Они не то же, что мои арендаторы, – тихо проговорил Джейми, опуская руки в тазик с водой, в

которой поплыли чешуйки, похожие на полумесяцы. – Я плачу им и только.

– Но они считают тебя хорошим человеком. Кроме одного, очевидно, – поправились я, вспоминая то, что поведал Фергюс.

– Верно, Маклауд и прочие считают меня хорошим человеком. Все, кроме одного, – в тоне Джейми слышалась издевка. – Если будет нужно, они, вероятно, отдадут за меня жизнь. Да только я не могу ручаться за них, а они – за меня, потому что я почти не знаю их, а они, в свою очередь, меня. А вот Иннес знает меня хорошо, в отличие от остальных.

Джейми кончил мыть руки и вылил воду из тазика. Он хотел отправиться вниз и предложил мне руку, чтобы помочь спуститься, а пока я протягивала ему ладонь, быстро проговорил:

– В битве под Каллоденом погибло не только дело Стюартов, но кое-что большее. Пойдем-ка обедать, мистер Мерфи обидится.

Иннес не пришел ко мне на следующий день, из чего я сделала вывод, что его желудок работает лучше и не беспокоит своего владельца. Однако молчаливый шотландец пришел через неделю с довольно странной просьбой:

– Миссис Фрэзер, не могли бы вы дать мне такое лекарство, которое лечит то, чего нет?

– Чего нет? Не понимаю, – врачебная премудрость еще не зашла настолько далеко, чтобы лечить несуществующее, но мне, конечно, было лестно, что Иннес такого высокого мнения о врачебном деле и обо мне как скромной его представительнице.

В ответ он указал на свою руку, спрятанную в рукав, пустой от плеча.

– У меня нет руки, вы видите. Но иногда она болит. – Краснея и понижая голос, Иннес разоткровенничался: – Поначалу я думал, что тронулся, ведь так не бывает, чтобы болело то, чего нет. Но мистер Мерфи рассказал, что его нога тоже болит временами, а потом Фергюс прибавил, что ему кажется, будто его отрубленная рука шарит по чужим карманам. Значит, такое бывает. А уж если такое бывает, может, врачи знают, как это лечить?

– Ясно, теперь я понимаю. Ваша правда, такое часто бывает, когда человек теряет конечность, но продолжает чувствовать ее, как если бы она была частью его организма. Это так называемые фантомные боли или ощущения. В таком случае...

Терапия фантомного эффекта – это была одна из тех проблем, которыми я интересовалась меньше всего, следовательно, и знала об этом немного. Пытаясь оттянуть время и не потерять доверие пациента, я уточнила:

– Как же вы потеряли руку? Что случилось?

– Заражение, – коротко пояснил Иннес. – Поцарапался гвоздем, и кровь испортилась. Пришлось отрезать.

Я представила, как гангрена охватывает всю руку, и невольно вздрогнула:

– Это очень печально.

– Что вы, миссис Фрэзер, напротив, это была большая удача. Из-за этого меня не сослали, и я избежал такого жесткого наказания. Остальным пришлось хуже.

– Кому – остальным?

Иннес удивился:

– Как же, тем, кто сидел в Ардсмьюире. Я полагал, что Макдью должен был рассказать вам об этом. Когда крепость достроили, англичане решили отправить нас, шотландцев, на принудительные работы в колонии. Так сослали всех, кроме Макдью и меня: он был значительным человеком, а я, понятное дело, не мог хорошо работать без руки. Так что мне очень повезло и я не жалею, разве что на боли.

Иннес показал, как растирает пустой рукав.

– Значит, вы были в тюрьме вместе с Джейми...

Вспоминая слова Джейми о том, что Иннес знает его хорошо, в отличие от остальных, я искала, какое средство из обычных болеутоляющих можно применить в этом случае. Ивовая кора или конская мята с фенхелем? Вряд ли они смогут побороть фантомные боли.

Тем временем шотландец продолжил свое повествование:

– Если бы не он, я бы умер с голоду. Когда Макдью освободили, он отправился меня искать.

Я заметила блеснувший шелк и сообразила, что мистер Уиллоби сможет помочь мне подобрать лекарство, поэтому знаком поманила его к себе.

– Да, как только он вышел на свободу, тут же отправился искать нас. Добрый шотландец. Тех, кого сослали в Америку – а сосланы были все, кроме нас, – уже нельзя было вернуть, но он надеялся. Во всей Шотландии остались только мы. – Иннес повел плечом, и пустой рукав добавил значительности этому нехитрому жесту.

Я обратилась к мистеру Уиллоби в надежде, что он сможет что-нибудь подсказать. К счастью, кое-какие соображения у него имелись, и он быстро придумал, что делать. Я с интересом наблюдала, стараясь ничего не упустить, как китаец, сняв с Иннеса рубашку, с силой нажимает пальцами на некие точки на его спине и шее.

– Рука быть у духов, царство духов, – пояснял мистер Уиллоби, продолжая манипуляции. – Тело есть в верхний мир, рука хотеть вернуться, хотеть быть вместе с телом. Я делать ан-мо, жать-пожать, что прекратить боль. Делать ан-мо – боль не быть. Еще мы сказать рука, пускай не приходиться.

– И как же это можно сделать?

Иннес относился к китайцу не так предвзято, как остальные матросы: те и вовсе полагали, что мистер Уиллоби грязный извращенец и нечистый язычник, поэтому избегали общаться с ним и не касались его. Иннес же знал мистера Уиллоби уже два года.

Китаец не смог объяснить, что ему нужно, и принялся самостоятельно искать необходимый ему препарат. Найдя сухой перец, он встряхнул склянку со снадобьем и высыпал щепотку на блюдо.

– Госпожа иметь огонь?

Кремень и кресало у меня нашлись. Сухой перец загорелся в мгновение ока, в каюте запахло специями. Мистер Уиллоби оживился, увидев белый дымок, и сказал:

– Дым от фан-яо идти посланцем к призракам, говорить о руке.

Затем он глубоко вдохнул и своим дыханием разогнал облачко, а также незамедлительно плюнул на культю Иннеса.

– Ты, содомит несчастный! Какого черта ты в меня плюешь?! – взревел Иннес.

– Моя плевать на призрак. – Китаец уже отскочил к двери, но объяснил свои действия довольно вежливо. – Призраки не любить плевков, бояться. Они уходить и не приходиться больше.

Молчавшая до сих пор, я коснулась руки Иннеса:

– Вам до сих пор больно?

Задумавшись, он забыл о китайце, а затем удивленно протянул:

– Знаете, вроде бы и нет. – Бросив хмурый взгляд на лекаря-китайца, он пригрозил: – Все равно не будешь у меня плевать, червяк надутый!

– Нет, моя не плевать больше, – отозвался обиженный мистер Уиллоби. – Теперь плевать твоя – пугать твоя призрак.

Шотландец запустил руку в волосы, не понимая особенностей китайской медицины.

– Черт побери, – бормотал он, натягивая рубаху. – Миссис Фрэзер, лучше уж я буду пить ваш чай, чем вот так плевать.

Глава 44

Силы природы

– Я олух! – оповестил Джейми, наблюдая за общением влюбленных Фергюса и Марсали, ничего не замечавших вокруг, кроме друг друга.

– Отчего же? – пожелала знать подробности я, хотя, по сути, догадывалась, о чем пойдет речь.

Команда, как едва оперившиеся юнцы, так и старые, но от этого не менее бравые матросы, немало забавлялись, созерцая, как две семейные пары изнывают от желания, но никак не могут его удовлетворить. Таким образом их вынужденное воздержание немного скрашивалось от понимания того, что семейным людям временами тоже приходится несладко.

– С тех пор как мы расстались, я все это время мечтал уложить тебя рядом с тобой и насладиться всем тем, чем может наслаждаться мужчина, находясь рядом с женщиной. А вместо этого я вынужден, подобно юноше, прятаться за перегородками и слушать, не идет ли кто, не могут ли нас услышать, – возмущенно говорил Джейми. – И так уже месяц! А чего стоит Фергюс: он так и ждет, чтобы подловить нас! Черт возьми, что у меня было в голове, когда я соглашался на это!

Он бросил суровый взгляд на парочку, которая обнималась на виду у всех, впрочем, ничуть не нарушая этим уговора.

– Ты относишься к Марсали как отец или хотя бы как отчим. Ведь ей всего пятнадцать. Так что здесь нет ничего удивительного.

– Ну да, так-то оно так. Да только в благодарность за отеческую заботу я теперь не могу коснуться собственной жены, вот какие пироги!

– Ну почему же, – мягко возразила я, – касаться меня можно, отчего нет, – здесь я продемонстрировала эту возможность, лаская ладонь Джейми большим пальцем. – Но вот о чем-то большем, разумеется, речи идти не может. Придется тебе попридержаться свою похоть в узде.

Мы честно пытались любить друг друга, сколько это было возможно на корабле под перекрестным огнем взглядов команды и Фергюса, трясаясь от смущения и страха, словно в самом деле были парой подростков. «Артемида», конечно, не была предназначена для любовных утех, поэтому нам негде было скрываться, а единственная наша вылазка в трюм, которая могла увенчаться успехом, кончилась бесславно: огромная крыса взобралась на плечо Джейми. Он не стал продолжать начатое, а я впала в

истерику.

Джейми бросил быстрый взгляд на мою руку, ласкавшую его, и взял мою ладонь в свою, предварительно тронув меня за запястье. Мы ласкали друг друга постоянно, но это, конечно, был плохой способ удовлетворить желание, поскольку он разочаровывал нас и только распалял еще больше.

– Хорошо, могу сказать в свою защиту, что я руководствовался благими намерениями, – улыбаясь, шуточно оправдывался Джейми.

– О да. Тебе известно, куда они ведут?

– Кто, намерения?

Я попыталась сдержать себя, чтобы меньше чувствовать его жгучее прикосновение к запястью. Недаром мистер Уиллоби придавал такое значение науке воздействия на различные точки на теле человека.

– Ну да. Говорят, что они ведут в ад.

Я сделала попытку высвободить свою ладонь из лапищи Джейми, но мне это не удалось: удерживая меня, он смотрел, как Фергюс смешит Марсали, щекоча пером альбатроса у ней под подбородком.

– Ты права, англичаночка. Я ведь хотел, чтобы Марсали хорошенько подумала, нужен ли ей французишка, да и вообще – хочет она замуж или нет. Все еще можно отмотать назад, пока не поздно. А что в итоге? Желая поступить как лучше, я получил только то, что лежу ночами без сна, гоня мысли о тебе и слыша, как Фергюс хочет Марсали. А с утра я должен краснеть при виде матросских ухмылок, которые они прячут в бороды!

Поскольку мимо как раз проходил юнга Мейтленд и хотя у него не было бороды, бедняга представлял сейчас всю команду, ему-то Джейми и послал испепеляющий взгляд, заставивший мальчика бежать что есть духу.

– погоди, что ты хочешь этим сказать? Что значит «слыша»? Как ты можешь слышать, если человек не возится и не стонет?

Мой вопрос смутил шотландца.

– Ну... – протянул Джейми. – Как бы тебе объяснить, чтобы ты поняла? – Нос его покраснел от резкого ветра. Или не только от него? – Ты можешь приблизительно представить, что делают мужчины в тюрьме, когда им хочется любить женщину?

– Да уж представляю, – бросила я.

Интересно начался наш разговор об Ардсмьюире. Что-то я не особо чувствовала интерес к этому деликатному моменту жизни узников.

– Могу догадаться, что ты вообразила. Но отчасти ты права: заключенные, желающие женщину, должны выбирать, спать ли им друг с другом, удовлетворять свои потребности самим либо сойти с ума.

Он прервал излияния и посмотрел в морскую даль, затем покосился на

меня.

– Англичаночка, как ты считаешь, я сумасшедший?

– Преимущественно нет, но вообще да, – призналась я.

Джейми издал короткий смешок, похожий на фыркание, и погасил улыбку.

– Я думал, что есть граница человеческого терпения, за которой начинается безумие. Временами мне казалось, что это лучшее, что могло произойти со мной в тюрьме. Содомитом я не стал, да ты уже, верно, догадалась.

– Представляю, каково же тебе было.

Многие мужчины ни за что бы не пошли на такое, чувствуя непреодолимое отвращение и страх при мысли об использовании другого мужчины, но в исключительных обстоятельствах, возможно, согласились бы, не имея другого выхода. Джейми был не из них. В тюрьме Джека Рэндолла он пережил такое, что лучше было бы сойти с ума, нежели стать содомитом.

Переведя взгляд с морской глади на свои руки, державшиеся за борт, Джейми глухо проговорил:

– Я обещал Дженни не сопротивляться, но не смог. Когда солдаты схватили меня, я отчаянно противился им. Она так боялась, чтобы меня не убили при попытке бегства или при аресте, а я не смог отдать себя задешево, хоть сам заварил эту кашу.

Правая рука была повреждена, и, сжимая ее, Джейми показал, что безымянный палец не сгибается вовсе из-за сломанного второго сустава, даже если пальцы собраны в кулак. Средний палец хранил шрам, тянувшийся на две фаланги.

– В третий раз он сломался о челюсть драгуна, – сказал Джейми, качая безымянным. – При Каллодене был второй перелом. Но это мелочь, то, что я был закован с ног до головы, было гораздо серьезнее.

– Да уж.

Думаю, любой человек, а не только я, жена Джейми, почувствовал бы горечь и боль при мысли о том, что человек, полный жгучего желания жить и любить, вынужден влачить жалкое существование в тюрьме, будучи беспомощным узником, подчиняясь чужой воле.

– Понимаешь, они контролируют нас всецело, там нет места, чтобы уединиться. Это много хуже, нежели быть закованным. Денно и ночью мы предстаем их взорам, словно голые на улице. Забыться можно только во сне, но какое жестокое пробуждение ожидает уснувшего! Они не влезли разве что в наши головы, но очень хотели бы это сделать.

Джейми хмыкнул и поправил волосы.

– Только ночь может подарить узнику хоть немного места. Сидя в темноте, ты не существуешь для них, если только они не влезут к тебе со свечой, понятное дело. Ты можешь глубже уйти в свои мысли, чуточку спрятаться от этого всего.

В маленьких камерах все равно было холодно, так что заключенные сидели, касаясь друг друга спинами и плечами. Не было ничего, что могло бы защитить их, разве что потемки, царившие до прихода стражника со свечой.

– Больше года я сидел закованный, словно привязанная для убоя свинья! Вот так, – он развел руки, чтобы расстояние между ними составляло восемнадцать дюймов, и резко остановился, – ни дюймом больше, ни дюймом меньше. Цепи звенели при любом движении...

Плотские потребности властно требовали своего, и Джейми вынужден был, сгорая от стыда, укрываться во тьме, чутко прислушиваясь к неясному бормотанию и ожидая звуков, свидетельствовавших о том, что он может удовлетворить себя, не опасаясь того, что его услышат.

– Англичаночка, веришь или нет, да только я теперь слышу на расстоянии, когда мужчина хочет, а не только когда он уже возится. Что уж говорить о французе – этот никогда себя не сдерживает.

Все это время Джейми держал руки разведенными на восемнадцать дюймов, а ладони сжатыми в кулаками, но теперь он резко развел руки шире, словно освобождаясь от оков. В его глазах я увидела затаенную боль и гнев, вызванный воспоминаниями, а также желание жить, заставившее его вынести все невзгоды и одиночество, вызванное нашей разлукой.

Мне казалось, что вокруг никого нет, но это было не так: жизнь на корабле кипела, обиденные заботы гнали матросов от одного борта к другому, кто-то карабкался по реям, кто-то прыгал в трюм. Мы же принадлежали сейчас друг другу и в то же время не могли принадлежать так, как хотели бы этого.

Джейми сейчас не скрывал своих чувств и откровенно заявлял о своем желании. Я посмотрела на его руку и подумала:

«Если я коснусь его, он возьмет меня прямо здесь, на палубе, не посмотрев, что мы на людях».

В ответ на мое предположение он взял мою руку и положил на свое бедро, сильно сжав.

– Англичаночка, сколько раз ты принадлежала мне после твоего возвращения? Несколько раз тогда, у мадам Жанны. Потом в вереске, затем в Лаллиброхе, и в последний раз в Париже.

Джейми постучал мне по запястью.

– Ничто не может удовлетворить моего желания. Мне постоянно хочется тебя, причем меня возбуждает один запах твоих волос, не говоря уже о том, когда ты случайно касаешься меня за обедом. А сейчас – ветер рвет твоё платье и облепляет твою фигуру!

Теперь я уже не сомневалась, что он покраснел не только от ветра.

– Иногда мне кажется, что за медный пенни я задрал бы все твои юбки и прижал бы тебя спиной к мачте! Пускай матросы порадуются.

Инстинктивно я сжала его ладонь, а он успел и ответить мне таким же сильным пожатием, и кивнуть канониру.

Звон колокола, звавшего к капитанскому обеду, заставил меня вздрогнуть: я стояла как раз над ним, и металл завибрировал сквозь доски палубы. Фергюс наконец оставил в покое подбородок Марсали, но не выпустил ее из объятий, матросы забежали быстрее, готовясь сменить вахтенных, но мы продолжали стоять у бортика, возбужденные и ненасытные.

– Мистер Фрэзер, капитан приглашает вас к обеду. Велел вам кланяться.

Мейтленд, помня реакцию Джейми, говорил вежливо, но держался подальше.

Судя по вздоху, Джейми готов был остаться без обеда, только бы иметь возможность побыть со мной.

– Спасибо, мистер Мейтленд. Мы обязательно придем.

Еще один вздох свидетельствовал о нежелании Джейми идти куда бы то ни было, но он поборол себя и предложил мне руку:

– Ну что, англичаночка, идем отобедаем?

– Постой-ка.

Я наконец нашарила в глубоком кармане необходимую мне вещь и опустила ее в раскрытую ладонь Джейми.

Это была монетка, изображавшая Георга Третьего, что немало удивило Джейми.

– Аванс, – ответила я на его недоуменный взгляд. – Идем отобедаем.

На следующий день мы вновь прохаживались по палубе: погода особо не баловала теплом, но лучше было дышать холодным воздухом, нежели сидеть взаперти в затхлых каютах. Делая круг по палубе, то есть идя в одну сторону вдоль одного борта, а в другую – вдоль другого, Джейми остановился, чтобы поведать мне кое-что из своего опыта работы печатником.

Под грот-мачтой восседал мистер Уиллоби. Он сидел по-турецки,

свободно водя кисточкой, обмакнутой в черную тушь, по белой бумаге, оставляя на белоснежном листе на удивление четкие следы. Кисточка порхала в его руках, словно мотылек.

Китаец писал иероглифами сверху вниз, и знаки, которые он выводил, образовывали столбик. Со стороны казалось, что это очень легко, но, по-видимому, это умение требовало труда и терпения. По крайней мере мистер Уиллоби выглядел как мастер танцев или фехтования, поражавший воображение кажущейся простотой движений.

Впрочем, матросы, казалось, ничуть не были изумлены мастерством китайца, более того – они не замечали его и ходили так близко, что едва не задевали плитку туши, лежавшую на его носке, а один матрос почти что наступил на бумагу, но, не удовольствовавшись этим, чуть погодя прошел мимо еще раз и все-таки опрокинул тушь.

Второй моряк, который ходил так же мимо китайца прежде, но не смог уронить плитку, теперь стоял над крохотным мистером Уиллоби и сетовал:

– Поди-ка, так заляпать палубу, а! Капитан, чай, не порадует. – Внезапно какая-то мысль осенила его, и он ядовито улыбнулся. – Малец, а не вылизать ли тебе палубу, раз такое дело?

– Да, верно. Пускай вылизет! – отозвался второй матрос и придвинулся к китайцу, закрывая ему свет.

Мистер Уиллоби напряженно прищурился, но занятия своего не бросил и в таких условиях дорисовал второй столбец. Ему даже удалось поставить плитку с тушью на свой носок и начать третий столбец.

– Слышишь ты или нет, желтая крыса! Ну-ка живо... – первый матрос, опрокинувший тушь, донимал китайца и не перестал бы, если бы не Джейми, быстро бросивший платок на пятно, образовавшееся на палубе.

– Простите, джентльмены, но я что-то уронил, – рокочущим голосом произнес Джейми, не скрывая своего раздражения.

Кивнув «джентльменам», он скомкал платок так, что тот вобрал в себя всю тушь, а на палубе осталась махонькая клякса.

Матросы помялись, а поймав взгляд Джейми, составлявший контраст с вежливой улыбкой, сочли нелишним ретироваться.

– Идем, Джо, на корме заждались, – потянул один другого за рукав.

Джейми же сунул платок за обшлаг рукава и двинулся в мою сторону, не глядя по сторонам.

– Англичаночка, согласись, что сегодня прекрасный день. – Он утрированно поглазел в облака, запрокинув голову, потом глубоко вдохнул и заметил: – А воздух, воздух-то какой!

– Обычный день, не вижу ничего особенного. Да и воздух, признаться,

обыкновенный.

Здесь я немножко слукавила: туда, где мы стояли, доносился запах дубленой кожи, лежавшей в трюме.

– Хорошо, что ты помог китайцу. Но, может быть, стоит отправить его в каюту, например, к нам с Марсали, где его никто не будет задевать? – поинтересовалась я, давая Джейми место подле себя.

Он резко выдохнул через нос.

– Нет, я уже пытался. Предлагал ему свою каюту или обеденный стол в кают-компании, но он не хочет, вредный осел.

– Возможно, на палубе лучше видно? – Правда, вид китайца, скрючившегося под грот-мачтой, не внушал такой надежды. – Хотя сомневаюсь, что ему там удобно.

Налетевший ветер едва не забрал у мистера Уиллоби его бумагу, но китаец упорно не желал покинуть палубу, держа одной рукой лист, а другой ловко орудуя кисточкой.

– Да ничуть ему там не удобно! – взревел Джейми, отчаянно теребя в волнении шевелюру. – Он делает это специально, это же и ежу понятно. Ему нравится, как матросы злятся.

– Значит, своей цели он добился: команда явно настроена против него. Только для чего ему это?

Джейми повис на перилах.

– Сложно сказать. Точнее, нельзя сказать однозначно. Ты что-нибудь знаешь о китайцах, встречалась с ними раньше?

– Одно время. Но сейчас они уже не те: никаких кос, никаких пижам и никаких разговоров о женских ногах. Я, по крайней мере, ничего такого не слышала.

Теперь Джейми встал ближе ко мне, и его рука касалась моей.

– В ногах-то все и дело. Наверное, в это сложно поверить, но это так. Одна из девушек мадам Жанны, Жози, поведала об этом Гордону, а от него узнали все.

– И что с ногами? Что там такого можно выдумать? – заинтересованно спросила я.

Джейми прочистил горло и заметно смутился:

– Это немного странно и, в общем, не...

– Да выкладывай уже, не томи. Не думай, что можешь меня напугать или что-нибудь в этом роде. Во-первых, я врач, а во-вторых, многое повидала и большую часть видела вместе с тобой, кстати.

– Понимаешь, китайцы бинтуют ноги девочкам из богатых семей.

– Что-то в этом роде я слышала. – Поскольку, по моему мнению, этого

было недостаточно, чтобы раздуть такой скандал, я добавила: – Ну да, а что здесь такого? Согласна, странный обычай, зато благодаря этому у них небольшие изящные ножки, не то что у нас.

– Изящные? Да ты не знаешь всего! Рассказать, как это проделывают? Девочке, не старше года, подгибают пальцы ног, чтобы они касались пяток, и так бинтуют, очень туго.

– О господи!

– Именно. Снимают бинты только для того, чтобы снова надеть их после мытья ног. Таким образом добиваются того, что пальцы сгнивают – сгнивают! – и отпадают. Когда малышка вырастает, ее стопа превращается в бесформенный комок размером с мой кулак, – здесь Джейми стукнул кулаком по перилам, – но девушка считается красавицей. Дикий обычай.

– Кошмар... Но я не понимаю, при чем здесь...

Бросив беглый взгляд на мистера Уиллоби, я удостоверилась, что он не слышит меня, потому что ветер дул в мою сторону. Но даже если бы он захотел подслушать нас, вряд ли он так хорошо понимал английскую речь.

Джейми раскрыл ладонь и спросил:

– Если моя ладонь – это стопа, что будет, если пальцы подогнуть к пятке?

Чтобы я яснее представила, он согнул пальцы, но я все равно не понимала.

– Что будет? А что должно быть?

Тогда он сунул палец второй руки в кулак и произвел характерный жест.

– Получится дырка, сечешь?

– Да ну нет, ты сочиняешь! Не обманывай меня! Не может быть!

Джейми снисходительно улыбнулся:

– Это правда, англичаночка. К сожалению, это правда, они так делают. Китайчонок утверждает, что для мужчины это самый хороший способ почувствовать неземное удовольствие.

– Ох он и извращенец!

Мой праведный гнев рассмешил Джейми.

– Матросы того же мнения, что и ты, представь. Конечно, европейки выглядят иначе, но у меня есть подозрение, что мистер Уиллоби не отчаивается и пытается добиться, чтобы его любили таким фантастическим образом.

Теперь стали ясны причины такого настороженного, если не сказать враждебного отношения команды к мистеру Уиллоби. К своему удивлению, я поняла, что хоть матросы и отпускают соленые шуточки, к женщинам они

все же относятся романтически по той простой причине, что очень редко видят девушек и еще реже с ними общаются.

Я послала китайцу недружелюбный взгляд, который, конечно, он не мог заметить.

– Хорошо, с женщинами ясно, а моряки? Что они ему сделали?

– Здесь уже идейные соображения, – съязвил Джейми. – Мистер И Тьен Чо полагает, что жители Поднебесной – люди, а все прочие – варвары.

– Ого...

Как на грех, немытые ноги Броди Купера как раз проворно спускались по вантам, и мне подумалось, что отчасти китаец прав.

– Ну хорошо, а ты тоже варвар?

– Ну конечно, англичаночка, кем же мне еще быть, как не варваром. Мистер Уиллоби называет меня дурно пахнущим гао-фе, что по-китайски значит «демон-чужеземец». К этому он добавляет «хуан-шу-лан», то есть я еще и вонючий, подобно хорьку, если я ничего не путаю. А моя морда походит на морду горгульи.

– Неужели ты слышал это от него самого?

Как-то не верилось, чтобы китаец благодарил за спасение жизни таким странным образом, но Джейми резко заявил:

– Разве не знаешь, как алкоголь действует на плюгавых мужчин? Едва пригубив, они уже несут околесицу, из которой следует, что они могучие плечистые великаны, а все вокруг – пигмеи. Бренди действует чудесным образом, прямо волшебный эликсир, от которого самомнение возрастает в разы.

Кивнув в сторону мистера Уиллоби, истово сидевшего под мачтой, Джейми продолжил:

– Будучи трезвым, он говорит не так много, но, будь уверена, в мыслях он обзывает тебя последними словами. Беспрестанно злится, потому что понимает: кабы не я, он бы давно уже не жил – выбросили бы в море через окошко. Да и сейчас тоже могут выбросить.

Я сообразила, отчего мы стоим на палубе и отчего проходящие мимо матросы посылают в сторону китайца свирепые взгляды, но не решаются его тронуть: Джейми защищал своего странного друга, из-за которого столько раз попадал в передраги, но был готов рискнуть ради него снова.

– Выходит, что китаец жив только твоими молитвами и вообще питается за твой счет, и при этом поносит тебя последними словами! Вот и думай о человеческой благодарности...

– Что поделать.

Джейми убрал со лба прядь волос, выбитую ветром, и приблизился ко

мне так, чтобы наши плечи почти касались.

– Он может говорить что ему заблагорассудится, потому что по-китайски никто не понимает. Кроме меня.

– Да? Как же он общается?

Я положила ладонь на ладонь Джейми.

– Конечно, я не специалист по китайскому языку, правду говоря. – Джейми опустил глаза и принял сосредоточенное выражение. – Но я прекрасно знаю, что значит жить, когда у тебя есть только гордость и единственный друг. Поэтому я считаю, что понимаю его как никто другой.

Мне подумалось, что этим единственным другом Джейми был, скорее всего, Иннес, если исходить из рассказов последнего. Я тоже знала, что значит иметь всего лишь одного друга, которому можно по-настоящему довериться, – я знала это благодаря Джо Эбернети.

– Знаешь, я понимаю тебя. У меня была похожая ситуация в больнице...

Неистовый крик не дал мне закончить фразы: кричали из камбуза, находившегося под нами.

– Тысяча чертей! Пускай жарят тебя на сковороде в кипящем масле! Проклятое свиное рыло! Вонючий ублюдок!

Проклятия звучали все громче, и матросы уже удивленно поглядывали на люк камбуза, соображая, что кричат оттуда. Взбешенный кок не замедлил явиться из люка, высунув оттуда голову в черном платке, и осыпал нас новой порцией брани:

– Вы, жирные лентяи! Какого лешего вылупили баньки? Пожиратели говна! Шевелите мозгами и ползите сюда! Дайте двух увальней, пускай поработают немножко! Или вы думаете, что я буду таскать это дерьмо сам? На одной ноге да туда-сюда по трапу? Живо вытащите эту гадость и за борт ее, за борт! Да немедленно!

Отдав такое распоряжение, мистер Мерфи скрылся в люке. Пикар вскинул брови и приказал молодому матросу спуститься в камбуз.

Довольно быстро мы поняли, в чем дело: в кухне загромыхла тяжеленная посуда и донесся мерзкий запах.

– О боги, что это?

Я быстро достала носовой платок: дни, проведенные на «Артемиде», приучили меня всегда иметь при себе кусочек ткани, смоченный грушанкой, для облегчения дыхания в условиях воню.

– Что так мерзко пахнет?

– Думаю, чтодохлая лошадь, – отозвался Джейми, зажимая длинный нос. – Запах говорит о том, что она сдохла несколько месяцев назад, никак

не позже.

Моряки, стоявшие вокруг, не выбирали выражений и откровенно говорили, что думают по поводу этой вони на борту. Из люка была вытащена громоздкая бочка, которую теперь кантовали по палубе Мейтленд и Гросман. Их зеленые физиономии и отвратительная желто-белая масса, колыхавшаяся в бочке, очень походившая на копошащихся червей или личинок, дополняла картину и заставляла думать о том, что кок недаром устроил разнос команде.

– Гадость! – прошипела я.

Ребята тащили бочку молча, но им, по всей видимости, тоже хотелось сказать пару словечек покрепче моего. Подкатив свою ношу к борту, они с видимым усилием перебросили ее в море.

Матросы, не занятые вахтой, ринулись смотреть, как бочка качается в кильватере. Мистер Мерфи тоже был здесь – он витиевато описывал свое отношение к поставщику, у которого купил будто бы свежую конину. Один из моряков, итальянец Манцетти, невысокий ростом и с собранными в конский хвост волосами, клал порох на полку.

– Здесь акула. Отличная еда, если пристрелим, – объяснил он, сверкая белозубой улыбкой.

– Да, коль уж повезет, – отозвался Стерджис.

Так, значит, они собираются убить акулу из мушкета прямо с корабля! Матросы сгрудились поглазеть, как будут убивать акулу. Мне было известно, что здесь водятся акулы, более того – я сама видела, как темные тени легко плывут за кораблем, помогая себе серповидными хвостами. Мейтленд показал их мне вчера ночью.

– Смотрите!

Несколько матросов вскричали одновременно, заведя, как бочка со зловонным содержимым подскочила от удара и завертелась. Манцетти навел мушкет на бочку. Бочка дернулась еще несколько раз подряд, но итальянец не спешил стрелять.

В воде было тяжело что-либо рассмотреть, но над водой можно было заметить быстрое движение, за которым последовал толчок. Когда бочка крутилась, я увидела, как над водой появился спинной плавник громадной рыбы. Манцетти выстрелил. Звук выстрела получился не очень громким, зато облачко дыма понесло ветром мне в глаза.

Моряки, наблюдавшие за процессом, закричали, из чего я сделала вывод, что Манцетти попал. Бурое пятно на воде вокруг бочки говорило о том же.

– Но куда попал итальянец – в акулу или в бочку? – поинтересовалась

я у Джейми.

– Вообще говоря, в бочку. Зато выстрел знатный.

Манцетти выстрелил еще, затем еще раз. Бочка, подталкиваемая акулами и вертевшаяся от выстрелов, плясала в воде; дерево разлеталось от ударов акульих зубов, и под ним на воде выступала кровь. Морские птицы не замедлили явиться, чтобы полакомиться кониной, и ныряли вниз.

– Не выйдет. Я не попаду в акулу – очень далеко, – заявил Манцетти, утирая лоб рукавом.

От напряжения он вспотел и был весь мокрый. Пороховая гарь осела ему на лицо и на одежду, так что рукав, которым он утирался, оставил на его физиономии белую полосу, сделавшую его похожим на енота.

– Акуля вырезка – неплохое лакомство, – произнес капитан, тоже наблюдавший за бесплодными попытками итальянца убить акулу. – Месье Пикар, как вы смотрите на то, чтобы спустить лодку на воду?

Боцман, которому был адресован вопрос, согласился с этим рискованным предложением и отдал приказ спустить лодку. В нее поместились вооруженный Манцетти и трое матросов, державших веревки и остроги, предназначенные для убийства. «Артемида» круто заложила к ветру и приблизилась вплотную к тому, что осталось от бочки.

Разумеется, к этому времени о бочке напоминали только щепки да обломки, но акулы не желали покидать это место, разрезая морскую гладь острыми плавниками. К ним присоединялись галдевшие и кружившие над ошметками птицы.

Одна из пернатых стала жертвой своего алчности: акула, выпрыгнув из воды и разинув зубатую пасть, проглотила птицу и скрылась в глубине.

– Ух ты... – поразила я.

Оказывается, видеть акульи зубы вживую – зрелище куда более впечатляющее, чем созерцать фотографии из «Нэшнл джиографик». Заостренное рыло и пасть, вся в крови, бьющаяся в конвульсиях птица...

На Джейми это тоже произвело должное впечатление:

– «Бабушка, к чему тебе такие зубы?» – пришла ему на ум фраза из сказки. Признаться, лучше наше впечатление передать было нельзя.

– Да уж, насчет зубов не беспокойтесь – они у них будь здоров! – Мистер Мерфи был очень оживлен и даже, я бы сказала, плотояден. – Зато мозгов у акул почти нет, поэтому даже если засадить глупой рыбине пулю промеж глаз, это ей не помешать жить, поверьте.

Наблюдая за тем, как Манцетти и другие матросы пытаются приблизиться к остаткам бочки, Мерфи погрозил кулаком акулам и крикнул сидящим в лодке:

– Манцетти, если ты забудешь хотя бы одну из этих тварей, я самолично презентую тебе бутылку доброго бренди!

– Ммм, мистер Мерфи... Вы так возбуждены. Какие-то личные счета или вы просто желаете приготовить изысканное блюдо из акульего мяса? – спросил Джейми.

– Все сразу, мистер Фрэзер. Я не могу определить, что же мной движет более всего. – Притопнув деревяшкой, кок изрек: – Гадины знают, какой вкус имеет старина Мерфи, но и я знаю, что такое акулье мясо! Нет лучшего лакомства для мистера Мерфи, старого кока!

Тучи круживших над бочкой птиц закрывали лодку, а крик, издаваемый ими, заглушал все звуки, однако наивно было полагать, что яростный рев мистера Мерфи можно заглушить.

– О, стейк с горчицей! Печень с пикулями, томящаяся на огне! Суп из акульих плавников! – кок предвкушал, как поквитается с животными. О сладость мести! – Желе из глаз акулы! Будешь знать, проклятая гадина! Ты попомнишь старого Мерфи!

Тем временем итальянец целился в одну из акул. Поскольку звуков, как я уже сказала, не было слышно, мы поняли, что он выстрелил, по белому дымку над ружьем. Затем произошло что-то совсем непонятное: я увидела мистера Уиллоби.

Все люди, толпившиеся на палубе, всю главели на охоту, так что никто не видел, чем занят китаец. А он прыгнул с корабля прямо в открытое море, к акулам. Вокруг шлюпки с Манцетти и тремя матросами кипела битва, и маленький китаец направился прямо туда, в звериное логово. Мы увидели его, только когда бритая макушка показалась из воды. В руках мистера Уиллоби билась большая птица. Видимо, она не могла избавиться от его цепкой хватки и была крыльями по воде, взбивая пену.

Не сдержавшись, я вскричала от страха за мистера Уиллоби. Джейми, не видевший китайца в воде, обернулся на мой вопль, секунду раздумывал, а после вскочил на поручни и плюхнулся в воду, мгновенно уйдя на глубину. Мерфи издал удивленное восклицание, а я завизжала.

К нашим крикам добавились крики команды и, в довершение всего, вопль Марсали, режущий барабанные перепонки. Холодея от ужаса, мы видели, как Джейми выныривает возле китайца и хватает его за шею, уворачиваясь от взмахов гигантских крыльев морской птицы. На какую-то долю секунду мне показалось, что Джейми может бросить мистера Уиллоби, если тот не выпустит птицу, но он начал двигаться к «Артемиде» вместе с китайцем и его добычей.

В лодке тоже закричали, но то был торжествующий крик. Одна из

акул, проколота острой и обвязанная веревкой, следовала за шлюпкой – это событие и стало причиной радостных возгласов, которые, однако, быстро смолкли, стоило матросам заметить Джейми в воде.

С «Артемиды» бросили тросы, но матросы беспорядочно бегали по палубе, не понимая, кому помогать в первую очередь.

Джейми вместе с его «добычей», то есть с китайцем и с его добычей, был втянут на правый борт корабля, где он бессильно прислонился к борту, закрыв глаза, а животное, должное служить лакомством для мистера Мерфи и капитана, трепыхалось у левого борта, ожидая своей участи. К слову, несколько кусков мяса из нее были уже вырваны другими акулами, ее сородичами.

– Господи... – выпалил Джейми.

Сейчас он был похож на рыбу, внезапно вытащенную из воды.

Я принялась утирать его лицо юбкой, а он лежал плашмя на палубе и хватал воздух ртом. На мой вопрос, в порядке ли он, Джейми только ухмыльнулся.

– Господи ты боже мой! – он сел рывком и зачихал. – Думал было, что мне пришел конец. Моряки оказались дураками: потащились со своей лодкой к нам с китайцем, а ведь с ними была загарпуненная акула! Все эти твари и рванули следом...

Джейми водил рукой по икрам:

– Англичаночка, я до жути боялся, что они откусят мне ногу. Веришь ли, никогда ничего не боялся, как этого. Лучше лишиться жизни, чем ноги. Не сердись.

– Раз и жизнь сохранил, и нога в сохранности, тогда не буду, – сухо сказала я.

Как и следовало ожидать, нервное напряжение и резкое погружение в воду дали себя знать: Джейми начала бить дрожь. Я отдала ему шаль и решила поглядеть, где сейчас спасенный в который раз китаец.

Мистер Уиллоби сидел неподалеку со своей добычей, ради которой все и затеял, – это был молодой пеликан. Неудивительно, что китайцу так тяжело было удерживать птицу, ведь она была размером почти с него самого, зато его усилия были вознаграждены, и теперь он занимался только им, не обращая ни на кого внимания. Команда не сдерживала своих чувств и осыпала мистера Уиллоби и его причуду самой отборной руганью, но крошка китаец находился под невольной защитой своего воспитанника, чей громадный клюв действовал на моряков устрашающе.

С другой стороны палубы доносились звуки разделывания туши. Моряки встретили это событие торжествующими возгласами и начали

полосовать шкуру акулы, только что разрубленную пополам мистером Мерфи. Сам кок сиял от удовольствия, неся окровавленный топор и обрубок хвоста. В его руке была сетка с акульей печенью внушительных размеров.

– Ну как оно, а? – мистер Мерфи сунул хвост под мышку и потянулся к Джейми, чтобы взъерошить ему волосы в отеческом жесте. – Признаться, я не думаю, что стоило спасать китайца, но ваш поступок в любом случае заслуживает уважения. Вот, сварю похлебку из хвоста – отменное средство против простуды.

Идя к камбузу, мистер Мерфи продолжал размышлять, какими блюдами побаловать команду.

– К чему китайцу пеликан? – задала я Джейми этот вопрос в надежде, что он знает ответ, но он только пожал плечами и утерся рукавом рубашки.

– Кто его знает. Может, очередная причуда. Наверное, хочет съесть, иначе ума не приложу, зачем потребовалось так рисковать.

Кок уже ступил на трап, чтобы идти в кухню, но услышал наш разговор и решительно заявил:

– Пеликан – не та птица, которую стоит есть: от нее несет рыбой. Но вообще неясно, откуда он здесь, ведь они не летают в открытом море, тяжело им, с такой-то потешной фигурой. Штормом, что ли, принесло.

Наконец мистер Мерфи исчез в камбузе, приговаривая, как будет управляться с петрушкой и перцем.

Джейми хлопнул себя по лбу:

– Наверное, писать ему нечем, вот и решил пустить птичьи крылья на перья. Англичаночка, идем-ка вниз, я высушу одежду.

Тон его был шутливый, но я ясно видела, что он озирается по сторонам, как заговорщик. Нас никто не видел: матросы толпились над акулой, а Фергюс, чье внимание было таким нежеланным для Джейми, рассматривал отрубленную акулью голову вместе с Марсали. Мы поняли друг друга с полуслова.

Хватило тридцати секунд, чтобы мы влетели в каюту. Волосы Джейми еще не высохли, и теперь соленая влага скапывала мне на плечи и грудь, скользя под платье, дразня и возбуждая, а его губы, напротив, были жарки и настойчивы. Несмотря на то что еще пять минут назад он барахтался в открытом океане, его тело под мокрой рубахой было горячим.

– Проклятье! Я не могу стащить штаны – они прилипли ко мне! – вскипел Джейми, когда понял, что не сможет удовлетворить страсть так быстро, как ему хотелось бы.

Он нервно подергал за шнурок, но тот не поддавался: вода с большим

содержанием соли намертво зафиксировала узел в том положении, в каком Джейми завязал его, надевая штаны.

– Есть нож? – осведомилась я, понимая, что нужно будет прибегнуть к радикальному решению проблемы.

Смотреть, как Джейми пытается вытащить рубашку из штанов, было и смешно, и грустно, поэтому я бросилась к столу, полагая, что найду там нож. Отметая в сторону все, что не было необходимо, я, конечно, произвела беспорядок на столе, но все же нашла требуемый предмет – костяной ножик, предназначенный для открывания писем. Схватив его, я немедленно ринулась к Джейми, но, видимо, схватила его за штаны слишком резко, потому что он вскрикнул:

– Англичаночка, умоляю, не так резво! Ты что, надеешься меня оскотить? Тогда нет смысла снимать штаны, если ты и так справишься.

Как бы мы ни были возбуждены, такое заявление вызвало дружный приступ смеха.

– Смотри!

Джейми влез в хаос, располагавшийся на его койке, и нашел там кортик, которым не замедлил помахать перед моим носом. С помощью кортика, которым он не боялся обрезать, проблема со шнурком решилась очень быстро, и Джейми, схватив меня в охапку, усадил на стол. На пол полетели бумаги, перья и, очевидно, чернила, потому что я успела услышать стук тяжелого предмета по полу. Джейми рывком поднял все мои юбки и навалился на меня, раздвигая таким образом мои бедра. Соленая рубашка обожгла мой живот и заставила меня вскрикнуть, но еще больше я завозилась, когда услышала шаги у двери.

– Стой, сюда идут! – зашипела ему я, но Джейми, похожий на огненную саламандру в мокрой шкуре, ответил только:

– Нет уж, теперь я немедленно возьму тебя!

Резким толчком он раскрыл меня, и я укусила его за его плечо, чувствуя ткань на вкус, но это не помогло.

После нескольких толчков я обхватила его ногами и уже не боялась, что кто-то увидит нас.

Джейми взял меня быстро и глубоко как никогда. Он снова входил в меня, содрогался и рычал, стоя передо мной.

Каюта его была разгромлена всего за несколько минут, и когда Иннес открыл дверь спустя время, мы еще не успели ничего убрать. Правда, я уже была одета, хотя и наспех, на Джейми же, сидящем на табурете, была только рубашка. Он закидывал назад волосы из растрепавшейся шевелюры.

Иннес промолчал, но крылья его носа дернулись. Так же молча он

вошел в каюту и вытащил бутылку с бренди из-под койки, приветственно кивнув мне перед этим.

– Китайцу. У него теперь простуда, – объяснил шотландец причину этого ограбления.

У двери он остановился и проговорил, обращаясь к Джейми:

– А ведь вы тоже можете обратиться к коку за средством от простуды. Закажите ему какой-нибудь бульон, Макдью. Даже если взмокнешь после труда, можно простудиться, не говоря уж о той передрыге, в какую попали вы. Вы ведь не хотите заболеть лихорадкой? – блеснул глазами Иннес.

Джейми провел рукой по спутанным, отчасти морем, отчасти мной, волосам и заулыбался.

– В таком случае, Иннес, я умру счастливым.

Мистер Уиллоби не оставил пеликана в покое и на следующий день. Тогда мы и узнали, зачем он так рисковал ради поимки птицы. Пеликан восседал на сундуке, где обычно хранилась парусина, и хлопал глазами, но когда я попыталась подойти ближе, он защелкал клювом. Это было единственной его защитой: крылья птицы были обмотаны тканью, поэтому напугать меня хлопаньем крыльев он не мог.

Китаец был занят леской, в конце которой извивался кальмарчик. Предлагая пищу пеликану, мистер Уиллоби сказал что-то по-китайски, но тот не хотел есть или по крайней мере не решался. Тогда китаец поднял птице верхнюю часть клюва и опустил маленького кальмара в мешок, находившийся под клювом пеликана.

Удивившись, пеликан съел предложенную пищу, на что мистер Уиллоби сказал «хао-ляо», что, судя по всему, означало одобрение.

Поскольку я наблюдала за происходящим, китаец показал, чтобы я подошла к нему, и указал на пеликана.

– Пинг Ан. Хороший птица.

Значит, пеликан уже имел имя, и мне даже показалось, что он готов на него отозваться, потому что при словах мистера Уиллоби он поднял перья на голове, образовав хохолок. Это было забавно, пусть огромный клюв и внушал опасение. Я подошла ближе.

– А для чего он вам?

– Пинг Ан охотиться для моя. Я учить, ваша смотреть.

Я стала наблюдать, как китаец будет обучать птицу. Пинг Ан с помощью мистера Уиллоби съел нескольких мелких рыбок и кальмарчиков, затем хозяин птицы обмотал шею пеликана полоской ткани, пояснив:

– Теперь не может глотать. Если его глотать – задохнуться.

Далее к этому импровизированному ошейнику был приделан линь, и

пеликан был освобожден от ткани, сковывавшей его крылья. Я была предупреждена знаком, что мне нужно поберечься, и отошла.

Пинг Ан потоптался по сундуку, оценивая свои возможности и удивляясь прихотям хозяина, который то связывает, то снова отпускает, развел крылья в стороны и вдруг поднялся в воздух.

Видя пеликанов преимущественно в зоопарках, мы не в состоянии оценить мощь этих птиц, но если вам придется видеть летящего пеликана, вы поразитесь, насколько он красив в своей первозданной грации. Пускай на фоне элегантных чаек и альбатросов он походит на птеродактиля, зато в воздухе он теряет свою неуклюжесть и потешность.

Пинг Ан поднялся настолько высоко, насколько мог, ограниченный линем, проверил, можно ли воспарить выше, и, когда понял, что нельзя, начал летать кругами. Китаец, цепко держа линь, наблюдал, как летает птица, хоть солнце и слепило ему глаза. Матросы, зачарованно глядя на пеликаний полет, словно на полет огромного воздушного змея, бросили всю свою работу и глядели, как птица, сложив крылья, нырнула под воду и вышла из воды, понукаемая мистером Уиллоби. Как и следовало ожидать, Пинг Ан не спешил отдавать свой улов, но был вынужден это сделать. Китаец вытащил из подклювного мешка леща. Мистер Пикар был изумлен больше всех и с благоговейным ужасом смотрел, как ловко мистер Уиллоби управляет с лещом, разрезая вдоль еще живую рыбу. Одну половинку китаец скормил пеликану, держа его за крылья.

— Это для моя, — указал он на вторую половинку, запачкавшую сундук кровью.

Через неделю Пинг Ан летал без линя, но все же с ошейником. Мистеру Уиллоби удалось приручить птицу за такой короткий срок так, что она прилетала после охоты, принося в клюве свой улов. Разумеется, часть рыбы из мокрой кучки, переливающейся на солнце и сверкавшей всеми цветами радуги, доставалась самому пеликану. В свободное от ловли рыбы время он усаживался на салинге, дразня матросов, которым приходилось оттирать палубу после него, или бегал за крохотным мистером Уиллоби, превосходя восьмифутовым размахом крыльев его в несколько раз.

Теперь команда немного изменила свое отношение к китайцу и не задевала его по пустякам. Безрассудная ловля пеликана и дальнейшее его обучение восхитили всех, а клюв желтоглазого Пинг Ана служил надежной защитой, и мистер Уиллоби с удовольствием просиживал все погожие дни под мачтой, нанося на бумагу столбцы знаков.

Мне было интересно, что же делает китаец, когда его никто не видит, а торчать у него над головой не хотелось. Я укрылась за мачтой. Он смотрел

на страницу, гордый своей работой. Ровные столбцы иероглифов выглядели очень красиво, хотя их смысл оставался мне недоступным.

Посмотрев, что вокруг никого нет, мистер Уиллоби выхватил кисточку и тщательно вывел в верхнем левом углу еще один знак. «Подпись», – догадалась я.

Глубоко вздохнув, он поднял глаза на море, но видел не океан, не дельфинов и не акул – таким мечтательным был его взгляд.

Испустив вздох еще раз, он качнул головой, отвечая самому себе на какие-то мучившие его душу вопросы, и осторожно сложил бумагу вначале вдвое, затем вчетверо и после вшестеро. Все это он проделал сидя. Дальше произошло непонятное: встав, он понес конвертик к борту и бросил его с вытянутой руки в воду.

Впрочем, в воду бумага не упала благодаря ветру, подхватившему ее и унесшему вдаль, где она стала похожей на чисто-белую чайку или крачку, одну из многих летевших за «Артемидой» в надежде поживиться объедками.

Мистер Уиллоби не видел этого – он уже спускался с палубы, по-прежнему мечтательный и по-своему счастливый.

Глава 45

История мистера Уиллоби

Когда центр Атлантического круга остался позади, а «Артемиды» двигалась все дальше на юг, стало намного теплее, и матросы собирались по вечерам на полубаке, находя себе занятия по вкусу: песни, пляски (Броди Купер аккомпанировал на скрипке) или просто разговоры.

Мы шли к югу, а это значило, что владения кракена и разнообразных морских змей остались позади. После этого морские гады и чудовища интересовали команду не так горячо, поэтому байки о тварях уступили место рассказам о родных местах каждого из членов команды. Наконец все было рассказано, и обделенным вниманием остался только мистер Уиллоби. Любопытный юнга Мейтленд пожелал узнать и историю китайца, сидевшего, по обыкновению, под мачтой, и обратился к нему с такими словами:

– Как ты оказался на наших землях? Китай ведь так далеко. Говорят, что в вашей стране живет очень много людей, правда, китайские моряки попадались мне очень редко. Что, так хорошо живется, что никуда не путешествуете?

Крохотный мистер Уиллоби, в который раз ставший центром внимания всего корабля, отнекивался и неохотно соглашался поведать свою историю, но матросы проявили настойчивость. Их интерес был неподдельным, и польщенный китаец согласился, разве что попросил Джейми выполнить функции переводчика, чтобы быстро говорить по-китайски, не задумываясь, как сказать желаемое по-английски. Джейми, разумеется, был только рад помочь китайцу и уселся рядом, с готовностью ожидая начала рассказа.

– На родине я был мандарином, к тому же мастером словесности, способным сочинять собственные произведения. Моей одеждой был прекрасно вышитый халат из шелка, поверх которого надевался еще один шелковый халат, только синий – признак того, что носящий его принадлежит к ученому сословию. Этот второй халат на груди и спине носил изображение фен-хуан, птицы огня.

– Должно быть, это феникс, – высказал свое предположение Джейми и осекся, видя, что мистер Уиллоби терпеливо ждет.

– Я появился на свет в Пекине – это столица Сына Неба.

– То есть столица их императора, – прошептал мне в ухо Фергюс. –

Однако же и наглые эти китайцы, если приравняли его к Иисусу Христу!

Матросы, услышав возмущенный шепот Фергюса, зашикали на него, побуждая умолкнуть. Тот в ответ показал довольно грубый жест, но все же обратился в слух, чтобы узнать продолжение рассказа.

– Я с молодых ногтей интересовался искусством сочинительства. Следует признаться, кисточка и тушь не сразу подчинились мне, и мне пришлось приложить немало сил, чтобы танец образов, похожих на журавлей, в моем сознании излился на бумагу в виде знаков. Когда я ощутил в себе достаточно сил, я показал свои труды мандарину Ву Сену, придворному Сыну Неба. Он по достоинству оценил мою работу и дал мне кров и пищу. У меня были все условия для совершенствования, и я был признанным мастером, носившим красный коралловый шар на шапке с двадцати пяти лет. О, это была высокая честь! – прикрыл глаза китаец, предавшись воспоминаниям. – Но злой ветер принес в мой сад семена злосчастия. Я приписываю это вражескому проклятию. Возможно, я был слишком высокомерен и утопал в гордыни, поэтому пропустил время жертвоприношения, но я чтил своих достойных предков и каждый год посещал фамильную гробницу. Мною были зажжены все свечи в зале предков...

– Думаю, сочинения китайца такие же пространные, как и этот рассказ. Тогда ничего удивительного, если он заявит, что китайский царь приказал бросить его в реку, – я бы поступил точно так же, если бы слышал такую нуднятину, – заворчал француз.

– Мои стихотворения увидела госпожа Ван Мей, вторая жена императора, мать четырех сыновей императора. Ее просьбу зачислить меня в штат придворных удовлетворили. Так я попал ко двору.

– Так это же здорово! – выпалил Гордон и подался вперед. – Не каждому доводится быть представленным ко двору.

Китаец догадался, о чем его спрашивают, и согласно кивнул:

– Да, это была огромная честь, шанс, который боги дают человеку один раз. Отныне я должен был жить при дворе, путешествовать по улицам в паланкине, сопровождаемый стражей. Слуги обязаны были нести тройной зонт, говоривший о величии моего сана, и, быть может, я получил бы когда-нибудь павлинье перо на шапку. Книга заслуг должна была содержать мое имя, внесенное туда золотыми письменами.

Мистер Уиллоби потрогал свою голову, уже зараставшую волосами в бритой ее части и похожую теперь на теннисный мячик.

– Но я должен был выполнить одно условие – стать евнухом, как все слуги императора.

Общий вздох служил лучшим подтверждением солидарности с китайцем. Люди на миг умолкли, а потом загалдели наперебой. Было ясно, что матросы высказывают свое мнение насчет придворных традиций, но «Чертовы язычники!» и «Желтомордые ублюдки!» были самыми мягкими выражениями, которые я могла расслышать в общем гомоне.

– А как становятся евнухами? Что для этого нужно сделать? – невинно поинтересовалась Марсали.

– Chérie, поверь, тебе это не нужно знать, – обняв девушку, поспешил сказать Фергюс. – Ты покинул дворец, mon ami? – В голосе француза слышалось сочувствие. – Я сделал бы то же самое.

Моряки дружно поддержали это решение гомоном десятков голосов. Итак, общественное мнение всецело было на стороне мистера Уиллоби, и, ободренный, он продолжил повествование:

– Отказаться от дара, предложенного императором, – бесчестный поступок, карающийся смертью, но я не мог поступить иначе, пребывая во власти любви к женщине. Да, я слаб духом!

Слушатели снова заохали, понимая, о чем идет речь. Китаец же потянул переводчика за рукав и уточнил что-то.

– Да, прости, – поправился Джейми и провозгласил: – Я сказал «к женщине», но это не так: надо понимать под этим женщин вообще, всех. Так? – обратился толмач к китайцу.

Тот кивнул маленькой круглой головой, на которой читалась тоска по родине, по ушедшим временам и готовность защищать свой выбор.

– Именно так. Женщины были самыми прекрасными созданиями, каких я когда-либо видел. Они очень красивы, подобно лотосу, грациозны, утонченны, как молочай на ветру. Существуют мириады звуков, присущие только им, и они всегда разные – щебет ли рисовки, соловьиные трели, воронье ли карканье, – здесь мистер Уиллоби ухмыльнулся и сузил глаза, отчего они сделались щелочками, а моряки засмеялись, живо представив каркающих переругивающихся женщин, – и всегда женщина прекрасна и желанна. Я всегда писал только о них, о девочках, девушках и женщинах, и довольно редко о конкретной госпоже. Они прекрасны: их груди пахнут абрикосами и подобны абрикосам на вкус, особенно когда их обладательница просыпается на рассвете, их лобок нежен и наполняет руку подобно спелому персику.

Эти слова были встречены немym восхищением, сменившимся разнообразными возгласами, а пораженный Фергюс зажал руками уши Марсали.

– Еще бы его не позвали ко двору! – оценил мастерство китайца

Риберн. – Язычники, и слог языческий, но все равно здорово.

– Точно по праву носил помпон на шапке, – отозвался Мейтленд.

– Может, стоит выучиться китайскому, а? – подал идею помощник шкипера. – А стихи у тебя с собой, малый?

Джейми замахал руками, давая знак молчать, но в задних рядах все равно галдели: палуба была полна моряков, образовавших круг, центром которого являлась мачта с сидевшим под ней мандарином.

– Была ночь фонарей, очень большой праздник, – заговорил опять мистер Уиллоби. – В это время все люди выходят на улицу, и мне было сподручно бежать. Торжества начинаются в сумерки, и тогда я надел страннические одежды.

– В качестве траура китайцы носят белые одеяния, а не черные, как мы. – Джейми счел необходимым дать пояснения к рассказу. – Тогда они совершают паломничество к гробницам предков.

– В руках я держал анонимный фонарь, то есть такой, на котором не указаны ни имя, ни адрес. Никто не мог меня видеть – я проскользнул сквозь толпу праздновавших. Было очень красиво: слуги во дворце били в гонги, караульные – в барабаны из бамбука, над дворцом запустили многочисленные фейерверки.

Маленький мандарин погрузнел.

– Каждый поэт хотел бы попрощаться с родиной так, как это сделал я, – бежать в праздник, когда все веселы и нет места унынию. Таким я и запомнил Китай. Уже в воротах, охраняемых стражниками, я обернулся и увидел будто бы запретный сад, куда мне не было более доступа. Крыши дворцовых зданий сияли пурпуром и золотом и издали напоминали прекрасные цветы...

Праздничная ночь была благосклонна к беглецу, но день принес невзгоды.

– Я запомнил, что у меня длинные ногти, – внезапно сказал китаец. – Все мандарины должны носить длинные ногти как показатель того, что физический труд не для них.

По этому знаку его, конечно, узнали уже в доме, где он попросил приюта на время. Слуга донес начальнику стражи, а тот отправил погоню вслед за И Тьен Чо. Чудом попавшаяся канава, поросшая кустарником, сохранила жизнь китайцу.

– Там я и расстался со своими ногтями. – В это трудно было поверить, но ногти мистера Уиллоби, бывшие когда-то длиной в фалангу пальца, сейчас были обрезаны под корень. – Так было нужно, потому что я не мог избавиться от золотых да-ци иначе: они были вделаны в ноготь.

Ему повезло: неподалеку крестьянин сушил одежду, и китаец украл ее, чтобы поменять платье, оставив непригодные в хозяйстве ногти, расписанные иероглифами. Он шел к морю, покупая еду, пока была такая возможность, но деньги не успели даже кончиться: его ограбили разбойники, правда, оставив его в живых.

– Мне, мандарину, привыкшему есть из золотой посуды, приходилось воровать еду или голодать, когда не удавалось ничего украсть. Ветер удачи все-таки настиг меня, и мне повезло найти торговцев снадобьями. Они шли на ярмарку, и мы договорились: они кормили меня и давали возможность переночевать, а взамен я придумывал красивые надписи для ярлыков на пузырьках и баночках и писал зазывающие слова на их флагах и вывесках.

Таким образом добравшись до моря, мистер Уиллоби проник в порт, где хотел наняться на какой-нибудь корабль, но его воспитание подвело его, поскольку чтобы вязать морские узлы и крепить снасти, нужно иметь пальцы, привычные к грубой работе, а китаец, конечно же, не знал ничего, кроме кисточки и туши. Его целью было удалиться от берегов Китая как можно дальше, для чего следовало попасть на корабль, уходивший на запад. Самым «варварским» был корабль «Серафина», имевший портом приписки Эдинбург. На него-то и пробрался мистер Уиллоби, спрятавшись в трюме.

– То есть ты хотел оставить родные края навсегда? Это требует большой смелости, – заметил Фергюс.

– Император не хочет отпустить меня. Моя бежать или умирать, – отрезал китаец по-английски.

Моряки завздыхали, представив такую беспощадную власть, и умолкли. Наконец воцарилась тишина, которую нарушали только скрип снастей и звуки ночного океана. Мистер Уиллоби смог спокойно допить грог из кружки, стоявшей между его ног. Затем он тронул Джейми за плечо, показывая, что хочет снова говорить.

– Интересно, но вторая жена любила мои стихи, где я описывал чувственную любовь к женщине. Выходит, она желала иметь меня и мои творения, но не понимала того, что требует уничтожить то, что ей так нравится.

По адресу второй жены императора был отпущен ядовитый смешок.

– Я живу в противоречиях: желая сберечь мужское начало, я потерял все то, что имел прежде – честь, средства, родину. Моя родина – это не просто горные склоны Монголии, где растут голубые ели, и не просто южные равнины, и не только реки, полные рыбы. Моя родина – это я сам и мои предки. А сейчас мои родители обесчещены, а на могилы предков

никто не приходит! Некому воскурить фимиам перед ними, и некому зажечь свечи. Нет более ни красоты, ни гармонии. Золотые знаки моих стихов ваши невежественные соотечественники принимают за куриное кудахтанье, а я... Кто здесь я? Нищий или шут из балагана стоят выше меня. Но я не умею и не могу позволить, чтобы из моего рта вынимали змей или лягушек, бросая мне жалкие гроши для продолжения жалкой жизни.

Узкие глаза китайца были похожи на пылающие угольки.

– В вашей стране женщины грубы и волосаты! Да, они грубы, невежественны и волосаты! – Перевод Джейми струился ровно, но мистер Уиллоби негодовал. – Никто из них не знает церемоний, ни одна из них не может сравниться изяществом с самой невежественной китайкой, более того – от них дурно пахнет и они поросли волосами, будто собаки! Но они все равно ругают меня и готовы бросить в меня камень! «Ты – желтый червяк», – говорят они, и ни одна шлюха не хочет спать со мной!

Китаец снова перешел на английский, горько заметив:

– Моя любить женщины, но ваши женщины не стоить любовь!

Возможно, он бы продолжил свой рассказ, но Джейми заметил, как моряки угрожающе насупились, готовые постоять за честь западных женщин, и перестал переводить.

– Мы понимаем тебя, приятель. Я уверен в том, что здесь не найдется мужчины, который бы не бежал в таких условиях, в какие поставили тебя, верно я говорю? – Вскинув брови, Джейми дал понять команде, чтобы она поддержала его слова.

Моряки согласились, да только нерадостно: последнее замечание китайца обозлило их и свело на нет доброе отношение, установившееся после его рассказа. Мистер Уиллоби был назван неблагодарным язычником, не отдающим себе отчета в том, где он находится, а мы с Марсали были вознесены на недостижимую высоту как представительницы западных женщин, не оцененных переборчивым китайцем.

Когда команда разошлась, ушел и Фергюс, уводя с собой Марсали, предварительно признавшись китайцу, что, если тот будет продолжать в том же духе, быть ему раздавленным своей же косой.

Мистер Уиллоби не обратил внимания на адресованную ему угрозу. Стоя под мачтой, он глядел перед собой, блестя глазами и вспоминая свою родину. Джейми предложил мне отправиться спать и подал руку; я согласилась.

Мы уже уходили, когда заметили, что китаец протянул руку к паху и взвесил на руке свои яички, ничуть не возбудившись при этом. Шелк

очертил их округлость, и мистер Уиллоби сосредоточенно начал перекатывать их в ладони, задумчиво заметив:

– Есть времена, когда моя думать, что они не стоят родины.

Глава 46

Встреча с «Дельфином»

У меня сложилось впечатление, что Марсали планирует поговорить со мной, но не делает этого из-за ложного стыда или попросту боится это сделать, однако же, кроме меня, на «Артемиде» больше не было женщин, значит, ей пришлось бы обратиться ко мне, так или иначе. Я терпеливо ждала, когда она сделает первый шаг, не желая навязываться молодой девушке, и тепло приветствовала ее по утрам.

Прошел месяц после того, как мы покинули Шотландию, и вот, посреди Атлантического океана, Марсали явилась в мою каюту. Я как раз записывала в свой журнал известие об операции, которую мне пришлось произвести: матросу понадобилось удалить два пальца, которые он расплющил при работе. Марсали, вскинув голову и с вызовом глядя на меня, возникла в дверях:

– Я хочу узнать кое-что, а больше не к кому обратиться. Кабы была возможность узнать у кого другого, я бы так и поступила, потому что вы мне не нравитесь и мой приход вынужденный. Думаю, что вы видите мое отношение к вам, но папа считает вас ведуньей, значит, вы должны знать о таком. Так что если вы и шлюха, навряд ли станете завирать.

Я могла отшить с порога наглую девицу и отбить у нее всякую охоту обращаться ко мне впредь по каким бы то ни было вопросам, но не стала этого делать: было ясно, что поговорить придется и кому как не мне объяснить ей то, что она хочет знать.

– Положим, что это так. – Я отложила перо, давая понять, что готова к разговору. – Но что бы ты хотела узнать у меня?

Марсали убедилась, что я внимательно слушаю ее или хотя бы готова выслушать, и плюхнулась на табурет – других мест в крохотной каюте не было.

– Я хочу знать про маленьких. Что с ними делать?

Я удивилась:

– Разве Лаогера не рассказывала тебе, откуда появляются дети?

Марсали искривила губы в ухмылке, светлые ее брови дернулись от презрения и сдерживаемого смеха:

– Еще чего! Это у нас все знают, даже самые глупые. Мужчина засаживает свою штуквинку женщине между ног, а она позволяет ему это, а через девять месяцев появляется маленький, вот так-то. Но мне нужно

знать, как этого избежать. Ну, чтобы маленький не появился.

– Я понимаю. Ты не хочешь ребенка, даже будучи замужем, – с интересом констатировала я. – Но большинство девушек твоего возраста не против того, чтобы иметь детей, и даже желают этого.

– Как вам сказать... – засмузилась девушка, разглядывая свои пальцы, перебиравшие оборки платья. – Я хотела бы иметь детей. Чтобы ребеночек был похож на Фергюса, был бы таким же чернявым красавчиком. – По ее глазам было видно, как страстно она этого желает, и тем более мне было непонятно, что привело ее ко мне за средствами предохранения. – Но не сейчас, сейчас я не хочу, – вмиг посуровела она.

– Отчего же? Вы ведь любите друг друга, верно?

Марсали надула щеки.

– Любим, да только... Мы еще не спали вместе, разве что целовались и обнимались за переборками, когда никто не видит. А все папа! Мы выполняем его требования.

– Аминь! – произнесла я, вспомнив суровый наказ Джейми.

– Простите?

– Нет, ничего, не бери в голову. Почему ты все-таки не хочешь иметь детей сейчас?

– Я... я хочу получать удовольствие от того, что буду спать с ним, – одним духом выпалила Марсали.

Я куснула губу, чтобы не брякнуть лишнего.

– Хорошо... Это имеет отношение к твоему будущему мужу, но дети-то тут при чем?

Девушка помолчала и недоверчиво покосилась на меня, оценивая, стоит ли доверять мне свои тайны.

– Фергюс уважает вас.

– Я тоже люблю его и знаю с давних пор. Тогда он был совсем юным, – я все равно не очень понимала смысла в таком длинном предисловии. К чему эти недомолвки?

Внезапно Марсали вздохнула с облегчением и села на табурете свободнее, не горбясь.

– Значит, вы знаете тайну его рождения?

Теперь мне было ясно, отчего она была так напряжена.

– Ты о том парижском борделе? Ну конечно. Он говорил тебе об этом?

Девушка кивнула и гордо заявила:

– Да, на прошлый Новый год. Давно уж.

«В пятнадцать лет один год – это очень длинный период времени», – подумала я.

– Он рассказал мне это, когда я призналась ему в любви. – Марсали говорила глухо и смотрела в пол, слегка розовея. – Фергюс сказал тогда, что моя любовь взаимна, но наш брак невозможен, что мама не позволит ему взять меня в жены. Я тогда удивилась и сказала, что нет ничего страшного в том, что он француз, а я шотландка, а то, что у него нет руки, тоже не является препятствием – вон как матушка любит одноногого мистера Муррея. Фергюс ответил, что я не знаю всего, и рассказал мне о борделе, сказал, что обчищал карманы зевак, пока отец не забрал его к себе на службу.

В поднятых глазах засветилось удивление.

– Он-то думал напугать меня, но нет. Я не боялась этого, хотя он считал, что я не захочу его видеть, хотел даже уйти. Глупышка.

Марсали поправила волосы и встретилась со мной взглядом.

– Кабы вы не вспомнили, я бы об этом не говорила – здесь и так все ясно: я люблю его, и делу конец. Меня волнует другое. Фергюс говорит, что он сведущ в этом деле и что мне понравится, со второго раза так точно. Но мама не согласна с ним и говорит противоположное.

– Что же она говорит? – не унималась я.

Девушка насупилась.

– Мы немного говорили об этих вещах, – протянула она. – Когда я сказала, что люблю Фергюса, она запугала меня страшными рассказами, мол, он сделает с тобой невесть что, потому как родился в борделе и знает все штучки, шлюхи порассказали ему, и... мать его тоже шлюха.

Марсали залилась краской стыда и уцепилась за юбку. Окно каюты было прикрыто неплотно, и морской ветер играл ее светлыми волосами, так живо напомнившими мне волосы Лаогеры.

– Мама рассказала мне о женских вещах, когда у меня начались выделения. Она говорит, что это удел дочерей Евы, что мы искупаем ее проклятие и нужно смириться с таким положением. Зачитала мне строки из Святого Письма, где святой Павел называет женщин порочными, грязными и греховными. Мама говорит, что именно поэтому мы должны носить бремя и рожать в муках. Если бы не Евин грех, ничего бы не было...

– Как-то я не особо раздумывала о словах святого. Думаю, он заблуждался.

– Да ведь это записано в Библии! Святой не может ошибаться, он всеведущ! – горячо возразила девушка.

– И что с того? В Библии много понаписано, и отнюдь не все является правдой, – откровенно проговорила я. – Разве не помнишь, как поступил Геден со своей дочерью? А тот, кто позволил толпе растерзать жену только

потому, что боялся, как бы не растерзали его, а? Что скажешь? Каков малый? Но я отвлеклась, извини.

Марсали изумилась моим богохульным речам и продолжила не так уверенно:

– Мама сказала тогда, что я уже достаточно выросла и что скоро я смогу выйти замуж, поэтому она обязана дать мне кое-какие наставления. Главный долг женщины состоит в том, чтобы всегда и во всем угождать мужу, чего бы он ни пожелал. Она была очень грустной, когда говорила эти слова, и мне подумалось, что быть женщиной ужасно, иначе бы святой Павел не произносил таких страшных слов.

Девушка замолчала. Я ждала продолжения повествования и больше не задавала вопросов, чтобы не сбивать ее, тем более что видела, как непросто ей продолжать.

– Мой настоящий папа, не Джейми... Я не помню его. Мне было три года, когда его забрали англичане. Матушка вышла замуж за папу... за Джейми. Я была взрослой и видела, как они относятся друг к другу.

Она прикусила губу: приходилось говорить о таких сложных вещах, да еще и определить свое отношение к Джейми как к приемному отцу, называя его то по имени, то нарекая отцом.

– Джейми хороший. Он всегда был добр ко мне и к Джоан. Но... матушка всегда пыталась уйти, когда он хотел обнять ее.

Марсали помялась и продолжила:

– Мне было это странно, ведь я никогда не видела, чтобы Джейми обижал мать. В то же время она не хотела его ласк. Я думала, что все дело в детях, что между ними происходит что-то такое в постели, чего мы с Джоан не знали. Странно: мама никогда не ходила в синяках, но не хотела отца, а вот Магдален Уоллес муж бивал всегда, когда выпивал.

От этих признаний и от соленого воздуха Марсали захотелось пить. Я предложила ей кувшин с пресной водой, из которого она налила полную чашку.

– Я объясняла себе это так: у матушки уже было двое детей, я и Джоан. – Девушка глядела, как вода колыхается в чашке в такт движениям корабля. – Наверное, она не хотела новых детей, не хотела рожать в муках, как рожала нас... И потому не хотела Джейми.

Поставив чашку, она взглянула на меня с непонятым вызовом, которому, впрочем, быстро нашлось объяснение.

– Я видела, как вы были с отцом. Он потом заметил меня, но я успела увидеть, что вам нравится то, что он с вами вытворял.

Я растерялась и смогла повторить только:

– Вытворял, да... Нравится.

Марсали издала торжествующий смешок.

– И даже когда он касался вас, когда обнимал, вы не отстранялись от него, как это делала матушка. Значит, вы любите его и хотите, чтобы он вас трогал. Вы не боитесь, что появится младенец, а матушка боялась. Поговаривают, что есть способы, как не войти в тяж, но вряд ли кто-то применял их, иначе бы так не боялись. Видать, никто не знает, как этого избежать, потому я и здесь. Вы-то должны знать, кто как не вы, ведунья.

Она по-птичьи смотрела на меня одним глазом.

– Мне хочется ребеночка, но я хочу еще погулять на воле без него, полюбить Фергюса вволю, не боясь и не отворачиваясь. Вы расскажете мне, как беречься?

Я выдохнула и пригладила волосы. Мне предстояло столько всего рассказать этой почти чужой девушке, сколько я никогда не говорила Брианне...

– У меня есть дети, девочка.

Пораженная этой новостью Марсали вытаращила глаза:

– А как же... Джейми знает об этом?

– Ну разумеется, – не скрыла раздражения я. – Он их отец.

– Да ведь он никогда... никогда не говорил нам о его детях.

Она прищурила светлые глаза.

– Потому что считал, что не следует вам этого знать, так как это не ваше дело. И правильно считал, – добавила я, тоже с вызовом.

Марсали не верила мне, и я сочла нужным признаться во всем.

– Две девочки. Одна умерла и похоронена в Париже. Дочка... вторая дочка уже взрослая. Она родилась далеко-далеко от Шотландии, уже после Каллодена.

– То есть Джейми... отец никогда не видел ее? Она росла без него? – девушка снова насупилась, сравнивая себя и Бри.

Я кивнула, не в силах говорить. Комок в горле потребовал воды, и я потянулась за чашкой. Корабль качнуло, но Марсали отпрянула от меня, правда, протянув мне чашку.

– Как это грустно... – пробормотала она, на миг задумавшись, и снова вперила в меня светло-голубые глазенки. – Значит... значит, вы имеете детей, но любите отца по-прежнему, так? Ммфм... – девушка издала звук, точь-в-точь такой же, какой издавал Джейми в минуты раздумья. – Но когда вы были во Франции, у вас ведь был еще один мужчина?

Марсали накрыла верхнюю губку нижней, напомнив этим щенка бульдога.

– Да, но это также тебя не касается, – отрезала я. – Женщина, родившая ребенка, меняется, это несомненно, но ее отношение к отцу ребенка меняется не всегда. И вообще, ты должна знать, что любая женщина может сама решить, когда ей иметь ребенка и когда стоит побережться, если по каким-то причинам ей не хочется рожать сейчас.

– Так вы расскажете мне? Какие есть способы?

– О, их много, только не все о них знают – раз, многие из них очень ненадежны – два. – Я снова пожалела о том, что в восемнадцатом веке нет многих необходимых вещей, например, таких полезных, как пилюли для контрацепции.

Конечно, мне как врачу врезались в память многие советы, которые я имела возможность слышать, работая в парижской «Обители ангелов».

– Достань мне коробку из вот того шкафчика, – я указала пальцем на местонахождение моих снадобий. – Да, это она. Смотри, некоторые француженки – повитухи, так что их советам можно верить, – делают отвар гвоздичного перца и валерианы. Но я не думаю, что это хорошее средство, – слишком опасно.

– Скучаете? – перебила меня Марсали, послав мне испытующий взгляд. – По дочери? – уточнила она, видя, что застала меня врасплох.

Глядя на нее, я была уверена, что она не так желает услышать мой ответ – он был очевиден, – как вспоминает мать.

– Естественно. Но меня утешает то, что у нее своя жизнь. Она старше тебя и уже может обойтись без мамы.

Я уткнулась в коробку, как Марсали некогда склонилась над своими оборками. Лаогере уже никогда не увидеть дочери, как и мне не увидеть Брианны, но обе мы не могли ничего поделать с тем, что наши дочери выросли и более не нуждаются в нашей опеке, способные делать свой выбор и самим решать, как и с кем им жить.

– Вот, – я протянула девушке очищенную губку.

Хирургические ножи, которыми, к счастью, в плавании пока не требовалось пользоваться слишком часто, были вложены в пазы крышки. Взяв один из них, я отрезала от губки несколько кусочков размером три на три дюйма. Флакончик с маслом пижмы послужил для пропитки губок. Марсали с восхищением следила за этим священнодействием.

– Пропитываешь маслом примерно так, как я показываю. Запомнишь? – Девушка согласно кивнула. – На самом деле не всегда обязательно использовать пижмовое масло – его может и не оказаться под рукой, когда ты захочешь мужчину. Ты можешь взять обычный уксус или даже вино, если нет ничего другого. Вот такой квадратик положишь в себя,

а потом уже можешь спать с мужчиной, ничего не боясь. Только не забудь, иначе может появиться младенец. Даже в первый раз, когда ляжешь с Фергюсом.

Девушка внимала наставлениям, трогая мокрый кусочек.

– Запомню. А что делать с этим потом? Когда вытаскивать губку? Или она должна остаться во мне?

Корабль резко дал крен, и наверху закричали. Истошный вопль указывал на то, что дело худо, и нам нужно срочно подняться на палубу, отложив разговор до лучших времен.

– Продолжим потом, ладно? – Я отдала Марсали пузырек с маслом и губку, а сама выбежала из каюты.

На корме стояли капитан и Джейми и мрачно глядели, как на «Артемиду» насаждает огромное трехмачтовое судно, чьи размеры превышали размеры нашего корабля в три раза, не меньше. Снастей и парусов, конечно, тоже было больше, и по ним вовсю сновали матросы, похожие на блошек. Но самым страшным был дымок, поднимавшийся над чужим кораблем, – то был след пушечного выстрела.

– Нас обстреливают? Но почему?

– Пока еще нет, но скоро будут, если мы не остановимся, – отвечал Джейми. – Это был предупредительный выстрел для того, чтобы дали возможность досмотреть «Артемиду».

– А если мы не остановимся?

Я обратилась уже к капитану, тоже помрачневшему на глазах. Уголки губ капитана Рейнса утонули в бороде.

– Придется. Сейчас ветер, а мы в открытом море. Не сможем уйти.

– Но кто эти люди?

Я надеялась, что команда «Артемиды» знает, с кем имеет дело, потому что флаг на корабле, догонявшем нас, был плохо виден против солнца, да и вряд ли бы я смогла распознать, к какому флоту принадлежит корабль, даже если бы солнце не слепило глаза.

– Это корабль британского военного флота. – Джейми смотрел словно сквозь меня. – У них семьдесят четыре пушки на борту. Спустишь, пожалуйста, вниз, англичаночка.

«Ну и новость», – подумала я. Война Британии и Франции закончилась, но отношения между ними не наладились и были неприязненными. «Артемиды» могла похвастать только четырьмя пушками по двенадцать футов каждая. Это было ничтожно мало по сравнению с неприятельским кораблем. Эткими силами можно было воевать разве с пиратами, но никак не с военным кораблем.

– Чего хотят эти ребята? – Джейми адресовал вопрос капитану.

Капитан Рейнс потемнел.

– Боюсь, что это принудительная вербовка. Так делают, когда не хватает матросов. Их такелаж, бак... Видите, как мала их команда? – Он многозначительно мотнул головой, указывая на чужой корабль. – Наши матросы, те из них, кто принадлежит британской короне, могут быть призваны на их борт, то есть мы потеряем добрую часть команды. Кстати говоря, мистер Фрэзер, если вы не объявитесь французом, вас тоже призовут.

– Черт! – вырвалось у Джейми. Он невольно посмотрел в мою сторону и, увидев, что я все еще стою на палубе, буркнул: – Я велел тебе спуститься.

– Велел, – согласилась я и придвинулась к нему поближе, глядя на преследовавший нас корабль.

С него в шлюпку спускался человек, по всей видимости, офицерского звания, с галуном на шляпе и в мундире золотого шитья.

– Что сделают с призванными людьми с «Артемиды», если им удастся проделать это? – в свою очередь спросила я у капитана.

– Заставят служить на «Дельфине». – Корабль подошел достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть его название и носовое украшение – губастое животное. – Они станут моряками военного флота, и, возможно, их не захотят отпустить по прибытии в порт, – изрек капитан Рейнс.

– Какое, черт побери, они имеют право забирать наших людей вот так, где ни попадая? Неужели можно заставить моряка сделаться военным, если он того не хочет и служит на гражданском или торговом судне? – вскипел Джейми.

Я замерла от страха, представив, что могу снова потерять Джейми.

– К сожалению, такое право у них есть, и вполне возможно, что на Ямайку мы попадем только с половиной команды, если вообще попадем, – подытожил капитан, отворачиваясь, чтобы пойти навстречу шлюпке.

Джейми уже не отправлял меня вниз и с силой сжал мой локоть, заставляя выслушать себя.

– Иннес и Фергюс останутся здесь в любом случае, чтобы помогать тебе искать мальчонку. В случае, если нас вынудят служить на «Дельфине», начинай поиски с Сахарного залива. Там у Джареда есть плантация.

Мой муж одарил меня ободряющим взглядом, показывая, что не сомневается в моих способностях. Я же пыталась переварить услышанное: словечко «нас» задело меня и заставило призадуматься.

– Встретимся у того залива. Не могу сказать, когда я там буду, но жди

меня. – Он продолжал удерживать меня за локоть.

– Но зачем, когда ты можешь сказать, что ты француз! Никто ведь не узнает, а команда поймет и не проболтается, – воскликнула я.

Джейми покачал головой в отрицательном жесте:

– Я не могу. Не могу позволить забрать моих моряков, спрятавшись под чужой личиной. Не будь наивной, англичаночка.

– Разве...

Называть шотландских контрабандистов своими людьми или своими моряками – это было слишком. Это же не родственники и не арендаторы, в конце концов. Тем более что кто-то из них предал Джейми. Как можно рисковать ради них, когда есть неотложное дело – поиски Эуона? Но зная Джейми, я понимала, что не имеет смысла протестовать против его решения. Он пригласил этих людей в команду, платит им за риск и за работу, нанял их в конце сезона, а значит, оторвал от домашних дел, следовательно, он и должен разделить с ними их участь и узнать, что им грозит. Это было по крайней мере справедливо.

– Обойдется, не переживай. Правда, я попрошу, чтобы сейчас мы назвались супругами Малкольм.

Произнеся эти тихие слова, Джейми выпустил мой локоть, сжал мне на прощание руку и прошел к тому месту, куда причалила шлюпка. Я пошла следом.

Не знаю, что ожидал увидеть капитан Рейнс, но он был поражен увиденным.

– Господи, твоя воля! Что это такое? – встретил он визитера, чья голова как раз появилась над бортом нашего корабля.

К нам пожаловал человек, которому было около двадцати пяти лет. Роскошный мундир, надетый на него, был слишком велик, а рубаша, наоборот, грязной. С первого взгляда можно было сказать, что он не спал несколько ночей, до того он выглядел уставшим, и действительно, он пошатнулся, едва ступил на нашу палубу.

– Это вы капитан? – Он безошибочно определил, что мистер Рейнс является капитаном «Артемиды», хотя рядом стоял и Джейми, и многие другие члены команды. – Позвольте представиться – Томас Леонард. Сейчас я выполняю обязанности капитана «Дельфина», корабля флота его величества. У вас есть хирург, умоляю?

Мы предложили ему стакан портвейна, и молодой англичанин, хрипевший от отчаяния и усталости, рассказал, что матросов «Дельфина» сразила какая-то эпидемия.

– Половина моряков не может встать с постелей. – Он утер

подбородок; цвет его глаз, красных от бессонницы и напряжения, совпадал с цветом портвейна. – Тридцать матросов умерли, и я боюсь, что мы потеряем столько же, если не больше.

– Капитан, видимо, тоже умер? – уточнил мистер Рейнс.

– Да, он и старшие помощники умерли неделю назад, – сказал Леонард, краснея. – К несчастью, хирург и его помощник тоже отдали богу душу. Я же был всего лишь третьим помощником, и мне пришлось взять командование кораблем на себя.

Теперь было понятно, отчего капитан так молод и неопытен. Будучи младшим офицером, он не мог знать всех премудростей управления военным кораблем, один экипаж которого насчитывал шестьсот человек. К тому же разразившаяся эпидемия, совладать с которой не мог и корабельный хирург, вознесла его на такую карьерную высоту и в то же время вынудила впасть к состоянию нервного истощения. На эти хрупкие плечи взвалилась непомерная ноша, нести которую этому юноше было не по силам.

– Ради бога, есть ли у вас кто-нибудь, кто знает толк во врачевании...

Капитан – теперь уже капитан – Леонард с мольбой смотрел на капитана Рейнса и Джейми, рассчитывая на поддержку. Джейми хмурился.

– Я являюсь корабельным хирургом «Артемиды». Что у вас произошло? – уверенно спросила я.

– Как, вы?

Капитан Леонард разинул рот, и я увидела белесый налет на языке. Видимо, он злоупотреблял табачной жвачкой.

– Это моя жена, она на редкость знающий человек в том, что касается медицины, – отозвался Джейми. – Расскажите, что у вас стряслось, и, думаю, она сможет подсказать способ лечения. Только вы должны неукоснительно следовать ее рекомендациям.

Англичанин воспрянул духом и объявил:

– Болезнь проявляется так: людей мучают спазмы в желудке, у них начинается понос и рвота. Также жар.

– Сыпь на животе? – предположила я.

– Да, и это тоже. И кровит из заднего прохода. Ох, простите, мэм. – Капитан «Дельфина» стушевался. – При даме не стоит употреблять...

– Забудьте. Я знаю, что это за болезнь, по крайней мере догадываюсь.

Я чувствовала тот душевный подъем, который ощущает любой врач, узнающий по описанию симптомов болезнь, уточняющий диагноз и ищущий пути лечения. Труба звала меня на подвиги, истинно!

– Разумеется, я не смогу сказать наверняка, не видя больных...

– Жена желает вам помочь и, несомненно, сделает это, но на борт вашего корабля она не поднимется, – заверил Джейми.

– Но... – В голосе Леонарда слышалось отчаяние. – Неужели миссис Малкольм не сможет...

– Нет, капитан, она не сможет, – отрезал Джейми, но одновременно с ним я твердо произнесла:

– Конечно, я смогу.

Джейми извинился, встал и вывел меня за руку в проход, откуда начинался кормовой трюм.

– Послушай, ты что, спятила? Кем нужно быть, чтобы выдумать эту прогулку на чумной корабль! И это когда мы ищем Эуона! Англичаночка, ты сумасшедшая – ставишь на карту жизни столько людей по глупой прихоти! Пускай эти проклятые англичане передохнут – тебе какое до них дело?

– Корабль не чумной, – в свою очередь прошипела я, высвобождая руку из цепкой хватки Джейми. – Со мной будет все в порядке. Эй, шотландец, да отпусти же!

Джейми послушался, но стоял в проходе, раздувая ноздри.

– Он не чумной, у чумы другие симптомы. Похоже на брюшной тиф. Значит, мне ничего не грозит, я ведь вакцинирована от тифа. Помнишь, я говорила тебе о прививках?

Джейми засомневался в правдивости моих слов. То, что я спасла его после выстрела Лаогеры с помощью пенициллина, не убедило его в силе новейшей медицины, – он объяснял свое поистине чудесное спасение исключительно моим колдовским даром и применением познаний из области черной магии.

– Ну... Знаешь ли...

– Джейми! Я врач и всегда остаюсь им, чтобы я ни делала. Если люди попали в беду и если я могу помочь им, почему бы не воспользоваться этой возможностью? Кроме меня, им некому прийти на помощь. Я обязана отправиться на «Дельфин»!

Джейми вопросительно посмотрел на меня, призывая продолжить мою пламенную речь.

Я вдохнула свежий морской воздух, еще не отравленный смертоносными бациллами. Любой настоящий врач понял бы меня, но он не был врачом. Фрэнк с грехом пополам еще мог понять, что у меня существует потребность исцелять больных и спасать жизни людям, если их еще можно спасти, но попытаться это сделать, даже когда нельзя ничего предпринять. Джейми тоже должен был понять, но как сказать об этом?

– Когда я начала учиться, я поклялась...

Он вытаращился на меня.

– Какую еще клятву? О чем ты, англичаночка?

Вслух я произносила клятву Гиппократата только раз, но она всегда висела в рамочке в моем кабинете. Фрэнк подарил мне красивую рамочку, заключавшую священный для медика текст, когда я окончила медицинскую школу.

Сглотнув слюну и закрыв глаза, я принялась слово за словом произносить текст клятвы:

– «Клянусь Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигиеей и Панахеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство... Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла... Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство... В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всякого намеренного, неправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами. Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена, преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому».

Закончив говорить, я открыла глаза и увидела внимательный взгляд Джейми.

– Часть клятвы, например, обращение к богам и все такое, произносят по традиции, – вяло оправдалась я, не зная, как скрыть смущение и что следует сказать еще.

Джейми на миг свел брови.

– Я понял, что клятва очень древняя, языческая. Здорово сказано, что ты воздержишься от любовных дел, – заметил Джейми.

– О чем бы ты еще упомянул. Не думай, что я мечтаю совратить капитана Леонарда, поэтому готова заболеть ради него.

Он резко выдохнул и провел рукой по волосам.

– Выходит, это должен сказать каждый врач, если хочет врачевать? Вы хотите помогать всем, даже врагам?

– Именно так, всем, даже врагам. Если они заболели или если даже ранены в бою или в плену, – честно сказала я, надеясь, что Джейми поймет меня.

– Ясно... – задумчиво протянул он. – Я знаю, что такое клятвы, и помню, каково это – держать слово во что бы то ни стало.

Джейми пробежал пальцами мне по руке и остановился на кольце – то была моя правая рука с обручальным кольцом.

– Есть и непреложные обеты. – Он посмотрел мне в глаза, держа пальцы на кольце.

Солнце располагалось за головой мужа, очертив его силуэт и позолотив его кожу. Когда оно вспыхнуло на серебре кольца, я тихо проговорила:

– Да, это так. – Вторую руку я положила Джейми на грудь. – Если ты придержишься одной клятвы, приходится нарушать другую.

Джейми поцеловал меня со вздохом.

– Да, ты права. Ты должна держать все свои клятвы. – Отпустив меня, он не сдержался, чтобы не уточнить: – Так что ты говоришь, прививки – это стоящая вещь? – с сомнением в голове уточнил он.

– Ну конечно, раз я так говорю, – улыбнулась я.

– Возможно, не следовало бы отпускать тебя одну?

– Нет, не беспокойся, я отлично справлюсь сама, а ты не привит и можешь заразиться.

– Но ты ведь не видела больных, а уже делаешь такие далеко идущие выводы.

– Потому я хочу попасть на корабль. Теперь ты понимаешь?

Меня доставили на «Дельфин» с помощью подвесной люльки, обычно используемой боцманом. Она жутко раскачивалась над морскими водами, и я не раз закрывала глаза от жутки, уже потеряв надежду попасть на борт хоть какого-нибудь корабля, но смогла по достоинству оценить, сколь серьезен военный корабль по сравнению с «Артемидой»: последняя казалась внушительной, только если стоять на ее палубе, а так я имела возможность сравнить. Гибралтарская скала и утлая лодочка – так соотносились «Дельфин» и «Артемиды».

С собой принесла медицинский саквояж, но его на время пришлось отдать гардемарину: я хотела заколоть волосы, растрепанные ветром.

– Отведите меня к больным, – перво-наперво приказала я.

Ветер был и вправду силен, значит, оба корабля не смогут долго стоять борт к борту. Света было очень мало: от масляных ламп было мало толку, к тому же они качались в такт кораблю. Подвесные койки тоже

раскачивались. Все утонуло во мраке, и больные казались мне китами, которых выбросила на берег безжалостная стихия, или ищущих помощи морских животных, все еще надеющихся в одиночку противостоять буре.

Внизу было еще хуже – там невыносимо смердело. Вентиляционные отверстия не пропускали сюда надлежащее количество воздуха, и людям приходилось несладко. Здоровым, поскольку больным было уже все равно.

Главной проблемой было то, что кроме пота смердело рвотой и поносом, неизбывными при брюшном тифе, но здесь дело усугублялось тем, что многие больные были слишком слабы и не успевали дотянуться до тех немногих горшков, которые стояли под гамаками, поэтому вся палуба была запятнана жидкими фекалиями. Разумеется, моя обувь очень быстро набрала на себя приличное количество этой зловонной смеси и теперь отвратительно чавкала при ходьбе.

– Дайте больше свету! – Тот же гардемарин, которому я дала чемоданчик, должен был выполнить новый приказ, чему он явно не был рад.

Замотанный шарфом, над которым виднелись перепуганные глаза, он выглядел очень жалко, но был вынужден повиноваться мне, что и сделал, попытавшись подойти ко мне с фонарем поближе.

Матрос, чей гамак был ближе всего к нам, отвернулся и застонал, завидев свет. Я потрогала его – он был горяч от мучившего его жара, а живот у него раздулся и затвердел. Пальпация, во время которой он извивался подобно червю, причинила ему лишь новые мучения.

– Я помогу вам, ничего не бойтесь, – проникновенно пообещала я. – Но прежде можно я посмотрю ваши глаза? Я врач.

На свету зрачок сузился, а веки стали красными, когда я оттянула их.

– Нет, убирайтесь и уберите фонарь! – завопил человек. – Вы смерти моей хотите, в глаза светите! Голова пухнет от вас!

Все сходится: жар, рвота, спазматические боли в животе и головные боли.

– Вас знобит? – Я показала сопровождающему, чтобы спрятал свет.

По стону я поняла, что не стоило и спрашивать.

Лежавшие в гамаках были укутаны в одеяла, что никак не было сопоставимо с жарой, царившей здесь. Все свидетельствовало о болезни, но какой?

Похоже на гастроэнтерит, конечно, но он, во-первых, не косит так массово, а во-вторых, среди его симптоматики нет головных болей. На отравление это тоже не похоже, вне сомнений. И на малярию: та приходит с Карибских островов в Европу. Все указывает на брюшной тиф. Заразиться

им очень легко, ведь переносят его вши, а скопление людей в скученном пространстве только на руку этой хвори.

Единственное, что заставляло меня сомневаться в правильности поставленного диагноза, так это то, что не у всех моряков была сыпь, естественная при этом виде тифа. Я обнаружила ее только у третьего осмотренного больного. Кожа его была белой и липкой, а розетковидные пятна на ней – розовыми, исчезающими при надавливании. Вернувшись к трапу и увидев там капитана Леонарда, я назвала ему диагноз:

– Брюшной тиф. – Как жаль, что я не могла проанализировать бактериальный посев под микроскопом! Однако и в этих условиях я была уверена в правильности своего вердикта.

– Ох... – Капитан явно был напуган этими страшными словами и не ждал ничего хорошего от продолжения диалога со мной. – Миссис Малкольм, мы можем как-то спасти команду? С вашей помощью, разумеется.

– Попытаемся. Я сделаю все, что в моих силах, но вы тоже должны постараться. Заболевших матросов нужно будет перенести, чтобы они могли спокойно дышать свежим воздухом, а не ютиться там, где они спят сейчас. Их нужно кормить жидкой едой, что тоже очень важно, иначе они умрут. Давайте им пить кипяченую воду и постоянно производите обтирания, чтобы остановить жар. Для того чтобы тиф не распространялся дальше, вы должны...

– Мы должны сделать это вместе. Я распоряжусь, чтобы здоровые матросы помогали вам во всем.

– Договорились. – Мне не очень понравились слова молодого капитана. – Я дам кое-какие наставления вашим матросам, чтобы они смогли продолжать уже без меня. Работать придется очень много и долго, и я не смогу долго быть с вами: капитан «Артемиды» и мой муж имеют неотложные дела.

– Миссис Малкольм, любая ваша помощь необходима нам как воздух и, возможно, спасет команду. Мы тоже очень спешим – нас ждут на Ямайке, но если мы не победим или хотя бы не остановим тиф, то мы не сможем прибыть туда.

Юный капитан говорил воодушевленно и серьезно, и у меня не было причин не доверять ему. Ситуация, заложником которой он был, и значимость задачи, которую он взвалил на себя, вызывали жалость.

– Тогда дайте мне с десятков матросов, и я посмотрю, что можно сделать, – согласилась я.

Я влезла на шканцы и послала рукой приветственный жест Джейми с

борта «Дельфина». Он стоял у руля нашего корабля и выглядел озабоченным и недоумевающим, но улыбнулся, когда увидел меня.

– Спускаешься к нам? – Он сложил руки рупором, чтобы я лучше расслышала его.

– Нет еще! Часа через два!

Я на всякий случай показала «викторию» – вдруг Джейми не понял, сколько времени мне требуется, – и увидела, что он перестал улыбаться.

Больных к тому времени вынесли на корму, раздели и начали мыть морской водой. Следовало дать необходимые наставления и коку, и я отправилась на камбуз. Общаясь с ним и с его помощниками, я почувствовала, что корабль движется, и это движение не было похоже на естественное колыхание на волнах при удерживании судна, как это было до сих пор.

Кок не глядя выбросил руку, закрывая задвижку буфета, находящегося позади него, затем схватил кастрюлю, не давая ей упасть с полки, захлопнул крышкой дымивший котел на очаге и, наконец, в мгновение ока спрятал окорок на вертеле.

Я уже знала, что корабельные рыцари кухни проделывают и не такое: Мерфи, например, когда «Артемиду» меняла курс или срывалась с места...

– Какого лешего... – Не договорив, я бросилась назад, на шканцы.

«Дельфин» почувствовал попутный ветер и теперь дрожал в предвкушении отплытия от парусов до кия.

Да, все паруса были подняты и раздувались на ветру. «Дельфин» резко повернул в сторону, и этот крен позволил ему покинуть «Артемиду». У руля находился незнакомый мне моряк, а рядом стоял капитан Леонард, командуя матросам, ставившими снасти.

– Что это значит? Червяк, у вас еще молоко на губах не обсохло! Что вы себе позволяете?

Капитан смутился, услышав мои вопли, но собрался с духом:

– Мы обязаны быть на Ямайке как можно скорее. – На его щеках заходили желваки. – Простите, миссис Малкольм, но я...

– Какие, к черту, «но»! Немедленно бросайте якорь! Я не могу плыть с вами! Вы что, не понимаете?

– Сожалею, мадам, – не поддавался Леонард, – но у меня нет другого выхода. Нам позарез нужен корабельный хирург. Не убивайтесь. – Он хотел было похлопать меня по плечу, но не посмел. – Я говорил вашему мужу, что вы будете в безопасности ожидать «Артемиду» на Ямайке.

Видимо, у меня было такое свирепое выражение лица, что Леонард с испугом отпрянул, и недаром: я действительно в тот момент могла ударить

его.

– Вы... говорили моему мужу? Что же вы ему говорили? Я не верю, что Дж... мистер Малкольм согласился позволить вам увезти меня, – в бешенстве прошипела я.

– Ммм... не совсем так. – Капитан Леонард утерся грязнейшим носовым платком. – Ваш муж не согласился.

– Прекрасно! Ну а я, почему я ничего не знаю? – Мне очень хотелось попасть каблуком по ноге Леонарда, но он увернулся. – Это форменное похищение! И после этого вы воображаете, что я буду вашим врачом, не так ли?

Он спрятал платок в карман и гордо поднял голову с сознанием своей правоты.

– Миссис Малкольм, я уже говорил вашему мужу, что над «Артемидой» реял флаг Франции и у вас были французские документы, в то время как команда состояла преимущественно из англичан и шотландцев. Я мог бы – имел на то полное право – призвать ваших людей на службу, пользуясь теми исключительными обстоятельствами, в которые попал «Дельфин». Но поскольку врач нужен был нам еще больше, я согласился взять только вас вместо десятков матросов.

– То есть служить британской короне вместо них буду я. Что ж, я польщена. А что мой муж, он... обделал это дельце?

– Нет, я не сумел убедить вашего мужа, но капитан Рейнс счел мои аргументы удовлетворительными, – выудила я из Леонарда это скупое признание.

Он, с болтавшимся мундиром на тощем теле и с воспаленными глазами, представлял жалкое зрелище, но в то же время этот мальчик был способен на отчаянные поступки.

– Простите меня, миссис, я правда вас похитил, но это вынужденное похищение, если можно так выразиться, не по злему умыслу. Думаю, вы понимаете, что вы были единственным шансом для спасения «Дельфина», которым я не мог не воспользоваться.

Здесь мне следовало бы сказать что-нибудь нелицеприятное, но какой смысл был язвить в сложившейся ситуации? Я попала в ловушку, но Леонард не был разбойником и не хотел причинить мне вреда. Конечно, я гневалась из-за того, что мои планы нарушились, и нервничала, потому что меня разлучили с Джейми и, возможно, разлучили надолго, однако к капитану Леонарду я отнеслась сочувственно. В самом деле, что же ему оставалось? Я не великий врачеватель и вряд ли смогу спасти всю команду, но кое-что сделать вполне в моих силах.

– Ну хорошо... – Я в последний раз взглянула на паруса «Артемиды», прежде чем приступить к обязанностям на новом корабле. Джейми остался там... При этой мысли я почувствовала, как в животе у меня холодеет, как при морской болезни. – Раз уж я на борту вашего корабля, выделите мне людей, чтобы они выдраили палубу. Дайте столько, сколько можете. И еще: на корабле есть алкоголь?

Капитан поневоле вскинул брови:

– Разумеется. Ром для грога – его пьют матросы – и вино для кают-компаний. А зачем вам такие сведения?

– Это нужно для дела. Пить я у вас не собираюсь, не думайте. Отведите меня к эконому. – Я мало-помалу начинала мыслить рационально и пыталась не поддаваться обуревавшим меня чувствам.

Юный англичанин пошел было впереди меня по трапу, но остановился, понимая, что в таком случае увидит мои нижние юбки, и, еще более смутившись, махнул рукой, пропуская меня вперед. Это неуместное проявление учтивости разозлило и одновременно рассмешило меня, но оно же оказалось очень кстати. Спустившись, я услышала, что наверху происходит такой диалог:

– Капитану не до тебя, у него много дел. Потом придешь. Да что за такое неотложное дело?

– Пустите же, иначе будет поздно!

– Стивенс, что там? – отозвался поименованный капитан.

– О, сэр, сущая безделица, – донесся голос первого говорившего, в котором уже слышались нотки почтительности. – Это матрос Томпкинс, он утверждает, что располагает некоторой информацией о том верзиле с их корабля. Того, который рыжеволосый.

– Нет, после, – отказался слушать Леонард. – Пускай скажет помощнику, а там разберемся с такими пустяками.

Пока мужчины говорили между собой, я снова влезла на трап, ибо для меня это не было пустяковым делом.

Когда капитан спускался в люк, я встретила его вопросом, для которого будто бы и поднялась снова:

– Капитан, а что насчет провизии? Как питаются матросы? Не думаю, что молоко входит в ваш провиант, да только...

– У нас есть молоко! – радостно выпалил Леонард, неожиданно просветлев. – Вы можете себе представить: у нас на борту есть шесть молочных коз! Да-да, ими занимается супруга канонира, миссис Йохансен. Я скажу, чтобы она пришла к вам, когда вы поговорите с экономом.

Итак, мне предстояла встреча с экономом, мистером Оверхолтом,

получившим приказание всячески содействовать мне в моей деятельности. Он оказался толстеньким и низеньким, да еще и лысеньким – чисто Шалтай-Болтай. Первое, что я услышала от него, были слова об истощении припасов («поскольку плавание подходит к концу»), но эти слова произнес бы любой человек, ведающий провиантом. Честно говоря, тогда я не особо вслушивалась в его лепет, потому что мои мысли были заняты прежде всего тем, что я услышала, стоя на трапе.

Мистер Томпкинс... Я не знала, кто этот человек, и не слышала ранее ни его голоса, ни чего-либо о нем самом. Зато он что-то знал о Джейми, и я терялась в догадках, что же это были за таинственные сведения. Капитан не очень хочет заниматься этим делом, но когда-нибудь же узнает...

Я раздумывала о неизвестном матросе и одновременно общалась с мистером Оверхолтом. Это не было обременяюще, потому что эконому больше жаловался, чем говорил дельные вещи, а мои тягостные раздумья насчет мистера Томпкинса и его информации относились скорее к гаданиям, нежели к зрелым размышлениям.

– Солонина не пойдет ни в каком случае. Сухари только размоченные в молоке, не иначе. Так хоть как-то можно будет восстановить силы больных. Но если поскоблите с них плесень, – заметила я.

– Ну тогда только рыба, – протянул эконому. – У Карибских островов водится макрель и тунец, их косяки встречаются тем чаще, чем ближе к суше. Возможно, их удастся поймать на наживку. – Правда, тон мистера Оверхолта не внушал надежды в успехе рыбной ловли.

– Ну хотелось бы верить, что это возможно. Поначалу обойдемся молоком и кипяченой водой, но этого будет недостаточно, когда больные пойдут на поправку – тогда им потребуется суп или что-то в этом роде, такое, что было бы легко готовить в больших количествах и что было бы полезным. Рыбный суп был бы отличным подспорьем. Но неужели нет ничего, кроме сухарей?

– Есть... – эконому порозовел. – У нас есть десять фунтов сахара, кофе, сушеная рыба, неаполитанское печенье – этого всего понемногу, – и большая бочка мадеры, но мы не имеем права прикасаться к этим продуктам.

– Что значит – не имеете?

Мистер Оверхолт отвел взгляд.

– Это пища для нашего пассажира.

– А что за это пассажир? – не унималась я.

Теперь пришла очередь эконома удивляться.

– Капитан Леонард не поставил вас в известность, что мы везем на

Ямайку нового губернатора? Потому-то мы так и спешим, хотя, конечно, есть и другие причины. – Он облизал губы.

– Мое мнение таково: солонину отдать губернатору, а его провизию – команде. Если у него все в порядке со здоровьем, он сможет спокойно питаться так несколько недель, а матросам нужна полноценная пища. Пожалуйста, доставьте мне вино, я хочу приступить к работе.

Меня сопровождал невысокий крепыш Паунд – один из немногих гардемарин, оставшихся в живых. Он объяснял всем недоумевающим, в числе которых были повара, плотники и матросы трюмных и палубных команд, что все мои приказы нужно выполнять, поскольку так распорядился капитан Леонард. За этот час я превратилась в фурию, нагоняющую страх и внушающую удивление, отбиравшую провизию и отрывавшую здоровых людей от работы.

Перво-наперво требовалось установить карантин. Пока больных мою наверху, нужно проветрить и вымыть межпалубное помещение, где висели гамаки, но прикрепить их так, чтобы они располагались не впритык. Это требовало больше места, значит, здоровые матросы будут спать на палубе, где им выдадут туалетные принадлежности. Чтобы проделать все это, мне нужно было много воды, и я решила задействовать здоровенные котлы из кухни, правда, на этот счет следовало поговорить с коком. Очень может быть, что он откажется делиться предметами из своего святилища, относясь к ним так же ревностно, как и Мерфи. Значит, в мой список добавился еще один пункт – «поговорить с коком».

Голова Паунда, похожая на курчавую шерсть барашка, нырнула в трюм: я только что потребовала тряпок, и мы решили пустить на них старые паруса. Парусина была надежным, крепким материалом, так что в прочности можно было не сомневаться. Пока я спускалась, успела забыть о незнакомом матросе и была всецело поглощена новыми заботами. Что стало толчком к распространению эпидемии? Сальмонелла, возбудитель инфекции, попадает в организм посредством грязных рук. Кто-то, кто контактировал с мочой или с фекалиями, не вымыл руки и взялся за еду.

В матросской среде к гигиеническим процедурам относились спустя рукава по понятным причинам. Стать разносчиком заразы мог каждый, но готовил и раздавал пищу не каждый. Круг подозреваемых сужался. Кок, кто-то из помощников или кто-то из стюардов, скорее всего, один из двух. Осталось узнать, кого допускали к котлам, кто подавал на стол и кто занялся этим четыре недели назад. Впрочем нет, не четыре – пять: поветрие началось месяц назад, а нужно было учесть инкубационный период.

– Мистер Паунд!

На мой зов появилась круглая мордашка.

– Мэм?

– Скажите, каким именем вас нарекли при крещении?

– Элиас, – отчего-то смутился парень.

– Можно, я буду называть вас так? Нам ведь еще очень долго работать вместе.

Я подкрепила свою просьбу улыбкой, и Элиас тоже расплылся в улыбке:

– Мэм... Видите ли, я не против. Но у нас, на флоте, так не делают. Капитан может дать нагоняй.

Я видела, что Элиасу около восемнадцати, а капитану Леонарду немногим больше. Но морской этикет властно требовал, чтобы эти молодые люди называли друг друга на «вы».

– Ну хорошо, если кто-то будет стоять неподалеку и сможет услышать нас, я буду говорить вам «мистер». Но вообще я бы хотела называть вас по имени.

Я прекрасно знала, что нас ожидает: бессонные дни и ночи, когда нет ни малейшей возможности отдохнуть и когда организм работает на пределе своих возможностей, гонимый инстинктом, неумолимой необходимостью и неутомимым лидером. Ощущения притупляются, и человек, подгоняющий всех, является единственным средством, влияющим извне, которое заставляет держаться на ногах.

Не могу сказать, что у меня были задатки такого лидера, скорее всего, их не было, но следовало поддерживать реноме виртуозного врача, иначе команде пришел бы конец, даже тем, кто еще не успел заболеть. Капитан Леонард поручил Паунда моим заботам, значит, я была обязана сделать его своим помощником, глазами и ушами, даже клоном, если потребуется.

– Элиас, с какого возраста вы ходите в море?

Парень возился под низкой платформой с лежавшей на ней цепью. Ее звенья были размером с два моих запястья, не меньше.

«Стало быть, якорные цепи выглядят так», – подумалось мне, хотя я не была уверена, что это именно цепь от якоря. В случае необходимости такая махина смогла удержать бы и лайнер «Королева Елизавета», следовательно, на этот счет не стоило беспокоиться.

– Впервые я вышел в море, когда мне было семь. – Элиас вытащил из-под платформы сундук. – Дядя был капитаном «Тритона», поэтому я поначалу ходил с ним, а теперь сам. Но из Шотландии я отплываю впервые – раньше я не работал на «Дельфине».

Оказывается, сундук предназначался для меня: там были

хирургические инструменты и разнообразные баночки, флаконы и бутылочки. Элиас Паунд утер пот и протянул мне сундук. Инструменты были заржавлены. Я не хотела думать о том, что это может быть, если не ржавчина.

Все содержимое сундука было засыпано каким-то порошком, напомнившим белую пудру из Парижа, а рядом лежали осколки разбитой банки.

– Это вещи нашего умершего хирурга, мистера Хантера, мэм. Вы сможете воспользоваться ими?

– Пока не знаю, мне нужно изучить, что здесь есть. – Я бросила беглый взгляд на пузырьки. – Попросите, чтобы кто-то из матросов отнес сундук в лазарет, хорошо? А мы тем временем пойдем поговорить с коком.

Матросы отчищали пространство между палубами, а я предавалась невеселым размышлениям.

Ситуация была довольно тяжелой, но не безнадежной. У нас имелись средства, чтобы сразиться с тифом, но болезнь уже забрала жизни некоторых людей. Когда заболевших переносили наверх, двое из них умерли, будучи крайне истощенными и страдая от обезвоживания. Их положили на кормовую палубу в самый дальний угол, а мастер по шитью парусов соорудил для них импровизированные гробы, намертво зашивая гамаки. Эти подвесные койки с пушечными ядрами в ногах покойников, брошенные в пучину, должны были служить местом последнего упокоения для несчастных. Скольким еще предстояло так закончить земной путь? Около сорока человек были у меня на руках, и у всех них были разные шансы на выздоровление. Если я успею и смогу, можно будет спасти хотя бы половину из них, но сколько людей инфицировано и не знают об этом?

На камбузе были заняты кипячением воды в тех огромных чанах, которые любезно предоставил кок. Пресную воду следовало пить, а морской мыть палубу и стирать вещи. Кстати, нужно было подойти к миссис Йохансен и попросить ее, чтобы она отдавала молоко на стерилизацию. Тоже внести в список дел.

Все работники камбуза не должны остаться без моего внимания: в случае, если они смогут проконсультировать меня, я смогу понять, кто является разносчиком инфекции, значит, поветрие можно будет приостановить. В список.

Крепкие спиртные напитки доставить в лазарет, что бы ни говорил эконом. Лучше перегнать их и получить чистый спирт (галочка), но для этого понадобится перегонный куб. Как лучше его сделать и стоит ли, если можно пока довольствоваться той формой напитков, какая есть сейчас?

Подумать.

Проконтролировать, чтобы все подвесные койки и гамаки были выстираны и прокипячены. Не пускать здоровых сменившихся вахтенных к отдыху, пока это не будет сделано. Найти матросов, которые вымоют и выметут нижние палубы, а также тех, кто будет заниматься стиркой, – этим займется Элиас. Сказать Элиасу Паунду.

Я продумывала, что еще мне предстоит сделать, но держала в памяти Томпкинса и те сведения, которые он хотел рассказать капитану. Выходит, они не настолько ценные, иначе бы «Дельфин» сменил курс и вернулся бы к кораблю с Джейми. Или же Леонард не хочет слушать сплетни. Или доставка губернатора на Ямайку является первоочередным заданием, ради которого можно пожертвовать всеми остальными.

Стоя у борта, я в последний раз смотрела на море, ощущая, как свежий ветер играет моими волосами. Когда я еще так постою? Разве когда нужно будет вдохнуть чистого, не загрязненного бактериями воздуха. Из люков наверх шел пар: там драили помещения. Да, свежий воздух на корабле будет ой как не скоро.

Никакой «Артемиды» не было и в помине. Глупо было рассчитывать, что она останется в пределах видимости после всего произошедшего. Джейми далеко от меня, очень далеко, а я здесь, на корабле, полном больных.

Не поддаваясь панике, я принялась думать, что же еще забыла внести в свой список. Поговорить с капитаном: во-первых, он должен знать, как началась эпидемия, во-вторых, будет решать судьбу Джейми, если захочет выслушать Томпкинса. А мне предстоит еще куча работы и нельзя отрываться ни на минуту.

– Элиас, подскажите, где я могу найти миссис Йохансен, – решительно проговорила я, убежденная в том, что Паунд немедленно придет на помощь, где бы он ни был.

Глава 47

Чумной корабль

Вот уже два дня, а разговор с капитаном еще не произошел. Я несколько раз заходила к нему, надеясь застать Леонарда в каюте, но его все не было, а стоявшие на страже вахтенные отговаривались тем, что он определяет курс, изучает карты либо что-нибудь еще в том же духе из разряда морских таинств, которые я, конечно, должна была уважать в силу своего неведения. Словом, это были хорошие, продуманные отговорки. Мистер Оверхолт, например, просто скрывался от меня в каюте, сплошь увешанной сушеным шалфеем и иссопом, которые должны были сыграть роль ароматизаторов воздуха и предупредить эпидемию. Та часть команды, что должна была помогать мне, не выказывала особого рвения и всячески отлынивала от работы, искренне не понимая, как стирка и уборка помогут спастись от тифа. Я ощущала себя овчаркой, приставленной к стаду ленивых овец: без лая, клаянья зубов и рычания, то есть угроз и обещаний пожаловаться капитану, ничего не получалось.

Работая в таких условиях, далеких от амбулаторных, я видела, что мои труды приносят пусть малую, но пользу. И пусть сегодня умерло четверо, а десятеро заболели, зато остальные не впадали в отчаяние, не ломали руки и не изводили себя страхом, а могли оказать действенную помощь. Правда, не выяснив, кто стал разносчиком сальмонеллы, я не могла победить болезнь окончательно и требовала отрывать от парусов здоровых людей, которых с каждым днем становилось все меньше. Двое матросов, согласившихся поступить на флот, лишь бы не сидеть в тюрьме, вынуждены были поступить в мое распоряжение и с ужасом заняться тем, за что их, собственно, и посадили, – производством спиртного. Я требовала перегнать половину имеющегося запаса рома в спирт, а эти смышленные ребята занимались этим на свободе и знали, как соорудить перегонный куб.

Гардемаринов тоже осталось немного, и я распорядилась их силами рационально – поставила сторожить входы в лазарет и камбуз. В руках они держали по площадке чистого спирта для дезинфекции рук входящих, а когда наглая матросня возжелала попробовать уже загрязненный спирт из бадьи, куда его выливали, я привлекла к охране вожденного сосуда еще и вооруженных морских пехотинцев. Миссис Йохансен оказалась на удивление расторопной женщиной, и я взяла ее в союзницы. Эта тридцатилетняя шведка плохо говорила по-английски, зато чутье не

подводило ее, и она всегда догадывалась, что необходимо сделать.

Аннеке Йохансен была моей левой рукой, а Элиас Паунд – правой. Таким образом у меня стало шесть пар рук и шесть пар глаз. Женщина занималась в основном подготовкой провизии – стерилизовала молоко, толкла сухари, очищая их от плесени и выбрасывая из них долгоносиков, а также кормила, иногда насильно, полученной смесью больных.

Пушкарь Йохансен был в числе заболевших, но я не сомневалась в том, что он выкарабкается благодаря жене и собственным силам. Тиф в легкой форме протекает быстро.

– Рутвен докладывает, что матросы снова добрались до спирта.

Элиас с его вечным «мэм» уже мало походил на того кудрявого круглощекого юношу, которого я встретила в первый день на «Дельфине». Кудри, конечно, остались, а вот щеки похудели – мальчик осунулся всего за пару дней.

На мою витиеватую ругань, какой я встретила его весть, он вытаращил карие глаза.

– Простите, Элиас, я не хотела, но у меня нет других слов, – раздраженно проговорила я, напрасно пытаюсь убрать волосы, лезшие в глаза.

– Что вы, мэм, в мою бытность на кораблях я чего только не наслушался. Просто странно слышать такое от женщины.

– Поймите, что я сейчас не женщина, а прежде всего врач, поэтому куртуазные манеры мне не к лицу. – Оборвав свои нравоучения, я быстро добавила: – Следует поискать их хорошенько. Должно быть, спят без задних ног.

Юноша завертелся и пообещал:

– Я знаю, что спиртное они прячут в канатных бухтах. Думаю, что они отправились туда, если дошли.

Итак, за три дня матросы напивались четырежды. Это переходило все границы. Я не стала накладывать запрет на алкоголь, потому что выпивка помогала здоровым не заболеть, но сократила ежедневную порцию грога вдвое, и все же они откуда-то доставали чистый спирт, строжайше охраняемый моими пехотинцами.

– Миссис Малкольм, чего же вы хотите от этих малых! – сочувственно произнес мистер Оверхолт в ответ на мои жалобы. – Они будут цедить все, что только смогут найти, даже если вы запретите им! Прокисшая сливовая брага или какая-нибудь перебродившая муть – это еще самые безобидные напитки. Я помню, как один недоумок хотел выжать остатки спирта из бинтов, которыми пользовался хирург. Бросьте, они не послушают вас.

Тем временем пьянство убивало матросов, избежавших смерти от тифа. Из четверых пьяниц один отдал богу душу, а двое впали в кому. Я не надеялась их спасти – даже если выживут, они сойдут с ума.

Господи, только бы мне не спятить на этом корабле дураков! Одного этого хватило бы, чтобы до конца дней улыбаться невпопад и заливаться диким смехом при виде любой безделицы.

Стоя у борта, я видела, что на ограждение села крачка.

– Представляешь, эти ненормальные никак не хотят просто наслаждаться жизнью: я спасаю одних от страшной заразы, а другие напиваются пьяными и отдают концы! Ну надо же такое! Полоумные! – поделилась я с птицей.

Она покосилась на меня и улетела, не найдя себе поживы. Передо мной расстилалась бесконечная гладь океана, где впереди, в Вест-Индии, был Эуон, бедный наш мальчик, а позади была «Артемиды» и Джейми. Посередине была я и шестьсот одуревших от спирта и тифа англичан, умирающих от гниения или ожога кишок.

Капитан Леонард будет вынужден увидаться со мной, чем бы он ни был занят, даже если он откачивает воду из трюма, поскольку всех здоровых людей забрала я.

Решительно направившись в капитанскую каюту, я остановилась на ее пороге. Было около полудня, но Леонард не был в трюме и не находился в рубке – он просто спал, уткнувшись головой в раскрытую тетрадь. Хотя его щеки покрыла щетина, он выглядел на свои годы и даже младше. Жалко было будить этого отчаянного юношу, писавшего что-то, – выпавшее из усталой руки перо лежало на столе, чернильница была открыта, – так что я решила дать ему выспаться.

Рундук со стопкой книг, навигационных инструментов и карт помешал мне покинуть каюту тихо: верхняя книга упала, и этот звук, на удивление тихий по сравнению с другими звуками движущегося корабля, заставил Леонарда проснуться.

– Миссис Фр... миссис Малкольм! – поднял он голову, хлопая заспанными глазами. – Вы что-то хотели?

– Извините, я не хотела нарушать ваш сон. Спирт, мне нужно больше спирта. Я могу ограничиться бренди или крепким ромом при условии, что вы пресечете попытки матросов пить спирт, нужный мне в медицинских целях. Повлияйте на них как-то, придумайте что-нибудь, не знаю. Я исчерпала свои возможности, а между тем они умирают от спиртного, находят его и пьют в непомерных количествах. Да, и больше воздуха в лазарет.

Выпалив все это одним духом, я сообразила, что после крепкого, хоть и чуткого сна капитан Леонард не сможет понять, чего я хочу. Он был взъерошен, а поскольку спал, положив голову на руку, на его щеке остались следы от пуговиц.

– Ага. – Капитан собрался с мыслями. – Я понял вас. Что мы можем сделать... Откроем все люки, дабы обеспечить должный доступ воздуха. Спирт... я не знаю наших запасов, так что посоветуюсь с мистером Оверхолтом.

Леонард, судя по всему, намеревался вызвать эконома немедленно, но стюард, как и все, был в лазарете. Зазвонил корабельный колокол, и капитан сказал:

– Простите, миссис Малкольм. Уже полдень. Я должен подняться наверх, чтобы определить, где мы находимся. Если вы будете любезны подождать, эконом сам придет сюда, я распоряжусь.

– Благодарю вас, капитан.

Подобно моей каюте на «Артемиде», капитанская каюта имела только одно свободное место – стул. Юноша оправил свой шитый галунами мундир с чужого плеча и собрался выполнять такие трудные и такие важные обязанности.

– Простите... капитан! – позвала я, удивляясь самой себе.

– Мэм?

– Простите меня, но сколько вам лет? – виновато улыбнулась я.

Он сжал зубы, но честно сказал:

– Девятнадцать. К вашим услугам, мэм. Мне пора.

Господи помилуй! Я не могла поверить. Он был молод, но... Бедный парень, никогда, по-видимому, не бывший толстым, осунулся, а его лицо обветрилось. Я давала ему двадцать пять, но...

«Ведь это ребенок!» – вскричала во мне мать.

Он ровесник моей дочери, подумать только! И уже вынужден принять на себя командование целым кораблем с огромной командой на борту. Военного корабля. Моряков на котором скосила зараза, продолжающая косить уцелевших. Четверть экипажа умерло, а командный состав полностью отправился на небеса. А тут еще губернатор! Теперь я начинала понимать, что стояло перед этим мальчиком. Он не был высокомерен или невежествен, он просто был ребенком, рано, очень рано возмужавшим и еще раньше постаревшим от переживаний.

Не знаю, как бы я поступила на его месте, но моим оправданием служило то, что мое присутствие хоть как-то обнадеживало его и было каким-никаким подспорьем в нелегком капитанском деле. И я думала

оставить его наедине с брюшным тифом, с кровавым поносом и бессильными матросами, подвешенными в гамаках к потолку!

Он уснул на судовом журнале, на котором осталось пятнышко от слюны. Господи, этот мальчик – да, все-таки мальчик – пускает слюну во сне! Как же он уязвим и незащищен...

Перевернув скорее страницу, я бегло просмотрела записи в журнале и похолодела, вспоминая его первые слова. Он обратился ко мне, назвав мое настоящее имя! Леонард вовремя исправился, но он узнал меня и запомнил, что я – миссис Фрэзер, а не Малкольм. И в судовом журнале тоже содержалась запись с указанием имени «Фрэзер»! Значит, кто-то раскрыл нашу с Джейми тайну! Но кто?

Дверь была раскрыта – ни я, ни Леонард не заперли ее, но сейчас я исправила эту оплошность и села читать судовой журнал.

Прежде всего меня интересовало, что было написано о встрече с «Артемидой», ведь если упоминать о Джейми, то, скорее всего, в связи с кораблем, суперкарго которого он являлся. Да, сведения о нашем корабле были зафиксированы в журнале, но в целом капитан Леонард – я увидела различные почерки в журнале и могла сравнить манеру заполнения документа разными капитанами или теми, кто выполнял капитанские обязанности, – писал короткими фразами и упоминал только самые важные факты, как то координаты, курс и навигационные данные.

«3 февраля 1767 года. По пути следования «Дельфина» около девятой склянки встретила «Артемиду», маленький двухмачтовый бриг с флагом Франции. Мы запросили помощи. На борт нашего корабля поднялся корабельный врач «Артемиды» К. Малкольм, до сей поры помогающий бороться с эпидемией».

Интересно: просто «К. Малкольм», никаких лишних слов. «Корабельный врач «Артемиды». Почему нет указания на мой пол? Леонард придерживается прогрессивных взглядов или не хочет вызывать подозрений у читателей журнала и предпочитает умолчать, коль это возможно?

«4 февраля 1767 года палубный матрос Гарри Томпкинс известил меня, что ему известны некоторые факты о суперкарго означенной «Артемиды», являющегося преступником Джеймсом Фрэзером, известным под именами Джейми Рой и Александр Малкольм.

Это опасный бунтовщик и к тому же предводитель контрабандистов, которого разыскивает королевская таможня, обещая награду за его поимку. Матрос Томпкинс отправился на «Артемиду» и узнал мятежника Фрэзера среди команды корабля. Мы не могли преследовать «Артемиду» по

причине того, что имеем на борту пассажира и должны в кратчайшие сроки попасть на Ямайку, однако у нас на борту их судовой хирург. Арест Фрэзера может произойти, когда мы вернем их врача.

Два человека нашей команды умерли от эпидемии. Врач с «Артемиды» полагает, что это брюшной тиф. Джо Джасперс, палубный матрос, СС. Гарри Кеппл, помощник кока, СС».

Все остальное меня интересовало мало, поскольку дальше не было сведений ни об «Артемиде», ни о Джейми, что был естественным в условиях, когда корабль с шотландцем был далеко. Дальше были новые записи о смерти матросов от тифа, и все содержали пометку «СС», не совсем понятную мне. Заслышав шаги за дверью, я быстро отперла ее и увидела на пороге эконома. Он извинялся, что долго возился на кухне и не смог быстро прийти, но мне было не до него.

«Кто такой Томпкинс?» – вот какой вопрос мучил меня. Как для обычного моряка он знает слишком многое. Откуда он все это знает и кому еще рассказал? Или кто рассказал ему?

– ... порции грога сделать еще меньшими, чтобы вы могли получить бочонок рома? – сетовал мистер Оверхолт. – Матросы не будут рады этому нововведению. Впрочем, с учетом того, что до Ямайки осталась всего неделя...

– Скажите им вот что: если они не отдадут мне ром, грог им уже не понадобится – его будут пить на их поминках, причем пить буду я, потому что никто из команды не доживет до того светлого дня, когда мы доберемся до суши.

Эконом вытер пот со лба.

– Хорошо, мэм, – покорно согласился он, вспотев от одной мысли, что придется сделаться громоотводом между мной и разъяренной командой, лишавшейся последнего развлечения.

– Отлично, – мстительно заулыбалась я. – Погодите! – Он собирался было идти на растерзание трезвым, а потому злым матросам.

– Да, мэм?

– Скажите... В судовом журнале есть пометка «эс-эс» против фамилий. Что это значит?

Мистер Оверхолт блеснул глазами.

– О, мэм, неудивительно, что вы заинтересовались этим. Видите ли, это означает, что эти люди умерли – «списаны в связи со смертью». Правду говоря, это один из самых верных способов навсегда расстаться со службой, и многие им пользуются довольно успешно.

Томпкинс, Томпкинс... Черт побери! Он не выходил у меня из головы,

пока я смотрела, как вверенные мне матросы пьют подслащенную воду и кипяченое молоко и как обмывают умерших.

Все, что я знала о нем, – это его голос, который я, конечно, запомнила. Но как узнать, кто говорит таким голосом, если я каждый день видела десятки матросов, мелькавших на реях, пока я дышала свежим воздухом, или пытавшихся справиться с тем, с чем с трудом справляются двое или трое.

Он определенно здоров, иначе я бы запомнила его, как запоминаю всех больных – по имени и в лицо. Сидеть сложа руки было нельзя, значит, не ждать, пока он заболит, а самой искать его, расспрашивать тех, кто может что-либо знать. Если он в курсе того, кто я, что за беда, если доброхоты передадут еще и то, что я открыто интересуюсь им?

Начать можно было с Элиаса, благо он всегда был рядом, а его природное любопытство заставляло предполагать, что он наверняка сможет кое-что поведать. Стоило разве подождать, пока он устанет как следует и не удивится моему вопросу.

К счастью, Паунд довольно быстро предоставил интересующую меня информацию.

– Знаю, мэм, это матрос из полубака.

– А когда он присоединился к команде «Дельфина»?

Я поступила мудро, решив задавать вопросы в конце дня, иначе бы Элиас не преминул спросить, отчего мэм интересуется каким-то матросом.

– Хм, я не помню точно... Спитхед, наверное. А, нет – Эдинбург! – Парень провел по носу, чтобы скрыть зевок. – Его тоже завербовали, но он тогда поднял бучу, мол, он служит Персивалю Тернеру, то есть таможене и акцизникам.

Элиас едва не разорвал рот в новом зевке.

– Но его таки забрали, так как ему нечем было крыть – никаких документов при нем не было, а что и было, так там не было подписи Тернера.

– То есть он был секретным агентом таможи? – уточнила я.

Кое-что сходилось.

– Ну как сказать... Я в этом не разбираюсь. Похоже, что так.

Паренька следовало отправить в койку: глядя на качавшийся у лазарета фонарь, он сам раскачивался, а глаза его отчаянно слипались.

– Элиас, идите спать, вы мне больше не нужны сегодня.

– Нет, мэм, что вы! Еще столько работы, как же вы справитесь со всем? А я вовсе не хочу спать, правда! – Он попробовал отнять у меня чашку и бутылку с молоком. – Это вы идите, а я тут еще поработаю.

Добрый малыш, он хотел еще помогать мне таскать воду! В таком-то состоянии! Я не смогла переломить его упорное сопротивление, и порешили на том, что сразу после обноса он ляжет спать.

Зато я не могла уснуть, хотя была крайне измотана. Мне отвели каюту умершего хирурга, и я сидела на своей койке без сна, вглядываясь в невидимый во тьме потолок и слушая, как трещит обшивка корабля.

Сэр Персиваль купил Томпкинса и сделал своими глазами и ушами. Возможно, что Тернер и сказал, кто такой Джейми, то есть оповестил Томпкинса, что Джейми Рой – контрабандист. Что еще было известно Персивалю? И откуда незадачливый агент знал, как выглядит Джейми Фрэзер? Разумеется, сэр Персиваль имел кое-что от того, что обеспечивало безопасность сделок Джейми, но вряд ли он делился полученными взятками со своими агентами. Тогда какой смысл Томпкинсу доносить на Джейми? Личные счета? Но вряд ли он был способен в одиночку устроить засаду в бухте Арброут. Все-таки поискать предателя среди контрабандистов?

Я измучилась от этого гадания, представляя себе то напудренного сэра Персиваля с розовым мышинным носиком, то повешенного таможенника с синим высунутым языком, то еще что-нибудь, освещенное призрачным светом взорвавшегося фонаря на берегу... Чувствуя, что не усну, я переместила подушку себе под живот, улегшись на него. «Нужно отыскать этого Томпкинса», – засыпая, думала я.

Я не успела найти его, потому что была крайне занята: два следующих дня я не покидала лазарета и ушла отдохнуть к себе только на третий день.

Лежа на койке и накрыв глаза полотенцем, я ожидала, пока звук барабанной дроби позовет к обеду, но вместо этого услышала другой звук – топот за дверью, глухие голоса и стук в мою каюту.

– Ради бога, мэм, займитесь им, это несчастный случай...

На пороге стояли двое, державшие третьего, скривившегося от боли и стоявшего на одной ноге.

Я сразу догадалась, кого ко мне привели: следы от страшных ожогов на лице, один глаз с мутным хрусталиком и в довершение всего гладкие светло-каштановые волосы, лысеющий лоб и жидкая косичка до плеч. Прозрачные торчащие уши. Это был тот, кого юный Эуон, как он считал, убил в печатне. Моряк с косой.

– Вы – мистер Томпкинс, – изрекла я, чем немало удивила свою новую жертву медицинских изысканий. – Усадите его.

Мы остались наедине: матросы не могли надолго отрываться от работы.

У него была повреждена нога, и я вынуждена была встать перед ним на колени, чтобы понять, с чем имею дело. И с кем.

Он понимал, что я узнала его: в дверях наши глаза встретились. Теперь я пыталась унять дрожь в руках, ощупывая ногу того человека, который столько знает о Джейми, а он напрягся и не знал, чего стоит ожидать от жены Фрэзера, якобы собирающейся его врачевать. Рана была страшна, потеря крови была обильной, но жизненно важные артерии не были задеты, а в таких условиях порез на икре был просто шуткой, впрочем, требовавший своевременного лечения. Нужно сказать, что до меня уже кое в чем помогли, перевязав рану обрывком рубашки, так что к тому времени, когда я сняла повязку, кровь уже остановилась.

– Что же произошло? Рассказывайте. – Отдав это распоряжение, я потянулась за спиртом.

Томпкинс недоверчиво зыркал глазом.

– Мэм, я не специально, это щепка. – Он гнусавил. – Я оказался у рангоутного дерева, когда то лопнуло.

Моряк нервно облизал губы.

– Что ж...

Раз уж он явился ко мне и требует помощи, грех не воспользоваться таким прекрасным случаем. Только с чего начать? Этот малый юркий, и втереться к нему в доверие невозможно, учитывая то, что он знает обо мне. Сам он вряд ли захочет что-нибудь рассказать. Оттягивая время, я шарила будто в коробке со снадобьями, в которой на самом деле ничего не было.

Нужно было во что бы то ни стало произвести на моряка с косичкой должное впечатление, и я схватила то, что подошло лучше всего для этой цели, – ампутиационную пилу. Слава Асклепию – этим можно было напугать кого угодно: восемнадцать дюймов нержавеющей стали и жуткого вида зубья. Итак, вооружившись сим орудием, я приложила пилу к ноге Томпкинса повыше раны. Он, как на заказ, неподдельно ужаснулся, и я, счастливая тем, что достигла желаемого эффекта, послала ему воздушный поцелуй.

– Вот что, давайте потолкуем о том, что вы знаете.

Через час у мистера Томпкинса уже ничего не болело, рана была зашита и перевязана. Он вполне годился к службе, хотя еще и вздрагивал от перенесенной операции, а я вздрагивала от услышанного.

Он рассказал, что действительно состоял на службе у Персиваля Тернера и поставлял ему секретные сведения, будучи агентом и вербовщиком. Для этого он регулярно обходил причалы, пакгаузы и портовые кабаки на заливе Фёрт-оф-Форт, начиная Кулроссом и

Донибристлом и заканчивая Ресталригом и Масселборо. Слухи и сплетни, настроения и политические анекдоты – он должен был запоминать все, если это имело отношение к делам вне закона.

Шотландцы, что неудивительно, не собирались скрывать своего, мягко говоря, неприязненного отношения к налогам, требуемым англичанами, поэтому Томпкинс никогда не сидел без дела и щедро снабжал хозяина информацией. Судьба того, на кого доносили, зависела от положения, занимаемого в обществе жертвой доноса: мелкие контрабандисты, погоревшие вместе со своим нехитрым, но незаконно перевезенным товаром в виде, например, пары-тройки бутылок бренди или рома, арестовывались. Их судили и обычно отправляли на исправительные работы в колонии, а все имущество прибирала к рукам корона.

Рыбка покрупнее, как называли таможенники серьезных контрабандистов, могла надеяться решить свои вопросы с таможней, то есть лично с сэром Персивалем, за определенную сумму звякающих монет соразмерно размаху своего дела. Тогда служители короны внезапно слепли (Томпкинс, скаясь, указал на свой глаз), и контрабандисты могли проворачивать крупные дела.

– Но сэр Персиваль не хотел останавливаться на достигнутом, – Томпкинс произвел выразительный жест. – Он хотел быть пэром – засиделся наш малый в рыцарях, понимаешь. Но для этого одних денег было мало.

Чтобы удовлетворить свои амбиции, он должен был продемонстрировать свои способности и услужить короне.

– Ну как услужить, поймать какого-нибудь преступника, да не оборванца, а мятежника, например, чтобы общество загудело, да. Ой, мэм, печет! Неужели вам не жалко святой воды?

Я как раз смочила губку алкоголем и обеззараживала рану.

– Так нужно для вашей же пользы. То есть ограничиться вожаком контрабандистов было нельзя?

«Беда Джейми была в том, что он совмещал две эти ипостаси», – подумала я.

– Нельзя, мэм. Старик чуть не спятил от радости, как узнал, что можно заполучить мятежника.

– Ну хорошо, а где же найти доказательства причастности к мятежу? Бумаги сжигают, а аресты других людей могут привлечь внимание, и вожак скроется. И потом, контрабандисты могут предать за кругленькую сумму, а бунтовщики, даже небольшие, обычно бессребреники.

Я закончила приготовления к операции: вдела шовную нить в иглу и

помахала ею перед носом моряка, испугавшегося еще больше. У меня не было других средств заставить его говорить.

– Мы не знали, на чей след выходить, пока слуги Персиваля не нашли помощника Джейми Фрэзера. Он-то и рассказал про печатника Малкольма и назвал его всамделишное имя.

У меня екнуло в груди.

– И кто был тем помощником?

Я лихорадочно перебирала имена шестерых контрабандистов. Каждого из них можно было купить, заплатив ту или другую сумму, ибо живущими иллюзиями и идеями идеалистами они не были. Это была «мелкая рыбешка», выражаясь словами Томпкинса. Но кто, кто предатель?

– Ведать не ведаю. Ой, миссис, что вы делаете!

Я проколола ему кожу иглой.

– Ой, право, мне так жаль вас. Но рану нужно зашить. Здесь я не могу ничего поделать, – притворно сожалела я.

– А-а-а, ну что же вы! Ох! Зачем меня мучите? Кабы знал, так сказал!

– Хотелось бы, чтобы сказали. – Я снова занесла иглу.

– Ох нет, миссис, не продолжайте, умоляю. Да погодите же, я скажу! То был англичанин, а большего я не знаю.

Я и впрямь остановилась.

– Что вы говорите? Англичанин?

– Ну да. Да только это говорил сэр Персиваль, я сам не видел, – плача, приговаривал Томпкинс.

Рана была уже зашита, и оставался последний стежок, любовно выведенный мною по коже страдальца. Я старалась облегчить ему боль и плеснула в стакан бренди из бутылки, предназначенной для моих личных нужд.

Томпкинс с удовольствием влил в себя горячительное и на радостях договорил, чем закончились поиски агентов таможни. Нужно было найти доказательства, а в тупике Карфакс был листовки, содержащие призывы к заговору против правительства.

– Я знаю, что там произошло, – перебила я, смотря на следы от ожогов. – Болит?

– Уже нет, но порой доставляет неприятности, – отвел глаза Томпкинс.

Травмы помешали принять участие в знаменитой засаде на контрабандистов, но она не прошла мимо его ушей («Я не видел, зато знаю все подробности, пусть и не из первых уст»).

При аресте Джейми мог бы порассказать о тайных делах сэра Персиваля, поэтому последний поспешил предупредить Фрэзера об

опасности.

Но неведомый англичанин доложил, что из Франции прибудет партия товара, и таможенники подготовили засаду, спрятавшись в песке.

– Хорошо, а кто убил одного из таможенников? – не сдержалась я, вспомнив удавленника. – Кто-либо из контрабандистов? Да вот незадача – они все шотландцы.

Моряк утерся и ушел в себя, не желая отвечать на такие откровенные вопросы, тогда я поставила перед ним всю бутылку.

– О, миссис Фрэзер, душевно благодарен. Я стольким вам обязан. Это такая добродетель.

– Прекратите паясничать, лучше расскажите, что вам известно.

Томпкинс налил себе полную чашку и неспешно выпил ее, явно наслаждаясь запретным вкусом.

– Свои же его и кокнули. Нечего здесь грешить на контрабандистов, – заявил он.

– Как это? – недоумевала я.

Он прикрыл единственный глаз и снова открыл его.

– А вот как миссис: один из них по слову Персиваля должен был прикончить второго, причем в тот момент, когда контрабандисты будут бежать по дороге, спасаясь от нападавших на берегу. Так что таможенник должен был стать жертвенным агнцем. И стал им.

– И что? Зачем так усложнять?

– Что же здесь непонятного? – искренне изумился моряк. – Листовки, которые я нашел в типографии, не были подписаны именем Фрэзера, значит, следовало найти другие доказательства, а поскольку и эти сгорели в печатне, нужно было искать новые. К тому же он был хитрым контрабандистом и не давался нам в руки – все, кого мы поймали, были пешками в его игре. Правда, один агент вроде бы хотел втереться к нему в доверие и выведать, где он хранит товары, да только пропал бесследно. Мы думаем, что Фрэзер либо убил его, либо заплатил хорошие деньги, чтобы тот молчал. В любом случае мы не знаем ничего ни о его судьбе, ни о том, где шайка Джейми Роя прячет товары.

Так вот кем был тот странный человек, пристававший ко мне у борделя! А я было приняла его за священника... Выпили ли мятный ликер в заведении мадам Жанны?

– А...

– Погодите, дайте доскажу, – Томпкинс вошел в раж, и не стоило его перебивать. – Сэр Персиваль сообразил, на кого вышел, но не мог придумать, где найти доказательства причастности Фрэзера ко всем тем

делишкам, которые он проворачивал. Контрабанда – это одно, бунтарская писанина – другое, а вот то, что малый был якобитом, отбывавшим наказание, – это совсем другая песня! Если бы повезло привлечь его к ответственности, судебный процесс над ним был бы крайне поучителен и полезен для сэра Персиваля Тернера.

Теперь ясно, что задумал хитрый лис Тернер: убить таможенника и обвинить в этом преступлении Джейми – лучше нельзя было выдумать! Во-первых, само по себе убийство служителя короны, да еще исполняющего обязанности по поимке контрабандистов, карается смертной казнью. А во-вторых, против Джейми можно очень легко настроить общественное мнение: шутка ли, помилованный бунтовщик не раскаялся и продолжает свою гнусную деятельность! Контрабандист еще мог вызвать симпатию, но не бессердечный убийца.

– Сэр Персиваль – тот еще сукин сын... – констатировала я.

«Человек с косичкой» согласился со мной.

– Вы правы, миссис Фрэзер. Я того же мнения.

– Но убитый получил по заслугам, не так ли?

Томпкинс махнул рукой, и из чашки пролился бренди. Он плохо ориентировался в пространстве и не рассчитал силы.

– И здесь вы правы, мэм! Том Оуки вполне заслужил петли! Мы все были рады этому висельнику и прежде всего сэр Персиваль. Чертям будет чем заняться в аду, уж поверьте.

– Не сомневаюсь.

Повязка была готова, я завязала ее. Пора было возвращаться в лазарет.

– Вы бы попросили, чтобы кто-нибудь помог вам. Сами до гамака не дойдете, – добавила я, видя, что содержимое бутылки опорожнилось. – Ногу сейчас беспокоить нельзя, пока рана не заживет, поэтому предупредите начальство. Если не поверят, пришлите ко мне – я скажу, что наложила вам швы.

– Спасибо, мэм. Я очень, очень благодарен вам, – пролепетал Томпкинс заплетающимся языком.

Он встал было на ноги, но они не послушались, тогда я схватила его и потащила к выходу. Моряк упирался изо всех сил и бодро обещал:

– Ну что вы, миссис Фрэзер! Гарри Томпкинс сам дойдет, уж поверьте моему слову. – Он шатался, но ни в какую не хотел покидать мою каюту. – Со мной все было в порядке, и так будет впредь, – подмигнул моряк с косичкой, восставший из пепла печатной мастерской.

Красный нос и карий глаз отчего-то заставили меня задать ему, может быть, не совсем уместный вопрос:

– Эээ... мистер Томпкинс, а можно узнать год, когда вы родились?

Он заморгал, но был слишком пьян, чтобы хорохориться, и просто ответил:

– В лето Господне тысяча семьсот тринадцатое.

– А-а, понятно. Спасибо.

Я думала, что он упадет по дороге, но Томпкинс честно доплелся до конца коридора и плюхнулся куда-то вниз. Будучи небольшим знатоком восточного календаря, я в то же время была уверена, что год его рождения был годом Крысы^[8], не иначе.

Глава 48

Миг милосердия

Спустя пару дней борьба с эпидемией приняла рутинный характер, то есть, как и всегда в подобных случаях, отчаяние первых часов битвы сменилось тупым упорством ежедневного боя. Поначалу помощь нужно предоставлять незамедлительно, поскольку от оперативных действий врача зависит, будет ли исход болезни летальным либо пациента можно спасти. Но это справедливо в случае, например, повреждения конечности, когда остановка кровотечения и правильная обработка раны спасают жизни и части тела. Тогда врач должен проявить героизм и неустанно оказывать помощь в любое время суток. При массовых заражениях типа тифа все обстоит несколько иначе.

Бдить денно и ночью, сражаясь с микробами и бактериями без антибиотиков – бесполезное дело. Я рассчитывала только на то, что болезнь отступит сама, а смерть повременит, что организм моряков справится сам и что больные выдюжат и это испытание. В таких условиях нужно было делать то, что следовало, и я поступала именно так.

Против всякой хвори имеются или должны иметься лекарства, как каждый яд имеет противоядие. У меня не было лекарств, и тьма и смерть поглощали меня и моих больных: за девять дней умерло сорок четыре человека.

Все, что у меня имелось, так это бочонок спирта. Каждое утро я должна была заставить себя и тех, кто помогал мне, встать и снова отправиться на битву с невидимым врагом, пока еще не встало солнце и пока нарождающийся день не забрал новые жертвы.

Кое-какие подвижки были, но слишком уж скромные: некто Ховард, бывший канонир, мог быть источником заразы. Как я установила, полтора месяца назад он повредил руку и был переведен на камбуз, где обслуживал кают-компанию.

Судовой хирург также вел журнал, из которого удалось установить, что первым зафиксированным заболеванием была болезнь морского пехотинца из кают-компания, как и последующие четыре случая. После инфекция распространилась по кораблю – ее перенесли те, кто не чувствовал себя заболевшим, но уже находился в инкубационном периоде. Сам Ховард в разговоре со мной признался, что встречал подобную болезнь и на других кораблях, где служил раньше. В то же время он продолжал

работать на кухне, и кок ни за что не хотел отпускать его, считая ценным помощником, а «чертову бабу», то есть меня, принимал за полоумную, выдумавшую невесть что такое.

Вызвавшийся мне помочь Элиас Паунд тоже не смог ничего сделать, и я была вынуждена побеспокоить самого капитана Леонарда, приславшего мне на всякий случай вооруженных морских пехотинцев.

Когда капитан и пехотинцы ворвались на камбуз, вышла сцена: ничего не понимающего Ховарда отправили в арестантский трюм, послуживший нам на время карантинным боксом.

Это случилось вечером, так что пока я закончила дела в камбузе и поднялась наверх, солнце садилось в океан, выложив золотыми плитками западную его часть. Я вновь почувствовала то пронзительное и странное ощущение покоя, какое испытывала уже не раз.

Врачи по роду своей работы часто утопают в горе и отчаянии, не надеясь уже помочь ни одному больному выкарабкаться и сгорая от нервного напряжения и истощения сил. Но мне почему-то в такие дни хватало какой-то мелочи – сценки за окошком, происшествия за дверью, чьего-нибудь лица, – чтобы успокоиться и вновь вернуть себе надежду, впрочем, это случалось всегда неожиданно.

«Дельфин» резво бежал вперед, оправдывая свое название и неся на борту жертв кровавой жатвы смерти, но солнце омывало его своими лучами, обещая радость там, за горизонтом, давая свет как залог будущего покоя. В этот короткий миг я забыла о страшной болезни, образы которой вставали перед моими глазами даже ночью.

Никогда не придумывая названия этому дару покоя и не стремясь к нему, я всегда безошибочно узнала его и была рада ему. Удивительно было, что это произошло здесь, на корабле посреди океана, но я чувствовала и благодарность за то, что это произошло здесь.

Мои невидимые доспехи целителя совсем потускнели к тому времени, когда я выбралась на палубу, но сейчас я вновь была готова сражаться и дать бой, не имея в своем распоряжении даже необходимого. Перекрестившись, я пошла навстречу смерти.

Курчавый мальчик Элиас тоже умер, через четыре дня после того как я увидела заходящее солнце. Его убила вирулентная инфекция, заставив лихорадить и щуриться даже от света фонаря, а затем и бредить. Делирий развился через шесть часов после начала заболевания, а на рассвете он скончался, прижавшись ко мне и назвав меня мамой.

По сути, этот день отличался от всех других только тем, что на закате я хоронила моего мальчика, а так борьба с тифом забрала все мое время, не

дав мне ни о чем подумать. Капитан Леонард провел обряд погребения, Элиаса Паунда завернули в гамак и бросили в пучину. Хотя капитан звал пообедать, я предпочла провести время в одиночестве, забившись в уголок возле здоровенной пушки.

Океан уже темнел ночным бархатом, солнце отсияло. Я не видела в окружающей меня роскоши природы ничего, что могло бы успокоить мою больную душу. С наступлением темноты команда прекращала свою деятельность, и жизнь на «Дельфине» замирала. Вокруг не было ни души, разве пробежал запоздалый матрос. Пушка холодила металлом мою щеку; я задумалась.

Боль разрывала меня на куски, но это была не только физическая боль, хотя в голове гудело, ноги распухли, а спина затекла.

Любой врач призван бороться со смертью. Врач обязан спасать человека, делая для этого все возможное, а подчас и невозможное, а когда приходится отдавать черному ангелу пациента, чье земное время истекло, любой лекарь все равно чувствует вину за свою неумелость, за свое бессилие и слабование. Целителя в его деятельности сопровождают сострадание к больному, страх перед возможной смертью, желание избежать во что бы то ни стало страшной мучительной кончины, а когда это не удается, то еще и ярость.

Элиас открыл вереницу смертей в этот день: за ним последовали еще двадцать три человека.

Кто-то из них умер, пока я обтирала их или щупала пульс, кто-то не успел получить от меня даже этого – я физически не могла успеть ко всем – и был вынужден уйти в мир иной в одиночестве. Мне нужно бы понять, что я не смогу спасти всех, если даже не успеваю обойти их утром, понять, что я сделала все возможное, что сделал бы любой врач восемнадцатого века, но понимать, что пенициллин мог бы спасти и Элиаса, и десятки других, и ничего не делать – это было выше моих сил.

Шприцы и чудодейственные ампулы я оставила в сменной юбке на «Артемиде». Я давала себе отчет в том, что навряд ли имела бы возможность совершать инъекции в том количестве, в каком это требовалось, но если бы и так, вряд ли смогла бы воспользоваться ею. Один, много два, три, пять спасенных – и десятки умирающих, десятки уже умерших! Обстоятельства были выше меня, бесспорно, но облегчения это не приносило: я ненавидела себя, ненавидела сами обстоятельства, мою душу разъедала язва – «Я могла бы спасти их! Могла...» – у меня болели зубы от постоянно стиснутых челюстей, наконец, против тифа, косящего моряков, у меня было только кипяченое молоко и печенье. И две

беспомощные руки. Уже не шесть, как раньше, до смерти Элиаса.

Весь день я металась от койки к койке, видя, как на лицах матросов появляются гримасы боли или как лицевые мышцы разглаживаются, расслабляясь после смерти. И все взгляды тех, кто еще мог что-то видеть, были направлены на меня. На меня, черт возьми!

Бортовое ограждение затряслось от моих ударов. Моих криков никто не мог слышать, и я дала себе волю, ударяя что есть сил по бортику, так, будто это могло что-то решить. По крайней мере это приносило облегчение, а если и нет, то все равно я не чувствовала боли.

– Хватит! – вскричал кто-то, хватая мою руку.

– В чем дело? Пустите меня!

Вываться я не смогла, хотя и хотела: державший был слишком силен.

– Перестаньте, вы разобьете себе руки, – увещевал меня незнакомец, оттаскивая от бортика.

– А хоть бы и так, какая вам, к черту, разница?

Я попыталась было высвободиться, но мои силы быстро иссякли. Все равно: что так, что так я не могу ничего сделать. Для моряков. К чему же тогда думать о себе?

Когда незнакомец отпустил меня, поняв, что я не буду больше протестовать, я смогла рассмотреть его. Кто это был, я не могла сказать, но явно не моряк – об этом свидетельствовала дорогая изысканная, пусть и измятая, одежда: жилет, например, равно как и камзол, сидели как влитые, а брюссельские кружева стоили недешево, даже я это знала.

– Вы кто такой? Я вас раньше не видела, – задала я вопрос, одновременно пытаюсь причесаться пятерней, вытереть слезы и высморкаться.

Перед таким джентльменом негоже было представать в том виде, в каком предстала я, но я по крайней мере надеялась, что ночью меня плохо видно.

Он, заулыбавшись, дал мне чистый носовой платок, правда, слегка помятый.

– Меня зовут Грей. – Он изысканно поклонился. – Вы... дайте догадаюсь: вы – миссис Малкольм? Та самая, которой так восхищается капитан Леонард?

Меня передернуло, и он умолк.

– Мадам, я обидел вас? Простите, если сказал что-то не так. Я не хотел причинить вам боль.

Грей был испуган, и я решила объяснить.

– Нечем восхищаться. Я ежедневно вижу смерть десятков людей, –

платок у носа и недавний плач изменили мой голос. – И ничего не могу для них сделать. Я торчу здесь безвылазно и бесполезно. Спасибо.

Я хотела вернуть ему платок, но не решилась: все-таки он был уже использован. Но и спрятать в свой карман тоже было бы некультурно. Грей махнул рукой, позволяя мне забрать этот кусочек полотна.

– Что я еще могу сделать для вас? – предложил он. – Может, принести вам воды? Или лучше бренди?

Из-за пазухи Грей достал небольшую фляжку, сделанную из серебра и имевшую гравировку – герб.

Я глотнула слишком много, поэтому закашлялась. Бренди был крепок, но то была приятная крепость, заставившая меня почувствовать, как разливается тепло по телу. Я глотнула еще.

– Благодарю вас.

Одного слова, по-видимому, было мало, так что я продолжила:

– Бренди – алкогольный напиток, но я уже забыла об этом. Мы обмываем им больных в лазарете.

Все произошедшее за день навалилось на меня снова, и под тяжестью воспоминаний я осела на ящик с порохом.

– Люди все так же болеют?

В наступившей темноте Грея было видно не очень хорошо, но светлые волосы я смогла рассмотреть.

– Болеют, но я бы не сказала, что так же, – закрывая глаза, оповестила я. – Сегодня, например, заболел всего один. Уже хорошо. Ведь вчера заболело четверо, позавчера – шестеро.

– Вы делаете успехи. Болезнь должна отступить.

– Вряд ли это можно назвать успехами. Судите сами: я могу только остановить начавшуюся эпидемию, но не предотвратить ее. К тому же заболевшие имеют небольшие шансы на выздоровление. Я не гарантирую, что они вылекутся.

– Да?

Он внезапно взял мою ладонь, и я не успела отстраниться. Грей потрогал костяшки моих пальцев, красных и сухих от того, что я постоянно работала со спиртом, провел по волдырю, вскочившему на руке от прикосновения кипящего молока.

– Знаете, мадам, глядя на ваши руки, я бы не сказал, что вы можете так мало, как говорите. Я думаю, вы делаете очень много, а сделали еще больше.

– Я делаю! – вырвала я руку. – Я делаю, но это не приносит пользы, понимаете, о чем я?

– Даю руку на отсечение, что...

– Да полно, вы шутите! Что вы там можете кому давать? – Я снова ударила пушку, словно она была виновата в моих бедах и бедах десятков больных моряков. – Знаете ли вы, сколько сегодня скончалось? Двадцать три моряка! Люди в расцвете сил, полные жизни! Я бегаю, мечусь, суечусь вокруг них, но все, все без толку! В грязи по уши, в рвоте, в кровище, в поту, но они все равно болят и умирают! Я заставила здоровых моряков помогать мне, но они заражаются от больных и тоже умирают! Боже мой... Вокруг меня столько всего, но если бы этот шум приносил хотя малую пользу!

Грей был не виден во тьме, но он заметно напрягся – это чувствовалось на расстоянии.

– Я не шучу и не изволю шутить впредь, мадам, – сухо заметил он. – Ваши слова заставили меня покраснеть. Капитан Леонард приказал мне не покидать мою каюту, и я послушно сидел подобно курице в курятнике. Мне не было известно, что болезнь приобрела такой масштаб. Вы говорите, что половина людей больны... Я готов прийти на помощь. Скажите, что требуется сделать?

– Сделать вам, простите? Но зачем вам что-либо делать? Вы гость на корабле.

– Вы тоже гостя.

Свет от фонаря попал на его лицо. Грею было около сорока, но его тонкое лицо хранило привлекательность.

– Я врач.

Он наморщил лоб и с готовностью кивнул.

– Разумеется. Это все объясняет.

– Нет, это не тот случай, когда можно все объяснить профессией. Но отчасти можно и ею, если угодно.

Вспомнив, на какие точки советовал нажимать мистер Уиллоби для облегчения боли, я проделала это к вящему удивлению Грея.

– Вы должны выполнять приказ капитана, я же выполняю лишь его просьбу. Спасибо за готовность помочь, но я пока не нуждаюсь в ваших услугах, поверьте. Если бы в лазарете было некому помогать, я бы непременно подключила вас к своему делу. Но пока достаточно людей. Однако и они мало что могут. Болезнь пока сильнее нас, хотя мы делаем все возможное, – заключила я со вздохом.

Он отвернулся и пошел смотреть на ночной океан, где отражался свет звезд, больших и сияющих, словно бриллианты.

– Разумеется. – Грей намеренно избегал смотреть мне в глаза. – Я

думал, что вы в расстроенных чувствах, потому крушите все вокруг. Простите меня. Вы врач, и это объясняет очень многое.

Его силуэт вырисовывался во тьме черным пятном.

– Я офицер, точнее, был им. И я прекрасно понимаю, что это такое – нести ответственность, а после потерять вверенного тебе человека.

Мы умолкли. Ночь доносила до нас только негромкие звуки движущегося корабля.

Грей обернулся:

– Тогда-то ты понимаешь, что не являешься Богом и не можешь определять судьбы людей так, как тебе хочется. К сожалению.

Я понимала, о чем он говорит, – я сама это чувствовала. Напряжение ушло, и постепенно я успокаивалась. Ветерок бросил несколько локонов мне на лицо.

– Вы правы, – сказала я Грею.

Он не ответил, а вместо этого поцеловал мою ладонь, спокойно, без ложного пафоса и аффектации.

– Всего хорошего, миссис Малкольм. Спокойной ночи.

Грей уже уходил, и между мной и им было уже несколько ярдов, но появился стюард Джонс и заметил нас.

– Милорд, что вы делаете, ради бога! Сэр, умоляю, вернитесь в каюту! Вам нельзя выходить оттуда. Капитан приказал оберегать вас, мы не можем так рисковать. Сейчас ветер, он может принести заразу сюда. Пожалуйста, вернитесь. Ситуация еще очень опасная, вы можете заболеть.

Грей поспешно закивал:

– Спасибо, я знаю. Мне действительно не следовало быть здесь, но я бы задохнулся в спертom воздухе каюты.

– Простите, милорд, но как по мне лучше так, нежели захлебываться рвотой и страдать от кровавого поноса, – справедливо заметил Джонс.

Бормотание милорда должно было послужить ему защитой, однако Грей честно проследовал к себе в каюту.

Джонс отправился за ним и испугался, когда я дернула его за рукав.

– Миссис! Простите. Я так напугался. Подумал уже, что это призрак какой. Вас в темноте совсем не видно, верите? – Он даже приложил ладонь к груди.

– Извините, Джонс. Я слышала ваш разговор. Кто этот джентльмен?

– Это?

Грей уже ушел и не мог слышать нас, однако Джонс все же обернулся посмотреть, нет ли милорда рядом.

– Как, мэм, вы не знаете? Это лорд Джон Грей, новый губернатор,

которого мы везем на Ямайку. Капитан отдал строжайший приказ – беречь его как зеницу ока. Быть со всеми ему нельзя – вдруг заразится? Лечить-то его нечем, как и всех, впрочем. Но вы, мадам, делаете все, что в ваших силах, нужно отдать вам должное. Без вас было бы хуже, куда хуже.

Он мотнул головой и предложил:

– Хотите чаю? Или печенья? Я принесу, если пожелаете. Вы ведь к себе сейчас?

– Спасибо, милый Джонс, я ни в чем не нуждаюсь. Я хочу снова зайти в лазарет, поглядеть, как ночуют больные.

– Ох, мэм, вам нужно, и вы сказали об этом сейчас. Обращайтесь, если захотите чаю. Всего хорошего.

Он ушел.

Я направилась к больным, но прежде постояла еще у борта. Ночной воздух приятно холодил легкие, наполняя их свежестью. Рассвет должен был быть еще не скоро – звезды были ясно видны на небе, не скраденные нарождавшейся зарей. Выходит, встреча с новым губернатором и была тем мгновением милосердия, которого я так страстно желала.

– Да, одного заката сейчас было бы мало, – послала я благодарность морю и небу, подарившим мне этот счастливый миг. – Спасибо вам.

Теперь можно было идти вниз с легкой душой.

Глава 49

Земля!

Это правда, что плывущий на корабле чувствует землю уже тогда, когда она появляется за горизонтом, но еще не видна невооруженным глазом.

Аннеке Йохансен старалась изо всех сил, чтобы козы содержались в чистоте за долгое время путешествия. К примеру, она сгребала навозные кучи в корзины по утрам и выбрасывала за борт, наполняла ясли свежим сеном и выкладывала им же палубу, пока запас соломы не вышел. Конечно, козы пахли, но вдыхать исходящий от них запах – животный запах – было намного приятнее, чем находиться среди смрадных больных.

– Глупый, иди же ко мне, – обратилась молодая женщина к козленку, приманивая его сеном.

Животное подобралось ближе, и Аннеке схватила его, желая что-то проделать над козленком.

– У него клещ? – предположила я.

Она не видела меня, но теперь подняла голову и улыбнулась.

– Миссис Клэр! Гутен морген! Да вот, можете сами видеть.

Шведка, удерживая маленькое годовалое животное, взяла в руку его ушко и повернула его так, чтобы я могла увидеть присосавшееся к нежной коже насекомое.

Клещ зашел уже довольно глубоко под кожу, но Аннеке удалось выдавить его, проделав процедуру подобно той, какую производят при выдавливании гнойника. Козленок отчаянно протестовал, оглашая блеянием все вокруг, и брыкался, но, удержанный сильной женской рукой, остался стоять на месте.

– Не отпускай его, – предостерегла я, видя, как выступает кровь из ранки, образовавшейся на том месте, откуда был вытащен клещ.

Аннеке с интересом глядела на бутылку со спиртом, привязанную на манер шпаги к моему поясу, я же накапала жидкости на ранку козленка. Животное возмутилось еще больше, почувствовав щипание спирта на своем мягком ушке, где на свету были видны прожилки.

– Быстрее заживет. – Шведка согласно кивнула.

Отпущенный на свободу козленок направился к остальным козам – требовать молока у матери в качестве компенсации за страдания, причиненные ему людьми. Клещ лежал неподалеку на палубе, шевеля

лапками. Конечно, он не мог уже самостоятельно передвигаться, и Аннеке раздавила его.

То, что на корабле появился клещ, тоже свидетельствовало о близости земли. Женщина поглядела на люк, закрывавший загончик от света: там виднелось солнце.

– Видите? Слышите? Там земля и трава. Вода. Замечательно!

– Я должна попасть на берег, – произнесла я и решилась просить о помощи. – Могу я рассчитывать на вас? Поможете мне добраться до земли?

С надеждой смотрела я на нее, ведь от ее решения зависело сейчас так много. Сама шведка напоминала добродушную козу, чувствующую себя уверенно на борту корабля, где качает, темно и нет земли, но все же имеется солома и довольно тепло.

Аннеке думала недолго и подняла голову, отвечая:

– Хорошо.

Мы причалили к острову Уайтлинга – так назвал его гардемарин – около полудня.

Раньше остров носил название Сан-Сальвадор и был именно той землей Нового Света, где бросил якорь Колумб. Значит, конкистадоры увидели именно этот белый песок и небольшие пальмы плоского острова. Затем остров переименовали, и теперь он называется в честь удачливого пирата-англичанина.

Я знала, как называется эта земля и где приблизительно она находится, но все же радовалась ей так, как, наверное, радовались испанцы с «Пинты». Шутка ли: деревянная посуда преодолела такой путь и наконец можно ступить на твердь земную!

То, что корабль постоянно качается, приучает людей, находящихся на судне, изменить походку – приобрести так называемые морские ноги, как выражаются моряки. Ходить вразвалочку намного удобнее, и, в общем-то, это единственное средство удерживать равновесие, особенно в качку. Человек становится моряком, меняя походку, словно перейдя на другой уровень развития, живя в других условиях, как головастик учится новому, становясь лягушкой. Но когда на горизонте появляется земля или она еще не видна, но все чувствуют ее, все стремятся попасть на землю, свою естественную среду обитания, пусть даже отвыкли ходить по ней.

Я должна была высадиться на сушу, а это было проблемой, поскольку остров Уайтлинг служил вынужденной остановкой для пополнения имевшихся у нас запасов воды, и остановкой недолгой: «Дельфину» предстояло следовать морем до Ямайки через Наветренные острова еще по крайней мере неделю. Сан-Сальвадор был небольшим островом, но

больные моряки поведали мне, что через него пролегают оживленные морские пути и что главный порт острова Кокбурн никогда не пустует. У меня не было другого выбора, а шанс нельзя было упускать. Это лучше, чем ничего. Я отдавала себе отчет в том, что британский флот непременно воспользуется возможностью и использует меня в качестве наживки для Джейми, а все время, пока «Артемиды» не дойдет до Ямайки, я буду пленницей, с которой, впрочем, будут обходиться учтиво. Этого нельзя было допустить.

Сойти на берег смогли далеко не все – капитан приказал команде смотреть на сушу с корабля, а спустились вниз только те, кто шел за водой, то есть несколько человек с бочками на слечах. Они отправились вдоль берега Голубинового залива, а «Дельфин» стоял у горловины залива. Матросы высыпали на палубу, созерцая недоступный остров, беседуя или скаля зубы, новый губернатор Ямайки мистер Грей покинул свою каюту и тоже стоял на палубе, позволяя ветру развеивать свои длинные волосы. Никто не мог самовольно покинуть корабль, даже если бы и хотел: у трапа стоял часовой.

Мы с Аннеке уговорились, что она подойдет к часовому с козленком и таким образом отвлечет его. Я видела, что она уже спустилась в трюм к своим козам, значит, времени на разговор с губернатором не осталось. Вытирая вспотевшие руки о юбку, я размышляла: пальмы с густым подлеском от берега отделяет двести ярдов или даже меньше. Сбежать вниз и успеть скрыться среди тропической растительности – и дело сделано. Вряд ли капитан будет тратить драгоценное время, чтобы найти беглянку, к тому же лишние разговоры о причинах задержки военного корабля с губернатором на борту никому не нужны. С другой стороны, если все-таки мне не удастся добежать до пальм и я буду схвачена, то я нахожусь на «Дельфине» добровольно – по крайней мере официально об аресте меня никто не оповещал, – а значит, могу покинуть корабль когда заблагорассудится. Если же капитан Леонард и решился бы подвергнуть меня наказанию, то и здесь была лазейка: я не являюсь членом команды. Возможно, губернатор мог бы заступиться за меня, если бы удалось попросить его о помощи.

Светлая голова Аннеке виднелась уже у часового. Женщина подошла к нему, неся козленка – уж не того ли, которого мы спасли от клещавропийцы? – прижав его к груди. Она видела, что я стою в условленном месте, и завела беседу с часовым. Не очень понятно, мог ли он что-то уразуметь из произнесенного на смеси шведского с английским, но главное было ясно: шведка просит позволения снести животное, захотевшее

порезвиться на воле, вниз, на берег. Нужно сказать, что предусмотрительная Аннеке взяла для этой цели годовалого козленка и не прогадала: вид блеющего малыша разжалобил караульного, правда, не настолько, чтобы он позволил спуститься.

– Мэм, нельзя, не знаете разве! – настаивал он. – Капитан приказали. На берег никому нельзя. Я не могу пустить вас, извините.

Я находилась за пределами видимости часового, но сама прекрасно могла видеть, как Аннеке с козленком на руках наступает на мужчину и тем самым теснит его – это нужно было для того, чтобы я смогла прошмыгнуть мимо гардемарина. Мы договорились, что она оттеснит часового от верхушки трапа, а затем будто бы случайно выронит животное и поднимет шум. Пока козленка будут ловить – скорее всего один или несколько матросов вместе с Аннеке сойдут на берег, – у меня будет достаточно времени, чтобы ринуться вниз и отбежать на приличное расстояние от корабля, пока меня не заметят.

Я заранее разулась, чтобы ничто не отвлекало меня, и уже ждала условного сигнала, то есть того момента, когда часовой отойдет от трапа. Вот-вот у меня будет возможность сбежать отсюда в прямом и в переносном смысле: на «Дельфине» я сделала все, что могла и что должна была сделать, а благодарности в виде отпускну от капитана Леонарда ждать не приходилось. Красный мундир уже поворотился спиной. Наконец-то я смогу обрести свободу и найти Джейми!

«Остался последний фут! Ну же, поворачивайся! Еще немного...»

– Миссис Малкольм, сегодня чудесный день, не правда ли?

Вот это поворот судьбы!

– Ваша правда, капитан, – процедила я вслух, а про себя добавила: «Чудесный день для побега».

Сердце выскакивало у меня из груди, а я-то думала, что оно больше не застучит! Юный капитан Леонард мечтательно глядел на новые, должно быть, доселе невиданные им земли. Он сиял, как мог сиять Колумб, когда открыл Америку. Во мне боролись два желания: увидеть его барахтающимся в воде и порадоваться от души за этого мальчика, которому удалось довести корабль до берега, но раз уж я сама не могла броситься с борта, нечего было и думать бросить капитана через борт, поэтому я любезно улыбнулась ему, внутренне закипая.

– Миссис Малкольм, я хотел сказать вам... Не будь вас на корабле, мы бы сейчас не смотрели на песок и пальмы. Вы понимаете, что я хочу сказать? Увидеть землю – это победа для нас, в такой же степени ваша, как и моя.

Он попытался дотронуться до моей ладони; я не забрала руки и одарила его страдальческой улыбкой.

– Я не сомневалась в ваших силах, капитан. Вы разбираетесь в морском деле довольно хорошо, сколько я могу судить.

Капитан Леонард был гладко выбрит – как же, он справился с управлением и вот она, суша! – и теперь залился довольным румянцем.

– Это благодаря матросам. Вот они действительно разбираются, а я многому выучился у них. А кабы не вы, мы бы не победили болезнь. Вот кому мы обязаны.

Он рассыпался передо мной в любезностях, а я скрежетала зубами.

– Ваше уникальное умение все успевать и помогать всем... Вы поистине спасли нас! Сказать, что мы премного благодарны вам – ничего не сказать. Губернатор и сэр Гренвилль, королевский комиссар на островах Антигуа, непременно узнают о ваших добродетелях. Я подам им рапорт, и, как знать... Может быть, он поспособствует успешному разрешению вашего вопроса.

– Какого вопроса?

Я почувствовала, что это может иметь отношение к судьбе Джейми, и не ошиблась.

Капитан запнулся и отвел глаза:

– Мне не следовало ничего говорить вам. Я не хотел, но... Мне кажется, что хранить молчание было бы бесчестно с моей стороны после всего того, что вы для нас сделали. Мне известно, кто вы и кто ваш муж.

– Да? И кто же я и мой муж? – повторила я как можно спокойнее.

Леонард, казалось, не ожидал такой реакции.

– Как же... ваш муж – преступник, – нетвердо проговорил он. – Вы настаиваете, что это не так? Или вам неизвестен этот факт?

– Ну разумеется, мне известен этот факт, как и многие другие. Недаром я его жена. Но для чего вы говорите мне это сейчас? – Мой голос был сух.

На этот раз юноша смотрел мне прямо в глаза.

– Когда я узнал из своих источников, кем является ваш муж, я записал это в судовой журнал, как это следует делать в таких случаях. Журнал – это официальный документ, его обязан вести капитан или тот, кто выполняет обязанности капитана. Таким образом, я зафиксировал эту информацию и ее смогут использовать против вас. Сожалею. Сейчас бы я так не сделал. – Его взгляд блеснул упрямым вызовом. – Но теперь мне придется выдать имя и местопребывание вашего мужа ямайским королевским властям. Также об этом должно узнать командование флота на Антигуа, ведь ваш

муж находится на корабле в водах, контролируемых среди прочего и английской короной. Когда «Артемиды» бросит якорь, его арестуют, скорее всего, даже будут ждать швартовки корабля на берегу. А когда это произойдет...

– Его повесят, не так ли? – сурово заключила я.

Капитан Леонард кивнул и закрыл глаза. Было видно, насколько тяжело ему даются слова и как долго он подбирает их.

– Миссис Фрэзер, поверьте... Я знаю, что такое смерть через повешение... я видел...

Дальше он умолк, сглотнул и набрал воздуха в грудь. Глаза его уже не светились радостью, как прежде.

– Я виноват перед вами, это страшная вина: вы спасли столько моих людей, а я... А я сгубил вашего мужа! – с надрывом выкрикнул он. – Мне нет прощения, такое не прощается. Извините меня, мне следует идти.

Он повернулся было, чтобы уйти, но там стояла шведка, продолжавшая уговаривать вахтенного матроса.

– Как... Как вы смеете! Что делает животное из трюма на палубе? Мистер Холфорд!.. – капитан выговаривал одновременно и караульному, и Аннеке.

Женщина мигом сообразила, что выполнение нашего плана или переносится, или отменяется вовсе. Она некоторое время послушала не совсем понятную ей английскую речь, виновато опустила голову, забрала животное и ушла в трюм. Мне она послала знак, состоявший из закрывания одного глаза и улыбки. «Не дрейфь, обойдется».

Когда? Когда мы сможем предпринять новую попытку?

Состояние капитана Леонарда можно было понять. Он предпочитал прятаться от меня на юте, хотя, правду говоря, я не искала его общества: все, что можно было сказать, он уже сказал. Мы проходили мимо острова Аклинс и Саманского залива и могли наблюдать местную погоду, ясную, но со странными порывистыми ветрами, рвавшими паруса. Это требовало постоянного присутствия капитана, и он с редким умением руководил изрядно поредевшей командой.

Пролив Кайкос мы не смогли пройти успешно: четыре дня борьбы с ветрами и смена курса привели нас в полосу ураганов. По крайней мере один из них обрушился на «Дельфин», и моряки не успели ни спрятаться, ни убрать паруса.

Шквал застал меня на палубе, я с раздутыми ветром юбками понеслась по палубе, словно пушинка. Мое движение остановил Рэмсделл Ходжес, матрос из полубака, с которым я упала на палубу, подбив его.

Слышался страшный рев и треск, люди метались по кораблю, сколько я могла видеть, кто-то отдавал команды.

Я уселась и спросила:

– Что стряслось?

– Сломалась грот-мачта. – Ходжес уже стоял и помог встать мне. – Вот ровно, как вы, упала. Настало времечко, только держись!

Наставшее времечко заставило нас снова изменить курс, чтобы зайти в Бутылочную бухту, где могли бы отремонтировать мачту. Мы шли на юг, но не заходили слишком глубоко в бухты, иначе «Дельфин» не удержался бы на отмели, а эта гавань как раз подходила для того, чтобы бросить якорь. Пока корабль стоял на ремонте, мы могли свободно ходить по острову – то был Северный Кайкос, – да только я была не рада этому.

Острова Теркс и Кайкос, словно двойники, были небольшими и засушливыми. Пресной воды на них было совсем немного, зато соленая, содержащаяся в заливах и бухтах, была в изобилии.

К этим пустынным островам причаливали корабли, но только тогда, когда шторм заставлял их врасплох. В остальное время Теркс и Кайкос населяли разве что морские птицы. Ждать здесь судна, прибитого штормом... А если принесет только рыбацью лодку? Нет, на это я не могла согласиться. Зато Аннеке придумала кое-что.

– Знаю, где мы, – потянула на меня в укромное место. – Впереди Большой Терк, Мушуар. Кайкос нет, он в стороне, мы ушли от него.

Все эти подробности были мне неинтересны, и я хотела было уйти и прекратить пустую болтовню, но она удержала меня.

– Вот пролив Кайкос, – толстый короткий палец Аннеке завозился в песке, прочерчивая линии, затем нарисовал треугольник, долженствовавший изображать корабль с парусами. – Мы плыть здесь, плыть и проплыть.

«Корабль проходит через пролив», – догадалась я. Тем временем шведка пририсовала еще и круги, получившие названия островов: Северный Кайкос, Южный Кайкос, просто Кайкос и Большой Терк.

– Обойти рифы. Мушуар. – Женщина начертила линии на юго-восток от Большого Терка.

– Мушуар – это пролив? – уточнила я.

Матросы говорили о Мушуаре, но я, конечно, не могла знать, что это и каким образом это название откроет мне путь с корабля на сушу.

Аннеке быстро-быстро закивала, думая, что я поняла, чего она хочет, и подчеркнула свои рисунки волнистой линией.

– Эспаньола^[9]. Санто-Доминго. Много кораблей, порт, большой

остров. Города.

Я посмотрела так, что ее пыл угас. Нужно было искать другие пути, чтобы объяснить мне, и Аннеке не растерялась. Она встала, отряхнула юбку от песка и заставила меня собирать ракушки, сама же принесла небольшой таз и набрала в него морской воды. Со стороны это выглядело так, что молодые женщины развлекаются. Дальше женщина бросила собранные мной ракушки в тазик и начала взбивать пальцем воду, чтобы возник водоворот. Подозвав меня к себе, она выдернула нитку из кромки своей юбки и бросила в таз. Вода подхватила инородное тело и принялась кружить его. Аннеке указала на нить:

– Ты! Тебя нести водой.

Подойдя к чертежу, она нарисовала новый треугольник: «Дельфин» проходил пролив Мушуар, следуя курсу, указанному изогнутой линией, следовавшей влево. Нить, то есть я, была помещена вначале возле корабля, а затем перемещена к побережью острова Эспаньола. Способ перемещения Аннеке объяснила просто:

– Прыгай.

– Да ты что! С ума сошла! – возмутилась я.

Шведка довольно захихикала и указала на пролив, ведущий к Эспаньоле, мешая воду пальцем.

– Вода тебя нести, все будет хорошо.

Глядя, как вода в тазике какое-то время еще движется, а затем успокаивается, мы молчали.

Аннеке скосила на меня глаза.

– Не утони. Ладно?

Я обещала ей это, убирая волосы с лица.

– Ладно-ладно, постараюсь.

Глава 50

Встреча со священником

Тропическому морю, теплому, ласкающему, было не сравниться с шотландскими ледяными водами, но оно, похожее на роскошную ванну, было таким же мокрым, как и любое море. Я была привязана к паре пустых бочек, но тело онемело уже через несколько часов пребывания в воде.

Аннеке не обманула, – я боялась этого и молилась, чтобы увидеть остров, – остров Эспаньола, или же Гаити, вырисовывался на фоне моря, а с «Дельфина» он был виден всего лишь как темное пятно. Сейчас же я четко видела его холмы, поросшие деревьями.

Часов у меня, конечно, не было, но на кораблях – и на «Артемиде», и на «Дельфине» – отбивают склянки, поэтому внимательные пассажиры со временем начинают чувствовать течение времени. С «Дельфина» я спрыгнула где-то около полуночи. Поскольку я плыла уже около трех часов, можно было предположить, что сейчас четыре утра. До берега оставалась миля: вода несла меня небыстро.

Все это время я бодрствовала, но потом мне непреодолимо захотелось спать, и я намотала веревку на запястье, чтобы удержаться на бочках, если усну слишком крепко. Под плеск волн и запах рома, исходивший от бочонка, я уснула крепким сном.

Что-то твердое и надежное, бывшее под ногами, не похожее на зыбь воды, заставило меня проснуться. Море сливалось с небом, составляя опаловую зарю, – это было первое, что я увидела. Ноги были вымазаны в мокром песке, а прибой подталкивал бочки еще ближе к берегу. Отвязав себя там, где это было возможно, и выскользнув там, где веревки были связаны намертво, я отпустила свое транспортное средство.

Физические ощущения давали знать о длительном путешествии в неподвижном состоянии, к тому же в соленой воде: толстая веревка, державшая меня, пока я спала, стерла запястье до крови, остальные веревки оставили красные борозды на плечах, ноги были резиновыми и страшно хотелось пить.

А вот морально я была удовлетворена: «Дельфин» скрылся из виду, шлюпок, ищущих меня, тоже не было.

Оставалось добраться до человеческого жилища, попросить воды и спросить дорогу на Ямайку – это казалось само собой разумеющимся. На Ямайке я должна была опередить королевский флот, который хочет

захватить Джейми.

В первое время я была твердо убеждена, что мне удастся это сделать, и не видела препятствий на своем пути, но все оказалось иначе. Я, воспитанная на открытках, изображавших песчаные пляжи с белейшим песком и лазурную чистоту лагун, составила себе неправильное представление о Карибских островах и теперь жестоко поплатилась за это.

Всюду, сколько я видела, были густые заросли, не очень приятные на вид. Я сразу окрестила их мангровыми, потому что другой растительности, произрастающей в здешних местах, не знала. Они росли прямо из клейкой грязи, и было непонятно, что вызывает большую неприязнь – почва, поросль или то, что растения тянутся вдоль берега и что я должна буду пробраться сквозь них. Начав свое путешествие сквозь кусты, я прокляла все на свете: корни торчали из грязи и образовывали петли и воротца, куда мои ноги так и норовили попасть, а сучки спускались с деревьев и хватали меня за волосы.

Грязь засасывала меня с чавкающим звуком, от которого я морщилась и ступала еще быстрее, чтобы быть еще глубже поглощаемой. С удивлением я отметила, что есть существа, которым нравится жить здесь, – это были маленькие крабы, с ужасом убегавшие от гигантской тетки, всячески пытавшейся лишить их крова. Спустя некоторое время я завернула туфли в подол одной из юбок, тоже насквозь промокшей, и вынула рыбацкий нож, любезно прикрепленный Аннеке к моему платью так, чтобы он не потерялся в превратностях путешествия. С ножом было комфортнее.

Рассветное солнышко стало ласкать меня своими лучами, и я обрадовалась, что можно будет обсушиться, но и это тепло было с подвохом: чем выше поднималось солнце, тем жарче мне было. Моя кожа покрылась потом, а поскольку она была еще и грязна, я чувствовала, как ее стягивает и сушит. Отчаянно хотелось пить. Все деревья с их корнями и ветвями намного превышали мой рост, так что я не видела, имеет ли конец этот мангровый лес. Серо-зеленые листья тянулись вдоль всего острова.

– Ну что же это такое, – шипела я, ковыляя под палящим солнцем. – Все на свете имеет свой конец, значит, и лес тоже должен кончиться. Где же здесь нормальная земля, хотела бы я знать?

Земля и вода, а то морской я нахлебалась вдоволь.

Услышав гулкий звук, похожий на пушечный выстрел, я испугалась и оттого разжала руку с ножом. Пока я лихорадочно искала оружие и выуживала его из грязи, надо мной что-то пронеслось.

– Квак?

– Простите, что?

Я покрепче сжала нож и быстро утерла глаза, чтобы лучше видеть, кто со мной говорит.

Это была птица. Она сидела в шести футах от меня, блестя черными перьями и неодобрительно косясь на меня.

Гостья сунула клюв в перья и намекнула мне, что я, замурзанная и мокрая, выгляжу хуже ее.

– Ну да, кабы у меня были крылья, я бы тоже уселась на веточку, – упрекнула я птицу.

Она перестала чистить перья и поглазела на меня, а затем и ответила, набрав воздуха в грудь и раздув красный кожаный мешок на шее:

– Бум!

Звук напоминал выстрел мортиры.

– Чего ухаешь?

Птица проигнорировала мой вопрос и, захлопав крыльями, снова выстрелила своим «бум».

Сверху кто-то закричал, и на ветку спикировали еще две такие птицы, усевшись рядом с первой.

Тогда первая птица, обрадовавшись публике, закатила концерт, ухая изо всех сил и надувая свой мешок. В небе показались еще две такие же птицы.

Концерт можно было послушать еще, но я не была уверена, что они не обсуждают, когда лучше меня съесть и кому какой кусок достанется. На стервятников они не были похожи, но все же я сочла нужным убраться подальше. Нужно было идти как можно дальше и найти место, пригодное для ночевки. А если где-то неподалеку был Джейми? Это нужно было проверить, ведь чем раньше я найду его, тем лучше будет.

Однако мангровые заросли ни в какую не желали отпускать меня: птицы все еще ухали неподалеку от меня, а прошло уже около получаса! Я опустилась на самый толстый корень.

Воды не было нигде. Пресной – вокруг плескался океан, из которого я не могла напиться. Я не ушла ни от него, ни от прилива, ласкавшего мои ноги и через корни зарослей. Казалось, что я иду сколько себя помню, а прошло всего несколько часов. Мысль о необходимости напиться заставила меня забыть даже о Джейми.

– Водой залейся, а пить не моги... – Птиц я уже не видела, поэтому выплескивала свое раздражение разговорами с самой собой.

В грязи у моих ног что-то копошилось, и я взгляделась пристальнее. То были какие-то очень странные рыбки; таких мне никогда не приходилось

видеть. Они не бились, как обычно делают рыбы, выброшенные на берег, а преспокойно сидели, опираясь на грудные плавники.

Не поверив своим глазам, я наклонилась к самой грязи. Да, рыбины не прятались, не зарывались в грязь (парочка все же отошла на плавниках в сторону), а тоже наблюдали меня. Их глаза тоже были очень странными: у рыб было по две пары глаз.

Я ощутила, что вспотела еще больше.

– И кто здесь галлюцинирует?

Ответа не последовало, но одна из рыбин вскочила в воздух и приземлилась на ветке, торчавшей над грязью.

Пока я хватала ртом воздух подобно настоящей рыбе, пытаюсь объяснить себе это фантастическое явление или греша на свое психофизическое состояние, волна омыла мои ноги, смешавшись с грязью и спугнув рыб.

Почувствовать сейчас воду было приятно, тем более что солнце исчезло и с ним убралась изнуряющая жара. Но радоваться было рано: все изменилось в худшую сторону.

Ветви мангровых деревьев затрещали от ветра, и все животные – пурпурные крабы, странные рыбы и прочие козявки – исчезли. «Не к добру», – подумалось мне. Ох, как же я была права!

Солнце исчезло, потому что его скрыло облако, да не одно, а целая облачная армия, клубившаяся и наползавшая на светило, теснившая свет, грозившая своим пурпуром и мне.

Волны набегали одна за другой, и каждая была выше предыдущей и дольше откатывалась назад. Надвигается гроза – это было очевидно, тропическая гроза, несущая... Что она несла, мне только предстояло узнать, а пока я искала себе убежище и, разумеется, не находила его, стоя посреди мангровых зарослей. Мне даже хотелось ощутить дождь на своих губах, потрескавшихся от жары и жажды.

Третья волна дала понять, что не стоит обольщаться: вид высохших водорослей на деревьях над уровнем моей головы говорил о том, что подступающая вода зальет все вокруг и поглотит меня.

Паниковать, как бы страшно ни было, не следовало, ведь это означало верную гибель, а нужно было бороться сколько было сил.

– Спокойно, Бошан.

Припомнился юмористический совет времен интернатуры: если имеешь дело с остановкой сердца, нужно проверить свой пульс, а там уже оказывать врачебную помощь.

Это помогло сохранить самообладание. Мой пульс радовал силой, хоть

и был учащенным.

Все, что виднелось над деревьями, – это была гора. К ней я и направилась, хотя легко сказать «направилась»: юбка рвалась, кусты царапали руки, вода подталкивала меня вперед и угрожала вот-вот захлестнуть. Ветер, нагонявший воду, сдувал волосы мне на лицо, мешая видеть и усложняя и без того сложную задачу продвижения вперед. Я ругалась, хрипя и радуясь тому, что еще могу говорить.

Пояс уже не сдерживал меня в талии, ткань выбилась из-под него, туфли потерялись в пене, выскользнув из юбок. Вода поднялась уже выше колен. Нужно было идти, и я шла.

Волны еще не поднялись на высоту, отмеченную сухими водорослями на дереве, когда хлынул дождь. Ветер еще рвал листья, но я уже не слышала этого: все заглушили капли, падавшие в воду и мгновенно вымочившие меня. По глупости я пыталась ловить воду ртом, но потом сообразила, что теряю время и верчусь на месте, чтобы поймать струю, потому стянула косынку, намочила ее и выжала, чтобы сошла соль. Мокрая ткань подарила мне несколько приятных минут несмотря на то, что соль все равно чувствовалась на губах, а сама косынка пахла потом и водорослями.

Мангровые деревья теперь должны были помочь мне: я цеплялась за них и таким образом продвигалась вперед. Вода достигала моего пояса и затрудняла движение.

Молния и гром сопровождали мой путь. Волны подталкивали меня вперед, но они же пытались и оттащить назад, так что я держалась за ветви, пока очередная волна откатывалась обратно.

Я уже было пожалела, что покинула «Дельфин». Как-то там капитан Леонард? Дождь стал более мелким и сыпал мне в лицо, я почти ничего не видела. Согласно матросским поверьям, каждая седьмая волна выше остальных, но меня сбила с ног девятая (обреченная, я принялась считать их), когда я не успела удержаться за дерево.

Барахтаясь в мутной от грязи и песчаной взвеси воде, я ждала, пока схлынет вода, и пыталась удержаться, чтобы не быть оттащенной назад. Почувствовав, что под ногами есть какая-никакая земля, я встала на корточки и увидела, что горы больше нет передо мной: меня отнесло в сторону к огромному дереву.

Добраться до него мне удалось только через четыре волны, норовившие оттащить меня, так же как и предыдущие. Оно росло на берегу заливчика. Я поползла туда, шатаясь и скользя.

Дерево возвышалось над водой футов на двенадцать, и я кое-как

влезла на ветку, взгромоздившись на нее, словно неуклюжая птица. Отсюда можно было видеть печальную картину, заставившую вновь пожалеть о надежной палубе «Дельфина».

Дела в прибрежных водах обстояли так: вода клокотала и о нее ударялись молнии, тогда как ветер рвал волны, не желавшие отступить, и продувал мой насест насквозь. В проливе был сущий девятый вал.

Молнии и громы не прекращались.

«Дельфин» давно миновал этот грозовой фронт, но я отчаянно надеялась, что «Артемиды» как менее быстроходное судно далека от него.

Мангровый лес остался в сотне футов от меня. Там вода набегала на темные стебли и снова открывала мутную прибрежную грязь. Обхватив руками дерево, я принялась молиться за всех людей, кто был важен для меня сейчас: Джейми и «Артемиды», Аннеке Йохансен, Том Леонард, губернатор Грей. А для себя я просила спасения.

Я проснулась уже днем от того, что застрявшая между ветками нога болела. Едва выбравшись из расщелины, я плюхнулась в воду залива. Она была уже не настолько солоная, но пить ее не стоило.

Платье мое было мокрым, но мне очень хотелось пить. О промчавшейся буре не напоминало ничего, кроме мокрых мангровых деревьев. Тишину нарушали только птичьи крики.

Дерево находилось в заливе, подальше от моря, следовательно, можно было рассчитывать на достаточное количество пресной воды поблизости. Здесь начиналась суша, и я направила свои грязные стопы туда. Мангровых зарослей становилось все меньше, зато появлялись новые растения и прежде всего настоящая трава, довольно густая, и донный мох, не менее сочный. Идти было легче, но я слишком устала для этого и поминутно садилась отдохнуть. Рыбы, те самые, со странными глазами, смотрели на меня, когда я уселась возле них.

– Ну что ты тарацишься? Думаешь, что выглядишь как-то лучше? – устало спросила я.

– Вы англичанка? – задала она встречный вопрос.

Неужели я попала в Страну чудес? Тогда рыба – это... Отмахнувшись от глупой мысли, я вскинула голову, понимая, что рыбы, пусть и такие странные, все же не могут говорить.

За мангровым стволом стоял человек, задавший этот вопрос. Он был загорел, темен и курчав.

Мужчина внушал доверие своим добродушным лицом и широкими плечами. На поясе его висела фляга, а на плече – холщовая сумка, и смотрел он настороженно.

– Vous êtes Anglaise? Comment ça va? – спросил он уже по-французски, поскольку я не ответила на первый вопрос.

– Англичанка я, англичанка. Пожалуйста, дайте мне флягу.

Он удивился, распахнув светло-ореховые глаза, но отстегнул флягу. Завидев его, я взялась за нож, который сейчас положила на колено, и с благодарностью припала к воде.

– Не пейте очень быстро, так нельзя. Делайте маленькие глотки, так безопаснее, – советовал он.

– Спасибо, я знаю, – оторвалась я от фляги. – Я доктор, так что такие вещи мне известны.

На этот раз я пила помедленнее.

Мужчина смотрел на меня со смесью удивления и насмешки. Воображаю, что он себе подумал: выпачканная в грязи, вонючая и просоленная девка с облезшей от соли и солнца кожей и со сбитыми колтуном волосами – какой же это доктор? Побирושка в лучшем случае, а в худшем – полоумная.

– Вы доктор? – Вопрос, заданный по-английски, убедил меня в том, что я угадала. Его взгляд был похож на взгляд той ухающей птицы, разве что он «бумкал» на моем родном языке. – Простите, доктор чего?

– Медицины.

Он недоуменно вскинул брови.

– Даже так? – помолчав, переспросил он.

– Даже так, – я подделалась под его тон.

– Тогда честь имею: Лоренц Штерн, доктор натуральной философии, Gesellschaft von Naturwissenschaft Philosophieren, München^[10].

Вот это встреча... Фантастика какая-то.

Увидев мое беспомощное хлопанье глазами, он объяснил, ткнув пальцем в котомку:

– Я натуралист, изучаю животных. Пришел сюда понаблюдать за птицами-фрегатами – здесь у них гнездовье, – думал увидеть, как они спариваются, а взамен услышал, как вы... гм...

– Как я говорю с рыбами, – помогла я ему. – У них действительно по четыре глаза или мне померещилось?

Я надеялась, что натуралист заинтересуется этим неизвестным науке видом и отстанет с расспросами. Так и произошло.

– Полагаю, что так и есть, причем крайне интересно то, что они обитают в верхних слоях воды и используют глаза, чтобы следить за происходящим как под водой, так и над водой. Что касается способа их передвижения... Впрочем, нет, я не знаю еще, как вас величать, мадам

лекарь.

Поразмыслив секунду, я решила сказать как есть:

– Моя фамилия Фрэзер. Клэр Фрэзер, ну, или миссис Джеймс Фрэзер.

Необязательно было указывать свой семейный статус, но мне хотелось произвести хоть какое-нибудь приличное впечатление, потому как на внешность я не могла сейчас рассчитывать, а в то, что я на самом деле доктор, натуралист не спешил верить, пряча улыбку в глазах.

– Рад служить, миссис Фрэзер. Вы, верно, потерпели крушение?

Если считать путешествие на бочках крушением, можно было сказать и так. Во всяком случае Штерн выдвинул приемлемое объяснение моего появления, поэтому я не стала протестовать и согласилась, добавив:

– Я следую до Ямайки. Не будете ли вы любезны помочь мне, если это в ваших силах?

Штерн подумал, похмурился, прикинул, к какому виду я отношусь, и согласился, растянув в улыбке широкий рот:

– Разумеется, миссис Фрэзер. Но поначалу вы должны покушать и обсушиться или даже найти новую одежду, верно? К счастью, я имею друзей, живущих недалеко отсюда. Последуем к ним, если вы согласны.

Слово «покушать» в устах натуралиста превратилось в сигнал для моего желудка, немедленно начавшего требовать еду. Это был хороший знак: после всех треволнений я снова интересовалась едой.

Штерн нашел меня в пальмовой роще. Когда мы покинули ее, то увидели широкий холм, увенчанный домишком с облупившейся штукатуркой и дырами в кровле. Правда, перед домом росли бугенвиллеи и гуавы, но это скорее не было заслугой хозяйки, поскольку они разрослись и забивали все вокруг. На эту полузаброшенную усадьбу и указал Штерн.

– Это фазенда де ла Фуэнте. Идите туда. Вы поднимитесь сами или...

Оценив мою крепкую фигуру, он неуверенно сказал, что возьмет меня на руки, если я не смогу идти сама.

– Я дойду, не беспокойтесь.

Этого еще не хватало!

Хотя стопы и все ноги болели при каждом шаге, будучи истерзаны мангровыми зарослями, соленой водой и опавшими пальмовыми листьями, я не хотела, чтобы меня кто-то нес, да и склон был пологим.

На холме жили овцы, точнее, они паслись на холме – на это указывали цепочки следов копытных, – а жили, видимо, где-то в хлеву у дома. Сочная трава Эспаньолы была хорошим пропитанием, так что они могли насытиться в изобилии, чем и занимались, разгуливая по холму. Правда, одна овца увидела гостей и заблеяла, после чего все животные, сколько их

было, уставились на нас.

Мне было неловко обращать на себя внимание такого количества глаз (хватило рыб, птиц и Штерна), так что я скомкала юбку в кулак и пошла следом за натуралистом по тропе, протоптанной людьми, а не овцами.

Солнце мягко ласкало землю и все бывшее на ней, в воздухе порхали разноцветные бабочки, усаживаясь время от времени на цветы, росшие здесь же и радовавшие глаз, а желтые насекомые были будто отражениями солнца, упавшими на траву.

Травы и цветы издавали приятный, нерезкий аромат, овцы пахли молоком. Пыль, поднимавшаяся в воздух, была прогрета солнцем. Идя к дому, я становилась транспортным средством для бабочек: коричневая крылатая гостья уселась на мой истерзанный рукав. Чешуйки в пыльце, изгиб хоботка, длинное выгнутое брюшко – и она уже поднялась к солнцу.

Все это было так далеко от того, что мне пришлось видеть доселе, что не верилось, что эта мирная картина возможна здесь, в относительно близком соседстве с кипящей соленой водой. Штерн вызвался помочь мне, и я надеялась, что добраться до Ямайки не составит труда, хотя еще и не знала, как это сделать. Тем более что здесь меня должны были обогреть и накормить.

– А, вот вы где!

Доктор Штерн, спешивший впереди меня, остановился и указал вверх, где по склону к нам спускался мужчина. Овцы не расступились перед ним, почитая за своего.

– Это... это же святой Франциск Ассизский! – пролепетала я.

Натуралист удивился и брякнул:

– Не-е-ет, что вы, он тоже англичанин.

Приветственно махнув рукой мнимому Франциску, он крикнул:

– Hola! Señor Fogden!

Сеньор Фогден, жилистый мужчина в сером, приостановился и запустил руку в шерсть ближайшей овцы, чтобы защитить ее от моих посягательств.

– Quien es? – Испанский вопрос уточнял, с кем сеньор Фогден имеет дело.

– Это Штерн, Лоренц Штерн!

Доктор натуральной философии не стал дожидаться приглашения и потащил меня к склону, где стоял овечий пастырь.

Животное, цепко схваченное жесткой рукой сеньора, делало попытки вырваться, так что он мог смотреть на нас только вполглаза.

Сеньор Фогден был немногим выше меня, поджарым и худощавым.

Его можно было бы назвать симпатичным, когда бы не спутанная и торчащая рыжая борода. Волосы его, заметно поседевшие, тоже не были расчесаны и лезли ему в глаза. Апельсиновая бабочка спорхнула с его макушки, когда мы подошли поближе.

– Штерн? – Сеньор моргал и щурился, но не от солнца, к которому был привычен, а от того, что не мог припомнить, кто перед ним, о чем честно и заявил: – Я не помню какого-либо Шт... Ах, это вы! Да, как же я запамятовал! – Он просиял. – Это же вы доставали у меня из дерьма червей! Так бы сразу и сказали, я бы вас мигом признал!

Натуралист смутился и забормотал:

– М-м, я, будучи у отца Фогдена в последний раз, имел чудесную возможность пополнить свою коллекцию экземплярами паразитов, живших в желудке овец и извлеченных из него вместе с экскрементами.

– О, ужасные, право ужасные! Огромные такие, с фут длиной! – пугал священник.

– Нет, что вы, всего восемь дюймов, – поспешил заверить меня Штерн, видя ужас на моем лице. Он держал руку на холщовом мешке, рассчитывая поживиться чем-нибудь еще у отца. – Скажите, а то средство, которое я советовал вам, оно дало плоды? Овцы излечились?

Священник стал комично хмуриться, будучи не в силах вспомнить, о чем же речь.

– Скипидарное вливание, – подсказал Штерн.

– Ах да! – отец Фогден снова засиял как солнышко. – Вы знаете, это очень помогло, очень! Некоторые овцы, конечно, издохли, ну да ничего, зато все остальные целы-целехоньки.

Он запнулся на миг и сменил тему, думая, что недостаточно гостеприимен:

– Прошу к себе, я собирался отобедать.

Мысли его метались, и он, хотя стоял относительно спокойно, спрашивал обо всем сразу:

– Вы, должно быть, миссис Штерн?

Не могу сказать, чтобы упоминание о червях было мне приятно, скорее наоборот – желудок едва не изверг содержимое того, чем я в последний раз питалась на «Дельфине», но слово «отобедать» произвело свой эффект.

Штерн не смутился этим сватаньем и чопорно проговорил:

– О нет, но моя спутница нуждается в не меньшем уважении, чем если бы она была миссис Штерн. Это миссис Фрэзер, и она ваша соотечественница.

Бледно-голубые, выцветшие глаза отца Фогдена оживились на свету и

заиграли яркими красками.

– Как, англичанка? Здесь? Откуда же здесь взяться англичанам?

Он посмотрел на мое платье, вымазанное и грязи и хранившее на себе пятна засохшей соли, и, кажется, понял. Учтиво и церемонно склонился он над моей рукой, взяв ее в свою.

– Ваш слуга, мадам, – с уважением сказал он и, выпрямляясь, указал на дом на холме: – *Mi casa es su casa*. – По-испански это является высшим проявлением радушия и означает «Мой дом – ваш дом».

На свист отца Фогдена явился спаниель.

– Людо, гляди-ка, к нам пришли. Теперь у нас гости, и это здорово, правда? – осведомился отец.

Взяв меня под руку, он не отпустил овцу, а потащил ее за собой. Штерн плелся позади, не поспевая за прытким священником и замыкая процессию, следовавшую к фазенде де ла Фуэнте – усадьбе у источника.

Если на холме не было видно источника, то ступив на запущенный двор фазенды, я уразумела, откуда такое название: в углу был водоем, сильно заросший и запущенный. Над ним вились стрекозы, а еще где-то, по всей видимости, жили лесные куропатки, потому что они убегали из-под наших ног, куда бы мы ни ступали. Над патио нависали деревья, образуя тень и полумрак. Я сделала вывод, что этот источник стал основой усадьбы, строители которой решили заключить воду в камень, чтобы не нарушать ее течения.

– ...там-то я и увидел миссис Фрэзер, бывшую в мангровых зарослях, – Штерн закончил повествование о моем чудесном спасении, которое он вел, пока мы шли по патио. – Надеюсь, что вы не... О-о-о, что за чудо! Какая *odonata*!

С восторгом он бросился смотреть стрекозу, метавшуюся под пальмовой крышей и ловившую солнечные лучи своими чешуйчатыми крыльями. Дырявая крыша пропускала достаточно света, чтобы мы могли видеть утонченное насекомое с крыльями не менее четырех дюймов в длину. Я втайне порадовалась, что кровля неровная и что сюда залетают такие прекрасные, как выразился Штерн, экземпляры.

– Да-да, прошу, прошу вас!

Отец Фогден махнул рукой туда, где летала стрекоза, будто предлагая натурфилософу поймать насекомое для пополнения его коллекции.

– Идем, Бекки, да не топай так громко.

Эти слова были обращены к овце. Бекки привычно направилась в патио, а учитывая то, что там росла и плодоносила гуава, она сделала бы это и без понуканий священника.

Гуавы вкупе с водоемом составляли прелесть патио, создавая неповторимую атмосферу, в которой отец Фогден был хозяином овец, куропаток и стрекоз. Смыкавшиеся и перекрывающие друг друга кроны деревьев образовывали зеленый коридор, а вела эта своеобразная аллея ко входу в дом.

Внутри тоже росли цветы, бугенвиллеи, стоя на пыльном подоконнике и засыпая его опавшими лепестками. На полу было чисто, значит, кто-то следил за порядком, не давая живописной растительности вконец поглотить дом. После уличного островного солнца, слепившего глаза, здесь трудно было что-либо разобрать, но привыкнув к сумраку, я начала осматриваться.

В комнате было холодно, а обстановка только усиливала ощущение суровости и неприветливости: длинный стол, парочка стульев и скромный буфет, над которым висел мрачный образ средневековой Испании – призрачно-белый изможденный Иисус, тыкавший тонкой рукой себе в грудь, указывая на окровавленное сердце.

То ли этот образ заставил поежиться, то ли сработала интуиция, но я, нахохлившись из-за внезапного холода, спиной ощутила чужое присутствие. В углу, утопая в тени, стояла женщина и, казалось, сама была материализовавшейся тенью. Сказать, что на ее маленьком круглом личике было приветливое выражение, было нельзя: она смотрела скорее как Христос и церковные святые – мрачно, с осуждением и в то же время отчужденно, будто бы сквозь.

Она не мигала, глядя подобно овце, и походила своими формами на давно не стриженную овцу, будучи толстой и приземистой. Плечи, грудь и талия у ней были одинакового размера, а голова казалась шаром, венчавшим эту конструкцию, как голова у снеговика, посаженная на другие снежные шары. Узел седых волос тоже был шариком и тоже был внушителен. В ней было неуловимое сходство с каменными бабами, стоявшими неподвижно со сцепленными руками на животе, или с деревянными куклами, благо цвет ее лица был красновато-коричневым.

– Мамасита^[11], у нас гости, вот это удача! Сеньор Штерн, ты помнишь его? Он пожаловал к нам сегодня, – обрадовал отец Фогден мамаситу, махая рукой в сторону натуралиста.

– Sí, claro. – Женщина непостижимым мне образом ухитрилась ответить, что, конечно, помнит Штерна, не раскрыв рта. Впрочем, может быть, я не увидела ее губ из-за сумрака, царившего в комнате.

– Этот сеньор христопродавец, я помню, – высказалась мамаша по поводу национальной принадлежности Штерна. – А эта puta alba^[12], кто

она?

– Сеньора Фрэзер, – священник пропустил мимо ушей едкое замечание. – Эта леди стала жертвой кораблекрушения, ей нужно помочь.

Взгляд женщины дал ясно понять, что на помощь мне рассчитывать не приходится: нос ее раздувался от сдерживаемого презрения и гнева, а глаза скользили по моему одеянию.

– Еда на столе, – процедила она и отвела взгляд.

– Прекрасно, спасибо! Мамасита рада вам и предлагает угоститься чем бог послал. Пойдемте к столу! – возопил священник.

Мамасита поставила одну большую тарелку, сделанную из глины, и положила одну деревянную ложку для отца Фогдена ввиду того, что не ждала других гостей, но раз уж мы пришли, священник достал из буфета другие тарелки и пригласил нас к столу. Мы заняли приглянувшиеся стулья, а на стул во главе стола не сел никто, потому что он был занят кокосовым орехом.

Отец Фогден взял его в руки и поставил на стол рядом со своей миской. Орех был несвежим – на это указывали темный цвет скорлупы и стертые волокна на ее гладкой поверхности.

– Ну здравствуй, здравствуй, старик, – похлопал отец по ореху. – Как ты находишь этот день? А наших гостей? М-м?

Штерн разглядывал Иисуса на стене и не начинал разговора, тогда эту почетную обязанность взяла на себя я.

– Мистер... отец Фогден, а вы здесь одни? То есть обитателями фазенды являетесь только вы и мамасита, так? – поправила я.

– Да, это так. Временами очень скучно, хотя у меня есть овцы, но я все-таки предпочитаю Людо и Коко – с теми хоть можно поговорить.

Отец гладил ладонью орех. Штерн не обеспокоился этим странным заявлением, но я еще не видела людей, которые говорили бы с кокосовыми орехами, поэтому переспросила:

– Коко?

– Ага. Испанцы называют так чертенка или домовенка. Слово переводится как «бука», а сам коко обычно выглядит как пугало с пуговкой-носом и здоровенными глазищами.

Договорив, священник быстро пихнул орех и отдернул руку.

– Ха, кусается! А ты не пучь глазенки, когда я с тобой говорю!

Я прикусила губу, чтобы не ляпнуть лишнего и не рассмеяться некстати.

– Хорошая леди, милая, англичаночка. Моя Эрменегильда была, конечно, лучше, но эта тоже очень милая, да, Людо?

Спаниель уложил голову на руку хозяину и огласил комнату звонким лаем, соглашаясь со священником. Тот потрепал собаку за ухом и спросил меня:

– Как думаете, подойдет вам ее платье? Я об Эрменегильде.

Я не знала, кто такая была Эрменегильда, но не удивилась бы, будь она овцой, которую сумасбродный священник назвал женским именем и обрядил в женское платье, – я уже поняла, что все овцы усадьбы носили человеческие имена.

Меня спасла мамасита, принеся еду в дымящемся горшке, тоже глиняном. Черпак каждому – и она ушла, передвигаясь довольно быстро для ее форм.

Итак, у меня на тарелке была еда, но я, видя отношение мамаситы, не решалась брать в рот это овощное месиво, на поверку оказавшееся весьма вкусным.

– Это подорожник, маниока и красные бобы, все прожаренное. – Штерн определил содержимое тарелки на глаз, даже не успев попробовать, из чего я сделала вывод, что это блюдо готовят здесь довольно часто или что философ часто обедает в фазенде. Это наверняка было так, потому что он принялся уписывать за обе щеки, даже не остудив.

Вопреки моим ожиданиям, никто не расспрашивал меня, кто я и откуда прибыла, как попала на остров, на каком корабле плыла и прочее: Штерн с аппетитом ел, отец Фогден припевал и стучал в такт ложкой.

За столом мы обменивались необязательными словами. Вскоре мамасита, храня на лице то же каменное выражение, принесла поднос с фруктами и, кроме этого, три чашки и глиняный кувшин.

– Миссис Фрэзер, вы когда-нибудь пили сангрию?

«Да» на моих устах сменилось вопросом:

– Н-нет, а что это?

Сангрию мне доводилось пить не раз на разнообразных вечеринках и посиделках как на факультете, так и в госпитале – в шестидесятые годы двадцатого века ее знали как вкусный напиток и любили, но ведь я была миссис Фрэзер из Шотландии, где явно не знали, что это и из чего ее делают, а часто не имели возможности приобрести дорогие цитрусовые, входившие в ее состав.

– Красное вино смешивают с апельсиновым и лимонным соком, а потом заправляют пряностями. В зависимости от погоды или по желанию подают горячим или холодным. Весьма полезно и очень вкусно, да, отец Фогден?

– Ну да, ну конечно, очень полезно.

Пока я отпила из своей чашки, священник уже привычно влил в себя весь стакан и налил еще.

Да, сангрия была той самой на вкус и цвет, разве что здешние продукты имели более ярко выраженный вкус и пряности пахли сильнее. Мне даже вспомнилась вечеринка, где я впервые попробовала сангрию, – по обе стороны от меня тогда сидели аспирант с марихуаной и профессор ботаники.

Сейчас показалось даже, что я вернулась в прошлое: Штерн болтал об очередных экземплярах, а отец Фогден, выпив чашки три-четыре сангрии, полез в буфет за глиняной трубкой, набивая ее мелко нарезанной травой, издававшей острый запах.

– Вы курите коноплю? Бытует мнение, что это способствует пищеварению, но в Европе ее никто не выращивает, а достать контрабандой очень трудно, так что я не знаю, производит ли она в самом деле такой эффект, – поведаль натуралист.

– Поверьте, курить коноплю – одно наслаждение.

Отец Фогден продемонстрировал, как он наслаждается, делая глубокие затяжки и сонно вздыхая. Белый дым поднялся к потолку и расползся по комнате.

– Я подарю вам один пакет. А что делать с миссис Фрэзер, вы придумали?

Лоренц Штерн рассказал, что планирует воспользоваться гостеприимством жителей фазенды в полной мере и переночевать в усадьбе, а наутро отправиться в Сент-Луис-дю-Норд, а затем рыбацким баркасом в Кап-Аитьен, покрыв тридцать миль. Либо добираться сушей к Ле-Кап, где был порт, но так дольше, поэтому этим путем предстояло воспользоваться в случае, если бы мы не нашли баркаса.

Отец Фогден хмурился и смотрел на выпускаемый им дым.

– Ясно, только два пути. Но если вы хотите двигаться по суше, нужно проявить бдительность – здесь много маронов.

– Кого?

Я взглянула на Лоренца, чтобы он объяснил мне смысл слов священника.

– Их действительно много. Это беглые рабы, они прячутся в джунглях от своих хозяев, которые обращаются с ними слишком жестоко. Я встречал их, когда путешествовал по долине Артибонит на север. Я был одет очень худо, видимо, поэтому они не причинили мне вреда.

– Не думаю, чтобы у вас было что грабить, – заявил хозяин фазенды, чьи глаза уже налились кровью.

Натуралист улыбнулся в ответ, но быстро согнал улыбку с лица как нетактичную. Он еще пил сангрию, тогда как отец Фогден уже выдул свою порцию.

– Я, наверное, пройдусь немножко. И если можно, выделите мне чуточку воды для умывания, – сказала я, выходя из-за стола.

– О, разумеется, идемте. – Священник покачивался, выбивая угли об угол буфета.

В патио пахло лучше, чем в комнате, хотя в здешний воздух примешивалась какая-то гниль. Отец Фогден попытался набрать воды для меня самостоятельно, елозя ведром по камням источника.

– Вода ведь не стоячая. Откуда она берется? Ключевая?

Дно и стены желоба поросли водорослями, шевелившимися от течения.

Увязавшийся за нами Штерн первым ответил на мой вопрос:

– Таких источников здесь сотни. Местные говорят, что в них живут духи, но мы же с вами умные люди и знаем, что никаких духов нет.

Отец Фогден, услышав этот ответ, оставил в покое ведро, не набрав даже половины, и прищуренными глазами стал наблюдать за движением рыбок в источнике.

– А? – внезапно спросил он, вернувшись к реальности. – Нет, духов нет. Пока нет. Стойте, не уходите, я кое-что покажу.

Священник отпер шкаф, стоявший здесь же, и достал нечто завернутое в муслин, предложив Штерну держать узелок.

– Эта рыбка откуда-то появилась в нашем источнике в прошлом месяце. Солнце ее поджарило, так я вытащил. Правда, другие рыбы ее подъели, но она более-менее в порядке, – оправдался он.

В муслин действительно была завернута высушенная рыбка, но не простая, не похожая на остальных рыб источника – она была чисто белая и... слепая. На месте глаз у нее были лишь выпуклости.

– Должно быть, рыба-призрак, подумал я сразу. Но обмозговал и пришел к выводу: не может стать призраком не имеющий души, а у рыб нет души. Что ж за проклятие такое на ней, а? – он прикрыл один глаз.

– Да, вправду, странная рыба, – оценила диковинку я.

У нее была тонкая полупрозрачная кожа, сквозь которую просвечивали внутренние органы и хорда. Чешуя стала темнее, когда высохла, а до этого, как я догадывалась, тоже была прозрачной.

– Слепая пещерная рыба, – с придыханием провозгласил Штерн, щелкая по тупорылой головке. Он во все глаза глядел на рыбешку и держал ее почтительно, почти не дыша. – Мне такая попалась только в Абандауи, в

пещере с подземным озером, но она, безглазая, очень быстро скрылась из виду. Видимо, органы чувств у нее... – он оборвал себя и повернулся к отцу Фогдену: – Дорогой друг! Позвольте мне оставить ее себе!

– Да пожалуйста, – великодушно разрешил священник. – На что она мне? Если бы мамасита захотела ее приготовить, в чем я очень сомневаюсь, в ней не было бы проку.

Пробежавшая курица подвернулась ему под ногу, и он пнул ее.

– А... где мамасита?

– Здесь, *sabrón*^[13], а ты где думал?

То ли мамасита незаметно выскользнула из дому, чтобы проследить за нами, то ли она всегда передвигалась неслышно, но она была здесь, стоя с ведром у источника. У нее получалось лучше набирать, чем у отца Фогдена.

Я вновь почувствовала гнилостный запах, и священник заметил это.

– Не стоит волноваться, это только бедная Арабелла, – успокоил он.

– Кто?

– Да вот и она.

Странноватый хозяин фазенды дернул мешковину, скрывавшую уголок патио.

Мне открылась жуткая картина: в ряд по ограде были выставлены черепа овец, выбеленные временем.

– Не могу расстаться с бедняжками, – развел руками отец Фогден. Он водил рукой по каждому из черепов, ласково называя каждый по имени. – Вот Беатрис, прекрасная была овечка, жаль, умерла в детстве, бедняжка. А какая умница, а какая красавица!

Череп Беатрис располагался среди вереницы маленьких черепов.

– А Арабелла... тоже овца? – с опаской спросила я.

Здесь пахло еще хуже, и я не стремилась узнать чем.

– Ну конечно, одна из моих овечек.

Он посмотрел глазами, казавшимися ярко-голубыми в темноте, и разгневался.

– Нежное, доверчивое создание... Ее убили самым подлым образом! Как, я спрашиваю вас, как можно убивать живых тварей, чтобы насытить собственную презренную плоть?

– О, это очень плохо, так нельзя делать, – отозвалась я, не вполне сытая одними лишь овощами. Отец Фогден был убежденным вегетарианцем, и я не смогла проговорить слова соболезнования вполне искренне. – А кто же это сделал?

– Язычники, бессердечные язычники! Матросы. Слово святого

мученика Лаврентия, зажарили на рашпере, – полыхали гневом его глаза.

– Ооох...

Он так красочно описывал убиение невинной овечки, что я невольно прониклась настоящим сочувствием.

Его рыжая борода, которая поначалу тряслась от гнева, теперь поникла от скорби.

– Все в руце Божией, и я, грешный Его раб, не должен роптать. Отец наш Небесный знавал Арабеллу, поскольку она весила фунтов с девяносто, на свежей-то травке, а коль уж Он видит каждого жучка и воробья, значит, то была Его воля.

Я послушно завздыхала, разделяя скорбь.

Матросы? Какие же это матросы могут быть на Эспаньоле, интересно знать?

– А... когда же матросы убили бедняжку?

Это не могли быть люди с «Дельфина»: не такая я важная персона, чтобы меня искали голодные матросы, к тому же свою миссию на их корабле, для которой меня и призвали, я уже выполнила. И все равно волнение дало себя знать, так что я вытерла ладони о юбку.

– Утром. Это произошло сегодня. – Отец Фогден поставил на место череп, который он ласкал, вспоминая Арабеллу. – Но бедняжке повезло хоть в чем-то: ребята справились намного быстрее, а обычно это длится неделю. Да что там, сами посмотрите...

Он открыл закрытый было шкаф и указал на ком, накрытый сырой мешковиной. Так вот откуда шел запах! Жучки, напуганные светом, исчезли внутри черепа.

– Отец Фогден, да это же представители рода кожеедов! И так много! Впрочем, их всегда много в подобных случаях.

Штерн уже положил слепую пещерную рыбу в банку со спиртом и теперь смотрел на жуков.

Там были не только сами жуки – коричневые особи, но и их белые личинки, полировавшие череп Арабеллы, который в результате должен был побелеть. Они справились довольно быстро, как заметил опытный в этих делах священник. Я вспомнила, что ела маниоку, такую же белую, как и...

– Это кожееды? Должно быть. А название как к ним подходит, скажите? Славные обжоры.

Отец Фогден ухватился за шкаф, не в силах держаться на ногах, а потом заметил, что на него смотрит мамасита, держащая ведра в обеих руках.

– О, миссис Фрэзер, простите сердечно! Вы ведь хотели переодеться,

прошу покорно...

Бросив быстрый взгляд на то, что осталось от моей одежды, я поняла, почему даже пьяный и обкуренный чокнутый священник сказал мне об этом. Не только платье, но и нижняя рубашка порвались до неприличия, а вся одежда была в грязно-соленых разводах, к тому же я была босой. Отец Фогден и Лоренц Штерн не требовали от меня бальных платьев и бриллиантовых серег, но и их общество требовало сколько-нибудь приличной одежды.

Священник позвал мамаситу, похожую на могильное видение, хоть у нее и были глаза, в отличие от пещерной рыбы.

– Мамасита, что можно дать этой бедной леди? У нас имеется подходящая одежда? Или одно из платьев... – бормотал овечий отец по-испански.

Женщина оскалилась, показав, что у нее есть еще и зубы.

– На эдакую корову ничего не налезет, – прозвучал злой испанский. – Можешь отдать ей свою рясу, если так нейметсся.

Она едва не плюнула при виде моих спутанных волос и чумазого лица.

– Идем. Умываться, – буркнула она мне по-английски.

Когда я закрыла за ней двери патио, то почувствовала огромное облегчение: во-первых, мамасита убралась, во-вторых, можно наконец заняться туалетом и без посторонних глаз.

Сутана отца Фогдена выглядела на мне немного странно, но это было намного лучше, нежели ходить в рванье, пусть и своем. Гребешка у меня не было, зато я смогла кое-как ополоснуть волосы из кувшина – уже хорошо. Совершая туалет, я все время думала об отце Фогдене. Отчего он такой странный? Что это – старческое слабоумие? Или это просто логическое завершение его любви к сангрии и конопле? Как бы то ни было, он и его служанка-мамасита были полными противоположностями друг друга: он бодрый и солнечный, а она хмурая и мрачная. Мамасита меня пугала, и мне не улыбалась перспектива оставаться с ней в доме без чьей-либо поддержки: натуралист пошел выкупаться в море, а от пьяного священника (а сангрия еще была, и он мог добавить) толку было немного и вряд ли стоило рассчитывать на помощь, когда бы этот василиск решил поиздеваться надо мной.

Но и торчать на улице, несмотря на теплую тропическую погоду, я тоже не собиралась: очень хотелось спать, а фазенда давала такую возможность, которой грех было не воспользоваться. Поскольку меня никто не проводил в комнаты, а звать мамаситу не хотелось, я самостоятельно нашла дверцу из патио в дом и толкнула ее. За дверью оказалась спальня,

небольшая, но очень уютная, разительно отличавшаяся от обстановки остального дома, больше приличествующей спартамцам или каким-нибудь детям природы. Здесь были перьевые подушки на кровати, красивое красное шерстяное покрывало, канделябр с восковыми свечами в нем и четыре роскошных веера на побеленной стене.

Простая, но изысканная мебель блестела глубоким блеском, а один угол комнаты был отгорожен хлопковым в полоску занавесом, скрывавшим платья, которые переливались всеми цветами радуги.

Выходит, Эрменегильда была человеком, и это были ее платья. Я до сих пор не была одета, поэтому мои шаги были неслышны. Комната была пустынная, и чувствовалось, что здесь давно никто не живет: присутствие жильца не ощущалось.

Шелк и бархат, муар, атлас и муслин – они были прекрасны, хранители духа своей хозяйки. В них не было обычной безжизненности, присущей одежде, праздно висящей в шкафу.

Обладательница этой роскоши была девушкой невысокого роста и к тому же хрупкой комплекции, о чем свидетельствовали вкладки для увеличения бюста, вшитые в корсажи. Я оценила скромность и практичность хозяйки, убравшую комнату небогато, но со вкусом, и имевшую платья, с помощью которых можно было поразить воображение любого, в том числе королевского мадридского двора. Особенно мне понравилось одно из них, сделанное из пурпурного бархата с вышитыми серебряной нитью анютиными глазками.

Коснувшись синего с искрой рукава, я удалилась, не смея более нарушать покой этой светлой обители.

Натуралист сидел на веранде, созерцая остров в морской дали. На склоне росли алоэ и гуава. Он отвесил мне поклон и куртуазно проговорил:

– Миссис Фрэзер, позвольте восхититься вашим нарядом. Как по мне, лучшего применения сутане нельзя было найти.

Штерн заулыбался.

– Думается, что любой будет красив, если его отмыть как следует. – Я села рядом с ним. – В кувшине что-то есть?

На столике красовался запотевший кувшин, а мне хотелось пить.

– Это снова сангрия. Хотите?

Лоренц налил и себе, а затем удовлетворенно фыркнул:

– Не думайте, что я злоупотребляю алкоголем, миссис Фрэзер. Нет, я пью умеренно, но сейчас сангрия кажется мне божественным напитком, амброзией, потому что я несколько месяцев скитался по диким землям, где была одна только вода и жуткий ром, питье рабов...

Я не возражала ему, но хотела спросить кое-что.

– А... священник...

Я мялась, не зная, как поучтивее передать словами состояние опьянения отца Фогдена, но Штерн догадался и без слов.

– Он пьян, но так бывает не только сегодня. Обычно он напивается к вечеру, к закату и пьет до бесчувствия.

– Ясно... – протянула я. Хорошо было сидеть на стуле и пить вино, зная, что можешь контролировать свои действия. – А вы давно его знаете?

Штерн прикинул в уме, проведя рукой по лбу.

– Пару лет.

Потом он бросил на меня заинтересованный взгляд и в свою очередь спросил:

– А вы часом не знаете Джейми Фрэзера из Эдинбурга? Понимаю, что это имя встречается довольно часто. О, я угадал?

Он догадался по выражению моего лица, всегда выдававшего мои истинные чувства.

– Он мой муж.

Доктор Штерн сверкнул ореховыми глазами.

– Вот это да! Того верзилы с...

– Да, с огненными волосами. Это он.

Подтверждая, что Штерн угадал, я кое-что вспомнила.

– Знаете ли, он когда-то рассказывал, что беседовал в Эдинбурге с натурфилософом и нашел эту беседу занимательной.

Лоренц Штерн, еврей-натурфилософ, знал настоящее имя Джейми, то есть принадлежал к кругу избранных, ведь все эдинбуржцы, так или иначе пересекавшиеся с Джейми, знали его как Джейми Роя, контрабандиста, или как мистера Александра Малкольма из тупика Карфакс, державшего печатню. Немецкий акцент Штерна изобличал его происхождение, и доктор не был разыскиваемым англичанином.

– Да-да, мы говорили о пауках и о пещерах, а встретились мы... в...

Смущение подсказывало, что его мучит совесть за необходимость выкладывать такие неприглядные подробности.

– ... в питейном заведении, – вывернулся он. – Одной из... тамошних горничных пришлось близко познакомиться с крупным экземпляром *Arachnida*: на нее упал паук, когда мы... беседовали. Она закричала так, что переполошила весь дом.

Вспоминая, Штерн угощался сангрией на манер отца Фогдена.

– Паук уже сидел в морилке, когда вооруженный мистер Фрэзер вломился в комнату...

Сангрия отомстила натуралисту: он закашлялся.

– Миссис Фрэзер, напиток слишком терпкий, вам не кажется? По моему мнению, здесь слишком много лимонов.

Это было неудивительно, ведь сангрию готовила, наверное, мамасита, а уж она бы подмешала туда и цианиду, если бы могла, но, признаться, я не чувствовала ничего подозрительного, возможно потому, что долгое время не пила ее.

– Я запомнил слова мистера Фрэзера, но смысл был таким, что он подумал, что я причинил девушке вред, тогда как я всего-навсего объяснял ей, с каким видом она имеет дело и как ей следует вести себя, а мистер Фрэзер считал, что я оскорбил женскую честь, и хотел было вызвать меня на дуэль, но я сумел продемонстрировать паука, по счастью, бывшего в комнате. Леди, кстати, так и не вернулась к нам.

Я ничуть не удивилась – это было вполне в духе Джейми – и уже представила, как барышня выбегает из комнаты, а в комнату врывается вооруженный Джейми.

– Скажите, а вы не вспомните, что было надето на Джейми?

– На Джейми? Надето? Э-э, это такой вопрос, знаете ли... Я могу не вспомнить... Вероятно, уличное платье, а...

– Ничего-ничего, спасибо, я уже слышала что хотела.

Итак, Джейми все же был одет, а это не могло не радовать.

– Он хотя бы представился? – осторожно спросила я.

Штерн затеребил кудри.

– Честно говоря, не вспомню, представлялся ли он мне лично, но леди обращалась к нему как к мистеру Фрэзеру. Мы с ним говорили долго и уже без нее, поскольку нашли друг друга интересными собеседниками, так что я называл Джейми уже по имени с его позволения. Миссис Фрэзер, вы не обижаетесь на меня за такую фамильярность?

– Господи, о чем вы? Если Джейми так решил, то я уважаю его решение. – Дальше говорить не хотелось, и я сменила тему: – А что вы говорили о пещерах? Что пауки водятся в пещерах?

– Это связано с историей о Роберте Брюсе, той, где он скрывался в пещере. Джейми полагал, что это своеобразный апокриф, потому что Брюс решил бороться за шотландский трон, будучи...

– Я знаю эту историю.

– Джейми указывает на тот факт, что пауки редко живут в пещерах, чтобы жить бок о бок с людьми. Я же соглашался, но указывал на то, что большие пещеры по типу той, которая есть на Эспаньоле...

– На острове есть пещера? – я удивилась и поняла, что задаю глупый

вопрос: здесь же водились слепые рыбы. – Разве Карибские острова не кораллового происхождения? Откуда в них пещеры?

– Могут быть и кораллового, но Эспаньола не является атоллом: ее основа – это вещества вулканических извержений, кристаллические сланцы, прочие древние отложения с останками ископаемых и известняковые залежи, последние преимущественно карстовые.

– Ого, столько всего?

Я снова налила сангрии.

– Да, именно так. Остров имеет богатое происхождение.

Штерн выудил самодельную тетрадь из своей котомки и вырвал оттуда лист.

– Смотрите, – он скомкал его и показал мне результат.

Лист распрямился, но только частично, потому что вся его поверхность покрылась буграми и возвышениями, образовывавшими своеобразные обрывы и впадины.

– Остров выглядит примерно так. И если отец Фогден рассказывал, что нужно быть внимательным, чтобы не попасться в лапы маронам, то это потому, что они скрываются в здешних пещерах, а их здесь предостаточно, поверьте. Это главная причина, по которой хозяева не могут вернуть их. Я полагаю, что на Эспаньоле есть места, где не бывали ни белые, ни даже черные, места таинственные и, должно быть, опасные. Пещеры находятся и в таких местах тоже. Например, одну из них мароны называют Абандауи, считая ее страшной и священной, но в большинстве своем никто не знает о пещерах ничего, потому что они находятся в таких местах, которые были известны только туземцам, давно погибшим в борьбе с испанцами.

Штерн потягивал сангрию и переходил с темы на тему, в частности принялся опять говорить о природе тропических островов.

– Видите этот островок? Его называют Черепашьим, de la Tortue, или Тортуга. – Остров, казалось, дрейфовал среди волн. – Так вот, этот атолл, чья лагуна заросла, долгое время был прибежищем пиратов.

Он заинтриговал меня, и, не скрою, слушать сейчас о пиратах было куда интереснее, нежели о карстовых отложениях и кристаллических иссиня-черных сланцах.

– Правда настоящие пираты? Флибустьеры? – Вот они, совсем рядом! Я вперила заинтересованный взгляд в морскую гладь. – Романтика...

Штерн блеснул улыбкой, и я сочла, что это камень в мой огород.

– Миссис Фрэзер, поверьте, мой смех вызван воспоминанием, а не вашими словами, – заверил он. – На днях в Кингстоне я говорил с одним стариком о пиратских обычаях. Кстати, в Порт-Рояле у них тоже была база.

Дернувшиеся губы выдали его замешательство.

– Простите, миссис, вы ведь замужем, и к тому же знаете медицину... Это должно быть известно вам...

Он бы промолчал, но сангрия развязала язык:

– Содомский грех... вы слышали об этом что-нибудь?

Он покраснел до корней волос.

– Конечно. Вы хотите сказать, что...

– Именно так. Старик, поведавший мне это, сам знал, что происходило среди пиратов, и не стал бы врать. Они были мужеложцами.

Лоренц с осуждением покачал головой.

– Вы уверены в этом?

– Так считалось. Он говорит, что шестьдесят лет назад Порт-Рояль ушел под воду, и люди считали, что Бог наказал нечестивцев за их грехи и мерзости, которые они учиняли.

– Бог милосерден, – протянула я, думая о Тессе из «Пылкого пирата».

Штерн надулся, словно сова.

– Поговаривают, что колокола, которые до сих пор звенят в Порт-Рояле, раскачивают души утонувших пиратов, возвещая таким образом о будущем шторме.

Мне подумалось, что к числу «грехов и мерзостей» принадлежала не только содомия, но расспросить об этом я не успела: пришла мамасита.

– Есть, – объявила-приказала она.

– Откуда она такая? Где отец Фогден откопал ее?

Лоренц тоже отодвинул стул и удивился:

– Что значит «где откопал»? А, вы ведь ничего не знаете. Так слушайте.

Мамасита исчезла в доме, и признаков, что она подслушивает за дверью, не наблюдалось.

– Он привез ее из Гаваны, но не только и не столько ее.

Отец Фогден служил священником лет десять, а потом отправился на Кубу с миссией ордена святого Ансельма. Это произошло пятнадцать лет назад. Сирые и убогие были премного благодарны ему, поскольку он ходил по трущобам Гаваны, облегчая человеческие страдания и даря надежду, а иногда и деньги. Он рассчитывал обрести жизнь вечную в загробном мире, но однажды встретил на рынке Эрменегильду Руис Алькантару-и-Мерос.

– Я не думаю, что они сговаривались. Скорее всего, все произошло молниеносно, с первого взгляда, знаете, как это бывает. Не знаю, можно ли это считать Божьим промыслом или нет, да только это произошло, им удалось сделать эту штуку.

Эрменегильда, молодая жена дона Армандо Алькантары, бежала от мужа со священником! Гавана была потрясена.

– Со священником и с мамой...

Штерн услышал мой шепот и согласно кивнул.

– Ну да, она не мыслила расставания ни с мамой, ни с песиком Людо, которого очень любила.

Успех побега обуславливался чистой случайностью: англичане вторглись на Кубу как раз тогда, когда бежала Эрменегильда, иначе бы беглецов не миновала кара сурового дона Армандо, имевшего связи и влияние на острове и вне его.

До Байамо добралась с грехом пополам, – можно только представить, чего стоило бежать со всеми платьями, которые взяла с собой девушка, и с песиком, выдававшим их своим лаем, – а оттуда на рыбацкой лодке добрались до Эспаньолы.

– Через три года Эрменегильда умерла. Отец Фогден положил ее под бугенвиллеей. – Штерн нацедил остатки сангрии в чашку.

– Теперь они живут без нее, он, мамасита и Людо, так выходит?

– Верно, именно так.

Натуралист закрыл усталые после долгого питья глаза.

– Эрменегильда не оставила бы мамаситу на Кубе, а мамасита, ясное дело, не оставила бы дочь.

Вырисовывавшийся на фоне закатного солнца профиль Штерна вздернул нос – тот опрокинул в себя последний глоток.

– Он ни с кем не общается: местные боятся холма, думают, что Эрменегильда стала призраком, искупляя грех сожительства со священником-нечестивцем.

В патио наконец стало тихо: надвигавшаяся ночь заставила умолкнуть куропаток, крики которых были слышны на протяжении всего нашего разговора. Отдавая тепло, накопленное за день, фазенда де ла Фуэнте стала наливать прохладцей.

– Вы-то с ним общаетесь, не боитесь ни призраков, ни духов.

Он улыбнулся в ответ.

Пустая чашка издавала сладкий апельсиновый запах, похожий на тот, которым пахнут свадебные букеты.

Лоренц Штерн тронул меня не совсем верной рукой.

– Миссис Фрэзер, давайте отужинаем вместе?

После завтрака натуралист собирался в Сент-Луис, и я решила кое-что уточнить на прощание у отца Фогдена. Вряд ли корабль, виденный им, был «Дельфином», но следовало проверить все варианты.

– А что это был за корабль? – спросила я, попивая молоко.

У меня были сомнения, что отец слышит меня: он стучал по макушке Коко, отбивая одному ему известный ритм.

– Что?

Штерну пришлось пихнуть его, чтобы получить ответ на вопрос, который я терпеливо повторила.

– А! Да...

Он сощурил голубые глаза и с достоинством проговорил:

– Корабль был деревянный.

Штерн из вежливости прикинулся, что внимательно разглядывает содержимое тарелки, а на самом деле он давился от смеха.

– Как выглядели матросы, съе... убившие Арабеллу? Вы их видели?

Отец Фогден недоуменно воззрился на меня.

– Ну а как же? Конечно, видел, иначе бы не знал, что это совершили матросы.

Он проявлял способность мыслить логически – хороший знак.

– Точно. А что на них было надето?

Губы его уже округлились в «о», но я поспешила задать наводящий вопрос, чтобы священник мыслил в нужном направлении:

– Кроме мундиров, что еще на них было?

Я интересовалась неспроста: на «Дельфине» всегда ходили в мундирах, если выполняли официальные обязанности, а обычно носили грубые рабочие робы, впрочем, тоже походившие на мундиры из-за одинакового цвета и покроя.

Отец Фогден отставил чашку с молоком, утер усики, образовавшиеся после питья напитка, и насупился, вспоминая.

– Не было мундиров. По крайней мере не могу вспомнить каких-нибудь отличительных признаков, разве что крюк вместо руки у вожака.

Его длинные пальцы согнулись наподобие крюка.

Выронив чашку, я пролила молоко на стол. Напуганный Штерн что-то выкрикнул, а священник глядел, как молоко стекает ему на колени с поверхности стола (чашка была налита доверху).

– Зачем же так? – укорил он меня.

– Простите... Я не хотела.

Осколки не давались в мои дрожавшие руки, и я едва-едва заставила себя задать насущный вопрос:

– А... где сейчас этот корабль? Он уплыл?

– Нет, как же ему плыть? Он сейчас на берегу, – сказал отец Фогден, когда молоко полностью пролилось ему на колени и на мою одежду.

Священник подоткнул сутану и блестел бледными, незагорелыми икрами. Я тоже подоткнула свое одеяние, а поскольку на мне тоже была сутана, мы представляли комичное зрелище, но иначе идти было неудобно: холм выше дома весь зарос травой и репейником.

Видно было, что здесь тоже паслись овцы – на всем холме были видны их следы, – а человеческих не было, но отец знал, куда следует идти, и продвигался вперед быстро и верно, не спотыкаясь и ловко перепрыгивая корни деревьев.

Лоренц Штерн, тоже отправившийся с нами, помогал мне, подавая руку и убирая лежавшие на пути ветви, но я все равно устала от быстрого подъема.

– Неужели он остался на берегу? – с замиранием бросила я перед самой вершиной.

Я, признаться, грешным делом подумывала, что отец вполне мог выдумать всю эту историю с кораблем, по крайней мере с тем, что судно осталось на берегу. Крюк вместо руки есть не только у Фергюса, но и у пиратов, а их здесь, говорят, предостаточно.

Штерн, утираясь, обнадежил:

– Овцу ведь убили и зажарили.

Да, овцу убили и совсем недавно, но кто это сделал? Не факт, что это были люди с «Артемиды». Но и с «Дельфина» тоже не могли быть, потому что я ни у кого не видела там крюка. Ступая как можно медленнее и тише, я пыталась унять гулко бившееся сердце. На вершине росла пышная агава, и я ухватилась за нее.

Сверкающий аквамарин Карибского моря и узкий пустынный пляж – корабля не было. Отец Фогден показал, чтобы мы подошли к нему.

– Эти зловредные существа там.

Стоя на вершине холма, он грозил бывшим внизу с праведным гневом пророка, обличающего людские грехи. Рыжая всклокоченная борода торчала, как иглы дикобраза.

– Они убийцы! Каннибалы! – шипел он.

Я смотрела во все глаза, но ничего не видела. Тогда Штерн потащил меня к просвету между деревьями.

– Они там, там есть корабль, смотрите!

Да, корабль был там. Он лежал на борту на берегу; мачты были вынуты из гнезд. Части такелажа, тюки с грузом – все это лежало здесь же, а люди сновали вокруг поверженного судна. Крики и удары молотов нарушали тишину, пахло смолой. Медь и олово, потускневшие от соприкосновения с соленой водой и покоившиеся в трюме как груз, теперь

были вытащены на поверхность. Другой груз – дубленые кожи – просушивали на солнце.

– «Артемиды»! Они! Джейми!

Я отбросила всякие сомнения, когда увидела одноногого человека у корпуса судна с желтым платком на голове.

Мерфи не смог увернуться, и потому, что был калекой, и потому, что я стрелой сорвалась с крутого холма и налетела на него.

– Мерфи! – Я расцеловала его в колючие щеки.

– Господи помилуй! – барахтался на песке пораженный кок.

– Миледи! – воскликнул Фергюс и нарисовался надо мной, улыбающийся и дочерна загорелый.

Француз мигом поднял Мерфи, а меня обнял так, что у меня внутри что-то хрустнуло. Неотвязно следовавшая за ним повсюду Марсали и сейчас оказалась рядом с мужем.

– *Merci aux les saints!*^[14] – вознес хвалу к небесам Фергюс. – Мы уж было думали, что никогда не увидимся с вами, миледи.

Он расцеловал мое лицо и отступил на шаг, рассматривая меня.

Я же смотрела на корабль, неожиданно-негаданно прилегший отдохнуть на берегу.

– Что стряслось?

Взгляды Фергюса и Мерфи, которыми они обменялись, обыкновенно носят название понимающих. Это было тем более странно, потому что раньше они не были настолько близки, чтобы так смотреть друг на друга.

– Капитан Рейнс погиб, – со вздохом сообщил француз.

Господь услышал мои молитвы и спас меня от гибели, но не спас «Артемиду» от шторма. Та самая стихия, от которой я спаслась, сидя верхом на дереве, погнала корабль на рифы, когда «Артемиды» попала в грозовую полосу. Острые рифы пробили днище, и вода залила кормовой отсек. Сама «Артемиды» еще была на плаву и спешила укрыться в ближайшем заливе, пока шторм не разнес ее в щепки.

– Нам оставалось триста ярдов до берега, – нахмурился Фергюс. – В кормовом трюме находился груз, он сместился и сместил центр тяжести. Мы легли на бок, но, к несчастью, это был еще не конец: никто не успел еще ничего сделать, а огромная волна уже накрыла корабль и захлестнула палубу. Капитана и четырех моряков смыло за борт...

– Мы ведь видели уже берег, были почти на берегу! – Марсали снова зарыдала при словах о катастрофе. – На землю мы сошли через десять минут, а они уже... – рыдания сдавили ее грудь.

Муж сжал ее руку в своей.

– Марсали, пути Господни неисповедимы. Он пожелал, чтобы так произошло, и винить в этом некого. Неужели было бы лучше, если бы их выбросило в открытый океан, где они не нашли бы упокоения? Мы должны радоваться тому, что их могилы находятся на земле, а души – на небе.

Француз указал на край джунглей, выходящий к морю. Там виднелись холмики, над которыми возвышались наспех сколоченные, но более-менее аккуратные деревянные кресты.

– Папа когда-то получил в соборе Парижской Богоматери святую воду. Я ношу ее с собой во флакончике. – Губы Марсали потрескались и дрожали. – Теперь я окропила ею могилки, они же не против?

Для пятнадцатилетней девушки это были суровые испытания: вначале побег из дому вслед за любимым, затем нападение пирата, теперь видимая смерть товарищей... Она, мрачная, растрепанная, заплаканная, не была более похожа на домашнюю розовощекую девочку.

– Спасибо тебе, милая. Им бы очень, очень это понравилось, – погладила я ее руку.

Среди обступивших меня матросов я не видела огненных волос Джейми и не слышала его голоса. Значит, его здесь не было?

– А где Джейми?

Я чувствовала, что бледнею и покрываюсь потом, хотя еще недавно мои щеки пылали жаром после стремительного полета с холма и пылких объятий друзей.

Кожа Фергюса побледнела даже под бронзовым загаром.

– Миледи, он не с вами? – пролепетал он.

– Каким образом он мог быть со мной?

Тропическое солнце, приближавшееся к полудню, палило нещадно, но я не чувствовала ни его жара, ни запаха воздуха, пропитанного влагой и морской солью. словно маска появилась на моем лице, и через нее, ледяную и колючую, я выдавила:

– Где Джейми?

Жест Фергюса, мотавшего головой, напомнил быка, оглушенного ударом забойщика.

– Не знаю.

Глава 51

Джейми чует неладное

Джейми Фрэзер, скрытый за корабельной шлюпкой «Дельфина», тяжело дышал, но надеялся, что его пыхтение не услышат. Собственно говоря, он только что взял на бордаж военный корабль, а этим можно было гордиться. Правда, абординовал он лично, а не его корабль, но это не суть важно, главное – его еще не засекли. Пробраться сюда было нелегко, и теперь его руки и бока отчаянно болели от ударов тела о корпус корабля, ведь он изначально уцепился за абордажную сеть и повис на ней, подтягиваясь к борту. Ладони были все в занозах, но главным оставалось то, что он был здесь.

Заноза не давалась в зубы, но он попросту оттягивал время, чтобы сообразить, что делать дальше.

Джейми подробно расспрашивал матросов с «Артемиды», Руссо и Стоуна, как устроены большие военные корабли, и теперь относительно неплохо знал, где искать то, что интересовало его прежде всего и было исключительно важным – каюту корабельного хирурга. Матросы служили на подобных кораблях и рассказали, куда ему следует направить стопы, чтобы не заплутать в отсеках и не потерять на палубах. «Артемиды» казалась скорлупкой в сравнении с «Дельфином», и ее качало очень сильно, а большой корабль мощной грудью рассекал волны. В любом случае палуба дрожала и здесь.

Заноза была вытащена и брошена на палубу, а Джейми оставил свое временное убежище в виде шлюпки.

Офицерские каюты находились на нижней палубе, значит, следует спуститься по трапу. Кюта хирурга тоже должна быть там, но здесь была загвоздка: Клэр не будет сидеть в каюте, когда корабль полон больных.

Джейми отправился на «Дельфин» с наступлением темноты. Робби Макри помог с лодкой, а капитан Рейнс сориентировал, когда англичане поднимут якорь – с вечерним приливом. Уговорились, что «Артемиды» будет ожидать возвращения Фрэзера и Клэр в бухточке у острова Кайкос, но это если удастся разыскать хирурга. Если же нет... Ну, пока главное, что добрался.

«Дельфин» во всем превосходил «Артемиду»: его подпалубные помещения были широкими и могли вместить множество груза. Но и простор военного корабля не мог растворить витавший в воздухе запах

болезни, неуловимо распространявшийся вокруг. Пахло фекалиями, рвотой и чем-то тревожным.

Джейми постоял, поразмыслил и двинулся налево, стараясь втягивать запах как можно меньше по причине его неприятия и в то же время как можно больше, потому как жена, согласно своему характеру, всегда выбирала самые отчаянные пути и сейчас явно была в самом центре эпидемии.

За четыре часа он осмотрел весь корабль, но нигде не нашел ее. Никто не увидел его, но и он никого не увидел.

– Проклятье! Чертовка, куда же ты подевалась?

Страх точил его сердце. А что, если они разминулись? А если она сама заразилась? Клэр говорила, что ее защищает какое-то снадобье по имени вакцина и какие-то обтирания, ну а если она ошиблась и микробы уже разорвали ее? Здесь же всюду эти, как их... микробы, вот.

Микробов шотландец представлял себе как слепых личинкообразных существ с густым рядом острейших зубов. Эдакие акулки спокойно могли съесть англичаночку даже не поморщившись.

Ярость клокотала в его груди. «Дуреха, она побежала черт знает за кем, а он, он знал, чем ее приманить! Мальчишка, молокосос и туда же! Я, говорит, верну вам жену, но только после того, как использую как захочу. Щенок! Английский мерзавец! Не бывать этому!»

Нельзя отдавать Клэр на растерзание англичанам!

К зараженному микробами воздуху внезапно добавился какой-то теплый, приятный и с детства знакомый – козы. Здесь были козы, а там, где они были, за перегородкой, говорили люди и среди них женщина.

Джейми шагнул вперед. Стук и топот по палубе свидетельствовали о том, что матросы спрыгивают с рей. Вряд ли за ним гонится столько людей, а коль уж и гонится, то он ищет жену, а в этом нет ничего предосудительного.

Корабль двигался вперед быстро, рассекая волны и гудя натянутыми парусами. За прошедшие часов пять «Артемида» давным-давно осталась позади.

Что ж, делать нечего: надо встать перед тем щенком – неприятно, да – и потребовать, чтобы он вернул жену. Правда, нужно было узнать еще, что за женщина там говорила, ведь женщины на корабле редкость.

Женщина появилась сама из-за переборки с козами, заставив сердце Джейми подпрыгнуть от отблеска женских в свете фонаря. Но это была не Клэр – та тоньше, а эта потолще и приземистая. Рядом с ней стоял моряк, поднимавший с палубы корзину.

Джейми пропустил мужчину, когда тот намеревался пройти, но реакция моряка, увидевшего незнакомца, была неожиданной.

– Ты что... – Эти грубые слова, которыми моряк окликнул Джейми, сменились неожиданным подобострастием: – Господи Иисусе Христе! Что вы здесь делаете, мистер?

Единственный глаз моряка (второй был подернут бельмом и прикрыт дряблым веком) со страхом глядел на шотландца, а лицо его было желтым.

– Мы знакомы? – Джейми ухватился за эту возможность в надежде, что знакомый укажет ему, где искать Клэр. – Напомни мне свое имя, а то мне кажется, что я его не помню.

– Да вы его и не знаете, мистер. Но я не хотел бы представляться вам.

Одноглазый хотел было уже уйти, но Джейми не дал ему этого сделать, с силой схватив за руку.

– Нет-нет, останься. Мне нужно знать, где хирург миссис Малкольм?

Матрос был напуган, а когда Джейми вцепился ему в руку, и вовсе вскрикнул, но сейчас на лице его отразился ужас.

– Н-не знаю...

– Нет, приятель, миссис Малкольм не иголка, чтобы потеряться здесь, как в стоге сена. К тому же ее специально вызвали сюда. Отвечай, где она, иначе я сверну тебе шею! – потребовал Джейми.

– А как вы ее сломаете, так я и вовсе не смогу говорить, если уж на то пошло.

Матрос восстановил самообладание и говорил с вызовом, но не без рассудительности. Правда, угрозы исходили от одноглазого человека с навозной корзиной в руках, но Джейми не боялся не только поэтому.

– Отцепитесь-ка от меня, мистер, а то я позову...

Матрос захрипел под рукой шотландца, вцепившегося в шею одноглазому и таким образом осуществляя данное им обещание. Козий помет раскатился по палубе, как шрапнель.

Гарри Томпкинс – а это, конечно же, был он – закричал и принялся сучить ногами, отчего помет раскатывался еще дальше и издавал характерный запах. Джейми отпустил дурака, когда тот выпучил единственный глаз.

Томпкинс, хрипя, осел на палубу. Конечности его были раскинуты для поддержания равновесия, отчего он походил на паука.

– Твоя правда, не сможешь говорить, – удовлетворенно констатировал Джейми, вытирая вспотевшую после матросской шеи руку. – Но со сломанной рукой ты вполне сможешь говорить со мной, не так ли?

С этими словами Джейми бросился на Томпкинса, поднял его на ноги

рывком и незамедлительно завел руку ему за спину.

– О господи, да вы такой же, как и она была! Она тоже так меня мучила! – заверещал матрос.

– Я не понял, что значит «была»? Поподробней, пожалуйста!

От обуревавших его чувств Джейми сжал плоть моряка еще сильнее.

– Быстро! Говори, где она? – взревел он, окончательно сломав моряка.

– Была да сплыла. За борт упала, – отвечивал Томпкинс.

– Как упала?

Потрясенный Джейми выпустил моряка, снова шмякнувшегося на палубу.

– Упала за борт, говорю. Выпала с корабля. Нет ее.

– Как? – выдохнул Джейми. – Как это произошло? Когда? Что здесь вообще происходит, черт возьми? Вы ее выбросили?

Томпкинсу предстояло получить от Джейми еще, но он почему-то не бежал, а только глумливо улыбался и пяtilся, правда, потирая едва не вывихнутую шотландцем руку. Его глаз сверкал неуместным торжеством.

– Ваша честь, что вас заботит? Вы скоро снова женитесь, да на той, которая венчает всех преступников, – на нок-рее над Королевской гаванью, так что не очень волнуйтесь, увидите вы свою женушку в аду.

Джейми не успел услышать шаги, раздававшиеся у себя за спиной, поэтому сокрушительный удар по голове стал для него полной неожиданностью.

Это был не первый раз, когда на него нападали нечестным образом, исподтишка, сзади, а опыт, приобретенный в таких ситуациях, подсказывал, что нельзя двигаться до тех пор, пока не пройдет головокружение и не исчезнут круги перед глазами, в противном случае не обойтись без рвоты.

Палуба качалась как полоумная, и он не знал, отнести это на счет последствий удара или же это так и должно быть. Чтобы не думать о возможной рвоте, Джейми сосредоточился на горевшей огнем голове.

«Это корабль. Он движется. Я плыву на корабле. Причем под щекой у меня не подушка, а дерево. И запах. Пахнет...»

Воспоминания были ужасны. Лучше бы память не возвращалась: она принесла с собой ужас, который был в разы хуже по сравнению с головной болью и страхом рвоты. Тьма, огненные кольца, круги, разноцветные вспышки – все это вызвало тошноту. Мысли резали мозг, вертя его, как вертел играет бараньей тушкой.

«Клэр! Она потеряна навсегда! Утонула. Умерла».

Рвотные массы, поднявшиеся из глубин желудка и захлестнувшие

горло, не принесли ожидаемого облегчения. Проклятые мысли не давали покоя огненной голове, но горе занимало все его существо, и, казалось, на место содержимого желудка, извергнутого вместе с блевотиной, тоже пришли горе и боль.

Во всех смыслах опустошенный Джейми тяжело опирался на переборку, когда открылась дверь и в нее влетел свет от фонаря.

– Мистер Фрэзер, мы очень сожалеем, вы должны знать...

Голос был мягкий, но настойчивый, хорошо поставленный. Он принадлежал капитану Леонарду, этому щенку, который еще смеет жалеть о том, что по его приказу Клэр выброшена за борт, и смеет извещать об этом его, Джейми, ее мужа!

Снова, как и прежде, когда пришел в себя от ужасной мысли, Джейми вскочил на ноги и побежал. Куда – он сам бы не мог сказать, палуба уходила из-под ног, но он налетел на Тома Леонарда и бросил его в проход на доски палубы. Люди забегали, замельтешил свет от других фонарей, но Джейми это уже не интересовало.

Он ударил капитана в челюсть, а потом в нос, отчего тот должен был если не умереть на месте, то по крайней мере остаться калеккой на всю жизнь. С ним нужно было посчитаться во что бы то ни стало, пусть даже для этого придется умереть, но это будет смерть за смерть, кровь за кровь. Враг повержен, но его нужно уничтожить, убить, стереть с лица земли, так, чтобы слышать хруст его костей и чувствовать на руках его кровь. Господи Боже, и ты, святой Михаил, помогите отомстить!

Его оттаскивали и пытались сдержать, но он дрался как лев, пока вконец не обессилел и не понял, что его сейчас будут убивать. Это было неважно, все было неважно, кроме того, что Клэр мертва... Он упал, забился и затих.

Следующий удар заставил его потерять сознание.

Джейми пришел в себя, только когда по его лицу зашарили руки. «Англичаночка, вот ты где, – подумал он, – а я так долго тебя искал...» Но когда он взял предполагаемую англичаночку за руку, он дотронулся до...

– А-а-а-а!

Лучшего средства привести больного в чувство не было: волосатый паук, путаясь в огненно-рыжих волосах, убегал в кусты, будучи испуганным так же, как и сам Джейми.

Хихиканье заставило его обернуться. Джейми обмер, но развернулся резко, надеясь напугать неведомого противника, но кроме ребятишек, сидевших на дереве, рядом никого не было. Малыши вшестером висели на ветках, скаля темные от табачной жвачки зубы.

Джейми решил приветствовать их учтиво, насколько это было возможно с его подгибающимися коленями, и попытался неловко поклониться.

– Mesdemoiselles, messieurs, – заговорил он отчего-то по-французски.

Вполне возможно, что они галдели именно на этом языке, и он подсознательно отметил французскую речь на этих землях.

Они и впрямь затарахтели по-французски, но со странным, креольским, акцентом.

– Vous êtes matelot?^[15] – этот вопрос был задан самым рослым ребенком, с интересом таращившимся на него.

– Non, je suis guerrier^[16], – признался Джейми, говоря с трудом из-за мучившей его жажды.

Трещавшая башка никак не могла подбросить сколько-нибудь приличного объяснения тому, как он очутился здесь. Где он? Кто эти дети? Что с ним было? Где Клэр? Обрывки мыслей и воспоминания, появлявшиеся в мозгу, только запутывали его.

– Ты солдат? – не поверил черноглазый мальчонка. – А где же шпага и pistola? Без этого ты не можешь быть солдатом, – справедливо рассудил он, изумившись тому, с какой наглостью Джейми называет себя солдатом без должных на то оснований.

– Прекрати, дурак. Ты слишком наивный. Подумай сам, как бы он плыл с pistola? Оружие тяжелое, оттянул бы на дно. А ты дурак, набитый дурак, и вместо головы у тебя гуайява, – одернула его старшая девочка.

– Замолчи немедленно! – вспыхнул гуайявоголовый.

– Навозная рожа!

– Кишки от лягушки!

– Башка с какашками!

Начавшаяся кутерьма с лазаньем по веткам дала Джейми возможность осмотреться. Дети бегали по ветвям, словно обезьянки по пальме. Старшая девочка посмотрела на шотландца, и он поманил ее к себе:

– Мадемуазель!

Она, висевшая на ветке вместе со всеми, легко отпустила ветку и упала на землю, как падает спелый фрукт. Ввиду теплой тропической погоды она была без обуви и в одной рубашонке из муслина. Черные красивые кудри покрыла косынка.

– Monsieur?

– Вы здраво рассуждаете, как я заметил. Не будете ли вы любезны подсказать бедному путнику, куда он попал?

– Это Кап-Аитьен, – с готовностью выпалила она, нисколько не боясь солдата без pistola. – Ха, как вы смешно говорите!

– А вы подскажите мне, где найти здесь воду? Мне страшно хочется пить.

Кап-Аитьен находился на острове Эспаньола. Как же он сюда попал? В мозгу запечатлелись обрывки воспоминаний: вот он пытается удержаться на пенных волнах, но это плохо удастся, вот бушующее море, грозящее утопить его, вот проливной хлещущий дождь.

– Сюда, monsieur, сюда!

Девочка уже тянула его к источнику.

Джейми встал на колени у воды, умылся, плеснув горстью в лицо, и набрал манящую влагу в пригоршни. Дети, не обращая более на него внимания, бегали по скалам и бросались глиной.

Одноглазый моряк, напуганный капитан Леонард, кровь на руках и рукаве Monsieur – все это постепенно складывалось в единую картину.

Клэр. Память несла воспоминания, а они пробуждали чувства, с ними приходила радость и наваливалась тоска. Ребяшня, заметив, что солдат напился и вперил взгляд в одну точку, затормошила его, задавая вопросы, но Джейми услышал далеко не первый из них.

– Вы дезертир? Оставили войско? А вы воевали?

Паренек уставился на руки шотландца с саднившими сбитыми костяшками и на пальцы, вновь сломанные.

– Да... – Что ж, можно было и так сказать.

Должно быть, корабль попал в ужасный шторм, потому что ветер почти срывал снасти и оглушительно завывал в парусах, мощный корпус «Дельфина» раскачивало как игрушку, а звуки бури долетали даже до темницы, где Фрэзер выл от тоски, оплакивая Клэр.

Организм взял свое, и через какое-то время Джейми снова мог слышать и ощущать, соображая, что это воет налетевшая буря, а не он сам – до этого звуки фиксировало только его подсознание.

Там, где он находился, было очень тесно и темно, так что его бросало качкой от стенки к стенке, подобно тому как дети перекачивают горох в погремушке. Все желания и все стремления, которые у него оставались, – умереть да поскорее.

Едва сознавая себя, Джейми почуял, как пахнет козами, и увидел краем глаза, что свет проникает в открытую дверь. Женщина зачем-то потащила его наверх, – сам он идти не мог – вытащила его на верхнюю палубу, вероятно, желая утопить, и все время что-то приговаривала. Что это были за слова, он не знал, храня в памяти только две английские фразы: «Она

быть не мертвый, она идти туда. И ты тоже идти, искать ее!» Пахнувшая козами женщина говорила на ломаном английском и указывала на море, стоя у кормы, затем она схватила его за ногу, толкнула плечом под ягодицы и таким образом перебросила за борт.

– Вы не похожи на англичанина. А корабль какой, английский?

Мальчонка ткнул пальчиком в сторону «Дельфина», стоявшего на якоре у входа в бухту. Здесь были и другие суда, но они находились дальше от берега. С холма, где стоял Джейми, можно было прекрасно озирать бухту.

– Да, ты прав, корабль английский. А что?

– О, я победил! Вот здорово! Корабль ан-лий-ский!

Парень пихнул друга.

– Слышишь, Жак? Я угадал! Месье говорит, что корабль английский, так что счет четыре-два, ты проигрываешь.

– Ничуть, в этом месяце счет четыре-три, потому как я угадал испанский и португальский корабли, – запальчиво доказывал свою правоту другой мальчик, приведя такой аргумент: – «Бруха» ведь была португальской, а угадал ее я!

Джейми потянул за рукав угадавшего «Бруху».

– Pardon, monsieur. «Бруха», вы говорите о ней. Она когда-то была здесь?

– Ну как же, на прошлой неделе. Ведь правда, мы угадали, что это португальское название? Или все-таки испанское?

– Не знаю, не знаю, – срезала их девочка, – матросы, заходившие к тамап в таверну, говорили по-испански. Но дядюшка Геральдо говорит на этом языке малость по-другому.

– Chèrie, мне не мешало бы поговорить с твоей тамап, чтобы кое-что узнать о кораблях – я ими, видишь ли, тоже интересуюсь. Значит, «Бруха» была здесь? А куда она делась потом? Куда уплыла?

– Она отправилась в Бриджтаун. – Старшей девочке льстило внимание Джейми, и она вновь привлекла его. – Об этом говорил гарнизонный писец.

– Какой писец?

– Гарнизонный. Перед таверной размещаются казармы, – вмешалась девочка помладше. – Капитаны приносят туда судовые документы, а матросы в это время пьянствуют у тамап. Идем же, попроси тамап, пусть даст поесть.

Значит, матушка у них одна на всех, а таверна приносит прибыль, если даже дети знают в деталях, что делают команды многочисленных кораблей, приходящих на остров.

– Сдается мне, что тапан и на порог меня не пустит: я похож на бродягу или на пирата.

Джейми почесал заросший подбородок и с раздумьем оглядел свою одежду, хранившую следы крови и рвоты. Зеркала у него не было, но он чувствовал, что все лицо исцарапано и избито.

– Не волнуйся, пустит, здесь всякие бывали, – заверила малышка.

Спускался Джейми небыстро, а вот дети кубарем катились с холма. Занемевшие члены не спешили его слушаться, но то, что малыши решили отвести чужого дядьку, солдата-самозванца, к тапан, трогало и радовало.

Но что же говорила та женщина с козами? Чтобы он шел вслед за Клэр и нашел ее? Нашел где? Значило ли это, что Клэр – чем черт не шутит – следует искать на этом острове, что она добралась до него вплавь? Эта робкая надежда влилась в его сердце, как вода из островного ручейка. Его жена – большая упряmica, и она очень смелый человек, временами безрассудный, но точно не глупый: вряд ли бы она стала топиться с горя.

А если рядом «Бруха», значит, Эуон тоже там! Найти обоих разом – какая удача! И хотя Джейми был сейчас босым, нищим и его преследовал капитан Леонард и весь английский флот, он был счастлив, потому что стоял, пусть и не крепко, но двумя ногами на земле, был жив и здоров, и поэтому считал все на свете осуществимым.

Глава 52

Свадьба

Мы должны были починить «Артемиду» как можно быстрее, чтобы плыть на Ямайку. Я всячески пыталась убедить себя, что с Джейми все в порядке, что он в безопасном месте, но от волнения не могла есть в течение двух дней.

Общаясь с Марсали, чтобы развеселить ее и себя, я познакомила ее с отцом Фогденом, с которым девушка поделилась рецептом выведения клещей у овец, каковым пользовалась ее матушка в Шотландии.

Я собирала лекарственные травы в джунглях, дивясь разнообразию местной флоры и фауны. Штерн, вызвавшийся помочь в смолении корпуса корабля, просил меня принести какой-нибудь экземпляр Arachnida, проще говоря, поймать паука. Мне абсолютно не хотелось иметь дела ни с какими пауками и тем более не хотелось брать их в руки, если уж на то пошло, но я честно высматривала пауков пострашнее, выполняя просьбу. Здесь, в джунглях, мир был полон разнообразия: бромелиевые растения с собранной в чашечки водой, яркие лягушки и, конечно, пауки поражали воображение, представляя неведомое нам.

На третий день я презентовала Штерну тарантула, которого поймала в матросский колпак. Внушительных размеров паук был достаточно волосат, чтобы понравиться натуралисту и напугать меня, несущую колпак в вытянутой руке и боязливо косясь на него, однако же одним им дело не ограничилось: я принесла еще корни лилейника, трутовые грибы и редкий вид мха.

Матросы старались на славу, и прогресс был виден налицо: «Артемид» постепенно поднималась с песка, пока еще с помощью веревок и клиньев. Процесс был приправлен смачными криками.

– Скоро сможем отправиться в путь? – адресовала я вопрос Фергюсу, выполнявшему обязанности капитана, крича и указывая остальным, как и куда вставлять клинья.

– Полагаю, что да, миледи. Смотрите сами: дно просмолили и законопатили. Теперь нужно ждать, пока затвердеет смола, но это будет когда похолодает. Мистер Уоррен считает даже, что это будет нынче вечером.

– Вот и хорошо. А что с парусами? Есть запасные?

Мачты были еще голыми, и это плохо влияло на восприятие

«Артемиды» как парусного судна.

– О да, все есть, кроме...

Фергюс осекся на полуслове, услышав условный сигнал Маклауда, оповещавшего о тревоге, и выпучил глаза на происходившее за моей спиной. Обернувшись, я увидела, что по дороге, обсаженной пальмами, идут пешие вооруженные солдаты и едут конные.

– Солдаты!

Фергюс шлепнулся с помоста на землю, взметнув фонтан песка, и стал раздавать команды:

– Миледи, бегите в лес! Марсали, ты где?

Он лихорадочно бегал глазами по нам и по солдатам.

– Марсали, черт возьми!

Девушка появилась из-за корпуса корабля, где, верно, спряталась или что-нибудь рассматривала.

– Дуй с миледи в лес!

Мне не требовалось повторять: как и тогда, на «Артемиде», теперь поверженной, я схватила ее за руку, увлекая за собой и буквально таща, когда она остановилась поглядеть на своего французика.

Нам вслед раздавались крики и выстрелы.

Через два десятка шагов мы были уже в джунглях. Колючий кустарник оцарапал нас, но мы едва чувствовали это, зато я ясно ощущала, как колет бок – свидетельство того, что мой возраст и физическая форма не позволяют мне так бегать. Марсали, рыдая, упала на колени.

– Как же... Что... теперь? Кто... они? А Фергюс?..

– Я не знаю, девочка.

С помощью молодого кедра я поднялась, пока только на колени, потому что было тяжело встать, во-первых, а во-вторых, чтобы не выдать нас шевелением. Сквозь подлесок было видно, как солдаты идут к «Артемиде».

Там, где мы были, было довольно сыро, но моя глотка разом лишилась слюны, так что пришлось покусать себя за щеку.

– Будем надеяться на лучшее.

Я потрогала девушку за плечо, пытаюсь успокоить ее.

– Гляди, их же не так много, как могло бы быть, – всего десять. Кстати говоря, нам нечего бояться еще и потому, что по бумагам «Артемиды» записана как французский корабль, так что проблем быть не должно.

Строго говоря, Марсали волновалась не зря: корабль, выброшенный бурей, был законной добычей всякого, кто первым найдет его, а наша команда была слабой защитой, если солдаты во что бы то ни стало

вознамерились захватить «Артемиду».

Некоторые наши моряки носили пистолеты за поясом, но по преимуществу оружием команды «Артемиды» были ножи. Солдаты же – я видела это – были вооружены мушкетами и шпагами, а в руках у каждого было по паре пистолетов. Исход битвы предreshен, хоть наши и будут геройски сражаться.

Фергюс, как настоящий капитан, решил принять бой и встал впереди команды, выпрямившись во весь рост. Все встали сзади, соглашаясь с его лидерством. Упряжь скрипела уже совсем близко, копыта ступали по песку – солдаты подошли вплотную к кораблю.

Их командир, рослый мужчина, приказал им остановиться в десяти футах от почти безоружных людей с «Артемиды» и спешил.

Я следила прежде всего за реакцией Фергюса, могущей мне рассказать, чего ожидать от солдат и смогут ли наши моряки противостоять им. Француз неожиданно побледнел, и я проследила направление его взгляда – и тоже побледнела.

– Silence, mes amis, – прозвучал повелительный и в то же время любезный голос командира. – Silence, et restez, s'il vous plaît.

То есть «Друзья, молчите и не двигайтесь, пожалуйста».

Я и так стояла на коленях, и это облегчило меня еще больше, иначе бы я точно упала на них. Хвала небесам!

Марсали, увидев командира, охнула, тогда я зажала ей рот.

Командир солдат обнажил голову, отчего на солнце заиграли блики в его рыжей шевелюре, и улыбнулся Фергюсу волчьим оскалом.

– Это ты командир? Тогда пойдешь со мной, – зазвучала французская речь. – А все остальные стойте здесь. И не болтайте!

Марсали попыталась высвободиться из моей железной хватки.

– Прости.

Мы во все глаза смотрели на берег.

– Что у них там творится?

Бледность, вызванная возбуждением, сделала заметными веснушки на ее носу.

– Откуда здесь папа?

– Не знаю, помолчи, пожалуйста! Дай послушать.

«Артемидяне» стали переглядываться, качать головами и пихаться локтями, но честно молчали. Должно быть, со стороны это выглядело как страх, по крайней мере я на это надеялась.

Джейми отвел Фергюса в сторону и тихо дал устные распоряжения, после чего недовольный француз вернулся к кораблю, а Джейми собрал

солдат вокруг себя.

Из джунглей я, конечно, не могла слышать слов Джейми, но Фергюсовы разбирала хорошо.

– ...солдаты из гарнизона Кап-Аитьен и их капитан Алессандро...

При упоминании этого имени он значительно вскинул брови и сделал страшные глаза, а после продолжил:

– ...обещают нам помочь спустить корабль на воду.

Несколько матросов крикнули что-то наподобие «ура!», остальные же недоумевали и терялись в догадках.

– А как же мистер Фрэзер...

Ройси, славившийся у нас тугодумием, начал было размышлять вслух, на что Фергюс решительно пресек подобные поползновения, обняв его и направив к помосту.

– Смотри, как нам повезло! – возопил он, дергая дурака за ухо. – Капитан Алессандро рассказал, что местный житель увидал, что мы в беде, и послал нам на выручку гарнизонных ребят. Вот хорошо-то как – быстрее спустим на воду, быстрее отчалим!

Когда Ройси малость сообразил, что к чему, и не смог бы болтовней выдать Джейми солдатам, Фергюс отпустил его и скомандовал остальным:

– Давайте, ребятки, поднатужьтесь еще чуточку! Скоро конец вашим мучениям. Манцетти, живо за работу! Маклауд, Макгрегор – за молотки! Мейтленд...

Юнга смотрел на Джейми в образе капитана Алессандро так, будто увидел по меньшей мере Иисуса. Француз треснул его на спине и попросил:

– Дитя мое, Мейтленд, mon enfant. Спой-ка нам песенку.

Парень, не очень разделяя оживление Фергюса, запел «Девушку с каштановыми волосами».

– Подтягивай! – разозлился француз на недотеп.

Кок с удовольствием присоединился к певшим, добавив свой хриплый бас в общий хор, находя в этой кутерьме нечто забавное.

Заправлявший всем Фергюс намеренно привлекал к себе внимание, чтобы никто не смотрел в сторону Джейми, занятого своими делами. Молотки стучали, заглушая слова Джейми, отдававшего приказания солдатам.

Как я и предполагала, солдаты были не прочь поживиться тем, что было на корабле, и бросали на «Артемиду» такие взгляды, из которых явствовало, что только присутствие Джейми удерживает их от разграбления судна. Глядя на них, не очень верилось в заверения Фергюса, что помощь

потерпевшим кораблекрушение – исключительно их добрая воля.

Тем не менее солдаты активно помогали матросам, прикладывая, где это требовалось, свою силу. Оружие и одежда были сняты и отложены в сторону, но трое солдат вообще не принимали ни в чем участия, а несли караул при полном вооружении. От их взглядов не укрывалось ни одно движение моряков. Джейми тоже не помогал матросам, а наблюдал за тем, что происходило на корабле и у корабля.

– Может быть, мы выйдем уже отсюда? – предложила Марсали. – Ведь все хорошо.

– Нет, сиди пока! – приказала я.

Джейми, за которым я теперь наблюдала из зарослей, стоял в тени пальмы. Мне не были видны его глаза, а губы пряталась в непривычной для меня бороде, но негнущиеся пальцы нервно стучали по бедру.

– Не стоит пока выходить, твой папа волнуется.

Всю вторую половину дня мужчины чинили корабль, а мы с Марсали сидели в укрытии. Фергюс охрип и вымок от пота, непрерывно раздавая распоряжения, а матросы хмуро смотрели на капитана Алессандро, давно перестав петь. К нам, спрятанным в лесу, подходили только стреноженные лошади, ищущие траву. У корабля уже лежали обрезки бревен, с помощью которых нужно было спустить судно; дерево пахло смолой.

Еще к кромке деревьев, где мы скрывались, подходил часовой с мушкетом, настороженно всматриваясь в зелень джунглей. Я видела темные сальные завитки его волос и оспины на лице, но не могла пошевелиться, чтобы не привлечь его внимание. Его амуниция, не очень чистая, звенела при ходьбе, а у одной шпоры отлетело колесико. Он тяготился своей службой и был бы рад выстрелить сдуру в кусты, если бы заметил меня там.

Лесные мошки ели нас поедом, но делать было нечего – мы были вынуждены молча сидеть и ждать, поскольку не могли принимать участия в мужских делах этого рода. Спустя время Джейми мотнул головой караульному, объясняя, что идет оправиться. Я тоже подала условный знак, но только не ему, а Марсали, и поспешила туда, где он должен был остановиться.

Ни сучья, хватавшие меня за волосы, ни листья, лезшие в лицо, не остановили меня, и я появилась на полянке тогда, когда Джейми уже подтягивал штаны. Заслышав шорох, он мгновенно обернулся, а узнав меня, вскрикнул. Сила его крика была способна воскресить Арабеллу, поэтому часовой не замедлил появиться на крик.

Он тоже издавал возгласы и топотал, так что мне не составило труда

спрятаться надежно и быстро.

– C'est bien! Ce n'est qu'un serpent^[17], – успокоил Джейми бдительного караульного.

Тот, говоря не на чистом французском, уточнил, ядовита ли рептилия.

– Non, c'est innocent^[18], – соврал муж. Хотя если учесть, что змеей была я...

Часовой с опаской поглядел по сторонам, а поскольку змеи на месте не оказалось, он не стал разыскивать, куда она делась. Обрадованный Джейми вернулся ко мне в кусты.

– Клэр!

Сила его возгласа равнялась силе его объятий, хотя что касается последних, то я могла бы поспорить. Придавив меня, он начал трясти мое грешное тело.

– Проклятье! – прошипел он. – Я уже похоронил тебя! Какого черта ты сигаешь с борта корабля среди ночи? Ты рехнулась, англичаночка?

– Слушай, кто здесь полоумный? Какого лешего ты потащился за мной? Ты что, влез на «Дельфин»? Сумасшедший... Быстро отпусти меня!

Из-за того, что Джейми бешено тряс меня, я прикусила губу.

– Какого лешего? Она еще спрашивает! – побагровел он. – Ты моя жена, этого никто не отменял. Я переживал за тебя. А ты почему меня не подождала? Кабы у нас было больше времени...

Эта фраза, сказанная по другому поводу, напомнила ему, что он не располагает временем в достаточной степени, чтобы воспитывать меня так, как ему хочется. Я не стала вываливать Джейми на голову все, что я о нем думала, и ограничилась только вопросом:

– Какого хренова черта ты здесь?

Улыбка исчезла в бороде.

– Вообще-то я капитан, если ты не поняла.

– О да, капитан Алессандро! Что за ересь, а? Что у тебя на уме?

Джейми еще раз тряхнул меня, а вернее будет сказать, тряхнул мной, потому как эта встряска была очень сильна, и уставился на Марсали, к тому времени добравшуюся до местонахождения Джейми.

– Сидите здесь, и ни шагу дальше, иначе не посмотрю, что вы барышни, и задам обеим порку.

Он исчез, не дав нам ни согласиться, ни оспорить распоряжение.

Мы с девушкой еще недоумевали, а Джейми вернулся, запыхавшись. Он притянул меня к себе за руки и поцеловал недолгим, но основательным поцелуем.

– Запомню: я тебя люблю. – Чтобы я лучше уразумела, он снова потрянул меня. – Очень рад, что ты выжила и все в порядке, да только не повторяй такого!

Исчезнувший Джейми сделал меня счастливейшим человеком.

Марсали же округлила глаза и спросила:

– Что у папы на уме?

– Кабы я знала, девочка.

К волнующему прикосновению губ Джейми добавилось новое, доселе неизведанное ощущение – касание бороды и усов.

– Я понятия не имею, что он хочет сотворить на этот раз, но знаю только, что нам ролей в этом спектакле не отвели, так что будем сидеть и ждать.

Ждали мы долго, причем так долго, что я уже уснула, и Марсали разбудила меня.

– Матушка, корабль на воде! – услышала я жаркий шепот в ухо.

Все солдаты, даже те, кто был вооружен и караулил, и моряки, включая Фергюса, Иннеса и Мерфи, тащили веревки и совали катки под «Артемиду», сползавшую на воду.

Багровеющий солнечный диск садился в море. На его фоне люди казались безликими черными силуэтами, как какие-нибудь древнеегипетские рабы.

Боцман все время призывал тянуть, но однообразие его восклицаний нарушилось: люди одобрительно закричали при виде того, как канаты дотащили корабль до воды и «Артемиду» скользнула на воду.

Взметнулась шевелюра Джейми, а за ней заблестел металл – на борт поднялись солдаты. Не могу сказать, чтобы в этот миг во мне не зашевелились недобрые предчувствия: все-таки он был так далеко и один, а они вооружены. Шлюпка с французами достигла борта, и люди высыпали на веревки. Джейми и караульный наблюдали.

Когда последний солдат влез на борт «Артемиды», команда замерла в ожидании, но на корабле молчали.

– Да что там, в конце концов!.. – нетерпеливо бросила Марсали. Она пыхла, и я тоже задерживала дыхание от обуревавшего меня волнения.

На корабле закричали. Моряки в лодках подались вперед, но «Артемиду» не давала сигнала для этого. Корабль покачивался на волнах, как качаются судна на картинах маринистов.

– Ну все, мне надоело, – заявила я, – идем. Надоело сидеть в засаде. В конце концов «Артемиду» уже на воде, так что нам ничего не страшно. Проклятый сумасброд!

Наступил вечер, а с ним на землю опустились прохлада и сумрак. Марсали увязалась за мной. Мы уже прошли довольно большое расстояние от джунглей до воды, когда увидели, что по берегу к нам кто-то бежит, поднимая брызги.

– Дорогая!

Это был Фергюс, обхвативший Марсали и поднявший ее на воздух от избытка чувств.

– Все в порядке! Мы провернули и это дельце благодаря милорду! Они связаны по рукам и ногам и смирнехонько сидят в трюме!

Он отпустил девушку, только когда поцеловал, а мне изысканно поклонился, сделав вид, что снимает шляпу, и проговорил:

– Миледи, капитан «Артемиды» просил передать, что оказывает вам честь и просит отобедать с ним.

Джейми – новый капитан «Артемиды» – находился в своей каюте. Увидев, что он, гол как Адам, и держит руку на промежности, почесывая ее, я невольно воскликнула:

– Вот это да!

Глаза Джейми засветились радостью узнавания и вожделения. Я повисла у него на шее, уткнувшись в волосы на груди.

Мы молчали, не будучи в силах говорить.

Над нами топотали матросы, проверяя крепость палубы, слышались приветственные и хвалебные возгласы, скрипели снасти и поднимались паруса.

«Артемиды» была готова к отплытию. Наконец-то!

Он колот бородой мое лицо, а я невольно задумалась: там, наверху, люди заняты делом, а мы здесь обнимаемся полуголые. Сутану отца Фогдена после сидения в джунглях можно было рвать на тряпки.

Джейми прижимал меня и прижимался ко мне сам, но у меня складывалось удивительное впечатление: тело было его, а вот насчет лица я сомневалась. Вряд ли этакая рыжая бородаща может быть лицом моего Джейми. К тому же от него и пахло по-другому – не только мужским потом, запах которого мне нравился, но и прогорклым маслом и приправами, а также чьими-то духами. В который раз он удивлял меня.

Я выбралась из его объятий и робко предложила:

– Не хочешь ли одеться? Мне, конечно, и так нравится, но все-таки. А борода... хм, тоже интересно.

– Хочу, но не могу: все чешется из-за вшей.

– Ох!

Pediculus humanus, была привычным спутником людей во всех

путешествиях восемнадцатого века, но мне, ребенку двадцатого, посчастливилось общаться с ней не так близко, так что мне уже представлялось, что вши перепрыгнули и на меня и теперь копошатся в моих волосах.

Джейми показал зубы в улыбке.

– Не дрейфь, англичаночка, скоро принесут бритву и горячую воду.

– А ты уверен? В смысле, бороды не жалко?

Я все же не удержалась и взглянула поближе, хотя и боялась вшей.

– Смотри-ка, она рыжая, как и все остальное, но немного другого оттенка. Выглядит очень красиво.

Я даже коснулась его бороды. Удивительно, но она была жестче, чем другие волоски на голове и теле Джейми, и она вилась сильнее, выскакивая из кожи натуральными пружинками самых различных цветов и оттенков – меди, золота, янтаря, меда и темно-коричневой черноты. От губы к подбородку тянулась серебристая полоса.

– Ух ты, – пробежала я по ней пальцами. – Голова рыжая, а борода седая. Стареешь, Джейми!

– Да?

Он пощупал рукой указанное мною место, и я догадалась, что у него давным-давно уже не было зеркала, поэтому он не видит себя. С ухмылкой Джейми потянулся за одеждой.

– Нашла чему удивляться. Дивись лучше тому, что я за этот месяц не побелел как лунь. – Он помолчал. – Я тебе сказал уже в лесу...

– погоди, скажи лучше, что с ними? С теми гарнизонными солдатами?

– А что им сделается? – Он ощупал бороду. – Я обманул их, если уж на то пошло: сказал, что спустим корабль на воду, а потом влезем на палубу и повяжем команду, запихнем матросов в трюм.

Джейми заулыбался удачной шутке.

– А на деле вышло все по-другому, ты видела – это их повязали. Я приспособил наших ребят так, чтобы они заламывали руки каждому ступавшему на борт. Их, конечно, разоружили, теперь они сидят в трюме. Все.

Подытожив, он пожал плечами:

– Ну ладно, скажи мне другое – как ты...

В дверь осторожно постучали:

– Мистер Фрэзер? Простите, капитан.

Мейтленд принес воду в лохани, разогретую до такой степени, что над ней подымался пар.

– Мистер Мерфи желает вам всего наилучшего, посылая эту воду.

– О, обращение «мистер Фрэзер» меня вполне удовлетворяет, – заверил Джейми. – Я не очень хороший моряк, хоть и в чине капитана.

Он взял лохань одной рукой, держа в другой бритву.

– Ну хорошо, коль уж я капитан, стало быть, я решаю, когда отчаливать кораблю?

– Конечно, сэр, это одна из обязанностей капитана. А еще капитан решает, стоит ли увеличивать порции еды и питья, – хитро добавил юнга.

– А-а, – уважительно протянул Джейми, обрадованный такой властью. Он не скрыл улыбки и уточнил: – Скажи-ка, Мейтленд, сколько нужно выпить матросу, чтобы не опьянеть вконец и держаться на ногах?

– О, приличное количество алкоголя, сэр. Если вы о том, насколько увеличить порции, то можно дать двойную порцию сверх нормы на нос.

Джейми уверенно сказал:

– Бренди.

– Нет, что вы, сэр! Только грог, потому как если дать столько бренди, все будут валяться в трюмах. Бренди крепок, его можно разве что полпорции.

– Тогда двойной грог, пожалуйста. – Совершенно голый Джейми наклонил голову в почтительном жесте. – И еще: пока мы не кончим ужинать, не отплывать.

– Хорошо, сэр. – Юнга тоже отвесил поклон. – Когда отправимся в путь, вам следует прислать китайца?

– Да, и я буду не против, если это произойдет немножко раньше.

Мейтленд с завистью оглядел шрамы Джейми и собирался было идти, но я попросила:

– Мистер Мейтленд, еще кое-что.

– Да, мэм?

– Попроси еще у мистера Мерфи уксусу, да самого крепкого. И если мои снадобья остались в саквояже, пришли и его.

Юнга наморщил лоб, запоминая распоряжения и слегка удивляясь им.

– Хорошо, мэм. Будет сделано.

Не успел юнга уйти, как Джейми уже вопрошал:

– Англичаночка, а к чему тебе уксус, хотел бы я знать?

– Как же, чтобы выкупать тебя в нем. Я ведь не желаю спать со вшивым шотландцем.

– М-м-м, – изрек Джейми, елозя по грязной шее. – Ты хочешь со мной спать и прямо сейчас?

Он с сомнением посмотрел на узкую койку.

– Да, я собираюсь с тобой спать. Условия, конечно, те еще, но меня это

не остановит.

Наклонившись к лохани, я прибавила:

– И к тебе у меня тоже просьба – не брейся.

– Это еще зачем?

Он покосился на меня, и я покраснела, подбирая слова.

– Э-э... затем что... это по-другому.

– Да?

Зардевшись, я глядела, как он подступает ко мне. В это плохо верилось, но здесь, в каюте, Джейми показался мне еще более огромным и голым, чем когда-либо. Прищурившись, он стал расспрашивать:

– Что ты имеешь в виду?

– Это трудно объяснить... – Я смешалась. – Смотри, когда ты меня целуешь и я чувствую твои усы, это очень интересно... и приятно. Совсем другие ощущения.

Он взглянул на меня, приблизив себя еще, но не двигаясь.

– Англичаночка, у тебя замечательная кожа. Везде. Ты об этом сейчас думаешь, ты это хотела сказать?

Джейми провел по моему подбородку пальцем, очерчивая его, затем повел рукой по шее, прошелся по ключице и наконец принялся водить по верхней части моих грудей, ощущая их нежность под тканью сутаны.

– Жемчуг и опалы – вот такая у тебя кожа. Знаешь об этом?

Мне пришлось облизать губы, но взгляд Джейми я выдержала.

– Догадываюсь...

Убрав палец, он бросил взгляд на лохань, принесенную Мейтлендом.

– Не хочется зря растрачивать воду. Как думаешь, как лучше поступить: сказать сварить суп или просто выпить?

Смех разрядил обстановку.

– Я думаю, что все-таки стоит вымыться. А то запах от тебя такой, словно ты жил последние несколько дней в борделе.

– Странно, если бы это было не так: над таверной как раз размещается бордель. А внизу солдаты выпивают и играют в кости.

Джейми потянулся за мылом.

– Ты хочешь сказать, что бордель находится на верхнем этаже?

– Ну да. Временами девушки сами спускаются вниз. А прогонять их тоже нехорошо – солдатам приятно, когда кто-то сидит у них на коленях.

– Хорошими манерами ты, наверное, обязан маме, – колко заметила я.

– Кстати говоря, я думал, что можно будет встать на якорь на ночь, прямо здесь.

Что-то неуловимое мелькнуло в его глазах, и я удивилась:

– Даже так?

– Да. Будем ночевать на берегу. Только бы найти место...

– Какое место? Тебе что, каюты мало? Что ты опять затеваешь?

Познания Джейми в устройстве местного борделя начали меня злить.

– Я давно это затевал.

Джейми начал умываться.

– Что значит «давно»? – не унималась я, подозревая его во всех смертных грехах.

Он утерся ладонью, но на бороде все равно остались мелкие капельки.

– «Давно» – это значит несколько месяцев, столько, сколько мы плывем, англичаночка! – воскликнул он. – Я постоянно, каждую ночь, представлял себе, пытаюсь не слышать храпа и пуканья Фергюса, думал о том, как это будет! Когда ты была у меня в руках, голая и готовая, и когда бы не эта бесконечная качка, не эта узкая койка, я бы... О, я бы много чего сделал!

Переведя дух, он взялся за мыло. Ожесточение, с каким Джейми мылил себе лицо, указывало на то, что он воодушевлен, возбужден и слегка зол.

– Считай, что я уже готова. Место, думаю, найдем, – включилась в игру я. – Насчет наготы...

– О, насчет этого, англичаночка, не беспокойся. Предоставь это дело мне. Это, к слову, часть моего плана. Положим, я расстелю одеяло и сяду рядом с тобой. Начнем с этого.

– Так, положим, что так. А что же будет дальше?

Я послушно села на одеяло. Джейми игриво куснул мочку моего уха.

– Дальше ты сядешь мне на колени, а я тебя поцелую.

Он проиллюстрировал это, так крепко взяв меня в объятия, что я не смогла пошевелиться, и оставил на моих губах вкус своих губ, мыла и эля.

– Неплохо. – Я утерла пену. – А дальше, что же дальше?

– А потом я воспользуюсь одеялом в полной степени – уложу тебя на него, возьму твои волосы в ладонь – соберу все! – и пройду губами по твоему лицу, по глазам, по горлу и груди. И так до тех пор, пока ты не начнешь повизгивать.

– Что за глупости, я никогда так не делаю!

– Поверь мне, англичаночка, что повизгиваешь. Дай мне полотенце. Потом... – мечтательно продолжил он, в то же время пытаюсь не спугнуть мое желание, – потом я начну заниматься другими частями твоего тела, то есть влезу тебе под юбку и...

Продолжение речи прервалось полотенцем, которым Джейми принялся

утирать лицо.

– И что сделаешь? – слабо произнесла я.

Видимо, он сам еще не знал, что бы ему хотелось сделать, но нашелся и предложил:

– И начну целовать тебя между бедрами. Там, где кожа самая нежная. Можно и бородкой пощекотать, если не против, а?

Я была не против, но отозвалась сдавленным от волнения голосом:

– Договорились. Ну а мне что делать все это время?

– Тебе что делать? Ну, ты можешь немножко постонать, тогда я буду более страстным, но вообще ты должна лежать и наслаждаться.

Что до страстности, то ее Джейми было не занимать: одна его рука уже лежала на моем бедре, лаская его, а второй он обтирал мокрую от воды грудь, правда, и она отправилась вслед за первой, когда он кончил утираться.

– «Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви»^[19], – проговорила я фразу, пришедшую на ум и как нельзя лучше соответствовавшую ситуации.

Джейми блеснул зубами, казавшимися еще белее на фоне рыжей бороды.

– Нет, скорее грейпфрут, а не яблоко, – своеобразно переложил он слова Святого Писания, чтобы передать впечатление от моих ягодич. – Хотя нет, все-таки не грейпфрут, он слишком мал, а тыква.

– Какая еще тыква? Спятил? – обиделась я.

– Натуральная тыква, здоровая, на солнышке долго лежала, – не растерялся Джейми и отмахнулся: – Давай дальше.

Стиснув на прощание мою ягодичу, его рука убралась ополаскивать подмышку.

– Так вот, о чем бишь я... Лягу-ка я на спину, а ты сверху, во всю длину, чтобы можно было потискать твои тыковки как полагается.

«Как полагается» означало такую сильную ласку, что я закричала. Но вредный шотландец не останавливался и расширил круг моих возможностей:

– Коль ты захочешь подрыгать на мне ногами, покачать бедрами, эдак похотливо, или даже попыхтеть мне в ухо – пожалуйста, позволяю, делай на здоровье.

– Что-о? Пыхтеть? Этого еще не хватало!

– Да, ты права, мне всегда этого не хватает, когда ты так делаешь. А ты так делаешь, – прибавил он, видя мою закушенную губу.

– Ну а с твоими грудями...

– Ого, я было подумала, что ты забыл о них!

– Ну что ты, англичаночка, когда со мной такое было? Так когда я стяну с тебя платье и на тебе останется только сорочка...

– А на мне ее нет, вот так.

– Это куда ни шло. Словом, я хотел сказать, что через хлопковую рубашку буду посасывать твои груди, ожидая, когда твои соски затвердеют у меня во рту, а затем сниму и хлопок, но коли его нет... Тем лучше, тогда они не только затвердеют, но и ты начнешь стонать, я так думаю.

– Ты неправильно думаешь...

– Все правильно, не сбивай меня. Когда план будет выполнен наполовину, то есть ты будешь обнажена и, должно быть, готова с моей помощью к более решительным действиям, я...

– Как, всего лишь «должно быть»?

В течение рассказа Джейми я не раз судорожно сглатывала и сжимала колени.

– ... я разденусь сам, разведу твои ноги пошире и...

– И? – выдохнула я.

Джейми оскалился.

– И тогда я расскажу тебе наутро, какие звуки ты издавала.

Стоявший в дверях человек прокашлялся.

– Извини, мистер Уиллоби, я думал, ты придешь позднее. Но все равно рад. Тебе стоит пойти в кухню поискать что-нибудь съестное, если голоден. А если пойдешь, будь любезен, захвати с собой эти тряпки – пускай Мерфи сожжет их.

Тряпками был поименован разорванный мундир. Китаец исчез, а Джейми, оставив меня, стал искать новое платье.

– Знаешь, встреча со Штерном стала для меня полной неожиданностью. Как он здесь очутился?

– Так вы правда знакомы? Это и есть тот самый еврей-натурфилософ?

– Ну да. А что, ты знаешь многих евреев-натурфилософов?

Я поведала, что Штерн первый, и поделилась подробностями нашего знакомства.

– Так, я и пришла в фазенду к отцу Фогдену... О боже, ты ведь должен ему! – хлопнула я себя по лбу. – Два фунта стерлингов за Арабеллу.

– Да?

– Серьезно. Думаю, что неплохо будет попросить Штерна, чтобы он передал эти деньги или что-нибудь в этом роде, потому что священник его уважает, а тебя не очень.

– Так а за что деньги? Моряк совратил ее?

– Считай что так.

Мне хотелось рассказать о странной любви священника к овцам, но новый стук в дверь помешал это сделать.

– Господи, прямо проходной двор какой-то! – разозлился Джейми. – Уж и одеться нельзя спокойно! Ладно... Войдите!

Вошедшая – а это была Марсали – в испуге закрыла глаза, увидев голое мужское тело. Отчим девушки прикрылся рубашкой и быстро спросил:

– Девочка моя, что-нибудь случилось? Зачем ты здесь?

Она открыла глаза, прошла на середину каюты, встав между столом и рундуком, и заявила:

– Да, случилось.

Она побледнела и под слоем загара и сжала кулаки, но голос ее был тверд.

– Я хочу, чтобы сделал, что обещал.

Джейми насторожился и переспросил:

– А что я обещал? И кому?

– Нам с Фергюсом. Ты говорил, что мы сможем пожениться, когда «Артемиды» дойдет до Вест-Индии, между тем как Эспаньола – уже Вест-Индия! Это сказал Штерн, – нахмурилась она.

Джейми машинально потянулся к густо заросшему подбородку.

– Э-э, да... Обещал. Слово надо держать, да. Да вы не передумали? – взмолился он.

– Так и сдержи! – вскинула голову Марсали. – Мы не передумали.

Джейми вкрадчиво спросил:

– А Фергюс, он знает, что ты здесь? Где он сейчас?

– Он все знает. Фергюс сейчас укладывает груз вместе со всеми.

Джейми тоже нахмурился, но после сменил маску строгого отчима и сменил гнев на милость, впрочем, оставив себе последнюю зацепку.

– Согласен... Согласен, что обещал и свое обещание выполняю. Но без благословения священника – ни ногой. А здесь нет святых отцов, они есть разве в Байаме, а там мы будем дня через три. Ну или уже на Ямайке.

– Как нет, папа, как же нет, когда есть! – вскричала Марсали, полная радости от осуществления задуманного. – Здесь есть отец Фогден, он-то нас и обвенчает.

Я, признаться, не ожидала такого поворота. Чертовка все учла, все продумала. Смогла ли бы я так? Видимо, да, раз уж я здесь.

Джейми глядел исподлобья.

– Но утром корабль отчаливает!

– А сколько нам нужно, господи? Сказать несколько слов, и делу конец. Мы ведь в законном браке, осталось лишь благословение церкви.

Она потрогала рукой то место на платье, где берегла такой ценный документ. Там зашуршала бумага.

– А твоя матушка...

Джейми прибег к этому последнему средству, но оно было тем более бесполезным, что Лаогера была последним человеком, кого в этом деле была согласна слушать Марсали. Джейми не знал еще причуд отца Фогдена, а Марсали не хотела их знать, а отговорить девушку от самой затеи не представлялось возможным.

– Но отец Фогден, верно, очень занят своими делами, и ему ни к чему венчать людей, которые даже не являются его прихожанами. Тем более что он в обиде на нас: кто-то из моряков обидел Арабеллу, его прихожанку... – наивно продолжал отступать Джейми.

– Нет, папа, для меня он найдет время, у нас с ним хорошие отношения.

Все складывалось как нельзя лучше и для нее, и для Фергюса, и теперь девочка почти плясала, стоя в тесной каюте.

Джейми, понимая, что маховик не остановить, долго молчал и смотрел в ее ясно-голубые глазенки, требовательно уставившиеся на него.

– Марсали, девочка, полно, хочешь ли ты этого? Ты хочешь замуж за Фергюса?

Она покраснела и на одном дыхании выпалила:

– Я хочу за него, да. Я хочу его! Я люблю Фергюса!

Отчим и новоиспеченный тесть почесал макушку, нервно пробежал пальцами по голове, подергал ухо и со вздохом сообщил:

– Хорошо, я согласен. Теперь пришли ко мне Штерна и скажи жениху, пускай готовится гулять свадьбу.

– Папочка, спасибо!

Марсали ожидаемо повисла на шее у Джейми, но он только приобнял ее и легонько чмокнул в лоб.

– Нет-нет, не сейчас. Я тоже хотел бы обнять тебя, но у меня вши. Не думаю, что тебе будет приятно спать с ними, а не с Фергюсом.

– Ах!

Упоминание о вшах заставило Марсали невольно пощупать свою голову – потный и небрежный узел светлых локонов – и обратиться ко мне:

– Матушка Клэр, а... Не могли бы вы поделиться со мной тем мылом... ну, тем, ромашковым... У меня... – при Джейми она не стала

договаривать. – Мне стоит помыться...

– Конечно, о чем речь. Давай подумаем о том, как бы ты хотела выглядеть на свадьбе, и сделаем все, что в наших силах, чтобы это было так.

Марсали, будучи от природы симпатичной, сейчас выглядела неприглядно: мордашка ее покраснелась, босые ноги были грязны, а муслиновое платье – коротко и узко. Невеста не может так выглядеть, и я попросила Джейми, чтобы он придумал, что можно сделать.

– Нужно платье, – просто сказала я.

– Англичаночка, нам нельзя сейчас...

– Не мы, а отец Фогден. Будешь видеть Штерна – скажи, чтобы попросил священника, пускай одолжит свое платье. Платье Эрменегильды, я хочу сказать, одно из них. По размеру должно подойти.

Джейми опешил, а затем зло сузил глаза.

– Вначале Арабелла, затем Эрменегильда, кто будет потом? Что за ерунда? Кто этот попенек?

Марсали уже увлекала меня за собой, но я остановилась в дверях, ведь из-за недоверия Джейми вся наша затея может пойти прахом.

– Отец Фогден – пьяница и любитель овец, но это очень добродушный человек. Он сможет совершить обряд.

Я никогда не видывала подобной свадьбы и вряд ли увижу еще. Хотя мы готовились к празднеству с поспешностью, с каковой не терпелось обвенчаться молодым, завершить все приготовления удалось только к позднему вечеру. Джейми, с одобрения штурмана Уоррена, решил отплывать на следующий день, а эту ночь полностью предоставить молодым.

– Ютиться в первую брачную ночь на этой коечке, где самому негде развернуться, – увольте! Или что, в гамаке он ее возьмет? Как хотите, а все будет чин по чину, – продолжал перепалку с воображаемыми противниками Джейми.

Вся команда, понимая, отчего происходит задержка с отплытием, поняла и поддержала решение капитана Фрэзера, но он все еще бурчал, пока я оттирала его уксусом, прикидывая, как было бы, если бы не его решение остаться на ночь.

Видя это стремление заботиться о падчерице, я оценила его поступок как единственно правильный и улыбнулась самой себе.

Оттирания пошли на пользу, хоть и оставили характерный запах, но теперь Джейми выглядел как приличный отец невесты, одетый в синий камзол и серые саржевые брюки. Рубашку я выстирала самолично, а на

шейный платок он не поскупился, выудив его откуда-то из глубин шкафа. Хвост рыжих волос сзади и кустистая медная борода спереди довершали его портрет; по такому случаю борода была расчесана.

Свидетелей, как водится, было двое – Мерфи и Мейтленд. Первый из них вымыл руки, а второй – голову, но все равно они уступали Джейми по внушительности и элегантности. Фергюс и Марсали просили быть свидетелями меня и Штерна, но, как бы нам ни хотелось, мы – еврей и ведьма (а для Лаогеры я была таковой) – не могли пойти на это.

– Я просил девчонку, чтобы известила мать о замужестве, но она черкнула ровно две строчки: вышла замуж, домой не жди, – жаловался Джейми, пока мы наблюдали за подготовкой к церемонии.

Да, Лаогера не обрадуется, когда узнает, что Марсали все-таки выскочила за этого пройдоху, бывшего карманника, безрукого калеку вдвое старше дочери.

Всякая шотландская мать желала бы, чтобы обряд прошел в церкви, а отпраздновали бы его в кругу семьи, дома, а не на пустынном ночном пляже Вест-Индии. Брачный обряд совершал опальный крамольник отец Фогден, которому вот-вот грозило лишение сана за его проделки, а празднование производилось тут же, на пляже, и в нем приняли участие двадцать пять человек команды, десять французских лошадей, отара овец, пришедшая за священником, и Людо, веселивший публику до упаду своими попытками совокупления с деревянной ногой Мерфи. Еще большее огорчение могла принести только я, тоже участвовавшая в церемонии.

Мы изготовили шесты, воткнули их в песок и приделали к ним факелы, бросавшие яркие красно-оранжевые отблески на сырой песок и подчеркивавшие тьму ночи. Думаю, что очень многие пары желали бы провести обряд венчания под карибскими звездами впечатляющих размеров.

Лоренц Штерн поистине постарался на совесть, приведя отца Фогдена. Не знаю, чем и как он умаслил священника, какие струны задел в его душе, но отец, едва держась на ногах, преодолел холм и стоял рядом с нами. Глаза яснили во тьме, но все остальное в буквальном смысле утопало во мраке. Из трясшихся рук только чудом не выпадал требник.

Джейми при виде такого служителя церкви хотел было сказать все, что думает, но удержался, наградив отца только каким-то крепким словом на гэльском, которое все равно никто не понял. Священник распространял вокруг себя запах сангрии, но еще не падал, а, напротив, – стоял между факелами и теребил страницу, пытаясь перелистнуть ее непослушными пальцами. Страница не поддавалась, и тогда Фогден выронил ее.

Хмыкнув, рыгнув и широко улыбнувшись, он начал говорить:

– Возлюбленные чада Господни...

Не все моряки поняли, что нужно слушать начавшуюся церемонию, и еще долго переминались с ноги на ногу и перебрасывались словечками. Тогда одни принялись шикать на других и пихать их локтями, из-за чего возникла неразбериха.

Общее смятение усилил отец Фогден, обратившись с традиционным вопросом к Мерфи:

– Согласен ли ты взять в жены эту женщину?

– Нет, почему я? Фергюс мне голову оторвет, если возьму! Это не я! Вы ошиблись!

– Вы – это не вы?

Священник прикрыл глаз, размышляя, а затем уставился на Мейтленда.

– Значит, вы? Вы согласны?

– Нет, что вы, сэр, мы ни при чем, мы свидетели, – зачастил юнга. – Вон жених стоит, это он ее берет.

Фергюс смотрел на отца Фогдена как бычок.

– Он? Хм. Он ведь безрукий. Как же он может ее взять? – засомневался Фогден. – А что скажет невеста?

– Невеста скажет, что она не против!

На пути к своему счастью Марсали преодолела столько препятствий, и сейчас ей не терпелось оказаться в объятиях Фергюса, а здесь какой-то пахнувший сангрией странный поп заявляет, что отсутствие руки может стать препятствием для брака!

– Дальше, проводите церемонию! – По песку топот ноги был не слышен.

На Марсали было надето голубое шелковое платье Эрменегильды, расшитое золотом по низкому вороту квадратной формы. Волосы ее, вымытые и расчесанные, свободно лежали на плечах, блестя в свете факелов. Ее очаровательный гнев забавлял меня (я с восторгом отмечала ее упорство в достижении цели), но отца Фогдена он напугал.

– Д-да... – пролепетал он и невольно отступил. – Отсутствие руки – это... это... гм... вряд ли это может быть препятствием для вступления в брак. А вот отсутствие детородного органа, например, – это совсем другое дело. А... скажите, но ведь детородный орган у него есть? – обеспокоился отец Фогден. – Иначе я не смогу вас поженить. Нельзя в таких случаях.

Лицо Марсали исказила гримаса неприкрытой злобы, и я вспомнила выражение лица Лаогеры, заставшей меня с Джейми в Лаллиброхе. Фергюс

беззвучно тряся, то ли от обуревавшей его ярости, то ли представляя, чего он еще может лишиться по воле святого отца.

Вмешательство Джейми разрешило конфликт мирным путем: шотландец положил руки на плечи пары и спокойно сказал:

– Эти люди, мужчина и женщина, – он поочередно кивнул на Фергюса и Марсали, – любят друг друга и намерены пожениться. Святой отец, им потребуется ваше благословение. Обвенчайте их прямо здесь и сейчас. Пожалуйста.

Последнее слово Джейми произнес с нажимом: иначе нельзя было повлиять на священника и успокоить смеющихся матросов.

– Спокойно, сохраняйте спокойствие, сейчас все будет, – объявил священник, успокаивая то ли собравшихся, то ли себя, грозившего упасть.

После этой фразы надолго установилась тишина. Отец Фогден молча и тупо смотрел на невесту.

– Имя. Нужно ведь знать имя. Нужно узнать, как зовут девочку, которая... У всякого есть имя, без этого нельзя. Коли имени нет – не женись. А если того, что промеж ног, так и вовсе, – бормотал он.

– Я – Марсали Джейн Маккимми Джойс! – оповестила нас Марсали.

Фогден перестал болтать и перешел к чему-то более похожему на обрядовые слова.

– Мар-са-ли. Ага. Да. Хорошо. Марсали. Марсали, хочешь ли ты взять этого мужчину без руки (надеюсь, все остальное у него на месте, иначе...) в мужья, чтобы любить и почитать его с этого дня и впредь...

Овца, одна из его овец, увязавшаяся за ним и сюда, вышла и встала посреди шестов с факелами. Это опять сбило священника.

– Да.

Он поморгал, соображая, почему находится на берегу моря и кто эти люди, чего-то требующие от него, рыгнул, но догадался обратиться к жениху:

– У вас тоже есть имя, правда? И прочее?

– Есть. Я – Фергюс, – кратко ответил француз.

Тень залегла между бровей Фогдена.

– Фергюс? Фергюс, Фергюс... Ну хорошо, положим, что это так. Вы – Фергюс. А еще? Это хорошо, но этого мало. Фамилия у вас есть? У всех людей она есть. Я о фамилии.

– Фергюс!

У него не было других имен: двадцать лет назад Джейми назвал его Фергюсом и это имя парень повез с собой из Парижа. На родине его называли Клоделем, но то было давно, и имя «Фергюс» прижилось.

Вообще имена в борделях – вещь необязательная, потому что людей там называют вымышленными именами. Для свадьбы это действительно было мало: Марсали должна была перейти на родовую фамилию мужа.

– Фрэзер. Он Фрэзер.

Джейми кивнул обернувшимся молодоженам и особо улыбнулся Фергюсу.

– Фергюс Клодель Фрэзер, – выговорил он полное имя и поднял брови, предлагая его Фергюсу.

Тот был ошеломлен. У него даже отвисла челюсть, настолько он был поражен. С вытаращенными глазами, он медленно кивнул, принимая предложение, покраснел и повторил вслед за Джейми:

– Фергюс Клодель Фрэзер. Вот мое имя.

Полумесяц висел над пальмами на берегу, должный скоро стать луной, черный шар которой уже содержался в нем. Отец Фогден мечтательно разглядывал небесное светило, а потом перевел глаза на Фергюса.

– Отлично. Просто замечательно.

Мейтленд догадался, что священник снова углубился в свои мысли, и пихнул его под ребра.

– А, да!.. Свадьба. Муж и жена. Провозглашаю вас... Ой нет, постойте, жених не сказал, что хочет ее. И колечко тоже надо бы. У нее же две руки.

– Я согласен взять в жены эту девушку.

Все это время рука Марсали покоилась в руке Фергюса, но сейчас француз выпустил ее и достал из кармана золотое колечко. Я, поразмыслив, пришла к выводу, что он приобрел его еще в Шотландии, но берег до времени, не желая нарушать волю Джейми и не получив благословения в первую очередь от милорда.

За процедурой надевания кольца на палец невесты с замиранием сердца наблюдал весь берег. Светлые локоны Марсали и темные кудри Фергюса склонились над ободком, знаменуя единение и начало новой, не менее счастливой, чем прежняя, жизни.

Пятнадцатилетняя взбалмошная девчушка дождала всех – и Джейми, отступившего перед ее упорством, и мать, вынужденную признать ее выбор, и официальные органы вкупе со священником. Позади, на расстоянии трех тысяч миль, остались мать и дом, но позади остались и страхи, сомнения и лишения, причем страхи как чужие, так собственные. «Я хочу его», – назло всем заявила Марсали и добила своего.

Глаза ее сияли, как сияли и глаза Фергюса. Мне хотелось плакать, глядя на них.

«Я хочу его».

Выходя за Джейми, я не говорила этих слов. Тогда я его не хотела. А после трижды повторила, что хочу своего мужа, Джейми Фрэзера, на Крэг-на-Дуне и в Лаллиброхе.

«Я хочу его».

И я хотела быть счастливой со своим мужем, и, чего греха таить: я была счастлива с ним и желала только одного – чтобы это длилось как можно дольше.

Джейми послал мне взгляд темно-голубых ласкающих глаз, похожих на теплое и многообещающее рассветное море.

– Что у тебя на уме, mo chridhe? – слышался его низкий ласковый голос, и я почувствовала обьятие.

Слезы уже были на моих ресницах, и я не смогла скрыть их.

– Что трижды сказанное есть правда.

Мы поцеловались, слыша, как ликуют матросы.

Часть девятая

Неведомые земли

Глава 53

Гуано летучих мышей

Помет летучих мышей, иначе называемый гуано, является зеленовато-черной массой, вязкой и склизкой, а если его высушить, он превращается в светло-коричневый порошок. В любом случае он издает едкий запах, похожий одновременно на запах мускуса, нашатыря и гнили, от которого слезятся глаза.

– Сколько этой божьей милости нужно взять? – глухо поинтересовалась я.

– Ровно десять тонн, – ответил Джейми. Его голос тоже звучал глухо из-за куска ткани, которым он, как и я, замотал лицо.

С верхней палубы можно было видеть, как рабы завозят гуано тачками на борт, а потом через люк сбрасывают его в кормовой трюм. Порошок гуано поднимался в воздух и стоял в нем прекрасным золотым туманом, очень красиво блестевшим, но очень плохо пахнущим. Вечернее солнце бросало последние лучи на этот туман, делая его привлекательным для постороннего глаза. Действительно, со стороны это выглядело неплохо: воздух наполнен тончайшей пылью, оседающей на телах обнаженных людей, но как только ветер дул в нашу сторону, у нас немедленно начинали слезиться глаза. Мы знали, что значит находиться в опасной близости к гуано, один запах которого разносится довольно далеко и заставляет плакать человека, даже не успевшего увидеть помет. Рабы, вынужденные грузить гуано на «Артемиду», непрерывно плакали; на их щеках, груди, спине, животе и боках налипла проклятая пыль, а раздражение глаз приводило к тому, что слезы пробивали себе в пыли бороздки, отчего люди походили на зебр или тигров.

– Англичаночка, ты придумала способ кровавой мести? – спросил меня Джейми.

– Мм-м, если ты говоришь о Фергюсе, то я подумываю над этим. Сколько еще плыть до Ямайки?

Француз должен был готовиться к кровавой расправе, потому что перевозка гуано была всецело его идеей. Видите ли, некий владелец сахарной плантации мистер Грей желал использовать эту пахучую субстанцию на своей ямайской сахарной плантации, и Фергюс услужливо предложил ему использовать «Артемиду» для перевозки будущего удобрения, а пока просто бича божьего. Сам француз контролировал, как

продвигается процесс погрузки гуано на борт корабля. Стоя у трюма, он проверял, чтобы помет, спрессованный в куски, не разваливался при переноске. Всегда сопровождавшая его Марсали была рядом, но старалась держаться подальше от предприимчивого любимого, сидя у полубака на бочке с апельсинами. Она закрывала лицо красивой тонкой шалью – подарком Фергюса.

– Мы ведь желаем торговать, верно? У нас есть свободный трюм, а раз сезон закончен, значит, мы возьмем с мистера Грея втридорога, – объяснялся француз. – Нужно как-то выкручиваться, а нам и выкручиваться не нужно: сама судьба предоставляет такие возможности.

– Ну как сказать, англичаночка...

Джейми посмотрел на линию горизонта, уже не опускавшуюся поминутно, чтобы подняться снова, как при качке. Мистер Уиллоби своим иглоукалыванием спас его, и Джейми мог спокойно находиться в любой части корабля, не будучи привязанным к койке и тазику, но сама процедура его не радовала.

– Уоррен обещает через три-четыре дня. Если погода позволит, – добавил он.

– Как думаешь, может, в открытом море не будет так нести дерьмом? – с надеждой спросила я.

– Вы правильно мыслите, миледи! – поддержал меня Фергюс, проходя мимо нас. – Говорят, что когда пыль выветривается, запах уже не так слышен.

Француз шел по направлению к реям и ловко уцепился за нижнюю. Крюк не помогал ему влезть наверх, чтобы привязать к перекладине красный платок, просигнализовав таким образом морякам, чтобы возвращались на «Артемиду». Желтоглазый Пинг-Ан наблюдал за происходящим, и Фергюс остановился, спускаясь, чтобы переговорить с пеликаном.

– Странно он относится к этой сделке. Прямо так печется. С чего бы это он? – спросила я у Джейми.

– Судя сама, англичаночка. Он женился, так? Жену нужно содержать, значит, нужно чем-то заниматься, чтобы кормить семью. Мы с ним партнеры, и он имеет долю в типографии, правда, от печатни уже ничего не осталось. Я пообещал девушке обеспечить ее приданым. Решили, что они с Фергюсом получают половину выручки от продажи гуано, – улыбнувшись, закончил Джейми.

– Хотела бы я знать, какие письма она шлет своей матушке, – задумчиво произнесла я. – Бедная девочка: то повеса Фергюс, то отец

Фогден и мамасита, то десять тонн дерьма в виде приданого...

– Если Лаогера узнает про дерьмо в виде приданого, мне лучше остаться здесь на веки вечные, иначе земля Шотландии сгорит под моими ногами, выжженная Лаогерой, – с деланным ужасом проговорил отчим юной невесты. – Ну а ты придумала, куда пристроишь своего знакомца?

– Не напоминай, а? Где он, кстати?

– Думаю, что где-то внизу. – Джейми смотрел, как к нам приближается незнакомый мне мужчина. – Мерфи дал ему поесть, Иннес говорит, что подберет ему занятие. Потом договорим – он меня ищет.

Он спрыгнул и побежал на пристань, едва не опрокинув раба с тачкой, наполненной гуано. Мужчина, искавший Джейми, был рослым богато одетым колонистом. «Верно, какой-нибудь процветающий плантатор», – подумалось мне. Загорелое лицо давало знать о годах испытаний, проведенных вдали от европейских городов, в глуши среди пальм. Про себя я уже нарекла человека плантатором. Поначалу он недружелюбно глядел на Джейми, но услышав какую-то фразу, потеплел и крепко пожал протянутую руку.

Я объяснила эту перемену тем, что пришедший, скорее всего, был масоном и услышал их приветствие. Джейми посетил ложу в Бриджтауне – это было первое, что он сделал, прибыв в порт. Мастер лож услышал рассказ о похищении Эуона, запомнил словесный портрет паренька и пообещал помочь в поисках, предоставив сведения о пропавшем или корабле, увезшем его. По слухам, часть масонов ведала делами порта и невольничьего рынка, так что хоть какие-то известия должны были быть известны им.

Плантатор достал из-за пазухи бумагу, развернул ее перед сосредоточенным Джейми и что-то говорил, в то время как Джейми, казалось, не считает эту информацию достойной рассмотрения, потому что уже знает ее. После того как поиски Эуона на рынке невольников окончились неудачей и скандалом, я очень рассчитывала на помощь вездесущих масонов.

На рынок отправились Лоренц, Фергюс, Мерфи и мы с Марсали. Джейми в это время беседовал с глазу на глаз с мастером ложи. Рынок находился в оживленном месте: рядом был порт, а по обочинам дороги торговли уговаривали купить кофе, фрукты, сушеную рыбу, кокосы, ямс и даже банки с красными кошенилевыми жуками в них, используемыми в составе красящего вещества.

Мерфи наблюдал за порядком на улице так же ревностно, как у себя на кухне. Так, он отчаянно настаивал, что мне и Марсали нужно купить по

зонтику, чтобы не выйти за рамки этикета. Фергюс под давлением кока вынужден был приобрести для нас два зонтика.

– Здесь, в Бриджтауне, все белые девушки носят их, – увещевал Мерфи, суя мне в руки остроконечный зонт для защиты от солнца.

– Да ну какие зонтики, мистер Мерфи, побойтесь бога! – У меня в голове не вмещалось: может, здесь, за поворотом, нас ждет Эуон, а у него какие-то этикетные зонтики в голове. – Ну светит, ну и пусть! Терпеть можно. Идемте же, не будем терять времени!

Мерфи пронзил меня взглядом:

– Леди должна заботиться о себе. Ну как у вас будет гадкий цвет лица? При виде вас люди должны понимать, что вы респектабельная.

– Ну и что? Им-то какая разница? Я же здесь проездом. Пусть их таращатся, – отстаивала я свою точку зрения.

Впрочем, я болтала с Мерфи, чтобы он утихомирился; как только шум, доносящийся с рынка, стал громче, я плюнула на все правила приличия и припустила на звук.

– Но мэм... Ваше лицо станет красным! Подумайте, как это будет выглядеть! – этот аргумент Мерфи, уже раскрывшего зонт и бежавшего рядом, меня сразил.

– Согласна, это неприятно, хотя и не смертельно. Ну хорошо, давайте вашу штуковину, раз на то пошло.

Я схватила быстро вложенный мне в руку уже раскрытый зонт и небрежно положила его на плечо, но прошло несколько минут, и я по достоинству оценила заботу Мерфи. Мне-то казалось, что он просто из любви к этикету хочет сделать меня респектабельной бриджстоунской барышней, и я не собиралась прятаться под зонтом, но палящее солнце заставило меня изменить свое мнение и использовать предмет по назначению, а не нести его на плече для красоты.

По обеим сторонам дороги росли пальмы, затеняя людные места, а вот сам рынок расположился на площади, подставленной всем ветрам. От камня, которым была вымощена площадь, тоже шел жар; жестяные или сделанные из листьев пальмы навесики, конечно, не могли дать большой тени, если вообще могли ее дать, но работоторговцы и аукционеры иногда становились под них. Рабы же торчали на площади как неприкаянные.

Кроме всего прочего, камни отражали солнечный свет, ослепляя путников, совсем недавно видевших зелень тенистой дороги. Мои глаза невольно наполнились слезами.

Здесь и в самом деле было от чего плакать: на жаре стояло множество людей с цветом кожи любого оттенка – от кожи цвета кофе с молоком до

иссиня-черной, – предназначенных для продажи. Всем этим мужчинам и женщинам предстояло быть проданными и отправиться за своими хозяевами туда, куда им прикажут. Будущие рабовладельцы уже стояли перед помостами, прицениваясь и цокая языками.

Рабы не могли оправиться, даже если хотели это сделать, поэтому были вынуждены справлять нужду публично, поэтому по краям загона, где их держали, скопилось приличное количество экскрементов. Это вкупе с жарой и запахом неделями не мытых тел было похлеще эдинбургского зловония и матросского смрада на «Дельфине».

– Боже правый! – прошептал пораженный Фергюс. Он насупился и сверкал глазами из-под тонких бровей. – В трущобах Монмартра пахло получше.

Марсали куталась в шаль и жалась к мужу. Лоренц, судя по более спокойной, чем наша, реакции, знал, как устроены подобные рынки, и указал нам направление, куда следует двигаться.

– Белых рабов продают там. Если мы хотим узнать, есть ли среди них ваш парень, нам стоит пойти в ту сторону.

Он слегка толкнул меня вперед, а за мной потянулись и остальные.

У края площади сидела чернокожая старуха. У ее ног стояла жаровня, куда женщина бросала угли, раскаляя ее добела. Проходя мимо нее, мы стали свидетелями такой ужасающей сценки: плантатор-белый и его слуги, двое негров в домотканых одеждах, тащили рабынь, одна из которых была куплена недавно и потому ведома за руку, а две другие, имевшие из одежды только полоску ткани на бедрах, шли, обвязанные веревками у шей.

Белый бросил монетку старухе. Она привычным движением вытащила торчавшие в почве латунные стержни и предложила осмотреть их рабовладельцу. Он выбрал два из предложенных, отдал их слуге-негру, а тот сунул концы стержней в жаровню.

Второй слуга держал руки девушки, пока первый достаточно раскалил клейма и прижал их к верхней части ее правой груди. Бедняжка возопила. На ее крик обернулись несколько человек, но торговля продолжилась. На груди девушки остались две литеры «Х. Б.».

Так мне довелось увидеть жестокий и бесчеловечный обряд клеймения. Во все глаза смотря на площадь и удивляясь тому, что люди вокруг не придают этому особого значения, я остановилась и отстала от остальных, а когда стала озираясь, то никого не увидела. То ли дело Джейми, его я никогда не искала, скорее уж он меня. Фергюс и Мерфи не могли похвастаться ростом, а их увечий со спины, да еще в толпе, не было видно, Лоренц тоже был невысок, а белокурая Марсали с желтым зонтиком

за спиной потерялась среди множества других девушек.

Попробовав прошмыгнуть сквозь толпу, не обращая внимания на крики рабов и выкрики торговцев, я была прибита людьми к одному из помостов.

Распорядитель торгов на все лады расхваливал товар, стоявший на помосте, – однорукого низкого, но крепкого раба, с грубой культи которого капал пот.

– Для полевых работ он неспособен, это так. Зато хороший экземпляр на племя. Смотрите, какие ноги!

Ротанговая палка шлепнула чернокожего по ногам.

– Ноги, ноги... – заворчали в толпе. – Да что нам с тех ног-то? Ты гарантируешь, что будет хороший приплод? Нет? Ну так молчи. А то года три тому назад тоже один такой был, на приплод, здоровый, как мул, да и упертый – до сих пор ждет деточек.

В ответ раздались смешки и одобрительные возгласы, а аукционист делано обиделся. Режиссура этого спектакля была безупречна, только что вместо актеров были живые люди.

– Гарантирую ли я? – переспросил торговец, красивым жестом утирая пот. – Ладно, уговорили. Смотрите, малoverы!

Он схватил в ладонь член раба и начал с силой тереть.

Негр забормотал что-то невразумительное, но помощник распорядителя удержал его за здоровую руку. Люди бесновались от восторга и захлопали в ладоши, когда черная плоть стала твердой и набухшей.

Я почувствовала, что что-то оборвалось во мне и я теряю контроль над своими действиями. Клеймение, наглые выходки работоторговцев, рабы, поминутно унижавшиеся и дававшие себя унижить, мое вынужденное присутствие здесь и знания о сути рабовладения – все это заставило меня поступить так, как, возможно, я не стала бы поступать в подобной ситуации.

– Хватит! Оставь его! – вскричала я, слыша свой голос будто со стороны.

Мужчина сладенько заулыбался:

– Мэм, это племенной производитель. Вы же видите – результат гарантирован.

Не имея другого оружия, я использовала для нападения зонтик, сложив его и пихнув острием аукциониста в живот, а когда тот подался назад, огрела его еще и по голове и пнула ногой.

Со стороны это выглядело, наверное, смешно: сумасбродка пинает

честного аукциониста и бьет его зонтом. Я никак не могла помочь своей эскападой клейменым и продаваемым, насилуемым и унижаемым, но сделала это, чтобы сохранить свое человеческое достоинство. Молчать было постыдно, но следует сказать правду: в тех условиях я одна не могла противостоять им всем.

Распорядитель торго не нашел ничего лучше, чем отыгаться на рабе, ударив его наотмашь; меня же оттащили назад.

Я не рассчитывала на чью-либо поддержку, но оглянулась и увидела озлобленное лицо Фергюса, кричавшего на аукциониста. Распорядителя начали отстаивать, началась суматоха, кто-то встал на пути у француза. В ходе всей этой кутерьмы меня толкнули, и я упала.

Мерфи, появившийся неведь откуда, был полон решимости, как и Фергюс. Он отстегнул протез, прыгнул на одной ноге вперед, запуская второй прямо в голову распорядителю, упавшему от удара как подкошенный. Зеваки разбежались.

Фергюс тоже свалил кого-то и теперь стоял, думая, чем бы еще занять себя. Лоренц пробивал себе дорогу через человеческую реку, придерживая мачете на поясе.

Я понимала, что все произошло из-за меня: если бы не я не побежала бить распорядителя, ничего бы не было. А теперь в лучшем случае мужчинам придется заплатить за мою неосторожность синяками.

Я все еще продолжала сидеть на земле, когда появился Джейми.

– Вставай, англичаночка. – Он подал мне руку.

Сзади стояли Риберн с его вечными торчащими усами и Маклауд: шотландцы были вместе с Джейми. Не зная, что предпринять и как вести себя, я, почти теряя сознание, взмолилась, вознося молитвы к Джейми:

– Пожалуйста, ты можешь что-нибудь сделать? – ткнулась я в него носом. – Ну хоть что-нибудь!

Джейми, в отличие от меня, не растерялся и придумал самое лучшее, что можно было сделать, – купил того раба, из-за которого начался весь сыр-бор. Вышло так, что я, протестуя против бесчеловечного рабовладения, сама приобрела у французского плантатора с Барбадоса негра, гвинейского чернокожего раба, пусть и однорукого, но племенного.

Теперь этот человек, чистокровный негр-йоруб с Золотого Берега, всецело принадлежал мне и расположился, очевидно, где-то в трюме. Мне следовало бы убедиться, что он одет – имеет одежду, потому что в здешнем жарком климате одеваться вовсе не хотелось – и накормлен, но мне было горько думать об этих заботах плантаторши и противно прикасаться к бумагам, которые фиксировали о мужчине такую информацию: на левом

плече клеймо в виде геральдической лилии и литеры «А»; прозвище – Темерер-Смельчак. Как я должна с ним поступить, там, конечно, не было сказано, и я понимала, что колонизаторы делали со своими рабами все что хотели.

Джейми разбирался в своих бумагах – кстати, очень похожих на бумаги, отданные мне плантатором, – которые принес ему предполагаемый масон, а когда закончил, отдал мужчине с благодарностью. Лицо его оставалось грустным. Они обменялись короткими фразами и разошлись.

– Все в сборе? Никто не остался на берегу? – уточнил Джейми. На этот раз его волосы придерживала синяя лента.

– Так точно, сэр! – Мистер Уоррен изобразил тот кивок, который на «Артемиде» – торговом судне – считался отдачей чести. – Отчаливать?

– Думаю, да. Спасибо, Уоррен.

Джейми кивнул в ответ и подошел ко мне.

– Ничего не узнал, – слышался его тихий голос.

Он говорил спокойно, и мимика не выдала его, но было ясно, что мы погружаемся в пропасть безнадёжья: на помощь масона мы очень рассчитывали, потому что расспросы на невольничьем рынке ничего не принесли. Эуона нигде не было, и никто не знал о нем.

Я возложила руки на руки Джейми и сжала, он же усмехнулся и расправил грудь.

– Кое-что слышно, но не про мальчика. Какой-то мистер Вильерс, выращивающий сахарный тростник, купил третьего дня шестерых рабов. Их продал ему капитан «Брухи». – Джейми сделал едва уловимую паузу перед названием корабля. – Но мальчика там не было.

– Позавчера, говоришь! «Бруха» отчалила от Эспаньолы около двух недель назад!

Джейми потер рукой свежевыбритую щеку. Идя на встречу с масоном, он чисто выбрился и нацепил галстук, вероятно, чтобы быть «респектабельнее».

– Да. А здесь она появилась в среду. Пять дней назад.

– Значит, до Барбадоса она была еще где-то, верно? Но где же? Ничего не удалось выяснить?

Джейми пожал плечами:

– Мистер Вильерс не смог сказать ничего определенного. Он говорил с капитаном «Брухи», но тот, разумеется, не был больно откровенен. Я понимаю, что Вильерсу, в общем, было все равно, он спешил и стремился сделать выгодное вложение. Известно, что, если капитан быстро продает рабов, значит, эти сделки не совсем официальные. Погоди-ка... – Джейми

соображал, сопоставляя факты. – В числе его бумаг была купчая на твоего раба.

– Не стоит его так называть. Ну хорошо, что с купчими, все похожие?

– Нет, три из них не указывают прежних владельцев рабов. Господин Вильерс говорит, что все рабы немного понимают английский, то есть они не прямо из Африки пожаловали на рынок. Одна купчая указывает, но там не поймешь: имя стерто. В остальных двух можно разобрать: миссис Эбернети из Роуз-холла на Ямайке.

– На Ямайке? А...

– Этим займется Уоррен, – обещал Джейми. – Надеюсь, мы поймем что к чему. Так или иначе, на Ямайку нужно завернуть – отвезти товар Фергюса.

Джейми скорчил рожицу, сморщив длинный нос.

– Словно муравьед! – воскликнула я, чтобы немного отвлечь его от грустных мыслей. Это удалось: он повернулся ко мне лицом и с интересом спросил:

– Да? Это кто – животное, которое ест муравьев? И что, наедается? Они же маленькие.

– Я думаю, что он съедает по несколько муравейников на завтрак, обед и ужин. Хотя мне кажется, что муравьи, что хаггис – одинаково.

Я хотела поразвлекать Джейми еще, но закашлялась от вони.

– Что это? Это уже не наше гуано!

Корабль выходил из гавани, когда ветер донес удушливый смрад, не типичный для портов, где пахло преимущественно рыбой, мокрым деревом и гнилыми водорослями.

Мне пришлось закрыть пол-лица платком.

– Так что это такое?

– Костры, где сжигают тела. – Сведущий Мейтленд услышал мой вопрос и решил просветить меня на этот счет. – Они находятся позади невольничьего рынка, – тыкнул он пальцем в сторону кустов восковицы, из-за которых поднимался белый дым. – Не все выдерживают путешествие из Африки или других стран, поэтому тела умерших складывают в трюме, а потом сжигают, сойдя на берег. Это чтобы не было заразы, – пояснил он.

В глазах Джейми был тот же ужас, что и на моем, как я полагала, вызванный мыслью о том, что бедный Эуон мог быть сожжен на одном из таких костров.

– А... такие костры жгут каждый день? – холодея, спросила я.

– Навряд ли, мэм, корабли ведь приходят не каждый день. Думаю, где-то раз в неделю.

Договорив, Мейтленд приступил к своим обязанностям.

– Придется пойти посмотреть. – Неумолимый металл прозвучал в моем голосе, обрекая нас на новое испытание.

На щеках Джейми появились желваки; он стиснул зубы. Дым тянулся к небу, поднимаясь над пальмами.

– Да, – выплюнул он. Мистер Уоррен вынужден был лечь на другой галс.

Я плелась за спешившим мужем, который был уверен, что я ступаю ему след в след, и не удосуживался проверить, так ли это на самом деле. Здесь была своя логика: я предложила ему идти сюда, я и должна сопровождать. В любом случае я бы не оставила его в таком месте. Смотритель огня, существо непонятного возраста и национальности, был удивлен, что леди хочет посмотреть, как сжигают тела, но я подумала, что со стороны в моем интересе нет ничего предвзятого – такое же сумасбродство, как и та выходка на рынке.

Костер находился на причале, а тот, в свою очередь, был сделан между деревьями. Это составляло ужасающий контраст: карликовая цезальпиния и изумрудные папоротники, поражающие воображение своими размерами и глубиной цвета, – и... Среди растений стояли бочки со смолой и заготовленные дрова, а сами тела находились на деревянной платформе справа, облитые смолой. Костер уже горел, но только с одной стороны, с другой же пламя еще не достигло тел; из-за дыма казалось, что мертвые шевелятся и переползают ближе к огню.

Джейми, которого я обрекла лезть в горящую грудку мертвых тел, замер, но после прыгнул на платформу и начал пересматривать человеческие останки, которые еще можно было распознать.

Рядом, в куче пепла, лежали непрогоревшие кости, выделяясь своей белизной и изгибами. Черепная крышка, венчавшая верхушку сооружения, напоминала драконье яйцо.

– Хорош урожай, – заметил смотритель. Или смотрительница – за сажей было непонятно, кто это.

По крайней мере, рост этого существа был немногим выше роста мистера Уиллоби. Смотритель появился у моего локтя, чтобы получить какую-нибудь мелкую монетку, и указал на золу:

– Зола в земля, все быть большим. Цветы расти.

– Н-нет, не надо. – Я представила себе эти цветы зла и содрогнулась.

За дымом уже не было видно Джейми, и я встревожилась. Отправляя его туда, думала ли я о тлетворном влиянии дыма на человеческие легкие? Он же может угореть! Задохнется, упадет на платформу, и грудка тел

похоронит его под собой!..

– Джейми!

Пахло горелым мясом.

– Джейми!

Тишину нарушал звук гудящего огня и надсадный кашель. Джейми явился только через несколько минут, задыхаясь от кашля.

Он прошел сквозь дымовую завесу и сполз с платформы. Скрючившись, он выхаркивал легкие, как мне показалось. Весь в саже и смоле, он плакал от дыма и пережитого.

Я взяла его за руку и, вручив смотрителю горсть монет, увела его прочь, подальше от ужасающей картины. Джейми покорно шел за мной, ничего не видя от огня, ослепившего его, и продолжал кашлять, а под пальмами, на изумруде папоротников его вырвало.

– Уйди, – ответил он, видя, что я хочу помочь.

Стоя на коленях, он мучился от рвоты. Его вывернуло раза четыре, а затем он, шатаясь, поднялся.

– Нет, не трогай.

Он охрип от рвоты и едкого дыма, раздиравшего легкие, но самый голос его изменился после этого путешествия в долину смерти. Джейми снял камзол, башмаки, остальную одежду оставил на себе и вошел в воду.

Я собрала его вещи, но по понятной причине не стала прижимать к себе, как это делала всегда. В камзоле имелся внутренний карман, где виднелись фотокарточки, изображавшие Брианну, – они плотным прямоугольником поднимали ткань.

Выкупавшись, Джейми вылез на берег. Главного, то есть избавиться от сажи и характерного запаха гари, ему удалось достичь, но смола, конечно, прилипла к ткани намертво. Матросы таращились с «Артемиды», как он сидит, сложив руки на коленях.

Я не могла никак помочь ему, кроме того, что положила руку ему на плечо. Тогда он пожал мою руку своей и чужим глухим голосом проинформировал:

– Его не было там.

Ветерок принес морскую прохладу, заставляя забыть об увиденных ужасах; соль выступала на мокрых волосах Джейми. Впрочем, ужасы никуда не делись: дым над долиной в изумрудных папоротниках потемнел и стал густым, а затем начал дрейф над морем в сторону Африки, родины этих бедных людей, насильно вывезенных с Черного континента.

Глава 54

«Пылкий пират»

– Послушай, что мне с ним делать? Я не могу распоряжаться кем-то. Что значит «он твой»?

Я вяло перебирала бумаги – купчую на Темерера.

– Ну да, англичаночка, здесь ты права. – Джейми заглядывал мне через плечо, усевшись рядом.

Ероша волосы, он задумался.

– Конечно, лучше всего будет отпустить его. Это самое хорошее, что мы можем для него сделать. Но подумай, что будет с ним, если мы поступим так? По документам он принадлежит тебе, и любой человек скажет, что это беглый раб и его следует вернуть хозяйке. Это раз. Во-вторых, языков он не знает, ни английского, ни французского. Что с ним будет, если он станет жить сам по себе? Куда он пойдет, ты подумала? Да его первый же работороговец сцапает! Продолжение ты видела.

Мерфи испек для нас сырные булочки, вкусные, но пахнувшие странно на фоне запаха гуано, от которого мы не могли никуда спрятаться, и горящего лампадного масла.

– Я думала над этим, – сказала я, жуя булочку. – Лоренц утверждает, что на Эспаньоле много свободных чернокожих, живущих с земли, собственным трудом. Креолы и полукровки. Полагаю, что и на Ямайке...

Не согласный со мной Джейми взял булочку.

– Не думаю. Здесь другое. Чернокожие могут жить своим трудом, я не спорю – все могут жить своим трудом. Если умеют. Ловить рыбу, шить одежду, ходить за животными – это все те навыки, необходимые в хозяйстве, не мне тебе рассказывать. Темерер не умеет ничего: он рубил сахарный тростник и отрубил себе руку. Чтобы он мог жить на свободе, ему нужна жена. А пока он будет ее искать, его сто раз сцапают.

Я отложила еду и взялась за бумаги, в который раз перечитывая то, что мне было известно и так: мне принадлежит человек, и я могу им распоряжаться как пожелаю. Гадкое явление работорогвли теперь легло своим постыдным клеймом и на меня. С другой стороны, я могла устроить судьбу Темерера лучше, чем кто-либо из работорогвцев, а это вселяло веру в свои силы.

Его привезли из Гвинеи пять лет назад, и было ясно, что вернуть его домой не представляется возможным, как бы мне того ни хотелось. Даже

если бы мы смогли уговорить кого-нибудь отправиться в Африку – полнейшее безумие, особенно если учесть то, мы что ищем Эуона, – вряд ли бы Темерер остался на свободе: скорее всего, его бы вновь сделали рабом, если не на корабле, то в первом же порту.

Лоренц сообщил, что соплеменники посчитали бы вернувшегося опасным духом, и ему бы всю жизнь пришлось скрываться в джунглях, потому что увечье нельзя никак спрятать, а по нему работоторговцы и односельчане безошибочно узнали бы Темерера.

– А если мы продадим его, а, англичаночка? – предложил Джейми. – Например, найдем хорошего человека, в котором будем уверены.

– Нет, – отрезала я. – Я не думаю, что следует продать его: новые хозяева могут быть с ним так же жестоки, как и прежние, а то и вовсе продадут. И маховик закрутится снова.

Я провела рукой по лбу и потерла между бровей, чтобы прогнать головную боль.

Джейми заерзал на стуле. Он нуждался в отдыхе, поскольку весь день проторчал в трюме, описывая количество гуано, а здесь я со своими капризами.

– Согласен. Да только если мы пустим его просто так, на все четыре, и дадим деньги, сомневаюсь, что он сможет ими воспользоваться и не даст себя ограбить. Сам он умрет с голоду.

– Да.

Ох, если бы вовсе не встречаться никогда с Темерером! Не было бы того постыдного поступка работоторговца, и тогда... И что тогда? Тогда бы я не имела возможности облегчить хоть чью-то участь. Мои мучения в сравнении с их мучениями – ничто.

Джейми, видя, что я тру уже виски, потянулся, рывком вскочил с койки и поцеловал меня в лоб.

– Англичаночка, у меня есть кое-какая задумка: можно переговорить с управляющим плантации Джареда. Там же сахарный тростник, верно? Вот мы и...

Вопль не дал договорить ему.

– Аврал! Свистать всех наверх! Слева по борту! Тревога!

Вопил вахтенный, а вслед за воплем послышались крики и топот множества ног, означавший, что по тревоге поднята вся команда. Закричали еще громче, и корабль мотнуло от сильнейшего толчка.

– Да пропадите вы пропадом, черти... – заартачился Джейми, но что-то затрещало и загрохотало.

Я упала, потому что табурет выпал из-под меня, а Джейми свалился,

потому что стоял на полу, а каюту затрясло. Лампа, полная масла, вывернулась из консоли и упала, по счастью, потухнув, иначе было не миновать взрыва в каюте. Мы остались лежать во тьме.

– Англичаночка, ты жива? – Джейми был взволнован.

– Кажется. – Я вылезла из-под стола. – А что произошло? Кораблекрушение?

Джейми дополз до двери, открыл ее, и мы слышали, как на палубе кричат и стреляют, причем стреляют из револьверов.

– Это пираты! – выдохнул он. – Берут нас на abordаж.

Из двери проникало достаточно света, да и я уже приспособилась к темноте, чтобы видеть, как Джейми шарит в ящиках стола в поисках оружия. Взяв пистолет и достав с постели кортик, он ринулся в дверной проем, бросив мне на ходу:

– Англичаночка, забери девчонку и бегом в трюм, да только сидите подальше, у кормы, возле гуано. За пачками сидите, в общем. И не высовываться!

Он ушел воевать.

– Матушка Клэр?

В каюте нарисовался призрак – платье Марсали белело в темноте. Судя по голосу, девушка была не на шутку испугана и впервые назвала меня матушкой.

– Да, это я.

Под столом лежал упавший нож, которым вскрывают письма. Я нащупала руку Марсали и сунула ей это подобие оружия.

– Держи, пускай будет с тобой на всякий случай. А сейчас идем, не мешкай.

Я вооружилась кучей скальпелей и более серьезным оружием в виде ампутационного ножа с длинной ручкой и провела девушку в кормовой трюм. Мы шли через весь корабль, слушая, как на палубе топчут, проклиная, кричат, стреляют и дерутся, а покрывал все эти звуки треск досок – очевидно, корабль таки взяли на abordаж и теперь борта «Артемиды» касаются бортов чужого корабля.

Трюм встретил нас запахом гуано и духотой. Света там, конечно, не было, и мы пробирались на ощупь, идя на запах, то есть туда, где пахло хуже всего – это и было самое укромное местечко.

– Кто бы это мог быть? – Марсали думала сейчас о таинственных незнакомцах, всюду дерущих глотки на нашей палубе. Тюки с гуано заполнили весь трюм, и эхо не было слышно. – Неужели пираты?

– Очень может быть.

По словам Лоренца, Карибское море является чуть ли не угожьями люггеров и многих других суден, на которых промышляют пираты. Кажется, «Артемиды» издавала запах гуано по всему пути своего следования с той поры, как мы затарились этим грузом. Какую ценность мы могли представлять?

– Хронический насморк у ваших пиратов, а то и гайморит, – констатировала я.

Марсали вскинула светлые брови.

– Не обращай внимания, матушка Клэр раздает диагнозы. Давай помолчим немножко. Хотя нас здесь и не найдут, лучше проявить осторожность.

Прекрасно зная, насколько тяжело сидеть сложа руки и знать, что мужчины решают в это время судьбы государств и свои личные судьбы в том числе, я все же предложила девушке заняться именно этим, поскольку мы не могли противостоять пиратам, имея скальпели, ножик для писем и нож для ампутаций.

Шум схватки был почти не слышен здесь, но какие-то звуки, как-то самые громкие крики и удары, сюда все же долетали.

Услышав их, Марсали взмолилась:

– Пресвятая Дева, спаси и сохрани Фергюса!

Не было никаких сомнений в том, что Фергюс сражается рука об руку со своим милордом, с Джейми, но у нас не было никакой возможности помочь им. Оставалось надеяться, что Дева Мария услышит наши молитвы – а я молилась тоже, только про себя – и спасет наших возлюбленных. Было темно, и девушка не могла видеть, как я осеняю себя крестным знаменем, касаясь того места на лбу, где Джейми оставил свой последний поцелуй. Неужели этому поцелую сулилось быть последним в его жизни?

Грохот, отличавшийся от предыдущих шумов, заставил и «Артемиду», и нас вздрогнуть.

– Это взрыв, они хотят взорвать нас! – в ужасе вскочила девушка. – Матушка Клэр, бежим отсюда! Корабль идет на дно! Скорее!

– Глупая, сиди смирно! Наши стреляют, это канонада! – скомандовала я.

Но было поздно: Марсали в панике бежала из трюма, натываясь в темноте на груды гуано и ругаясь при этом.

– Марсали! Девочка! Вернись немедленно!

Нужно было выбираться. Понять, где сейчас Марсали, было невозможно: гуано осыпался и искажал все звуки. На палубе действительно шла канонада: там непрерывно грохотали пушки, что подняло в спертый

воздух трюма новую волну пыли. Кашляя и утирая глаза, я остановилась.

Виднелось отверстие в краю отсека, ближайшего к трапу. Следовательно, выход там.

– Марсали! Ты здесь?

В ответ раздался визг. Так могла визжать только молодая девушка, а второй женщиной на корабле была я. Я поспешила к подножию трапа, и моим глазам предстала такая картина: Марсали билась в руках какого-то здоровяка, привлеченного ее молодостью и красотой. Он был без сорочки, предоставляя окружающим созерцать татуировки на жирном торсе. Монеты и побрякушки на его шее почти не издавали звона, хотя Марсали отчаянно вырывалась – с такой силой он удерживал девушку.

Он забавлялся ее попытками обрести свободу, пока не увидел меня, а тогда осклабился и выдал несколько слов на смеси испанского и какого-то другого языка. Зубов у него было мало, а мозгов, видимо, еще меньше, но глаза под заросшей шевелюрой стали масляными. «Надо же, сколько у них девок на корабле!» – такие мысли вертелись в его голове, как полагала я.

– Отпускай! – велела я. – Basta, cabrón!^[20] – Других испанских слов, применимых к ситуации, я не знала.

Он, казалось, обрадовался еще больше, заулыбался еще шире и собрался было схватить меня. По крайней мере, он выпустил Марсали, а это уже было хоть что-то.

В него полетел скальпель, метко брошенный мной, но тотчас же отскочивший от его дубовой башки.

Пока он размышлял, что ему делать, Марсали юркнула у него под рукой и побежала по направлению к трапу.

Перед детинушкой встала проблема выбора, но он решил ее довольно быстро, отдав предпочтение молоденькой девочке, и, когда Марсали добежала до верха и сунулась в люк, увалень на удивление быстро прыгнул вслед за ней и вцепился в ее ногу. Девушка завизжала.

Ругаясь и проклиная женскую долю, я последовала за ними и, замахнувшись ампутационным ножом, нанесла самый сокрушительный удар, на какой только была способна. Теперь визжал пират, а я краем глаза увидела, что мимо меня пролетела какая-то часть человеческого тела.

Что же я могла ему отрубить? Это оказался палец на ноге, лежавший теперь на палубе и являвший миру мозоли и грязный ноготь. «Ну хоть от чего-то я его избавила, интересный способ проявить милосердие», – думала я, отступая от пирата, прыгнувшего на настил трюма. Он схватил меня за рукав и потянул к себе, но я дернулась, и ткань порвалась, а я тем временем пырнула ножом его в морду.

Кровь хлынула, ослепляя его, и пират упал на доски. Пользуясь возможностью, я бросила нож, вскочила на трап и полезла выше.

Пират недолго провалялся внизу: он немедленно вскочил и погнался за мной с явным намерением отомстить, благо теперь он имел два повода для этого, первым из которых была Марсали, а вторым – ловко отрубленный палец, результат моего орудования предназначенным для хирургических целей ножом. Он хотел было вцепиться мне в подол, но мне опять удалось вырваться, на что он отреагировал потоком бранных слов на языке, который я все-таки определила как португальский.

Сейчас спасением для меня была палуба, потому что там были люди и больше места для маневров, однако же и она – она в первую голову – представляла собой арену битвы: здесь клубились пороховые дымы, лязгала сталь, люди наступали друг на друга и снова расходились, а на доски падали поверженные, потерпевшие поражение в схватке. Непрестанно слышны были звуки выстрелов. В таких условиях я не могла рассчитывать на чью-либо помощь и, слыша, как мой преследователь дышит у меня за спиной, выбираясь из люка, вскочила на поперечину. Море пенилось и бурлило, я ползла по снастям наверх, подальше от кипевшей на борту «Артемиды» битвы.

Можно было повременить и подыскать местечко получше, но времени у меня не было, и, только поднимаясь по вантам, я поняла, что ошиблась в выборе убежища. Жирный португалец лазал по снастям куда лучше меня, потому что был моряком, к тому же пиратом, к тому же мужчиной, не стесненным длинным платьем. Ему привычно было взбираться наверх по реям, а мне вовсе нет. Я стала заложницей своего опрометчивого решения убежать наверх. Это было, возможно, хорошее решение в других условиях, но не сейчас, когда некому было снять меня и некому было убить пирата. Нож остался далеко внизу, да и что бы я им делала, держась одной рукой на веревку? Оставалось лезть все выше, а там...

Что будет там, я не знала и не особо хотела знать, зато прекрасно видела, что тросы дрожат под тяжестью моего тела и тела пиратского, а его вес оттягивает веревки назад, тем самым приближая меня к нему. Ловкий, как обезьяна, он с легкостью преодолевал расстояние, отделявшее его от меня, и с превеликой радостью плюнул в меня, когда приблизился. Так, плюясь и ругаясь, он подбирался все ближе, движимый отчаянным желанием убить меня, и, наконец, повиснув на одной руке, принялся размахивать абордажной саблей, надеясь сбросить меня вниз.

Я должна была погибнуть либо от сабли, либо от падения, либо от того и другого. Кричать не было смысла, да я бы и не смогла – настолько

страшно мне сделалось, – оставалось ждать конца. Я послушно зажмурилась, понимая, что обессилела и не смогу бороться дальше.

Послышался вскрик, затем глухой стук, и свист сабли прекратился. Пахнуло рыбой. Открыв глаза, я увидела, что пирата нет на реях – он лежал на палубе. Зато рядом появился любимец китайца, Пинг Ан. Он немного раскрыл крылья, потому что не мог иначе удержаться на болтающихся веревках, и взъерошил перья; хохолок его смешно торчал.

– Гва! – сообщил пеликан, мигая желтым глазом и щелкая клювом.

Птицы любят, когда все спокойно и тихо, а здесь шумят и безобразничают. Необходимо было навести порядок, если глупые люди не понимают, что нужно вести себя как подобает. И пеликану, по счастью, удалось навести порядок, если не на корабле, так по крайней мере на реях. «Лучше рыба и дружба с китайцем, чем португальские пираты», – рассудил Пинг Ан. И рассудил совершенно справедливо.

Я чувствовала головокружение, перед глазами мельтешили точки – нужно было привести в порядок себя, коль уж на реях все спокойно. Повиснув на реях, я ощущала шероховатость веревок и заставляла свое сознание не выпускать это из внимания: если бы я отпустила веревки, я бы шмякнулась вниз, превратившись в кровавую грудку мяса и костей.

Внизу, кстати, тоже поутихли. Не рискнув смотреть с такой высоты вниз, я предположила, что все кончилось и что посрамленные пираты обратились в бегство, так, по крайней мере, хотелось верить. Звуки подтверждали мою догадку: паруса хлопнули, ловя ветер («Значит, есть кому их поставить», – отметила я), ванты со звоном натянулись под моими руками, наконец, с высоты своего положения я увидела, как чужой корабль, опутанный снастями и реями так же, как и «Артемида», удалялся в море. После такого основательного знакомства с элементами оснастки мне показалось, что я до конца своих дней смогу безошибочно определить, где какая мачта находится, какие паруса она несет и какие реи ей помогают в этом.

Подумав, что болтаться наверху пристало разве Пинг Ану, но никак не мне, я не стала более находиться в его владениях и начала спускаться, но очень медленно, чтобы не упасть от головокружения и страха. На палубе горели фонари и лежали тела убитых, а тело вполне живого Джейми, чью рыжую шевелюру я высматривала среди убитых, боясь увидеть ее там, восседало на бочке возле штурвала со стаканом виски в руке. Китаец, как водится, был рядом и наливал живительный напиток Уилли Маклауду, тяжело опиравшемуся на мачту.

Меня начало знобить.

«Нервы, – подумалось мне. – Шок, конечно же. А виски и правда отличное успокоительное, нужно запомнить».

По вантам я скользнула на палубу, содрав ладони в кровь. Липкий пот неприятно щекотал меня, но в то же время по телу проходила дрожь.

Джейми сидел закрыв глаза, но, видимо, слышал, что райская птичка приземлилась на палубу, и посмотрел в мою сторону. Заметив облегчение, с каким он воззрился на меня, я подалась к нему. Обняв его за плечи, я спросила:

– Все хорошо?

– Да, со мной да. Так, полоснуло немножко, вот и все, – объяснил он, ловя направление моего взгляда.

На его голове красовался свежий бинт, слегка смоченный кровью. Рана была небольшой, должно быть, след от выстрела. «Узнать, где пуля», – отметила я и продолжила осмотр. Грудь сорочки была вымазана в крови, но то была старая кровь, коричневая, а рукава были в свежей крови.

– Джейми! – Невесть откуда взявшийся туман закрывал его лицо. – Ты в крови! Ты ранен?

Он внезапно сорвался с бочки и метнулся ко мне, хватая за руки и плечи. Мои конечности онемели, в них слегка покалывало, и я плохо ощущала его прикосновения. Свет начал мигать и меркнуть, густой загар на физиономии Джейми сменился ужасной бледностью.

– Господи! – послышался его отдаляющийся голос, исчезающий в черноте. – Англичаночка, это же твоя кровь, ранена ты!

– О какой смерти ты говоришь, деточка? От этой жары да, можно умереть. Но от чего еще? – заворчала я, выбираясь из-под покрывал. – Помоги, а? Я в них утону.

Возле меня торчала Марсали, всхлипывая и просившая меня не умирать. Поняв, что я в сознании и даже понимаю ее речь и говорю с ней, храбрая девчонка обрадовалась и повисла у меня на шее, еще больше вдавив меня в подушки. Ни одного покрывала – а часть их составляли одеяла и плащи – она не убрала.

– Матушка Клэр, папа не велел вас раздевать. Вам нельзя на холод.

– Что значит «нельзя»? Я что, маленькая, что ли?

Это была каюта капитана, наполненная солнечным светом и, как следствие, духотой. А здесь еще и запах гуано добавился – я слышала его даже отсюда.

Меня завернули, как куклу, в тряпицы, и я пожелала поскорее покинуть эту удушливую обитель, но правая рука вспыхнула огнем, словно молния в нее угодила.

Перед глазами запрыгали мушки или зайчики – как их там называют, я не помнила, но казалось, что прыгают страусы, – стало темнее.

– Не барахтайся, хватит! – приказал суровый шотландский голос, донесшийся до меня сквозь удушливо-тошнотворную волну.

Джейми поддержал меня, приподнимая за плечи и затылок:

– Отлично. А теперь ложись снова, на мою руку. Как оно, англичаночка?

– Если честно, то хреново, – призналась я. – Тошнит.

Перед глазами танцевали цветные спирали, а желудок давал о себе знать, то проваливаясь в пустоту, то извергая из себя содержимое в виде булочек Мерфи. Но самым важным было то, что правая рука постоянно болела, а если я поворачивалась или тем более рвала, боль была похожа на боль от вертикального прикосновения раскаленного ножа.

– О боже...

– Все? – уточнил Джейми и, услышав утвердительный ответ, положил меня на подушки.

– «Все» в смысле «скоро ли я кончусь»? Нет, не надейся. Не скоро, но кончусь.

Я проговорила эту впечатляющую фразу и разлепила один глаз.

Джейми прислуживал мне, стоя на коленях перед койкой: со своим ростом он бы никак не влез в крохотную каюту. Повязка все еще была на его голове, хотя кровь уже не шла, зато была на рубашке – моя кровь. В таком виде он мог сойти за того галантного пирата, обольстившего Тессу, но я-то знала, что пираты совсем другие, нежели их описывают в бульварных книгах.

Правда, было кое-что хорошее: каюта не ходила ходуном, как прежде, когда я открывала глаза, и Джейми твердо стоял на ногах, не боясь нового нападения пиратов. Я открыла второй глаз.

Джейми соорудил подобие улыбки:

– Ты жива, англичаночка. Фергюс будет рад, он так переживал за тебя.

Уж не знаю, сговорились ли они, только в каюту вбежал француз и расцвел в улыбке, увидев меня живой и в сознании. Убедившись, что со мной все в порядке, он поспешил, судя по направлению топота, на палубу, где оповестил о радостной вести команду, а та, вконец смутив меня, с воодушевлением закричала.

– Что произошло?

Мой вопрос был адресован Джейми, но он переадресовал его мне.

– Что произошло?

Наливая воду в чашку, он вскинул на меня сердитые глаза, снова встал

на колени и сунул чашку мне под нос, одновременно поддерживая меня.

– Она еще спрашивает, а! Взбалмошная девчонка! Хотя какая уже девчонка – просто глупая бабенка! – фыркнул Джейми. – Что произошло! Да у нас-то ничего, а что произошло у тебя, а? Что я говорил тебе? Чтобы ты сидела смирно в трюме! А ты что? Упала с небес на землю вся в крови, вот что! – набросился на меня муж.

На корабле не было особой надобности бриться – я любила его и таким, – так что Джейми зарос щетиной, а кровь делала выражение его лица свирепым. Он навис над моей койкой и уставился на меня так зло, что я зажмурилась, не видя другой возможности спрятаться. Если бы не болевшая от каждого движения рука, я бы с превеликим удовольствием забралась под одеяло.

– Гляди мне в глаза!

С неохотой я подняла веки.

Джейми был взбешен.

– Что ты вытворяешь, черт тебя побери? – Думаю, его мощный рык слышали и на палубе. – Зачем ты туда полезла? Теперь ты лежишь у меня на руках и чуть ли не бредишь! Вся рука разорвана, видно кость! Слава богу, я успел перевязать. Ну а если бы ты упала с реи в море?

Он грохнул кулаком по койке. Боль пронзила мое тело, но я сочла нужным закусить губу и сдержать стон.

– Слушай, ты вообще когда-нибудь будешь меня слушать? Ты вечно лезешь куда тебя не просят!

– Вечно. Я такая, – съязвила я, не удержавшись.

Уголок рта Джейми дернулся.

– Знаешь, о чем я мечтаю? Чтобы ты была привязана к пушке, причем мордой вниз, дабы не придумала, куда еще влезть, а я бы держал второй конец веревки. Уиллоби!

На зов явился китаец, да не один, а с подносом – чайник с пылу с жару и целая бутылка бренди.

– Чай!.. Питье богов! Спасибо, мои милые!

Как они угадали? Горячий чай с бренди помог мне как нельзя лучше, я снова почувствовала себя человеком. От него стало тепло и на душе, и, разумеется, в теле. Несмотря на то что в каюте было жарко, а на мне к тому же лежала и куча одеял, я пила с удовольствием и попросила налить еще.

– Самый лучший чай – английский. – Аромат чая, сдобренного бренди, приятно щекотал ноздри. – Англичане умеют заваривать его лучше всех. Но китайцы еще лучше.

Я одарила мистера Уиллоби широкой улыбкой, а он просиял, гордый

тем, что смог сберечь национальную традицию будучи вдали от дома, и поклонился мне по всем правилам чайной церемонии.

Джейми не разделял нашей радости.

– Пей, пока дают. Потом будет некогда.

Такие речи были ему не свойственны, и я скосила на него глаза.

– Не понимаю. А что будет потом?

– Суп с котом. Будем лечить твою рану, как допьешь. – Иллюстрируя свои слова, Джейми посмотрел, сколько воды осталось в чайнике, и нашел, что скоро придется приступить к лечению. – Ты когда-то говорила о том, сколько крови в теле человека, я запомнил.

– Кварт восемь наберется. А тебе зачем?

Он оставил в покое чайник и одарил меня внимательным взглядом.

– В луже, которую мы оттирали с палубы, наберется кварты четыре. Так что пей, пополняй запас.

Джейми налил мне еще чашку и ушел, оставив мне чайник.

– Он зол на меня, да? И поделом... – спросила я у мистера Уиллоби.

– Дзей-ми кричать, да. Не злиться, нет, – заверил он меня. Легонько тронув мое плечо, он сочувственно поинтересовался: – Рука госпожа болеть?

– А то! – вздыхая, пожаловалась я.

Китаец подмигнул и обещал, что «его помогать».

По информации мистера Уиллоби, команда понесла небольшой урон, заключающийся в нескольких ушибах и синяках. Более крупными потерями стали несложный перелом и контузия. Приятно слышать, что медицинская помощь нужна только мне. Я была рада, что все обошлось таким образом: это было в разы лучше, чем иметь на руках десяток исходящих кровью больных.

В проходе затоптали Джейми и Фергюс; последний принес лекарства, а с ними бутылку бренди.

– Ну что ж, приступим, – решительно проговорила я.

Впервые мне приходилось оценивать свое состояние таким образом. Лежа я мало чего могла видеть, а зеркало показало, что рана не очень страшная, и все же...

– У-у-у... – протянула я, озирая себя.

Джейми оценил мое состояние более эмоционально и не так культурно.

По передней стороне бицепса тянулся длинный глубокий разрез. Рана не доходила до локтя приблизительно на дюйм, зато ее края расходились, а в центре зияла кость.

Я не знала, сколько времени прошло после перевязки, но кровотечение продолжалось, несмотря на тугую повязку. Правда, оно было медленным. По-видимому, был поврежден какой-то из неглавных сосудов.

В руках Джейми находился мой сундучок с лекарствами. Муж перебирал баночки, ожидая, что я подскажу ему, что взять.

– Шовный материал и иголка.

Проговорив эти слова, я сообразила, что рану нужно зашивать, а это значило, что я должна была выдержать наложение швов без наркоза. Тридцать или сорок швов, и всего лишь бутылка бренди.

– Опиум вышел весь? – пробормотал Джейми, приблизительно зная содержимое моего ларца.

Мы мыслили одинаково.

– Да, на «Дельфине» я использовала последнее.

Чайник уже был пуст, и чашка тоже. Я налила в нее доверху бренди и глотнула, стараясь не пролить. Руки мои дрожали.

– Спасибо, Фергюс, но мне хватит и одной бутылки, здесь уже есть одна.

Джаред делал бренди очень крепким, и я была уверена, что меня вырубят уже с одной бутылки, даже с чашки. Весь вопрос был в том, стоит ли выпить и отключиться с помощью этой импровизированной анестезии или нужно контролировать ход операции. Я не могла зашить себе рану левой рукой и потому, что я не героиня, и потому, что я правша. Фергюс мало чем мог помочь. Значит, зашивать будет Джейми, в нежности и надежности чьих больших рук я не сомневалась. Но он вряд ли когда-нибудь занимался подобными вещами, так что нужно проследить, чтобы он проделал все необходимые действия правильно.

Пока я думала, какие функции будет выполнять Джейми, он взял вторую бутылку, принесенную Фергюсом, и заявил:

– Попить тебе хватит и одной, это верно. А вторая предназначена для промывания раны.

– О господи!..

На «Дельфине» я настаивала на необходимости наличия чистого спирта для промывания ран и всяческой дезинфекции, для чего мы даже соорудили перегонный куб. Тогда я разводила его с водой, выполняя свои врачебные обязанности, но запас этой жидкости закончился, а на «Артемиде» пока не требовался. В моем случае дезинфекция была необходима как воздух, я напрочь забыла о ней, погружаясь в забытие и выныривая из него. Но сейчас, поняв неизбежность попадания бренди на руку, рассеченную до кости, я почувствовала все то, что, очевидно,

чувствовал мистер Томпкинс, когда я зашивала ему ногу. Шотландцы и моряки были самыми храбрыми людьми, которых я когда-либо видела, и стойкими воинами, молчавшими, когда я вправляла вывихнутые суставы, лечила переломы, зашивала раны без наркоза и вырывала зубы, но когда я лила спирт на их порезы и раны, они отчаянно вопили. Я могла только представить себе, насколько это больно.

– Постой, есть еще вода, ее можно вскипятить... – вскинулась я, жалобно поглядывая на Джейми.

Он с укоризной послал мне взгляд голубых глаз.

– Ага, тяни-тяги. Тогда можешь сразу брать свечу в руки.

Приказав французу взять бутылку, Джейми рывком поднял меня, усаживая себе на колени, и обездвижил мои руки – левую прижал к телу, правую же поднял раной вверх.

Я могу ошибаться, но у Эрнеста Хемингуэя есть фраза: «Предполагается, что от боли вы лишитесь чувств, но, к сожалению, этого никогда не происходит». Старик Хэм никогда не чувствовал, как спирт попадает на открытые раны, либо я чего-то не понимаю.

Но как я ни рада была потерять сознание, этого не произошло, а если и произошло, то потеря была кратковременной, потому что вскоре послышался голос Фергюса, увещевавший меня:

– Миледи, пожалуйста, кричите не так страшно: люди пугаются.

Добрый мальчик! Он пытался ободрить меня шуткой, а сам дрожал как осиновый лист. Моряки же время от времени заглядывали в окна или даже приоткрывали дверь; на их лицах читались страх и жалость.

Мне многого стоило кивнуть им, но необходимо было как-то поблагодарить этих людей. Джейми держал меня – или держался за меня? я не могла сказать наверняка – и тоже дрожал.

Мужчины довели меня до низкого капитанского кресла. Джейми взял кривую иглу и кетгут. Его лицо было мрачным. Мою руку жгло словно в огне.

Мистер Уиллоби, о существовании которого я уже успела забыть, подскочил и сказал Джейми, забирая иглу:

– Моя шить, моя все сделать. Ваша нет, ваша потом.

Вместе с иглой он исчез куда-то. Судя по всему, он хотел «помогать» мне, как и обещал.

Джейми не перечил. Каюту огласил наш общий вздох облегчения, изданный нашими с Джейми легкими. «Очень хотелось бы, чтобы мы смогли вздохнуть вот так, когда все кончится», – подумалось мне.

– Представь, я сказала дочери в качестве материнского назидания,

чтобы она общалась исключительно с высокими мужчинами, а то все коротышки обычно делают гадости. – Я оттягивала время, заполняя его звуками своего голоса, боясь заполнить его криком.

– Считай, что мистер Уиллоби – исключение из правил, – отозвался Джейми, отирая мне лицо. – Англичаночка, я не желаю знать, что было в твоей голове, когда ты туда полезла, только не повторяй больше таких выходов.

– А что мне оставалось... – начала было я, но приход китайца помешал мне закончить фразу. Мистер Уиллоби принес свернутый в рулончик зеленый шелк, такой, какой приносил тогда, когда лечил Джейми от рвоты.

– Ой, ты принес те иголки? – радость узнавания мелькнула на лице Джейми. – Все будет хорошо, англичаночка, он тебя вылечит, уж я-то знаю. Это не так больно, как тебе кажется.

Я протянула, насколько смогла, раненую руку китайцу, а он осторожно щупал ладонь, надавливая, проводя подушечкой пальца, дергая, и в конце концов нажал на условную точку на запястье между лучевой и локтевой костью.

– Внутренние врата. Покой. Мир. Делать все спокойно и мило.

Ох, как же мне хотелось, чтобы у меня все сделалось спокойным и милым!

Целясь иглой в точку на моей коже, он точно попал куда хотел. Введение иглы было болезненным, но ровно таким, каким бывает укол при штопанье, а после боль прошла и введения остальных игл – их было по три в каждом запястье и самая большая в верхней части правого плеча – я не ощутила. Мистер Уиллоби нашел и другие точки на моем теле, в особенности на шее и плече, но не сказал, какой эффект производит нажатие на них.

Я не склонна приписывать ослабление боли исключительно акупунктуре, но боль чувствовалась не так сильно, плечо и раненая рука онемели, и я более-менее равнодушно смотрела, как мистер Уиллоби берет уже мою иглу и заштопывает мне рану. Его рукам я доверяла: он держал меня мягко, но крепко, и я расслабилась.

– Выдыхай, скоро все закончится. Все уже закончилось, можно сказать.

Если бы Джейми промолчал, я бы не поняла, что задержала дыхание. Боль от кривой хирургической иглы можно было терпеть, а вот страх перед болью заставил меня скукожиться.

Китаец ловко орудовал иглой, словно только то и делал, что штопал да зашивал открытые раны. Под нос он напевал песенку, содержание которой,

весьма фривольное, Джейми недавно перевел мне. Влюбленный парень перечисляет достоинства любимой, подробно описывая части ее тела. Я не знала китайского и не могла узнать, когда речь пойдет о ногах, но по реакции мистера Уиллоби можно было догадаться об этом, а мне совершенно не хотелось на это смотреть.

– Чем это тебя так угораздило? Я бы не смог вот так сидеть и смотреть. Ты смелая, – изрекал Джейми, тоже скрывая страх за словами. – Малайский нож, что ли? Или абордажная сабля?

– Сабля, точно она. Я помню, – поделилась я. – Вообще он бежал за...

– Из-за чего весь сыр-бор? На что мы им сдались? – Джейми уже не интересовался личной жизнью нападавшего. – Ну не дерьмо же они хотели отобрать.

– Да уж не его. А может, они не знали, что на борту столько гуано?

Это предположение было уже совсем детским: не услышать запах гуано было делом не из легких, если вообще осуществимым.

– Корабль хотели заполучить, я думаю. Мы маленькие, и нас легче взять на абордаж. Команда небольшая, судно не военное. Легкая добыча.

Песня прекратилась: мистер Уиллоби закончил шить, оборвав повествование о китайской возлюбленной на описании пупка, как мне показалось.

– Как назывался тот корабль? У меня, ты понимаешь, немного времени было на расспросы. Пиратов кроме «Брухи» хватает, но ведь она была здесь недавно, три дня назад...

– Как же я не догадался, олух! – хлопнул себя по лбу Джейми. – Ну да, она! Размер совпадает, широкий испанский бимс...

– И тот, кому Пинг Ан дал по башке, говорил на смеси...

Голоса из коридора не дали мне договорить.

Вошедший Фергюс пребывал в смешанных чувствах: с одной стороны, он чувствовал неловкость за прерывание нашего разговора, с другой – стремился что-то сообщить нам. В руках у него были какие-то побрякушки.

– Милорд, на палубе мертвый пират. Его нашел Мейтленд.

Джейми вытаращился на меня.

– Мертвый? Совсем?

– Ну не наполовину же, – удивился Фергюс.

За его спиной торчала довольная голова Мейтленда, пришедшего за славой. Точнее, часть моей славы должна была перепасть ему.

– Голова разбита, оттого и умер, – блеснул медицинскими познаниям француз.

Джейми, Фергюс и Мейтленд разом вопрошающе посмотрели на меня.

Не могу сказать, что я была горда, оттого что убила врага: тогда я была так напугана, что готова была поскорее умереть, нежели провисеть на реях хоть миг. Но я не могу сказать и того, что чувствовала жалость к убитому, – он заслужил свое.

Джейми затеребил макушку.

– Англ...

– Я хотела все рассказать, но ты не слушал, – холодно заявила я.

Бренди и иглоукалывание сделали свое, и я была настроена миролюбиво, хоть и слегка чувствовала возбуждение. Не зная, сколько пиратов убито в схватке командой «Артемиды», я все же почувствовала причастность к такому важному событию, как изгнание захватчиков с корабля.

– При нем нашли вот это, – Фергюс бросил что-то на стол.

Это было ожерелье с шеи того пирата: серебряные пуговицы, срезанные или сорванные с мундира военного, отшлифованные части раковины морского ушка, обломки перламутра, но больше всего было монет с проделанными в них дырочками для нанизывания на шнурок.

– Кое-что заслуживает вашего внимания, – авторитетно проговорил Фергюс.

Он повертел в руках серебряную монетку. Она, в отличие от других, не была тусклой или затертой, и на ее аверсе четко выделялись две головы Александра.

Великолепно сохранившаяся тетрадрахма IV века до Рождества Христова.

Слабость и нешуточное нервное напряжение после всего пережитого взяли свое, и я немедленно уснула сразу после окончания операции, благо бренди подействовало усыпляюще. К сожалению, этот эффект не продлился долго, и уже к наступлению ночи боль вернулась. Рука болела в ответ на биение сердца, распухая, словно искушенная тысячью пчел.

Растущая луна посматривала своим полуприкрытым глазом на корабль, медленно продвигающийся по морю. Когда мы легли на нужный курс, она исчезла, оставив почему-то недоброе впечатление по себе. Было похоже, что начинается лихорадка: тело горело.

Хотелось пить в тропической духоте, и я честно встала с койки, не решаясь никого тревожить по таким пустякам. Требовалось всего-то достать кувшин с водой со шкафчика на противоположной стороне, но головокружение и общая слабость, а самое главное боль, заставляли меня усомниться в своих возможностях. Еще миг, и я бы полетела кубарем на пол, но голос из темноты, превратившийся в голос Джейми, вовремя

подсказал мне остановиться.

– Болит?

– Ну есть такое, – сдавленно ответила я.

Неся раненую руку здоровой, я попыталась сделать шаг.

– Хорошо.

– Что хорошо, что болит? Ну надо же! – не скрыла возмущения я.

Джейми нервно засмеялся и уселся, показав рыжую шевелюру на фоне темного окна.

– Видишь ли, если рана болит, она заживает. Скажи, когда он поранил тебя, ты что-нибудь чувствовала?

– Ничего, совсем ничего.

Лучше бы я тогда почувствовала. Воздух холодил руку, но это было приятно после духоты ночи, промочившей мне потом сорочку.

– Я видел это, и это было едва ли не самое страшное, что можно себе представить. Не чувствуют обычно смертельные раны.

Я засмеялась, быть может, некстати. От смеха боль усилилась.

– Откуда ты знаешь, что эта рана смертельная? – Я все-таки добралась до чайника и теперь наливала воду левой рукой. – И вообще, откуда такие сведения?

– От Мурты.

На корабле не было слышно, как вода наполняет чашку, потому что ее заглушал плеск волн, а сама вода показалась мне черной. Джейми еще не говорил со мной о Мурте. Ни разу с тех пор, как я вернулась. Фергюс сообщил только, что крестный отец Джейми погиб во время битвы под Каллоденом.

– Это произошло под Каллоденом.

Джейми говорил тихо-тихо. Его голос перекрывало скрипевшее дерево и свист ветра, но он не делал попыток говорить громче.

– Там... сжигали трупы. Да, сжигали. – Теперь я поняла, почему он так тяжело перенес поиски Эуона в грудe полусожженных тел на платформе среди папоротников. – Я видел это и представлял, что будет со мной, окажись я в огне.

Луны уже не было видно, но она бросала свой свет на лицо Джейми, делая его мертвенно-бледным, похожим скорее на череп с провалами глазниц или на посмертную маску, нежели на живое лицо.

– Я шел туда, желая умереть. – Это Джейми произнес чуть громче. – Но другие не хотели умирать. Если бы только меня убили сразу, в начале битвы! Я бы не увидел ничего из того, что было потом. Но я прошел через все поле – через все! – и видел, как товарищи гибнут, разорванные на

куски.

Он вскочил и возвысился надо мной.

– Но почему? За что мне это? Отчего они мертвы, а я жив, отчего? Скажи, Клэр!

– Значит, так было нужно. У тебя сестра, семья, арендаторы. Я, в конце концов.

– Хочешь сказать, что у них не было семей? Были. Я это точно знаю. И любимые, и сестры. Они не ушли неоплаканными, но они ушли. А я нет! За что мне это?

– Не знаю, милый. – Я прижалась к его щеке.

Он поддержал мое движение и посетовал:

– Я всегда, всегда думаю об этом. Особенно о Мурте. Но не могу ответить, почему так.

Джейми поспешно отвел глаза. Я понимала: где бы он ни был, перед его мысленным взглядом всегда будут идти и падать убитые, а он будет с ними так или иначе.

– Если бы мы выступили раньше!.. Ведь были силы, была возможность. Но его высочество сидел на заднице, и люди стояли в строю, изнывая от тоски, голода и холода.

Карл Стюарт впервые взялся командовать войсками в этой кампании и теперь все время откладывал наступление, озирая вересковую пустошь с командных высот. А англичане не мешкали и выводили пушки, пристреливали их и в конце концов начали обстрел.

– По себе знаю: это было облегчением. Мы все знали, что скоро отправимся в ад, если уже не там, так, осталась формальность – нужно быть убитым, всего-то. – Глаза Джейми затуманились. – Мы видели эти пушки, из жерл которых на нас глядела смерть, и ничего не предпринимали, ничего! Просто стояли и смотрели. А они командовали, тоже ждали, чтобы поскорее убить нас.

Шотландский строй был неровен сам по себе, а когда начался обстрел, он поредел еще больше. Канонада перекрывала их боевой клич, издаваемый по-гэльски, но они кричали, с клинками в руках наступая на врага.

– Там был такой дым, что твой шотландский туман. Пара футов, и не больше, такой обзор. Я разулся и побежал вперед.

В лунном свете я увидела, что он искривил губы в улыбке.

– Знаешь, я даже был счастлив тогда. Единственное, чего я боялся, так это того, что меня покалечат и смерть не будет мгновенной. Но она была желанной. Я так хотел умереть... Ведь тогда я встретился бы с тобой,

англичаночка. Этого-то я и хотел.

Я приблизилась к нему, и он отреагировал, взяв мою руку.

– Все падали вокруг меня. Картечь и мушкетные пули пролетали со свистом, они жужжали прямо возле моего уха, но от меня все отскакивало, будто я был зачарованный! Колдовство, не иначе. Какой-то злой колдун постарался, чтобы я все это узрел.

Англичане не заметили его, а он благодаря туману проскользнул через все поле и добрался до их позиций. Можно только представить, что они подумали, увидев его – верно, приняли за демона мести, – но Джейми не дал им времени на размышления.

– Я плохо соображал тогда. Не очень понимал, к чему эта жестокость: мы ведь уже проиграли. Их жизни не воскресили бы моих друзей, как мне этого ни хотелось. Но я уже не мог остановиться. Мне нужно было убивать. Ты можешь в это поверить?

Я могла в это поверить, но плохо себе представляла это. Точнее, представляла слишком хорошо: вот Джейми со сверкающим широким клинком, вот умирающие от его ударов британцы, вот смрад от начинающих разлагаться трупов, скрытых в тумане.

Он судорожно сжал мою ладонь, я поддержала его.

– Нужно убивать, – глухо повторил он. – И я убивал их. И убил бы еще даже сейчас, если бы мог.

Джейми говорил рассудительно, как человек, долгое время размышлявший над занимавшими его вопросами и взвесивший все.

– Не я один такой, всем мужчинам хочется утащить врага за собой в ад. Я отдался этому желанию сполна. Их было четверо, орудийный расчет. У них был нож и пистолет, все. У меня был только клинок. Но я убил их. Они не ожидали меня. Но я пришел. И убил их. Передо мной все вертелось, в груди полыхал пожар, было очень шумно и жарко. Они были беззащитны передо мной. Потом я сообразил, что нахожусь в тылу врага.

И Джейми отправился назад к друзьям, чтобы разделить их участь.

– Мурта подпирал собой кочку посреди поля. На его теле было более десятка ран. На голове самая страшная. Мне подумалось, что старик мертв.

Но когда Джейми взял сухопарое тело крестного, тот открыл глаза.

– Он узнал меня и заулыбался...

Было известно, что Мурта сказал перед смертью – он был в сознании. Это были слова, содержащие обращение к любимым детям. «Bhalaich, отчего ты дрожишь? Это пустячные раны, не обращай внимания. Мне вовсе не больно. Я жив».

– Я думал тогда, что он успокаивает меня. Но он и правда не

чувствовал боли. Смерть уже смотрела на него и покрывала своими крылами.

Джейми долго молчал, вспоминая. Его рука бездвижно находилась в моей; изредка он проводил большим пальцем мне по костяшкам пальцев, но мыслями был там, под Калоденом. Потом он тихонько потрогал мою правую руку.

– Я никогда себе не прощу. Столько людей ввязалось в это из-за меня! Многие из них погибли только потому, что знали, кто я такой, и их убили. Мне кажется, что я всюду сею зло и хаос, к чему ни притронусь. Ты терпишь сейчас такую страшную боль потому только, что любишь меня и потащила за море вместе со мной. Я убиваю тебя. Но мне нужно слышать твой голос, иначе я буду думать, что ты тоже уже мертва. Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Вместо этого я поцеловала его голую грудь: было жарко, и он спал голышом.

– Я жива. Это мой выбор – пойти с тобой. И Мурту убил не ты. И мальчишку мы найдем обязательно. Дай мне влезть в постель.

Я уже дремала, когда услышала голос с пола.

– Мне не нравилось возвращаться домой, когда я жил с Лаогерой. Но она никогда не убегала. Я всегда находил ее там, где оставил. Без меня она ничего не предпринимала.

Джейми сопел во тьме, и я послала вниз уничижительный комментарий:

– Хочешь сказать, что привязывал ее к пушке? Жену в карман не спрячешь. Или ты хочешь попробовать? Где оставил, там и взял, так, что ли?

Он издал звук, одновременно похожий на смех и на кашель, а потом уснул богатырским сном.

Глава 55

Измаил

Я плохо спала и проснулась, чувствуя, как раскалывается голова, с благодарностью приняв предложение Марсали протереть мне лоб. Девушка подарила мне настоящее блаженство, касаясь тряпицей, прохладной от уксуса, моего горячего лба и пульсирующих висков.

Как и все горячечные больные, я радостно уснула после этой нехитрой процедуры и, конечно, не слышала, как Марсали ушла, но сон не был так приятен, как ласковое прикосновение молодой шотландки: снились темные, запущенные штольни, обгорелые кости, стреляющие англичане и прочая муть – следствие истории, рассказанной Джейми. Испугавшись, я проснулась и даже села на койке, чего в моем состоянии делать было категорически нельзя, и я сразу почувствовала месть организма в виде вспышки боли.

– Что это? Что случилось? – крикнула я, желая услышать ответ и таким образом понять, снится мне это все или происходит на самом деле. Защищая меня от света, кто-то добрый затенил окно, и теперь я не могла видеть, что происходит в каюте, даже когда на улице стоял божий день.

Из сумрака отделилась фигура высокого человека, держащегося за голову. «Джейми дразнится», – подумалось мне, но порция китайско-французско-гэльских ругательств, донесшаяся из того угла, где он находился, убедила меня в том, что ему требуется помощь и, возможно, врачебная.

– А-а-а, проклятье! – зазвучал английский говор. – Свиной хвост! Пропади оно все пропадом!

Джейми, а это был, конечно, он, бросился к окну и рванул занавеску. В каюту полился бодрящий воздух и яркий свет.

– Джейми, чтоб тебя приподняло и шлепнуло! Какого беса, скажи на милость? Вообще, за каким чертом ты здесь все крушишь?

Свет был, может быть, приятен кому-то, но точно не мне сейчас: он колот мои веки тысячью иголок, а за голову я, в отличие от Джейми, стукнувшегося башкой о шкаф, но не повредившего прочие органы, не могла взяться без того, чтобы с содроганием не вспомнить о вчерашней операции.

– Ищу твой сундучок. Где лекарства. Где он? – Он ощупал голову. – Все, скоро мозг потечет. Смотри!

Негустая кровь на его пальцах должна была символизировать вытекающий мозг.

Я обмотала его руку платочком с уксусом, предусмотрительно оставленным Марсали, и улеглась на подушки.

– Стоило здесь разводить. Что, нельзя было у меня спросить, где ларчик? Или думаешь, что я коварно припрятала его, чтобы ты изошел кровью? Зачем метаться в темноте, а?

– Чтобы тебя не разбудить, – искренне ответил он.

От улыбки, вызванной умилением, рука пронзила меня миллионом пчелиных укусов.

– Пускай, все равно кошмары снились. А зачем тебе сундучок? Кому-то требуется моя помощь?

– А то! Мне и требуется. – Джейми прерывистыми движениями прикладывал уксусный компресс к повреждению. – Посмотри, пожалуйста. Ты не против?

Даже если бы я и была против, он все равно сунул бы мне свою ужасающую рану, поэтому я махнула рукой, чтобы он наклонился, и для верности притянула его макушку к себе, опустив ее на уровень своей груди. Там была только шишка, правда, внушительных размеров, а на ней была рассечена кожа, образовав ссадину, но более серьезных повреждений я не видела. Ну не контузия же, в самом деле. Разве что легонькая.

– Ну, твоя бесценная башка в сохранности, если хочешь знать, – сообщила я, поворачивая его шею к свету. – А вообще она у тебя на редкость твердая. Потому-то ты такой упрямый, из тех, кого не прошибешь, вот уж точно.

Приговаривая так, я чмокнула его шишку, подобно любой матери, принявшей меры против лечения какой-нибудь детской «вавы».

Джейми вытаращил глаза, в которых читался немой вопрос.

– Лучше заживет, – щурясь, пояснила я.

Он широко заулыбался.

– Да-а, уж наверняка.

Желая последовать моему примеру, он коснулся губами моей повязки на правой руке и испытующе посмотрел мне в глаза.

– А так?

– О, – заверила я, – почти зажило.

Обрадованный, он достал графин с виски и налил мне стакан.

– Вообще я искал ту настойку, которой ты лечишь порезы, – признался Джейми, отпивая из стакана.

– Это отвар, отвар боярышника, – поправила я. – Сейчас его нет,

потому что я готовлю каждый раз свежий: он, видишь ли, плохо хранится и быстро скисает. Если кому-нибудь нужно, я займусь этим сейчас, он варится быстро.

Необходимость встать и пойти куда-либо, а еще и на камбуз, а еще и сейчас, заставила меня пообещать помощь неестественно бодрым как на мое теперешнее состояние голосом. Но что делать, я же врач, хоть и заболевший. Будем считать, что вылазка на камбуз станет той встряской, без которой я бы не выбралась из кровати.

– Ну не знаю, стоит ли бежать прямо сейчас. Но вообще помощь потребуется: у нас в трюме находится пленник. Ребята хорошо прошлись по нему, – смущенно закончил Джейми.

Мой стакан опустился вместе с рукой.

– Что значит «пленник»? Кого вы взяли в плен?

– Пирата. Человека с пиратского корабля. Вряд ли он сам является пиратом, – размышлял Джейми.

– А кто же он тогда?

Он сделал последние несколько глотков виски и развел руками.

– А черт его знает. Думаю, что беглый раб, похож, во всяком случае, – рубцы на спине выдадут. Но отчего бежал, непонятно.

– И когда он бежал? – Я не могла ухватить логических связей в повествовании Джейми.

– С «Брухи», когда она стояла здесь. По крайней мере, мы так предполагаем, потому что пираты уже ушли, а Макгрегор указал на человека за бортом. Подняли его на лине.

– Надо же, как интересно. А почему бежал от пиратов? Хотел помочь нам или спастись?

Благодаря выпитому бренди я почувствовала себя лучше: боль отпустила, и я уже могла следить за событиями если не наравне со всеми, то по крайней мере воспринимать то, что приходит в каюту вместе с посланцами из внешнего мира.

Джейми не сразу ответил на мой вопрос.

– Не могу тебе сказать, не знаю. – Он запустил руку в волосы. – Хотел попросить, чтобы «Артемиды» пошла на abordage в ответ? Глупо. Нужно понимать, что наше судно гражданское, даже не торговое, строго говоря. Захватить их мы бы не смогли. Хотел спастись от пиратов? Вот это очень вероятно.

Я допила виски, мысленно вознося благодарность Джареду, придумавшему этот божественный «Ceò Gheasacach» – «Волшебный туман». Вместе с алкоголем в организм влилась бодрость тела и духа.

– Давай я пойду к нему. Мне кажется, он нуждается в помощи после долгого времени, проведенного в воде.

Признаться, я не ожидала, что Джейми вот так просто отпустит меня из каюты. Мне представлялось, что он скорее позовет на помощь Марсали, чтобы она своим весом прижала меня к койке, нежели поступит так, но он спокойно согласился с моим предложением.

– Тоже дело, англичаночка. Возвращайся к своим врачевным обязанностям. Но ты сможешь встать?

Оценить свои возможности я могла, только попробовав что-либо сделать, в данном случае встать. В лежащем положении каюта и потолок располагались на своих обычных местах, но стоило мне принять сидячее, а после и вертикальное положение, как перед глазами появились цветные точки, показывая, что мне следует лечь, иначе я упаду в обморок. Я победила, вцепившись в Джейми: точки перестали танцевать перед глазами, давление нормализовалось.

– Идем, – приказала я с тревогой глядевшему на меня Джейми.

Мужчину, к которому мы направлялись, поместили в трюм, а именно в ту каморку, где помещались проштрафившиеся матросы либо запойные пьяницы, то есть в подобие арестантского трюма на «Дельфине», только у нас в каморке располагались пленники, а рядом грузы.

Трюм, как водится, был темен, и я переживала, что грохнусь сейчас на душные доски, а Джейми придется расхлебывать заваренную мной кашу, но усилием воли я заставляла себя смотреть на глазок фонаря в мужниных руках.

Трудно было увидеть человека в темной каморке, служившей арестантским трюмом, а пленник был еще и темнокожим. «Прямо трубочист», – подумала я, видя, как темнота обретает черты лица.

Он был африканцем, который прибыл откуда угодно, но не был рожден на островах: слишком независим он был и к тому же черная с красноватым отливом кожа выдавала его. Его усадили на бочку, связав руки за спиной, а ноги спутав веревкой, но он держался гордо, по крайней мере пытался это делать, насколько позволяли обстоятельства. Так, видя, что к нему идут – а это шли мы с Джейми, – он поднял голову и выпрямил спину, будто не сидел все время понурый и задумчивый.

То ли моряки с «Артемиды» отняли у него одежду, то ли ее не было у него и на «Брухе», но на мужчине были только порванные штаны. Он был подобен натянутой тетиве, разве что не звенел, хотя я не сомневалась, что внутри все его естество звенит и клоочет от негодования. Напряженные мышцы красиво вырисовывались под кожей, взгляд был полон угрюмой

ненависти, и все указывало на то, что он не дорого продаст свою жизнь, если придется, но не будет повиноваться ни первому встречному, каким был Джейми, ни кому бы то ни было.

Шотландец отметил и изменение положения пленника при его появлении, и взгляд, но махнул мне рукой, желая идти сам.

– Amiki, – убеждал он, поставив фонарь на бочку, не собираясь принижать достоинства негра ослеплением светом. – Amiki. Bene-bene^[21], – показал он открытые безоружные ладони.

Джейми пытался говорить на «таки-таки» – диалекте, которым моряки и купцы изъяснялись в портах и который понимали от Барбадоса до Тринидада.

Пленник смотрел ничего не выражавшим взглядом, а затем показал связанные ноги, вытянув их.

– Bene-bene, amiki?

Непередаваемая ирония звучала в его голосе, принижая господина и возвышая раба.

Удивленный Джейми фыркнул и пробормотал:

– Ну лучше так, чем вовсе молчать.

– Какой язык он понимает? Английский? Французский? – спросила я, выходя из тени.

Мужчина бросил на меня равнодушный взгляд и отвернулся. Какая ему, в сущности, разница до жены господина!

– Не знаю, не признается. Пикар и Фергюс пытались что-то выведать, но им ничего не удалось узнать: только таращится и молчит. Ни звука не произнес, вот какое терпение! Вообще говоря, это первая фраза, которую я от него услышал, если честно. Думаю, что на «Артемиде» тоже первая. – ¿Habla Español?^[22] – прервал свою тираду Джейми.

Если он спросил это в расчете на то, что эффект неожиданности сработает, то он просчитался – мужчина вперил взгляд в дверной проем.

– Sprechen Sie Deutsch? – попробовала я.

Ответом было упорное молчание. Других слов на немецком, кстати говоря, я не знала и исключительно для очистки совести проговорила:

– Nicht Hollander?

Джейми презрительно сощурился.

– Скажи мне, англичаночка, каким местом он похож на голландца? Я чего-то не понимаю?

– Элевтера – голландский остров. А «Бруха» была там. Возможно, он знает этот язык. Или датский – Сент-Круа, кажется, принадлежит датской

короне.

Рассуждая таким образом, я внезапно сообразила: благодаря этому мужчине, если его удастся разговорить, мы сможем узнать что-нибудь про Эуона. Мальчик ведь был на «Брухе», а раб бежал оттуда! Господи, как же туго думают раненые...

– Джейми, скажи, а «таки-таки» позволит тебе узнать что-нибудь про мальчика или ты не владеешь этим языком в достаточной степени?

Он внимательно смотрел на раба, освещенного фонарем, но услышал мой вопрос.

– Я не смогу, – отрезал он. – На «таки-таки» я знаю всего несколько слов: «плохо», «сколько?», «дай», «оставь, сволочь». Этого мало, как ты понимаешь.

Раб сидел молча и не реагировал на слова, которыми мы перебрасывались. Не показал он и того, что понимает слова, произносимые Джейми на «таки-таки».

– Слушай, хватит. Какого лешего я здесь торчу?

Джейми встал, доставая кортик – раб не реагировал, – и, обойдя бочку, разрезал веревки, стягивавшие тело мужчины. Затем он снова присел перед бочкой и громко проговорил на «таки-таки»:

– Друг. Хорошо?

Это удовлетворило чернокожего: он кивнул, все так же храня молчание.

– Там галюн, – он махнул рукой, указывая направление. – Иди туда. Моя жена, – он указал на меня, – вылечит тебя.

Мужчина слегка удивился, но послушно встал, наклонил голову, то ли в знак благодарности, то ли в залог покорности, и встал, держась за тесемку штанов опухшими руками.

Я повела бровью, на что Джейми не замедлил объясниться:

– Очень больно, когда тебя эдак связывают. Самое веселое, что не можешь помочиться сам. Хоть в штаны дуй.

– Понимаю. – Мой лепет свидетельствовал, что я догадываюсь, откуда Джейми знает такие подробности невольничьего быта, но предпочитаю не заострять на этом внимание.

– И плечи тоже очень болят, так и ломают. Будь осторожна, англичаночка.

Последнее касалось моей безопасности, и я не могла не согласиться с ним: раб мог бы причинить мне вред, находясь и в таком плачевном состоянии, если бы захотел. Не хотелось убеждаться на собственном опыте, способен ли он на это.

В любом случае мне досталось меньше, как это ни парадоксально: у меня болела и кружилась голова, но спина у меня не была исполосована, равно как и другие части тела.

Правда, моя рана была открытой и глубокой, а раны раба были по большей части поверхностными – шишка на лбу, например, и содранная кожа на плече.

Были и более болезненные повреждения: от веревок на его запястьях и лодыжках образовались глубокие следы, сочащиеся кровью. Это была работа не для отвара боярышника, но для мази из горечавки, холодной голубоватой субстанции, которую я взяла с собой. Контакт раненой кожи и мази должен был вызвать хоть какую-нибудь реакцию у пациента, но этого не произошло: я со своим лечением и мазью представляла для больного ровно такой же интерес, как и палуба.

Проводя сеанс лечения, я попутно могла рассмотреть его кожу, испещренную множеством разнообразных знаков, к примеру, три вертикальных разреза, шедших параллельно и находившихся меж бровей на лбу. Мерфи утверждал, что нанесение подобных шрамов – составляющая обряда посвящения, когда мальчик должен стать мужем.

Я ощущала гладкость мужской кожи, потной от духоты и тщательно скрываемых переживаний, но не знала, где мой пот смешивается с его выделениями: палуба качалась – я полагала, что это качка, но это могла быть и моя болезнь, – я не могла твердо стоять на ногах и касалась спины незнакомца, исполосованной рубцами, похожими на следы движения каких-нибудь страшных подкожных личинок. Спина Джейми выглядела так же.

Мне было неприятно думать о таких вещах, и я с трудом обрабатывала раны негра.

Он же вовсе не замечал ни моего присутствия, ни моих прикосновений, хотя я точно знала, что некоторые из них причиняют ему боль. Джейми наблюдал за моими действиями, а раб наблюдал за Джейми.

Причина такого молчания лежала на поверхности: человек, бежавший с пиратского корабля, где с ним проделывали неизвестно какие вещи, увозя в вечное рабство, попал на другой корабль, где с ним хотят проделать тоже нечто непонятное. У него не было оснований говорить с нами, ведь мы могли догадаться по произношению и по знанию языков, откуда он прибыл, и вернуть его назад, к хозяевам. Одно мы уже поняли: он знает или понимает английский.

Мы не рассчитывали, что он возрадуется обретению новых хозяев в лице меня и Джейми, и это тоже можно было понять. Нам предстояло

убедить его, что мы не причиним ему зла, не отправим вдогонку пиратам и не будем бить, как его бивали раньше. Загвоздка была в том, как это сделать – как убедить молчуна?

Но не говорить с ним и не вызывать на откровенность мы тоже не могли, поскольку если кому-то что-то было известно об Эуоне, так только ему, человеку с пиратского корабля, даже не масонам. Жив ли Эуон Мюррей? На «Брухе» ли он?

Я закончила лечение, наложив повязки на места, натертые веревками, и Джейми, помогая мне встать, предложил чернокожему:

– Давай поедим. У нас есть еда, не отравя.

Подавая пример, он повел меня к выходу не оглядываясь. Раб последовал за нами – я видела это, обернувшись украдкой.

Мы добрались до моей каюты, отогнав матросню от дверей. Джейми попросил Фергюса принести съестного, чтобы не тащить меня до камбуза или кают-компаний.

– Англичаночка, живо в постель.

Я не дала себя упрашивать, ощущая жар во всем теле и головную боль. Рука все время ныла, а это наводило на простую мысль: очевидно, придется использовать оставшийся запас пенициллина, как это ни прискорбно.

Мешкать было нельзя, ведь могло пойти заражение организма, а у нас не было второго лекарства.

В каюте был виски, и Джейми плеснул нам в стаканы. Негр, не артачась, принял свой стакан, отпил и, судя по реакции, очень удивился крепости напитка и его существованию как таковому. Не удивлюсь, если у него не было возможности пить шотландский виски в неволе.

Джейми взял свой стакан и сел за столик, указывая незнакомцу место напротив; я же лежала на койке.

– Я Фрэзер, – он тыкнул себя в грудь. – Капитан. Моя жена, – последовал кивок в сторону койки.

Раб решил говорить и отставил стакан с напитком.

– Они звать моя Измаил, – послышался его низкий голос. – Моя не пират. Моя повар.

– О, подарок для Мерфи, – лукаво подмигнула я.

Джейми не стал отвлекаться на мои реплики и задавал пленнику вопросы, не настаивая на ответе, но создавая условия, чтобы тот отвечал. Я отметила, что характер вопросов довольно своеобразный: Джейми спрашивал вскользь, походя, но о том, что представляло для нас наибольшую важность. Раз уж негр заговорил, нужно было вытянуть из него все возможное, и мы это делали. По залегшей межбровной морщине и

по дрожанию негнущихся пальцев я видела, что Джейми напряжен.

– Ты был коком на «Брухе»?

– Не эта корабль, моя не делать ничего на этот корабль. Они забирают меня с берега, называть Измаил, говорить: мы убить тебя, если твоя не идти с нами. Моя не пират, нет, – настаивал пленник, не желая показаться нам пиратом.

В этом был свой резон: за пиратство вешали на рее. Мы, конечно, не стали говорить Измаилу, что и нас могут повесить, и внимательно слушали его сбивчивый рассказ.

– Я понял.

Джейми взял верный тон, призванный внушить спокойствие и одновременно выпытать как можно больше, вызвать на откровенность, сделать так, чтобы негр видел, что ему не доверяют, и захотел рассказать нам правду, но в то же время не напугать его и заставить замкнуться в себе.

– А как ты попал к пиратам? – Измаил потемнел, и Джейми поспешил прибавить: – О нет, я не спрашиваю, где они схватили тебя, это меня не интересует. Мне, в сущности, все равно, кто ты, но хотелось бы верить, что не пират. Потому что можно многое порассказать, да только я не всему поверю. Как ты попал к ним и сколько они тебя держали у себя?

Это был хитрый ход: мы принимаем слова Измаила на веру, но требуем доказательств, иначе отправим его на невольничий рынок либо предадим английскому правосудию как предполагаемого пирата.

Он обо всем догадался и мотнул головой, опуская глаза.

– Моя быть на речка, кушать рыба, ловить рыба. Приплыть корабль, большая. Люди спускать лодочки. Белые люди в лодках. Они видеть моя, громко кричать. Моя бежать, они догонять, ловить, тащить на корабль. Хотеть продавать, – зловеще заключил он.

– Понимаю...

Джейми так и подмывало спросить, где же находится эта река, но он промолчал: от любого неосторожного слова негр опять мог уйти в себя. Этого только не хватало.

– Послушай, а не было ли на корабле мальчиков? Маленьких или постарше, любых? Ты случайно не видел?

Измаил, не ожидав такого поворота событий, распахнул заблестевшие глаза.

– Твоя хотеть мальчик, любить мальчик? Там быть мальчики.

Недоумеая, что белый господин в присутствии жены спрашивает о маленьких мальчиках, негр поглядывал на меня, но я молчала. Зато покрасневший Джейми рассердился:

– Моя любить только один мальчик, мой племянник! Его у меня украли, и теперь я обрыскал все... Я буду очень обязан тебе, если ты поможешь мне в поисках, – холодно договорил он.

Хитрый негр хмыкнул.

– Твоя что дать моя? Моя помогать – что давать твоя?

– Дам денег в золоте и высажу где пожелаешь. Идет? Но взамен потребу доказательств. Иначе не поверю.

Измаил развалился в кресле, подражая Джейми.

– Твоя говорить, на кого похож мальчик, – торжествующе оповестил он.

– Нет, расскажи сам, кого ты видел, – отрезал Джейми. – Сколько их было и как они выглядели.

Измаил улыбнулся.

– Ваша умный. Знать?

– Да уж догадываюсь, представь себе. Валяй рассказывай, – Джейми оборвал его рассуждения.

Измаил покосился на Фергюса, принесшего поднос с фруктами, и взял одну дольку. Француз тоже искоса поглядывал на негра.

– Двенадцать мальчишка. Говорить странно, как ваша.

Джейми блеснул глазами и послал мне взгляд.

– Все так говорят, как я? Это шотландцы?

Объяснить Измаилу, кто такие шотландцы, было тяжело, но он нашелся сам:

– Говорить, как злая собака. Гррр! У-у-у-уф!

Он передразнил скалящегося пса, а Фергюс закусил губу, чтобы не захохотать в голос.

– Это и впрямь шотландцы. – Я и Фергюс умирали со смеху, но старались не подавать виду, так что мне пришлось взять инициативу в свои руки и заставить Измаила продолжить рассказ: – Двенадцать шотландских мальчиков, что дальше?

Джейми с раздражением бросил на меня взгляд и стал говорить сам:

– Мы поняли, спасибо. А как они выглядели?

Измаил рассматривал манго, словно раздумывая, стоит его есть или плод ненастоящий. Интерес и голод превозмогли, и он утер губы тыльной стороной ладони.

– Моя видеть мальчики один раз.

Он стал вспоминать, и оттого, что он хмурился, затянувшиеся шрамы на лбу приблизились друг к другу.

– Желтый волос – четыре мальчик. Коричневый волос – шесть. Черный

– два. Моя выше, чем два мальчик, а один такой, как надсмотрщик.

Теперь стало понятно неприязненное отношение Измаила к Фергюсу. Верно, в числе его надсмотрщиков были европейцы, быть может, даже французы. Фергюс вскинулся и возмущенно поглядел на нахального негра, но промолчал.

– Один мальчик крупный, но меньше ваша.

– С ростом все понятно. А что на них было надето?

Джейми не спешил и выяснял все детали, могущие навести нас на след Эуона, но в то же время не показывал, к кому из мальчиков проявляет наибольший интерес. Рост, вес, цвет радужки, наличие шрамов и отличительных признаков, сутулость – все это становилось предметом его расспросов, все, что можно было рассказать и что запомнил Измаил.

Мужские голоса имели спокойную тональность, звенящий голос Фергюса не встревал в разговор, и я закрыла глаза. Усталость дала себя знать, но, по счастью, у меня больше ничего не болело и не кружилось.

Джейми и впрямь говорил чудно, как будто пес порывается. Раньше я такого не замечала. Согласные, вот что дает такой фонетический эффект.

Я примешала к этому свое фырканье, попытавшись издать похожий брюшной звук, и ощутила дрожание мышц под руками, которые сложила на животе.

Измаил говорил так же низко, как и Джейми, но его речь лилась плавно – хоть этого нельзя было сказать о его грамматике, – подобно тому, как льется растопленный шоколад, сдобренный сливками; она убаюкивала и усыпляла.

«Удивительно, как похоже на голос Джо Эбернети. Совсем такой, каким он диктовал отчет о вскрытии».

Голос Джо мог сделать красиво звучащими даже такие вещи, как отчет о вскрытии жертвы несчастного случая. Эбернети производил вскрытие трупа, надиктовывая отчет на магнитофон. Руки его на фоне бледности мертвого тела казались еще чернее.

«... мужчина, около шести футов, худощавого телосложения...»

Услышав голос Джо наяву, я вздрогнула и проснулась. Это было невероятно, но он звучал. За столом сидел...

– Нет! – воскликнула я, немало напугав этим мужчин.

Волосы спутались и налипали на руку, когда я отбрасывала их назад.

– Нет-нет, ничего, продолжайте. Сон дурной.

Они продолжили говорить, а я принялась размышлять.

Внешнего сходства ничуть не было: телосложение Джо делало его похожим на медведя, а Измаил был тоненьким и жилистым, очень

сильным, если судить по рельефу мускулатуры.

Выражение лица и цвет кожи тоже разнились: широколицый Джо приветливо улыбался, Исмаил выглядит так, словно прячется от кого-то, преследуемый кем-то, а потому не доверяет никому и имеет настороженный волчий взгляд. У Эбернети была кожа цвета свежего кофе, а у Исмаила она имела красновато-черный оттенок, будто догорающие угли в костре. Штерн говорил, что таковы рабы с побережья Гвинеи, не так высоко ценившиеся на рынке рабов, как иссиня-черные сенегальцы, но выше желтовато-коричневых яга и конголезцев.

Но голоса, голоса, черт возьми, были до ужаса похожи: закрыв глаза, я не могла отличить голоса Исмаила от голоса Джо, упорно возникавшего в моей памяти. Парадоксально. Эбернети прекрасно знал английский, а речь Исмаила являла собой образчик того карибского английского, известного всем как «рабский». Других признаков сходства не было. Я приоткрыла глаза, не желая быть замеченной Исмаилом во время наблюдений, и прошла по его телу внимательным взглядом. Теперь в глаза бросилось то, чего я раньше не видела из-за того, что его кожа была испещрена татуировками, шрамам и ссадинами.

Чуть ниже плеча у него был срезан лоскут кожи. Именно срезан, то есть повреждение носило рукотворный характер. Кожа была совсем розовой, а это значило, что ранение свежее, недавнее. В кубрике было темно, и я не сразу сообразила, что бы это могло быть, а сообразив, охнула.

«Отказаться от рабских имен», – приблизительно так говорил Джо о своем сыне. Леонард Эбернети переименовал себя, не желая называться европейским именем.

Кусок кожи, срезанный Исмаилом, содержал клеймо, которое нельзя было иначе вывести. Клейма же информировали, кто является хозяином того или иного раба. Негр избавился от клейма, чтобы его не вернули прежним хозяевам, по-видимому, нещадно его бившим.

Удивительное совпадение – Исмаил. Неужели это был безвестный дед сына Джо? Сам пленник не отождествлял себя с этим именем («Они звать моя Исмаил»), но не стал называть своего настоящего, племенного имени.

Имя Исмаил слишком походило на имя, выдуманное фантазией работорговца. Но каким же было настоящее имя пленника? Ленни мог проследить родословную вплоть до этого колена, я не отрицала такой возможности. И тогда, подобно своему далекому предку, он отказался от постыдных имен, данных рабам господами и взял себе прозвище как символическое родовое имя. Но...

Потолок каюты ограничивал безбрежный полет моей мысли. Эбернети

и Измаил. Следовало кое-что проверить.

Фергюс продолжал стоять, подпирая стену, но он заметил мой тайный знак и подошел ко мне, готовый выполнить любое мое желание.

– Я хочу выйти на воздух. Выведешь меня?

Джейми, говоривший об оснащении «Брухи» и составе ее экипажа, бросил на меня озабоченный взгляд, но я улыбкой показала ему, что все в порядке.

– Куда дели бумаги на барбадосских рабов? И где Тенерер?

Бумаги оказались у Фергюса за пазухой.

– Вот документы. Раб, наверное, в кубрике. А что угодно миледи?

Листы за короткое время пребывания на «Артемиде» успели набрать грязи, сделавшись еще более склизкими и неприятными на ощупь. Впрочем, может быть, это работало мое воображение.

– Вот! – Я нашла лист, который читал Джейми. – Эбернети! Эти рабовладельцы выжигали клейма в виде геральдической лилии на левом плече своих рабов. Фергюс, тебе знаком этот знак? Ты видел его где-нибудь ранее?

Парень не понимал.

– Хорошо, идем, я покажу тебе, – я потащила его в кубрик.

Цветок над литерой «А», три дюйма в длину и три в ширину, выжженный на пару дюймов ниже плеча. Тенерер и Измаил имели одинаковые клейма, только последний избавился от своего, не желая принадлежать Эбернети. Самым удивительным было то, что цветок не был в строгом смысле геральдической лилией: это была эмблема Карла Стюарта и якобитов – роза с шестнадцатью лепестками. Вот это да! Здесь, на Ямайке, так далеко от Шотландии, кто-то из патриотов решил проявить преданность делу молодости и, движимый благими намерениями, совершить подлог, выдав свой герб за геральдическую лилию.

– Миледи, вы не хотели бы прилечь? – Фергюсу не очень нравилось, что я разглядываю Темерера.

Тот очень спокойно отнесся к осмотру, явно не первому в его рабской жизни и, увы, не последнему.

– Ваше лицо... простите, миледи, но оно похоже на гусиный помет – такого цвета. Милорд будет зол, что вы ушли без него, а тем более если вы упадете.

– Я не хочу и не собираюсь падать в обморок. А мой цвет лица пусть заботит кого-нибудь другого: я второй день как после операции, между прочим. Это объяснимо. Лучше давай поговорим о другом. Фергюс, мне срочно требуется твоя помощь.

– Слушаю вас, миледи. – Он подхватил меня под локоть, когда я не сдержала свое обещание не падать и пошатнулась от того, что на «Артемиду» налетел ветер. – Но прежде вы ляжете. А расскажете уже лежа.

Я не была уверена на все сто процентов, что не упаду, и с радостью согласилась, все-таки решив рассказать французам все стоя, без посторонних ушей.

– Ох, англичаночка, наконец-то ты пришла. Зачем так долго гуляла? Ты еще нездорова, не следует подвергать себя таким опасностям. Как чувствуешь себя? Выглядишь ты хреново, лицо цвета испорченного заварного крема, – засуетился вокруг меня Джейми, когда я снова ступила в каюту.

Удивительно, но про помет упомянул галантный Фергюс, а не наоборот.

– Все в порядке. Не нужно так беспокоиться о моем лице. – Поскольку Измаил все еще был в каюте, я спросила, договорили ли они и могу ли я спокойно отдохнуть.

Измаил твердо выдержал взгляд Джейми, который не то чтобы не сулил ничего хорошего, но не был очень уж доброжелательным. Какая-то напряженность сохранялась, несмотря на долгие в меру откровенные разговоры.

– Да, мы договорили, но, быть может, вернемся к нашему разговору чуть позже. В любом случае, англичаночка, ты можешь отдыхать.

Джейми попросил Фергюса, прислуживавшего нам сегодня, отвести негра вниз, накормить и одеть и подождать, пока они скроются из виду.

– Ты правда плохо выглядишь, без обид. Стоит принести бутылочку?

– Потом. Слушай, я нашла ниточку, за которую можно потянуть. Я догадываюсь, откуда прибыл Измаил.

Джейми с надеждой уставился на меня:

– Да? И откуда же?

Я рассказала об избавлении негра от предполагаемого клейма, а также о сведениях, представленных бумагами.

– Даю пять из десяти, что оба с Ямайки. Плантация миссис Эбернети.

– Пять из десяти...

Мне подумалось, что Джейми неохотно верит мне, и я готова была привести еще какие-нибудь доводы, но он сказал:

– Надеюсь, ты права, англичаночка. Этот засранец, конечно, не признается, хоть клещами из него тяни, откуда он драпанул. Я бы поступил точно так же, будь я на его месте, – горячо заключил муж.

– И я... Так что там с дюжиной шотландских мальчиков? Эуон был

среди них?

– Полагаю, что да. – Рука Джейми сжалась в кулак. – Двое мальцов очень уж похожи. Пиратским кораблем была «Бруха». Если стало известно, как ты говоришь, откуда нарисовался Измаил, мы обязаны найти мальчишку!

Хоть негр и не признался, в устье какой реки его сцапали, зато проговорился, что еще дюжину людей постигла такая же участь после него, причем этими людьми были как раз ребята из Шотландии.

– Дюжина малых. Что с ними делать? Кому такое могло понадобиться?

Джейми нахмурился и рисовал себе самые фантастические картины, равно как и я, поэтому я решила немного позабавить его.

– А что, если это коллекционер? Человек, интересующийся монетами, камушками,кладами и шотландскими мальчишками.

Джейми мог бы и буркнуть колкость в ответ, но, напротив, оживился.

– Думаешь, что Эуон и сокровища теперь в руках одного человека?

– Как знать. – Я пошутила, но когда Джейми перевел разговор в более серьезную плоскость, отказалась продолжать, желая как следует выпасться. – Может, Измаил что-нибудь сообщит, вы ведь поговорите еще раз. За ним будет смотреть Темерер, я сказала Фергюсу.

Потеря крови естественно привела к нехватке кислорода, восполнить которую я пыталась зеванием.

– О, это очень хорошее решение, англичаночка, – одобрил удивленный Джейми.

Отдавая такое приказание, я руководствовалась больше интуицией, нежели здравым смыслом: думать в моем состоянии было затруднительно.

Джейми, видя это, встал и провел по моей руке в одобрительном жесте.

– Все, не думай о глупостях, лучше отдохни. Я попрошу Марсали, чтобы принесла китайский чай.

– Виски! – неожиданно для себя потребовала я.

– Ну хорошо, виски так виски, – заулыбался Джейми.

Он осторожно уложил меня на подушки, погладил по голове и поцеловал в лоб, памятуя, что это способствует лучшему заживлению ран.

– Теперь лучше?

– Ох, намного. – Улыбаясь, я закрыла глаза.

Глава 56

Черепажовый суп

И в этот день я пробудилась довольно поздно, после полудня, и, как и прошлое, это пробуждение было ужасным – у меня болело все тело. Во сне я разметалась и сбросила на пол все покрывала, а сорочка вымокла от пота. Ветерок приносил облегчение, но слишком слабое, чтобы удовлетвориться этим. Мистер Уиллоби сделал ровным счетом сорок три стежка, и все они жгли мою кожу огнем, как раскаленные булавки.

В свое время, готовясь к путешествию, я сделала прививки против брюшного тифа, оспы и той простуды, какой ее знали в восемнадцатом веке, но этого, конечно, было недостаточно: здесь хватало других зараз, и я не тешила себя иллюзией, что португальские пираты дезинфицируют свое оружие перед схваткой. Приходилось прибегнуть к последнему средству – использовать пенициллин.

Сейчас я бы не только не смогла найти чайник и налить из него воду, но и дойти до шкафа с одеждой. Задрожав, я опустилась на первое попавшееся пригодное для сидения место.

– Англичаночка, все в порядке?

Джейми встревожился, увидев меня сидящей в неудобной позе с закрытыми глазами и с юбкой, прижатой к груди.

– Подойди ко мне, пожалуйста. Мне нужно кое-что сделать, а сама я не справлюсь.

– Покушать не хочешь? Выпить вина? Или супу – Мерфи там такое состряпал!

Джейми подскочил ко мне, трогая мою голову.

– О господи, да у тебя лихорадка!

– Я знаю. Поэтому позвала тебя сюда – ты должен меня полечить.

Нашарив левой рукой в юбке заветную коробочку со шприцами и ампулами, с которой я не расставалась, я стиснула зубы от боли: правая рука реагировала болью на любое движение.

– Теперь ты. Помнишь? – Коробка легла на стол, а мои губы искривила усмешка. – Тогда я тебя колола, теперь ты меня.

Джейми недоуменно перевел взгляд с коробки на меня.

– Что, воткнуть в тебя вот эти штуки?

– Ну да. Не смотреть же на них.

– Что, опять в задницу? – Он припомнил боль от инъекции и

скривился.

– Да, других мест для этого не существует! От меня не убудет, поверь.

Джейми вперил взгляд в шприцы, созерцая их совершенную форму и оценивая остроту игл. Солнце отражалось на металле и золотило его рыжие волосы.

– А что делать? Ты скажешь или мне самому догадываться?

Я, словно на уроке, диктовала ему, что делать, четко и спокойно проговаривая каждый шаг, а он наполнил шприц и отдал мне по моему требованию – следовало проверить, не попал ли туда воздух, – затем взял его снова. Я уже лежала ничком на койке и немало забавлялась бы, если бы не болевшая рука. Но Джейми не было весело.

– Я же не мистер Уиллоби. Я так не умею, руки неловкие. Может, лучше его попросить? – пугливо отнекивался он.

Здесь я не выдержала и рассмеялась. Он, такой сноровистый, тот, кто принимал жеребят у кобылиц, клал стены, ошкуривал оленей и набирал шрифты, говорит, что у него неловкие руки! И все это он проделывал без электрического освещения. Что же там справляться с простеньким шприцом.

– Положим, что так, – ответил он на мои доводы. – Но эти твои штуки больно жалятся. И вообще, они похожи на кортики. Ты просишь, чтобы я убил тебя?

Решив взглянуть на начинающего шотландского врача, я обернулась и увидела, что он теребит тряпицу, смоченную бренди, и кусает губы.

– Но ты ведь помнишь, как оно было, когда я делала тебе уколы, верно? Во-первых, это не так больно. Во-вторых, не так страшно; от этого люди не умирают, а, наоборот, выздоравливают. Наконец, мне за мою жизнь делали много уколов, и я тоже сделала довольно много. Я же врач.

Мне надоело то, что он мнетя, когда каждая минута дорога. Пожалуй, еще разобьет ампулу с драгоценной жидкостью.

Приняв мои аргументы, Джейми заворчал, но послушно встал на колени и поводил туда-сюда мокрой тряпочкой, заменявшей нам тампон со спиртом, по моей ягодице.

– Так? Я правильно делаю?

– Отлично. Теперь приставь иглу к моей коже и введи ее, только чуть под углом, наискось. Помнишь, как я делала? Четверть дюйма пускай пройдет, почувствуешь сопротивление – ничего, не жалея меня, приложи усилие. И медленно надави на поршень.

Я выждала время, необходимое для произведения инъекции, но ее не было. Открыв глаза, я на Джейми устремила укоризненный взгляд.

Он тоже дрожал, но от нервного напряжения. Небось и ладони вспотели.

– Дай я. – Изогнувшись, я перевернулась на бок. Голова закружилась.

Я отобрала у него тряпицу и сама протерла себе место, определенное для укола. Как бы не промахнуться – руки-то дрожат от лихорадки...

– А...

– Помолчи уже!

Как-то исхитрившись, я ввела шприц в мышцу. Это было больно, а нажатие на поршень только усилило боль. Палец соскочил.

По счастью, Джейми догадался, чем он может быть полезен, и сослужил мне добрую службу: придержал мое бедро и накрыл ладонью мою руку, надавив на поршень и заставив его излить содержимое шприца в меня.

Я вздохнула с облегчением, когда все кончилось, и, повременив и собравшись с духом, поблагодарила Джейми.

– Извини, я не смог, – жалобно проговорил он, укладывая меня обратно на койку.

– Ничего, обошлось.

Под моими закрытыми веками танцевали узоры, напоминая детский чемоданчик с розовыми и серебряными звездами на темном фоне.

– Поначалу трудно, я вовсе забыла об этом. Столько лет прошло. Полагаю, что втыкать кортики в живых людей легче в том смысле, что не думаешь, каково придется человеку.

Джейми не отзывался, но шумел, наводя порядок в каюте, пряча шприцы и вешая юбку в шкаф.

Узел под кожей свидетельствовал о месте «укуса», как называл его муж.

– Прости, – я сообразила, что ляпнула что-то не то.

– Ну почему, убивая других, ты спасаешь себя. А ты, спасая других, делаешь им больно. Ты смелее меня. Так и есть, и я не против, если ты говоришь это.

Я так удивилась, что разлепила веки.

– Да ладно. Что-то я не верю, хоть убей.

– Ну и не надо, а так и есть!

Смех отозвался болью в раненой руке.

– Все равно, я говорила не об этом.

– Ммфм, – донеслось в ответ.

Мистер Уоррен распоряжался на палубе, и благодаря его умелому командованию мы прошли ночью Большой Абако и Элевтеру и

отправились в сторону Ямайки с попутным ветром.

– Поверь, я ничуть не смелее. Если бы была возможность выбирать, я бы не стала рисковать, зная, что за мои действия мне грозит арест, смерть или повешение.

– И я.

– Да ведь...

До меня дошло.

– Ты хочешь сказать, что не имеешь выбора и руководствуешься необходимостью в своих действиях?

Джейми глядел в сторону, потирая нос. Он пожал могучими плечами и тихонько произнес:

– Англичаночка, я мужчина. Даже будь у меня выбор, как ты говоришь... Я бы не поступал иначе. Не в храбрости дело, понимаешь. Мы же ничего не можем изменить.

Он улыбнулся и продолжил:

– Чтобы тебе было понятнее – роды. Женщина должна, обязана родить, боится она или нет. Мы смелы, когда можем выбирать, а когда выбирать не приходится, поступаем так, как должны.

Я понаблюдала за ним. Он выглядел одновременно и по-детски с длинными золотисто-каштановыми ресницами, и как умудренный жизнью и уставший от нее муж: темные круги под глазами и морщины указывали на прожитые годы, давшие нелегко. К тому же последние события, как то: появление вечно ускользающей от нас «Брухи» с Эуоном на борту и мое ранение, заставили его проводить все время на ногах. Он почти не спал.

– Я говорила что-нибудь о Грэме Мензисе?

Ревность вспыхнула в голубых глазах, едва они открылись.

– Что за тип?

– Мой больной, я лечила его в Бостоне.

Грэм был старым шотландцем и не потерял характерного акцента даже после сорока лет жизни в Бостоне. Старый рыбак, в больнице он оказался в возрасте шестидесяти лет. Он уже не рыбачил сам, зато держал рыболовные суда и получал доход с промыслов других.

У Престонпанса и Фолкирка, я помнила, была люди, подобные Грэму, готовые шутить тогда, когда другим хотелось плакать. Стойкие и веселые, они не останавливались даже перед тем, чтобы шутить о болезни и смерти, благо старуха с косой всегда шагала рядом с ними.

«Смотрите, красавица, глядите в оба. Ну как отрежете не то, что следует? Не оторвите мне неправильную ногу».

«Ну что вы, дедушка, отрежу нужную», – хлопала я по обветренной

руке.

«Да-а? – протягивал он, будто бы ужасаясь. – А я, старый дурак, хотел, чтобы вы неправильную удалили».

Это было в последние мгновения перед наркозом, и я надела маску общего наркоза на его улыбчивое лицо.

Ногу ампутировали успешно, восстановительный период не продлился долго, Грэма выписали. К сожалению, я предчувствовала, что это еще не все, и моя правота подтвердилась через полгода: метастазы в паховых лимфоузлах.

Узлы удалили, провели лучевую терапию с помощью кобальтовой пушки. Селезенка тоже была поражена. Близился конец, но мы не сдавались.

– Мне было легче, чем ему. Я искренне хотела ему помочь, но ведь то была его жизнь, его боль. Всего этого я не чувствовала. Тербила его, требовала какого-то энтузиазма – откуда ему было взяться? «Грэм, не отступайтесь, мы победим болезнь!» Легко сказать, когда болен не ты.

– Выходит, он отступился?

– Выходит, что так. Формально. А по факту...

– Я думал кое о чем. – Слова Грэма эхом раздались в наушниках.

– Хорошо, обязательно расскажете. Только после прослушивания, хорошо?

Я двигала стетоскоп от ребер к груди, Грэм терпеливо ждал, пока я закончу.

– Я слушала ваш организм, а теперь слушаю ваши слова. Прошу. О чем вы думали?

– Я хочу покончить с собой.

Грэм глядел на меня вызывающе и оценивающе. Я удостоверилась, что медсестер вокруг нет и подслушать некому, взяла синий стул из пластика, на котором обычно сидели посетители, и села рядом.

– Вам становится хуже? Мы сможем помочь. – Помолчав, я добавила: – Стоит только попросить.

Но он не знал слова «просить». Грэм стойко молчал даже в самые трудные моменты, и никто не знал, что творилось у него на душе. Я не решалась вмешиваться и навязываться с помощью: пусть это и было милосердием, но насильственным. Я не могла позволить себе унижить его жалостью, а он не просил обезболивающего. Человек сам определяет, сколько может вынести.

На мои слова он слабо улыбнулся.

– У меня дочь и двое сорванцов, внуки, хорошенькие. Хотя вы и сами в

этом убедились.

Его внуки навещали деда два, а то и три раза в неделю, таскали в госпиталь тетрадки с выученными уроками, хвастали автографами известных бейсболистов, которые им посчастливилось взять.

– Матушка живет в доме престарелых. В Кентербери жутко дорого, зато и чисто, и кормят хорошо, и есть с кем отвести душу.

Он бросил взгляд поверх простыни и поднял культю.

– Доктор, сколько? Месяц? Три? Четыре?

– Думаю, что три. Хотелось бы верить.

Неужто я не могла попридержать язык!

Он мотнул головой на капельницу.

– Я вот в них уже не верю. А вы?

Вокруг тянулись проводки, соединяя койки с респираторами, кардиомониторами и другой техникой.

– Каждый день мои родные вынуждены платить за меня, валяющегося здесь, по сотне долларов в день. Если три месяца, то это десять тысяч долларов. Десять! А откуда взяться деньгам? Ноги-то уже нет, какой из меня работник. Вот так я проживаю их деньги и ничего не приношу взамен. Не стоит и дергаться.

Он улыбнулся.

– Шотландцы, они такие, бережливые, да. Под старость считаю копейки и всегда так делал. Не хочу выбрасывать деньги на ветер.

Морфин использовался в курсе лечения, чтобы уменьшить боли, – именно морфин, опий слабее, – то есть он все равно был в крови Грэя. Мы придумали так: половину ампулы я откачала шприцом и долила туда воды. Морфин кололи где-то раз в сутки, значит, Грэм должен был промучиться целые сутки, чтобы потом получить возможность успокоиться навечно. Иначе поступить было нельзя, ведь сильнодействующие наркотики всегда находились под особым наблюдением и пропажу целой ампулы немедленно обнаружили бы. Можно было применить другой препарат, которого было достаточно и который изучала лично я, но я не знала, насколько он безболезненный: если бы кто-то увидел, как от моего лечения мучается пациент, меня бы обвинили в халатности, а Грэма подвергли экспертизе.

– А экспертиза – это как следствие коронара?

– Можно считать, что так. Мы сделали все по плану. Но... Мы договорились, что я введу ему препарат и уйду. Я не смогла.

Моя левая рука превратилась в руку старого рыбака Грэма Мензиса, узловатая ручища с набухшей веной посередине.

– Игла вошла сюда... – Я указала место, где вена пересекает лучевую

кость. – Но поршень я не могла нажать. Я понимала, что совершаю убийство человека. И тогда он положил ладонь поверх моей и надавил... Ему хватило храбрости уйти.

Рассказывая, я смотрела в одну точку, ничего не видя перед собой, но необходимость стряхнуть воспоминание заставила меня взглянуть на Джейми.

– Я держала его все время. Чувствовала, как замедляется и останавливается пульс. А когда он остановился, вошла медсестра.

Одна из самых молоденьких и впечатлительных девушек, она поняла, что здесь что-то не так, что врач сидит над покойником и ничего не делает. И что рядом лежит шприц из-под морфия.

– Конечно, она рассказала руководству.

– Я так и знал.

– Но я взяла себя в руки и сожгла шприц. У них не было доказательств против меня. Дело замяли – не было оснований продолжать, слов свидетельницы слишком мало, чтобы судить. А через неделю меня повысили. Я должна была стать заведующей отделением, важной шишкой, сидящей у себя в кабинете на шестом этаже и в глаза не видящей пациентов.

Я поморщилась и принялась растирать запястье.

– Они боялись, что я поубиваю всех.

Джейми накрыл мою руку своей.

– Англичаночка, когда это случилось?

– Перед нашей с Бри поездкой в Шотландию. Меня надолго отпустили, будто бы я перетрудилась, вот мы и поехали.

В моем голосе звучала злая ирония.

– Понятно.

Лихорадка все еще продолжалась, но рука Джейми была теплой.

– Хорошо, а если бы ты осталась работать? Ты бы приехала... ко мне?

– Сказать по правде, я не знаю. В Шотландии я и Бри встретили Роджера Уэйкфилда, он помог нам найти тебя. Погоди-ка... Грэм просил съездить в Шотландию! Передать привет Абердину, родным местам. Но туда я так и не доехала.

– Побываем. Хотя там и не на что смотреть. Побываем, когда вернемся с мальчишкой.

Не только я, но и Джейми почувствовал духоту. Он встал приоткрыть кормовое окно, когда я, рассматривая его затылок, внезапно спросила:

– Чего ты хочешь?

Обернувшись, он отвечал:

– Апельсина можно бы. В столе же должен лежать, да?

Джейми полез в стол, где в ящике стояла чаша с апельсинами, выделявшимися своим цветом на белом фоне документов и писем.

– Будешь?

– Можно, – я не спрятала улыбки. – А вообще я спрашивала о более глобальных вещах, о твоих жизненных целях. Чем ты хочешь заниматься, когда мы вернемся с Эуоном?

– О!

Он уселся со своей яркой находкой.

– Или я ошибаюсь, или никто никогда не спрашивал, чего я хочу, – с удивлением произнес Джейми.

– Наверное, это потому, что ты редко мог делать то, что тебе хочется. Но сейчас ты можешь. Когда найдешь Эуона.

Он повертел апельсин, перебрасывая его из руки в руку и катая между ладоней.

– Англичаночка, мы не сможем жить в Лаллиброхе сейчас. Я надеюсь, что сможем когда-нибудь вернуться туда, но пока не могу сказать ничего определенного.

Он уже знал от меня о кознях сэра Персиваля и о том, кем был тот моряк с косичкой, но Джейми пока не знал, что делать с этой информацией и как ему следует вести себя в отношении Тернера.

– Я понимаю это. Потому и спрашиваю. – Я умолкла, не требуя немедленного ответа.

Большую часть времени после Каллодена Джейми проводил если не в формальном изгнании, то по крайней мере будучи изгоем. Он имел несколько имен и жил одновременно несколькими жизнями, но теперь, когда враги связали воедино ниточки, ведущие к тем людям, под личиной которых скрывался мой муж, все оборвалось.

Чем зарабатывать себе на жизнь? Вот какой вопрос встал перед ним, перед нами. Ни одним из прежних видов деятельности он больше не мог заниматься, а все связи были в основном в Шотландии. Можно было жить во Франции, но там нас можно было найти относительно легко, даже если бы Джаред пособил и помог с работой. Можно было бы вернуться в Лаллиброх, но там уже был другой лэрд, Эуон: Джейми сам оформил бумаги, чтобы усадьба перешла семье Дженни. Это был дом, где его всегда ждали, возможно, единственное место на свете, куда он мог вернуться в любое время и в любом состоянии и рассчитывать, что его обогреют, накормят и укроют от преследователей. Но по бумагам Лаллиброхом владел другой человек, значит, фамильное фрэзеровское наследие

безвозвратно утрачено.

Джейми фыркнул, и я подумала, что ход наших мыслей, должно быть, совпадает.

– Мне нельзя ни на Ямайку, ни на другие острова, которые находятся под юрисдикцией британской короны. Капитан Леонард, конечно, надеется, что мы с тобой утонули, но как только мы явимся на Ямайку или куда-нибудь, чем ведаёт их губернатор, они нас выдадут, это как пить дать. Жить там нельзя. Правда, с грузом Фергюса там тоже опасно появляться.

– Ты не думал о том, чтобы отправиться в Америку, в колонии?

Джейми потер кончик длинного носа.

– Не знаю, англичаночка. Я не думал, если честно. Британцы не смогут достать нас, если мы будем в Америке, но...

Он замялся и принялся чистить кортиком апельсин.

– Англичане тебя там не достанут, не беспокойся. Сэр Персиваль тем более: ну какой ему резон искать тебя за океаном? За это денег не заплатят, одни траты. Военный флот силен и страшен только на море. А губернаторы Вест-Индии не властны в колониях на континенте.

– Так-то оно так. Но ехать в колонии... – Апельсин взлетел в воздух, но был пойман ловкой рукой Джейми. – Так же пустыня. Дикий край. У нас там никого нет, а там довольно опасно. Я не могу рисковать твоей безопасностью.

Я ухмыльнулась. Он понял причину моего смеха, но все-таки продолжил:

– Знаю, что я утащил тебя невесть куда, а там тебя похитил этот мальчишка Леонард. Но жить в колониях – это нечто совсем другое. Там нас могут съесть каннибалы.

Меня немало позабавила серьезность, с которой он произнес это.

– Ну что ты такое говоришь, какие каннибалы в Америке? Нет их там.

– Как же нет, когда есть! В отчете католического миссионерского общества, который мне довелось печатать, написаны всякие ужасные вещи, например, что ирокезы, северные язычники, ловят людей, привязывают их и столбам и измываются над ними как хотят, а потом вырывают и съедают их глаза.

– Это чтобы бедняги могли видеть, как едят их сердца? – глумливо поинтересовалась я.

Джейми надулся, и мне пришлось извиниться.

– Нельзя же верить всему, что пишут всякие дураки.

Джейми с силой сжал мою левую руку.

– Проклятье! Англичаночка, ты будешь слушать или нет? Я не шучу.

– Я и не думаю, что это шутки. Но ты не был в Америке. А я прожила в Бостоне двадцать лет.

– Прожила. Но был ли это нынешний город? Я в этом очень сомневаюсь.

Он был прав: в Бостоне старинными считались здания, построенные в тысяча семьсот семидесятых годах. Латунные таблички, привинченные на их фасады, утверждали, что они представляют историческую ценность.

– Да... Но все города меняются. И сейчас, насколько я знаю, в Америке уже есть города и довольно большие. Там не пустыня, поверь.

Джейми отпустил меня и продолжил вертеть апельсин.

– Я верю. О тамошних городах я почти не слышал, но все говорили, что в Америке очень красиво. Да только я не дурак. – Он разломил апельсин. – Я печатал этот отчет сам, как и многое другое, и имел возможность сравнить, в какой книжке что пишут. Те, кто их пишет, могут быть дураками и шарлатанами, но они на них зарабатывают. Я могу отделить зерна от плевел, ты не думай. Можно определить, где вымысел, а где правда.

– Не всегда. Книги – это такая вещь, в которую можно запихнуть все что угодно, особенно если речь идет о вещах, неизвестных читателю. Тогда приходится верить автору на слово, а это чревато. Положим, ирокезы действительно так пытаются пленников и выедают их сердца, но они ведь живут не на территории всего континента. По размерам Америка в сотни раз больше Англии.

– Ммфм, – звук свидетельствовал о том, что Джейми не вполне удовлетворен моими аргументами.

Глядя, как он делит апельсин, я размышляла вслух:

– Когда я поняла, что хочу вернуться, подняла всю литературу и прочла все, что касается жизни в Англии, Шотландии и Франции вашего времени. Вряд ли есть такая вещь, которая меня удивит. Но мы сейчас вообще-то в водах Карибского моря! В голове не уместается: ты со своей морской болезнью плывешь через океан! В неведомые земли... Я довольно мало знаю о жизни Америки восемнадцатого века.

Джейми оторвался от апельсина и посмотрел на меня лукавым глазом, вспоминая лечение мистера Уиллоби.

– Я тоже думал, что многого не умею. Но появлялась необходимость, и я брался за те вещи, о которых раньше и помыслить не мог. Правда, как только мы найдем мальчишку, никогда не буду ходить через море и вообще ногой не ступлю на эти болтанки. Если можно будет вернуться домой, придется ступить, но ради чего другого – ни в жисть. Но коль дома меня не

хотят видеть...

Он протянул мне дольку.

– Слушай, твой станок из типографии, где он? В Эдинбурге? Когда повезет и мы будем жить в каком-нибудь большом городе Америки, думаю, его можно будет выписать.

Джейми зашевелился.

– А там можно будет заняться печатанием? В большом городе? Они там есть? Настолько большие, чтобы была потребность в книгопечатании?

– Думаю, что да. Тот же Бостон, Филадельфия. Нью-Йорк вряд ли, но Уильямсбург наверняка. В портовых городах точно нужны печатники, а ведь Америка торгует со Старым Светом.

В гаврских тавернах на стенах висело множество объявлений, оповещавших посетителей о датах погрузки, разгрузки, прибытия и отбытия судов, а также кое-что поинтереснее – список мест, где можно купить колониальные товары и поразвлечься.

– Было бы неплохо. Я не против. А ты?

– Я только за.

– Нет, – нетерпеливо прервал он меня, – я не о том, это я уже понял. Ты хочешь поехать в колонии, чтобы быть там целительницей? Это ведь твое дело, так? Тогда, в Париже, я понял, что ты будешь заниматься этим, где бы ни была. Но как ты представляешь лечение в колониях?

– Очень просто представляю – такое же, как и в любом другом месте. Больные есть везде, а раненые тем более. – Я помолчала, оценивающе посмотрела на него и промолвила: – Джейми Фрэзер, ты странный мужчина.

Он разобрался с апельсином и засмеялся:

– То есть как странный? Что ты хочешь этим сказать?

– Я сравниваю тебя с Фрэнком. Он был не таким. Он, хоть и любил меня, очень многого во мне не понимал. Были какие-то вещи, недоступные его пониманию. Он боялся, наверное. Но ты не такой.

Джейми потянулся за вторым солнечным шариком и принялся очищать его кортиком, пряча улыбку.

– Я такой, какой есть, но я не боюсь тебя. А за тебя боюсь, и еще как. Своей неосторожностью ты навлекаешь на себя беды.

Я прыснула:

– Любимый, ты такой же, но я ведь не жалею. Я знаю, что не смогу тебя переделать, да и не хочу, потому люблю тебя таким, какой ты есть.

– Ага, то есть ты хочешь сказать, что теперь можно не волноваться, раз меня нельзя переделать?

– А я и не говорила, что не волнуюсь. Но тебя ничем не перешибить, сам знаешь. Я бессильна и признаюсь в этом.

Джейми хотел было что-то ответить, но вместо этого угостил меня апельсином.

– Есть такое, англичаночка. Но я, слава богу, достаточно зрелый, чтобы понять: пока я могу любить тебя, это все не важно.

Теперь я хотела возразить, но поскольку мой рот был занят сочной долькой, я просто уставилась на Джейми, требуя ответа.

– А еще люблю тебя. И буду любить.

Ласково целуя меня, он коснулся моей щеки и пообещал:

– Принесу поесть, когда проснешься.

Честно уснув, я проспала недолго, а проснувшись, поняла, что лихорадка продолжается. Было и хорошее: появился аппетит. Джейми принес «что-то особенное», чем Мерфи захотел удивить больную, – похлебка зеленого цвета, пахнувшая шерри, но которую он намеревался влить в меня посредством ложки. Я протестовала, он настаивал.

– Слушай, у меня же не две руки зашиты.

– Да, вторая свободная. Но я-то видел, как ты хорошо с ней управляешься. Уж лучше я тебя покормлю. Иначе старина Мерфи выйдет из себя, когда узнает, что его бесценное варево пролила неблагодарная англичаночка, а я отвечай. Валяй, открывай рот.

Пришлось подчиниться, тем более что с каждой ложкой я убеждалась в кулинарных способностях Мерфи все больше. Суп был превосходен, более того, мне казалось, что вкушая его, я не чувствую боли в руке.

– Еще хочешь? Давай я налью, тебе нужно восстановить силы.

Я еще не успела ничего сказать, но Джейми уже открыл супницу и до краев налил мою плошку.

– Как там Измаил? – проговорила я в перерыве между кормлением.

– Сейчас на задней палубе: под палубами ему неудобно, и я наказывал Мейтленду соорудить для него гамак. Неудивительно, что он не хочет сидеть в трюме. Представляю только, как их там содержали.

– А не опасно ли это – позволять ему разгуливать где заблагорассудится? Кстати, что это за снедь состряпал Мерфи?

Вторая ложка полностью раскрыла аромат и вкус еды, но каждая следующая приносила еще большее удовольствие.

– Это черепаховый суп. Штерн прошлой ночью поймал морскую черепаху из тех, которые самые большие. Говорит, что панцирь сохранит для гребней, мол, ты будешь рада.

Тень омрачила его лицо. Сколько раз он ревновал меня по пустякам!

Впрочем, это могла быть реакция на мои слова об Измаиле.

– А за Измаилом смотрит Фергюс. Настоящий надсмотрщик.

– Но, Джейми, у него же медовый месяц! Хорошо ли это? М-м, вкуснотища, – похвалила я очередную порцию супа.

Джейми был непреклонен.

– Ну и что с того, что он женат? Еще натешится. Сейчас он прежде всего член команды. И вообще, считается, что воздержание укрепляет сердце.

– Ерунда! – Я отклонила от ложки, чтобы иметь возможность поговорить. – Как врач говорю, что ерунда. Если что-то и укрепляется, так это то, что и так должно быть крепким.

– Стыдись, англичаночка. Разве подобает замужней женщине говорить такое? – Джейми ухитрился впихнуть в меня ложку. – К тому же слова очень опрометчивые.

– Почему?

– Потому что ты испытываешь меня. – Он поболтал ложкой в тарелке. – Как ты думаешь, могу ли я воздерживаться, видя твои распушенные волосы и соски, как вишни?

Мне пришлось бросить заинтересованный взгляд на свою грудь, и Джейми, не заметив моей опущенной головы, ткнул ложкой мне в нос. Вкусное варево пролилось, и таким образом открылся еще более прекрасный вид, хотя, признаться, тонкая хлопковая рубашка и так мало что скрывала.

– Вроде ты меня первый раз увидел.

– Младенец, отнятый от груди, начинает пить воду и пьет ее всю жизнь. Но пить-то все время хочется, как ни крути. Еще супу?

– Да нет, куда уже, хватит. Лучше расскажи мне про воздержание.

– К чему, ты больна. Потерпи до лучших времен.

– Что ты, мне много лучше. Можно? Я только посмотрю.

Я указала на его холщовые штаны, какие носили моряки. Они были так просторны, что вместили бы в себя три кефали, не то что мужское достоинство.

– Нет! – смущенно отрезал он. – А ну как сюда войдут? И много ли радости тебе будет глядеть на меня?

– Много, много, больше, чем не глядеть. А дверь можно запереть.

– Ты спятила, англичаночка? – сказал Джейми, вставая. – Неужто я причиню вред больной беспомощной и пьяной женщине?

– О чем ты говоришь? – изумилась я, чувствуя приятное тепло в животе, растекающееся по телу и дарящую удивительную легкость. – Кто

тебе сказал, что я пьяна? Я ничего не ела и не пила, кроме вот этого супа.

– Супец не простой: Алоизий О’Шонесси Мерфи как истый ирландец сдабривает черепаховый суп шерри. По-моему, он влил сюда всю бутылку.

– Но я не пьяна. Помнишь, как ты говорил: «Кто стоит на ногах, тот не пьян»?

– Ты не стоишь, между прочим, – ответил Джейми, смотря, как я потягиваюсь на подушках.

– Ты стоишь, значит, и я смогу. Мы говорим сейчас о воздержании, не соскальзывай с темы, – заявила я.

– О чем говорить сейчас? Не время и не место, потому как...

Моя левая рука функционировала лучше, чем думал Джейми, и я удачно ухватила его между ног.

– Так какая я? Больная и беспомощная? Пьяная? Рука у меня не работает? Думаю, тебе не от чего воздерживаться, просто ты не можешь или не хочешь. Мне кажется или я ошибаюсь?

– Англичаночка, что за шутки? Убери сейчас же руку. Сюда может войти кто угодно, что они подумают? – Он испуганно вертел головой.

– Закрой дверь, чтобы не вошли. Скажи, что ты не хочешь, ну же! Не стесняйся, – приговаривала я, массируя его плоть и с удовлетворением отмечая силу реакции Джейми.

Ее владелец пыхтел и щурился.

– Я не хочу пользоваться твоей слабостью. Но я что-то не замечаю, чтобы тебе было так плохо, по крайней мере сейчас. У тебя цепкие ручонки. Ты это знаешь и пользуешься этим. Но к чему...

– А мне сейчас полегчало, и я хочу повеселиться. Закрой дверь и увидишь, что я не пьяна. Идет?

Для этого пришлось отпустить Джейми, но чего не сделаешь, чтобы добиться цели.

Он проверил сохранность уязвленного мною места, поморщил лоб и щелкнул запором.

Демонстрируя свои способности, я встала, держась за кровать. Джейми скептически покачал головой:

– Нет, англичаночка, не выйдет. Стоя мы не сможем – качка. А койки здесь больно узкие.

Это была правда: качка была сильной. Стоять, ощущая дрожание досок и видя, как кренится полка под фонарем на шарнирном кронштейне, было тяжело. «Артемиды» поднималась, ловя волну, и вновь принимала прежнее положение. Джейми заинтересовался, какое положение следует принять нам, и уже не вспоминал ни о моем ранении, ни о супе Мерфи, ни

о своей морской болезни.

– Как насчет пола? – предложила я.

Джейми бросил быстрый взгляд на пол каюты и надулся еще больше.

– Ты хочешь любви по-змеиному? Чтобы я обвился вокруг тебя, а ты обвилась вокруг ножки стола?

– Сойдет.

– Сошло бы, кабы не твоя рука, – сокрушенно подытожил Джейми.

Он поскреб место между нижней губой и подбородком. Когда он поднял глаза, оценив мои бедра, в них уже читалось желание. Рубашка сработала!

Поскольку Джейми мешкал, я решила действовать решительнее и отпустила спинку кровати. Его от меня отделяли два шага, и я прошла их, шатаясь. Волна помогла мне, бросив корабль в сторону, а меня в объятия Джейми.

Он удержал меня, хотя и с трудом, и поцеловал.

Удивительно, но обыкновенно его тело было более горячим, но сейчас было наоборот, причиной чему служила моя лихорадка. Не могу сказать, чтобы нам это не нравилось.

Безрассудно я потянулась к его шее, чтобы игриво покусать ее. Жар моего тела, вызванный болезнью и возбуждением, передавался и мужу.

– Ты словно котел на костре, такая горячая! – Он притянул меня за талию.

– Так что, нарушим сегодня обет воздержания, м? – подзадоривала я. – Брось на пол эти тряпки.

Под тряпками я подразумевала те самые холщовые штаны, каковые теперь я ощупывала, ища пояс. Джейми помог мне, рванув завязки. Штаны наполнились воздухом, но упали на пол.

Ждать, пока он стянет рубаху, было бы слишком долго, и я задрала ее, проделав под ней то, чего мне захотелось в тот момент. Джейми тихо застонал и положил руки мне на голову.

– Боже, да ты прямо огненная дьяволица! Наверное, черти чувствуют там то же, что и я.

Он ласкал мои волосы и не отталкивал, но отстранилась я, желая глотнуть воздуха после смешка.

– Суккубы, по-твоему, делают то же?

– Уверен.

Джейми хотел снова притянуть меня к себе, но в дверь постучали.

Застыв, он на удивление сдержанно спросил:

– Кто там?

Это был Лоренц Штерн.

– Фрэзер? Фергюс хочет смениться: негр уснул. Можно ли ему идти?

– Нет, я не разрешаю! Пускай ждет меня, я скоро приду ему на смену.

– А... Простите, но... Марсали желала бы, чтобы вы скорее сменили его, как я полагаю, – признался Штерн.

Джейми испустил вздох и нетерпеливо проговорил:

– Он к ней придет... скоро.

– Я скажу ей.

Штерн справедливо сомневался, что Марсали воспримет это сообщение с энтузиазмом, и перевел разговор на другое:

– А... как миссис Фрэзер? Ей лучше?

– Да, вполне.

– Как она нашла суп?

– О, весьма. Благодарю.

Джейми провел рукой по моей голове.

– Панцирь будет ждать ее. Вы сообщили ей об этом? Это чудесный образец.

– Конечно, я сообщил.

Джейми глубоко-глубоко вздохнул и попрощался со Штерном, указывая мне на койку:

– Спокойной ночи, мистер Штерн.

Палуба ходила ходуном, и мы были вынуждены ползти на четвереньках.

– О! Чай, она уже спит? – Штерн выказывал явное желание увидеть меня.

– Если ты сейчас начнешь визжать от смеха, тебе крышка. Конечно, мистер Штерн, ангельским сном! Я скажу ей, что вы заходили, она будет рада.

Любой бы понял, что спящий проснулся бы от мощного рыка, каким кричал за дверь Джейми. Любой, но не Штерн.

– Море беспокойно, но будем надеяться, что миссис видит хорошие сны.

– Будем.

Джейми уже поставил меня перед кроватью на колени и примостился сзади. Окно каюты было открыто, и я чувствовала, как воздух холодит мои голые ягодицы.

– Если качка повлияет и вам станет плохо, обращайтесь: есть надежное средство, я сам его готовлю. Полынь, гуано и плоды мангрового дерева смешиваются...

Джейми потерял дар речи.

– Господи...

Я укусила одеяло.

– Мистер Фрэзер?

– Спасибо, мистер Штерн, пока не нужно. – Последние слова Джейми произнес с нажимом.

– Обращайтесь, буду рад.

Джейми снова издал стон.

– Мистер Фрэзер?

– И вам всего хорошего, мистер Штерн! – Он уже ревел.

– Да-да... И вам.

Когда шаги стихли и был слышен только плеск волн, я вынула одеяло изо рта.

– Боже...

Руки Джейми ласкали мои ягодицы.

– Никогда не видел таких круглых ягодиц!..

Качка сделала его движения более резкими, и я крикнула.

– Тсс!

Мой рот был зажат его широкой ладонью, рубашка задрана на спину, а сама я придавлена весом Джейми к койке. Жар усилил мою чувствительность, и жар же передавался ему.

Буря чувств и хаос ощущений – вот что это было. И теплая сырость сбитых одеял, холодный морской ветер, остужавший наши разгоряченные тела, его дыхание, щекотавшее мою шею, и руки, ласкавшие мои груди, жар и холод, связанные с пролитием семени и блаженным удовлетворением.

Приятно было чувствовать обмякшее тело мужа и слышать его сбивчивое дыхание. Пот промочил мою сорочку, и я замерзла.

Джейми хлопнул окошком, запихнул меня в кровать, укутал одеялом и спросил:

– Рука болит?

– Чья рука?

Я ощущала себя ни много ни мало тряпичной куклой, безвольной и бесформенной, которая ждет обретения внешней оболочки.

– Отлично. Значит, выздоравливаешь. Встанешь?

– Нетушки!

– Тогда я пойду скажу Мерфи, что ты просила кланяться и благодарила за суп.

Он провел рукой по моему прохладному лбу, затем по щеке,

остального я не помню.

Я не слышала, когда он ушел.

Глава 57

Земля обетованная

– Они гонятся за нами! – Джейми был возмущен, взирая с «Артемиды» на морскую гладь.

Кингстонский залив, подобный жидкому сапфиру, лежал слева от корабля. Над ним поднимался по склону город, утопавший в зелени, составленный из розово-желтых домов. Коль уж проводить сравнение с драгоценными камнями, то дома казались слоновой костью и кварцем, вставленные в растительный малахит. А лазурь воды несла «Дельфин», военный корабль флота его величества под белоснежными парусами.

– Проклятая посудина! – Джейми послал вдогонку кораблю проклятие, когда мы прошли мимо горловины бухты, не заходя в нее. – Да меня все пасут, не было такого, чтобы за мной кто-нибудь не гнался!

Он гневался довольно забавно, но, к сожалению, это была правда: Джейми преследовало много врагов, а с «Дельфином» у нас были особые счета.

– Не похоже на погоню. Том Леонард собирался идти на Ямайку.

– Да? – недоверчиво покосился Джейми. – К чему им Ямайка, когда можно зайти на Антигуа? Там верфи и военно-морские казармы, все есть. А они к тому же спешат. Зачем им Ямайка?

Фигурки матросов сновали по реям, заметные даже издали.

– Не им, а ямайским властям – везут нового губернатора. Так что порт им не миновать.

Близость «Дельфина» внушала мне страстное желание спрятаться за бортиком, будто бы моряки могли увидеть нас так, как мы видели их. Эта мысль была глупой, потому что даже знаменитая шевелюра Джейми не была видна с такого расстояния.

– А... Новая шишка.

Джейми интересовали сейчас исключительно поиски Эуона: через час нас ожидали в Сахарной гавани у плантации Джареда.

– Шишку зовут Грей. – Я отвернулась от борта. – Довольно приятный человек, я видела его.

– Грей... Часом не лорд Джон Грей? – спросил Джейми с пробудившимся интересом.

– Да, он. А ты знаешь его?

Услышав знакомое имя, Джейми изменился в лице и теперь не

выпускал «Дельфин» из виду.

– Знаешь?

Он был занят своими мыслями и ответил не сразу:

– Да... это мой друг.

Я не особо удивилась этому сообщению, потому что круг общения Джейми был самым разнообразным и в друзьях у него ходили и титулованные особы типа Карла Стюарта, и высокопоставленные типа министра финансов Франции, и обычные шотландские нищие и французские воришки. Английский аристократ ли, ирландский пират ли – для него не было разницы.

– Великолепно. Надеюсь, он поможет нам. Но откуда ты знаешь его?

– По тюрьме. Он был начальником Ардсмьюира.

На этот раз я удивилась, а Джейми продолжал наблюдать за «Дельфином».

– Но как же вы дружили? Станный народ эти мужчины.

Джейми оторвался от чужого корабля и улыбнулся мне:

– Очень просто – друзей находят где угодно. Хотелось бы верить, что миссис Эбернети также станет нашим другом. – Он поставил ладонь домиком и глянул на берег.

Когда мы обогнули мыс, к нам подошел Измаил, обряженный уже в матросскую одежду. Теперь, когда его шрамов не было видно, он был похож на пирата, и я снова усомнилась, правду ли он нам говорил.

– Моя идти. Сейчас.

Джейми посмотрел вниз, в синеву, затем перевел глаза на раба.

– Согласен. Но, может, лодка лучше?

Негр уловил подвох и блеснул глазами, но промолчал, решительно намереваясь покинуть «Артемиду» прямо сейчас. С чем это было связано?

– Ваша говорить, что садить моя на берег, где моя просить. Моя просить. Я хотеть здесь. – Измаил говорил об острове с буйными джунглями и отражением их в лазури моря.

Джейми посмотрел на пустынный остров, подумал и согласился.

– Хорошо. Мы спустим шлюпку и довезем тебя. Но я обещал и золото. Сколько тебе дать?

– Нет золото, моя не хотеть денга.

Эти слова заставили Джейми насторожиться и проявить интерес к требованиям Измаила.

– А чего ты хочешь?

Чернокожий решительно дернул головой, на висках у него выступил пот. Было заметно, что он нервничает, но не показывает этого.

– Хотеть однорукий чернокожий.

Фраза была произнесена с бравадой, но чувствовалось, что Исмаил не уверен, удовлетворят ли его просьбу.

– Темерера? Но зачем? – вырвалось у меня.

Исмаил ответил Джейми, хотя слышал мой вопрос.

– Этот чернокожий имеет одна рука: работать плохо, есть много, как все. Нет польза, есть убыток.

Джейми ничего не сказал, но послал за Тенерером.

Тот также молчал и не выказывал признаков понимания ситуации. Интересно было сравнить двух стоявших рядом чернокожих: одежда Темерера висела на нем как на вешалке, а Исмаил отличался каким-то особенным варварским шиком.

– Он хочет, чтобы ты высадился вместе с ним на остров. – Джейми говорил по-английски очень четко и медленно. – Ты этого хочешь?

Пораженный Тенерер попытался собраться с мыслью: сомневаюсь, чтобы кого-то интересовало, хочет он чего-то или нет. Большую часть своей жизни он выполнял только чужую волю, и это его поведение не имело ничего общего с поведением Джейми: тот делал что следовало, потому что не мог иначе, а Темерер подчинялся хозяевам, поэтому сейчас выглядел жалко, ожидая решения своей судьбы от чужих людей.

Джейми, видя, что негр не отвечает, предпринял новую попытку:

– Ты можешь никуда не идти, я не настаиваю. Делай как знаешь. Если ты захочешь уйти, ты можешь сделать это, если нет – я буду заботиться о тебе. В любом случае я буду хорошо относиться к тебе.

Судя по бегаящим глазам, Темерер не представлял себе или успел забыть, что люди обычно имеют выбор, и стоял бы как истукан, если бы не фраза с ритмичными ударными слогами и текучими гласными, брошенная Исмаилом.

Мы не знали языка, на котором она была произнесена, но для Темерера она содержала настолько важные сведения, что он упал перед Исмаилом на колени, а лбом тронул палубу у его ног.

Исмаил, сложив руки на груди, коротко распорядился:

– Этот идти с моя.

Он не совсем верил, что его отпустят с миром, но шлюпка, посланная «Артемидой», доставила обоих на выбранный остров. С собой чернокожим дали поясные ножи и торбу со съестным.

– Но почему именно этот остров? Он же пустынный. И рядом нет ни городов, ни плантаций.

Две фигуры карабкались по склону.

– Нет, миссис, там есть плантации, но они в холмах. Это кофе и индиго, а на побережье сахарный тростник. – Штерн, говоривший это, глянул на холм, за которым скрылись путники, и добавил: – Но я полагаю, что они хотят присоединиться к маронам, это вероятнее всего.

– Здесь есть мароны, как на Эспаньоле? – подал реплику Фергюс.

Штерн только издал смешок.

– Дружок, где есть рабы, есть мароны: находятся те, кто лучше умрет как зверь, но не будет жить в неволе.

Джейми посмотрел на Лоренца очень неодобрительно.

«Дом голубой горы» – так называлась плантация Джаредда у Сахарной гавани. Название ей дал остроконечный пик позади усадьбы, поросший соснами и придававший горе голубоватый оттенок.

Дом находился на сваях, облепленных моллюсками и опутанными «волосами сирены» – водорослями. Веранда нависала над водой, что открывало домочадцам прелестный вид на лагуну.

Джаред предупредил жителей «Дома голубой горы», что мы прибудем к ним, в письме, которое ушло с кораблем, вышедшим из Гавра на неделю раньше нас. Учитывая нашу задержку на Эспаньоле, мы прибыли приблизительно через месяц после получения письма Кеннетом Макивером и его женой, так что они не на шутку волновались, ожидая нас.

– Я уж подумал, что вы попали в полосу штормов да там и сгинули, зимой оно часто так бывает, – повторял управляющий, качая лысой головой. Его супруга также была рада нам. Я не верила своим глазам, но она, будучи на пять лет моложе меня, уже успела стать пухленькой бабушкой.

Джейми и Фергюс размещали команду и разгружали корабль, а мы с Марсали занялись чисто женскими вещами – приведением себя в порядок.

Наконец-то я добралась до мыла и горячей воды! Дело в том, что руку нельзя было ничем тревожить и в море до снятия повязки я не купалась.

Привыкнув к такой полудикой жизни, то есть отсутствию возможности принять ванну и более-менее сносно выкупаться, не говоря уже о мытье головы, я совершенно забыла о том, что где-то существует нормальная жизнь, где не нужно ходить расставляя ноги, как приходилось это делать во время качки, что простыни могут быть чистыми, что ванна является естественной гигиенической процедурой, а не манной небесной. Ванна в доме плантатора была деревянной, и от этого все целебные масла, которыми она была наполнена, и самая горячая вода приобретали запах с древесными нотками. Там также имелась губка, и я с приятностью оттирала грязь, ввевшуюся в кожу, избавлялась от морской соли и

полоскала волосы настоем ромашки и гераниевым маслом, время от времени пользуясь яичными желтками. Миссис Макивер в изобилии предложила мне мыльную стружку.

Горячая вода для ванны делалась таким образом: во дворе стоял котел, гревшийся на костре. Черные рабыни приносили туда воду и определяли необходимое ее количество, поддерживая огонь. Говоря современным языком, это называлось эксплуатацией и использованием рабского труда, но наполнение ванны горячей водой было единственным случаем, в котором я соглашалась на такой труд.

Теплая вода и пар, насыщенный ароматом полезных веществ, распарили мое тело и подарили ему много приятных минут. Волосы уже не были спутаны комками, и я чувствовала, как они струятся по плечам, не отягощенные грязью. Кровати, разумеется, были настоящими кроватями, а не их подобиями, каковыми были койки, и на них, свежих и приятно пахнущих, можно было вытянуться во весь рост, что я незамедлительно и сделала.

Проснувшись я уже в сумерках. Застекленная дверь спальни была открыта, пропуская с веранды в комнату темные тени.

Рядом со мной лежал Джейми, мирно посапывая во сне.

Дыхание говорило о том, что его сон глубокий и спокойный, но стоило мне заворочаться, как он открыл глаза, узнал меня и притянул к себе, пахнувший кедром и мылом после своей ванны. Наш поцелуй вышел томным и затяжным, потому что я провела языком по его губам, а потом сунула ему в рот свой язык, дразня и приглашая.

Свет, отражавшийся от лагуны, был неверным и дрожащим. Могло показаться, что мы тоже пребываем под водой, таким зеленым он был, но под водой не могло быть столько воздуха.

— Англичаночка, ты так пахнешь, что тебя съесть хочется, — сонно забормотал Джейми, ощупывая мою голову. — Кудрявая какая. Иди же.

Я была сейчас кудрявее, чем когда-либо, если можно так выразиться: вымытые в травах волосы вились вокруг головы подобно тому, как вились змеи вокруг головы Медузы. Джейми не дал мне возможности пригладить их и потянул на себя. Волосы упали ему на лицо.

Я едва успела убрать их, чтобы они не лезли в рот во время поцелуя, но в глаза они все-таки лезли.

Мои груди прижимались к его груди, и это было прекрасно. Джейми намеренно ли, случайно ли шевельнулся, и мне стало еще приятнее от прикосновения, имевшего характер трения тела о тело.

Он стиснул мои ягодицы, намереваясь раскрыть меня.

– Рано! – Я вернула свое тело в прежнее положение и повертела бедрами, чтобы лучше ощутить то гладкое и твердое, что было прижато мной.

Джейми легонько охнул:

– Смотри сам: месяцами мы не могли любить друг друга так, как хотели бы. Эти постоянные прятки за неимением места. А сейчас есть и время, и место – смотри, какие роскошные кровати! Почему бы не любить друг друга всласть?

– Ой, англичаночка, смутила меня. – Джейми все-таки попытался войти в меня, надавливая бедрами на мой живот и изгибаясь подо мной. – Ты считаешь, что нельзя было отложить это сладкое занятие на потом?

– А ты хотел бы на потом? Лгун. Молчи и не двигайся, я все сделаю сама.

Он проворчал что-то нечленораздельное, но отпустил меня и позволил делать то, что я задумала. Я же, извиваясь, сползла пониже и легла на него так, что мои губы находились на уровне его груди. Взяв сосок губами, я обвела его, пока не почувствовала, что он набухает, что свидетельствовало о возбуждении его владельца; об этом дал знать и сам Джейми, напрягшись подо мной и вздыхая. Чтобы заставить его лежать смирно, я положила руки ему на предплечья, не прекращая облизывать и обсасывать сосок и волоски вокруг него.

Увлечшись этим делом, я не сразу услышала, что из-под меня доносится какое-то довольно связное бормотание. Уточняя, что это за звуки, я не постеснялась прямо спросить об этом Джейми, на что он честно ответил:

– Читаю молитвы. – На меня смотрел один голубой глаз. – Иначе не выдержу твоих пылких ласк, англичаночка.

Закрыв глаза, он продолжил:

– Ave Maria gratia plena...

Это меня позабавило. Не могу сказать, чтобы мне нравилось слушать молитвы из уст Джейми в такой деликатный момент, но я взялась за второй сосок.

– Слушай, ты прочел «Отче наш» уже трижды. Повторяешься.

– Да? Я вообще думаю, на каком свете сейчас нахожусь, – произнес он, не открывая глаз.

Бедра его подергивались, и на лбу выступил пот.

– Англичаночка, сейчас?

– Нет еще, погоди.

Не знаю отчего, да только мне вспомнилась шутка, которую я не раз

проделывала с Брианной, резко дуя ей в пупок. Когда я проделала то же самое с Джейми, он дернулся и вскрикнул:

– Не надо!

– Почему? Брианне очень нравилось, когда я так дую. Конечно, это было тогда, когда она еще лежала поперек кровати.

– Я, вообще-то, давно уже лежу на кровати, – заметил он. – И давно уже хочу тебя, если ты этого не замечаешь. Коль уж так хочется, можешь проделать эту штуку с моей штуковиной, той что между ног.

Не вопрос.

– У тебя бедра совсем лысые, волос нет. Отчего так? – спросила я погодя.

– Корова языком слизала, – прошипел он. – Англичаночка, хватит уже, ради бога!

Я позабавлялась еще немножко, пока не устала.

– Теперь уже точно хватит, – откинув волосы с лица, довольно заявила я. – Ты говоришь «ради бога» уже минуты три, так что хватит с тебя.

Джейми радостно засмеялся и ловко перекатил меня на спину.

– Покайся, грешница, – рыкнул он, наваливаясь всем телом на меня.

Я только мотнула головой, с вызовом улыбаясь.

– Не-а.

Он свирепо уставился на меня и пообещал:

– Смотри у меня, пожалеешь! Ничего, ты у меня не то еще запоешь. Будешь умолять о пощаде!

Джейми уже успел зажать мои запястья мертвой хваткой, и я забилась под ним в притворном протесте, с огромным удовольствием предвкушая расправу.

– О нет, пожалуйста, не надо! Отпусти меня, зверь, я исправлюсь!

Теперь пришла его очередь мстить, и он уткнулся лицом мне в грудь – в зеленоватом свете я видела, как она белеет.

– Pater noster, qui est in coelis... ^[23] – донесся мой голос откуда-то с подушек.

Стоит ли говорить, что, занятые друг другом, мы пришли к ужину не вовремя?

Хотя Джейми и опоздал, он не стал терять времени и, поедая снесь, щедро выставленную на столе, выводывал необходимые ему сведения.

– Знаю ли я миссис Эбернети из Роуз-холла?

Макивер размышлял, стуча ножом по столешнице.

– Должно быть, я где-то слышал, потому как имя знакомое, но где...

– Как это где? – Его жена говорила служанке, как печь горячий пудинг,

но, услышав вопрос, решила помочь. – Выше по реке Йалла они имеют плантацию в горах, преимущественно сахарный тростник и немного кофе.

– Точно, как же я мог забыть! Спасибо тебе, Роза, – заулыбался Макивер. – У тебя изумительная память.

– Где там, – потупилась Роза Макивер, – кабы не тот священник, который спрашивал о миссис, я бы тоже не вспомнила.

– Какой священник? – Джейми положил себе порцию жареного цыпленка.

– Мистер Фрэзер, вы так хорошо кушаете! Наверное, это действие нашего островного воздуха, он у нас особый! – воскликнул Макивер, любуясь на моего мужа.

Джейми покрылся румянцем.

– Э-э, да, действительно, у вас здесь прекрасный воздух. – Он избегал моего укоризненного взгляда. – Так о ком вы говорили? Продолжайте, не отвлекайтесь на мою скромную персону.

– О Кэмпбелле, священнике церкви Новоявленной Милости. Арчибальде Кэмпбелле, – добавила она, словно здесь было много Кэмпбеллов.

Взметнувшиеся брови выдали меня.

– Вы знаете его, миссис?

Я не стала вдаваться в подробности и, подхватывая вилкой маринованный грибок, скромно сказала:

– О да, мы встречались несколько раз в Эдинбурге.

– Так вы знаете этого добродетельного человека? Он прибыл сюда с миссией. Что ни говорите, а черные язычники тоже нуждаются в слове Божьем.

Кенни Макивер не разделил воодушевления супруги и фыркнул, изобличая в себе паписта.

– Кенни, ты не мог бы не смеяться? Если ты помнишь, то когда мы женились, родители отреклись от меня, но я пообещала им, что приведу тебя к свету? – Повернувшись в мою сторону, она сказала: – Когда-нибудь это случится, я не теряю надежды. Я принадлежу к Свободной церкви, но муж ни в какую не желает признавать ее святость.

– В загробной жизни, очевидно, – отвечал мистер Макивер на увещания супруги брать пример со «святого» преподобного Кэмпбелла, и я была склонна с ним согласиться.

Роза Макивер только фыркнула при виде нераскаявшегося грешника, накладывающего себе джем из вазочки, и продолжила:

– Преподобный очень умен, и все знают его как начитанного человека.

Миссис Эбернети обратилась к нему с интересовавшими ее вопросами, еще когда он жил в Шотландии, поэтому он желает увидеться с ней сейчас, однако же я не знаю, захочет ли преподобный появляться в свете после афронта со стороны преподобного Дэвиса и миссис Далримпл, – проговорила она, гордая знакомством с чопорным священником.

Ее муж смотрел на служанку, принесшую новый поднос с едой, с большим вожделением, чем на чопорную жену, но участие в разговоре принял:

– На преподобного Дэвиса мне плевать, уж не обессудьте. Он витает в облаках и не знает мирской жизни. А Мира Далримпл – рассудительная особа.

– А как миссис Далримпл относится к миссис Эбернети? – Джейми поспешил уговорить супругов и таким образом избежать нехорошей сцены.

Миссис Макивер, обрадованная возможностью поговорить о чем-нибудь более приятном, переключила внимание на Джейми.

– О миссис Эбернети многое говорят, но следует признать, что в Роузхолле мало кто бывал, вот и распространяют зловерные слухи. Она ведь живет одна да еще среди рабов – как здесь не почесать языками! Вот и появляются досужие сплетни.

– Розы, дело не в рабах, а как раз в том, почему она живет одна, – встрял Макивер, накладывая себе на тарелку радужных рыбок.

Муж миссис Эбернети, Барнаба Эбернети, был шотландцем и купил имение Роузхолл пять лет тому назад. Он вел торговлю сахаром и кофе, дела шли неплохо, и никто не мог сказать о нем ничего плохого, правда, его личная жизнь одно время стала предметом обсуждения: через три года жизни на острове мистер Эбернети привез жену из деловой поездки на Гваделупу. Это обсуждали, потому что девушку никто не знал, но самым интересным для жителей острова стало другое событие.

– Барнаба умер спустя полгода после женитьбы, – сообщила миссис Макивер.

– Вы хотите сказать, что миссис Эбернети... способствовала этому?

Я не очень верила в эти сплетни: в Вест-Индии было превеликое множество разнообразных паразитов и микробов, угрожавших непривитым европейцам, так что Барнаба Эбернети мог заболеть как обыкновенной малярией, так и экзотической слоновой болезнью. Но то, что он прожил здесь шесть лет и не умер сразу по приезде, давало прекрасную почву для распространения сплетен.

– Это был яд! – прошипела Розы Макивер, округлив глаза и проверив,

не слышат ли слуги. – Я говорила с доктором. Но это не рабыня его отравила, как многие думают. Конечно, бывает такое, что рабыни подмешивают что-нибудь в еду хозяевам, говорили и то, что Барнаба не пропускает молоденьких рабынь, но...

Ввиду служанки со стеклянным соусником разговор прекратили. Под впечатлением услышанного мы с Джейми молча поглядели, как она несет посуду, как ставит ее на стол и как с реверансом уходит.

– О, не беспокойтесь, мы держим мальчика, чтобы он пробовал еду перед подачей, – успокоила меня миссис Макивер.

Я заставила себя проглотить рыбу.

– Преподобный Кэмпбелл встретился с миссис Эбернети? – уточнил Джейми.

Рози Макивер затрясла головой от воодушевления. Кружева на ее чепце ходили ходуном.

– О, нет! Он занят своей сестрой, и ему сейчас не до миссис Эбернети, хотя, разумеется, он желал бы увидаться с ней...

Я и забыла, что преподобный приехал сюда с больной сестрой, ведь мы были заняты поисками Эуона и «Брухи».

– А что с ней, ей лучше? – Я в какой-то мере чувствовала ответственность за нее.

– Где там, пропала без вести! А вы с ней знакомы?

Миссис Макивер болтала без умолку: мы были желанными гостями и к тому же теми, кому можно было выложить новости о самых животрепещущих событиях. «Дом голубой горы», где они жили, от Кингстона отделяло десять миль пути, поэтому Рози использовала свое гостеприимство по полной.

– Как пропала? Каким образом? – внезапно заинтересовался Фергюс, доселе усердно евший и пивший.

– А, вы не знаете? У нас все только об этом и судачат! – Кенни Макивер решил просветить нас на сей счет и ради этого даже перестал подначивать жену. – Пастор пригласил женщину, чтобы та заботилась о бедняжке, но та, к сожалению, умерла от лихорадки еще при переезде.

– Ох...

Мне ясно представилось лицо Нелли Коуден.

– Да, жаль, конечно. Но пастор пристроил ее в одну семью. За ней ведь нужен глаз да глаз, верно?

В его взгляде появилась искорка подозрения.

– Э-э... да, не помешает, – согласилась я.

– Она не выказывала беспокойства, была довольно послушной, вот ее

и выпускали на улицу, когда ветерок и хорошо, понимаете? Миссис Форест за ней глядела. А в прошлый четверг к миссис прибыл посыльный – у сестры начались схватки. Та и поспешила к родственнице, а дверь-то запереть и забыла. Миссис Кэмпбелл осталась на веранде, а когда послала людей, было уже поздно – девушки и след простыл. С тех пор так и неизвестно, что с ней случилось. Преподобный уж ко всем обращался за помощью, да все без толку, нет ее нигде, не нашел никто.

Окончив говорить, Макивер откинулся на спинку стула, а его жена продолжила за него:

– Мира Далримпл, добрая душа, предложила мистеру Кэмпбеллу обратиться к губернатору, чтобы он посодействовал в поисках сбежавшей. Кстати, и повод есть: в четверг состоится губернаторский прием, соберутся все островитяне, весь наш свет, – довольно заулыбалась Роза Макивер. – Так что преподобный будет там, ведь ему хочется найти беглянку, а ради этого он снизойдет до посещения такого суетного мероприятия. – Ее голубые глаза потемнели от жалости к бедному преподобному, вынужденному весь вечер лицезреть декольтированных дам.

– Да, прием у губернатора? – оживился Джейми. – Скажите, миссис Макивер, чтобы попасть туда, необходимы приглашения?

– Нет, необязательно. Мне говорили, что туда может прийти любой желающий.

– О, это меняет дело. Мы никого здесь не знаем... но очень хотим попасть на прием, правда, англичаночка? – хитро взглянул на меня Джейми.

Моему удивлению не было предела: как, Джейми, которому грозит опасность от англичан, вознамерился выйти на публику? Не слишком ли рискованное предприятие? И к чему эта бравада, когда мы должны посетить миссис Эбернети?

– Быть может, наш мальчик находится не в Роуз-холле. Но остров большой, а слухами земля полнится. Возможно, нам повезет, и мы что-нибудь узнаем о нем.

– А... да, это мысль. Но мне нечего надеть и... – Я так и не сообразила, чего хочет Джейми, но элегантно попыталась отговорить его от этой затеи.

– Ах, миссис, это очень легко решить! – встряла Роза. – У меня есть знакомая модистка, она шьет прекрасные платья и довольно дешево.

Джейми, тая улыбку в уголках губ, посмотрел на меня над огоньком свечи.

– Лиловое платье будет лучше всего. Шелковое. – Отделив рыбу от

костей, он добавил: — Не волнуйся, я все продумал. И кое-что придумал, — подмигнул Джейми.

Глава 58

Маска красной смерти

О, кто сей несчастный, в железа забит,
Что стонет, грозит, кандалами звенит?
За что он закован – законный вопрос:
Неужто и впрямь из-за цвета волос.

Джейми опустил руку с париком и вскинул брови. Мое отражение в зеркале улыбнулось ему и продолжило:

«О да, этот цвет – всем позорам позор,
Господняя кара – подобный колор!
Повесить иль заживо шкуру содрать —
Вот так мы злодея должны наказать».

– Англичаночка, сдается мне, ты лекарь. А ты никак поэтом заделалась?

– О нет, я не поэт, я бы никогда не написала так. – Я подтянула его чулок. – Это написал господин Хаусман. Вот он большой поэт, это правда.

– Мне хватило бы двух строк, чтобы уразуметь, насколько он кровожаден, – бросил Джейми, задетый упоминанием о виселице.

Надев парик, он попытался приладить его, рассыпая ароматическую пудру, чтобы тот лучше сидел.

– Он твой знакомый?

– Считай что так. В ординаторской – это такая комната, где врачи могут отдохнуть до того, как привезут следующего больного, – лежал томик его стихов. Я люблю читать серьезную литературу, но там, конечно, нет ни времени, ни сил, к тому же все время ждешь нового вызова. Так вот я и читала стихи, они коротенькие, зато не хуже романов.

Некоторые вещи Хаусмана ранили в самое сердце, поэтому я могла прочесть наизусть довольно многие его произведения.

Джейми взглянул на меня с опаской – а ну как я снова начну говорить о виселице? – но я молчала, и он мог продолжить свое занятие, состоящее в удивительном преображении.

Красные высокие каблуки. Черные стрелки на шелковых чулках. Серые атласные кюлоты, имевшие серебряные пряжки на коленях. Пышные брюссельские кружева на манжетах сорочки. Жабо. Серо-голубой атласный камзол, сидевший как влитой на мощной фигуре Джейми. Напудренное лицо и мушка в уголке рта.

– Так что же, англичаночка, меня, французского месье, следует повесить?

Ничего в его облике не напоминало рыжеволосого шотландского контрабандиста-бунтаря, но взбитый парик, пенящиеся кружева и сафьяновые туфли с чулками, плотно облежавшими его фигуру, делали его похожим на горгулью, о чем я не замедлила сообщить.

Неестественно красные по контрасту с пудрой губы расплылись в улыбке.

– Non, милорд похож на француза, – заметил появившийся Фергюс.

– Ага, что в лоб, что по лбу. – Джейми утерся платком и принес извинения за то, что невинная поговорка, сказанная в таких условиях, могла обидеть француза и таки сделала это.

Одернув камзол, Джейми в последний раз погляделся в зеркало. Шесть футов семь дюймов – таким рослым был этот разряженный месье в туфлях с каблуками.

– Знаешь, я как-то не припоминаю, чтобы французы были такими высокими, если честно, – усомнилась в качестве маскарада я.

Джейми вздернул плечо, и камзол отозвался шелестом атласа.

– Ты предлагаешь мне скрыть мой рост? Я бы рад, но как? Укоротить меня с помощью твоего ножичка – прошу покорно! Главное, что волосы под париком, а все остальное несущественно. Ты ведь оттянешь на себя их взгляды, правда, англичаночка? Ну-ка покажись.

Я честно встала и, как все девочки в новых платьицах, закружилась. Шелк переливался фиолетовым, кружева шевелились на ветру, созданном моим движением. Рукава открывали предплечья и заканчивались у локтей, а вырез декольте был низким.

– Сюда бы жемчуга твоей матушки...

Но их не было здесь: я оставила их Брианне, заключив в шкатулку драгоценности, фотографии и фамильные документы. Конечно, хотелось бы их иметь сейчас, ведь голая шея, не униженная камнями, и открытая грудь так и просили какого-то украшения, а пучок волос сзади открывал дополнительное пространство для взглядов.

– Не волнуйся, я позаботился об этом.

Джейми сунул руку во внутренний карман камзола и выудил оттуда

коробочку, о характере содержимого которой я вмиг догадалась. Она была презентована мне с учтивым поклоном и каким-то кренделем, произведенным ногой Джейми. «Уж не Фергюс ли научил? Откуда он знает поведение придворных?» – подумалось мне.

Рыбка сверкала чешуйками, по краям которых виднелась позолота.

– Брошка. Я вот что подумал: она черная, так что ты можешь набросить на шею белый шарф.

– Точно, будет очень красиво! Но из чего она сделана? Такая твердая. Дерево?

– Нет, коралл. Вчера мы с Фергюсом были в Монтего, там и купили.

Гуано наконец был доставлен ямайскому заказчику, и мы смогли разжиться деньгами и товарами. Белый атлас, предложенный Джейми, изумительно подходил к фиолетовому шелку.

– Да уж, все взоры будут обращены на тебя, англичаночка. Хотя нет, не все – половина, потому что половина будет глазеть на китайца.

– Мистер Уиллоби тоже пойдет с нами? А это не... – осеклась я, представив, что может наделать пьяный китаец в обществе, полном лощеных женщин. Пока что мистер Уиллоби смирно сидел, но...

– Да, ты права, там будет вино. Но виски, джин, портвейн и пунш будут тоже, не говоря уже о шампанском. И французский бренди в маленьком бочонке, подарок от месье Этьена Марселя де Провака Александра.

Последние слова он проговорил с поклоном, представляя свою скромную особу многочисленному обществу.

– Нет, англичаночка, не волнуйся, я посмотрю за ним. Слышишь, маленький извращенец? Если ты полезешь к тамошним девкам, я оторву твой шарик, ты понял?

Джейми имел в виду подвеску на вышитой черной шелковой шапочке китайца. Этот знак принадлежности к профессии, указывавший на ум и мастерство, мистер Уиллоби потерял в своих странствиях или вынужден был продать, но в порту Монтего им встретился торговец кораллами, который вырезал вожделенный шарик за небольшую плату. Китаец, гордый и исполненный достоинства, сдержанно кивнул. Казалось, даже его спина выпрямилась после получения шарика.

– Джейми, подумай хорошенько, может быть, мы не пойдем?

Представляя, как напудренный парик падает с головы Джейми и сам губернатор видит рыжие волосы, отнюдь не похожие на волосы истинного француза, я чувствовала пустоту в желудке, а тугой корсаж усугублял мои страдания. Наверняка все знали приметы разыскиваемого преступника

Джейми Фрэзера, первойшей из которых был примечательный цвет волос.

– Мы пойдем, англичаночка. Никто меня не узнает, не трусь. Даже если туда захотят прийти спасенные тобой люди с «Дельфина».

– Хотелось бы верить, – жалобно протянула я. – А ну как они заявятся туда?

– Да нет, вряд ли. Что им там делать, сама посуди. – Запуская руку в парик, он почесал за левым ухом. – Фергюс, откуда ты это притаранил, а? Здесь вшей как ни у кого в штанах не бывает!

– Что вы, милорд, я взял его напрокат. Мастер побожился, что содержит свои изделия в порядке и промывает их иссопом и крапивой.

Фергюс уступал милорду и не имел парика, напудрив свои волосы. Правда, на нем был новый синий бархатный костюм, что делало его по-своему привлекательным.

После негромкого стука в дверь вошла Марсали, тоже имевшая обновку – бледно-розовое платье, расшитое ярко-розовыми лентами, очень шедшее к ее юному бледному личику.

Мне показалось, что она сияет тем особым внутренним сиянием, которое излучают только забеременевшие молодые девушки, и я решила проверить свои подозрения, когда мы проходили, держа полы юбок, по узкому коридорчику.

– Марсали, у тебя осталось еще пижмовое масло или дать новое?

– А? – переспросила она с отсутствующим видом. – Что, матушка Клэр?

Фергюс с изысканным поклоном открывал дверцу кареты, и все внимание Марсали было занято только им.

– Ничего особенного.

В конце концов, этим вопросом мы могли заняться много позже, а сейчас нас заботили более важные вещи.

Губернаторский дом сиял: вдоль всей длинной веранды на шестах размещались фонари, освещая подъезд, а фонари, висевшие на деревьях, освещали дорожки сада. Высокие двери особняка поминутно открывались, чтобы впустить в дом новых гостей.

Джаред помог нам с экипажем, и мы приехали как подобает, но не стали сразу заходить в дом, ожидая, чтобы собралось побольше народу – в толпе легче затеряться. Джейми не подавал виду, что нервничает, но его непрестанные увещевания, чтобы я не беспокоилась, и пальцы, теребившие ткань, выдавали волнение.

Представители островных властей стояли в фойе шеренгой, приветствуя гостей вместе с новым губернатором. Я, отвлекая внимание,

пошла вперед, кивая мэру Кингстону с супругой и робея при виде адмиральских эполет и шитого золотом мундира. Высоченный «француз» Джейми и крохотный китаец, казалось, нисколько не удивили адмирала, наверное, он видывал и не такое, проводя большую часть жизни в портах, а на балах и приемах видя экзотику не меньшую, нежели на отдаленных островах.

Новый губернатор, лорд Джон Грей, тоже был в парике, но его можно было узнать по тонкому лицу и хрупкой фигуре. Отчего-то он держался поодаль, и я вспомнила слухи о том, что жена отказалась ехать на Ямайку вслед за ним.

Формальная любезность, оказанная им в мой адрес, сменилась теплым удивлением при узнавании.

– Миссис Малкольм! Как я рад, что мы снова видимся! – он взял меня за руки.

– Я тоже рада, господин Грей. Я должна просить вас извинить меня: на корабле я не могла отнестись к вам с должной почтительностью, не зная, что вы губернатор.

Он махнул рукой, показывая, что мое волнение по этому поводу пустяковое. Здесь, внутри особняка, горели свечи, и лорд Джон Грей предстал в их свете очень симпатичным молодым человеком. Оно и неудивительно: я ведь видела его прежде в полутьме.

– Вы ничуть не виноваты передо мной, миссис Малкольм, поверьте. У нас были достаточно веские причины, чтобы не обращать внимания на подобные мелочи, как то соблюдение этикета. Позвольте я сделаю вам комплимент, вы заслуживаете похвалы не только как врач, но и как хорошенькая женщина. Сегодня вы особенно очаровательны. Это действие островного воздуха, я полагаю? – он улыбнулся. – Даже для старых матросов длительное пребывание на корабле вредно, а что уж говорить о молодых женщинах, да еще таких, которые столько выдюжили на себе! Мне хотелось увидаться с вами раньше, но мистер Леонард сказал, что вам худо. Как ваше здоровье, осмелюсь спросить?

– Спасибо, ничего.

Дела... Конечно, после всего пережитого мне действительно было худо, но Том Леонард скрыл мое отсутствие, отговорившись моей болезнью. Интересно, скрыл он это от команды или только от губернатора и внес ли в судовой журнал пометку «хирург К. Малкольм болеет»? В сущности, я понимала, что мальчик не мог выдумать ничего более правдоподобного, но все равно была удивлена.

– Я могу представить вам мужа?

Джейми как раз говорил о чем-то с адмиралом – при этом был китаец, – а завидев мой знак, подошел к нам.

Зеленое, как крыжовник, лицо губернатора поразило меня. Мистер Грей таращился на нас примерно так, как это делала сестра мистера Кэмпбелла. Бегающий взгляд и дрожащие руки – он что, призраков увидел?

Джейми спокойно наклонил голову в приветствии:

– Рад встрече, Джон.

Эта тихая фраза осталась без ответа: губернатор хватал воздух ртом.

– Я найду вас, и мы поговорим, но не сейчас. Сейчас меня зовут Этьен Александр, – известил друга Джейми.

Разговор, точнее монолог Джейми происходил на английском, а мгновение спустя мой муж взял меня за руку и громко произнес по-французски:

– Разрешите представить – моя жена Клэр.

– К-клэр? Как Клэр?

Лорд Грей совсем расклеился, и я боялась, что он может лишиться чувств. Странно, с чего бы так пугаться, услышав обыкновенное женское имя.

Мы не могли, если бы и хотели, долго стоять, ведь поприветствовать губернатора собралось много народу, и все знатные господа, и, боясь наделать скандала, мы проследовали в салон. Я наивно надеялась, что взмах моего веера приведет Грея в чувство, но нет: он стоял белый как мел, глядя нам вслед.

В салоне было множество людей, составивших пеструю толпу. Низкий потолок, подчеркивавший рост Джейми, и слишком долгий разговор с губернатором – все это могло обратить на нас внимание, выдавая подозрительных особ, но публика, всецело занятая болтовней и поклонами, ничего не видела.

Звуки оркестра заглушали человеческие голоса, поэтому желающие поговорить с глазу на глаз направляли стопы на террасу. Двери с другой стороны зала вели к уборным.

Проблема, кто введет нас в общество, отпала, поскольку мистер Уиллоби вольно и невольно привлекал взгляды. Экзотический китаец интересовал многих, в особенности дам.

– Мой друг, мистер И Тьен Чо. Он пожаловал сюда из самой Поднебесной.

Джейми представлял китайца пухленькой девушке в желтом платье.

– О! – воскликнула она и принялась усиленно обмахиваться веером. – Подумать только, прямиком из Китая! Какая честь! Какое же расстояние вы

покрыли? – щебетала она, не рассчитывая получить ответ. – Добро пожаловать, мистер Чо...

Девушка сунула китайцу пухлые пальцы в надежде на поцелуй, но мистер Уиллоби, низко кланяясь, держал руки в рукавах. Услышав любезность, но произнесенную по-китайски, барышня растерялась.

Джейми, видя, что китаец смотрит на туфельки госпожи, овладел собой и галантным жестом взял ее ладонь в свою и проговорил с французским акцентом:

– Мадам, меня зовут Этьен Александр. Прошу позволения представить вам мою жену, Клэр.

– О, конечно, это весьма учтиво с вашей стороны.

Краснея от удовольствия, что можно вдоволь поговорить с кем-нибудь новеньким, она протянула мне руку:

– Марселина Уильямс. Вы не слышали об Иуде, моем братце? Ему принадлежит кофейная плантация «Двенадцать деревьев». Я приезжаю сюда, когда устанавливается погода, и чувствую себя замечательно, верите?

– Нет, милая мисс, мы никого не знаем здесь: мы только с Мартиники. Муж торгует сахаром, – уверенно соврала я.

– О! Тогда позвольте познакомить вас со Стивенсами, это мои близкие друзья. Кто-то из них когда-то вроде бы бывал на Мартинике. Джорджина Стивенс премилая особа, она вам понравится, вот увидите.

Я покорно проследовала за Марселиной, пока она не выдала нового «о!», но зря надеялась покончить этим со знакомствами, потому что за час меня представили десятку людей, с каждым из которых следовало обменяться хотя бы коротенькой фразой.

Так, благодаря мисс Уильямс, запустился маховик знакомств. Интересно, Джейми просто удачно угадал, к кому следует подойти, или видел, что эта девчушка выболтает все, что знает, кому бы то ни было? Сам Джейми с достоинством играл роль предпринимателя-сахаропромышленника, и возле него тоже вились люди, рассчитывая поставлять с его помощью тропический сахар во Францию. Не удивлюсь, если он даже заключил какую-нибудь сделку в салоне губернатора.

Увидев меня мельком, Джейми поклонился по-французски галантно и продолжил разговор. Странно, зачем он все-таки привлекает к себе столько внимания? Я надеялась, что он объяснится или что хотя бы мне станет ясно, к чему это все, если я увижу результат.

Приехавшие в нашей карете Фергюс и Марсали ни с кем не знакомились по понятной причине – им вполне хватало общества друг друга. Фергюс поддерживал девушку рукой в перчатке, приделанной к

рукаву на месте крюка. Парню тоже было что прятать, или он попросту не хотел привлекать к себе ненужное внимание, и теперь он поддерживал Марсали за спину черной кожей, в которой были отруби. Вряд ли кто заподозрил что-то.

Я вальсировала с плантатором Карстерсом, не надеясь ничего выпытать, но надеясь произвести впечатление своей хорошей физической формой на общество. Карстерс постоянно отпускал шутки, но эти потуги были жалкими: он не выдерживал темпа танца и задыхался, к тому же англичанин был невысоким.

Мистеру Уиллоби полностью воздало по заслугам общество разряженных и нарумяненных женщин, дивившихся крохотному человечку и таскавших ему лакомства, до которых он сам не мог достать.

От танца с англичанином была какая-никакая, но польза: он подвел меня к группе дам, среди которых я продолжила расспросы насчет Эбернети, мол, их рекомендовали мне и не знает ли кто-нибудь из присутствующих, где их можно найти и что это за люди?

Миссис Хэлл, хорошо сохранившаяся матрона, махнула веером:

– Нет, они, кажется, вовсе не появляются в обществе.

– Нет, Джоан, что ты!

Миссис Йокам, сидевшая подле, делано изумилась – именно так, как изумляются перед тем, как запустить слух.

– Эбернети! Помнишь джентльмена, купившего Роуз-холл? Плантацию выше по Йалле?

– Ну конечно помню! – расширила глаза миссис Хэлл. – Тот, который умер, не успев порадоваться покупке?

– Да-да, именно он, – встряла в разговор третья леди. – Судачили, что это малярия, да только я думаю, что это вовсе не она, потому как беседовала с доктором, который пользуется ногой моей матушки, лечит ее от водянки, так вот он...

Кумушки болтали только так, рассказывая все известное и неизвестное им, а особенно преуспела в этом Роза Макивер, имевшая хотя плохую память, но цепкую на отдельных людей, от которых она протягивала ниточки к другим людям.

Я не сразу смогла уследить, что к чему, а поняв, о чем говорят, задала интересующий меня вопрос, который мог бы показать странным внимательным людям, а кумушки судачили, поглощенные процессом передачи сведений из уст в уста.

– Не знаете, миссис Эбернети нанимает людей или пользуется услугами только рабов?

Мне высказали сразу несколько компетентных точек зрения на этот счет: и что она держит белых слуг, и что не держит, и еще что-то. При дальнейших расспросах оказалось, что в Роуз-холл никто из дам не вхож.

Покончив с таинственными обстоятельствами смерти мистера Эбернети, сплетницы принялись обсуждать поведение нового викария мистера Джонса, который будто бы снюхался с Миной Алкотт, вдовой. Одни объясняли все молодостью викария, другие, имевшие счеты с вдовой, осуждали ее и говорили что-то о ее репутации, третьи вспоминали о моральных принципах и считали, что священники обязаны вести себя подобающе и подавать пример мирянам. Извинившись, я ушла, не в силах более выдерживать болтовню.

Идя в уборную, я прошла через весь зал и попутно глядела, где находится Джейми (я не могла узнать его по волосам, но рост выдавал его с головой). У стола с закусками он оживленно беседовал с девушкой, крайне похожей на Брианну – такой же рослой и рыжеволосой.

Я улыбнулась, думая о том, что эта барышня в хлопковом платье наверняка воображает себе, будто ею заинтересовался богатый сахароторговец, а на самом деле Джейми пытался представить, что она – его дочь.

Дамскую уборную составляли три приватные кабины, гардеробная, где гости могли оставить шляпки, шали и верхнюю одежду, и главное помещение с большим трюмо. Более того, на туалетном столике размещались все необходимые принадлежности, а в углу стояла кушетка красного бархата, на которую мне отчаянно хотелось прилечь, но я никак не могла себе этого позволить: следовало продолжать расспросы, присоединиться к другим кумушкам и послушать, что говорят там. Туфли жали, но я, играя роль жены сахаропромышленника, не обошла еще и всей залы.

Мы с Джейми составили список кингстонских плантаций, где работали осужденные и наемные рабочие, но о плантации Эбернети удалось разузнать пока совсем немного. Я полагала, что Джейми не замедлит обратиться за помощью к губернатору, иначе зачем вообще было появляться на людях? С другой стороны, это же восемнадцатый век: одну меня бы нигде не приняли.

Кстати, о губернаторе. С чего бы он так странно отреагировал на мое имя? Видел же он меня раньше, да и Леонард, думаю, рассказал обо мне достаточно многое. Я не могла взять в толк. Узнал же он меня? Узнал, пусть я уже не в рванье и растрепанная, а несу на голове прическу и дюжину заколок с бриллиантами, и лицо мое не в разводах грязи, а в пудре миссис

Макивер. Странно.

Я еще раз погляделась в зеркало, хлопнула глазами, подражая кумушкам из салона, поправила волосы, пряча их под заколки, и вернулась в залу.

За время представлений, приветствий, танцев и прочей суеты я ничего не могла поесть и теперь направлялась к столу с закусками. Кроме изысканных вин и сыров там были пирожные, печенья, конфеты, рулеты и, разумеется, фрукты. Их-то я набрала себе на тарелку и повернулась было, чтобы идти, когда столкнулась с мужчиной, одетым в черное. Заизвинявшись при виде пятнышка от манго на костюме незнакомца – мужчина отступил на шаг, – я подняла глаза. Незнакомец оказался преподобным Арчибальдом Кэмпбеллом.

– Преподобный... Какой сюрприз... – пролепетала я.

– У вас все в порядке, миссис Малкольм? – как мне показалось, с подозрением глядя мне в декольте, спросил он.

– Спасибо, вашими молитвами.

Вот это номер: пастор думает, что меня зовут миссис Малкольм, а меня представляли сегодня как мадам Александр, а о Джейми он и не слыхивал. Только бы те, кто знает меня как жену торговца сахаром, не оказались рядом!

– Я слышала о том, что случилось с вашей сестрой, это правда? Она не давала о себе знать каким-либо образом? – я попыталась перевести разговор на интересующую его тему, прежде чем он начнет расспрашивать о моих делах.

Мистер Кэмпбелл чопорно кивнул.

– К сожалению, нет, а мои поисковые возможности очень малы. Один из моих прихожан любезно согласился представить меня губернатору, чтобы я изложил ему свое дело и попросил помощи. Поверьте, миссис Малкольм, никакое событие меньшей важности не привело бы меня... сюда.

Пастор считал события, происходящие вокруг него, и самое место греховными, и с этим трудно было не согласиться: члены светского общества пускались на любые ужимки ради достижения своих целей, например, рядом с нами находилась компания из трех молодых людей, отчаянно пытавшихся завоевать внимание молодых леди дешевыми остротами, а те сочувственно улыбались, оказывая им собственные знаки внимания.

– Преподобный, если бы я только могла как-то поспособствовать...

Ну и чем я отличалась от означенных молодых людей? Желая увести

пастора от стола, я рассыпалась в любезностях, ничуть не собираясь помогать его сестре. Разумеется, во мне говорил и врач, ведь я пользовала ее, пусть и в течение получаса. Правду говоря, я не была психиатром и никак бы не смогла спасти ее, но все же пользовала.

– Нет, здесь нельзя ничем помочь! – возопил Кэмпбелл, зло взглянув на меня. – Это все проклятые паписты Стюарты и буйные горцы: одни хотели несправедливо взойти на трон, другие пошли за ними и чуть не привели бандитов к власти. Но терпение Господне не безгранично, Он все видит и уже покарал Стюартов, а после уничтожит и того негодника Фрэзера. Тогда-то сестра исцелится.

– Кого, простите? Кто этот негодник?

Кэмпбелл не знал Джейми лично, но мог бы обратить внимание на подозрительно высокого француза. Нужно было срочно удостовериться, что Джейми нет рядом, и, к счастью, так и было.

– Этот человек совратил Маргарет. Из-за него она забыла о Всевышнем и бросила семью. Даже если не лично он совратил ее, он способствовал ее безумному поступку и всему тому, что произошло потом. Он в ответе за то, что она бросила уютный безопасный дом и пустилась в греховное странствие, подвергнув себя тысячам опасностей. Господь уже наказал ее безумием, осталось наказать Джейми Фрэзера. И так будет, ибо Богу все известно! Распутника ждет справедливый суд и кара.

– Д-да, судя по всему. Простите, отче, там моя подруга, вон там.

Мистер Кэмпбелл призвал бы на голову Джейми еще множество кар. Я видела, что это доставляет ему удовольствие, и попыталась улизнуть, пока дело не приобрело угрожающий оборот, но, как на грех, случились слуги с мясными блюдами. Пришлось стоять и выслушивать невыносимое пасторское бормотание:

– Господу Богу все известно, от Его взора ничто не укроется. Нечестивцы будут наказаны...

Пастор считал, что Бога можно использовать для сведения личных счетов, и озибался в поисках новых нечестивцев, которых следовало бы наказать. Таковых он нашел очень быстро, благо неподалеку находилась еще одна группа веселых людей, а заправилкой там был мистер Уиллоби.

Коротышка походил на китайский фонарик во всех смыслах слова: он собрал вокруг себя женское общество, прилетевшее словно мошки на свет, и теперь забавлял их и забавлялся сам, чуть не зацепив поднос проходившей служанки.

Преподобный не преминул высказать свое мнение насчет происходящего:

– Женщине не подобает вести себя вызывающе. Главное – это умеренность и скромность, а не щегольские наряды, глубокие вырезы и вычурные прически. Незамужняя особа, а тем более вдова, не имеет права обращать на себя внимание неподобающим образом. Разнузданные забавы в общественных местах – верх непристойности! Так ведут себя только падшие женщины, каковой является, например, миссис Алкотт! Как она только позволяет себе такие неподобающие выходки, она же вдова!

Миссис Алкотт, веселая вдова из Кингстона, о которой судачили все кому не лень, была привлекательной женщиной. Ее светло-каштановые волосы обрамляли улыбчивую головку.

Китаец вошел в раж и теперь ползал на четвереньках: хитрюга прикинулся, будто бы потерял сережку, и шарил по полу, заглядывая иногда и под платье вдовы, отчего та охала, но не протестовала всерьез. «Фергюс мог бы положить этому конец, – подумала я, – главное, придумать, как это лучше сделать, чтобы не привлекать лишнего внимания».

Преподобный Кэмпбелл вернул на стол едва отпитый бокал лимонада, резко повернулся и ушел, расталкивая по дороге обитателей Содома и Гоморры.

Я была рада не столько его уходу, сколько тому, что все обошлось малой кровью и скандала, связанного с обличением Джейми, не произошло. Пастор был так же любезен, как и палач, хотя лично я предпочла бы общаться с последним.

Провожая глазами фигуру Кэмпбелла, я заметила другую фигуру, Джейми. Он шел к двери, которая за весь вечер ни разу не открылась, из чего я сделала вывод, что там начинаются непосредственно владения губернатора. Движимая любопытством, я решила проследить за мужем и узнать, что таится за этой таинственной дверью, но из-за наполненности салона смогла сделать это не сразу.

Когда я попала в коридор, открывшийся за дверью, силуэта Джейми уже не было видно. Проход был освещен свечами, чьего света, конечно, не хватало, чтобы осветить все как следует, но вкупе со светом факелов с террасы, попадавшим сквозь створчатые окна, можно было видеть коллекцию оружия на стенах.

Интересно было бы узнать, чья она. Кто повесил сюда эту холодную сталь – Джон Грей или старый губернатор, построивший здесь резиденцию?

Здесь никто не ходил, а если бы и ходил, то шаги не были слышны из-за турецкого ковра на паркете.

Итак, шагов я не слышала, зато слышала мужские голоса, что-то

обсуждавшие. За углом начинался короткий боковой коридор, в одну из дверей которого можно было видеть свет. Оттуда послышался голос, принадлежавший Джейми – его бы я не спутала ни с одним другим.

– Джон, боже мой!

Мой муж всегда или почти всегда говорил довольно спокойно и сдержанно, а здесь звучало неприкрытое волнение и сильное чувство, название которому я боялась дать.

Не открывая дверей, я видела, что Джейми пылко обнимает губернатора, так, как обычно обнимал меня. Джон мог заметить меня, поскольку, в отличие от Джейми, стоял вполоборота, но... но он смотрел на Джейми с нескрываемым вождением.

Опешив, я выронила веер и бежала назад.

В салоне было несколько местечек, где можно было спрятаться или хотя бы укрыться от любопытных глаз. Одним из таких была пальма в кадке в углу комнаты, куда не падал свет сосновых факелов.

Я похолодела от страха и недосказанности.

Когда Джон Грей услышал, что я жена Джейми, он по понятной причине смутился и огорчился. Но сам Джейми... С ним не все было так просто, как мне казалось.

К чему эти упоминания о ночных занятиях заключенных? А то, что Грей заведовал тюрьмой в Ардсмьюире?

Я не могла поверить, чтобы Джейми любил другого мужчину. Но неужели это правда?

Закрыв глаза, я еще глубже забила в тень.

Не может быть, я не могла поверить, чтобы Джейми забыл, что проделывал с ним в тюрьме Джек Рэндолл! Шрамы побледнели, как и воспоминания, но не стерлись же совсем! Не верилось, что после всего этого Джейми сможет принимать мужские знаки внимания или сколько-нибудь терпимо к ним относиться.

«Клэр, не будь душой, тебе все могло показаться, все на самом деле не так». Хорошо, а как тогда обстоят дела на самом деле? Если это просто дружба, пусть и близкая, то почему Джейми ни разу не рассказывал о Грее? На корабле он намекнул, что его единственным другом сейчас является Иннес. Почему ни слова не было сказано о Грее? Почему поспешил на Ямайку, услышав, что Грей там? От этих вопросов, раскалывающих мой череп, мне стало плохо.

Поскольку все скамейки были далеко, я оперлась спиной о стену и стояла так, когда через дверь, которую я только что в спешке покинула, вышел лорд Джон Грей. Его, сияющего и счастливого, я меньше всего

хотела видеть сейчас. Его счастье, что у меня была только заколка, иначе не вернуться бы ему к гостям.

Отставая футов на шесть, за ним шествовал Джейми, отстраненный, но не могущий скрыть следов сильных эмоций – возбуждения? мрачного предчувствия? страха и радости? Я втихомолку наблюдала за ним: что же он будет делать? Он, как я и предполагала, ходил по залу, высматривая не иначе как меня, не касаясь ни закусок, ни напитков.

Не выходя из своего убежища, я дождалась, пока он не уйдет на террасу, а затем быстро проследовала в уборную – там-то он точно меня не найдет!

Там пахло очень приятно – духами и пудрой, но к этим запахам примешивался еще какой-то, такой, который безошибочно распознают все медики. Предчувствуя недоброе, я замерла и осмотрелась.

Людей здесь не было, а голоса в салоне сюда едва доносились. Зато здесь было кое-что другое, точнее кое-кто – Мина Алкотт.

С перерезанным горлом она лежала навзничь на кушетке, той самой, на которой я хотела отдохнуть совсем недавно. Задранная до шеи юбка, свешенная голова, ужас в застывших глазах. Красный бархат стал совсем темным, а под головой Мины растекалась лужа крови, пачкая ее красивые, некогда уложенные на голове волосы.

Это зрелище было слишком поразительным, чтобы я могла шевельнуться и уж тем более позвать на помощь. Это сделала женщина, вошедшая вслед за мной и веселым голосом, так похожим на голос Мины, попросившая спутников подождать ее.

Еще не слыша визга, я увидела то, что поразило меня еще больше: цепочка маленьких следов от туфель с войлочными подошвами, вымазанных в крови.

Глава 59

Раскрытые тайны

Марсали, как и во время болезни, обтирала мое лицо влажным полотенцем. Мы находились – какая ирония! – в том самом кабинете губернатора, а Джейми разбирался с представителями власти.

– Папа не делал этого, и они не поверят, потому что это так! – Бедная девочка повторила это уже раз в пятый.

– Это так. Но они все равно подозревают нас, потому что Джейми привел китайца. – Это была первая связная фраза, произнесенная мной за последние полчаса.

Марсали вытаращилась.

– Они думают, что это китаец? Но этого не может быть! – ошеломленно прошептала она.

– Не знаю, не знаю.

Я чувствовала себя прескверно. Хотя я никого не убивала (но собиралась), у меня болело все тело, и я не только не отказалась от бренди, но и восприняла это как должное.

Было совершенно непонятно, что я чувствую. В моем мозгу сцены сменяли одна другую: убитая Мина и Джон в объятиях Джейми.

Даже на губернаторском столе, казалось, была эта сцена: Джейми обнимает Джона, быть может – я не была в этом уверена, – даже желает его!

– Нет, этого не может быть, в это нельзя поверить!

Эту фразу я произнесла, для того чтобы услышать звук собственного голоса, что, по моему мнению, могло бы привести меня в чувство, и нужно сказать, что эта затея удалась.

– И я, – отозвалась Марсали.

Завязалась беседа, а в состоянии шока это уже было что-то. Я слушала, как каблуки девушки стучат по паркету и как звук меняется, когда она ступает по ковру.

– Он не мог, правда, матушка Клэр? Язычник язычником, но он жил с нами, мы видели, что это хороший человек! Мы ведь знаем его!..

Могу ли я сказать, что знаю кого-нибудь? Джейми, например?

Когда мы проводили нашу первую после моего возвращения ночь в борделе, Джейми спросил меня, готова ли я принять его? Тогда этот вопрос показался мне сумасбродным, но он настаивал: «Ты можешь принять меня,

каким я есть сейчас, и не видеть во мне того человека, каким я был тогда?» Я ответила, что, конечно, могу, но как бы я ответила сейчас на этот вопрос? Был ли нынешний Джейми тем, кем я знала его двадцать лет назад? Да полно, не ошиблась ли я, не выдала ли желаемое за действительное?

– Нет, я не могла ошибиться, не могла, нет! – дрожал бокал в моих руках.

У Джейми любовная связь с Джоном Греем. Хорошо, но раз он не известил меня об этом, должно же быть какое-то объяснение! Прежний Джейми бы так не поступил...

«Прежний Джейми умолчал и о Лаогере», – вдруг осознала я.

– Это не то, это другое, – проговорила я самой себе, но оказалось, что произнесла это вслух.

– Какое другое? О чем вы, матушка Клэр?

– А, нет, ничего. Задумалась. – Я потерла глаза рукой, смахивая глупые мысли. – Что ж они там так долго-то!..

Первым появился Фергюс; его сопровождал ополченец. Было уже около двух часов дня, когда они вошли в личный кабинет губернатора.

За такой период времени никакая пудра не удержалась бы на волосах, и так и произошло: от осыпавшегося на плечи порошка француз выглядел поседевшим и постаревшим.

Не знаю, как выглядела я, но думаю, что не лучше.

– Идем, *chérie*, – обратился он к Марсали. – Миледи, вы будете ждать милорда?

– Да, Фергюс, поезжайте одни. – Нужно было дожидаться Джейми во что бы то ни стало.

– Хорошо, я пришлю за вами экипаж. – Фергюс, держа руку на спине Марсали, подтолкнул девушку к выходу.

Пропуская их в дверях, ополченец что-то пробормотал, судя по всему, какое-то оскорбление, потому что Фергюс напрягся и резко обернулся, убрав фальшивую руку со спины Марсали. Солдат, ухмыляясь, ждал, когда же француз вспылит по-настоящему, но тот не дал повода для расправы, а, напротив, заулыбался.

– Прими благодарность, *mon ami*, за помощь.

И протянул руку в перчатке.

Ополченец принял пожатие, ничего не подозревая, а Фергюс мигом рванул руку на себя, отрывая ее. Паркет осыпала струйка отрубей.

– Это маленький презент от меня. На память и добрую службу, – продолжал улыбаться француз.

Бедный служивый стоял с разинутым ртом: шутка ли, оторвал

прощельге руку!

Я прождала еще час. Явился губернатор, похожий на увядающий, но еще хранящий свежесть и форму цветов.

Бренди, которого я почти не коснулась, был отставлен, и я спросила:

– Где Джейми?

– Продолжает общение с капитаном Джейкобсом, командиром ополчения. – Губернатор уселся в кресло и произнес фразу, которую я сочла отвлекающим маневром: – Не знал, что он прекрасно владеет французским.

– Да что вы вообще о нем знаете, – съязвила я, провоцируя его на откровенность.

Я не знала, насколько хорошо они знают друг друга и в каких отношениях состоят вообще, а другого пути узнать это, кроме прямого вопроса, не было.

Джон Грей сделал вид, что не слышал моего замечания, и, сняв парик, принялся приглаживать волосы.

– В этом наряде его трудно узнать. Но удастся ли ему долго скрывать свою личность?

Мне не нравилось то, что Грей игнорирует меня и рассуждает так, будто он один в комнате. Я сочла его глубокомысленные вопросы оскорбительными в сложившейся ситуации и встала с кресла.

– Где Джейми? – повторила я.

– Сейчас он в официальной приемной. Однако же вам не следует...

Я уже высунулась в холл, собираясь идти, но очень скоро изменила свое решение.

Сюда шел адмирал, тот самый, которого я уважительно обошла в приемной. За ним, как за флагманом, следовала флотилия в составе младших офицеров. Кабы не они, я попробовала бы еще как-нибудь повлиять, но их было слишком много и они представляли власть, от которой зависела судьба Джейми. Одного из них я узнала сразу, и он бы тоже узнал меня.

Мальчишка Томас Леонард выбрился и приделся, сменив большой капитанский мундир на мундир первого лейтенанта, который был ему как раз впору. На его лице были видны следы недавних побоев.

Мне некуда было бежать – не под письменным столом же, – и я решила на отчаянную выходку. Грей, видя, как я мечусь по сторонам в поисках укрытия, начал было что-то говорить мне, но я сложила руки в умоляющем жесте и прошептала так, что мне позавидовала бы любая трагическая актриса:

– Ради бога, ни слова, если вы любите Джейми!

Попросив губернатора о сообщничестве, я упала в широкое бархатное кресло и накрыла лицо полотенцем, которое оставила мне Марсали. Большого усилия воли мне стоило сделать вид, что мне плохо, что я сплю или лежу без сознания, то есть расслабиться и откинуть голову на спинку кресел.

Я успела: дверь уже открывалась, и был слышен решительный голос адмирала:

– Лорд Джон... Простите, вы заняты.

«Значит, он увидел меня и поверил в мой спектакль», – подумала я.

– Нет, адмирал, я могу с вами говорить, – нашелся Грей. Я могла только подивиться его выдержке и находчивости. – Видите ли, эта леди лишилась чувств после того, что увидела в уборной, и я пытаюсь оказать ей посильную помощь.

– Понимаю. Это действительно было ужасно, – сочувственно проговорил адмирал, а помолчав, добавил: – Думаете, что леди спит?

Последние слова были произнесены полупрошепотом.

– Уверен, – убежденно ответил Грей. – Иначе быть не может: она выпила слишком много бренди.

Я честно играла роль нервной дамы, хотя едва не вскочила на ноги после этих слов губернатора.

– И правильно сделала, – скрипел адмирал. – От потрясений любого рода лучше всего лечиться бренди. Я имею сообщить, что на Антигуа посланы люди за подкреплением. Если ополчению не удастся поймать убийцу, я предоставляю вам дополнительные силы для поисков.

– В этом не будет надобности, – прошипел кто-то из офицеров. – Когда мы схватим китайчонка, дополнительным силам нечего будет делать, потому что мы растерзаем его на кусочки! Не вешать же содомита просто так.

Флотилия одобрительно загалдела, но адмиральский возглас привел их в чувство:

– Джентльмены, прошу соблюдать порядок! Мы будем неукоснительно придерживаться действующего законодательства, а оно гласит, что убийца должен предстать перед судом губернатора целым и невредимым. Именем закона я запрещаю проводить какие-либо насильственные действия в отношении убийцы, когда он будет пойман. Вы не имеете права судить его, господа. Предоставьте это дело властям, и они изберут ему кару.

Это прозвучало зловеще, но офицеры шумно приветствовали слово «кара», примешивая крики «поделом ему!» и «по заслугам!».

С подчиненными адмирал говорил высоким голосом, но с

губернатором он переходил на почтительный полусшепот:

– Ваше превосходительство, я остановился в гостинице Макадамса и почту за честь оказать вам любую помощь, какая только потребуется.

Уходя, они ступали не так громко, из чего я сделала вывод, что мне удалось обмануть их, но я не спешила убирать с лица спасительное полотенце, пока не убедилась, что они действительно ушли. Кто-то подошел ко мне, по-видимому, Грей, и, вздыхая, сел в кресло. Через минуту послышался голос:

– Вы можете встать – мы остались одни. Надеюсь, что вы в сознании, – ехидно улыбнулся он. – Я не поверю, что женщина, победившая брюшной тиф, может упасть в обморок, подобно кокотке, от пустячного сообщения.

Я села в кресле и положила мокрое полотенце на колени. Грей сидел за письменным столом и смотрел на меня в упор.

– Сообщения бывают разными, бывают и не пустячные. – Я провела рукой по волосам, пытаюсь представить, что осталось от прически. – Понимаете меня?

Руки, сложенные под подбородком, дрогнули, и Грей зашевелился, доставая мой белый шелковый веер с вышитыми на нем фиалками, который я обронила в коридоре, из ящика стола.

– Это ваша вещица? Она лежала в коридоре. – Он бросил на меня оценивающий взгляд. – Я не боролся с тифом, но, признаться, струхнул, когда увидел вас сегодня. Хотя и удержался на ногах, как видите.

– Уже хорошо, – процедила я.

Мне казалось, что я съела лягушку и теперь она барахтается у меня в животе, не могущая ни выбраться наружу, ни пройти по направлению к прямой кишке. Это ощущение не исчезало, и я выпалила то, что волновало меня более всего:

– Джейми женат, разве он не говорил вам?

Грей быстро отвел глаза, в которых отразилась глубоко затаенная боль, а затем опустил их, рассматривая свои красивые руки, перебиравшие мелкие предметы на столе.

– Говорил... Он намекнул, что вы умерли. Я знал, что он женат.

В его руках оказалось пресс-папье из серебра. Полированная поверхность и сапфир, вделанный в эту дорогую вещицу, отражали свет свечи.

– Он не говорил обо мне? – опуская голову еще ниже, спросил губернатор.

Вопрос вызвал во мне сочувствие и к самому Грею, и к тому

положению, в котором он оказался. Его было жаль, но я понимала, что мне было бы больно слышать такие упоминания.

– Говорил. Говорил, что у него есть такой друг.

Грей с надеждой посмотрел на меня.

– Это правда?

– Да... Я... Вы должны узнать все. Мы думали, что второй из нас погиб. Война разлучила нас на годы. Я нашла его только сейчас спустя... Боже, неужели я приехала сюда четыре месяца назад?

Я задрожала, думая о том, что живу в восемнадцатом веке слишком многими жизнями для одного человека. Слова «А. Малкольм, печатник», украшавшие табличку в эдинбургской печатне, я прочла – подумать только! – всего четыре месяца назад.

– Я понимаю... – протянул Джон Грей. – Вас разлучил Каллоден... Господи, так вы не видели его двадцать лет?! – Теперь он был близок к обмороку. – А четыре месяца? Но...

Он задал бы еще несколько несвязных вопросов, но потрянул головой и с интересом спросил:

– Вы знаете что-нибудь об Уилли?

– Кто это? – недоумевала я.

Грей снова вошел в один из ящиков и выудил оттуда что-то маленькое, затем придвинул предмет ко мне, побуждая встать.

Он протянул мне портрет ребенка девяти-десяти лет, обрамленный рамкой темного дерева. Испугавшись, я, как во сне, протянула руку и взяла вещь.

Первое, что пришло в голову при виде портрета: этот мальчик мог бы быть братом Брианны. Вторая... о нет, вторая была о том, что этот и вправду брат Брианны!

В этом не приходилось сомневаться: раскосые глаза, высокие скулы викинга, длинный нос и даже поворот головы – все свидетельствовало о том, что отцом этого ребенка является отец Брианны... Этого нельзя было скрыть даже за мягкими детскими чертами лица и каштановым цветом волос, которому еще предстояло стать рыжим...

Не в силах держать в руках портрет, я положила его обратно на стол и положила сверху ладонь, вдавливая миниатюру в столешницу. Грей не спускал с меня глаз.

– Вам это не было известно? – с сочувствием проговорил он.

– А кто... а кто его мать? – выдавила из себя я, кашляя и задыхаясь.

Новый губернатор Ямайки не спешил с ответом.

– Ее нет в живых.

– Но кто она была?

Говорить я еще могла, а больше, кажется, ничего не могла. Пальцы онемели, в ушах звенело, и голова гудела и раскалывалась. Недаром Дженни говорила, что ее брат не может спать один! Значит, она что-то знала...

А я не знала ничего.

– Его мать – Джинива Дансени, сестра моей жены.

– Жены? – изумилась я.

Грей и так был смущен, произнося слово «жена» не так, как это обычно делают мужчины, мимоходом, а здесь и вовсе стушевался, отводя взгляд.

Теперь мне было ясно, отчего они так обнимались.

– Скажите толком, наконец, каким боком вы причастны к этому всему. Иначе говоря, какие у вас отношения с Джейми, с Джинивой и с... Уилли, – распорядилась я.

Грей уже пришел в себя и смог отрезать:

– Я не обязан это рассказывать.

Мне очень захотелось впиться ногтями ему в морду, но он заметил, как я напряглась, и заерзал в кресле, готовясь вскочить, если это будет необходимо для самозащиты.

Видя, что он подозрительно косится на меня, я попыталась взять себя в руки.

– Да, вы не обязаны, и я не настаиваю, если для вас это так тяжело. Но я, – подчеркнула я голосом, – я была бы вам очень обязана, если бы вы пояснили мне что к чему. В конце концов, вы показали мне портрет, и я имею право на объяснения. Так или иначе, мне придется расспросить обо всем Джейми, а вы бы могли облегчить его участь своим рассказом. – Небо было бархатным, и намеков на рассвет пока не наблюдалось. – До утра, я думаю, мы бы могли поведать друг другу многое.

Грей оставил наконец пресс-папье и покладисто согласился:

– Хорошо. Налить вам бренди?

– Налить, но и себе плесните тоже. Не хватает, чтобы вы упали здесь под стол.

Он легонько улыбнулся:

– Миссис Малкольм, это врачебное предписание?

– Да, вполне. Считайте, что это рецепт.

Теперь мы могли говорить более-менее спокойно. Грей перекачивал бокал между ладонями и уточнял:

– Джейми говорил обо мне, так?

Я снова выдала себя, скривившись, когда услышала, что теряю исключительное право называть мужа уменьшительным именем. Хмурый Грей предложил:

– Если вас задевает такое обращение к нему, я буду называть его Фрэзером, как делал это в тюрьме.

– Не нужно, не утруждайте себя. – Я глотнула бренди. – Я знаю то, что вы были начальником Ардсмьюира. Джейми говорил, что вы друг и заслуживаете доверия.

Такие важные для Грея сведения я произнесла с неохотой и растягивая слова, чтобы уменьшить губернатору удовольствие от этой весточки, но он все равно расцвел улыбкой:

– Я рад. Спасибо. – Грей покачивал бокал, раскрывая букет бренди и глядя в колышущуюся жидкость янтарного цвета.

Отпив глоток, он отставил бокал, чтобы впредь заниматься одним только рассказом.

– Это правда, мы познакомились в тюрьме, когда я был начальником. Позже Ардсмьюир закрыли, а все заключенные должны были отправиться на принудительные работы в Америку. Я похлопотал, чтобы Джейми оставили в Англии под надзором. Он дал слово, что не попытается убежать. Я выхлопотал ему место в Хэлуотере, где друзья нашего дома имели поместье.

Грей заколебался, но все же объяснил, опустив голову:

– Я не мог допустить того, чтобы мы расстались навсегда.

Переданные им факты об обстоятельствах рождения Уилли и смерти его матери вызвали у меня естественный вопрос:

– Он любил ее?

Лягушка все еще барахталась у меня в животе; ее не удалось изгнать даже благодаря бренди.

– Мы не говорили об этом.

Грей налил себе еще бренди, хотя кашлял, допивая предыдущую порцию. Поглядев мне в глаза, он с усмешкой признался:

– Я очень сомневаюсь, чтобы это была любовь.

Вероятно, это должно было прозвучать как пошлость, но я очень надеялась, что сомнения Грея были верны.

– Кстати говоря, о мальчике я тоже не знал, потому что Джейми ничего не рассказывал, что у него происходит, но слухи сделали свое дело. Всем было ясно, что старик Эллсмир не сможет стать отцом ребенка и что Джинива, скорее всего, имеет любовника, но кто он, можно было только гадать. Конечно, когда Уилли было уже лет пять, стало ясно, что

предполагаемый отец и есть настоящий. Этого нельзя было скрыть.

Губернатор продолжал пить.

– Любопытных было много, и поговаривали всякое, но были и такие, кто молчал, например моя теща.

– Правда?

– Ну да, а как же иначе! У нее не было выбора. Точнее, был: молчать и считать внука девятым графом Эллсмиром или сообщить всем, что он бастард, а его отец – преступник-шотландец, переспавший с господской дочерью?

– Представляю.

Я представляла не только это, но и то, как юная леди Джинива Дансени обнимает рослого рыжего конюха.

– Да, так было необходимо, – подытожил Грей. – Джейми поступил разумно, оставив имение.

– Вы занялись мальчиком после его бегства?

Стояла ночь, но какие-то звуки в резиденции все-таки были слышны. Впрочем, лорд Джон Грей закрыл глаза не потому что любил тишину.

– Да, он поручил мне заботиться о нем.

Эллсмирская конюшня была хороша во всех отношениях: просторная, теплая зимой и прохладная летом, она служила и тайным местом встречи Грея и Джейми.

– Изабель держит зло на вас, – проговорил Грей, глядя, как Джейми ходит за гнедым, а тот смирно стоит, предоставляя себя надежным рукам.

– Угу.

Дансени должны были быть довольны всем, но если это было не так, то это уже не заботило Джейми.

– Она говорит, что Уилли знает о вашем отъезде. Он кричал весь день и перебил всю посуду.

Жила на шее Джейми набухла, но Фрэзер молчал, оставив лошадь и водя скребком по стене конюшни и пряча глаза.

– Вы ведь могли ничего не говорить ему. Не стоило, правда.

– Да. Чтобы не расстраивать леди Изабель, – буркнул Джейми.

Закончив скоблить стену, конюх похлопал жеребца по крестцу, завершая, как показалось Греду, этим все свои дела в Хэлуотере. Завтра он покинет имение. У Грея перехватило горло, но он отошел от стены, у которой стоял, и потащился вслед за Фрэзером.

– Джейми, – осторожно коснулся он его плеча.

Тот обернулся, не успев спрятать боль в глазах, и смотрел теперь с высоты своего роста и с грусти своего положения.

– Вы правильно поступаете.

Джейми насупился, не понимая.

– Да? Вы так думаете?

– Да, и так думаю не только я. Есть вещи, которые нельзя не заметить, понимаете? То, что вас никто еще не раскусил, не значит, что это не произойдет в ближайшее время. Они, – указывал на коня Грей, – всегда похожи на отцов так или иначе. Что уже говорить о вас.

Шотландец слушал и бледнел.

– Вы должны это понимать, видеть, в конце концов. Хотя нет, у вас же нет даже зеркала, верно?

Джейми наконец отозвался, бесстрастно сказав:

– Верно, поэтому я смотрюсь в водную гладь.

Он вздохнул и посмотрел на дом, застекленная веранда которого выходила на лужайку – Уилли так любил выбегать сюда после ленча, – а потом повернулся к Грею и решительно предложил:

– Давайте прогуляемся, – и покинул конюшню.

За Фрэзером, шедшим к нижнему пастбищу, поспешил Грей. Мужчины прошли около четверти мили и остановились у пруда на прогалине, освещенной ласковым солнышком.

Грей понял, что происходит не так, как ему хотелось бы: Фрэзер шел быстро, и он едва поспевал за ним, задыхаясь и поминутно отставая. Вот плоды лондонской жизни! А Фрэзер не устал, он сильный...

Джейми сказал напрямик:

– Я хотел бы попросить вас кое о чем. Окажите мне любезность.

В устах шотландца слово «любезность» звучало неестественно: все в этом человеке было прямо, как взгляд его раскосых глаз, а если он что-то утаивал, то имел на это веские причины либо же впоследствии делал это достоянием гласности.

– Я никому не расскажу, если вы об этом. – Грей подумал и добавил: – Надеюсь, вы не сочли меня способным раструбить эти сведения деликатного характера.

– Нет, не об этом. Я и не думал, можете ли вы или не можете рассказать всем. Я хотел попросить...

– Я сделаю это, – быстро и уверенно ответил Грей.

– Но знаете ли вы, о чем я прошу? Возможно, вы будете тяготиться тем, что дали сейчас слово. Моя просьба...

– Насколько я могу уразуметь, все, чего вы хотите сейчас, заключается в одном: приглядывать за малышом, так? Я могу извещать вас, как он поживает. Вы этого хотите?

– Да, конечно... Если это возможно. – Кивая, Джейми посмотрел на усадьбу. – Вы можете отказаться. В самом деле, ездить из Лондона сюда только за тем, чтобы известить потом беглого преступника, как поживает его бастард? Не слишком ли многого я хочу?

– Нет, – возразил Грей, – ваша просьба не содержит в себе ничего такого, чего я бы не мог выполнить. Собственно говоря, сегодня я приехал сообщить вам, что я женюсь.

– Как... на женщине? – изумление Джейми было неподдельным.

– К сожалению, закон запрещает жениться мне на мужчине, как бы я этого ни хотел, – строго заметил лорд. – Да, я женюсь на женщине, и эта женщина леди Изабель.

– Боже правый! Вы не можете!

– Ну отчего же, – поморщился Грей. – Я вел процесс о своей правоспособности в Лондоне и выиграл его, так что я смогу обеспечивать ее и выполнять все обязательства, каковые обычно выполняют мужья. Согласитесь, что не обязательно получать удовольствие от всех производимых действий.

Джейми молча помигал.

– У старого лорда Дансени осталось не так много сил, чтобы тащить на себе Хэлуотер. Гордон умер, женщины сами не справятся. Мы, наши семьи, дружны вот уже много десятилетий, поэтому Дансени воспринимают меня как члена семьи и считают одной из лучших партий.

– А-а, – с иронией протянул Джейми, немало обидев этим Грея.

– Да, вот так! Брак важнее плотской любви, – отрезал Грей.

Шотландец, казалось, вспомнил что-то. Он подошел к краю пруда, ступил в грязь и тину и долго смотрел, как от ветерка на воде поднимается рябь. Лорд приводил в порядок волосы, спутанные во время быстрой ходьбы.

Джейми вернулся спустя время и неловко посмотрел в глаза Грею.

– Да. Я думал о вас дурно, а вы и в мыслях не имели обесчестить эту леди. Простите меня.

– Что вы, милый Фрэзер. Я буду постоянно видеть мальчика, а это самое важное.

– Вы покинете службу?

– Придется выйти в отставку, – печально подтвердил Грей. – Не думаю, чтобы я был в состоянии посвятить себя войску целиком и без остатка.

Джейми задумался еще больше.

– Я... был бы премного благодарен вам, если бы вы смогли быть

опекуном Уилли и стать отцом... для моего сына, – сдавленно проговорил Фрэзер, впервые называя Уилли сыном на людях.

В раскрытый ворот рубашки было видно, как ходит ходуном его мощная грудь от тяжелых глубоких вздохов, а потом Грей заметил, что кожа его собеседника меняет цвет, становясь красной.

Так и было: Джейми Фрэзер, этот бесстрашный шотландец, покраснел как девочка и мрачно предложил:

– Когда вам угодно, то пожалуйста... Я должен отплатить...

Грею захотелось смеяться до чертиков при виде этой занятой картины, но он подавил это желание и хотел ласково коснуться руки Джейми, но тот напрягся в ожидании прикосновения, не желая убирать руки, но и с трудом принимая ласку от мужчины.

– Милый Джейми, вы хотите предложить мне свое тело? – Грей хотел смеяться, но ситуация раздражала. – В обмен на то, что я стану отцом для вашего сына?

Джейми покраснел еще больше и стал похож на пациента ожогового отделения.

– Я готов... Если нужно... Хотите?

Грей не сдержался и огласил лужайку таким взрывом смеха, что не скоро смог прийти в чувство и сел на траву.

– Господи, да что вам в голову-то пришло! – Он достал кружевной платок, утирался и приговаривал: – Ну и сделка!

Джейми молчал, спокойно стоя в утреннем свете. Бледность неба подчеркивала огненный цвет его волос.

– То есть вы не хотите меня? – несмело улыбнулся он.

Грей встал и отряхнул одежду.

– Думаю, что я всегда буду хотеть вас и всегда буду помнить о вас. Вы меня искушаете, – тоже улыбнулся он.

Сбрасывая траву на землю, он серьезно спросил:

– Неужели вы подумали, что я буду принуждать вас к тому, чего вы не хотите по доброй воле? Нет, – покачал головой Грей, – нет, за подобные услуги я не собираюсь брать плату с кого бы то ни было. Будь на вашем месте кто-либо другой, я оскорбился бы, но, зная ваши обстоятельства...

– Простите, – снова извинился Джейми.

Грей, не зная, что предпринять, провел рукой по щеке Джейми, которая уже приобрела обычный цвет.

– К тому же вы не имеете любви к мужчинам. Стало быть, не можете дать мне ее. А как можно дать то, чего не имеешь?

Джейми, наконец, перестал волноваться и просто сказал:

– Я даю вам свою дружбу. Ее хоть вы принимаете или она не представляет ценности?

– Что вы... Для меня это большая честь. Спасибо.

Они не решались обняться или пожать руки, и Грей, чтобы как-то закончить разговор, сослался на поздний час и множество дел у Джейми, и шотландец согласился с этим доводом.

– Да уж, дел у меня неупорот, последний день, как ни крути.

– Да уж, последний.

Грей взглянул на солнце, на дорогу и одернул жилет, готовясь в путь, но Джейми помялся и шагнул к лорду. Грей был ниже, поэтому Фрэзер наклонился и взял его лицо в свои широкие теплые руки.

Мягкий рот на миг коснулся губ Грея, обдавая запахом эля и свежей выпечки, но это прекрасное чувство соединения силы и нежности длилось всего миг.

– О... – только и выдал лорд Джон Грей.

Джейми вздернул уголки рта в улыбке и сказал:

– Думаю, что было нормально. По крайней мере я ничего не испортил.

Он ушел в заросли ив, оставив Грея на сияющем солнце у сверкающего пруда.

– Это был единственный раз, когда он захотел коснуться меня. Наше объятие вы, верно, видели. Я вручил ему портрет Уилли – второй я храню у себя, – и он отблагодарил меня таким образом.

Ужас, ревность, ярость, потрясение и жалость – чего только я не чувствовала, сидя с бокалом бренди в руках в кабинете губернатора, причем чувствовала все сразу, а это рождало более сложное ощущение.

Почти что на наших глазах зверски убили женщину, с которой недавно говорила и я, но все было забыто: между нами лежал портрет Уилли, нереальный и в то же время реальнее самой кровавой действительности.

Джон Грей посмотрел мне в глаза и сказал еще кое-что, что поразило меня не меньше уже слышанного:

– Там, на корабле, мне показалось, что я узнал вас, но подумал, что ошибся: вы ведь умерли, должны были умереть, как я считал.

– Так мы же ночью виделись! – наобум сказала я, сообразив потом, что сказала глупость. В голове кружилось от бренди и сонливости, а губернатор что-то скрывал. – Погодите, как же вы могли меня узнать? Джейми показывал вам мой портрет? Или как... – недоумевала я.

– Горы возле Кэрриарика, темный лес. Двадцать лет назад. Мальчик со сломанной рукой. Это был я, вот.

Грей поднял вправленную когда-то мной руку.

– Боже!

Я мигом поднесла бокал к губам, но не рассчитала и сделала слишком большой глоток. Сквозь слезы я снова поглядела на Грея: да, это он, только черты его лица с возрастом поглубели.

Сухим голосом он сообщил причину, по которой запомнил меня:

– Первой девушкой, чью грудь я увидел, были вы. Я это запомнил и не смог забыть.

– Полно вам, вы ведь уже благополучно забыли все женские груди, – уколола его я. – Вы простили Джейми тот поступок? Тогда он сломал вам руку и грозился расстрелять, безумец.

На щеках Грея появился румянец.

– Я... э-э... в общем да... да.

Между нами стоял Джейми Фрэзер, но он же был и связующим звеном между нами. От его воли зависели наши судьбы, он принимал решения, а мы повиновались, следуя за ним либо оставаясь там, где он приказывал нам остаться. Грей порывался сказать что-то, но не мог, тогда он закрыл глаза и снова открыл их, решившись:

– Миссис Фрэзер... вы знаете...

Лорд сидел сцепив руки и глядел вниз, на пол. На одном из пальцев блестело кольцо с сапфиром.

– Вы знаете, вы можете себе представить, – тихо начал он, – что ваша любовь никогда не принесет любимому счастья? Ни счастья, ни просто радости, ни даже покоя? И не оттого что кто-то из вас неправильно поступает или что-нибудь в этом роде, а оттого, что вы им не подходите?

Я представляла. Представляла симпатичного брюнета, лежащего на каталке, видела, как пульсирует красный свет мигалки, смотрела на белые больничные простыни, чувствовала бостонский зимний холод. А здесь был тропический вечер и лорд Джон Грей.

«Оттого, что вы им не подходите».

– Я знаю... – я тоже сцепила руки на коленях.

Я настаивала, чтобы Фрэнк меня бросил, но он не хотел, не мог. А я, любя Джейми, не могла любить его.

«Фрэнк. Прости меня, Фрэнк, если можешь».

– Клэр, вы верите в судьбу? Думаю, вы, как никто другой, должны знать об этом все.

– Верю ли я? Верю, но мне известно об этом не больше вашего. Иначе я бы давно была с Джейми, – тихо прибавила я.

Грей взял портрет мальчика со стола.

– Я также ничего не знаю об этом. Я дал ему то, что мог, то, что он

хотел от меня взять не обидевшись. И он тоже дал мне... даже больше, чем мог.

Помимо воли я коснулась живота. Джейми всем делал драгоценные подарки. И это обходилось ему очень дорого.

Дверь открылась резко – ковер заглушил шаги, – и ополченец спросил:

– С леди все в порядке? Капитан Джейкобс и месье Александр закончили беседовать, экипаж ждет леди.

Я быстро встала.

– Все хорошо, спасибо. Я готова ехать.

Я не нашла, что сказать губернатору.

– Благодарю за...

Он легко вышел из-за стола и провел меня к выходу.

– Мадам, примите мои извинения. Вы пережили ужасные события, но, надеюсь, быстро забудете о них. Всего доброго.

Навощенный паркет – не за что уцепиться. Оно и правильно: нечего посторонним думать, что мы вели душевные беседы.

У самой двери я не выдержала и захотела сказать ему нечто большее, чем несколько учтивых ничего не значащих фраз.

– Мистер Грей, хорошо, что вы не знали, кто я такая, когда видели меня на «Дельфине». Тогда... вы понравились мне.

Ровно миг он глядел как официальное лицо, но затем маска спала:

– Тогда... тогда и вы понравились мне.

Казалось, что рядом в карете сидит чужак, а не Джейми. В серых рассветных лучах его лицо было серым, но не только от неверного света: Джейми смертельно устал и осунулся. Не желавший ни секунды более продолжать нелепый спектакль, он снял парик, едва мы миновали резиденцию. Лощеный француз уступил место взъерошенному шотландцу, чьи волосы темными в утреннем сумраке волнами свободно рассыпались по плечам.

– Ты думаешь на Уиллоби?

Я не хотела вступать в разговор, но молча сидеть тоже было невыносимо.

– Я не знаю, англичаночка. Они выпытывали у меня об этом, но я правда не знаю. Кабы я знал!..

Он хлопнул себя рукой по колену и потом потер лоб.

– Ума не приложу... Я знаю его прекрасно, а здесь такое... Ответ один: вино. Я думаю, что если это он, то вино всему причиной. Сама видела, в кого он превращается, когда напивается. История с тем таможенником, например. Он ведь убил тогда!..

Слушая, я видела, как Джейми подпирает голову рукой.

– Хотя не думаю, чтобы здесь было похожее, – рассуждал муж. – Здесь все же женщина. Помнишь, как он честил наших женщин? А если эта миссис Алкотт дразнила его, флиртowała...

– Она так и делала, – подтвердила я.

Джейми кивнул, будто знал все заранее, а сейчас лишь ждал подтверждения своим словам.

– Многие мужчины сходят с ума, когда их приманивают, а потом отказывают им. Не знаю уж, как там было, да только европейцы и китайцы, должно быть, по-разному понимают флирт. Если китайцы вообще флиртуют. Она, как я понимаю, завлекла его, обнадежила и прогнала, а бедняга понял все слишком буквально, обиделся, не понял, за что его гонят. К тому же выпивка, он на нее падок. А ножей там хоть отбавляй...

Ножи я и сама видела в коридоре, но вряд ли в дамской уборной были ножи. Джейми вздохнул и принял более удобное положение.

– Господу Богу известно все, но я не Господь Бог. – Он провел рукой по волосам. – Только бы это, но нет. Начать с того, что я сказал, будто плохо знаю китайца, будто мы познакомились, только отплывая с Мартиники на пакетботе, будто считаю его хорошим малым, но больше ничего не могу о нем сказать.

– Что они ответили? Поверили?

Джейми ухмыльнулся:

– Ненадолго, англичаночка, ненадолго, поверь. Через недельку пакетбот вернется, и капитан расскажет на допросе, насколько близки были мы с Уиллоби. Грубо говоря, поведает миру, что фальшивые супруги Малкольм и узкоглазый убийца замыслили убийство еще на пакетботе.

– Ничего хорошего, – пробормотала я, вспоминая презент Фергюса солдату. – И так благодаря пропавшему китайцу мы находимся под подозрением.

– Это что, а вот дней через шесть его не найдут, и тогда начнется кутерьма. За это время добрые кингстонские кумушки могут разнести сплетни о гостях «Дома голубой горы». Тоже хорошо, тоже замечательно: слуги прекрасно знают, кто мы.

– Пускай пропадут пропадом!

– О, узнаю настоящую леди, – важно пробасил Джейми. – У нас есть всего шесть дней, пока не началась свистопляска. Значит, найти мальчишку нужно за это время – другого не будет. Отправлюсь в Роуз-холл.

Джейми, как и я, не спал всю ночь и теперь сладко зевал. До самого «Дома голубой горы» мы хранили молчание. Дом спал, когда мы

пробрались в наши комнаты.

Я не стала развешивать одежду по вешалкам, а просто сбросила верхнее платье на пол, бросила на окошко булавки и пришла в спальню в одной ночной сорочке, белевшей во тьме. Джейми тоже был полуодет; он стоял в рубашке и глядел в окно.

Услышав, что кто-то идет – а это могла быть только я, – он сделал предостерегающий жест, чтобы я не шумела, и показал:

– Воц, ты только посмотри на них.

Ламантины, серые и толстые, плескались в лагуне, показывая округлые бока и снова погружаясь в воду. Они переговаривались между собой, издавая жутковатые завывания, а ранние птицы уже слетались на деревья. Больше в мире никого не было.

Встающее солнце позеленило воду, и лагуна заиграла красками. Мы были очень утомлены, но от этого чувствовали друг друга еще острее.

Благодаря Джону Грею я узнала о жизни Джейми все, что мог рассказать чужой человек, и больше не ревновала. Но почему же сам Джейми ничего не сказал, почему утаил от меня, что у него есть сын? Боялся? Не захотел доверить мне такую тайну? Любил ту женщину – мать еще одного ребенка? Грей не мог знать всего, и об этом следовало спросить самого Джейми, как ни тяжело мне это было.

Даже если она умерла, он может чтить ее память и любить ее не меньше. Меня же он любил все эти годы.

Нужно было заставить себя спросить, иначе я буду мучиться. Я сглотнула ком в горле и открыла рот, оценивая состояние Джейми.

Он хмурился и размышлял о чем-то. Я сочла это состояние благоприятным для своего вопроса и несколько бесцеремонно ляпнула:

– Что за грустные мысли?

Бессознательно я оттягивала время, боясь услышать признание в любви незнакомке. Просить Джейми успокоить меня было гадко: ему тоже требовалась помощь, не все же мне ее оказывать.

– Думаю о китайце. О чем же еще мне думать, – сказал Джейми, глядя на ламантинов в лагуне.

Убийство оставалось убийством, убийца скрылся, но между нами появилось нечто новое, и это требовало куда больше внимания, чем все убийства вместе взятые.

– И что ценного приходит в голову? – поинтересовалась я.

– Что Уиллоби не мог этого сделать. Это раз.

Стекло хранило следы пальцев Джейми.

– А второе... то, что он был крайне одинок, даже среди нас.

– Странник в чужой стране, – задумчиво проговорила я. Припомнился белый полет стихотворения мистера Уиллоби, которое он вверил морю и ветру.

– Именно так.

Джейми поелозил по волосам.

– Мужчина, будучи таким одиноким... Может быть, ты обидишься, но я все же скажу: мужчина ищет женщину, чтобы забыть свое одиночество.

Шотландец опустил взгляд на пол.

– Поэтому я женился на Лаогере. Нельзя сказать, чтобы я не жалел ее – я жалел. И девочек ее жалел. И уж тем более нельзя сказать, что я не мог жить без того, чтобы не спать с кем-нибудь!

Губа его дернулась, но он продолжил:

– Мне нужно было во что бы то ни стало знать, что я не одинок, а если женщина не могла жить со мной, то хоть забыть свое одиночество. Китаец хотел, чтобы женщина помогла ему забыть себя, но она не захотела этого делать, она отказала ему, – бесстрастно заключил он, глядя вдаль.

– Так что он вполне мог убить ее.

Посередине лагуны плыла самка ламантина, неся на себе детеныша.

Это зрелище наверняка вызвало у Джейми те же мысли, что и у меня, потому что он вздохнул и повернулся в мою сторону.

Он выглядел усталым, но решительным, таким, каким он обыкновенно шел на битву.

– Клэр...

По имени к своей «англичаночке» Джейми обращался в исключительных случаях.

– Клэр... Я хочу кое-что тебе сказать.

– Что такое? – я ответила машинально, а потом поняла, что не хочу слышать от него ничего такого, и отпрянула, зная, что он сейчас скажет.

Джейми удержал меня за руку и сунул в мою ладонь какой-то предмет. Нетрудно было догадаться, что это было: изгиб деревянной рамки и следы краски на ней.

– Клэр... я не говорил тебе... у меня есть сын... – выплюнул Джейми.

Я поглядела: это был такой же портрет, какой показал мне Грей. На нем был тот же самоуверенный мальчонка с дерзким взглядом слегка раскосых глаз, которого я видела в кабинете губернатора и который мог бы быть Джейми в детстве.

– Об этом не знает никто, даже Дженни.

А вот этому я не поверила и решила переспросить:

– Что, правда не знает?

Ламантины, заслышав наши голоса, отплыли, но вскоре вернулись, увидев, что мы не представляем для них опасности.

– Нет, не знает... Это было, когда я был в Англии. Об этом никто не знает, потому что он носит чужое имя, потому что... потому что он бастард, незаконнорожденный.

Мне почудилось или Джейми покраснел? Солнце ли упало и порозовило его своим лучом?

– Я оставил его, когда он был совсем ребенком. И больше не видел.

Он закусил губу и забрал у меня портрет, свободно лежавший в его широкой руке. О, Джейми многое бы отдал, чтобы на его руке действительно покоилась детская головка!

– Я не решался сказать тебе... А ну как ты подумала бы, что у меня дети повсюду, где я ночую? Или что Брианна, которой я никогда не видел, не так любима мной, как Уилли... Да, я не видел ее, но от этого люблю не меньше, а может, и больше.

Он посмотрел на меня в упор и громко спросил:

– Ты не держишь на меня зла?

– Я... – Собравшись с духом, я все-таки спросила: – Скажи, Джейми, ты любил мать этого мальчика?

Он не стал прятать глаз, но видимо опечалился.

– Нет, Клэр, нет... Она заставила меня спать с ней, я же не желал ее, но и не знал, как остановить. А потом она умерла.

Джейми закрыл глаза от боли.

– Видит бог, я не желал ее смерти, но я убил ее, и убил не любя, так, шутки ради.

Я провела рукой по его щеке. Он накрыл мою ладонь своей и крепче прижал к себе. Восходящее солнце осветило геккона, сидящего на стене: он был таким же желтым, как и штукатурка.

– Каков Уилли? Можешь рассказать?

Джейми, перед внутренним взором которого представал сын, начал говорить не открывая глаз:

– Маленький упрямец. Избалованный мальчишка, барчук. У него были ужасные манеры в детстве, он шумел и никогда не сдерживался, если хотел сделать какую-то пакость. Но он красивый. И сильный, сорванец.

Джейми заговорил тише, и я вторила ему:

– И он твой сын.

– Да, и он мой сын. – Он прижал мою руку с такой силой, что я ощутила, как в кожу впиваются колючие щетинки. Джейми не скрывал слез, отражавших рассветное солнце.

– Верь мне, – попросила я.

Он кивнул, не выпуская моей руки.

– Я верю. Но боюсь огорчить тебя. Потому молчал. Не мог подобрать слова, чтобы рассказать тебе о Джиниве, об Уилли, о Джоне. А о Джоне ты знаешь?

– Да, он сам мне рассказал сегодня.

Джейми удивился, но расслабленно кивнул. Напряжение, с которым он задавал этот вопрос, исчезло.

– Я не знал, просто не представлял. Тем более что ты хотела покинуть меня, когда узнала о Лаогере. Но ведь есть разница. А я боялся, что ты не поймешь.

– В чем же состоит разница?

– В том, что Джинива хотела меня, но только мое тело. Лаогера хотела носить мое имя и жить благодаря моим заработкам, ведь ей нужно было кормить детей.

Он прекратил рассматривать геккона и обернулся ко мне.

– Джон... – последовало пожатие плечами. – Он хотел другого, но понимал, что я не смогу дать ему это, потому не настаивал. Теперь, когда ты знаешь все, веришь ли ты мне, что я всегда любил и люблю только тебя?

Я почувствовала почти физически, как между нами встает этот жестокий вопрос, вопрос, от которого, быть может, зависит наша дальнейшая судьба.

– Что ж, раз ты спрашиваешь... Верю.

– Но почему? Почему ты так уверена, что я больше не обману тебя?

– Да потому, Джейми Фрэзер, что ты честный человек, вот и все. И потому что я люблю тебя, храни тебя Господь.

К горлу подступали слезы, и я едва расслышала его шепот:

– Ты. Ты и только ты. Тебе хочу поклоняться и тебе хочу служить, отдать всего себя, тело и руки, имя и душу. Ибо ты веришь мне и любишь меня.

Я тронула его ладонью и уверенно сказала:

– Ты больше не один. И никогда не будешь одинок.

Джейми взял мое лицо в свои нежные руки.

– Я клянусь тебе в этом. Когда я выходила за тебя, я просто говорила нужные слова, но теперь клянусь от чистого сердца.

Схватив ладонями его кисть, я отыскала на ней биение пульса и прижала свое запястье к его запястью. Его пульс был моим пульсом, биение моего сердца – биением его.

– Кровь от крови моей...

– Плоть от плоти моей... – хрипло закончил Джейми.

Договорив слова клятвы, он встал передо мной на колени и, к моему удивлению, проделал то, что делают горцы, когда приносят клятву вождю, – вложил свои сложенные ладони в мои.

– Душу свою вручаю тебе, – наклонил он голову, коснувшись ею рук.

– Пока жизни нашей не выйдет срок, – завершила я. – Но мы еще живы и будем жить долго-долго, правда ведь?

Джейми встал с колен и отступил на шаг; я же легла на кровать и призвала его к себе, в вечный дом, где его всегда ждут и готовы любить и верить. Наше единение больше нельзя было расторгнуть.

Глава 60

Запах драгоценных камней

В Роуз-холл мы ехали по дороге, припорошенной красноватой пылью. Она тянулась вверх по склону и была достаточно извилистой, а уже за чертой города заросла и сузилась, так что приходилось пробираться гуськом по тоннелю из кедров, верхушки которых смыкались и шумели над нами, будучи на высоте сотен футов. Ноги лошадей путались в папоротниках.

Ничто не нарушало тишины, слышались только звуки птичьего пения, которыми пернатые твари обычно обмениваются между собой и сородичами. Здесь были даже змеи: лошадь Джейми, увидев что-то на дороге, остановилась как вкопанная, и мы заметили длинную тонкую змею, уползшую в подлесок. Проследить ее движение мы не смогли, потому что видимость в этих зарослях не превышала расстояния десяти футов от дороги.

Мистер Уиллоби исчез бесследно: ополченцы несколько раз прочесывали остров и не нашли его. Все кингстонцы сидели взаперти с оружием в руках, превратив свои дома в подобие маленьких крепостей, и надеялись, что морские пехотинцы с Антигуа, срочно призванные сюда на службу, поспособят делу, да только мы полагали, что, если китаец ушел через джунгли, вряд ли его и даже его следы удастся найти.

Впрочем, все жители были настроены воинственно и предвкушали расправу. Это было бы даже забавно – добрые жители мечтают о мести сидя по домам, – если бы речь не шла о нашем друге. Полковник, возглавлявший ополчение, и морские офицеры были единодушны: китайцу не дожить до суда.

– Его разнесут в клочья, – пообещал полковник Джейкобс, провожая нас из губернаторского дома в ночь, когда была убита Мина. – Простите, леди, но ему оторвут яйца и затолкают их в глотку, я так полагаю.

Полковник с гордостью рассказывал, что могут сделать его орлы, и сам перенимал частичку их будущей славы, хотя было ясно, что он не будет заниматься мистером Уиллоби собственноручно.

– Я тоже так полагаю, – по-французски согласился Джейми, помогая мне забраться в экипаж.

Он не мог не переживать за китайца и все время, пока ехал, тяжело вздыхал, ничего не видя вокруг себя – ни высоченных кедров, ни резных

папоротников, ни пестрых и резко кричащих птиц. Я понимала его волнение и разделяла его, но в то же время понимала и другое: вряд ли мы сможем что-нибудь сделать для китайца. Разумеется, мы будем защищать его сколько возможно, но все указывало на то, что убийство Мины – его рук дело. Мы надеялись, что джунгли скрыли его маленькие следы и что он сумел ускользнуть, но эти же войлочные туфельки были выпачканы в крови...

Оставалось пять дней на поиски Эуона. Мы вытащим его из любой западни, если он в Роуз-холле. А если... но я старалась не думать об этом.

Плантация была отгорожена от мира и от леса оградой с проделанными в ней воротами, за которой на расчищенном пространстве росли сахарный тростник и кофе. На возвышенности находилось глиняное строение с крышей из пальмовых листьев, где темнокожие рабы занимались переработкой сахара – это было понятно как по запаху жженого сахара, так и по тому, что вдали от дома находился сахарный пресс. По всей видимости, именно этот пресс и был центром жизни и завода, и самого дома, и подчинял себе жизнь имения. Сам он состоял из бревен, положенных в виде буквы «Х», шпинделя и короба; в последний отжимали сок. Весь примитивный механизм приводился в движение с помощью быков, сейчас мирно щиплющих травку неподалеку.

– Но как же они вывозят готовый сахар? На мулах? Но этого не может быть! – Я поразилась, вспоминая петляющую в горах тропку и корни кедров, мешавшие лошадям ступать.

– Да нет, вон там есть река. Сплавают на баржах. – Джейми был занят своими мыслями, но рукой в сторону реки все-таки махнул.

Он придержал поводья и спросил меня:

– Англичаночка, ты готова к подвигам?

– А то. Я всегда готова, ты же знаешь.

В усадьбе Роуз-холл было два этажа, а с одной стороны дома располагалась еще и веранда с высокими окнами. В целом имение производило впечатление гармонической постройки, не характерной для плантаторских домов: например, владельцы усадьбы не поскупились и покрыли крышу шифером, а не жестью, как остальные хозяева.

У входа в дом рос розовый куст, создавая атмосферу уюта и красоты. Цветки желтого цвета испускали очень густой аромат, отчего становилось трудно дышать. Вполне возможно, что розовый куст тоже был роскошью, которую могла позволить себе хозяйка и на которую она хотела обратить внимание гостей, ждущих у двери. Но где же сама хозяйка? Возможно, она занята на заводе и не сможет нас принять?..

– Да?

В проеме отворившейся двери показалась женщина средних лет. На ней был надет хлопковый балахон, оттенявший белизной ее золотистую кожу; на голове был красный тюрбан. То ли близость цветущего куста натолкнула меня на сравнение, то ли ее кожа блестела в солнечных лучах, но мне показалось, что рабыня похожа на красный тюльпан с желтой сердцевинкой.

– Здравствуй, передай миссис Эбернети, что ее просят принять мистер и миссис Малкольм, – попросил Джейми.

Женщина несколько раз подряд взмахнула ресницами, словно не зная, что делать, но потом покорно кивнула и раскрыла дверь пошире.

– Господа подождать в салон, пожалуйста.

Она произносила английские слова нараспев, тягуче, так что «салон» превратилось в «саллонн».

– Я иди спросить хозяйка принимать.

Интересно, как часто принимали гостей в Роуз-холле? Рабыня выглядела растерянной. Комната с высокими окнами – одна стена была вся составлена из стекла – давала очень много света и простора. Другая стена была занята резным камином с очагом, выложенным шифером. Мне подумалось, что размер камина и наличие вертела позволяют время от времени жарить здесь быка для гостей.

Нам было предложено сесть на плетеную кушетку. Джейми заметно нервничал и мерил шагами комнату, выглядывая в окна, перед которыми рос тростник. Ничего подозрительного за окнами не было, но убранство самой комнаты наводило на мысль, что круг интересов хозяйки, мягко говоря, необычный. Мягкие подушки в ротанговых креслах и ряд серебряных колокольчиков от самого маленького до самого большого – это еще куда ни шло, а вот статуэтки...

На столе стояли фетиши, или идолы, как их называли. Эти языческие скульптуры были посвящены женщинам и изображали их предельно понятно: неестественно большие груди и бедра, раздутые животы поздних месяцев беременности явно указывали на предназначение женского организма. Странно было видеть эти скульптуры в гостинной леди. Я бы поняла еще, если бы они украшали дом археолога, историка или художника, но здесь... Никогда раньше не впадая в ханжество, я в то же время подумала, что миссис Эбернети оправдывает только тот факт, что ее усадьба расположена в тропических лесах, следовательно, эти вещицы мог подарить ей кто-нибудь из рабов или местных любителей древностей.

Здесь были и другие предметы, поразившие меня не меньше: реликвии

движения якобитов. Белая роза Стюартов присутствовала на серебряной табакерке, стеклянном графине, узорчатом веере, сервировочном подносе и на тканом ковре на полу. Я объяснила это себе тем, что множество якобитов нашли себе укрытие в Вест-Индии. Это радовало, ведь от человека, держащего в доме множество вещей, украшенных белой розой, мы могли ожидать помощи и совета, где искать Эуона.

Но только если мальчик был здесь, иначе...

Послышались шаги – кто-то шел в гостиную, очевидно, хозяйка.

Увидев фигуру в дверях у камина, Джейми охнул и замер. Я рассматривала серебряную чашечку, но выронила ее, когда увидела вошедшую.

– Эх, Клэр, ты все та же тощая девчонка. Но фигурка хороша, ничего не скажешь.

Хозяйка по-птичьи наклонила голову и наблюдала, как я хлопаю глазами.

Я сидела, но вскочила на ноги, когда она вошла, и теперь не знала, как вести себя – так и стояла, будто пораженная столбняком. Правда, в голове вертелась мысль ответить на ее комплимент язвительным замечанием о ее формах.

Зеленоглазая Джейлис Дункан имела нежную, сливочную кожу и чувственные формы: ее пышные груди и округлые бедра были похожи на те, которые утрированно изображали статуэтки. Сейчас же она растолстела и походила на бочонок, основательно набитый колыхающимся тестом. Под тонким муслином была видна ее рыхлая плоть, щеки тоже отвисли, но все эти изменения только подчеркивали потрясающую зелень ее злых глаз, обещавших пришедшим несколько веселых часов.

Джейлис с трудом села в кресло, небрежно кивнула в сторону пораженного Джейми и хлопком позвала прислугу.

– Чаю, давайте пить чай. И гадать на спитой заварке – я это здорово умею. Здесь меня считают отменной гадалкой и даже предсказательницей. Я польщена. Да, не каждая барышня из будущего удостоивается такой чести.

По-прежнему нежная ее кожа покрылась румянцем удовольствия. Джейл была великой актрисой, и ей прекрасно удавалось скрывать испуг и изумление, которые, как я понимаю, тоже переполняли ее при встрече со мной.

– Чаю нам, да только не простого, а из голубой жестянки. И ореховых пирожных, самых лучших. Ты не против? – Она закончила отдавать распоряжения прислуге и взглянула на меня, оценивая, как делает чайка,

видящая рыбу и прикидывая, стоит ли ее есть. – Особый случай, особенная еда. Знаешь, я не раз себе представляла, как встречу тебя. Думала, увидимся ли еще после Крэйнсмуира?

Мое сердце, гулко стучавшее, утихло, и я захотела немедленно расспросить Джейлис обо всем. Не зная, с чего начать, я ляпнула первое пришедшее в голову:

– Ты знала, что я пройду? Даже когда мы виделись в Крэйнсмуире?

Светлые, сливочные, как и кожа, волосы выбились из-под заколок. Приводя прическу в порядок, Джейми рассматривала меня и говорила:

– Я не сразу догадалась, но подумала, что ты очень странная, не такая, как другие. Ты случайно попала сюда? Не собиралась проходить, я хочу сказать?

– Сейчас собиралась. Первый раз я, в самом деле, очутилась здесь случайно. А ты покинула наш тысяча девятьсот шестьдесят седьмой и...

Она кивнула, не дав мне договорить, и сильно насупилась, буравя меня взглядом.

– Да уж, покинула. Думала прийти на помощь принцу Чарли, Красавчику.

Джейлис скривила рот и внезапно плюнула на пол.

– Вонючий итальяшка! Трус! Подлец! – В глазах ее вспыхнуло желание мести. – Кабы я это знала, стала ли бы нянчиться с ним? Сразу бы добралась до Рима да и кокнула его там. Братец Генри, думаю, такой же, только он еще и попик. Фу, сопли одни. У них и яиц-то нет. Но не у них одних – все Стюарты после Каллодена перевелись.

Она махнула рукой, показывая, что не стоит и говорить о такой ерунде, и скрипнула креслом.

– Все, не будем об этом, надоело. Все равно ничего уж нельзя сделать. Давай лучше о тебе. Ты-то как здесь? Небось на День костров где-то угодила в проход сквозь камни? Многие так сюда попадают.

– Э-э, ну да. На Праздник кельтских костров попала. Погоди... Ты говоришь «многие» – кто многие? Что... нас много? Такие, как мы, ну, те, кто прошел, не редкость?

Джейлис вертела головой по сторонам и рассеянно пробормотала:

– Ну как много, много не много...

Не выдержав, она схватила один из множества серебряных колокольчиков и принялась им размахивать.

– Проклятая Клотильда, вечно она копошится! – выдохнула Джейлис и продолжила разговор: – Лично я знаю еще одного человека, который вот так же прошел, как и мы. Честно говоря, твоя прививка стоила мне нервов:

я не знала, что и думать, потому что сообразила, что не одна такая, что ты подобна мне.

Она потрогала муслин, скрывающий след от вакцинации, и в третий раз оценивающе посмотрела на меня своим изумрудным глазом.

– Но вообще я хотела сказать о тех, кто исчезает в каменных кругах и в кольцах фей, как об этом гласят легенды. Ведь это происходит накануне Иванова дня, когда празднуют Праздник Солнца, или когда происходит зимнее солнцестояние. Ну и, конечно, накануне Белтейна или Самхейна.

– Это было в списке, да? – Перед моими глазами возникла серая тетрадь, над которой склонились мы с Роджером Уэйкфилдом. – Помнишь свой список? Там были даты и чьи-то инициалы, приблизительно двести строк, причем почти все даты приходились на конец апреля – начало мая или на конец октября, я еще тогда заметила.

– Ну да, так и было. Стало быть, ты раздобыла ту тетрадку и сообразила, где меня следует искать? Слушай, это ты позвала меня, когда я уже стояла в круге на Крэг-на-Дуне?

– Джилиан, – громко произнесла я старое имя Джейлис, а она раскрыла глаза, вспоминая то время. – Джилиан Эдгарс. Да, я действительно позвала тебя тогда. Как ты увидела меня в той темноте?

В ночной тьме в круге камней пылал костер, а рядом стояла стройная девушка, неотрывно глядевшая в огонь. Тяга горячего воздуха трепала ее волосы, приводя их в движение, и забивала все звуки.

– Ты была не видна мне, но я слышала твой голос. Когда ты кричала на том процессе, мне показалось, что я где-то слышала твой голос, а позже я уже увидела на твоей руке след от укола.

Джейлис-Джилиан вскинула плечо, натянув муслин.

– А тогда, кто был с тобой тогда? – любопытствовала она. – Я видела девушку и молодого bruneta. Хорошенький.

Внезапно она нахмурилась, зажмурилась и опять открыла глаза.

– Что-то знакомое. Кто бы это мог быть... Подожди, дай я сама угадаю... – наказывала Джейлис, хотя я молчала.

– Миссис Дункан? Или теперь к вам следует обращаться миссис Эбернети? – Джейми учтиво поклонился, бесцеремонно встав в беседу.

Он все еще был бледен и стискивал зубы, но был более-менее способен мыслить и говорить.

Казалось, Джейлис удивилась его присутствию, но, присмотревшись к нему, пораженно крикнула:

– Смотрите-ка, маленький лисенок объявился!

Я с ревностью наблюдала, как она рассматривает его с ног до головы, в

одну секунду схватывая то, что я примечала на протяжении длительного времени. Оно и неудивительно: Джейлис, давно не видя Джейми, сразу отметила изменения, произошедшие с его обликом, и, как паук, живо схватила его в сети своего цепкого взгляда.

– Кровь Маккензи не спрячешь! Оба твоих дядюшки многое тебе дали, и ты всегда был похож на них, но сейчас похож как никогда. Знать, время берет свое. Ну прямо одно лицо – что ты, что они!

– Дугал и Колум преисполнились бы гордости, когда бы узнали, что вы помните их так хорошо, – тихо и с достоинством проговорил Джейми, вглядываясь в облик Джейлис.

Фрэзер не любил Джейлис и старался поменьше общаться с ней, но сейчас нельзя было допускать ссоры, особенно на пустом месте: судьба Эуона зависела от доброй воли Джейлис отдать нам мальчика.

Когда служанка подала чай, мы прекратили говорить, и осталось неизвестным, как Джейлис хочет, чтобы ее называли, и как позволит обращаться к себе. Я сидела на диване и Джейми пристроился ко мне, а хозяйка играла роль гостеприимной и радушной женщины, роль, несвойственную ей с ее саркастическими замечанием и с циничным взглядом на вещи в целом. Чтобы походить на мать большого семейства, совершающую ежевечернюю церемонию чаепития, она сунула в руки каждому по чашке и любезно предложила сахар и молоко (коробочка и кувшин тоже были принесены служанкой), а затем села и сложила руки на пухлых коленях, приглашая продолжить светскую – или не очень, как придется – болтовню.

– Миссис Эбернети, – Джейми тоже вошел в роль любознательного, но вежливого гостя, – позвольте узнать, как вы оказались здесь, в этих труднодоступных лесах?

Его, как и меня, подмывало спросить, каким образом Джейлис, обвиняемая в колдовстве, избежала смерти на костре, но он благоразумно сдерживался.

Спасенная ведьма кокетливо опустила зеленые глазки.

– Если помнишь, лисенок, в Крэйнсмуире мне пришлось кое в чем признаться.

– Гм... помню.

Порозовевший Джейми отхлебнул чаю. Да, я тоже прекрасно это помнила: Джейлис подозревали в ведовстве, и она была вынуждена заявить о своей беременности, разорвав на себе платье прямо во время процесса. Это спасло ей жизнь, по крайней мере, оттянуло казнь.

Джейлис красиво слизала капельки чая с губ, не прибегая к помощи

салфеток, и обратилась ко мне:

– Клэр, ты рожала?

– Да, – не скрыла я.

– Согласись, что это суший кошмар: тебя поначалу разносит, как свиноматку, ходишь, расталкиваешь всех животом, натыкаешься на все, наклониться нельзя нормально, а после тужишься, думаешь, что высрешь все кишки. А что в итоге? Крысеныш да к тому же утопленный с виду.

Она фыркнула, выражая этим отвращение, и воскликнула:

– Они называют это красотой материнства! Господи! Но эта красота спасла мне жизнь, ничего не скажу. Помучилась, родила крысеныша, зато сейчас топчу грешную землю в свое удовольствие. Лучше это, чем быть кучкой пепла. Я не для того сюда отправилась, чтобы меня сожгли полоумные мужики в сутанах.

Послушав красочное описание процесса вынашивания и родов, я высказала свое мнение:

– Так-то оно так, но мы ведь не знаем, как оно, когда сжигают на костре. Может, роды мучительнее.

Бедная Джейлис поперхнулась чаем и обрызгала свой муслин. Пройдясь платком по ткани, она с интересом смотрела на меня.

– Я, как ты понимаешь, не была сожжена и не могу судить, как оно. Но видеть приходилось, и должна сказать, что сидеть и раздуваться в вонючей дыре намного лучше.

– Ты хочешь сказать, что находилась в яме для воров, пока не родила?

Холодная ложка из серебра стала теплой в моей вспотевшей руке. Крэйнсмуирский застенек был страшен. С Джейлис Дункан я находилась там три дня, но сколько же времени провела там она?

– Ну да. Я сидела там три месяца. На ледяном полу среди вшей и тараканов. На обед давали – если давали – отвратительно пахнущую баланду. Веришь ли, я все время дрожала от страха.

Рассказ не способствовал аппетиту, и горько улыбаясь Джейлис смотрела, как в чашке плавают чайники.

– Но выкидыша не произошло. Я уже не знала, просить ли Бога об этом или о том, чтобы вытащил меня поскорее, пусть я и издохну на свободе. Меня выудили оттуда, когда начались схватки. И я родила в доме судебного исполнителя, в своей старой спальне. Лучше дома в селении не было.

На секунду мне показалось, что в ее чашке был не чай, – настолько затуманился ее взгляд, но затем я устыдилась: было ясно видно, что она обрызгала себя чаем. «Не стоит подозревать невиновного человека, Бошан.

То, что Джейлис своеобразная, еще не дает повода обвинять ее в злоупотреблении спиртным», – оборвала себя я.

– Витражи из шестигранников, ты помнишь их? Пурпурные, белые, зеленые – красота! Я столько всего передумала, пока смотрела на них.

Она невольно улыбнулась, но улыбку тут же согнала задумчивость.

– Зеленый витраж отразил свет, когда мне принесли ребенка. «Ну чисто утопленник», – подумала я тогда. Но нет, он был теплым и живым на удивление. Яйца его отца тоже были теплыми, ну а что у него было живым, сама понимаешь.

Джейлис засмеялась недобрым смехом.

– Умора, они такие дураки! Хватай любого за его самое живое место, и готово – он твой, тащи его куда хочешь. Самое забавное то, что они таскаются за нами и когда мы машем юбками перед их носом, и когда уже ходим на сносях: как же, она родила мне сына! Лично меня все устраивает: если у тебя есть дырка между ног, ты можешь вертеть мужчинами, а значит, и миром, как хочешь.

Дальше Джейлис проделала нечто такое, от чего я усомнилась, только ли чай был в ее чашке: она откинулась назад в заскрипевшем под ее весом кресле, развела бедра, насколько позволяло платье, и подняла чашку прямо над лбом, произнеся иронический тост:

– За это самое место, от которого столько всего зависит! Влагалище – это все, что интересует мужчин, все, к чему направлены их помыслы, значит, то самое место, с помощью которого можно управлять мужчинами.

Джейлис отхлебнула из чашки и села поудобнее, перестав склоняться над животом.

– Вот негры, например, все понимают – вырезают фигурки, изображающие женщин с огромными грудями, животом и всем остальным. Но мужчины в нашем времени, том, откуда мы пришли, тоже поступают сходным образом.

Она зло улыбнулась.

– Чай, видала журнальчики для мужчин.

Джейлис бросила полный ненависти взгляд на Джейми, словно он был виноват в том, что целая индустрия занята выпуском журналов для мужчин, и добавила:

– В Париже тоже много всего, и картинки, и книжки. Я склонна считать, что это то же, что и эти фигурки.

Отпивая еще, она махнула рукой.

– Только африканцы поклоняются им, а наши...

– Африканцы – чувственные люди, – бросил Джейми.

Он говорил ровным тоном и сидел развалясь, но я-то видела, как его пальцы сжимают чашку.

– Парижских сладострастников вы узнали уже как миссис Эбернети?

Джейлис Дункан остро посмотрела на Джейми и злорадно проговорила, обращаясь теперь к нему:

– О нет, слава миссис Эбернети была еще впереди. В Париже меня знали как Мелисанду Робишо. Правда, звучит? Твой дядюшка Дугал назвал меня так, и я, сентиментальная дуреха, решила, что пусть так и остается, раз уж так красиво.

Теперь рука сжалась у меня. Джейлис не могла видеть этого, потому что не занятую чашкой ладонь я держала в складках юбки. Мы жили в Париже и много слышали о мадам Мелисанде, которая, сама не будучи вхожа ко двору и не принадлежа к высшему свету, пользовалась, да будет позволено мне так сказать, придворных дам. Откровенно говоря, она приобрела славу среди женщин, распространяющуюся со скоростью света, потому что рассказывала о таких важных вещах, как любовные интриги, капиталовложения и беременности.

– Ну-ну, могу себе представить, что ты им там наговорила, – холодно произнесла я.

Джейлис удивленно захихикала:

– Ну разумеется, я многое могла бы порассказать, но попасть на новый процесс у меня не было охоты. Не всегда надобно говорить правду. Хотя и я кое-что сделала: мать Жана Поля Марата хотела, чтобы ее ребенка звали Рудольфом, а я отговорила ее так называть, мол, над именем Рудольф тяготеет проклятие или что-то в этом роде. Честно говоря, потом долго думала, правильно ли поступила: если бы его назвали по-другому, возможно, мир потерял бы доблестного революционера, зато обрел бы поэта. А ты, лисенок, думал ли ты, что имя не в последнюю очередь определяет судьбу?

Она вытаращилась на Джейми.

– Я думал об этом, миссис Эбернети. – Он отставил чашку. – Так это благодаря Дугалу вы смогли убежать из Крэйнсмуира?

Джейлис подавила отрыжку.

– Ну да. Он приперся, чтобы забрать малого, трусился весь, боялся, чтобы не узнал кто. Но мне нужно было совсем другое. Я рада была, что он дрожит, и воспользовалась этим: едва он появился, тыкнула ножом в малыша.

И по сей день довольная своей удачной выдумкой, Джейлис торжествующе улыбнулась:

– Говорю, мол, дитю конец, если ты не вытащишь меня из этой дыры. Жизнью ребенка, хоть и бастарда, он дорожил и согласился на мое условие, да только я еще потребовала, чтобы он поклялся жизнью брата и собственным спасением.

– Он не думал, что ты можешь обмануть его?

Я представила, как отчаянная Джейлис подносит нож к горлу младенца. Страшное, должно быть, зрелище, и еще страшнее становится при мысли, что есть на земле такие матери.

Она вперила в меня свои стекляшки.

– Ну а как же, милочка. Дугал прекрасно знал, на что я способна. Я не прогадала, – мягко заметила Джейлис.

Хотя дело было в декабре, Дугал обливался потом и не мог не смотреть на кровать, где лежал спящий сын, которому угрожала опасность от собственной матери.

– Мне так хотелось зарезать его самого, когда он склонился над ребенком! – воскликнула кровожадная Джейлис. – Но я не могла, к сожалению, себе этого позволить: одной было бы слишком тяжело разгрести это все. Пришлось оставить его в живых, эх...

Молчаливый Джейми отпил из чашки, не проронив ни слова и не изменившись в лице.

Тюремщик Джон Макри за соответствующую плату согласился обделать это дельце: Дугал дал взятки нужным людям и втайне от всех было решено и позволено подменить тело Джейлис Дункан и предать огню другого человека. Сопровождать это все должна была церковная церемония.

– Я было думала, что возьмут соломенное чучело, бросят пару камней в гроб, а там забьют крышку и дело сделано, но мне повезло: третьего дня умерла бабушка Джоан. Решили положить ее тело, потому что человеческое тело горит все-таки лучше соломы.

Джейлис выпила последние капли из чашки.

– Да, я счастливица – увидела собственные похороны. Где такое видано, а? Что, не повезло, скажете?

Листья уже опали и начали гнить, их кое-где прикрывал снег, а осенние ягоды, оставшиеся на кустах зимой, блестели как капли крови.

Ветер гнал облака по небу, скоро должен был начаться снегопад или дождь со снегом, но все жители поселка, которые были в состоянии ходить, высыпали на улицу, чтобы поглядеть, как будут сжигать ведьму. Что ни говори, а это было выдающееся событие, и все желали посмотреть на очищающий огонь. Отец Бэйн, местный священник, умер три месяца назад

(порез загноился и вызвал лихорадку), но поскольку священник был необходим, из соседнего поселка выписали другого, и теперь процессия состояла из священнослужителя, бормотавшего себе под нос отходные, тюремщика и его помощников с ношей, завернутой в черное, и мальчиков с кадилом.

– Бабушка Джоан удостоилась такой чести, – язвительно заметила Джейлис, – на ее похоронах собрались все, даже те, кто не знал ее никогда. А все почему? Да потому что жгли ведьму! Вот и весь сказ. Притащились все и притащили с собой священника.

Макри вытащил тело из черных одежд и отнес его к заготовленной бочке: труп должны были положить в бочку и так сжечь.

– Меня по решению суда должны были удавить. Это можно было считать милостью. То есть они уже знали, что я буду мертва, и не удивились, что я болтаюсь, как тряпка. Главное, что не дергалась. Забавно: они были так заняты зрелищем, что даже не поняли, что я должна была весить в несколько раз больше бедной бабушки.

– А... ты видела это все? – не поверила я, но, зная Джейлис, я уже знала ответ.

Она важно кивнула:

– Ну а как же? Разве можно было пропустить такое? Они все стояли укутанные – холодно ведь было. Ну и я встала, надвинула капюшон...

Приглашенный священник читал молитву, которая должна была оградить присутствующих от злых чар. По ее завершении Макри забрал у помощника факел, сделанный из сосны, и проговорил:

– Господи, не лиши жену сию благодати Своей, но истреби зло, что обитало в теле ее.

Он-то и зажег огонь.

– Я думала, что это будет долго, но все произошло очень быстро.

Когда к бочке, пропитанной смолой, поднесли факел, огонь взметнулся вверх, пожирая свою добычу. Публика ликовала, хотя было ясно, что из-за огня и жара никто не может ничего видеть и боится приблизиться, чтобы не обжечься самому.

Спустя минуту пламя стало более ровным и уже не взметывалось к самым веткам рябины, опаливая их. Это было важно, так как открывало возможность насладиться зрелищем сгорания человеческого тела, то есть посозерцать то, ради чего и пришли собравшиеся. Капюшон и волосы обгорели сразу же, лицо чуть позже, но тоже довольно быстро, так что никто не смог бы узнать несчастную старушку, а затем сгоревшая плоть отпала и обнажились кости.

– Бочка прогорела вся, но тело горело дольше. – Глаза Джейлис подернулись дымкой. – На месте глаз остались одни провалы. Казалось, что она смотрит на меня, но там уже нечему было смотреть. Наконец раскололся череп, и люди отправились к костру за сувенирами в виде костей самозваной Джейлис.

Женщина нетвердо подошла к столику и снова зазвонила в колокольчик.

– Думаю, что рожать все-таки легче.

– Значит, Дугал забрал вас во Францию. Так что же, как вы очутились аж в Вест-Индии? – напомнил Джейми, старательно пряча дрожь в негнущихся пальцах.

– А, это, – вспомнила Джейлис. – После Каллодена, когда же еще.

Она не стала пояснять и повернулась ко мне, улыбаясь:

– Захолустье, да. А вот что делаете вы в таком захолустье, хотела бы я знать? Не заявились же ради моей скромной персоны.

Джейлис явно требовала внимания. Фрэзер выпрямился на стуле, напрягая спину, но выдал свою нервозность одним только взглядом.

– Нас привели сюда поиски одного моего родственника, племянника, Эуона Мюррея. Я полагаю, что он мог оказаться у вас по рабочему контракту.

Джейлис подняла светлые брови, выцветшие за годы.

– Говоришь, некто Эуон Мюррей? Не знаю такого. У меня нет белых по этим кабальным контрактам. Только надсмотрщик у меня свободный, но он грифон – четверть негритянской крови.

Я понимала, что Джейлис лжет: слишком хорошо я знала ее и слишком интересно было для нее наше появление, но по ее лицу я не могла понять, известно ли ей что-либо об Эуоне.

Джейми сдержал возникший гнев и любезно проговорил:

– О, правда? Миссис Эбернети, а вы не боитесь того, что вас могут ограбить или причинить какой-либо другой вред? Все-таки город довольно далеко, а вы одна среди рабов. Не опасно ли это?

– Нет, лисенок, я никого не боюсь.

Джейлис улыбнулась – сколько раз она успела одарить нас улыбкой, означающей каждый раз что-то особое? – и указала двойным подбородником на террасу.

Дверь, ведущая на веранду, была загорожена рослым негром, причем гигант закрывал собой весь проем. Он был даже выше Джейми на несколько дюймов, и его впечатляющие мышцы были открыты для обозрения из-под закатанных рукавов.

– Мой Геркулес, – одобрительно сказала Джейлис, пряча смешок. – У меня есть еще один такой же.

– Неужто Атлас? – резко заметила я.

– Угадала! Она у тебя не промах, – подмигнула она Джейми.

Телеса Джейлис заколыхались, а мясистые щеки и подбородок задрожали. Мне стали видны лопнувшие капилляры на ее коже.

Геркулес не реагировал на наш разговор, будто мы говорили о ком-то третьем, но меня насторожило не это: он вообще ни на что не реагировал. Лицевые мышцы были расслаблены, а глубоко посаженные глаза – пусты. Его габариты вкупе с отсутствующим видом устрашали и заставляли представить заброшенный дом, хранящий леденящие душу секреты.

– Иди, Геркулес, ты мне больше не нужен.

Джейлис звякнула колокольчиком, как будто без этого гигант не смог бы сообразить, что ему требуется, и он ушел.

– С рабами мне не страшно. То есть я не боюсь их. Зато они боятся – искренне полагают, что я ведьма, – блестела глазами Джейлис. – Как думаешь, они правы?

– Джейлис, скажи... Я понимаю, что звучит очень глупо... Но Геркулес – это же не зомби?

– Вот это да! Зомби!

Джейлис залилась довольным смехом и даже захлопала в ладоши.

– Ну, он не очень сметливый парень, ничего не скажешь. Но я бы не сказала и того, что он мертвец.

Она снова расхохоталась.

– Что такое зомби? – не понял Джейми.

– Это не столь важно, – отмахнулась я. Нужно было расспрашивать дальше, и я задала новый вопрос: – А сколько вообще у тебя здесь рабов?

– Около сотни. Другие плантации намного больше, у меня же всего триста акров тростника и чуточка кофе на верхотуре.

Пока она вытирала вспотевшее лицо, мы с Джейми, не сговариваясь, думали о том, что Джейлис прекрасно известно, где находится Эуон и что с ним происходит. Во-первых, она ничуть не удивилась, когда мы появились в ее имении, следовательно, кто-то сказал ей, что мы придем, – Эуон Мюррей, больше некому.

Во-вторых, нам очень хотелось разузнать все о мальчишке, прибегнув ко всем доступным нам методам дознания, пусть даже и не очень законным, но то, что в Роуз-холле обитал Геркулес, рушило все наши планы. Кстати говоря, мысль прижать Джейлис к стенке возникла у меня, а отнюдь не у Джейми (она у него, кажется, была всегда).

Еще можно было обыскать весь Роуз-холл, перевернув весь дом, но это тоже требовало времени: триста акров нельзя было прочесать играючи, к тому же мы не знали, где следует искать мальчика. Но кое-какие догадки у нас имелись: не будут же прятать его на плантации среди тростника, значит, нужно поочередно проверить все строения – дом хозяйки, здания сахарного завода и хижины, где живут рабы.

Чутьем я уловила вопросительный взгляд Джейлис и поняла, что она задала какой-то вопрос, на который я не ответила.

– Да, прости.

– Я всего лишь спросила, насколько глубоки твои медицинские познания, – надменно улыбнулась Джейлис. – В Шотландии, я помню, тебя знавали как знахарку и целительницу. Тебя ценят до сих пор?

– В какой-то мере, – ответила я, вспомнив «Дельфин».

Интересно, для чего ей нужен доктор? Для себя? Возможно. Цвет одутловатого лица, пятна и мешки под глазами указывали на то, что Джейлис не совсем здорова, однако же признаков какой-либо более серьезной болезни, имеющей характерные симптомы, я не видела.

– Нет, я прошу не для себя, – как она точно уловила мои мысли, прямо ведьма! – И дело вовсе не срочное, просто двое рабов заболели, и если бы ты была так любезна осмотреть их...

Украдкой брошенный на Джейми мой взгляд зафиксировал чуть заметный кивок. Рабы могли знать об Эуоне или хотя бы о том, где он находится, к тому же Джейлис сама предлагала мне проинспектировать свое жилище. Шанс нельзя было упускать.

– Миссис Эбернети, ваш сахарный пресс, кажется, не в порядке, мне стоит взглянуть. Я починил бы его, пока жена занимается больными.

Сделав такое заявление, Джейми холодно кивнул и молча вышел через веранду, засучивая рукава. Что ж, отлично, сферы наблюдения разделились: я буду осматривать жилые постройки, а Джейми – завод.

– Во рукастый, скажи? – бросила ему вслед Джейлис, не заметив подвоха. – Барнаба тоже такой был: как увидит неисправную машину, так бежит ее чинить. А как увидит симпатичную рабыню... так другое место у него чешется, – закончила она. – Идем, больные живут за кухней.

Кухня составлялась из множества пристроек, которые присоединялись к дому крытым переходом, по обеим сторонам которого рос жасмин. Он как раз цвел, разнося благоухание, и казалось, что идешь по какому-то фантастическому мосту, где пахнет цветами и гудят, подобно волынке, пчелы и шмели.

– Тебя когда-нибудь жалила пчела? – брякнула Джейлис, отгоняя

назойливых насекомых.

– О, много раз.

– И меня тоже, – оживилась она. – И тоже не раз, да только мне все нипочем, разве только краснота на коже. А прошлой весной пчелка ужалила рабыню, прислуживавшую мне на кухне. Та раздулась и умерла прямо тут же, представляешь?

В глазах Джейлис играли насмешливые огоньки.

– На самом деле этот случай был только мне на руку, потому что остальные рабы переполошились и теперь искренне считают, что я ведьма, мол, закляла дуреху. Но я не жалуюсь: чтобы поднять авторитет, все средства хороши, а эта козочка сожгла мне недавно бисквит, а я возьми и промолчи. Зато теперь все без пригара готовят.

Услышанное поражало и помогало представить портрет Джейлис в полной мере: эта женщина не остановится ни перед чем, чтобы достичь цели, используя прямо или косвенно все, что можно использовать, и даже то, что нельзя. Выходит, кое-что странное таки происходило в Роуз-холле, становясь достоянием общественности в виде трепливых кумушек наподобие тех, от кого я слышала все эти истории о миссис Эбернети.

Жасмин, хотя рос густо, все же не закрывал сахарный тростник, растущий внизу, поэтому я могла видеть Джейми, что-то обсуждавшего с управляющим или надсмотрщиком, который показывал составные части машины. Джейми с интересом вглядывался в пресс, так что я не знала, о чем они говорят – только ли о машине или и о мальчике тоже. Я чувствовала, что Эуон рядом, оставалось только найти где.

В кухне я не увидела ничего, что подсказывало бы мне направление моих поисков, поскольку там были только рабыни, занимавшиеся готовкой. Очевидно, они задумали печь пирожки с горохом, потому что одни месили тесто, а другие лутили горох. Одной молодой женщине я улыбнулась, надеясь расположить ее к себе, чтобы потом поговорить на досуге. Благо был повод: она была беременна и не могла поставить тазик поудобнее из-за выступавшего животика. Девушка очень удивилась, но мигом опустила голову. «Верно, им нельзя разговаривать с гостями», – подумала я. Тем не менее она снова взглянула на меня, пока я шла дальше по помещению.

Маленькая кладовка у кухни была пристанищем одного из больных рабов, лежавшего под полками с головками сыра в крошечной тьме. Завидев свет из открытой двери, он уселся на подстилке и заморгал.

– А что с ним? Я ничего не вижу.

Кожа пациента была теплой и влажной на ощупь, последнее, быть может, от воздействия сыра, то есть лихорадки и жара не было. Он не

выказывал беспокойства по какому-нибудь поводу, и его поведенческие реакции были нормальными, если говорить о психическом здоровье.

– У него червь, – объяснила Джейлис.

Я ничего не поняла из ее объяснения: внутренние паразиты, к сожалению, живут в организме множества людей, но из этого еще не следует, что их нужно держать в темноте на подстилке. Три четверти черных, если не все, и добрая половина белых носили в себе разнообразных паразитов и разносчиков инфекций, но для взрослых людей эта гадость не критична: черви могут нанести серьезный урон разве что младенцам и старикам, остальные люди переживают только несколько неприятных моментов.

– Думаю, что не червь, а черви, – поправила я Джейлис.

Пальпация не показала ничего: ни подозрительных масс, указывающих на наличие кишечной инвазии, ни тревожных сигналов от селезенки.

– Без света я не могу сказать что-либо определенное, но мне кажется, что он здоров. А почему он лежит в потемках?

Джейлис не успела или не захотела ответить мне, желая, чтобы я увидела сама, что с мужчиной. И точно, раб дернулся, будто от резкой боли, скрутился, приняв позу эмбриона, а затем принялся сворачиваться и разворачиваться, крича и стуча головой о стену. Внезапно припадок прекратился, и настала фаза успокоения, во время которой он тяжело вздыхал и утирал пот.

– Мамочки, да что это?

– Это лоа-лоа, такие черви. – Джейлис забавлялась моим испугом. – Живут под веком, в глазном яблоке, причем время от времени переползают в другой глаз через носовую перегородку. Отсюда и возникает боль.

Она помолчала, слушая, как пыхтит раб, и продолжила:

– Я держу его в темноте, как ты выразилась, потому что в потемках черви меньше движутся, следовательно, реже переползают через нос. Мне рассказал о таком чуде паренек с Андроса, говорит, мол, поначалу они живут на поверхности глаза, а потом уже забираются поглубже, очень уж им по душе там копошиться. Пока они наверху, их можно вытащить – для этого пользуются иголкой. А потом уже все, каюк.

Джейлис отворила дверь пошире и закричала на служанку, чтобы та пришла со светом.

– О, у меня и игла есть!

Она извлекла из кошелька на поясе подушечку из войлока, где торчала игла длиной не менее трех дюймов. Джейлис уверенно протянула мне инструмент.

– Ты что, рехнулась? – выдохнула я.
– Отнюдь. Как раз пригодятся твои медицинские познания.
– Но... – начала было я, разумея, что извлекать червей из глаз пациентов мне еще не приходилось.

Делать было нечего: Джейлис не захотела бы везти раба к врачу и оплачивать лечение, а я все равно была здесь.

– Ладно. Тогда так: принеси еще ножик, небольшой, но острый, и бренди, – обратилась я к служанке. – Нож и эту иголку окуни на минуту в бренди, а потом поддержи их над зажженной свечой. Когда они остынут, принесешь мне, но только сама руками не лезь к остриям.

Один глаз был крапчато-коричневый, а не белый, какими мы привыкли видеть человеческие глаза. Наверное, крапинки были следами жизнедеятельности существа, так некстати выбравшего себе место жительства. Приподняв веко и сунув свечу поближе к лицу пациента, я увидела желтоватую склеру, прожилки которой налились кровью. Зрачок сузился, но больше ничего в глазу не было.

Зато под вспученной конъюнктивой другого глаза что-то явно шевелилось!

Я почувствовала, как сердце обрывается, а желудок подпрыгивает, готовый извергнуть содержимое, но призвала на помощь врачебное хладнокровие и попросила Джейлис:

– Держи его за плечи. Не давай ему двигаться, а то можно повредить глаз.

Операция выглядела устрашающе, но не содержала в себе ничего сверхъестественного: я надрезала конъюнктиву во внутреннем углу, быстро поддела ее ногтем и увидела, что под ней извивался противный червяк. С помощью иглы я, сморщенная от отвращения, подцепила его и вынула из глаза. Животное улетело к сырам; я надеялась, что он хотя бы не будет переползать из головки в головку.

Кровь даже не выступила, и я по размышлении решила оставить все как есть. В конце концов слезы могли прекрасно обеззаразить рану, а шовного материала, чтобы зашить ее, у меня не было. По счастью, рана была маленькой.

По моей просьбе нашли чистую ткань, из которой была сделана повязка. Процесс пошел – Клэр Бошан становилась заправским лекарем, мастером на все руки.

– Уф. Хорошо. А где второй?

Следующему рабу не пришлось стать моим пациентом: придя в сарай у кухни, мы увидели труп. Это был мужчина средних лет, заблаговременно

поседевший. Мне сделалось жаль его и обидно за условия содержания рабов в Роуз-холле.

Он умер вследствие ущемления грыжи. Даже без вскрытия были видны гангренозные кишки, выпиравшие сбоку живота. Тело еще хранило тепло, но кожа уже позеленела. Было ясно, что страдалец умер в муках: следы агонии на лице, неестественные изгибы тела и вывороченные конечности.

– Джейлис, в чем дело? – Я выпрямилась и уставилась прямо на нее. – Господи помилуй, мы торчали в доме, пили чай и балагурили, а здесь!.. Он умер совсем недавно, но до этого, верно, мучился не один день! И ты все это знала! Отчего же ты не сказала мне, не позвала меня, не направила сюда?

– Я уже утром видела, что он умрет, – бесстрастно ответила Джейлис. – Я видела подобное не раз, поверь, хоть и не врач, и я не думаю, чтобы ты что-нибудь могла для него сделать.

Мне очень хотелось возразить что-нибудь на это, но я понимала, что цинизм Джейлис обусловлен объективными причинами, ведь прямо сегодня я ничего не смогла бы сделать и только бы зря обнадежила больного. Окажись я здесь хотя бы дня на три раньше, я... Что бы я смогла сделать? Нужно было вправить грыжу, но это было легко даже в таких неподходящих условиях. С выпадением кишок, соединением брюшных мышц и наложением швов я бы справилась, а вот с инфекцией... Кишка выпала, перекрутилась и прервала кровоснабжение, а потом сгнила – все так, как я в свое время говорила Джейми, пугая его страшными сказками о последствиях сухой рвоты.

Но как же можно было позволять, чтобы человек умирал в темном душном сарае совсем один, не только без медицинской помощи, но и без обыкновенного предсмертного пожатия руки? Как же так? Я не могу сказать, что я хорошая сиделка, все же я врач и люблю активно вмешиваться в течение болезни, останавливая его, а не наблюдать, как умирают люди, и нельзя быть уверенной в том, что присутствие белокожей женщины каким-то магическим образом облегчило бы его муки, но бросать его наедине со смертью было нельзя. Старуха с косой пришла, а мы не сделали и сотой доли того, что должны были сделать! Я вытерла руки смоченной в бренди тканью и провела ею по вискам.

Одному человеку я помогла, второму не успела, но следует найти Эуона.

– Джейлис, давай я осмотрю и других рабов. На всякий случай. Мне будет так спокойнее.

– Ну что ты, Клэр, они в порядке. Не трать время. Хотя если так хочешь, можешь и потратить, но чуть попозже. Сейчас я хочу переговорить с тобой о многом. А вечером придет гость, один человек, с которым я давно хотела встретиться. Идем в дом, а это найдется кому убрать.

«Этим» было тело умершего.

Она потянула меня назад в дом.

Проходя через кухню, я подошла к беременной, оставившей горюх и теперь чистившей очаг.

– Я догоню тебя, иди вперед. Нужно проверить, нет ли токсикоза, а то может случиться выкидыш. А тебе ведь нужно много рабов.

Джейлис удивилась еще больше и отрезала:

– Дважды она уже жеребилась, и никаких – озов не было. Если время тебе не дорого... Ладно, кто из нас врач, в конце концов? Осматривай, но не тяни: мой священник придет к четырем дням.

Стоило Джейлис исчезнуть, как я припустила к рабыне:

– Слушай, ты не видела здесь или где-то поблизости белого мальчика? Его зовут Эуон. Я его тетя. Скажи, пожалуйста, если что-то знаешь о нем.

Девушка была немногим старше Марсали – быть может, семнадцать-восемнадцать лет. Она заметно испугалась и взглядом попросила помощи у старшей женщины-кухарки, подошедшей разобраться, чего хочет белая леди.

– Нет, мэм, белый мальчик нет. Здесь нет никаких мальчик, – отрезала она.

– Нет, мэм, нет. Наша не знает о мальчик, – повторила с чужого голоса беременная.

Почему же она не сказала этого сама, а только повторила от старшей? И почему прячет глаза?

К нам подошли еще две прислужницы. Я относилась к этому на тот счет, что белые леди приходят к ним с расспросами не так часто, поэтому такое пристальное внимание к моей персоне обусловлено именно этим, но было и еще кое-что: они все демонстративно не знали ничего о мальчике, но в то же время были настороженны. Вполне возможно, что им была известна какая-то тайна, выдавать которую было нельзя.

Памятуя о том, что Джейлис просила не задерживаться, я направилась в дом, предварительно сунув девушке монетку:

– Если будешь говорить с Эуоном, белым мальчиком, скажи, что дядя ищет его здесь.

Поскольку с перехода был виден завод, я не преминула посмотреть туда, но поняла, что Джейми уже ушел: пресс стоял в одиночестве, быки

пощипывали траву. Может, муж вернулся в дом?

То, что я увидела, когда вошла в гостиную через веранду, заставило меня остановиться: Джейлис преспокойно восседала в плетеном кресле, на спинке которого висел камзол Джейми, а в руках она держала карточки с запечатленной на них Брианной. Услышав, что я вошла, она скорчила ехидную мину и вкрадчиво улыбнулась.

– Какая девчушка, сердце не нарадуется! Кто она? Как ее звать?

– Брианна, – ответила я, едва разлепив онемевшие губы.

Очень хотелось избить Джейлис и отобрать у нее фотографии.

– Так похожа на своего отца... А я все гадала, кто бы это мог быть. Я видела ее той ночью на Крэг-на-Дун. Она его дочь?

Голова Джейлис мотнулась в сторону двери, из которой Джейми вышел, чтобы починить пресс, как он сказал.

– Да, его. Отдай, пожалуйста.

Я опоздала: она уже увидела Брианну во всех ракурсах, в которых та была представлена на карточках, предназначенных только для Джейми. Отвратительно было видеть, как ее пухлые пальцы елозят по лицу моей дочери.

Джейми скривилась, но не плюнула – ведь это были не Стюарты, следовательно, не так важно – поэтому она молча отдала мне фотографии.

Не зная, куда их спрятать, чтобы они больше не стали достоянием Джейлис, я подержала их в руках и спрятала в юбку.

– Садись, Клэр. Кофе на столе.

Она кивнула на столик и на кресло и, внимательно наблюдая за мной, предложила налить чашку и только потом налила себе. Кофе был вкусен, но я дрожала от нервного напряжения, не совсем понимая, чем оно вызвано, так что чашка в моей руке тоже дрожала. Тем только, что Джейлис посмотрела фотографии Брианны?

– Два раза, – нарушила тишину хозяйка Роуз-холла. – Ты прошла через камни два раза! Или даже три, коль уж ты здесь.

Она с изумлением рассматривала меня, словно диковинного зверя.

– Но как? Как тебе это удалось, а? Поделись секретом, – загорелись изумрудные глаза Джейлис Дункан. – Как ты не погибла среди камней?

– Не представляю как.

В ее взгляде блеснуло разочарование.

– Но я правда не знаю, Джейлис. Как-то удавалось проходить.

– Стало быть, ты иначе воспринимаешь переход? Но тот животный ужас, разве ты не ощутила его? Оглушительный рев, раскалывающий череп и выплескивающий наружу мозг?

– Ощутила, конечно.

Мне не хотелось говорить об этом с кем бы то ни было, потому что воспоминание о пребывании между временами было таким тяжелым, что я часто вспоминала, как голоса хаоса звали меня к себе, и боялась, что они вернуться снова.

– А ты воспользовалась кровью? Мне почему-то кажется, что ты боишься крови, хотя и врач, но пока я не уверена в этом. Ты намного сильнее и смелее, чем я думала. Подумать только – трижды! Трижды пройти сквозь камни – и не погибнуть!

– Кровью? – смутилась я. – Зачем? Что это дает? Я просто проходила, сказала ведь уже.

В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, когда Джейлис исчезла, отправившись к своим возлюбленным Стюартам, на Крэг-на-Дун наутро нашли обугленное тело ее мужа, Грега Эдгарса.

– А Грег, он понял, что ты затеваешь? Потому ты убила его? Или...

– Ну разумеется, – равнодушно сказала она, – мне нужна была кровь.

Она остро посмотрела на меня и прибавила:

– Я убеждена, что пройти сквозь камни и попасть в другое время можно, только используя кровь.

Голос ее был полон уважения к бесчеловечным обрядам, и мне стало жутковато.

– Древние открывали проходы только с помощью крови – ставили деревянные клетки с пленниками и сжигали. Я не уверена, что это было именно так, но это мудрое решение, как ни крути.

Тропическое солнце перестало меня греть – я замерзла от страха и попыталась согреть себя кофе. Куда запропастился Джейми?

– А камни? Тоже обошлась без них?

Пришла моя очередь удивляться:

– Какие еще камни? Тебе тех мало?

Секунду Джейлис смотрела на меня не мигая, оценивая, стоит ли мне доверять такую тайну, затем кивнула, поднялась, покряхтивая, и дала знак идти за собой. В дальнем конце комнаты был камин, но женщина не стала разжигать его, а встала перед ним колени, с силой нажимая на середину каминной доски, инкрустированную зеленым камнем. Она проделала это довольно быстро и ловко, из чего я сделала вывод, что Джейлис отлично знает устройство механизма и с удовольствием им пользуется. Зеленый камень ушел вглубь и с щелчком открыл одну из шиферных панелей.

– Это пружинный механизм. То, что он здесь, заслуга датчанина из Сент-Круа.

Джейлис отвела панель в сторону и нащарила деревянную шкатулку в полости над очагом. Дерево было основательно изъедено морской солью, оставившей разводы, и набухло. Я закусила губу, чтобы не закричать, – это был клад, спрятанный на острове тюленей. Значит, Эуон тоже находится здесь. Либо я сошла с ума.

Джейлис хвасталась вещицей и не видела выражения моего лица.

– Один индеец рассказал мне о свойствах камней. Да не краснокожий индеец, а мужчина из Калькутты. Покупал у меня дурман, возьми и расскажи, что да как, какие снадобья получаются из драгоценных камней и что для этого надобно.

Джейми не было – я украдкой обернулась. Возможно, он уже нашел мальчика, поэтому так долго не является?

– В аптеках Лондона продают толченые камни, – Джейлис надавливала на панель, выskalзывавшую у нее из рук, – но они не годятся, потому что некачественные, и бхасмас не работает. Камни второго сорта, нагина, подходят лучше, они полированные и довольно крупные. Лучше всего, конечно, пользоваться первосортными, ограненными, без всяких противных трещин и пятен, да только уж они и стоят, дай-то бог! Немногие решатся сжечь их. Да, кстати говоря, бхасмас – это зола от драгоценных камней, – поймала она мой недоумевающий взгляд. – Но она пригодна не только для колдовства, но и как лекарство. Слушай, Клэр, ты не сможешь открыть эту ерундовину? Она, видать, долгое время валялась в морской воде и вымокла, так что теперь разбухает в сырую погоду. Сейчас. Ты видишь, все время сыро, – объяснила она, глядя на тучи над заливом.

Встала Джейлис тяжело, с кряканьем, а драгоценная шкатулка оказалась у меня в руках.

Китайская шкатулка с секретом открывалась довольно просто: панелька скользила вдоль основной крышки, открывая ее, но загвоздка была в том, что из-за морской воды она застряла в пазах.

– Не хочется мне ломать ее – примета, к несчастью, – приговаривала Джейлис, смотря, как я напрасно прилагаю усилия. – А так?

Она протянула мне ножик с рукоятью из перламутра, чтобы я воспользовалась им, а сама выбрала другой колокольчик, тоже серебряный, и позвонила.

Лезвие в моих руках аккуратно вошло в щель, и я нажала. Нож попал в выемку, найдя нужное место, я поводила им вдоль, и панель поддалась. Улучив момент, я зажала ее край большим и указательным пальцами и потянула на себя. Она щелкнула.

– Остальное за тобой.

Шкатулку возвращать мне не хотелось, но и забрать ее я тоже не могла. В ней что-то перекатывалось, когда я случайно наклонила ее, протягивая Джейлис.

– Спасибо.

Джейлис уже было протянула руку, чтобы открыть вещицу, но когда на зов колокольчика пришла чернокожая рабыня, выполнявшая обязанности горничной, спрятала шкатулку в юбке и заказала фруктовых пирожных.

– Такие любопытные, прямо носы поотрывать хочется, – донеслось вслед горничной. – Иметь рабов хорошо, но лучше, когда они будут слепыми и глухими, иначе никакие господские тайны от них не укроются.

Джейлис положила шкатулку на стол и надавила на крышку, откинувшуюся назад с протестующим клацаньем.

Не показывая мне содержимого – вероятно, это было что-то маленькое, – она сгребла его в руку, спрятав сжатые пальцы за спину, и, лукаво улыбнувшись, прочла лимерик:

Джеки Хорнер в углу сидела,
Пирог рождественский ела.
Корку расковыряла,
Себе сливу достала...
Торжествуя, она раскрыла ладонь.
И себя похвалила за дело!

Я догадывалась, что может быть в шкатулке, потому что это был клад с тюленьего острова, но перед Джейлис, не знавшей, что мне известна тайна клада, нужно было изобразить, будто меня поразило содержимое шкатулки, что я не замедлила сделать. Драгоценные камни всегда производят впечатление на любого человека, но лучше увидеть их воочию, нежели читать описания, пусть и самые удачные. Шесть или семь камешков искрились и играли на ладони Джейлис – полыхающее пламя, безупречный льдистый кристалл, голубое свечение воды под солнцем и золотое, мерцающее око затаившегося тигра.

Невольно я подалась ближе, взирая на эту красоту. Джейми говорил, что они большие, – сдержанность, характерная для шотландцев! Мне подумалось, что они в любом случае меньше булыжников, раз умещаются в шкатулку.

– Я хотела денег, потому и приобрела их: они легкие, их удобно перевозить, золото и серебро заметнее. Но им можно найти и другое

применение, – ласкала она камни.

– Неужели ты говоришь о бхасмесе?

Я спросила Джейлис о процедуре сжигания драгоценных камней, но на фоне такой красоты думать о бхасмесе было кощунством.

– Вообще да, но эти камни для другого.

Джейлис высыпала камни в карман – туда словно пролился поток жидкого золота.

– Для бхасмаса есть более мелкие камни, их легко достать, и у меня их полно.

Она одарила меня пристальным взглядом и мотнула головой на дальнюю дверь.

– Там моя рабочая комната, в нее никто не заходит: я не разрешаю, а рабы боятся ослушаться. Но если тебе интересно...

Сказать, что мне было интересно, значило не сказать ничего. Рабочая комната Джейлис была полна света, а вдоль стены, через которую проливался свет, тянулся рабочий стол. Здесь были также буфеты и вытяжные шкафы и книжный шкаф с застекленными полками. Множество сушеных трав – резаных и пучков – свисали с потолка либо лежали на подставках для сушки.

Мне показалось, что все это я где-то уже видела, а потом вспомнила рабочий кабинет Джейлис в Крэйнсмуире, где она жила со своим первым мужем.

О нет, вторым, ведь первым был Грег Эдгарс, какового она благополучно сожгла, чтобы перейти в прошлое.

– Джейлис, а сколько мужей у тебя было? – задала я животрепещущий вопрос.

Второй муж Джейлис, фискальный поверенный округа, обеспечил ей благосостояние весьма оригинальным образом, даже не узнав об этом: пройдоха подделала его подпись, распорядилась его деньгами, а потом очень быстро отправила муженька в мир иной. Вполне возможно, что этот рецепт она усвоила слишком хорошо и сделала универсальным, а это могло быть, потому что Джейлис зависела от своих привычек.

Пару секунд она медлила, считая.

– Будто бы пять раз. Но это только те, кто здесь.

– Пять раз... С ума сойти.

Я уже сомневалась, что это привычка, – это была маниакальная потребность.

– Понимаешь, англичанам плохо жить в тропиках. Всякие болячки нападают, лихорадки, язвы, гнойники, расстройства желудка, конечно, куда

же без них, – она перечисляла, улыбаясь.

Интересно, но Джейлис как раз заботилась о гигиене – зубы она содержала в чистоте.

Она как бы между прочим коснулась стеклянной баночки на нижней полке. Я знала, что там, хотя там не было подписи, – неочищенный белый мышьяк. Я поступила умно, что отказалась от еды в ее доме.

– Вот это должно быть интересно для тебя.

Она дотянулась до верхней полки и вручила мне находку.

В баночке хранилось какое-то мелкозернистое вещество – бурые, желтые и черные крупички и прозрачные вкрапления. Все это составляло смесь.

– Что это?

– О, это сильнейшая штука – зомбирующий яд. – Она захихикала. – Я подумала, что ты заинтересуешься.

– Ты же говорила, что у тебя нет таких вещей. Когда я спросила о Геркулесе.

– Я говорила только то, что он живой человек, а это со счетов не сбросишь, – выкрутилась она.

Джейлис отобрала у меня баночку, ставя ее на полку.

– Если ему раз в неделю давать это снадобье, подмешав в похлебку, им легче управлять, иначе я побаиваюсь его временами.

– Что входит в состав? – с медицинской деловитостью осведомилась я. Джеймс растерялась.

– Всего понемногу. За основу будто бы берут местную рыбешку, здесь у нас плавают. Она плоская и в крапинку, очень забавная. Ее свежую и высушивают, печенью тоже пользуются, кстати. Но всех составляющих я не знаю.

– Как не знаешь? А кто же готовит такие снадобья для тебя? – изумилась я.

– А так, потому что мне готовит повар (то есть его продавали за повара). Честно говоря, не хотела бы я, чтобы эдакий малый угостил меня своей стряпней. Хитрый черный дьявол, у! – погрозила она кулаком в пространство.

– Кто же он?

– Оунган. Черные называют так своих знахарей, но Измаил рассказал, что они называют его онисегун, если я правильно произношу.

– Измаил?.. А это его настоящее имя?

– Не будь наивной. Он, как и все они, носил дикарское шестисложное имя, а мужчина, распоряжавшийся торгами, для краткости называл его

Джимми, ну а я уже дала ему имя Измаил. Сейчас поймешь почему.

Его отправили с Золотого Берега, прямехонько из Африки, вместе с шестьюстами рабами, привезенных из Нигерии и Ганы, которые томились в душном трюме «Персефоны», – корабля, шедшего на Антигуа. Шторм застал их в проливе Кайкос и выбросил их на берег у Большого Инагуа. Это произошло очень быстро, и моряки не спаслись бы, кабы не спустили шлюпок в последний момент. Рабы погибли все, будучи запертыми, кроме одного – его до крушения взяли на камбуз, помогать: помощники кока, молодые юноши, погибли от сифилиса. Мужчину никто не спасал, разве что Божий промысел: он уцепился за плывущую бочку с ромом, а через два дня волны доставили его к Большому Инагуа.

Его нашли рыбаки, но раб был им неинтересен, в отличие от бочки, ставшей средством передвижения. Правда, рому в ней не было, зато был заспиртованный от долгого пребывания в алкоголе – мятном ликере – труп.

– Думаю, что ликер все равно был выпит.

– Значит, мадам Жанна и мистер Оверхолт не прогадали.

– Думаю, что да, а то чего ж добру пропадать-то? – Джейлис слегка обиделась, что я не слушаю ее. – Словом, я назвала его Измаилом. Историю о плавающем гробе помнишь?

– Да, я поняла, интересно. А... кого это упихнули в бочку? И за что?

– Да я даже не знаю, какая разница? Труп подарили губернатору Ямайки, он положил его в стекло – чай, редко такое увидишь в бочке для ликера. Диковинка!

– Что? – тупо переспросила я.

– Ну сама подумай: он столько пролежал в спирту, что на нем повырастало всякое. Губернатору такое страсть как нравится! То есть прежнему губернатору нравилось, а нынче нового назначили, вроде как.

– Да, я слышала что-то такое.

Как такое может понравиться? Прежний губернатор имел очень странные вкусы.

Джейлис уже показала мне все скляночки, стоявшие на шкафу, и рылась теперь в ящиках буфета. Я попыталась придать голосу непринужденности:

– Этот твой Измаил примечательный малый. Ты оставила его себе?

– Нет, – Джейлис не особо интересовала его судьба. – Этот ублюдок бежал. А он, кстати, и занимался составлением яда, но секрета его приготовления так и не раскрыл, гаденьш. – Лицо Джейлис исказила гримаса злобы, сменившаяся мрачным удовлетворением. – Чего-то я только с ним не делала, да ему все нипочем.

Так вот кто так избил его...

– Он говорил, что женщина не может делать зелье, если у нее еще отходят крови. То есть ведьма должна быть старой, либо это должен быть ведьмак. Мол, у женщины ничего не выйдет. Это мы еще посмотрим, – мрачно добавила она и полезла в карман. – Я вот зачем тебя сюда привела.

Достав из кармана камни, она отсчитала пять и выложила их на столе неровным кругом. Затем потянулась к зачитанному фолианту в переплете.

– Знаешь немецкий?

– Ой, не так хорошо, чтобы читать, – отозвалась я.

Все же я заглянула ей через плечо: старинный том назывался «Nexenhammer».

– Это «Молот ведьм»? Книга, где идет речь о магии и заклинаниях?

Я не скрывала удивления и скептицизма, и Джейлис посмотрела на меня с раздражением.

– Ну и что? Да, о магии! А ты, Клэр, ты что, никогда не думала над тем, кто ты есть? К чему такая ирония, хотела бы я знать? Ой нет, прости, я неправильно выразилась: ты не думала над тем, что ты?

– Э-э... Что я?

– Да, ты правильно понимаешь.

Джейлис перегнулась через стол и заговорщически зашептала:

– Что такое есть ты? И что такое мы, что за неведомая сила? Ведь не будешь же ты отрицать того, что мы особенные.

Я приоткрыла рот, но потом закрыла его, не найдя слов.

– Да-да, ты мыслишь в верном направлении, – торжествовала она, видя мою растерянность. – Подумай, почему мы можем пройти сквозь камни? Другие ведь не могут. А?

– Я не знаю, – честно призналась я. – Думаю, даже уверена, что ты тоже на самом деле не знаешь этого. Но это не доказывает, что мы являемся ведьмами.

– Да?

Джейлис выгнула тонкие брови и начала листать книгу, не вчитываясь в сам текст.

– Есть люди, покидающие свои тела. – С отсутствующим видом она смотрела на страницу. – Выходят из тела и удаляются от него иногда на мили. Там, куда они приходят, их замечают и узнают, но в это же самое время они мирно спят в своих постелях! Я читала мемуары тех, кто это видел и кто сам выходил из тела. У них появлялись стигматы на руках. Да что там, я сама однажды видела такого человека! Но это особенные, непростые люди так могут, остальные нет.

Перевернув еще одну страницу, она продолжила рассуждать:

– Видишь ли, я много думала и пришла к выводу, что наука – это то, что можно повторить, имея определенные условия. А если в одинаковых условиях одному удастся, а другому нет, значит, этот первый – колдун, чародей, маг, волшебник.

Ее глаза блестели по-змеиному, когда она обратилась ко мне:

– Волшебство – это реальность. Значит, мы с тобой действительно существуем, но мы не такие, как все. Ты не задавала себе вопроса, почему так произошло?

О, я постоянно задавала себе этот вопрос! Но не смогла найти ответа. В отличие от Джейлис.

Она указывала на камни:

– Аметист, изумруд, бирюза, лазурит и рубин мужского рода – все это защитные камни.

– Какого рода?

– Мужского, – огрызнулась она. – Так писал Плиний: что рубины различаются по половому признаку. Я не обладаю достаточными познаниями, чтобы не доверять этому. Но я, как и все ведьмы, работаю только с мужскими, ибо от женских нет проку – они не работают.

Мне не хотелось знать, по каким критериям можно определить пол драгоценного камня, поэтому я торопливо спросила:

– Что значит «не работают»?

– Не помогают пройти сквозь камни. Когда ты проходишь сквозь стоячие камни, эти камушки защищают тебя... от того... что есть в больших камнях.

Изумрудные глаза Джейлис омрачились при словах о прохождении, и я поняла, что ей очень страшно не только делать это, но и говорить об этом. Но я чувствовала то же самое, поэтому не удивлялась.

– Когда ты прошла впервые? Ты сразу попала сюда?

Она смотрела мне в лицо не мигая.

– Да, это был тысяча девятьсот сорок пятый. А попала в тысяча семьсот сорок третий.

Я не желала делиться с Джейлис всеми подробностями своего путешествия, но мне было любопытно, что расскажет она и как оценит значение этих событий. Да, мы были разными, но вряд ли я найду человека, успешно прошедшего сквозь камни и пожелавшего рассказать мне об этом. И потом, нужно было задержать ее, чтобы Джейми мог располагать большим временем.

– Неплохо. Даже близко, я бы сказала, – хмыкнула Джейлис. –

Шотландцы считают, что эльфы усыпляют людей как раз на двести лет: грешная душа пляшет всю ночь с ними, а наутро оказывается, что прошло два века!

Она хохотнула.

– Но ведь, Джейлис, ты пришла из тысяча девятьсот шестьдесят восьмого, а в Крэйнсмуир попала за пару лет до моего прибытия.

– За пять лет, если быть точнее. Но это как раз объяснимо – работала кровь.

Я удивилась.

– Ну жертва, – зло бросила она. – Если принести, появляется больше возможностей. Можно контролировать, знать, куда ты перемещаешься. А как тебе удалось проделать это без крови?

– Я... просто шла сюда.

Нужно было говорить как можно дольше, и я рассказала то, чего не знал никто:

– Думаю, что важную роль играет то, что ты концентрируешь волю на каком-то человеке, к которому хочешь попасть.

Она вытаращила глаза.

– Это очень интересно, я не думала еще об этом. Наверное, это дает результат, но мне пока хватает и камней – просто нужно выкладывать узоры из самоцветов.

Еще одна пригоршня камней была извлечена из ее кармана, и она отправила ее вслед за первой – на стол.

– Камни, которые должны защитить тебя, кладешь в углы пентаграммы, в узловые точки. Внутри же нужно составить узор из других камней – такой сложности, какой будет соотноситься с целью твоего путешествия и его дальностью. Соединяешь круги камней линиями из ртути и поджигаешь, когда уже читаешь заклинание. Саму пентаграмму чертишь алмазным порошком, это понятно.

– Да уж понятно, – согласилась я, хотя понятия не имела, о чем говорит Джейлис.

– Пахнет? – неожиданно спросила она. – Многие думают, что камни не имеют запаха, но они пахнут, пахнут, если растолочь их в порошок.

Теперь мне стало казаться, что в кабинете пахнет не только сушеными травами, но и чем-то еще неуловимым и необычным, сухим и приятным.

Джейлис подняла руку с камнем.

– О! Вот он! Ну наконец-то! На островах я такого еще не видела, но точно помнила, что он был в шкатулке из Шотландии.

Найденный камень был угольно-черным кристаллом, сверкавшим на

солнце, когда ловил луч.

– Как он называется?

– Адамант – черный алмаз. Когда-то, еще в старые добрые времена алхимии, его высоко ценили и считали, что он помогает извлекать радость и удовольствие из чего угодно. Если его носить, конечно. – Выдох Джейлис был резким и не походил на ее обычный полудевичий смех. – Хотелось бы проверить, какое удовольствие можно получить от прохода сквозь камни.

Я понемногу начинала соображать, к чему клонит Джейлис. Стоило сообразить и раньше, но у меня было оправдание – я слушала, не вернется ли Джейми.

– Хочешь пройти снова через камни, Джейлис?

– Я должна сделать это, Клэр, я призвана, – с улыбкой ответила она. – Сейчас у меня все есть, и грех не попробовать, иначе я бы не решилась на такой риск.

Она покачала головой.

– Трижды пройти сквозь камни, и все три раза не использовать крови – это возможно, ты тому пример. Камни помогут мне это сделать, но пора идти, а то лисенок начнет расспрашивать, когда вернется. Его фамилия Фрэзер? Клотильда не подслушала пока ничего большего, хотя я щедро плачу ей. Безмозглая сука.

Возвращаясь назад, я не глядела по сторонам и заметила, как на полу что-то мелькнуло. Джейлис же не только успела сообразить, что это сороконожка, но и поймать ее, наступив на насекомое и отправив его в бутылку посредством листка бумаги.

– Не веришь в существование ведьм, зомби и прочих прекрасных существ, – подытожила она. Многоножка нарезала круги в бутылке. – Да, согласна, в легендах много чего наверчено, у них столько ног, как у этой сороконожки, но хоть одна нога каждой опирается на правду.

Джейлис взяла другую бутылку из коричневого стекла, содержащую, судя по запаху, алкоголь, и отлила из нее в бутылку с многоножкой. Та задрыгалась, но быстро опустилась на дно, подрагивая в последних спазмах. Джейлис как ни в чем не бывало закрыла бутылку.

– Слушай, ты спросила, знаю ли я, отчего мы проходим, а другие нет, верно? – Она уже повернулась, и я глядела ей в спину. – Но ты, ты-то знаешь? У тебя есть ответ на этот вопрос?

Она удивилась, но ответила:

– Чтобы менять события, зачем же еще. Идем, лиса можно послушать внизу.

Если поверить на слово Джейми, что он чинил сахарный пресс,

подтверждения искать не приходилось: на нем была мокрая рубашка. В последнюю секунду перед тем, как мы вошли, он отвернулся, но я успела увидеть, что в фокусе его зрения была шкатулка – та самая, с острова тюленей. Он смотрел на нее с вожделением.

– Миссис Эбернети, принимайте работу, я старался изо всех сил, – поклонился он. – Там был сломан цилиндр, но мы с надсмотрщиком исправили эту проблему. Правда, вам следует приобрести сразу новый во избежание следующей поломки.

Джейлис вскинула брови.

– Да, мистер Фрэзер, вы правда так считаете? Спасибо вам за заботу. Что же мне сделать для вас... Любая сколько-нибудь радушная хозяйка предложила бы вам выпить и закусить. Я так и сделаю.

Она уже протянула руку к колокольчику, но Джейми отказался принимать пищу от миссис Эбернети.

– Нет, спасибо: до Кингстона нам ехать далеко и мы не успеем, если воспользуемся вашим гостеприимством в полной мере.

Лицо его помертвело, и я догадалась, что он обнаружил пропажу фотографий, тогда я легким хлопком по собственному карману успокоила его.

– Спасибо тебе, Джейлис.

Я взяла шляпу и пошла к двери.

Если до этого я пыталась заговорить зубы и оттягивала время, то теперь мне хотелось быть в Роуз-холле как можно меньше, правда, Джейми отчего-то встал в дверях.

– Скажите, миссис Эбернети, вы говорили, что жили в Париже какое-то время. Вы не виделись там с герцогом Сандрингемом, моим знакомым?

Кроме этих слов, он не оставил больше зацепки, и Джейлис пришлось ответить:

– Да, мы встречались. Я знала его. А почему вы интересуетесь?

Джейми любезно поклонился.

– О, просто праздное любопытство.

Пока мы доехали до ворот Роуз-холла, небо обещало грозу по дороге в Кингстон, но это было не самым главным.

– Картинки у тебя?

Джейми натянул поводья.

– Да, я взяла их с собой. Ты узнал, где она держит мальчика?

Он опасливо оглянулся, будто бы и здесь были уши.

– Нет, они все молчат, словно воды в рот понабирали. Не знаю уж, что она с ними делает, но они запуганы и не хотят говорить. Но мне удалось

узнать, где он.

Шотландец говорил уверенно и с удовлетворением.

– Да? Мы сможем выкрасть его?

Роуз-холл еще виднелся сквозь деревья, и мы могли вернуться, коль уж Эуон был там и требовал нашей помощи.

– Нет. Пока нет.

Джейми говорил всем, что ищет материалы для починки пресса, и таким образом смог осмотреть плантацию в пределах четверти мили от дома, не пройдя мимо хижин рабов, конюшни, заброшенного навеса, где ранее сушили табачный лист, и собственно сам завод. Всюду его встречали ласково, но на заводе было не так.

– Этот громила сторожил вход, сидя на земле. Как только я подходил ближе, он заметно нервничал и пытался отвести меня от завода.

– Знаешь ли, если советовал тебе не подходить, то правильно делал, – от него лучше держаться подальше. Ты думаешь, что Эуон находится на территории завода?

– Англичаночка, он не отходил от двери. Думаю, что там есть подвал и эта дверь ведет туда.

Все время Джейми простоял у завода, наблюдая за громилой, но тот не двигался.

– Мальчишка там, других вариантов быть не может.

– Я тоже так думаю.

Рассказав Джейми о том, что миссис Эбернети запугала служанок, я спросила:

– Какие действия мы должны предпринять? Джейлис явно что-то замышляет, хотя пока неясно, что именно.

– Это как пить дать! – помрачнел муж. – Сторож не хотел со мной говорить о мальчике, это понятно, но он порассказал о другом. От этого у тебя скрутились бы волосы, хотя они и так у тебя похожи на каракуль.

Он нашел в себе силы ласково улыбнуться мне.

– Полагаю, быть дождю: твои волосы скрутились еще больше.

– Ах, какой ты прозорливый! – Кудри мои выбивались из-под шляпы, еще больше забавляя Джейми. – Ты судишь о погоде только на основании состояния моих волос, а то, что небо черно и пахнет молниями, это просто наблюдения?

Трепыхание листьев на деревьях, похожее на биение бабочек, указывало на нешуточную будущую грозу: штормовые облака затянули гавань и ползли дальше сплошной дождевой завесой.

Джейми осматривался, стоя в седле. Он, семь лет проживший в

вересковой пустоши, понимал, что лес дает определенные возможности, хотя мне, например, казалось, что джунгли всюду одинаковы.

— Англичаночка, давай поищем какое-нибудь укрытие, пока, так сказать, погода позволяет.

Мы спешили, свернули с дороги и пошли в лес по тропке, какой ходят туда дикие свиньи. Очень быстро Джейми нашел речку на дне глубокого оврага, над которым росли папоротник, густые кусты и молодые деревья.

По приказу Джейми я нарезала папоротники, стебли которых были с мою руку длиной, а когда я принесла охапку, он уже соорудил каркас шалаша.

Вода попадала и сюда, но так было лучше, чем если бы мы торчали под открытым небом, вконец вымокшие.

Когда мимо нас проходил край грозового фронта, все умолкло: птицы и насекомые не пели, не вскрикивали и не жужжали. Все готовились переждать грозу. Первые капли были самыми крупными; они разлетались брызгами и смачно падали на листву, будучи предвестниками бури.

На Карибах грозу нельзя предугадать. Ливень налетает внезапно и неистовствует, пока не прекратится так же быстро, как начался. Никаких эдинбургских застойных туманов, морозящих дождей и тягучей тоски — только гром, грохот, страсть, порыв. Небо раскалывается, изливая на землю галлоны воды; говорить из-за рева бури невозможно, а туман поднимается над землей уже во время дождя, просыпаясь от барабанищих капель.

Джейми снял камзол, чтобы согреть меня, но поскольку он обнимал меня, у меня не было возможности увернуться от струек, текущих с импровизированной крыши за шиворот. Последние несколько часов мы были напряжены: ища мальчика, нам пришлось изрядно понервничать, но сейчас все было позади и на нас сошло умиротворение.

Я с благодарностью сжала руку Джейми, он же поцеловал меня, обдав землистым запахом, ароматом свежей листвы и срезанных веток, а также мужского пота.

Дело было сделано или почти сделано: узнав, где находится Эуон, мы могли рассчитывать, что уже очень скоро он будет с нами, спасенный и невредимый. Дальше нам следовало покинуть Ямайку, но с божьей помощью мы надеялись улизнуть от всеведущего ока. Французские колонии Мартиника и Гренада или голландский остров Элевтера — мир был велик, и нам оставалось только выбрать место, где бы нам хотелось жить. «Весьма вероятно, что это была бы и Америка с ее каннибалами», — улыбнулась я сама себе. Джейми был со мной, а я была с Джейми, а значит,

нам было не страшно вместе.

Буря отшумела и хотя капли еще со звоном падали на листья, дождя уже не было и в помине. Ветер очистил воздух от сырости, сдувая с лица земли все тревоги. Птицы и насекомые вновь с упоением принялись за свои всегдашние заботы. Все цвело, пахло, стремилось жить и возносило хвалу небесам, поражая глаз буйством красок, а нос – диковинными запахами.

Я смогла теперь сбросить камзол с плеч.

– Джейлис показывала мне черный алмаз, его еще иначе называют адамантом. Так вот, она заявляет, что древние алхимики считали, что он помогает извлекать из всего радость, такое интересное свойство. Я думаю сейчас, что в этом шалаше завалялся адамант, – призналась я, опуская глаза.

– Англичаночка, веришь ли – я бы не удивился, если бы оно так и было. Ой, лицо вытри, накапало.

Он сунул руку в карман, но отдернул ее, требовательно взглянув на меня.

– Карточки с Брианной.

– Прости, сейчас верну.

Я выудила из своего кармана пакет со снимками, которые Джейми незамедлительно просмотрел, замер и посмотрел уже медленно.

Я почувствовала что-то неладное.

– Что-нибудь не так? – упавшим голосом спросила я.

– Одной картинке нет, – глухо ответил он.

Вся радость от бури, проведенной в шалаше с милым, улетучилась, а на смену ей пришел ужас.

– Точно?

– Я запомнил их все, англичаночка, – укорил меня Джейми. – Нет картинки, где она изображена у костра.

Это была фотография, где взрослая Брианна подтянула колени и опиралась на них локтями, сидя возле походного костра на камне. Она смотрела прямо в камеру, но мечтательно.

– Это Джейлис забрала ее, – пораженная, прошептала я. – Она шарилась в твоих карманах, а я не могла ее остановить, потому что была на кухне.

– Черт бы ее побрал! Да на что ей картинка?!

Гнев затемнил глаза Джейми и заставил его сжать кулаки.

– Посмотреть поближе захотела, а? – предложила я глупую версию пропажи фотографии. – Зачем ей, правда? Похвастаться кому-то – так кто к ней ездит? Брианна не ее дочь, она даже лично ее не знает. Вон, помнишь, на приеме говорили, что миссис Эбернети... – зачастила я, скрывая тревогу,

но Джейми оборвал меня, указав на дорогу, где по желтой глинистой дороге ехал черный человек, отсюда похожий на муравья.

– Джейлис говорила, что к ней в четыре придет священник.

– Да, и этот священник – преподобный Кэмпбелл. – Черт, черт побери! Или госпожа Дункан сочла бы меня непочтительным?

– Наверное, хочет изгнать из нее бесов, – нервно хихикнула я, вспомнив твердую убежденность Джейлис в своем ведовском даре.

– Ну да, ему только этим и заниматься.

Джейми выждал несколько минут, чтобы пастор исчез из поля зрения, и мы вернулись на тропу.

– Как мы заберем мальчика?

– Сам я не справлюсь, потребуется помощь. Шотландцы меня не оставят, так что мы поднимемся вверх по реке и причалим у завода. Там рассчитаемся с Геркулесом. И с Атласом, если и он полезет. Все просто: взломаем подвал и уйдем, но сделаем это через несколько дней, ведь нужны оружие и лодка. Эх, как бы мне хотелось сделать это пораньше!

– А деньги на оружие?

Деньги у нас были – за гуано мы выручили приличную сумму, но потратили ее на новую одежду и обувь, – но на оружие их бы не хватило. Хватило бы на наем лодки, на еду, на то, чтобы продержаться несколько недель, быть может, на месяц, но при условии экономного расходования средств. Все оружие поставлялось из Европы и стоило баснословных денег, а у Джейми имелись только пистолеты капитана Рейнса. Шотландцы располагали только рыбацкими ножами и одной-единственной абордажной саблей, доставшейся по случаю.

Джейми при упоминании о деньгах поморщился, но ответил то, что было у него на уме:

– Я попрошу, чтобы мне помог Джон. Как думаешь, это достаточно веское основание, чтобы он удовлетворил мою просьбу?

Я раздумывала, а потом кивнула.

– Очевидно, да.

Не могу сказать, чтобы я была в восторге от предложения, но мальчишку нужно было спасать, и здесь не было места нашим личным счетам.

– Но, Джейми...

– Ты хочешь ехать со мной – я угадал? – перебил он меня.

– Разумеется. Возможно, его ранили или он заболел – что тогда? Кто ему поможет? Я же врач.

– Ну хорошо, – с раздражением бросил Джейми. – Но с уговором:

устрой все так, чтобы тебя не поджарили на вертеле и не разрезали на кусочки, идет? Будь уж так любезна, сделай одолжение. А то у меня слабое сердце.

– Попробую, но ничего не обещаю. Посмотрим, – заключила я, направляя лошадь ближе к его коню.

Под мокрыми кронами деревьев мы ехали в Кингстон.

Глава 61

Крокодилий костер

Хотя стояла ночь, по реке шло множество судов и суденышек. Лоренц Штерн, потребовавший включить его в наше путешествие в качестве сопровождавшего, объяснил, что плантаторы, живущие на холмах, обыкновенно прибегают к услугам местного речного флота, чтобы связываться с гаванью и Кингстоном. Я отметила про себя, что это мудрое решение и притом единственно верное: дороги размывало дождями, проливавшимися на эти земли в изобилии: сезон дождей оставлял на месте дорог сплошные тропические заросли.

В связи с этим неудивительно было видеть суда, сновавшие вверх и вниз по течению: идя вверх, мы встретили два суденышка и груженную бочками и тюками, походившую на айсберг баржу, шедшие вниз по течению.

Наше судно удерживали в фарватере с помощью шестов рабы, переговаривавшиеся на языке, которого я не знала (нужно сказать, что я едва ли разбиралась в языках, на которых говорили здесь выходцы из различных районов Африки).

– Выказали нам любезность, отправившись с нами, – поблагодарил Джейми Штерна.

Одномачтовое суденышко, которому больше приличествовало название посуды, едва вмещало всех своих пассажиров, в числе которых были мы с Джейми, шестеро контрабандистов-шотландцев и Штерн, девятый пассажир, распространявший вокруг себя поистине флегматическое спокойствие и уверенность, которой нам так не доставало.

– Признаться, я отправился с вами, движимый скорее любопытством, нежели другими соображениями, – сообщил Штерн. Во тьме я не видела его лица, но могла наблюдать, как белые пятна движутся туда и обратно: он обмахивался полами рубашки. – Я виделся с одной леди перед этим путешествием.

– То была миссис Эбернети?

Я подумала, но все-таки спросила:

– И какое мнение вы о ней составили?

– М-м... незаурядная особа... обходительная, вежливая.

Штерн высказал свое мнение честно; в его голосе не была слышна ирония, скорее он говорил со смущением. Выходит, Джейлис смогла или

хотя бы попыталась охмурить его. Но с какой целью? Зачем он был ей нужен, нескладный натуралист? Это точно не тот мужчина, который, по ее словам, имеет влияние и способен изменять мир, следовательно, он не мог представлять для нее интереса. В каких целях она хотела его использовать?

– Она приняла вас у себя?

В доме губернатора о миссис Эбернети говорили, что она домоседка и не покидает своей усадьбы.

– Да, я прибыл в Роуз-холл, чтобы поймать редкого жука, Cucurlionidae. Я нашел его у источника и был несказанно рад возможности заняться его изучением, тогда миссис Эбернети пригласила меня к себе и... была очень любезна со мной.

Штерн говорил с гордостью – редкость для него, никогда не хваставшего победами на любовном фронте. Джейми хмыкнул, услышав его самодовольное признание.

– Да? Чего она хотела? – напрямик спросил он, поняв, что Джейлис никогда ничего не делает просто так.

– Да... Она интересовалась теми прекрасными представителями флоры и фауны, которых мне посчастливилось собрать здесь. Спрашивала, где растут те или иные травы. Много говорила об Эспаньоле, точнее, говорил я, а она выказывала живейший интерес.

В заключение Штерн произнес фразу с той интонацией, которой соответствовал жест пожатия плечами:

– Джеймс, я не могу поверить, чтобы эта прелестная особа была замешана в тех ужасных деяниях, о которых вы нам поведали.

– Она прелестная особа? Да вы влюбились, Штерн! Побойтесь бога! – фыркнул муж.

Штерн издал мягкий смешок.

– Друг Джеймс, я имел удовольствие изучать один вид хищных насекомых, впрочем, процесс спаривания представляется наиболее интересным: самец приносит самке добычу, обычно мясо, предварительно замотав его в шелковый кокон. Она разворачивает его довольно долго, за это время самец должен оплодотворить ее. Если же кокон небольшой и самка съест мясо скорее, чем самец справится со своей задачей, или подношение будет невкусным, самец будет съеден.

Он сделал паузу и подытожил:

– Миссис Эбернети напомнила мне самку этого вида. Любопытно было говорить с ней, но не думаю, что я навещу ее когда-нибудь.

– Увольте от такой радости, – согласился Джейми.

Мужчины ушли во тьму, а меня оставили возле лодки. Мне выдали

заряженный пистолет и сопровождали это просьбой не отстрелить себе ногу. Холодный металл и вес оружия успокаивающе действовали на нервы, но тьма, поглотившая Джейми, все сгущалась, время шло медленно, я была одна, словом, мне было страшно.

Я могла видеть дом миссис Эбернети с того места, где стояла, но, к величайшему изумлению, он был темен и только в первом этаже светились три окна. Ничто не указывало на то, что в нем живет множество рабов, непрерывно занятых самой разнообразной деятельностью. А затем в освещенном окне мелькнул чей-то силуэт, и я обмерла.

Эта никак не могла быть Джейлис – это был высокий и худой человек, своей угловатостью похожий на Штерна. Мужчины давно ушли по направлению к сахарному заводу и, конечно, не могли бы меня услышать, закричи я. Нужно было действовать самой, как ни страшно мне было. Подобрала юбки, я пошла к дому.

Пот лился с меня ручьем, сердце бешено билось, и уже этим должно было выдать меня, разнося свой стук на многие мили, но я героическим усилием воли заставила себя подойти к веранде. Встав так, чтобы меня не было видно, я заглянула в освещенное окно.

В камине горел огонь, отбрасывая отблеск на полированный пол и создавая ощущение домашнего уюта. Секретер, которым обычно пользовалась Джейлис, был открыт, и на его полках лежал ворох бумаг; также можно было видеть и книги, довольно старые на вид. Я никого не заметила, но человек, чей силуэт мелькнул тогда в окне, должен был быть здесь.

Блеск огня и спокойная обстановка разительно отличались от того, что представляла себе я и чего я боялась, находясь во тьме: мне все время казалось, что ко мне крадется Геркулес с его мертвыми глазами. Можно себе представить, чего стоил мне каждый шаг, но я шла дальше.

Больше всего поражало то, что вокруг не было ни души и не были слышны человеческие голоса, такие привычные в громадной усадьбе, так что можно было не бояться, что меня кто-то застукает. Но именно это и пугало.

«Положим, что здесь никого нет. Это так. Потому... потому что все спят. Рабы тоже должны отдыхать, верно? Вот они и спят в хижинах», – бодро убеждала себя я.

Хорошо, если здесь не было рабов, то где прислуга? Кто разжег очаг? Кто проследит за огнем и подаст на стол? Звона колокольчика я не слышала.

Входная дверь была не закрыта. Порог был усыпан лепестками желтых

роз, опавшими с куста. В отблесках огня, падавших сюда, они были похожи на старинные монеты.

В гостиной послышался такой звук, как если бы кто-то перелистнул страницу большой книги. Затем еще и еще. Это так или мне кажется? Нужно было узнать это во что бы то ни стало, и я вошла.

Поразительно: ваза с цветами содержала только засохшие стебельки, соусник был покрыт присохшей субстанцией, а в чайной чашке виднелись следы спитой заварки. Усадьба была заброшена! Что же происходит? Где все люди?

От гостиной меня отделяла еще одна дверь, за которой слышался треск огня и звук перелистываемых страниц. Здесь определенно кто-то был, и дверь была открыта.

Мне хватило выдержки, чтобы не закричать. Очень осторожно я выглянула из-за косяка и увидела, что за секретером над чем-то – над книгой? – сидит мужчина. Или мальчик. По крайней мере он был высоким и узкоплечим, что дало мне основания громко прошептать:

– Эуон!

Сидевший вздрогнул от неожиданности, вскочил и схватился рукой за стул. Ему было плохо видно, кто стоит во тьме, он прищурился.

– Господи!.. – воскликнула я.

– Миссис Малкольм? – уточнил преподобный Арчибальд Кэмпбелл, немало удивившийся моему появлению.

Я попыталась вернуть себе самообладание, а священник вмиг посуровел и строго спросил:

– Зачем вы здесь? Кто вас сюда позвал?

– Я сама пришла. Ищу племянника мужа.

Кроме Кэмпбелла, в комнате никого не было. Пастор мог знать что-нибудь об Эуоне, поэтому я честно сказала о цели своего визита в столь поздний час.

– А где миссис Эбернети?

– Не представляю, – буркнул он. – Вроде как уехала. Так кого вы там ищите?

– Как уехала? Куда?

– Да откуда же мне знать? Я сам желал бы видеть ее. – Верхняя губа накрыла нижнюю, сформировав клюв. – Ее не было утром, когда я проснулся. Редкое гостеприимство.

Значит, ее здесь нет и, вероятно, в доме только Кэмпбелл. Уже хорошо: видеть разъяренную Джейлис совсем не хотелось. С преподобным оно спокойнее будет, тем более что он тоже зол на хозяйку.

– В самом деле, – покладисто согласилась я, чтобы умаслить его, – так нельзя, нехорошо так поступать. Скажите, преподобный, вы случаем не видели в этом доме либо где-то поблизости пятнадцатилетнего мальчишку? Такой высокий... как вы, худой, темно-каштановые волосы? – запоем говорила я. – Видимо, нет, да? Значит...

– Стоп!

Он прервал меня, схватив за плечо на удивление крепкой для священника рукой.

– Как фамилия вашего мужа?

– Что за вопрос? – изобразила я удивление. – Александр Малкольм, конечно. – Высвободиться не удавалось.

– Да-да, я помню. Но миссис Эбернети назвала его Фрэзером, когда я описал ей вашу парочку. Значит, ваш муж – тот самый Джеймс Фрэзер? – свирепо вопрошал он.

– О!

Делать было нечего: придумать что-то правдоподобное так быстро не удалось, да и вообще вряд ли бы удалось с моей неспособностью лгать.

– Где он? Где ваш муж?

– Преподобный, вы ошибаетесь, – пыталась вырваться физически и выпутаться словесно я. – Джейми утверждает, что он не имел ничего с вашей сестрой...

– Так вы говорили с ним о Маргарет?

Он сжал мое плечо еще сильнее.

– Да, говорили... он сказал, что Маргарет любила не его и отправилась не к нему, а к его другу, Эвану Камерону.

– Ложь, – с уверенностью проговорил священник. – Кто-то из вас лжет, но мне неважно кто. Где Фрэзер?

Он встряхнул меня, но я сумела вырваться в этот момент.

– Он здесь ни при чем, поймите это!

Нужно было ухитриться и ускользнуть. В сущности, это было бы несложно проделать, но как убедить Кэмпбелла, чтобы он не поднимал рабов по тревоге? Геркулеса можно побороть и ввосьмером, но всех остальных... Если он найдет рабов и пустит в погоню...

– Где он?

Кэмпбелл был воплощением гнева, правда, мирского, а не господнего.

– В Кингстоне.

Отступая, я очутилась у двери, ведущей на веранду. Можно броситься туда, но потом, что будет потом? Нельзя было допускать, чтобы он погнался за мной по всей усадьбе и добежал до завода.

Он явно не поверил мне, но всматривался в мое лицо, надеясь найти ответ там. И ему это удалось: глядя на веранду, я заметила там кое-что и остановила взгляд на увиденном.

Веранда была огорожена, а на ограде спокойно восседал Пинг Ан, скрыв, сколько мог, клюв в перьях. Я отчетливо увидела его хохолок на откинутой голове.

– Что там? Кого вы там увидели? Там кто-то есть? – потребовал ответа пастор.

– Там птица.

Это была птица мистера Уиллоби, с которой он не разлучался: Роузхолл был не на побережье, а в такую глушь пеликан, которому нечем поживиться на суше, не прилетел бы. Значит, китаец был здесь. Но даже если так, что мне это даст?

– Я не думаю, чтобы Джеймс Фрэзер был в Кингстоне, – заявил преподобный. – Но где бы ни был, он вернется за вами, – злорадно подытожил он свои нехитрые размышления.

– Нет, что вы! – с деланой бодростью в голосе сообщила я. – Он не вернется, по крайней мере сейчас. Это я вернусь – я приехала погостить у Джейлиса... у миссис Эбернети. Он знает о моей отлучке и ждет меня разве что через месяц, не раньше.

Преподобный Арчибальд Кэмпбелл проглотил эту мою тираду и с неохотой признал:

– Так вы здесь будете?

– Да, разумеется.

Я хорошо знала Роузхолл, и он не смог бы меня подловить на незнании того или иного уголка усадьбы, а слуги, если бы и нашлись, сказали бы, что я действительно гощу здесь. Правда, они сказали бы и то, что я здесь впервые и что Джейлис никогда обо мне не говорила, но сейчас их не было.

Мистер Кэмпбелл поджал губы.

– Пускай будет так. Значит, вы имеете представление о том, куда могла поехать миссис Эбернети? И что-нибудь о сроках ее возвращения, пожалуйста.

Ни того ни другого я не знала, более того, подозревала кое-что очень нехорошее насчет нерадушной хозяйки, но не Кэмпбеллу же об этом рассказывать.

– Нет, к сожалению, я не знаю. Я... ездила осматривать соседнюю плантацию, – нашла я, – и застала миссис Эбернети в отлучке, как и вы.

По счастью, я была одета в костюм для верховой езды (более-менее

подобающий наряд, бывший у меня кроме декольтированного лилового бального платья и двух халатов из муслина), и это спасло меня от дальнейших расспросов.

– Понимаю. Хорошо. Я понял.

Я никогда еще не видела, чтобы суровый, всегда сдержанный Кэмпбелл так нервничал: он сжимал и разжимал кулаки и хмурился.

– Тогда я не буду вам мешать, – проворковала я, указывая на секретер. – Вы ведь заняты, а я отвлекла вас, простите.

Преподобный вновь сформировал из своих губ подобие клюва. Так он походил на сову, следовательно, я была мышью.

– О, я уже кончил свои занятия. Я снимал копии с бумаг, необходимых миссис Эбернети, но уже завершил свою работу.

– Интересно... – протянула я, надеясь выждать момент и вставить в светскую беседу не менее светский предлог для ухода.

Уйти я планировала в свою комнату, а поскольку все гостевые спальни располагались на первом этаже, я могла спокойно выйти через веранду назад, к Джейми, скрывавшемуся сейчас в ночи.

– Вы тоже интересуетесь историей Шотландии?

В его глазах появились зловещие искорки, отличающие исследователя-фанатика, настоящего, страстного ученого. Я знала этот блеск слишком хорошо.

– Да, но... – я делала шажочки к дверям, – я не слишком хорошо знаю историю Шотландии, хотя и интересуюсь... Не могу сказать, чтобы мои познания были слишком глубоки...

Бумага, венчавшая стопку, заставила меня остановиться.

Там лежала генеалогическая таблица – я знала, как они выглядят, потому что Фрэнк очень часто работал с ними. Но то была генеалогическая таблица Фрэзеров, озаглавленная как «Фрэзеры из Ловата». Проклятый составитель, сколько я могла видеть, не пропустил ни одного факта родословной и начал ее с тысяча четырехсотого года, доведя, разумеется, до нынешнего времени: последними были записаны якобитский лорд Симон, которого казнили за участие в восстании Карла Стюарта, а также его сыновья, чьи имена я тоже знала. Брайан, отец Джейми, значился как незаконнорожденный, а под его фамилией значилось «Джеймс А. Фрэзер». Я похолодела.

Кэмпбелл взирал на меня с усмешкой.

– Любопытствуете? Вопрос о Фрэзерах занимает и вас?

– А... какой еще вопрос? – Теперь мои шажочки были направлены в сторону письменного стола.

– Ну как же, тот, который имеет отношение к пророчеству. Вы ведь должны об этом знать, хоть Джеймс Фрэзер и не является законным наследником, – удивился преподобный.

– Я не знаю об этом...

Перспектива рассказать о Фрэзерах кому-либо, принадлежащему к роду Фрэзеров, пусть и косвенно, воодушевила его.

– Миссис Эбернети писала мне в Эдинбург об этом. Я полагал, что вы обсуждали с ней этот вопрос.

Из стопки им был извлечен писанный по-гэльски документ.

– Пророчество было произнесено именно так, – он сунул мне бумагу, из которой я ничего не могла понять. – Брайан-провидец говорил по-гэльски... Да полно, вы слышали о нем?

О Брайане я слышала – он был пророком шестнадцатого века, и современники почитали его за шотландского Нострадамуса.

– Конечно. Так что, он предрек что-то Фрэзерам?

– Фрэзерам из Ловата. Я говорил миссис Эбернети, что язык пророчества темен, он скорее поэтический, как и все подобные вещи, но из текста явствует, что...

Кэмпбелл уже забыл, что хотел разыскать Джейми и что не доверял моим словам о будто бы посещении соседней плантации, – он говорил о том, что его интересовало, и при этом забывал все вокруг.

– Согласно пророчеству, из рода владельцев Ловата появится новый король Шотландии, и произойдет это после «затмения королей Белой розы», как сказал Брайан, – ясно же, о ком речь, о папистах Стюартах...

Кивок на ковер подтвердил его мысль.

– Язык пророчества темен, это правда. Например, многое неясно: когда же после затмения Стюартов явится правитель, кто это будет – ведь это может быть королева, – каким образом он или она взойдет на престол... Кроме того, оригинал находится в плохом состоянии, что неудивительно при небрежном обращении с рукописью...

Он продолжал говорить, но я уже думала о своем. Теперь ясно, куда и почему пропала Джейлис Дункан: она, десять лет боровшаяся за восстановление Стюартов на троне, не могла не схватиться за пророчество, обещавшее правителя из другого дома. Пускай из другой семьи, пусть незаконнорожденный, но правитель! Безумная Джейлис... Конечно, разгром при Каллодене оказал удручающее влияние не только на нее, но на нее произвел особое действие: она начала презирать всех спасшихся Стюартов и искать пути, каковые привели бы ее к цели.

Она будет пользоваться любой возможностью, чтобы пророчество

сбылось, но куда же она отправилась? Искать представителей дома Ловата в Шотландии? Навряд ли. Судя по всему, ей очень хотелось снова пройти сквозь камни, и она делала все возможное, чтобы раздобыть средства, в частности, забрала клад с тюленьего острова.

Меня охватил ужас: если последним записан Джейми, уже имеющий потомков, то... Неужели Джейлис знает, что род Ловатов продолжит...

Открыв рот, чтобы спросить преподобного кое о чем, я так и оставила его открытым: в дверном проеме, зайдя с веранды, стоял мистер Уиллоби.

Коротышка, верно, пережил за это время многое, потому что голубой шелк был весь выпачкан в грязи, ткань свисала кусками с его одежды, а от пухлых щек не осталось и следа – они впали и позеленели. Он взглянул на меня только мельком, сосредоточив внимание на пасторе.

– Святоша, слышишь ли? – послышался глумливый голос, какого я никогда не слышала у него и едва ли бы поверила, что мистер Уиллоби может так говорить.

Преподобный зацепил вазу при повороте, и теперь вода, не успевшая испариться за время отсутствия миссис Эбернети, заливала документы на столе. Кэмпбелл закричал и хотел осторожно слить воду, чтобы не расплылись чернила, но не думаю, чтобы это удалось ему в полной мере.

– Проклятый язычник! Убийца, погляди, что ты натворил!

Китаец издал смешок, но он, низкий и самодовольный, тоже не был похож на его обычный хихикающий смех. Какие же перемены произошли за это время?

– Моя быть убийца?

Невесело он покачал головой, пристально глядя на пастора.

– Моя не быть. Твоя быть, святоша. Твоя быть убийца, – с зловещей холодностью произнес он.

– Иди-ка ты туда, откуда пришел! – высокомерно процедил Кэмпбелл. – Здесь тебе не место, здесь живут порядочные люди.

Уиллоби остался стоять на месте и холодно смотрел на пастора.

– Моя знать про тебя все. Моя видеть тебя, ты быть в красной комнате с той женщиной. Она смеяться, а ты убивать ее. Моя видеть тебя в Шотландия с вонючие шлюхи.

Китаец не спеша, нарочито медленно показал известный жест, проведя ребром ладони себе по горлу.

– Святоша, ты убивать и убивать часто.

Преподобный побледнел, должно быть, от потрясения. Я же покрылась испариной и тоже была бледна, но уже от страха.

– Мистер Уиллоби...

Китаец не смотрел на меня, но спокойно поправил:

– И Тьен Чо.

Не в силах сделать что-либо, я лихорадочно размышляла, как следует вести себя. Сознание услужливо подбросило абсолютно глупый вопрос: как лучше обратиться к нему – мистер И или мистер Чо?

– Пошел вон!

Та бледность, которую я приняла за бледность, вызванную потрясением, на самом деле была вызвана гневом. Кэмпбелл двинулся на И Тьен Чо, но тот стоял на месте, будто ему ничто не угрожало.

– Первая жена, твоя уйти. Пожалуйста, так быть хорошо, – мягко произнес он. – Эта благо-чесивая малый любить женщин, но не как моя. Моя любить тем, что между ног, его любить ножом.

Костюм для верховой езды не предусматривал корсета, но в тот миг мне показалось, что я, собираясь на бал, надела самый тугой корсет.

– Что ты несешь! Пошел вон, я говорю! Иначе..

– Иначе я выстрелю в вас, преподобный Кэмпбелл, – пообещала я дрожащим голосом, наводя пистолет рукой, дрожавшей так же, как и голос, и как я сама.

Я не ожидала того, что он остановится, а он не ожидал того, что я решу выстрелить, и теперь тарашился, подобно своей сестре.

Держать живого человека под прицелом мне довелось впервые. Чувство было странным – абсолютное могущество и в то же время страх, улавливаемый самой ответственной частью сознания. Не зная, что делать дальше, я решила уточнить:

– Мистер...

Коль уж он раз поправил меня, я решила назвать все его имена.

– И Тьен Чо, пастор был у губернатора? Ты видел его с Миной Алкотт?

– Моя видеть, его убивать. Твоя стрелять, Первая жена.

– Но, дорогая миссис Фрэзер, это же глупо. Мало ли что можно наговорить, особенно если говорит дикарь, который...

Священник призывал на помощь все свое красноречие. Возможно, я бы могла поверить ему, если бы не пот, выступивший на его лбу.

– Вы были на приеме, Кэмпбелл. Я говорила с вами там. И вы же жили в Эдинбурге, когда убивали девушек. Нелли Коуден сообщила, что вы провели там два года, и все это время Изверг убивал проституток.

Я тоже вспотела, курок скользил в руках.

– Но этот гаденыш тоже жил в Эдинбурге в это время! – Преподобный сейчас меньше всего походил на священника. – Вы что, верите первому встречному? А этот язычник к тому же предал вашего мужа!

– Что?

– Да, именно так! – хрипел Кэмпбелл. – Сэр Персиваль Тернер рассказал мне, что Фрэзера выдала эта желтая тварь!

Хотелось бы верить, что Джейми с найденным Эуоном уже вернулись к реке и идут сюда, видя, что меня нет у лодки. Пистолет скользил в моих руках и угрожал выпасть.

Имея только пистолет, я не могла противостоять преподобному одна. Следовало бы запереть его... ну, скажем, в буфетной и ждать прихода Джейми.

– Кэмпбелл, следуйте... – подняла оружие я, но он бросился на меня, и я выстрелила.

Раздался грохот, пистолет подскочил в руке, а от дыма заслезились глаза.

Я промахнулась, лишь напугав его и разозлив еще больше. Лицо преподобного Арчибальда Кэмпбелла исказила гримаса злобного удовлетворения. Он сунул руку за пазуху, вытаскивая металлический футляр в шесть дюймов.

На конце того, что содержалось в футляре, была рукоять из белого оленьего рога. Очень четко и медленно я фиксировала все детали: вот он вытаскивает нож из футляра дюйм за дюймом, вот видны зазубрины на лезвии, вот пахнет роза, которую он раздавил, бросаясь ко мне.

Нужно было принять неравный бой.

Ни по вооружению, ни по силе, ни по умению мы не были равны, но тем не менее я собиралась защищаться. Страшный удар от абордажной сабли, разрезавший кожу до кости, был сущей мелочью по сравнению с тем, что должно было меня ожидать. Я честно, не пряча глаз, лицом к лицу собиралась встретить удар, но краем глаза все же увидела, как какая-то голубая вспышка явилась позади нападавшего. Послышался смачный звук, похожий на тот, с каким падают бахчевые с большой высоты, и преподобный с пустеющими глазами отвернулся от меня.

И упал.

Он даже не поднял рук, защищаясь инстинктивно от падения, упал, как мешок с овсом, опрокинув красивый столик, рассыпав ароматическую смесь и полированные камешки. Упал, ударившись головой об пол у моих ног.

Стоя у стены, я видела вмятину на его виске и то, как его лицо постепенно принимает белый цвет. Он лежал с открытыми глазами, едва дыша.

– Первая жена, Дзей-ми быть здесь?

Мешочек со здоровыми яйцами, которым был убит преподобный, исчез в рукаве изрядно помятого халата.

– Быть... То есть он снаружи. – Моя рука дернулась по направлению к веранде. – А... ты... это правда?..

Мне стало по-настоящему страшно, и я не знала, что было хуже – если бы Кэмпбелл убил меня или узнать то, что я должна была сейчас узнать.

– Это ты?.. – Я закрыла глаза, чтобы не видеть ни его, ни его глаз, ни камешков, которыми бы он захотел убить меня. – Он правда? Ты рассказал Персивалю, что они назначили место встречи Арброут? А типография и Малкольм – это тоже ты?

Он молчал и ничего не предпринимал, поэтому я открыла глаза. Мистер Уиллоби смотрел на преподобного.

Арчибальд Кэмпбелл еще не отдал душу тому, кому он служил или должен был служить как подобает его сану, но он готовился к этому: кожа зеленела, грудь натужно вздымалась, легкие свистели.

– Выходит, мы искали англичанина, а нужно было искать человека с английским именем. Мистер Уиллоби...

Я вытерла ладони о юбку.

– Моя не есть Уиллоби! Моя есть И Тьен Чо, – в голосе китайца послышался резкий протест.

– Зачем?! Зачем ты это сделал, скажи?! Посмотри на меня, ну же, ну!

Понукаемый моим визгом И Тьен Чо посмотрел – в его черных глазах не было блеска.

– В Китай иметь пророчество. Оно говорить: быть день и быть демоны.

Он снова перевел взгляд на умирающего.

– Моя бежать, покидать Китай. Моя спасти себя. Долго просыпаться – видеть призраки. Призраки быть вокруг моя, моя быть среди призраков. Потом идти большой демон – белое лицо, огненный волос. Моя... отдать ему душу, его съесть душа моя.

Его ничего не выражавшие глаза напоминали стоячую воду.

– Его съесть моя душа. Моя не быть И Тьен Чо больше.

– Но ты обязан ему жизнью, он спас тебя!

Голова с косичкой согласно кивнула, вызвав движение шелка.

– Знать. Но моя лучше умирать, не быть Уиллоби, быть И Тьен Чо! Тьфу, Уиллоби, тьфу!

Он потерял самообладание и плюнул.

– Дзей-ми – демон, есть моя душа, говорить мой язык.

Уиллоби на глазах изменился, успокоившись и собравшись с силами

для продолжения рассказа:

– Моя быть в таверна, говорить с человек, мужчина. Его спрашивать про Мак Ду. Моя пить, – безжизненно говорил он. – Моя хотеть женщина, женщины не хотеть, хохотать, говорить «желтый червяк»...

Многозначительно кивнув на штаны, где находилась та часть тела, которой европейские женщины не оказали должного уважения, он продолжил:

– Гао-фе спрашивать, моя отвечать, быть пьяный. Человек-призрак искать Мак Ду, спрашивать моя о Мак Ду. Моя говорить, что знать... не важно.

Преподобный Арчи Кэмпбелл, он же Изверг, всхлипнул и умолк навсегда. Затянутая в черное грудь больше не поднималась и не опадала. Он умолк.

– Долг. – Китаец указал на мертвого священника-самозванца. – Моя иметь долг, не иметь чести, но иметь долг. И моя платить, вот. Твоя жизнь за моя. Скажи Дзей-ми, Первая жена.

Он кивнул на прощание и подался к выходу. Пинг Ан ждал его, перебирая перья. И Тьен Чо остановился на пороге, обернулся и произнес свои последние слова:

– Моя просыпаться на пристань, думать, что кругом призраки. – Плоские глаза его ничего не выражали и не имели привычной глубины. – Моя ошибаться – это моя. Моя быть призрак, гао-фе.

Послышался звук ветра и шелест крыльев, подошвы из войлока шаркнули в последний раз, и китаец исчез. Крик Пинг Ана заглушили другие ночные звуки.

Мне не впервой было видеть смерть и убийство, и все же я тяжело опустилась на софу, желая себе прежде всего не потерять сознания. Признание Уиллоби, который упорно желал быть И Тьен Чо и считал Джейми демоном, меня подкосило. Все было как в тумане, но, признаться, вокруг ничего не происходило, чтобы как-то воспринимать окружающее. Правда, вспомнив о том, что в комнате присутствует труп, я вздрогнула и проверила, действительно ли мертв Кэмпбелл, но бояться было нечего – он был мертв.

Решив оставить его как он есть и где он есть, я не спеша пошла на веранду, желая покинуть усадьбу, но остановилась на том самом месте, на котором со мной попрощался китаец.

Калейдоскоп событий еще не сложился в гармоничную картину, но сознание – интуиция? инстинкт ли? память ли? – уже нашло ответ на один из моих вопросов: если Джейлис оставила какой-то знак, он должен быть

наверху. Когда мне удастся найти что-нибудь, я приближусь к разгадке ее секрета.

Со свечой в руках я направилась к лестнице. Роуз-холл утонул во тьме, и я заставляла себя не оглядываться поминутно, чтобы нормально добраться до верхнего этажа.

Ее рабочая комната была пуста и темна, правда, дальний угол комнаты жил своей жизнью: там виднелось легкое фиолетовое свечение, заставлявшее поежиться, и едко пахло чем-то металлическим, как во время лабораторных по химии.

«Это ртуть», – сообразила я. Пары ртути очень красивы и очень ядовиты. Чтобы защитить себя от смертоносного испарения, я прикрыла лицо платком и подошла к столу.

На столешнице была выжжена пентаграмма.

В классическом варианте там должны были быть еще и камни по краям, образующие узор, но Джейлис забрала их с собой, зато оставила кое-что другое – обгорелую фотокарточку. Края обуглились и отпали, но середина осталась, и когда я увидела ее...

Ярость и паника охватили меня одновременно. Какого черта было это делать? Зачем осквернять фотографию Брианны? Но потом до меня дошло: Джейлис не предполагала, что я появлюсь здесь еще, значит, жгла без злого умысла.

Магия – ничего другого не оставалось думать. Ну конечно, мы ведь говорили, сидя в этой комнате, о деталях прохода сквозь камни, причем это было тем, что интересовало ее больше всего. Тогда я сказала, что нужно сосредоточиться на каком-то человеке, чтобы камни пропустили тебя и чтобы наверняка попасть именно в то время, которое требуется.

Дрожа, я начала понимать весь замысел Джейлис Дункан. Отвратительное предчувствие душило меня и мешало дышать. Джейлис решила сосредоточиться на личности Брианны, чтобы попасть в двадцатый век из восемнадцатого, вернуться в свое время, проще говоря.

Но Джейлис не была бы Джейлис, если бы здесь не было чего-то связанного со Стюартами или шотландским тронном, а вот Брианна как раз была связана кровными узами с родом Ловатов. Чего стоило выписать себе преподобного Кэмпбелла, чтобы тот скопировал необходимые бумаги, разобрался в таблицах...

Брайан-провидец предсказывал, что из рода Ловатов явится новый правитель – или правительница – Шотландии. Я не могла знать, известно ли это Джейлис, но Роджер Уэйкфилд, изучив генеалогическое древо Фрэзеров, пришел к выводу, что прямая линия Ловатов прервалась в

девятнадцатом веке. Но нам-то было известно, что прямой потомок Ловатов жил и здравствовал в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, и этим потомком была Брианна.

Услышав низкое звериное рычание, я задумалась, что бы это могло быть, а потом с удивлением поняла, что рычу я.

Схватив изуродованную карточку, я спрятала ее в карман и покинула Роуз-холл, это жилище демонов.

Следовало найти Джейми как можно скорее.

Берег был пустынен: лодка была там, где я ее оставила, и возле нее не было никого. Было похоже на то, что никто сюда не возвращался.

Я окинула взором ночное пространство: сахарный завод, казавшийся темным прямоугольником, был отделен от меня тростниковым полем. Пахло жженым сахаром, а когда ветер переменялся, запахло мхом, сырыми камнями и водорослями – сказывалась близость реки.

Там, где находилась я, берег был обрывистым и переходил в кряж, утопавший в зарослях тростника. По мягкой глине я взобралась наверх, выпачкавшись в липкой субстанции, пока держалась за прибрежные кусты, но меня мало заботил сейчас внешний вид: все мои мысли были заняты долгим отсутствием Джейми. Где же он мог так задержаться? Гуляет по ночным плантациям, когда нужно найти мальчишку!

Я сердилась и волновалась. Что, если с ним что-то случилось? У входа в Роуз-холл горели факелы, казавшиеся отсюда маленькими точками, а слева от завода тоже был свет, причем такой, какой обычно бывает от большого костра. Оттуда даже слышалось приглушенное пение – вполне мирная картина, но кто были те люди, сидевшие у костра в усадьбе? Что-то тревожило меня и не давало успокоиться, тем более что запахов стало больше – пахло гнилым мясом, причем совсем близко со мной. Я ступила на шаг ближе к костру и попала не пойми куда.

На меня напал кто-то или что-то, толкнув меня в колени, ударив по лодыжкам и повалив наземь. Сама ночь протестовала против того, чтобы я раскрывала ее секреты.

Я закричала и услышала другой звук, исходивший не из моих легких: кто-то громко шипел. То, с чем я столкнулась, было живым, хрипевшим и пахнувшим падалью.

Это нечто обладало силой, позволившей сбить меня с ног, так что я приземлилась на ягодицы, но немедленно вскочила и побежала прочь, не желая быть сбитой или, что хуже, съеденной. Существо преследовало меня, угрожающе шипя и снова пытаясь ударить, но мне удавалось хранить равновесие. Убежать подальше, прочь от этого страшного места – других

мыслей у меня не было, и я бежала не разбирая дороги и не видя ничего во тьме, пока мужчина не остановил мое бегство.

С размаху я налетела на его неожиданно возникшее передо мной тело. В его руках был факел, но от толчка он упал в траву, зашипев так, как мой преследователь. Человек сильно прижал меня к себе, обдав запахом мускуса, – это был чернокожий раб, как я увидела после; позади закричали.

– Что миссис делать тут? – изумился он, но тут же переключил внимание с моей персоны на то, что творилось у меня за спиной.

Он больше не держал меня крепко, и я смогла обернуться.

За мной гнался крокодил, которого теперь окружили шестеро мужчин в набедренных повязках. Четверо из них держали заостренные колья; видеть их можно было благодаря державшим факелы.

Рептилия составляла двенадцать футов в длину, а если говорить о ширине, то она напоминала бочку из-под рома. Кожа ее была похожа на непробиваемую броню.

Но и этого оказалось мало: самым страшным был хвост, с помощью которого едва не был сбит один из негров. Крокодил же на это только шипел и улыбался – так мне казалось при виде острых зубов в приоткрытой изогнутой пасти.

– Крокодилу улыбаться вам не стоит и пытаться, – пришла на ум строчка из детского стишка.

– Миссис, мы не пытаться, – успокоил меня раб.

Мужчины что-то затевали: они намеренно дразнили крокодила, тыкая в него кольями и зная, что это не причинит ему серьезный вред. Он же, разозленный, всячески пытался извернуться и укусить охотников, при головокружительных поворотах рыл землю лапами, а в качестве устрашающей меры лязгал зубами. Видимо, негры ставили своей задачей разозлить животное, и им это удалось: неуклюжий на вид крокодил умел мгновенно бросаться на людей, в чем я уже убедилась на своем опыте, и сбил с ног одного из мужчин, поскользнувшегося на мокрой глине.

С такой же быстротой мужчина, который остановил мой бег, запрыгнул на спину крокодила, а остальные с криками махали факелами перед носом рептилии, чтобы поверженный загонщик смог благополучно убраться с места проигранной им битвы. Для этой цели один из них даже треснул животное по голове колом.

Прыгнувший на крокодилью спину орудовал вовсю: он держался за шею животного и не давал ему раскрыть устрашающую пасть, зажимая вытянутое рыло.

На крик охотника выступил еще один мужчина, доселе стоявший в

тростнике и потому не видный мне. Он подскочил к крокодилу, припал на колено и быстро связал челюсти ящера веревочной петлей под одобрительные крики наблюдателей.

Затем мужчина встал и стал командовать остальным, что еще им следует сделать. Я понимала его, хотя он не говорил по-английски: нужно было связать крокодилу хвост, иначе он мог сломать позвоночник тому, кто подвернулся бы. Я поражалась, как же мне посчастливилось, и я цела и невредима.

Словно во сне я наблюдала, как вожак раздает команды и как охотники берут крокодила в тесное кольцо. Они слушали Измаила, бывшего их вожаком... Но это меня не удивило, настолько я была поражена происходившим.

– Хау! – возглас Измаила имел очевидное значение, но он проиллюстрировал его и поднятием рук.

Два человека скользнули козьими под брюхо зубастой твари, а еще один чернокожий, отвлекая ящера ударом по голове, сунул свой кол под его грудь.

– Хау! – Это значило «переворачивайте».

Плеск влажной глины обозначал, что мужчины добились своего, и в самом деле – отблеск факельного огня высветил чешую на бронированном брюхе.

Обрадованные люди завизжали, но Измаил повелительно крикнул им слово, заставившее их умолкнуть. Затем он вытянул руку, повернув ее вверх ладонью.

Этот требовательный жест так напомнил мне мою работу за операционным столом, что я едва удержалась, чтобы не произнести, хотя бы мысленно, слово «скальпель». На миг мне показалось, что я в операционной.

В ответ на требование Измаила один из охотников вложил в его ладонь нож, которым рубят сахарный тростник, вынув его из-за набедренной повязки, тогда Измаил, почувствовав в руке тяжесть оружия, развернулся и мгновенно всадил нож в то место на шее рептилии, где заканчиваются челюсти.

Это стремительное и мощное движение дало свои плоды: из шеи крокодила хлынула кровь, черная в ночной тьме. Люди, убившие животное, отступили назад, глядя на агонию с почтением к силе умирающего и с удовлетворением охотников.

Измаил распрямил плечи и принял вертикальное положение, белая рубашкой в темноте. Кстати говоря, он был единственный, кто был одет с

ног до головы, – на остальных были только повязки.

Когда все закончилось, я ощутила, насколько же устала и как болят израненные ноги, поэтому выпачкала юбку там, где она не была еще выпачкана, – на заднице.

При виде белокожей барышни, плюхнувшейся прямо в глину, рабы очень удивились и загалдели, по-видимому, обсуждая, откуда я взялась и что делаю здесь. Измаил узнал меня, но промолчал.

Мне было безразлично, кто и как на меня смотрит, поскольку я дышала так же натужно, как и крокодил.

Рептилия издыхала, глядя на своих убийц турмалиновыми зрачками, которые, впрочем, не выражали ничего, кроме предсмертной тоски.

Очевидно, я частично потеряла сознание или по крайней мере чувствительность, ибо ни холод, ни сырость глины, на которой я сидела, ни вид черной, густой крокодильей крови не трогали меня, а голоса людей долетали издалека.

Кто-то поднял меня в воздух, затем повел куда-то. В колеблющемся свете факелов виднелось шествие, длинная вереница движущихся людей, частью которой я невольно стала, но мне хотелось, только чтобы меня уложили на землю и накрыли чем-нибудь.

Говорить я не могла и машинально переставляла ватные ноги. Камыши, через которые мы шли, били по лицу и шелестели, касаясь человеческих тел. Эти заросли своим шуршанием напоминали поле, но колосьев здесь не было, был только шелест и треск, даже люди, продиравшиеся сквозь камыши, не говорили и, казалось, ступали неслышно.

Не могу сказать, как долго мы шли, да только за это время я пришла в себя и могла уже соображать, кто я, и посмотреть, где же я нахожусь. Глаз я не открывала и пыталась определить, что происходит, на слух. Судя по всему, ничего, кроме ушибов и царапин, мое тело не получило, значит, я была способна двигаться и даже быстро бегать, если потребуется, но куда бежать?

Куда делся Джейми? Что его задержало? Нашли они Эуона или нет? Насколько далеко я забралась в джунгли и что будут делать шотландцы, когда вернутся к лодке?

В конце концов, что здесь делает Измаил? Добывает крокодилью кожу?

Люди праздновали, кричали, смеялись за стенкой хижины, где я находилась, а в проеме открытой двери были видны силуэты пляшущих. Если их там много – а то было так, ведь самая земля была плотно

утрамбована десятками ног, – мне не удастся ускользнуть незамеченной. Пахло перебродившим ямсом или чем-то таким же противным и дешевым.

Вопль огласил округу. Я догадалась, что все ринулись к костру, у которого что-то происходило. Скорее всего они побежали жарить крокодила: его как раз подвесили к шестам и пронесли мимо хижины.

Выглянув из своего укрытия, я подумала, как лучше сбежать отсюда. Камыш или тростник могли бы надежно укрыть меня, если бы мне посчастливилось туда добраться. Каким образом можно было вернуться к реке, не зная дороги и не имея факела? Лучшим вариантом выхода из ситуации представлялось отыскать Роуз-холл, чтобы там ждать Джейми с подмогой, но это тоже упиралось в отсутствие факела и страх перед мертвым преподобным, лежавшим на черном полу. Я была благодарна Исмаилу за свое спасение, ничего не скажешь, но оставаться праздновать что-либо с ним у меня не было желания.

В дверях появилось некое существо, напугавшее меня пуще прежнего, – крокодил ростом с человека и на человеческих же ногах.

– Нет кричать, женщина. Это моя.

Я узнала голос Исмаила, показавшийся глухим.

– Ага, да. Я узнала, не волнуйся, – в холодном поту проговорила я.

Беглый раб был в маске, сделанной из крокодильей головы: язык и нёбо были вырезаны, и глаза Исмаила находились над верхней челюстью, тогда как нижняя висела, в то же время закрывая лицо мужчины.

– Эгунгун не есть твоя? Все хорошо? Мэм не болеть?

– Нет-нет, спасибо, все в порядке. Спасибо, что спасли меня. А не мог бы ты снять крокодила? А то с него капает.

Он не ответил и сел на корточки, рассматривая меня. Исмаил явно был чем-то озабочен и недоверчиво блестел на меня темными глазами из-под маски.

– Мэм, твоя быть тут... Зачем? Что твоя делать здесь?

У меня не было выбора, и я сказала как есть. Все-таки у него была возможность убить меня или причинить какой-либо вред, пока я была, но он не сделал это.

– Твоя не быть здесь в ночь, – хмуро сказал он. Слово «ночь» прозвучало как-то по-особенному.

– Да... Я тоже хочу уйти. Ты не сможешь отвести меня к реке, туда, где растёт большое дерево? Иначе муж отправится на мои поиски! – погрозила я.

– Моя думать, миссис брать мальчишка с собой, – сказал Исмаил вслух, будто отвечая на свои мысли.

Речь, безусловно, шла о Джейлис. При этих словах я почувствовала, как сердце ухнуло и упало.

– Миссис Эбернети ушла с Эуоном? Но куда? Зачем он ей?

Нижняя челюсть закрывала его лицо, и улыбки я не видела, но глаза улыбались.

– Миссис любить мальчишки.

– Да уж... А она не говорила, когда приедет?

Измаил вскинул голову, но я уже догадалась, что сзади меня кто-то стоит.

– Мы знакомы. Да? Я вас знаю? – молодая женщина нахмурилась.

– Д-да, мисс Кэмпбелл. Как у вас дела?

Я уже видела, что она выглядит лучше, чем в Эдинбурге: ее лицо перестало быть одутловатым, а кожа – дряблой. Теперь мисс Кэмпбелл была одета в белый хлопок, а не в шерсть, и эта ткань не только давала коже дышать, но и выгодно оттеняла загар, которым она покрылась. Мисс Кэмпбелл даже была подпоясана обрывком того же белого хлопка, только выкрашенного в синий цвет.

– О, мэм, очень хорошо, вы не поверите, как хорошо.

Я действительно плохо верила: перемена, произошедшая с ней, была разительной, но взгляд ее был отстраненным, мисс Кэмпбелл плохо понимала, где она находится.

О пугающей маске Измаила она не сказала ни слова, а он, по всей видимости, не носил ее каждый день. Все внимание женщина перенесла на меня, а содержание ее вопросов подтверждало мои догадки.

– Мэм, я так рада, что вы изволили пожаловать к нам. Мы столько уговаривали вас, и вот вы наконец прибыли. Желаете что-нибудь? Чаю? Вин у нас, к сожалению, нет, потому как мой брат уверен, что алкоголь является возбуждающим средством.

– Правильно полагает, – отозвалась я.

Измаил, не дослушав разговор до конца, встал и поклонился. Маска хлопнула челюстями.

– Бебе, ты готова? Огонь ждет тебя.

– О, огонь! Да, я иду. Миссис Малкольм, не хотите ли присоединиться к нам? Приготовим чай. – Я встала, и она вцепилась мне в руку: – Я люблю глядеть в огонь. А вы? Вам не приходилось видеть там образы?

– Э-э, бывало.

Измаил, стоя у входа в хижину, развел руками и последовал за нами, когда миссис Кэмпбелл увлекла меня за собой.

Перед хижинами развели костер, но так, что он не касался деревянных

лачуг. Убитого крокодила освеживали, его шкуру повесили на раму, чтобы все видели результаты удачной охоты.

Мясо крокодила было наколото на заостренные колья, и я не удивилась бы, если узнала, что это дурно пахнущее нечто является наибольшим лакомством у туземцев.

У костра толпились люди: мужчины, женщины и дети, всего около трех десятков. Один мужчина пел под аккомпанемент старенькой гитары.

Выходя из хижины, я услышала «хау!», и воцарилась тишина – нас почтительно приветствовали. Крикнувший обратил внимание, что здесь присутствуют высокие гости.

Измаил не спеша ступил вперед, улыбаясь своей крокодильей мордой. Темные глаза созерцали наше появление, а лица цвета полированного агата или жженого сахара выжидали.

У костра стояла скамья, служившая своего рода местом собраний, и мисс Кэмпбелл пошла напрямик туда, словно ходила так уже не раз, поманив меня за собой.

В меня вперились десятки разнообразных взглядов, выражавшие и враждебность, и недоверие, и любопытство, но мисс Кэмпбелл все-таки интересовала людей больше, чем я. «Удивительно, – думала я, украдкой наблюдая стоявших людей, – насколько меняются африканцы, живущие в Европе или Америке среди белых людей». Джо, толком не знавший Африки, был больше европейцем или американцем, нежели африканцем, а в его облике черты черной расы были едва уловимы, если равнять его с далекими предками.

Мужчина, сидевший с гитарой, взял барабан, зажал его между ног и начал ритмично, но мягко стучать, так, как стучит человеческое сердце. По бокам инструмент был обтянут пятнистой шкурой какого-то животного.

Мисс Кэмпбелл спокойно и скромно сидела, слушая барабан. Она сложила руки на коленях и, улыбаясь, смотрела в огонь.

Рабы расступились, пропуская вперед девочек с большой корзиной в руках, увитой белыми розами. Внутри корзины что-то двигалось, как с опаской отметила я.

Покосившись на головной убор Измаила, дети поставили корзину к его ногам, а он коснулся их головок розовато-желтыми ладонями и отпустил.

Люди подошли поближе к скамье и к корзине, чтобы поглядеть, что там будет, а барабан заиграл быстрее, но все так же тихо. Женщина с бутылкой в руках дала сосуд Измаилу и скрылась в толпе.

В бутылки, судя по запаху, содержалось что-то спиртное. Измаил облил землю вокруг корзины содержимым бутылки, а корзина угрожающе

зашевелилась.

Дальше действовал мужчина, в чьих руках был посох с ветошью. Сунув его в огонь, он подождал, когда ткань загорится, а потом ткнул горящим посохом в спиртовой круг у корзины.

Люди ахнули, потому что спирт вспыхнул, образовав голубое пламя, и тут же угас, а из корзины донесся петушиный крик.

Мисс Кэмпбелл покосилась на корзину, но промолчала.

Истошное «кукареку!» стало своеобразным сигналом к началу действия. До этого мы видели только прелюдию, как оказалось; сейчас же заиграла флейта и люди загудели.

Измаил, подойдя к скамье-помосту, взял руку девушки, лежавшую на колене, и повязал запястье Маргарет красной тканью, а после снова положил ее руку на колено.

– Это же мой платок! – сказала она, утирая им нос.

Но вряд ли это кто-то заметил, поскольку все взгляды были устремлены на Измаила, говорившего что-то толпе. Петух, предчувствуя недоброе, бился в корзине, отчего увивавшие ручку розы ходили ходуном.

– Пусть это будет последний раз, – зло проговорила девушка. – Следующий раз будет третьим, не к добру это.

– Да? – ничуть не удивился Измаил, обливая алкоголем помост.

Мне хотелось верить, что Маргарет не убежит с криками от огня.

– Да, Арчи так сказал: «Прежде чем петух пропоет трижды, ты предашь меня». Женщины всегда предают, – так говорит он. Как думаешь, так и есть?

– Ну, это как посмотреть, – в раздумье протянула я.

Маргарет говорила будто бы сама с собой, не замечая толпы, не слыша музыки, не видя корзины и Измаила, который собирал какие-то мелочи у людей.

– Я голодна и хочу чаю.

Измаил услышал это желание и – я поразились – достал из мешочка у пояса узелок с фарфоровой чашкой, надтреснутой, но еще пригодной для питья. На ободке даже красовались остатки позолоты. Он поставил чашку на колени девушке, радостно воскликнувшей:

– Прекрасно, а печенье у него есть, хотела бы я знать?

Она так обрадовалась этой мелочи, что даже захлопала в ладоши.

Измаил, не глядя на девушку, принялся выкладывать дань вдоль помоста: кости с выгравированными линиями, жасмин, примитивные статуэтки из дерева, одетые в лоскутья и с глиной, державшей волосы на голове.

Затем Исмаил снова что-то сказал в толпу, опустил факел на помост, и там тоже взметнулось пламя, а когда оно угасло, наполнив воздух запахом бренди и опаленной земли, достал из корзины петуха.

Черная птица была большой и жирной и не хотела даваться в руки людям, но отбиваться от них при всем своем желании тоже не могла, будучи связанной.

Исмаил поклонился девушке и дал ей птицу.

– Благодарю, – церемонно сказала она.

Петух, разозлившись еще больше, заорал. Девушка встряхнула его и сердито заявила:

– Гадкая птица!

Перекусив петуху шею, она отгрызла ему и голову, а потом прижала окровавленную тушку к груди, напевая:

– Вот теперь, вот сейчас все в порядке у нас.

Ее платье было выпачкано в крови, лившейся в чашку. Люди вскричали, но затем наблюдали происходящее молча под звуки барабана.

Обезглавленный петух был отброшен в сторону, где его немедленно подобрал мальчишка.

Мисс Кэмпбелл провела рукой по окровавленной юбке и подняла чашку в приветственном жесте.

– Вначале наливаем гостям. Сколько вам порций, миссис Малкольм?

Исмаил дал мне роговую чашку и показал, что я должна из нее пить.

В сосуде оказался ром свежей перегонки, но он был так крепок, что я закашлялась. Кроме того, он был на чем-то настоян – пахло травой.

Люди уже пили вовсю, передавая чашку друг другу. Исмаил настоял, что я мало выпила, но я, памятуя о том, что должна быть трезвой, только сделала вид, что отпила.

Маргарет пила «чай» маленькими глотками, а люди принялись раскачиваться взад-вперед. Исмаил тоже не составил исключения; я видела, с какой натугой вздымается его шея и как крокодилья кровь течет по белой рубашке. Одна женщина из толпы запела, тогда он присоединился к ней, воздев руки.

Я ощутила, что меня пробирает дрожь: в этой маске его низкий голос имел такие же вкрадчивые тона, как и голос Джо Эбернети, но с той лишь разницей, что Джо говорил не так властно.

Зажмурившись и открыв глаза, рассчитывала увидеть Джо в золоченых очках и с золотым зубом, но увидела злобные желто-зеленые крокодиьи глаза.

Люди пели, в перерывах между куплетами испуская стоны.

Чтобы не потерять головы, я уцепилась за скамью. Травы в роме были дурманящими; хорошо, что я выпила немного. Мне хватило и этого: в ушах жужжало, а глаза слипались.

Голос Джо, как мне казалось, продолжал звучать у меня в голове, но когда барабан смолк, я очнулась.

Треск костра и шелест листьев, да топот крысиных лапок на листве – других звуков не было.

Понемногу я чувствовала, что ясность мысли возвращается ко мне, но не к людям. Они, походившие взорами на стену зеркал, стояли неподвижно, не мигая. Невольно на ум пришли легенды о зомби и колдунах вуду, которые отбирали волю у людей. Многоногие твари-легенды, хотя бы одной ногой опирающиеся на правду.

Измаил снял свою устрашающую маску и заговорил:

– Они явились! У вас есть вопросы?

Молодая женщина упала перед помостом и положила руку на деревянную скульптуру с изображением беременной. Было ясно, чего она просит, обращаясь с мольбой к Маргарет.

Мисс Кэмпбелл ответила старушечьим голосом:

– Айя, гадо.

Девушка, заслышав это, простерлась ниц, а когда Измаил пнул ее, поднялась легко и радостно, приговаривая «Мана... мана... мана...».

Парень, брат просившей о беременности, выступил следующим. Он коснулся головы и обратился:

– Grandmère. Женщина, которая мне нравится, любит ли она меня?

Он потупился, теребя в руках веточку жасмина, а старуха рассмеялась с беззлобной иронией:

– Будь уверен, но она ответит еще троим. Ищи другую, не такую щедрую, более достойную.

Парень уступил место старику, с горечью показавшему на одну из глиняных фигурок.

Маргарет ответила голосом разозленного взрослого мужчины:

– Сетато бойе.

Мне стало не по себе, когда я увидела ее. На ее лице играли отблески костра, и на нем же сменялись разные образы, делая выражение ее лица подобающим характеру говоривших ее устами. Сейчас на просителя смотрели настороженные глаза, а губы приобрели властный изгиб.

«Они пришли».

Да, это были «они». Измаил наблюдал за тем, как Маргарет отвечает на вопросы. Или тот или та, кто был вместо Маргарет.

Люди подходили один за другим и обращались к девушке, кто по-английски, кто по-французски, кто на диалектах, на которых говорили рабы, а кто-то на африканских наречиях. Когда обращались на европейских языках, Маргарет называли бабушкой, дедушкой или тетушкой.

Ответы давали мужчины и женщины среднего и пожилого возраста, постоянно сменявшие друг друга.

Недаром она говорила про образы, которые видела в огне...

Теперь было понятно, зачем Измаил прибыл сюда, хотя ему грозили белые люди. Он хотел власти – власти, ради которой можно забыть все.

А Маргарет? Она предсказывала будущее и тоже была готова заплатить любую цену за эту возможность.

Церемония продолжалась по мере того, как люди узнавали ответы на свои вопросы и как заканчивалось действие дурмана. Кто-то засыпал, усевшись на землю, кто-то уходил домой.

У костра остались несколько мужчин, но они были непохожими на остальных, привыкшими командовать и распоряжаться. Если вначале они держались поодаль, то теперь, когда толпа рассеялась, выступили вперед.

– Мон, они все, – указал их вожак на спящих. – Теперь ты.

Измаил нервно улыбнулся, но повернулся к Маргарет. Ее взгляд был отсутствующим.

– Боуасса. Боуасса, твоя идти, – негромко позвал он.

Я не знала, кто был этот Боуасса, но отпрянула от Маргарет, и не зря.

– Я здесь, – слышался низкий голос, более неприятный, чем у Измаила, и напугавший одного из мужчин.

– Боуасса, скажи, что я хотеть знать.

Девушка склонила голову и с юмором посмотрела на Измаила.

– Ты хотеть знать, мон? Зачем? Я сказать – твоя идти, я молчать – твоя идти.

Измаил мягко улыбнулся.

– Это так. А они... – он указал на мужчин, – они тоже с тобой?

– Да. – Оракул ухмыльнулся. – Причудница умирать в три дня. Вы быть со мной.

Боуасса зевнул и рыгнул изящным ротиком Маргарет.

Мисс Кэмпбелл снова приняла отсутствующий вид, а мужчины принялись обсуждать услышанное. Измаил указал на меня, и они отошли в сторону.

Едва они ушли, он поник.

Я хотела уже узнать, что здесь творится, но увидела человека, выступившего из зарослей сахарного тростника.

Это был Джейми, высокий, как и этот тростник. В отблесках огня его лицо казалось огненно-красным, как и волосы.

Он показал, чтобы я молчала. Я, готовясь к прыжку мимо Измаила, подобрала подол, но не знала еще, как быть с Маргарет.

Взглянув на нее, я опешила: губы ее приоткрылись, глаза сузились и стали раскосыми, а все выражение лица было нетерпеливым и воодушевленным.

– Папа? – спросила Брианна.

С ужасом я поняла, что слышу голос своей дочери.

– Бри?

Она повернулась ко мне и назвала меня:

– Мама.

– Брианна? – осторожно спросил Джейми.

– Папа. Это ты. Ты снился мне, – убежденно произнесла она, повернувшись в его сторону.

Джейми побледнел – я видела это даже в свете костра – и хотел даже перекреститься, подняв руку.

– Не бросай маму. Идите вдвоем. Я буду хранить вас.

Измаил воззрился на Маргарет, а она снова проговорила с мягкостью и хрипотцой:

– Я люблю тебя, папа. И тебя, мама, тоже.

Маргарет поцеловала меня, и я ощутила запах и вкус свежей крови на губах. Уже в объятиях Джейми я осознала, что он чертит крест на моей спине.

– Все хорошо. Все уже позади.

Он заставил себя говорить спокойно, а я заставила себя оглянуться.

Маргарет Кэмпбелл мурлыкала какую-то песенку и играла петушиными перьями, а Измаил гладил ее по волосам. Сцена была вполне мирной. Он, видимо, спросил что-то, а она безмятежно взглянула на него и заверила, что «ничуточки» не устала.

– Чудесный был вечерок, правда?

– Да, бебе. – Его голос звучал на удивление мягко. – Ты отдохнуть, да?

Маргарет не ответила. Измаил щелканьем языка подозвал двух женщин, взявших ее и уведших прочь с ласковыми словами.

Сам он остался, глядя в огонь.

Джейми мотнул головой, показывая, что у него есть вооруженные спутники.

– Мон, твоя мог идти один. С вами говорить лоа – моя не грозить. Но лоа раньше не говорить с букра. Странно.

Он помолчал и сказал:

– Теперь ваша идти.

– Нет, не сейчас. – Джейми отпустил меня. – Я пришел за мальчиком, которого зовут Эуон. Отдай мне его, если он у вас.

Измаил, нахмурившись, ответил:

– Ваша забывать мальчик, он уйти.

– Куда?

– Мон, – окинув внимательным взглядом Джейми, проговорил Измаил, – он идти с Причудницей. Он ушел. И ты уходить, ты умный.

Услышав шум барабана, он предупредил:

– Остальные быть здесь. Моя не бить тебя, но моя не они.

– А кто они, Измаил? – поинтересовалась я.

Мне уже было интересно, что здесь происходит, хотя контакт с лоа, признаться, подействовал гнетуще.

– Думаю, что это мароны. Я угадал? – встрял Джейми.

Измаил гордо кивнул:

– Твоя слышать Боуасса. Его лоа благословить, наша идти. Барабан звать, наша идти, все, кто силен.

Он отвернулся, чтобы уйти, но Джейми снова остановил его:

– погоди, скажи мне, куда миссис Эбернети увела мальчика?

– В Абандауи.

– А где это? – допытывался Джейми.

Я положила руку на его запястье и сказала, что знаю, где это, на что Измаил вскинул удивленные глаза.

– Это на Эспаньоле. Штерн рассказал ей, а потом и мне.

– Что это – городок, поселок, плантация? Как туда добираться?

– Джейми, это пещера, – с дрожью сказала я.

– Абандауи быть волшебное место. Причудница брать тебя наверх, в тайный комната? Так говорить Клотильда.

– Да, это так.

Тогда Измаил сделал шаг ко мне и спросил то, от чего Джейми дернулся:

– Женщина, у тебя отходить крови? Или уже все, нет?

– Еще отходят. А что?

Онисегун Измаил заметно нервничал, глядя то на нас, то на хижины, откуда шли люди и где шевелились кусты.

– Быть женские крови – нет волшебство. Крови есть – есть женская сила, но волшебство нет. Ба быть ведьма, знахарка, она колдовать.

Он добавил:

– Ты колдовать, как и Причудница. Но это убивать тебя и ее. Твоя слышать речь Боуасса? Причудница умирать в три дня. Брать мальчик, и мальчик умирать тоже. Твоя идти, мон, – твоя умирать.

Измаил скрестил руки, показывая, будто они связаны, а потом разорвал путы.

– Я сказать тебе, амики.

Он ушел во тьму, к невидимым людям.

– Святой Михаил, защити нас, – Джейми затеребил волосы. – Англичаночка, ты точно знаешь, где это их волшебное место? Сможешь найти?

– Не знаю, смогу ли, но оно в горах Эспаньолы и там есть река.

– Возьмем с собой Штерна. Идем, ребята ждут нас у реки.

Мое внимание привлекло странное зарево – что-то горело.

– Эта плантация Хоува. И усадьба «Двенадцать деревьев» тоже.

Оранжевых пятен было несколько, и мне припомнились слова Измаила о том, что на зов барабанов пойдут те, кто силен.

Мы видели, как из хижин выходят рабы, как женщины в белых тюрбанах несут детей. Маргарет Кэмпбелл тоже была в тюрбане.

Джейми позвал ее по имени. Рабы хотели защитить ее, но он показал, что безоружен, и снова обратился к девушке:

– Маргарет, ты узнаешь меня?

Ее пустые глаза ничего не выражали. Джейми взял ее лицо в ладони.

– Маргарет... Ты видишь меня? Узнаешь?

Она заморгала, а затем вернулась к жизни, но медленно и с недоверием. Смущение и испуг отразились на ее лице, а потом глаза заблестели, губы изогнулись и зазвучал чистый, звонкий, высокий голос молодой девушки:

– Узнаю, Джейми, я тебя вижу. Давненько мы не виделись? Ты был занят? Как Эван? Что о нем слышно? У него все в порядке? – спокойно расспрашивала она, в то время как Джейми боролся со своими чувствами.

– Д-да, все в порядке. Говорил, чтобы я передал тебе вот это, когда увидимся.

Он наклонился и нежно поцеловал девушку.

Женщины, глядевшие на эту сцену, принялись беспокойно обсуждать произошедшее, а когда Джейми отступил на шаг, они взяли девушку буквально в кольцо.

Сама Маргарет блаженно улыбалась, не замечая никого вокруг.

– Спасибо, Джейми. – Ее уже тащили дальше, когда она добавила: – Скажи Эвану, что я скоро приду к нему.

Женщины увели ее – призраки призрака.

– Позволь им уйти, – мягко сказала я, видя, что Джейми порывается остановить ее. – Пускай идет с ними, там ей лучше. Все равно она уйдет.

Он с болью кивнул.

Уходя, мы заметили, как в окнах Роуз-холла мелькают огни и как второй этаж, где находился кабинет Джейлиса, освещается пламенем.

– Пошли, нечего здесь делать, – увел меня муж.

Нырнув в заросли тростника, мы услышали запах жженого сахара.

Глава 62

Абандауи

– Я выделяю вам губернаторский пинас: он довольно мал, то есть будет не так заметен, а ходовые качества превосходные. – Грей касался чертежа, лежавшего на столе, гибкими пальцами. – А благодаря моему приказу вас никто не будет останавливать.

– Да, мы нуждаемся в судне, но не сможем рассчитывать на «Артемиду», ведь она не моя, а Джаред. Но Джон, пинас лучше украсть, нежели втягивать вас в свои дела так явно, – нахмурился Джейми. – У вас и без того слишком много хлопот сейчас.

Лицо Грея осветилось невеселой улыбкой.

– Вы говорите о хлопотах... В общем, да: четыре усадьбы плантаторов сожжены, двести рабов бежали. Но публика боится, боится не только китайца и всех китайцев вообще, но теперь уже опасается маронов. Я не думаю, чтобы в этой ситуации мои скромные связи были кому-то интересны, а уж тем более чтобы кто-то интересовался сейчас контрабандными потоками и контрабандистами в целом.

– О да, это несказанно радует, – помрачнел Джейми. – Но пинас я угоню, а в случае чего вы меня не знаете и обо мне слыхивать не слыхивали, идет?

Грей в изумлении воззрился на друга, дивясь его словам.

– Джейми, как можно... Вы заботитесь о моей репутации, но сами готовы оказаться на рее из-за этого? Как по-вашему, кто я после этого?

– Вы мой друг, Джон, – глухо проговорил Джейми. – Но давайте уговоримся: я принимаю вашу дружбу и вместе с этим принимаю проклятый пинас, а вы принимаете мою дружбу и молчите.

Лорд Джон Грей поджал губы, но потом уступил.

– Хорошо, Джейми. Уговоримся. И постарайтесь не попасться, будьте уж так любезны.

Джейми завозил по носу, чтобы спрятать улыбку.

– Идет, Джон, я буду очень любезен.

Лорд, изрядно помятый и с темными кругами под глазами, тяжело сел в кресло. За этими заботами ему, по-видимому, некогда было переодеться, и рубашка его не была ослепительно белой.

– Джейми, друг, я не буду расспрашивать, куда вы держите путь, но совет могу дать, если хотите. К северу от Антигуа идут морские пути –

держитесь от них подальше, обходите стороной. Все, что я могу сделать сейчас, так это отправить курьерскую яхту и запросить как можно больше матросов и морских пехотинцев. Надеюсь, что военное командование войдет в мое положение и выделит приличное количество людей. Я рассчитываю, что послезавтра они отправятся на север в сторону торговых путей, тогда гавань и город могут быть спокойны – мятеж им не угрожает.

Когда Джейми бросил взгляд в мою сторону, я вскинула бровь, спрашивая, можно ли рассказать Грею о том, что мы видели, но он покачал головой. Губернатор знал от нас о бунте на реке Йалла и о том, что рабы самочинно покинули дома своих хозяев – это бы рассказали ему наверняка, так что мы не стали сдерживаться, – но ночью мы видели то, чего не видал никто.

Стоя в бухточке со спущенными в маскировочных целях парусами, мы глядели на реку, широкую и темную подобно ониксу. Заслышав бой барабанов и пение сотен людей, мы спрятались и наблюдали из своей засады, как захваченная маронами «Бруха», спускавшаяся по реке, идет вниз по течению. Пираты же, как мы полагали, были убиты и выброшены под деревья.

Рабы отправились не на Ямайку, где мароны обычно скрываются в горах, а держали путь в открытое море. Зачем им это понадобилось? Что ж, возможно, на Эспаньоле они хотели найти других последователей Боуассы. Кингстонцы трепетали от страха, хотя им ничего особо не грозило, а королевский флот пристально отслеживал направление движения «Брухи». Этого-то нам и нужно было: пускай флотилия бережет Кингстон, а мы тем временем проберемся на Эспаньолу.

Джейми уже встал, но Грей жестом остановил его:

– Мистер Фрэзер, вы уже решили, где в это время будет ваша жена?

Он не смотрел на меня, но предложил:

– Я готов оказать вам услугу, скрыв ее на время вашего путешествия в этой резиденции. Ручаюсь, никто не узнает, что она здесь. Так будет разумно.

Джейми помедлил секунду, но твердо сказал:

– Нет, Джон, спасибо, но она должна быть со мной. Так нужно.

В глазах лорда мелькнула зависть, но он подавил свои чувства и отвел взгляд, понимая, что силы неравны. Мне сделалось жаль его, но рассказать ему все было невозможно, да и не нужно.

– Понимаю... Да будет так.

Он не сразу взял протянутую руку Джейми, но потом пожелал:

– Джейми... удачи вам. Берегите себя. Да пребудет с вами милость

Божья.

А вот Фергюса было труднее уговорить, чем губернатора. Француз разъярился, узнав, что мы обойдемся без него и не возьмем его в путешествие. Он упорно стоял на своем – без него плыть нельзя, но последней каплей стало известие о том, что шотландцы отправятся с Джейми.

– Что-о? – взревел он. – Как же так? Где справедливость? Почему они должны плыть, а я не должен?!

– Да, ты не должен плыть, потому что у тебя жена. А они вдовцы или вовсе холостяки.

Марсали потемнела, с тревогой вслушиваясь в слова мужа.

– Мне казалось, что эта девочка слишком юна, чтобы быть невестой и женой, но я ошибся. А вот чтобы быть вдовой, она точно слишком молода.

Твердо отказав Фергюсу, Джейми отвернулся от него, цenia дружескую поддержку, но не желая подвергать француза опасности.

Губернаторский пинас был еще меньше «Артемиды», так что когда Джаред называл свой корабль шлюпкой, это было преувеличением. Тридцать футов в длину и одна палуба – одномачтовый пинас можно было считать кораблем лишь с натяжкой, хоть он и принадлежал лорду и был побольше, чем та лодка, в которой мы поднимались по реке.

Впрочем, пинас шел быстро, и из кингстонской гавани мы вышли скоро, еще до вечера, держа курс на Эспаньолу.

Мы не направляли корабль: шотландцы взялись за это сами, а мы с Джейми и Штерном сидели у борта, перебрасываясь ничего не значащими словами о разной ерунде, а вскоре умолкнув под влиянием гнетущих мыслей.

Зевавшего Джейми я убедила лечь поспать, и он в самом деле захрапел в скором времени, лежа на лавке. Я не могла спать из-за возбуждения.

Штерн тоже не спал, а сидел заложив руки за голову и наблюдал небо.

– Воздух влажный. Вон какая дымка вокруг луны, видите? – Он кивнул на полумесяц. – Ночью в таких условиях мог начаться дождь, но здешние широты все-таки другие.

Лучше было болтать о погоде, чем тупо таращиться перед собой. Тема погоды как нельзя лучше подходила для успокоения нервов.

Голова Джейми лежала на моих коленях, и я, взлохматив ее, сказала:

– Вы настоящие знатоки – можете определять погоду следующего дня по небу. Я так не умею. Мне лично вспоминается разве что детский стишок: «Когда краснеет небо к ночи, то моряку удачу прочит. А коль краснеет поутру, то моряку не по нутру», но это все, что я могу сказать. Я

даже не замечаю, какого цвета солнце на закате и небо.

Лоренц улыбнулся.

– Я не кудесник и не скажу, станет ли небо красным – этого нельзя предположить с достаточной уверенностью. Но подобные приметы хранят многое, что отметил наблюдательный человек за столетия своей жизни на земле. Научную основу в них можно найти, она там есть, хотя и скрыта за поэтической формой. Капельки тумана, например, вызывают рефракцию лучей, и тогда вокруг луны образуется вот такое облачко.

Вечерний бриз приятно обдувал мое пылающее лицо, бросая волну волос то на лицо, то назад на плечи.

– Да, здесь более-менее ясно. А что насчет сверхъестественных явлений, таких, каким нет еще не то что объяснения, но и определения? Как наука объясняет их? Ведь они выходят за рамки любых научных постулатов.

«Мы с вами умные люди и не верим ни в духов, ни в призраков», – говорил Лоренц Штерн со своим немецким акцентом, стоя у источника в фазенде де ла Фуэнта.

– О каких явлениях вы говорите, позвольте полюбопытствовать?

– Например, о... – Я вспомнила то, о чем говорила Джейлис. – Например, о кровотокающих стигматах, астральных путешествиях, о видениях, предсказаниях, словом, обо всем том, чему наука не может подобрать хоть сколько-нибудь вразумительного объяснения. Рационально объяснить эти вещи нельзя. Куда, в какой разряд их отнести?

Штерн, готовясь к длинной пространной лекции, уселся поудобнее.

– Прежде всего следует заметить, что наука имеет описательные функции как основные. «Как это происходит?», а не «почему это происходит?», понимаете? Причины явлений тоже становятся предметом ее исследований, но нужно понимать, что на многие вопросы наука не способна дать ответы. Возможно, следующий этап ее развития принесет новые открытия, но сейчас существует ряд феноменов, не находящихся рационального объяснения, как вы верно отметили. Наши познавательные возможности пока ограничены, и нельзя винить в этом науку. Пока мы только фиксируем то, чего не знаем, а со временем подыщем ему объяснение, смею надеяться.

– Но ведь люди хотят знать сейчас, а не через сто лет. Наука, возможно, может и подождать, но...

– Да-да, человеческое любопытство.

Штерн выровнялся на скамье и принял позу, подобающую лектору.

– Да, люди хотят знать, и наука идет им навстречу, желая объяснить

происходящее и себе в том числе. Ученые выдвигают гипотезы, но не всегда предложенные гипотезы содержат в себе доказательства того или иного постулата. Есть вещи – и я сам их наблюдал, – которые пока нельзя объяснить. Дожди из рыбы, например, знаете такие? Когда на землю падает рыба в изрядном количестве, причем рыба одного вида и приблизительно одинаковая по размерам. Мы не знаем, как это объяснить, но говорить, что это результат вмешательства сверхъестественных существ, тоже нельзя – нет доказательств. Вряд ли какой-то бог или мифическое существо дарит ни с того ни с сего землянам такое количество еды. Я предполагаю, что это результат действия природного явления: где-нибудь прошел водяной смерч или торнадо, а мы пожинаем плоды. Правда, смерч не объясняет, как можно лишить всех рыб голов. Подумать только: все рыбы без головы! Едва ли это можно относить на счет метеорологического явления.

– Вы видели это лично?

Штерн издал смешок.

– У вас, миссис Фрэзер, прямо научный подход, сразу спрашиваете, видел я или нет собственными глазами. Должен вам сказать, что я видел и видел сам. Целых три раза, из которых рыбный дождь шел дважды, а третий раз я наблюдал дождь из жаб.

– Вы, верно, находились у озера или берега моря?

– Не всегда, не всегда. Однажды рыбы падали, когда я был у моря, второй раз сыпались лягушки, и я был у озера, а вот в третий раз я был на суше, и ближайший водоем располагался в двадцати милях от меня. Но упавшие рыбы были океаническими. Что самое интересное, так это то, что они просто-напросто буквально валились с ясного неба, на котором не было ни облачка. Погода была безветренной, никакого намека на смерч или что-то подобное, что объяснялось бы всасыванием обитателей морских глубин, но ничего этого не было, ни-че-го! А между тем я сам видел, это факт.

– Стало быть, фактом является только то, что вы видели воочию? – подколола я.

Джейми, услышав смех натуралиста, завозился и забормотал, но когда я погладила его по голове, он снова уснул.

– И да и нет, наука не знает, стало быть, и я не знаю. Как об этом говорит ваша Библия? «Блаженны не видевшие и уверовавшие»? ^[24]

– Да, именно так.

– Приходится не считаться с отсутствием доказательств и слепо верить, согласен. Я, видите ли, ученый еврей и потому могу по-разному оценивать и стигматы, и процесс воскрешения мертвых, что едва ли осмелился бы сделать правоверный иудей. Цивилизованный мир

принимает это на веру, я же подвергаю сомнению.

– Да вы прямо Фома неверующий, ведь он тоже был евреем!

– Да, но потом он уверовал. Это его и сгубило: он стал христианином и впоследствии мучеником. Он был блажен, пока не верил, вопреки Писанию, – прибавил Штерн.

– Есть явления, которые можно принять на веру, а есть явления, которые можно доказать с помощью науки. Между ними существенная разница: если их причины можно назвать рациональными, то отношение людей к ним разнится. Те, кто не хочет и слушать аргументы в пользу удивительных, но давно изученных явлений, утверждают, что то, чего они никогда не видели, истинно и отстаивают свою правоту, наивно полагая, что доказывать истинность необязательно. Таким образом, многие вещи, описанные в Библии, нельзя доказать, но в то же время нельзя и опровергнуть. Вера и наука – очень могучие силы, но вера опаснее.

Этот разговор на научные темы если не успокоил, то хотя бы отвлек и пришелся к месту. Эспаньола уже виднелась прямо по курсу. Небо окрасилось в пурпур, а море было серебристо-серым. Мне захотелось подтвердить свою догадку, и я спросила:

– А где с неба падали рыбы без голов?

Штерн указал туда, куда и я предполагала, – на нос корабля.

– На Эспаньоле. Эти острова дают пищу для любого научного ума – там происходит множество таинственных вещей. Странное место, я мало видел таких.

Я задумалась. Как же хотелось, чтобы Джейлис забрала с собой не нашего мальчишку!

За беготней, связанной с последними событиями, я не узнала о судьбе остальных мальчиков и теперь решила спросить:

– Скажите, Штерн, вы знаете что-либо о судьбе остальных одиннадцати ребят? Измаил сказал, что их была дюжина. Какие-то следы или что-нибудь в этом роде – что-то встречалось вам на плантации?

Лоренц испустил тяжелый вздох, и я поняла, что зря задала этот вопрос. Что бы там ни было, а я уже не хотела слышать об их судьбе.

Мне ответил Джейми.

– Мы их нашли. – Он сжал мое колено. – И больше ни слова, англичаночка. Все равно не отвечу.

После этих страшных слов оставалось надеяться, что Эуон ушел с Джейлис, иначе... Джейми снова лег мне на колени, и я снова принялась гладить его по голове.

– Блаженны не видевшие и уверовавшие, – прошептала я чуть слышно.

Ближе к рассвету пинас причалил к северному побережью Эспаньолы. Корабль не было видно с моря благодаря утесам, скрывавшим берег, а в глубь острова вела песчаная тропинка.

С помощью Джейми я соскочила на берег, а муж повернулся к Иннесу, тащившему тюк со снедью:

– Charaid, спасибо. Дальше мы одни. – Решимость звучала в его голосе. – Коли будет Пресвятая Дева благосклонна к нам, встретимся на этом месте через четыре дня.

Иннес удивился, а затем недовольно посмотрел на взбалмошного хозяина.

– Как это одни? Я не отведу корабль.

Джейми тихо улыбнулся:

– Вы все, шотландцы, останетесь здесь до моего возвращения. Я в вас верю и знаю, что ваши руки надежны, но мне нужна будет защита жены и еврея.

Иннес удивился еще больше:

– Макдью, но... Ты что, пойдешь один?

Взгляд, брошенный по прибрежным скалам, поросшим лианами, заставил его наморщить лоб.

– Странное местечко. Я не понимаю тебя. Лучше пойти туда с друзьями, а ты оставляешь нас здесь. Почему?

– Дункан, будь другом – делай так, как я прошу. Это лучшее, что можно сделать, поверь.

Выходит, настоящее имя Иннеса было Дункан.

Шотландец с тревогой оглядел утесы и кивнул.

– Хорошо, Макдью, пусть будет так, как ты просишь. Но мы хотели бы пойти с тобой и продолжаем этого хотеть.

– Я знаю, Дункан.

Джейми отвернулся, а затем снова бросил на Иннеса доверчивый взгляд и обнял его.

Тот похлопал Джейми единственной ладонью по спине.

– Есть еще кое-что: этот корабль, на котором мы приплыли, будут искать. Если вы увидите, что сюда идет корабль королевского флота – ставьте парус и уходите. Остров расположен довольно далеко, и я надеюсь, что англичане сюда не доберутся, но в случае любой угрозы сразу сматывайтесь.

– Мак, как ты себе это представляешь? Ты можешь давать любое приказание, и я его выполню, ты знаешь, но от этого меня уволь, будь добр.

Джейми мотнул головой, так что рыжая борода и шевелюра вспыхнули

на солнце.

– Дункан, я не хочу, чтобы тебя убили. Тогда ты не сможешь помочь ни мне, ни ей, – он указал на меня. – Если будет корабль – уходите, это приказ.

Он отошел к другим шотландцам.

Лицо Иннеса-Дункана было хмурым, он явно не одобрял поступок Макдью-Джейми, но уже не высказывал своего возмущения явно.

Сырые и жаркие джунгли встретили нас птичьим свистом и щебетанием, но мы не говорили между собой, имея на то веские причины: при Штерне не хотелось говорить о Брианне, а Абандауи было еще далеко. Что толку обсуждать что-то, когда еще не добрались до места? По ночам мне было страшно, и я успокаивалась только тогда, когда видела Джейми, сидящего у огня.

На второй день к полудню мы пришли. Крутой склон серого известняка вздымался вверх, поросший алоэ и какой-то жесткой травой, а холм венчали они. Мегалиты, стоящие неровным кругом и окаймлявшие вершину.

– Здесь тоже камни... Ты не сказал мне.

Я почувствовала слабость во всем теле, ту самую, противную и обезоруживающую.

– Миссис Фрэзер, вы в порядке?

Штерн наклонился ко мне, вглядываясь в лицо, выдавшее меня с головой. Я ответила, что все в порядке, но подскочивший Джейми уже обнял меня за талию, иначе бы я упала.

– Англичаночка, умоляю, осторожнее! Не ведись на эту ересь.

– Пойдем, нужно узнать, где мальчик.

Все-таки на этот раз со мной был Джейми, и я кое-как смогла заставить себя идти. Шедший рядом муж негромко говорил какие-то гэльские слова. «Должно быть, молитвы», – подумала я.

– Они стоят здесь уже очень давно, – сообщил Штерн, когда мы встали на вершине. – Их поставили аборигены, жившие здесь когда-то.

В круге никого не было, и он выглядел вполне безобидно. Для стороннего наблюдателя это были всего только здоровенные старые камни, которые какой-то сильный дурак поставил так, чтобы они образовывали кольцо. Джейми, зная, что для меня это не так, испытующе воззрился на меня.

– Клэр, ты их слушаешь?

Штерн удивился, но промолчал.

Я сделала несколько шажков к ближайшему камню.

– Пока нет. Не знаю. Сегодня не тот день, в смысле не день

солнцестояния, не праздник солнца и не праздник костров. Хотя может статься, что проход открыт.

Я взялась за руку Джейми и подошла еще ближе. Так было ли на самом деле или мне казалось, я сказать не могла, но камни жужжали подобно пчелам. Вполне возможно, что это и были пчелы или какие-то другие насекомые, а я себя настроила, что камни говорят. Очень осторожно я коснулась одного из них.

Джейми звал меня по имени, но его зов доходил до меня через пульсирующий гул в ушах. Я чувствовала вибрацию, не похожую на звук, но еще более страшную, чем самый ужасный звук. Сознание удерживало меня в этом мире и в этом времени, сердце бешено билось, диафрагма поднималась и опускалась. Это был изначальный, первобытный хаос, и в центре него была Джейлис Дункан, с усмешкой глядящая на меня.

– Клэр!

Я лежала на земле. Джейми и Штерн стояли надо мной. Они обрызгали меня водой, чтобы привести в чувство, потому что у меня были мокрые щеки, а по шее текла вода. Пришлось пошевелить конечностями, чтобы удостовериться, что я в порядке.

Джейми поднял меня и отложил платок.

– Англичаночка, все хорошо?

– Д-да, – соврала я, а затем схватила его за руку: – Джейми, она здесь, рядом!

– Вы о миссис Эбернети? – то ли удивился, то ли испугался Лоренц. Ни один из нас не желал сейчас встретиться с Джейлис, но мальчик был у нее.

– Да, я видела ее! – вскричала я. – Она где-то совсем рядом.

– Но где? Есть какие-то подсказки?

Джейми опустил руку на кортик.

Было неприятно ощутить все это еще раз и увидеть насмешливые зеленые глаза, но я заставила себя вспомнить, как выглядела Джейлис и где она была. Во тьме, в холоде, сырости. Красные факелы.

– Полагаю, что она спустилась в пещеру. Лоренц, сколько туда идти?

– О, совсем немного, – заверил он меня. – Это недалеко.

– Покажите дорогу.

Джейми встал сам и хотел, чтобы встала я, но я ухватила его за руку:

– Джейми!

– А?

– Джейми, она тоже знает, что я здесь.

Он на миг замер и сглотнул, а затем сжал челюсти и пошел туда, куда

указывал Штерн.

Я слышала, как он шептал:

– Святой Михаил, предводитель воинств небесных, обереги нас от всякой чертовщины.

Тьма была непроглядной – я могла почесать нос и не увидеть руки, – но в то же время живой. Мы шли по неровной земле, усыпанной, вероятно, галькой (хотя там могли быть и человеческие кости), стены были очень узки. Удивительно, как сюда пролезла Дункан.

В самых широких местах пещеры можно было раскинуть руки, но все равно – стены ощущались и тогда. Казалось, словно ты идешь, а за тобой наблюдают невидимые и неведомые глаза, оценивают каждый твой шаг, таясь в сумраке и сдерживая дыхание.

Джейми держал меня за плечо, идя сзади. Его присутствие я тоже чувствовала, даже не оглядываясь, хотя если бы я и оглянулась, все равно ничего бы не увидела в сгущавшейся тьме и затхлом воздухе.

– Мы правильно идем? – поинтересовался он, когда я на минуту остановилась для отдыха. – Откуда ты знаешь, куда следует идти? В пещерах всегда много боковых ответвлений, и эта не исключение: я чувствовал некоторые из них, но их, скорее всего, еще больше.

– Я слышу, куда идти. Слышу камни. А ты нет? – просто отозвалась я.

Объяснить, что я слышу и как это передается, было непросто. На Крэгна-Дун зов был другим, здесь же объяснить, что я чувствовала, было проще всего, если прибегнуть к такой аналогии: после ударов колокола еще звучит вибрация. Вот ее-то, отдающуюся в костях, пояснице и позвоночнике, я и слышала.

Джейми дернул мою руку и крикнул:

– Стой здесь! Не дай им забрать тебя. Стой!

Я подалось к нему, слыша, что его сердце стучит громче, заглушая зов пещеры.

– Джейми, не отпускай меня, ладно? Я боюсь их, они хотят забрать меня. Если им удастся, я больше не вернусь, потому что с каждым разом мне хуже. Это убьет меня, Джейми.

Он обнял меня ручищами, выпуская воздух из моей груди. Дальше он, держа мою руку в своей, прошел вперед и оказался передо мной в проходе.

– Я буду идти впереди. А ты держись за мой ремень и не выпускай ни в коем случае.

Вдвоем мы продолжали спускаться все ниже. Мы шли без Штерна, хотя тот вызвался пойти тоже: Джейми завещал натуралисту рассказать Иннесу и остальным шотландцам о нашей кончине, если мы не вернемся.

Если не вернемся...

Я внутренне напряглась, а может быть, и внешне. Джейми, почувствовав это, приманил меня к себе.

– Клэр... я хочу сказать тебе кое-что.

Я знала, о чем он хочет поведать, и хотела приложить палец к его губам, но из-за тьмы просто мазнула ему по лицу. Джейми поймал мою ладонь и сжал ее.

– Если нужно будет пожертвовать, то я готов. Ты должна жить. Согласна?

Я могла и не могла согласиться: разрываясь от любви к Джейми, я понимала и то, что остановить Джейлиса физически я вряд ли смогу, а вот преследовать ее там, куда она отправится, за камнями, мне по силам.

– Я знаю это, Джейми.

Но я знала и другое: если она уже за камнями, я должна буду отправиться за ней немедленно. Джейми не сказал этого вслух, но мы оба это знали.

– Хорошо, Клэр. Поцелуй меня и знай, что я никогда не пожалею об этом.

Я не стала отвечать ему словами, когда можно было ответить поцелуями: рука, твердые пальцы, мускулистое запястье и губы с соленым привкусом.

Когда двинулись дальше, я остановилась у первого бокового тоннеля слева от нас.

– Нам туда.

Пройдя шагов десять, мы увидели свет.

Некоторые скалы испускают свечение, но он тусклый, а это был настоящий свет, – хотя было непонятно, откуда он здесь взялся, – в котором можно было видеть свое тело. Свет и мягкий колокольный гул звали меня, и я направилась туда, увлекаемая ими и выходящая из тьмы на свет, словно призрак, обретающий плоть.

Когда я в достаточной мере увидела свет, Джейми закрыл его спиной, встав передо мной и заслоняя проход. Мы миновали низкий арочный проем и вошли в просторное помещение. В одной из стен была трещина, из которой торчал факел, тогда как остальные были холодны и сумрачны. Свет играл на вкраплениях минералов.

– А вот и вы.

Джейлиса, стоя на коленях, высыпала на пол белый порошок, держа его в горсти и сосредоточенно следя за рисунком.

Джейми воскликнул что-то, удивленно и испуганно, а затем я увидела

то, точнее того, кто стал причиной возгласа. В центре пентаграммы лежал связанный Эуон: руки его были заведены за спину, а во рту был кляп. На полу возле него находился острый топор из какого-то камня, черного и сверкающего, как обсидиан, рукоять которого была украшена бисерным узором – зигзагами и разнообразными линиями, напомнившим мне раскраску на соотечественниках Измаила.

– Не подходи!

Джейлис не поднялась с корточек, но выставила руку с пистолетом. Курок был взведен, а оружие наведено на Джейми. Она скалилась, зная, что за поясом у нее еще один такой же револьвер.

Наблюдая, ослушивается ли ее «лисенок», она достала из кошелька еще горсть алмазного порошка и досыпала на пол. Джейлис взмокла и ощущала, верно, то же, что и я – болезненную реакцию организма на зов колокола.

Чтобы пентаграмма работала, ее нужно замкнуть, то есть выложить так, чтобы ее линии не имели разрывов. Джейлис почти сделала это, и камни лежали внутри в углах знака, соединенные дорожкой из ртути, горевшей в свете факелов.

– Та-а-к.

Она откинулась на пятки, убирая потные волосы.

– Вот и хорошо, вот и славно. Благодаря пыли звук не будет слышен внутри, а мне он не нравится. Тебе тоже?

Не дожидаясь ответа, она похлопала Эуона по плечу, и он ужаснулся, распахнув глаза.

– Что ты, mo chridhe? Не бойся, скоро все закончится.

– Отойди от него, гадкая сука!

Джейми подался вперед, доставая кортик, но вынужден был остановиться, когда женщина приподняла руку с пистолетом.

– Похож на дядюшку Дугала. Ты ведь хорошо помнишь его, правда? – Джейлис покосилась, как девочка, призывно глядящая на мужчину. – Он был старше, когда я любила его, но у тебя те же самые глаза. Так глядят люди, требующие своего и убирающие все, что им мешает.

Джейми перевел глаза на Эуона.

– Да, я хочу убрать тебя.

– О, лисенок, тебе это не удастся. Это еще никому не удавалось, поверь. Скорее я тебя уберу: ступишь еще на шаг и я всажу пулю в твою башку. Мне давно хотелось это сделать, но Клэр вроде как любит тебя.

Она взглянула на меня.

– Милая, жизнь за жизнь. Ведь справедливо? Ты хотела спасти меня у

Крэг-на-Дун, а я спасла тебя от расправы в Крэйнсмуире. Тебя не осудили и не сожгли, хотя ты такая же ведьма, как и я. Мы квиты.

Она выудила из одежды бутылочку и вылила находившуюся там жидкость на Эуона. Это был бренди – резко запахло алкоголем. Когда спиртовые пары достигли факела, он стал гореть ярче, а Эуон, увидев это, забился и замычал.

– Лежи, не дергайся! – Джейлис пнула его ногой.

– Джейлис, не нужно, не делай.

Я знала, что не смогу убедить ее, но все же попросила. Джейми молчал.

– Так нужно, Клэр. У меня миссия. Девчонку я заберу, ты уж прости, зато мужчина весь твой.

– Девчонку?

Джейми сжал руки, и я увидела побелевшие костяшки.

– Как же, Брианна. Я правильно произнесла имя? – Волосы падали на лицо Джейлис, и она убрала их рукой. – Последняя из Ловатов. – Она послала мне очаровательную улыбку. – Прекрасно, что ты решила отправиться в прошлое прямо сейчас! Я и не знала, что кто-то из Ловатов жив. Их линия оборвалась до тысяча девятисотого года, но...

Я похолодела от страха, чувствуя, что страх перед камнями усугубляется страшным замыслом Джейлис. Джейми напрягся и весь дрожал.

Я не могла видеть его лица, но Джейлис поймала его взгляд и отскочила назад, успев нажать на курок, прежде чем Джейми прыгнул на нее.

После выстрела – я видела все как во сне – голова Джейми дернулась, он выгнулся, бессильно протянув руки к ее горлу, и рухнул на пол, стерева край пентаграммы. Эуон всхлипнул.

Я же только ощутила, что произнесла или прорычала что-то, но слов не слышала и смысл их не дошел до моего сознания. Зато он дошел до Джейлис, и она с испугом уставилась на меня.

Я вела машину, Брианна сидела на заднем сиденье. И надо же было, чтобы какой-то неумеха столкнулся с нами и задел дверь со стороны девочки! Остановив машину, я мигом убедилась, что Брианна в порядке, и, вылетев из авто, припустила к водителю, остановившемуся впереди. Рослый самоуверенный мужик средних лет забился поглубже в свою машину и поднял стекло, увидев меня.

Я не ощущала ни ярости, ничего – просто точно знала, что раскрошу стекло, как шоколад, рукой и достану эту потную рожу.

Он тоже понимал это и съежился в ожидании расправы.

Полицейские привели меня в чувство, но я еще долго вспоминала выражение лица того человека и то, как меня била дрожь.

Джейлис уже поняла, что и кого она восстановила против себя, но было поздно. В ее глазах отразился ужас.

Она схватилась за второй пистолет, рванула его из-за пояса, наставила на меня.

Выстрел прошелся эхом по пещере, отзываясь в ее пустотах, с потолка посыпалась пыль и камешки, но было уже поздно – я уже взяла топор.

На рукояти была расшитая бисером кожа, чтобы было удобнее держать. Красные полосы, желтые зигзаги, черные бусины. Черный ассоциировался у меня с обсидианом, а красные и желтые были отблесками факела. Сзади что-то послышалось, но мне было все равно.

Красные полосы. Красные зрачки Джейлис, отражавшие свет.

Джейми говорил, что нельзя отдаваться красному, что нужно держать себя в руках.

Но я не отдавалась – он поглотил меня, парализовав волю.

Теперь я выполняла волю красного цвета: без страха, без сомнений, даже без ярости я опустила топор на голову Джейлис.

Страшный удар отдался в руке. Бросив оружие на пол, я стояла не шелохнувшись. Джейлис качнулась в мою сторону, но я не отреагировала.

Однако кровь не красная – она черная в свете факелов.

Джейлис Дункан сделала шаг вперед, разом обмякла и рухнула на пол, как перед тем Джейми. В ее прекрасных изумрудных глазах отразился страх смерти и понимание того, что она уже пришла.

Кто-то говорил что-то, я ничего не понимала, слушая жужжание камней, шедшее из треснувших стен. Факел на ветру затрепетал, вызвав тени и воспоминание о крыльях темного ангела.

Снова мое внимание привлек повторившийся звук.

То был Джейми. Ему удалось встать на колени. Из раны на голове лилась кровь, делая половину лица черно-красной, а половину – белой. Он шатался.

«Остановить кровотечение!» – раздался приказ в моем мозгу, и я полезла за платком. Джейми в это время подполз к мальчику и развязывал веревки, орошая Эуона кровью. Бледный как полотно паренек с готовностью вскочил и протянул руку дядюшке, чтобы тот встал тоже.

Джейми коснулся моего плеча. Взяв предложенный платок, он утерся, схватил мою руку и потащил меня так быстро, что я сообразила, где я.

– Пошли, не стой! Слышишь, какой ветер? Наверху начинается буря.

Я подумала, что это недоразумение и что Джейми потерял рассудок вследствие ранения: откуда в пещере ветер? Но в этой пещере и правда были трещины, причем сквозные, через которые тянуло нешуточным ветром.

Джейми не давал мне оборачиваться, словно я была Орфеем. Агаты светились, рубины блистали, а ртутный рисунок был смазан – все это исчезло, когда ветер потушил факел.

– Господи, дядюшка, где ты? – возопил Эуон, не видя нас в темноте.

– Я здесь, не волнуйся.

Джейми шел впереди и был уверен в своих силах, поэтому говорил спокойно и громко, чтобы заглушить шум усиливавшегося ветра.

– Твой дядя здесь, мой мальчик. Иди ко мне, и все будет хорошо. А ветер – ерунда, это дышит пещера.

Он не подумал, какой эффект произведут эти простые слова на нас. Я почувствовала ветер на своем лице и представила, как дышат камни, а этого было достаточно, чтобы я впала в панику. Пещера была зла на нас за убийство, а прежде всего за то, что мы осмелились нарушить ее извечный покой своими суетными дразгами. Она дышала, злобно созерцая нас и придумывая, как покарать нечестивцев.

Парнишка боялся точно так же: он ухватился за мою руку изо всех сил и повис на мне.

Я пожалала его узкую ладонь и отчаянно хотела пожать лапищу Джейми. К счастью, он стоял довольно близко от меня, и я быстро нашла его.

– Эуон здесь. Джейми, умоляю, идем отсюда!

Ответом послужило сильное пожатие. Вцепившись друг в друга, чтобы не упасть и не пропасть в этом страхе, поглотившем все вокруг, мы направились к выходу, пытаясь не запутаться и не потеряться. Ветер кружил вокруг нас и завывал за нашими спинами.

На Джейми была белая рубашка, но я не видела даже намека на белое пятно перед собой. Так же обстояло дело и с моей одеждой: моя светлая юбка обвинялась вокруг ног, я слышала, как она шелестит, но не видела ее.

В трещинах и щелях между стенами пещеры шептало и стонало, и все время казалось, что ветер приносит голоса, раскрывающие ужасные тайны или обвиняющие нас во всех смертных грехах. Голоса то стихали, то делались громче, и мы бежали от них, однако они повсюду настигали нас.

– Это она! Я слышу, как она идет! Она идет сюда, боже! Боже! – разрезал ветер визг Эуона.

Прекрасно помня, что Джейлис мертва, я не могла освободиться от мысли, что мальчик прав и она идет сюда, живая ли, мертвая ли,

воскресшая ли, но идет. Это не могло быть правдой, как подсказывал голос рассудка, но ноги становились ватными, я цепенела и останавливалась, пытаюсь уцепиться за камни и зарыться в них.

Джейми взял нас обоих в охапку и прижал к себе. Я так явственно почувствовала среди этого ужаса запах соснового дыма, бренди и мужского пота, что чуть не разрыдалась.

– Заткнитесь, оба! Не скулите, я выведу вас отсюда. Идите и не бойтесь ничего – я не позволю ей притронуться к вам, – резко бросил он, чтобы привести нас в чувство.

Стук его сердца снова был громче, чем ветер и зов камней. Я ткнулась щекой ему в грудь, а у плеча ощутила подростковое плечико Эуона.

– Идемте. Нам нужно идти. Нас ждут. Там начинается буря, наверху, а когда меняется погода, скалы поют так, как мы сейчас слышим. Не бойтесь, мне приходилось такое слушать и, смею вас заверить, в этом нет ничего страшного. Идемте.

Пока мы выбирались из пещеры на свет божий, пока озирались да моргали, буря миновала. Дождя мы уже не застали, зато мир был в его радужных каплях, обновленный и освеженный.

Натуралист прятался под мокрой пальмой, но вскочил при нашем появлении и перестал хмуриться.

– Что случилось? – встревожился он при виде окровавленного Джейми.

– Ничего страшного.

Джейми ободряюще улыбнулся и широким жестом указал на мальчика:

– Мой племянник Эуон Мюррей, извольте познакомиться. Эуон, честь имею представить доктора Штерна, помогавшего в твоих поисках.

– Спасибо вам, доктор. – Эуон вытерся рукавом и слабо улыбнулся, моргая: – Я ждал тебя, дядюшка, но не так поздно.

Неуверенная улыбка, игравшая на его губах, исчезла: мальчик задрожал и принялся часто-часто моргать, сдерживая слезы.

– Да, ты прав, малыш. Я виноват перед тобой, прости меня, bhalaich. Иди сюда.

Джейми с силой притянул Эуона к себе и крепко обнял, приговаривая какие-то успокаивающие фразы по-гэльски.

Я засмотрелась на них, чувствуя, как гора падает с плеч, и не слышала вопроса Штерна:

– Миссис Фрэзер, а с вами все в порядке? Как вы себя чувствуете?

Он пощупал мой пульс.

– Благодарю, – слабо отозвалась я, – но пока не очень хорошо.

Все происходящее требовало напряжения; для того чтобы воспринимать звуки и запахи, мне приходилось заставлять себя концентрировать внимание, но целостной картины я не видела: Джейми, Эуон и Штерн были заведенными куклами, куда-то идущими, что-то говорившими, отчего-то улыбающимися. По ощущениям это напоминало роды – такое же состояние измотанного организма, такое же отдаление.

– Полагаю, что нам лучше убраться отсюда подобра-поздорову, – сделал абсолютно справедливый вывод Лоренц, взглянув на таинственную пещеру, выпустившую невредимого мальчика и раненого Джейми.

В его взгляде читалось беспокойство, но о судьбе миссис Эбернети он не спрашивал.

– Я тоже придерживаюсь этого мнения, – поддержала я еврея.

Все, что случилось в пещере, я запомнила навсегда, но на свету, на фоне зелени джунглей, это казалось дурным сном, бредом больного. Нужно сказать и то, что и зелень, и скалы, с которыми столько было связано, не воспринимались мной как элементы реальности.

Пока мужчины решали, куда следует идти, я пошла сама, но моя походка была походкой автомата, работающего на пружине и останавливающегося, когда завод кончается. Джейми, к которому я сейчас ничего не чувствовала, равно как и к Эуону, не говоря уж о Лоренце Штерне, шел впереди, и я таращила пустыми глазами на его широкую спину. Заросли сменялись прогалинами, тень – солнцем, но мне на все было наплевать, даже на то, что пот заливает глаз. Перед закатом мы решили раскинуть лагерь на полянке.

Натуралист оказался самым находчивым из нас, а вкупе с его знаниями просто бесценным помощником. Как и Джейми, он умел разбивать лагерь в укромном месте и умело прятать его с помощью подручных материалов, но самым главным было то, что он знал, какие грибы и корни можно употреблять в пищу, а какие лучше не стоит. За полчаса путешествия по джунглям он набрал целую охапку фруктов, дополнив таким образом наш скромный рацион.

Эуон в это время собирал хворост, чтобы разжечь костер, а я занялась Джейми, набрав воды в плошку, чтобы промыть рану.

С лица и волос было смыто много крови, но пуля не сняла с головы скальп, как я ожидала судя по количеству крови, а застряла в голове, войдя в нее над линией волос. Выходного отверстия не было, значит, ее нужно было искать в голове. Пальпировать пришлось долго, и я с воодушевлением взялась за дело, пока Джейми не завопил от боли.

Пуля находилась в затылке. Уму непостижимо: она прошла под кожей

и застряла на затылке, обогнув череп! Специалисты по баллистике, вероятно, очень удивились бы, увидев моего пациента.

– О боже! – выдохнула я.

Да, мягкая шишка на затылке содержала пулю.

– Ты был прав, когда говорил, что твою башку сложно пробить. Представляешь, она палила в упор, а ты жив, потому что череп цел!

Джейми держал голову между ладоней. На мои реплики он реагировал чем-то средним между пофыркиванием и стонами.

– Да, башка у меня знатная, нечего сказать. Лобешник у меня тот еще, но порох у миссис Эбернети был слабенький: если бы она всадила весь заряд, да хорошего, мне бы несдобровать.

– А как общее состояние?

– Догадайся с одного раза, англичаночка. Череп-то цел, но виски болят.

– Да уж представляю. Терпи, милый, я проведу операцию.

Боясь, что Эуон может быть изранен или покалечен, я ходила исключительно с медицинским чемоданчиком. Оттуда я извлекла бутылочку со спиртом – настоящим спиртом, а не бренди – и маленький скальпель. Шотландская шевелюра изрядно пострадала от моего вмешательства: я сбрила волосы под шишкой и протерла кожу спиртом. Тело Джейми было живым и теплым, а мои вымоченные спиртом руки – холодными.

– Вдохни поглубже и терпи. Нужно разрезать кожу, это больно, но быстро.

– Валяй, англичаночка.

Джейми честно вдохнул ровно три раза, с шумом втягивая воздух. Затылок его стал бледен, но пульс не изменился, оставаясь ровным. Когда он выдохнул в третий раз, я ухватила складку кожи левой рукой, зажав ее между указательным и средним пальцами, сказала «вот оно!» и разрезала кожу скальпелем. Джейми тихонько помычал, но кричать не стал. Правую руку я оставила свободной, чтобы большим пальцем нажать на шишку. Осторожное давление и разумно приложенная сила принесли результат: из опухоли в мою ладонь скользнула пуля-виноградина.

– Ура! – Я выдохнула и поняла, что сама не дышала, как и пациент.

Свинец, сплюснутый от удара о крепкую, дубовую черепушку Джейми, я презентовала ему – пускай знает, что я там вытащила.

– На память.

На завершающем этапе операции – наложении тампона и фиксирующей повязки – я разрыдалась, не будучи в силах больше сдерживать нервное напряжение.

С удивлением я отмечала, что безудержно рыдаю, не вытирая градом катящихся слез. Будто мое тело и меня саму разделили.

– Англичаночка, что стряслось? Отчего ты плачешь? – удивился спасенный пациент.

– Я... я... н-н-не зн-н-аю. Пл-л-ачу вот... Вот. Н-не зн-н-наю почему, – забормотала я в оправдание.

– Иди-ка.

Джейми любовно глядел на меня из-под повязки и обнимал, а я плакала у него на коленях.

– Все должно быть хорошо. Все уже хорошо, и дальше будет тоже хорошо.

Он качал меня на коленях и гладил по голове, нашептывая успокаивающим тоном разные банальности и глупости, но это подействовало: я вновь почувствовала, кто я и что я, перестав ощущать свое тело как что-то инородное, что с интересом можно наблюдать.

Прекратив рыдать, я принялась икать, но внутри были покой и умиротворенность. Присутствие Джейми действовало магическим образом – я снова стала собой, вернулась к нему и к себе.

Когда бы Эуон не задал вопрос, я едва ли бы заметила, что они, деликатно оставив нас наедине, вернулись в лагерь.

– Дядюшка, а почему у тебя затылок весь окровавлен? Ты опять поранился?

– И да и нет, мальчик. Я даже знаю, кто наложит мне новую повязку, – откликнулся Джейми.

Что ответил Эуон и ответил ли он что-нибудь, я уже не слышала, убаюканная нежными речами Джейми.

Проснувшись, я поняла, что стараниями мужчин меня уложили спать, завернув в одеяло, а между тем Эуон рассказывал о своих злоключениях. Джейми привалился к дереву и держал руку на моем плече. Увидев, что я проснулась, он ослабил хватку. Совсем рядом с нами кто-то сопел.

Лоренц Штерн, больше сопеть было некому, потому что парень сидел подле дядюшки.

– На корабле было неплохо, не так страшно, как могло бы быть, – текла мальчишеская речь. – Мы сидели все вместе, поэтому мы общались, могли переговариваться и гулять на палубе – нас водили по двое. Еды хватало на всех, обращались с нами сносно, разве не говорили, кто нас везет и куда. Это напрягало, конечно.

Юные шотландцы должны были попасть прямо в Роуз-холл, куда доставила бы их «Бруха», а двигалась она к устью Йаллы. Дом миссис

Эбернети, вернее не сам дом, а та часть усадьбы, которую она отвела для пленников, должна была стать тюрьмой для ребят. Под мельницей, где перемалывали сахар, был оборудован подвал. Джейлис даже не поскупилась на постели и ночные горшки. Единственное, что могло отвлекать, так это шум жерновов, но по ночам там было тихо. Никто не догадывался, почему они там сидят, поэтому все время парни коротали, строя предположения.

– Периодически вместе с миссис приходил громадный детина, черный. Миссис Эбернети ни разу не сказала нам, почему она держит нас здесь. Она вообще ничего не говорила нам, обещала только, что узнаем все, когда придет пора, но пора все не приходила. Каждый раз, когда она спускалась к нам, этот человек уводил кого-нибудь из нас, на кого она указала.

В голосе мальчика слышалась горечь.

– Они приходили назад? – Джейми задал вопрос, на который заранее знал ответ, и потрепал мое плечо; я же в ответ пожала его руку.

– Нет... почти никогда. Этого-то мы и боялись больше всего.

За два месяца Джейлис извела троих парнишек, а четвертым выбрала Эуона, однако он упорствовал и оказал сопротивление.

– Я не хотел никуда идти с ней, тем более что она не говорила куда. Пнул этого амбала, укусил его. Ну и гадость он, скажу же я тебе, дядюшка! У него руки жиром вымазаны, а он смердит. Он очухался и дал мне затрещину, а когда я повалился, унес меня наверх.

В кухне Эуону выделили чистую рубашку (только и всего, другой одежды на нем не было) и выкупали.

– Она пригласила меня в хозяйский дом... Он весь сиял огнями, как бывало в Лаллиброхе. Помнишь, дядюшка? Спускаемся с холмов, а мама зажгла все лампы, такая красота... Я так затосковал по дому!

Джейлис не дала ему времени на раздумья: Геркулес-Атлас привел его к хозяйке. Она приняла Эуона в спальне, одетая в мягкий халат с вышитыми золотом и серебром непонятными фигурами.

Странно пахнувший напиток, предложенный миссис Эбернети, как я поняла, содержал своеобразную сыворотку правды. Эуон выпил его, потому что хотелось пить, а здесь не было выбора напитков. Интерьер комнаты состоял из низкого стола и удобных кресел, с которых свисали кисти и балдахин. Усадив мальчика в кресло, Джейлис начала выпытывать интересующие ее вещи.

– А что же ее интересовало? – подсказал Джейми, видя, что парень стесняется признаться.

– О Лаллиброхе, о тебе, дядюшка. Хотела знать, в какой семье я живу,

кто мои дядья, как зовут моих братьев и сестер.

Теперь понятно, почему Джейлис не удивилась, увидев нас в пещере, – она знала, что мы придем, и ждала, чтобы показать Джейми, как убьет его племянника.

– Но потом... Потом она захотела знать, шалил ли я с девушками, – сгорая от стыда, признался Эуон. – И так спокойно, с задором даже.

Его худенькие плечи передернуло.

– Мне так не хотелось отвечать, но я заговорил. Такой жар меня мучил, пить хотелось, а руки-ноги одеревенели словно, так я и сидел. Она зырила своими зелеными глазищами, а я отвечал.

– Ты рассказывал все, о чем она спрашивала?

– Да... – на лицо мальчика набежала тень. – Все-все рассказал: как мы жили в Эдинбурге, как у тебя была типография на чужое имя и как тот человек с косичкой погиб в огне, и о том, что было в борделе, и о Мэри... Я все ей рассказал, – со вздохом признался он.

Какой-то из ответов оказался не таким, какой она рассчитывала услышать. Джейлис замерла, сощурила глаза, и Эуон испугался. Действие напитка и Атлас, сидевший у двери, не давали ему убежать.

– Она затопала ногами, закричала, что я не гожусь для ее нужд, потому что я потерял девственность, возмущалась, мол, где это видано, чтобы такая мелочь уже знала девушек. А потом выпила вина и успокоилась. Сказала, что подумает, что со мной сделать, что использует для других нужд. Разглядывала меня так...

Мальчик говорил понурым голосом, заставляя себя издавать звуки, при том что не желал говорить. Джейми шумно выдохнул через нос, и Эуон поведал вот что:

– После... после она цапнула меня за руку и заставила подняться на ноги. А потом... дядюшка, можешь не верить, но она опустилась передо мной на колени, стащила с меня рубашку и стала ласкать ртом моего петушка.

Джейми конвульсивно сжал ладонь, покоившуюся у меня на плече, но отреагировал довольно спокойно:

– Верю, мой мальчик. Ты хочешь сказать, что она спала с тобой? Вы занимались любовью?

– Занимались... Занималась она, а я только подчинялся ей. Она довела меня до того, что у меня стоял, потом уложила меня и легла сама и... всякое делала в постели. Но это было не так, как было у нас с Мэри.

– Я и не думал, что это должно повториться, – сухо ответил Джейми.

– Это было... это было страшно. Непонятно все. Я поднимаю глаза, а

там стоит этот, прямо у кровати, и держит свечу. А миссис Эбернети еще и говорит, подними, мол, повыше, а то плохо видно.

Эуон прерывисто вздохнул и попросил воды.

– Дядюшка, тебе приходилось спать с женщиной, когда ты этого не хотел?

Рука Джейми снова сжала мое плечо.

– По-разному бывало, парень.

– Ох...

Эуон запустил руку в затылок, судя по звуку.

– Но дядя, как так получается? Ты не хочешь, но все равно делаешь и все равно приятно? Как же так?

Джейми нервно засмеялся:

– Видишь ли, Эуон, у тебя есть совесть. А у той штуковины, что промеж ног, – нет. Вот и получается.

Он отпустил меня и развернул корпус к мальчику.

– Не бери в голову. Это была одна из сложных жизненных ситуаций, а такие бывают у всякого. Ты не имел другого выбора. Лучше так, чем сдохнуть, верно я говорю? – Помолчав, Джейми прибавил: – А те, остальные, они были девственниками? Я о тех, кто не вернулся.

– Я думаю, что были. Мы ведь болтали все время, работы у нас не было. Так из их разговоров я понял, что девушек они не знали, – слишком уж завирально описывали.

Эуон умолк, но потом все-таки задал мучивший его вопрос:

– Ты знаешь, что она с ними сделала? Куда она их дела? Ты не нашел их?

– Нет, мальчик, я не знаю.

Джейми оперся на дерево и выпустил вздох.

– Эуон, тебе удастся уснуть? Я к тому, что мы завтра отправимся на побережье, поэтому нам понадобятся силы. Так как?

– Конечно, дядюшка, смогу. Но тебе еще больше нужен отдых – она же стреляла в тебя. Может быть, поспишь ты, а я покараулю?

Предложив это, паренек смутился:

– Ты спас мне жизнь, дядюшка, рисковал, сам пролил кровь, а я... Я даже не сказал тебе спасибо.

Этот смех был искренним.

– Приятель, ты прелестен. Укладывайся и спи, а я тебя живо подыму на ноги в случае чего.

Эуон мгновенно свернулся и тут же уснул. Джейми заулыбался, глядя на сорванца.

– Парень дело говорит. – Я села рядом с Джейми. – Мне не уснуть, так что я могу покараулить.

Мой любимый шотландец уже успел сонно прикрыть глаза, но нашел мою руку и так.

– Сиди, если хочешь. Я не хочу спать, не думай, но так легче – голова не так болит.

Мы сидели, держась за руки, словно молодожены. Какие-то животные, обитатели джунглей, издавали разнообразные звуки, но мы уж ничего не боялись: мы нашли Эуона и были вместе.

– Вернемся на Ямайку? За Фергюсом и его девочкой?

Джейми, забыв о ране, мотнул головой и застонал от физической боли. Или не только от нее?

– Думаю, что нет, не придется. Отправимся на Элевтеру – нейтральную территорию. Она принадлежит голландцам. Иннес может на пинасе привезти французу весточку, пускай тот приедет на Элевтеру, если захочет. А на Ямайку я больше ни ногой, разве что светопреставление случится. Или будет крайняя нужда.

– Да уж...

Сейчас, вечером, сидя рядом с Джейми и радуясь тому, что события складываются так, как нам хотелось, я вспоминала всех, кого знала и за кого переживала.

– Как думаешь, что поделывает мистер Уиллоби, то есть И Тьен Чо? Неужели все так же торчит в горах? Надолго его не хватит, думаю...

– Ну почему же, – оборвал меня Джейми, – китаец как раз справится. Пошлет пеликана, тот ему рыбы наловит. А там можно перебраться южнее, на Мартинику. Там есть его сородичи – китайская колония, я обещал отвезти его туда после Ямайки.

– Ты простил его?

На лице Джейми не было ненависти или злорадства, просто он не хотел вспоминать об И Тьен Чо. Скорчив гримасу и подняв одно плечо, чтобы не причинять боль голове, он спокойно ответил:

– Да, простил. – Вздохнув, он пристроился у дерева поудобнее. – Думаю, он не очень понимал, что творит и на ком это может сказаться. Ну, что там, что сделано, то сделано. Конечно, кашу он заварил знатную, но мы в общем-то уже съели. Я на него не в обиде, потому как нельзя надеяться, что человек даст тебе то, чего сам не имеет.

Здесь Джейми открыл глаза и слегка улыбнулся. Я вспомнила лорда Джона Грея, губернатора Ямайки.

Эуон забился во сне, видимо, снова переживая сегодняшний день, и

улегся на спину, раскинув руки. На лице его дядюшки заиграла широкая счастливая улыбка.

– Наконец-то мы нашли тебя, парень. Теперь Дженни остается только ждать первый корабль, отплывающий отсюда на днях, и она получит своего сына.

– Ты думаешь, что он захочет теперь к маме под крылышко?

– Так, англичаночка, не искушай, а? Хорошо, что хоть он не слышит, а то рад бы еще где пошляться. Но плевать я хотел на то, что ему хочется! Будет дома как миленький, даже если придется переправить его в ящике. Что-то потеряла, англичаночка?

Я шарила в темноте, но не по земле, а в кармане.

– Нет-нет, все есть, все на месте, – сказала я, доставая шприцы и ампулы – комплект для подкожной инъекции. В ампуле оставалось еще достаточно жидкости, которой хватило бы не на одну инъекцию.

Даже в угасающем свете от костра было видно, как Джейми выпрямился.

– У меня нет жара, англичаночка, вот, пощупай, если хочешь. Ты же не хочешь засадить в мою бедную раненую башку эту ерундовину, я надеюсь?

– Это не для тебя. У тебя уже мания величия. Я хочу полечить Эуона. Или стоит вернуть его Дженни с триппером, сифилисом и чем-нибудь еще таким же пикантным?

– Сифилис? Но откуда?

– Я не уверена, но думаю, что Джейлис была больна какой-либо инфекцией, передающейся половым путем. При сифилисе наблюдается нарушение речи и прогрессирующее слабоумие. Ты ведь слышал, как медленно говорила Джейлис, как подбирала слова – конечно, когда не была зла. Словом, на всякий случай мальчику не помешает инъекция.

Фыркая, Джейми согласился:

– Ладно, пускай малец узнает, что значит быть легкомысленным. Только давай я вначале отвлеку еврея, пойдем поищем цветочки в лесу, а то он прекрасный человек, но очень уж любопытен. Как увидит твои иглы, как изловят тебя, англичаночка, как сожгут на главной площади Кингстона... Этого еще не хватало!

– Лорд Грей чувствовал бы неловкость за такое варварство. Хотя ему, вполне возможно, понравилась бы сия процедура.

– Что-то мне так не кажется, – в тон мне ответил Джейми. – Слушай, а ты камзол мой не видела?

– Вот он лежит.

Его одежда лежала возле меня.

– Замерз?

– Да нет. – Джейми бережно уложил камзол на колени. – Хочу, чтобы дети были со мной, даже когда я сплю.

Он тронул карточки Брианны и миниатюру Уилли, оттягивавшие карман, и положил руки поверх одежды.

– Доброй ночи, англичаночка.

Глава 63

Из глубин

Утром мы, насытившись печеньем и закусив подорожником, направили свои стопы к побережью, полные решимости; даже Эуон запомнил, что он нарочно хромот. Но, спустившись к морю, мы увидели кое-что интересное.

– Это они, господа! Укрой и избавь!

Эуон полагал, что это пираты, но Джейми разубедил его и даже схватил за руку, чтобы парень не убежал.

– Гляди, это никакие не пираты, а рабы.

Мароны, конечно, не могли управиться с кораблем, тем более большим, но эти отчаянные люди очень хотели добраться до Эспаньолы, где им бы ничего не угрожало. Ветер выбросил «Бруху» сюда, на безлюдный остров, где она уткнулась килем во влажную грязь. Рабы шумно обсуждали, как им следует поступить: кто-то просто метался по берегу в растерянности, кто-то поспешил укрыться в джунглях, кто-то доставал товарищей из упавшего судна. Они были в панике и беспорядочно тыкались туда-сюда или просто бежали в глубь острова, потому что на горизонте виднелся приближающийся парус.

– Это судно военного флота, – отметил Лоренц Штерн.

Джейми буркнул что-то по-гэльски, и Эуон покосился на него в испуге.

– Уносим ноги! – резко бросил Джейми.

Он повернул Эуона за плечо и направил его назад, вверх по ущелью, потом схватил меня за руку.

– Подожди! – остановил его Лоренц, всматриваясь из-под ладони в морской горизонт. – Там еще один корабль. Маленький.

Личный пинас губернатора Ямайки, заложив такой крутой вираж, что его опасно накренило бортом к воде, с наполненными ветром парусами скользил по заливу.

На секунду Джейми замер, оценивая возможности, затем снова схватил меня за руку:

– Вперед!

К тому времени, когда мы добежали до кромки воды, спущенная с пинаса шлюпка уже пробивалась сквозь прибой. Риберн с Маклаудом налегали на весла. Запыхавшись, я ловила ртом воздух, ноги после такого

рывка были ватные. Не теряя времени, Джейми подхватил меня на руки и помчался дальше, навстречу прибою, к лодке. Лоренц с Эуоном, пыхтя, неслись за нами по пятам.

В ста ярдах от нас, на носу пинаса, я увидела Гордона с ружьем в руках. Он заметил наше приближение, и его мушкет громохнул, выпустив облачко дыма. В тот же миг выстрелил в воздух и стоявший за его спиной Мелдрум. Они быстро перезарядили оружие и прикрывали отплытие ялика, пока дружеские руки не подхватили нас, не затащили на борт и не подняли туда лодку.

– Поворот кругом! – скомандовал Иннес, налегая на штурвал.

Пинас стал разворачиваться, ветер снова наполнил паруса. Джейми усадил меня на скамью и сам, тяжело дыша, плюхнулся рядом.

– Дункан, – пропыхтел он, еще не отдышавшись, – разве я... не говорил, чтобы ты не высовывался?

– Побереги дыхание, Макдью, – усмехнулся в усы Иннес. – У тебя его не так много, чтобы тратить на пустую болтовню.

Он крикнул что-то Маклауду, который кивнул и принялся колдовать со снастями. Пинас круто накренился, сменил курс и устремился в узкую бухточку – и напрямик к военному кораблю, находившемуся сейчас достаточно близко, чтобы я могла видеть носовое украшение под его бушпритом, резную фигуру дельфина.

Маклауд проорал что-то по-гэльски, сопровождая слова красноречивыми, не оставлявшими сомнений в смысле сказанного жестами. Под торжествующее горловое пение Иннеса мы проскочили мимо «Дельфина», буквально подрезав ему нос. Изумленные матросы таранились вниз через поручни.

Когда мы вылетели из бухты, я посмотрела назад и увидела, что тяжелый трехмачтовый «Дельфин» все еще следует прежним курсом. В открытом море пинас не выиграл бы гонку у военного корабля, но в проливах, гаванях и прибрежных водах легкость и маневренность давали ему определенное преимущество над этим левиафаном.

– Они гнались за кораблем рабов, – объяснил Мелдрум, проследив за моим взглядом. – Мы увидели, как военный корабль настигает беглецов милях в трех от острова, и решили, что, пока они будут заняты невольниками, мы сможем проскочить, забрать вас с берега и убраться восвояси.

– Неплохая идея, – с улыбкой сказал Джейми. Его грудь высоко вздымалась, но дыхание он уже восстановил. – Хотелось бы только надеяться, что «Дельфин» задержится здесь достаточно надолго.

Предупредительный крик Риберна указал на то, что эта надежда может и не оправдаться. Глядя назад, я увидела блеск бронзы: на «Дельфине» расчихлили длинные кормовые пушки и канониры наводили их на цель.

Целью являлись мы, и понимание этого порождало далеко не самые приятные ощущения. Однако мы двигались, двигались быстро, а Иннес, заметив угрозу, стал налегать на штурвал, закладывая крутые галсы то в одну, то в другую сторону.

Обе кормовые пушки гроыхнули одновременно. Вода взметнулась в дюжине футов слева от носа. Двадцатичетырехфунтовое ядро при попадании прошило бы палубу пинаса насквозь и отправило нас на дно.

Выругавшись, Иннес сгорбился над штурвалом. Отсутствие одной руки делало его фигуру неуклюжей и кривобокой, но со своим делом он справлялся: наш курс стал совершенно непредсказуемым, и ни один из последующих выстрелов уже не пришелся в опасной близости от нас. Затем раздался несравненно более громкий залп. Когда дым развеялся, мы увидели, что корпус «Брухи» разлетелся в щепки. «Дельфин» расстреливал застрявшее на мели судно из носовых орудий.

На побережье, накрыв толпу беглых невольников, обрушился град крупной картечи. Тела разрывало в клочья, подбрасывало в воздух, расшвыривало по прибрежному песку кровавыми ошметками.

– Пресвятая Мария, Матерь Божья... – прошептал Эуон белыми трясущимися губами и осенил себя крестным знамением, не в силах оторвать полного ужаса взгляда от кровавой бойни на побережье.

Еще один залп проделал в борту «Брухи» огромную дыру. Часть зарядов лишь взметнула песок, но куда больше накрыло бегущих людей.

Мы обогнули мыс, вырвались на простор открытого моря, и усыпанный изуверченными трупами берег пропал из виду.

– ...помяни в молитвах нас, грешных, ныне и в час нашей кончины, – шепотом закончил свою молитву Эуон и еще раз перекрестился.

Разговоров на борту почти не велось, только Джейми велел Иннесу править на Элевтеру, а тот обменялся мнениями с Маклаудом насчет лучшего курса. Все остальные испытывали слишком сильное потрясение от увиденного и слишком сильное облегчение от собственного спасения, чтобы болтать понапрасну.

Погода была прекрасная, с ровным свежим ветром, и мы летели как на крыльях. К закату Эспаньола исчезла за горизонтом, а слева вырос остров Большой Терк.

Я съела свою порцию печенья, попила воды и свернулась на дне лодки, пристроившись между Джейми и Айеном. Иннес, зевая, лег отдыхать на

носу, тогда как Маклауду и Мелдруму предстояло поочередно править рулем, неся ночную вахту.

Утром меня разбудил крик. Я приподнялась на локте, моргая и потягиваясь после ночи, проведенной на голых досках. Джейми стоял на ногах, утренний ветер трепал его волосы.

– Что случилось? – спросила я его. – Что за шум?

– Глазам своим не верю! – ответил он, всматриваясь в даль. – Опять эта чертова посудина.

Я поднялась на непослушные ноги и убедилась в его правоте: далеко позади виднелись крохотные белые паруса.

– Ты уверен? – спросила я, вглядываясь из-под ладони. – Как можно узнать корабль с такого расстояния?

– Я бы, конечно, не узнал, куда мне. Но Иннес с Маклаудом на этом собаку съели, и они уверяют, что за нами увязался чертов английский кровосос. Они заметили направление, в котором мы отплыли, и пустились в погоню, как только разделались с теми черными бедолагами на Эспаньоле.

Он отвернулся от борта и пожал плечами:

– Беда в том, что мы тут ни черта не можем поделать. Вся надежда только на то, что мы далеко от них оторвались. Иннес говорит, что у нас есть шанс ускользнуть возле Кошачьего острова, если мы доберемся туда дотемна.

За весь день военный корабль так и не смог приблизиться к нам на дистанцию орудийного огня, но Иннес выглядел все более и более обеспокоенным.

Морской пролив между островами Кэт и Элевтера был узким, заполненным коралловыми рифами, и никакой военный корабль не мог бы преследовать нас в этом тесном проходе, однако и мы не могли маневрировать там с высокой скоростью, спасаясь от дальнобойных пушек «Дельфина». Поэтому в этом коварном мелководье нам приходилось играть роль затаившейся утки.

Наконец, не без сопротивления, было принято решение направиться на восток: мы не могли позволить себе рисковать, замедляя движение, а под покровом тьмы можно было попытаться ускользнуть от военного корабля.

С рассветом земля совершенно пропала из виду, чего, к сожалению, нельзя было сказать про «Дельфин». Правда, расстояние не сократилось, но когда вместе с солнцем поднялся ветер, на корабле поставили дополнительные паруса и начали увеличивать скорость. Поскольку все наши паруса до последнего были уже подняты и спрятаться в открытом

море было негде, оставалось только бежать. И надеяться.

Все утро «Дельфин» неотступно следовал за нами. Небо стало затягивать облаками, ветер окреп, но это было на пользу только «Дельфину», намного превосходившему нас площадью парусов.

К десяти часам он приблизился настолько, что попробовал обстрелять пинас. Толку не вышло никакого: ядро упало далеко за кормой, но, честно сказать, ощущение все равно было не из приятных. Иннес покосился назад через плечо, оценивая дистанцию, покачал головой и с угрюмым видом продолжил следовать тем же курсом. То было единственное разумное решение: мчаться на всех парусах, удерживая дистанцию как можно дольше, а уж уклоняться и маневрировать только при опасном сближении, когда другого выхода не останется.

К одиннадцати «Дельфин» подтянулся на четверть мили, и чудовищный грохот его носовых орудий стал раздаваться каждые десять минут – пушкарь оценивал огневую дистанцию. Закрывая глаза, я представляла себе потного, закопченного пороховой гарью Эрика Йохансена, склонившегося над своим орудием с дымящимся запалом в руке. Очень хотелось надеяться, что Аннеке осталась на Антигуа вместе со своими козами.

К половине двенадцатого зарядил дождь, и на море усилилось волнение. Внезапный порыв бокового ветра завалил нас на борт, да так сильно, что бортовое ограждение оказалось в футе от поверхности воды. Нас швырнуло на палубу, и пока мы, барахтаясь, разбирались, где руки, где ноги, Иннес с Маклаудом умело выровняли пинас. Я оглянулась на «Дельфин» и увидела матросов, взбегающих наверх убирать верхние паруса.

– Для нас это благо! – крикнул Макгрегор мне на ухо, кивнув, когда я к нему повернулась. – Им придется сбавить ход.

К двенадцати тридцати небо окрасилось в необычный пурпурно-зеленый цвет, а ветер достиг невероятной силы и завывал подобно жуткому призраку. На «Дельфине», несмотря на все усилия команды, сорвало с мачты стаксель: обрывки парусины разлетелись над морем, словно альбатросы. Пальба по нам давно уже прекратилась, поскольку невозможно было толком прицелиться в небольшую да еще и пляшущую на волнах мишень.

Потом скрылось солнце, и я больше не могла следить за временем. Настоящая буря обрушилась на нас примерно через час. Ветер ревел так, что команды слышны не были, и Иннес с помощью жестов и выразительной мимики приказал убрать паруса. Такой шторм мог не только

порвать парусину в клочья, но и вывернуть мачту из палубного гнезда. Я крепко держалась за поручень одной рукой и за руку Эуона – другой. Джейми скорчился позади, раскинув руки и прикрывая нас от ветра своей спиной. Струи дождя хлестали безжалостно, как плети: сила ветра делала их чуть ли не горизонтальными, а плотность дождевой завесы была такова, что едва можно было разглядеть очертания земли на горизонте – по моим предположениям, это была Элевтера.

Море вспучивалось до ужасающей высоты, перекатывающиеся валы достигали сорока футов. Пинас подхватывало, как щепку, и раз за разом возносило на головокружительную высоту очередного гребня, после чего он резко нырял вниз. В грозном свете лицо Джейми казалось мертвенно-бледным, мокрые волосы прилипли к черепу.

Над морем сгустилась тьма. Небо почернело, хотя над горизонтом распространялось жуткое зеленоватое свечение, на фоне которого, как скелет, вырисовывались очертания застигнутого бурей «Дельфина». Шквалистый порыв ударил нам в борт, мы качнулись в сторону и одновременно взлетели на гребень могучей волны.

Когда мы приходили в себя после очередной встряски, Джейми вдруг схватил меня за руку и указал за корму. Фок-мачта «Дельфина» странно кренилась, а верхушка ее обломилась и висела под углом к основанию, как еловая ветка. Прежде чем я успела сообразить, что происходит, верхняя пятнадцатифутовая часть мачты оторвалась от основания и полетела в море, увлекая за собой оснастку.

Военный корабль, удерживаемый обломком мачты, который превратился в своего рода якорь, развернуло бортом к ветру и завалило набок как раз в тот момент, когда набежал очередной вал. Волна перекатилась через палубу, круша все на своем пути, а «Дельфин» продолжало разворачивать. Следующий вал налетел сзади, и корма оказалась под водой, а мачты переломились, словно прутки.

Еще три беспощадных вала – и корабль отправился на дно. Это произошло так стремительно, что у несчастной команды не было никакой надежды спастись, нас же, наблюдавших за катастрофой со стороны, охватил ужас. Вода вспенилась, пошла пузырями, и недавно столь могучий, грозный военный корабль пропал из виду.

Я почувствовала, что рука Джейми затвердела как сталь. Все на борту с ужасом взирали на место ужасной катастрофы. Точнее, все, кроме Иннеса. Он, налегая на штурвал, готовился встретить следующую волну.

И вот она взметнулась, поднялась над ограждением, нависла надо мной. Огромная стена воды была полупрозрачной, и в ней, как мошки в

янтаре, были видны обломки «Дельфина» и тела несчастных членов его команды, замершие в причудливых, гротескных позах. Тело Томаса Леонарда зависло не более чем в десяти футах от меня. Рот его был разинут в изумлении, мягкие длинные волосы колыхались над расшитым золотом воротом мундира.

Волна обрушилась на наше судно. Меня сбило с ног и бросило в хаос. Вода подхватила мое тело и потащила неведомо куда, ослепшую, оглохшую, неспособную дышать, с беспомощно вывернутыми руками и ногами.

Вокруг сомкнулся мрак. Зрение было бесполезно, остальные же ощущения, при всей их интенсивности, давали лишь самое сумбурное и невнятное представление о происходящем.

Давление, шум, всепроникающий холод. Ни того, что меня тянули за одежду, ни натяжения веревки, остававшейся обвязанной вокруг моей талии, я не чувствовала. Вдруг возникло слабое ощущение тепла где-то в ногах, отдаленное и столь же случайное в этом погруженном в холод мире, как облако на ясном небе. То ли вкус, то ли запах мочи, не знаю уж, моей собственной или кого-то из тех несчастных, с кем я оказалась во чреве одной волны.

Голова больно ударилась обо что-то твердое, а потом я обнаружила, что нахожусь на палубе пинаса и судорожно выкашливаю воду из легких. Оказавшись каким-то чудом не под водой, а на воздухе, я медленно села, кашляя и хрипя. Веревка выдержала и оставалась на месте, но стянула меня так туго, что я опасалась, не сломана ли у меня нижняя пара ребер. Пытаясь вдохнуть полной грудью, я слабо подергалась в этой удушающей петле, и тут ко мне подоспел Джейми. Одной рукой он обнял меня, другой потянулся к висевшему на поясе ножу.

– Ты цела? – прокричал он, с трудом перекрывая вой ветра.

«Нет!» – хотелось мне крикнуть в ответ, но произвести удалось только хриплый кашель. Я потрясла головой, ощупывая себя в области талии.

Небо имело причудливый пурпурно-зеленый цвет, подобного которому мне в жизни не доводилось видеть. Джейми наклонился, чтобы перерезать веревку, и ветер сбросил его промокшие и оттого приобретшие оттенок красного дерева волосы на лицо.

Веревка поддалась, и я наконец смогла нормально вдохнуть, не обращая внимания ни на боль в боку, ни на то, как саднит след от петли вокруг талии. Качка продолжалась отчаянная, корабль подбрасывало на волнах, как щепку. Джейми повалил меня на палубу, упал сам и, таща меня за собой, пополз на четвереньках к находившейся на расстоянии шести

футов мачте.

Когда меня захлестнуло волной, вся одежда промокла насквозь и облепила тело, но ветер был столь силен, что когда от порыва юбка задралась на голову, хлеща меня подолом, словно гусиными крыльями, оказалось, что ткань почти высохла.

Рука обхватившего меня Джейми была тверда, как стальной обруч, я же, цепляясь за него, старалась отталкиваться ногами от скользкой палубы, чтобы хоть чуточку ускорить продвижение. Волны то и дело перехлестывали через борт, окатывая нас водой, но таких чудовищных валов, как недавний, больше не набегало.

Наконец нас подхватили протянувшиеся навстречу дружеские руки, и мы оказались в той относительной безопасности, какую обещала близость к мачте и возможность за нее держаться. Иннес давно уже зафиксировал и закрепил штурвал. Теперь, когда свет молнии выхватывал его из мрака, спицы рулевого колеса запечатлевались на моей сетчатке, словно расходящиеся нити паутины огромного паука. Разговаривать было невозможно, да и бесполезно. Риберн, Эун, Мелдрум и Лоренц сгрудились вокруг мачты и привязались к ней. Находиться на палубе всем было страшно, но никто не решался покинуть ее и углубиться в непроглядный мрак трюма, где тебя будет швырять из стороны в сторону, ударяя о переборки, а ты даже не будешь знать, что происходит над головой.

Я сидела, вытянув ноги, спиной к мачте, к которой меня для верности крепил пропущенный через грудь линь. Небо сменило цвет на свинцово-серый с одной стороны и насыщенный зеленый – с другой, а молнии продолжали наугад выстреливать по поверхности моря яркими, разрывающими сумрак зигзагами. Ветер завывал так громко, что даже удары грома доносились до нас не всякий раз и звучали приглушенно, будто отдаленные выстрелы корабельных пушек. Одна молния ударила совсем близко от корабля, настолько близко, что слышен был не только гроыхнувший одновременно со вспышкой раскат, но и шипение вскипевшей воды. Резко запахло озоном. Иннес отвернулся от слепящего света, обрисовавшего его фигуру так резко, что на миг он показался скелетом – черные кости на фоне неба. Мгновенная вспышка – и вот он уже снова выглядел восстановившим целостность. Да еще и размахивающим двумя руками, как будто утраченная часть его тела явилась из мира теней, чтобы здесь, на краю вечности, воссоединиться с ним.

«Череп крепится к позвонкам, – мягко прозвучал в памяти голос Джо Эбернети. – А позвонки крепятся к черепу...» Неожиданно перед моим мысленным взором предстало отвратительное зрелище: разбросанные по

берегу части тел, которые я видела рядом с корпусом «Брухи», оживленные вспышками, извивались и корчились в попытках вновь составить единое целое.

Челюсти и зубы вместе соберутся
Да так громко застучат, аж мертвецы проснутся.

Новый раскат грома заставил меня вскрикнуть, и дело было не в самом грохоте, но в ослепительной вспышке памяти. Я держала в ладонях череп с черными провалами там, где когда-то светились зеленые, как штормовое небо, глаза. Джейми кричал что-то мне прямо в ухо, но я ничего не слышала и лишь трясла головой, чувствуя, как от ужаса каждый волосок на моем теле встает дыбом.

Волосы, как и одежда, быстро высыхали на ветру, который отчаянно трепал пряди, больно дергая их. Вдобавок в волосах начинало потрескивать статическое электричество. Потом я уловила среди окружавших меня матросов неожиданное движение, вместе с ними подняла глаза и увидела, что такелаж и рангоут над головой подсвечены голубоватым мерцанием огней святого Эльма.

Огненный шар упал на палубу и покатился к нам, рассыпая искры и распространяя свечение. Джейми ударил по нему, и он мягко взлетел в воздух и покатился прочь по бортовому ограждению, оставляя за собой запах гари.

Я посмотрела на Джейми, все ли с ним в порядке, и увидела, что волосы на его голове встали дыбом и окружены огненным свечением, прямо как у демона.

Джейми коснулся волос пятерней, приглаживая их, и по пальцам его побежали язычки голубого пламени. Увидав меня, он взял за руку, несмотря на электрический разряд, коснувшийся нас.

Часы казались нам днями. Из-за непрерывного ветра губы потрескались и пересохли, мешая языку шевелиться и принимать участие в формировании речи. Почерневшее еще недавно серое небо то ли несло ночную прохладу, то ли новый дождь.

Оно принесло дождь, которому мы были рады, мощный, как тропический ливень. Он шумел так, что заглушал вой ветра, этот дождь с градом, а градины ударяли по голове, на что, впрочем, никто уже не обращал внимания. Я собирала эти крепкие ледышки и ела их, счастливая от того, что можно попить настоящую воду.

Лохани, ведра и прочие сосуды были приспособлены для хранения градин, собираемых Мелдрумом и Маклаудом с палубы.

Ветер выл тогда, когда я засыпала, положив голову на плечо Джейми, и тогда, когда я просыпалась. Страшно уже не было, мы просто терпеливо ждали, когда все закончится. Не знаю, правильное ли слово «терпеливо» по отношению к тупому ожиданию проявления благосклонности от судьбы. Только бы все закончилось, любой ценой, даже нашей смерти.

Времени не было: тьма не сменялась светом, она только слегка редела, но что за свет пытался ее рассеять, дня ли, лунный ли, мы не могли понять. Времени не было, были только засыпания и пробуждения.

Проснувшись в который раз, я отметила, что буря если не стихает, то по крайней мере что-то меняется, в частности ветер воет не так громко, то есть достаточно тихо для того, чтобы я услышала, как Макгрегор просит Эуона передать воды. Но были и неизменные составляющие, к числу которых относилась наша физиологическая реакция на резкие движения корабля вверх-вниз.

– Почитай, что миновало, – просипел Джейми. – Буря скоро уйдет.

Непроницаемый свинцово-серый покров начал прореживаться, в появляющиеся в нем разрывы проникала голубизна неба. Было, как мне подумалось, раннее утро, несущее, как я чаяла, перемены в нашей судьбе.

Ураган уже прекратился, его глаз мы уже миновали, но ветер все еще был силен и нес корабль в неизвестном направлении очень быстро. Иннес уступил место у штурвала Мелдруму, и тот удивленно ахнул, увидев нечто необычное. Во время грозы на палубу с неба упал огненный шар, безвредный для нас, но вредный для компаса, который он превратил в комок расплавленного металла, заключенный в целехонький деревянный корпус.

– Удивительно! – восхитился Штерн, тыкая пальцем в то, что осталось от компаса.

– Удивительно, что это именно сейчас угораздило случиться, – хмуро оценил событие Иннес, глядя на ошметки облаков. – Что ж, делать нечего, мистер Штерн, давайте глядеть на небо.

Джейми, Иннес и Штерн долго вглядывались в звезды, видные все хуже в свете встающего солнца, долго смотрели из-за поставленных козырьком ладоней, но смогли сделать только приблизительный вывод: нас несло предположительно на северо-восток.

– Поворачиваем на запад, – уверенно сказал Штерн. – Если хотим найти хоть какую-нибудь землю, ее следует искать на западе.

Мужчины склонились над картой, бывшей не очень точной, но

отмечавшей Карибские острова там, где мы были. Прямо горсть перчинок, брошенных в суп, – так они были разбросаны по карте.

Иннес подумал, сидя над картой, затем изрек, выложив свои наблюдения:

– Я тоже так думаю. Никто не знает, сколько нас несло в открытом море, так что мы, должно быть, забрались далеко от земли. Все, что я могу сказать обнадеживающего, так это то, что корпус корабля цел, а вот мачта и паруса смогут продержаться меньшее количество времени и упадут быстрее. Один Бог знает, каким образом и когда мы остановимся.

Джейми ухмыльнулся, утирая кровь с губ.

– А самой плохонькой землицы для нас не найдется? Я бы порадовался даже крохотному безлюдному островку.

Иннес нашел в себе силы пошутить:

– Вот это да, Макдью, вот уж не ждал от тебя такого номера! Я полагал, что ты истинный моряк и только и жаждешь, чтобы повисеть на парусах и потоптать палубу, и линьками тебя не сгонишь. Но ты достигаешь успехов – последние несколько дней ты и не блевал даже.

– Ага, Дункан, так это потому, что я последние несколько дней ни черта не ел. Я уж и не прошу Бога, чтобы послал остров, неподвластный английской короне, я молюсь, чтобы там нашлась снедь, а по мне хоть британская корона, хоть французская, хоть испанская а ли португальская.

Иннес повозил по губам, послушно реагиравшим на волшебное слово «еда» усилением слюноотделения.

– Мак, будем делать все возможное.

– Земля! На горизонте земля!

Земля показалась только через пять дней, и увидевший ее хрипел, не в силах нормально крикнуть от ветра и мучившей его жажды, но это известие, разумеется, восприняли на ура.

Я побежала на палубу, скользя по вымокшим и просоленным доскам. Вся команда стояла на борту и неотрывно глядела на силуэт, видневшийся поистине на горизонте, довольно далеко от корабля. Это был не риф, а настоящее побережье, что увеличивало нашу радость.

– Где мы, есть догадки? – я думала спросить у кого-нибудь или у всех разом о нашем местоположении, но слова застряли в хриплом горле.

Как по мне, любая земля была сейчас спасением, хоть будь это притон пиратов, хоть военно-морская база Антигуа.

Покатые волны несли нас по направлению к земле, качая. Порывистый ветер мог снова сбить нас с курса, и Иннес приказывал рулевому не менять курса, а подстраиваться под то и дело меняющийся ветер.

К берегу стремились не только мы: пеликаны, возвращавшиеся с рыбной охоты на остров, блестя крыльями, вылавливая приглянувшуюся рыбу.

Я махнула в их сторону:

– Джейми, смотри...

Фразы я не кончила: меня прервал страшный грохот, метнулась огненная вспышка, затем мир почернел, и я очнулась уже в воде. Что-то обернулось вокруг ног и затягивало меня на глубину.

Ноги не отпускало, даже когда я забилась и задергала ими. Кое-как я держалась на плаву в темно-зеленой воде. Нужно было найти что-нибудь, за что можно держаться, – бревно, доску, да сгодился бы любой кусок дерева. Как раньше мы желали добраться до суши, так сейчас я молилась о чем-нибудь, с помощью чего можно держаться на волнах.

Под водой скользнула темная фигура, оказавшаяся фыркающим, словно тюлень, Джейми.

– Не дрейфь!

Ему хватило двух мощных взмахов рук, чтобы очутиться рядом со мной. Когда Джейми оказался на расстоянии вытянутой руки от обломка рангоута, за который мне посчастливилось ухватиться, он нырнул и потянул меня за ногу. Возникшая острая боль и освобождение. Шотландец появился с другой стороны обломка. Теперь этот кусок деревяшки служил спасительной лодкой нам обоим, ведь Джейми тоже качался на волнах вместе со мной, держа мои запястья.

Корабля не было. Неужто он утонул?

Волна накрыла меня и скрыла Джейми из виду. Фыркая и моргая, я подождала, пока снова смогу видеть, а затем в фокус моего внимания попал напряженно улыбавшийся Джейми. Он вцепился мне в руки еще сильнее, чем в дерево, и хрипло приказал:

– Держись так крепко, как только можешь!

Я не ослушалась приказания, тем более что и сама бы ни за что на свете не выпустила рангоута.

Нас несло волнами вместе со всеми деревяшками, бывшими когда-то нашим кораблем. Брызги ослепляли нас, не имевших возможности утереться, ведь тогда бы пришлось отпустить дерево, а значит, потеряться в пучине. Далекий берег, который мы время от времени могли видеть из-за волн, манил нас к себе, но волны довольно часто закрывали нам обзор, открытый ими же. Временами они накрывали нас с головой.

У меня была еще одна причина, заставлявшая меня нервничать, – нога. С ней что-то было не так, она немела, а потом начинала резко болеть. «Что

бы это могло быть», – размышляла я, уже представляя, как мою конечность держит в пасти злобная акула, грозя откусить ногу. Мне делалось жутко при мысли о том, что сейчас кровь из ошметка вытекает в соленый океан и что я буду ходить на деревяшке, как Мерфи, да и то если выживу, что я в панике желала вырвать руку у Джейми, чтобы пощупать ногу, которой я не чувствовала.

Джейми рычал и держал меня изо всех сил, будто мое висение на рангоуте могло решить судьбы мира. Чуток подумав, я поняла, что не могла бы сознать себя, если бы акула и впрямь откусила мне ногу.

Я не потеряла сознания, но могла упасть в обморок каждую минуту: Джейми скрывался за занавесой из плавающих светящихся точек, а серая пелена закрывала глаза так, что я не могла видеть, что происходит по бокам от меня. Если я теряла сознание от потери крови или от волнения и пребывания в холодной воде, это ничего не меняло для меня. Осознавая это, я чувствовала апатию и странное успокоение.

От бедер до ступней ног не было, а руки сжимал Джейми, и лишь потому я знала, что они есть. В очередной раз оказываясь под водой, я говорила себе о том, что следует задержать дыхание.

Когда волна сошла и рангоут оказался на поверхности, я смогла высунуть нос и вдохнуть воздух, после чего пелена немного сошла. Джейми Фрэзер был рядом со мной, тоже качался на волнах. Его рыжие волосы облепили череп и казались темными, лицо было тяжело узнать из-за искажившего его напряжения и брызг, мешавших свободно смотреть.

– Держись, Клэр! – настаивал он. – Проклятье, держись!

Мне, в сущности, было все равно, что он там говорит, и я благодушно улыбнулась ему. Дурак, из-за чего переживать, ха. Я была спокойна как Будда, не чувствуя боли, не чувствуя вообще ничего. Когда набежала новая волна, я забыла, что нужно не вдыхать.

Расширившиеся глаза Джейми блеснули ужасом, а мои глаза утонули во тьме.

– Англичаночка, какого черта! Черт возьми, ты собралась умирать? Только попробуй, даже не думай! Лучше я сам убью тебя!

Наверное, он кричал все громче и отчаяннее, но я слышала его гнев и испуг откуда-то с очень далекого расстояния.

Я умерла. Вокруг была слепящая белизна. Шелест, звучащий в моих ушах, мог бы вполне принадлежать ангелам, шуршащим крыльями. Абсолютный покой, освобождение от тела и его эмоций, как-то страх и ярость, спокойное и полное счастье.

Закашлявшись, я почувствовала, что с моей ногой не все в порядке.

Ощущение собственного тела вернулось ко мне, и я поняла, что на моем теле имеются множественные повреждения, но левая голень, в которой вместо кости была раскаленная кочерга, волновала меня больше всего.

Нога была на месте, не потеряна, уже хорошо. Еле разлепив глаза, я увидела ее – пульсирующая пелена. Вряд ли нога имела отношение к пелене, ведь образы формируются в мозгу, но у меня перед глазами кружились белые вихри, сменявшиеся ярким светом. Это причиняло боль глазам, так что их пришлось закрыть.

– Господи, велика Твоя воля! Очнулась!

Человек, говоривший с шотландским акцентом, сидел у моего уха или низко наклонился, потому что я слышала голос очень отчетливо.

– Вот еще.

Вместо голоса я издавала карканье. Изрядно наглотавшись воды, я ощущала, как она противно булькает в лобных пазухах, причем она изливалась из носа при кашле, а с чиханием извергалась слизь, мокрота и черт-те что, лившаяся мне на подбородок и грудь. Руки, бывшие где-то очень далеко, пришлось поднять, чтобы утереться, но это вызвало предостережение:

– Англичаночка, не дергайся, лежи спокойно. Предоставь мне заботиться о тебе.

Голос Джейми был так весел, что я открыла глаза от злости. На самом деле муж был напряжен и сосредоточен, поэтому его веселье можно отнести на счет переживания, но в любом случае я не смогла долго рассматривать его, потому что он накрыл мое лицо носовым платком.

Хотя я пыталась протестовать, боясь задохнуться, он вытер мое лицо и заставил высморкаться.

Поскольку он зажал мне нос платком, у меня не было другого выхода. Пришлось подчиниться, и это, как ни странно, облегчило мои страдания: бульканье в пазухах прекратилось, а я смогла более-менее сносно соображать.

Джейми улыбался, глядя на меня, хотя сам выглядел не многим лучше, если не сказать хуже (я все же надеялась, что имею более приличный вид): его волосы склеила морская соль, и теперь они торчали пучками, с виска слезала содранная кожа, а плечи были укрыты подобием одеяла, но только не рубашкой.

– Очень плохо? – осторожно поинтересовался он.

– О, хуже некуда, – проскрипела я.

Я жива, значит, нужно снова жить, чувствовать и осознавать события, а этого хотелось мне меньше всего.

Джейми, обнадеженный тем, что я в силах говорить, взял кувшин с прикроватного столика.

Да, то была кровать, не гамак и не подвесная койка. Это-то и удивляло больше всего: белоснежные льняные простыни, светлые стены в штукатурке, белые занавески из муслина, похожие на паруса, надуваемые ветром, – очевидно, именно это заставило меня пережить слепящую белизну, которую я приняла за зов смерти.

На оштукатуренном потолке играли блики, из чего я сделала вывод, что это вода, находящаяся рядом, отражает лучи солнца. На сундуке Дэвида Джонса было не так уютно, но на волнах я ощутила такой всеобъемлющий покой, какой вряд ли почувствую где-либо еще. При любом движении нога болела, а от этого болело все тело, и я пожалела, что не умерла там, в океане, не утонула в волнах. Вначале рука, теперь вот нога...

– Мм-м, англичаночка, ты сломала ногу. Не шевелись, пожалуйста, иначе будет больно, – предупредил Джейми.

– Да я уж догадалась, спасибо за заботу, – промычала я в ответ. – Какого лешего мы здесь делаем? Где мы вообще?

Он выразительно поднял плечо.

– Я сам не знаю. Дом вроде бы приличный, симпатичный даже, уютный, как я посмотрю. Но это сейчас, а когда нас прибило к берегу и хозяева тащили нас сюда, я почти ничего не помню, слышал только, что местность называют «Жемчуга». Может быть, и по-другому, я не расслышал хорошенько.

Он налил мне воды из кувшина. Проглотив воду, я поблагодарила смежением век и спросила:

– Так что это было? Что там стряслось?

Если не двигаться и лежать смирнехонько, боли в ноге почти не чувствовалось, главное не забываться и не шевелиться. Пульс – а я потянулась привычным жестом к шее, чтобы проверить, – тоже был сильным. Жить можно: шок не настал, а если и был, то прошел бесследно, и ничто не указывает на то, что перелом множественный или тяжелый.

Джейми провел рукой по лицу. Тени залегли у его глаз, говоря о том, что он смертельно устал. Рука его дрожала, а на щеке был здоровенный синяк. Шея тоже была оцарапана и на ней запеклась кровь.

– Сломалась стеньга, я полагаю. На палубу упал рангоут, тебя задело реей и бросило за борт. Я сразу бросился за тобой, а ты пошла камнем на дно, да к тому же обрывками вант обмотало. Еле отцепил их от тебя, а потом держались за обломок мачты.

Заново переживая те страшные минуты, Джейми вздохнул:

– Волны несли нас, а я все держал тебя, пока не понял, что под ногами уже песок. Вытащил тебя на берег, вынес, выполз сам. Люди какие-то сбежались, спасибо им, помогли, привели сюда. Вот так.

Он вскинул плечи, показывая, что больше нечего рассказывать.

– А как же корабль? Моряки? Что с Эуоном, где он? А Штерн?

– Не думаю, англичаночка, чтобы с ними случилось что-то плохое. Это же только мачта сломалась, не порох взорвался. Но, конечно, движение корабля это существенно замедляет, если не останавливает. Они поставили потом временный парус, но мы с тобой были уже далеко.

Джейми закашлялся и закрыл рот.

– Они живы, не беспокойся: те, кто нас нашел, сказали, что двухмачтовое суденышко прибило к берегу в четверти мили к югу отсюда, и они поплыли туда помочь нашим. Их заберут и доставят сюда, думаю.

Джейми ополоскал рот водой и посетовал:

– Песка уйма во рту, наглотался. – Он сплюнул воду в окно и добавил: – А вообще он во мне везде: в ушах, в носу, во рту и даже в заднице есть, как ни смешно.

Я протянула руку к нему. Ладонь Джейми была покрыта волдырями, часть из которых полопалась и кровоточила.

– Как долго мы торчали в море?

Я осторожно, чтобы не потревожить раны, водила по его руке, а указательным пальцем коснулась литеры «С», почти незаметной у основания его большого пальца.

– Сколько же ты держал меня?

– Прилично.

Он улыбнулся и крепко сжал мою руку, забыв о волдырях. Я же внезапно поняла, что обнаженная: слишком хорошо чувствовались прохлада и гладкость льняных простыней и слишком явно под ними были видны соски.

– А можно мне мое платье? Где оно?

– Его нет: юбка тянула тебя вниз, в воду. Я сорвал ее. И все остальное тоже мешало, там не о чем жалеть.

– Вот уж не думаю.

Итак, из всей моей одежды, в которой я прибыла сюда, не осталось ничего, а купленное в разное время уже здесь тоже пропало бесследно.

– Ну хорошо, а ты? Что с твоей одеждой? С камзолом?

Джейми издал подобие улыбки:

– О, он на дне морском. Там же и сапоги... и там же портреты детей, – с прискорбием закончил он.

– Ох! – вырвалось у меня.

Я вцепилась в его ладонь, сострадая и мучаясь сама. Джейми поморгал, отвел глаза и подытожил:

– Я столько раз глядел на них, что должен был запомнить. И я запомнил, все черты до единой. Ну а если состарюсь и забуду... Что ж, достаточно будет найти первое попавшееся зеркало, чтобы вспомнить.

То ли всхлипнув, то ли нервно хихикнув, он сглотнул и криво заулыбался, глядя на рваные штаны, затем призадумался – в глазах его мелькнула какая-то мысль – и полез в карман штанов.

– Но сказать, что мне ничего не осталось, я не могу, наоборот – мне даже досталось. Вот.

Он раскрыл ладонь, державшую драгоценные камни, блестевшие на солнце и переливавшиеся всеми своими гранями. Изумруд, похожий на глаза Джейлиса Дункан, кровавый рубин, огненный опал потрясающих размеров, небесно-голубая бирюза, какой-то медово-солнечный камень и, наконец, черный бриллиант.

– Я мог бы остаться и без этого, верно, англичаночка?

На израненной ладони камни выглядели дивно. Это был венец его жизни, награда за страдания, все, что осталось Джейми. Больше всего мое внимание привлекал черный бриллиант, очень редкий и ценный камень. Я потрогала его кончиком пальца.

– Ведь это адамант.

Он едва ли не единственный из всех камней, который не нагрелся от его тепла.

– Да. – Джейми говорил о камне, но смотрел на меня. – А ты знаешь, какое действие этого камня? Умение извлекать радость из всего происходящего?

– Кажется, именно так.

Я легонько провела по его щеке, ощущая, какой мой муж живой и теплый. Это наполнило меня радостью и принесло удовольствие.

– Мальчишка с нами. А мы вместе.

– Да. И это дарит мне радость, – отозвался Джейми.

Высыпав камни на стол – они засверкали в его руке, ловя солнечный луч, – Джейми полностью завладел моей ладонью.

Наконец-то можно было расслабиться и забыть обо всех невзгодах! На меня снизошло умиротворение, не та апатия, поглотившая меня в море, а спокойствие и безмятежность, сознание полной безопасности. Мы с Джейми выжили – чего же еще? Наши моряки и Эуон тоже спаслись. То, что мы потеряли одежду? Но это же мелочи. Фотографии? Да, это очень

обидно, но все же не так страшно, как если бы мы потеряли друг друга. Сломанная берцовая – а по ощущениям была именно она – кость? Ну так что же, Джейми будет заботиться обо мне, где бы я ни была. Мы были вместе, и этого было достаточно, более того – это было главное.

Благостная тишина снизошла на нас. Солнце проникало сквозь занавески, небо радовало своей лазурной голубизной. Возможно, мы сидели с час – я не знаю, но только я очнулась, услышав легкие шаги и осторожный стук в дверь.

– Да, войдите!

Джейми выпрямился в кресле, но не выпустил моей руки.

Вошла женщина с приятным лицом и ласковой улыбкой. Она с любопытством взглянула на нас, но заговорила со смущением:

– Здравствуйте. Простите, я должна была раньше прийти к вам, но у меня были дела в городе, а весть о вашем... прибытии (она запнулась, однако скрасила заминку улыбкой) дошла до меня лишь сейчас.

– Мадам, примите нашу благодарность и заверения в искренности. – Джейми элегантно поклонился, но даже встав, держал мою ладонь в своей. – Я ваш покорный слуга. Скажите на милость, располагаете ли вы какими-либо сведениями о наших спутниках?

Девушке было около двадцати лет, и галантность Джейми приятно поразила ее, однако же она не знала, как вести себя в присутствии леди, то есть меня. Она присела в неловком реверансе и ответила:

– Да, мне известно то, что слуги забрали их с корабля, потерпевшего крушение, и доставили на кухню.

– О, мисс, спасибо! Как нам отблагодарить вас за помощь?

Я не знала, замужем ли она, поэтому обратилась «мисс», но немного ошиблась. Девушка, порозовев, представилась:

– Не стоит благодарить, это мелочи, так поступил бы каждый. Помочь несчастным, попавшим в беду, – священный долг. Я должна извиниться за дурные манеры, ведь я не представилась. Я Пэтси Оливер, то есть миссис Жозеф Оливер.

Выжидающий взгляд свидетельствовал о том, что она ждет узнать, с кем имеет дело, кого, собственно говоря, спасла.

Мы с Джейми думали о другом, пытаясь оценить местность, куда нас отнесли волны, поскольку от этого тоже зависела форма нашего представления. Где мы? Миссис Оливер – англичанка, но ее муж – француз. Из этого мы не могли сделать никаких выводов, ибо это могли быть Наветренные острова, какой-либо из них – Барбадос, Багамы или Андрос – или даже Виргинские острова. А если мы на юге, там, где полно

британских кораблей, – на Антигуа, Мартинике или Гренадинах?

Джейми поймал мой взгляд и еще сильнее сжал мою ладонь. Миссис Оливер ждала.

– Миссис Оливер, не сочтите за грубость, но не могли бы вы сказать, где мы находимся?

Он задержал дыхание.

Брови девушки взметнулись. Она захлопала глазами, не понимая смысла вопроса.

– Ну-у-у... мы говорим «Жемчужный».

– Да, спасибо, – встряла я, – но нас интересует не местное название. Мы хотели бы знать, что это за остров?

Последние слова я проговорила с расстановкой.

Девушка заулыбалась, что-то сообразив, и ее лицо осветилось широкой улыбкой.

– Теперь я понимаю, – сочувственно вскричала она, – ведь вы не знаете, куда попали! Муж говорит, что такого шторма не было уже очень давно, по крайней мере в это время года таких не бывает. Как хорошо, что вы живы, как я рада! Вас, должно быть, занесло с южных островов?

Каких южных островов? Это ведь не Куба? Не может быть, чтобы мы попали в Сент-Томас или во Флориду.

Рука Джейми вспотела. Мы быстро переглянулись, еще не веря своему счастью.

Миссис Оливер снисходительно отнеслась к нашему неведению и гордо заявила:

– Мои милые, это никакой не остров, а самый настоящий материк, колония Джорджия.

– Как? – ошеломленно спросил Джейми. – Это что, Америка?

Я была удивлена не меньше его: мы преодолели шестьсот миль!

– Это Америка. Новый Свет.

Сейчас эти слова звучали для меня совсем иначе, чем всегда.

Пульс Джейми лихорадочно забился, а мой собственный вторил ему.

Это был Новый Свет. Новая жизнь. Убежище. Свобода.

– Ага, – просто подтвердила миссис Оливер, отнеся нашу дикую радость на счет радости спасения и не зная, что мы нашли вождеденное пристанище. – Да, это Америка, материк.

Джейми распрямил грудь и тоже заулыбался. Ветер играл его волосами, даря диковинное ощущение свободы и уверенности. Мой муж был похож на бога с огненными волосами.

– Разрешите представиться, мэм: Джейми Фрэзер.

Глаза его сияли торжеством, и неясно было, он ли повторяет небесную лазурь, небо ли повторяет голубизну его глаз.

– А это Клэр. Моя жена.

От автора

Автор выражает глубочайшую благодарность всем тем, кто так или иначе помогал создавать данную книгу, а именно:

Джеки Кантор, изумительному редактору того редчайшего образца, который считает, что «хорошей книги должно быть много»; моему мужу Дагу Уоткинсу за литературную наблюдательность и язвительные комментарии на полях («Снова о сосках!»), а еще за шуточки, которыми я (как он полагает) воспользовалась, изображая характер Джеймса Фрэзера. Моей старшей дочке Лауре, сказавшей буквально такое: «Если тебя, упаси бог, снова пригласят в класс на «встречу с писателем», пожалуйста, говори о литературе, потому что о том, какой у кита пенис, мы уже слышали»; моему сыну Сэмюэлю, пристающему к гуляющим в парке со словами «У тебя есть мамина книжка?», и младшей дочурке Дженни, часто повторяющей: «Мамочка, отчего ты не всегда так красива, как тогда, когда тебя фотографируют на обложку?» Маргарет Дж. Кэмпбелл, ученой, Барри Фодгену, английскому поэту, и Пинденсу Синоле Олерозо Ловентону, активисту Гринписа, и Людовику, собаке, – всем им я благодарна за то, что они позволили приписать свои черты героям моей книги. (Следует сказать, что мистер Пинденс просил сказать особо о том, что его пес Людо не выказывал намерения вступить в половую связь с чьей-либо ногой, хоть деревянной, хоть настоящей, но признает за мной право на вымысел, если он обусловлен концепцией образа.) Сердечная благодарность Пери Нолутону, талантливому литературному агенту и человеку, который разбирается в таких тонкостях, как различия между швартовами, рангоутами, стаксеями, а также во французской грамматике и правильном способе свежевания оленей. Роберту Райфлу, знатоку в области ботаники, предоставившему мне сведения о растительности островов Карибского моря. Кэтрин (Бойл или Фрай, к сожалению, не могу вспомнить) за ее рассказы о течении тропических болезней и, конечно, за описание процессов жизнедеятельности червей лоа-лоа. Майклу Ли Уэсту, описавшему Ямайку со всеми подробностями, в том числе особенностями местного диалекта и фольклорными сценами. Доктору Малуну Уэсту, передавшему мне симптомы брюшного тифа. Уильяму Кроссу, Полу Блоку (и его отцу), Кристине Ву (и ее родителям) за бесценные подсказки насчет традиций, культуры и языка Китая. Моему свекру, мистеру Уоткинсу, знатоку лошадиных статей и повадок. Пегги Линч, пожелавшей узнать, как

бы Джейми отнесся к тому, что его дочь могла носить бикини. Люси Бачан, поведавшей историю своего предка, которому посчастливилось спастись после Каллодена. Доктору Грею Холлу, без чьей помощи я не написала бы так подробно о медицинской деятельности Клэр. Брату Захарии, критиковавшему меня за ланчем. Сью Смайли, предложившей добавить описание клятвы на крови. Дэвиду Пиджавке, знающему, как пахнет воздух на Карибах после урагана с ливнем. Эуону Маккинону Тейлору и его брату Кинону Тейлору, помогавшим мне в нелегком деле изучения гэльского языка, в частности правописания и использования терминов, и, в конце концов, многочисленным завсегдатаям компьютерного литературного форума, в том числе Джанет Мак-Коннаги, Марте Бренгл, Акуа Лесли Хоуп, Джону Л. Майерсу, Джону Э. Симпсону-мл., Шерил Смит, Алит, Норману Шиммелю, Уолтеру Гауну, Карен Першинг, Маргарет Болл, Полу Солину, Диане Энджел, Дэвиду Хейфицу и многим-многим другим, кто заинтересовался моей книгой, оживленно обсуждал ее и смеялся там, где это было уместно.

notes

Примечания

Севér, Александр Марк Аврелий (208–235) – римский император.

Кальпурнии – древнеримский плебейский род.

Гелиогабал (Элагабал) – прозвище римского императора Марка Аврелия Антонина (203–222), которое он получил как верховный жрец бога солнца Элагабала.

Строки из стихотворения Г.У. Лонгфелло «Постройка корабля».

Малышка (*фр.*).

Большое спасибо (*фр.*).

Стихотворение Альфреда Эдварда Хаусмана (1859–1936).

На самом деле это год Змеи. Годом Крысы был 1720-й.

9

Прежнее название острова Гаити, данное Колумбом.

Общество натурфилософии, Мюнхен (*нем.*).

Мамочка, мамаша (*исп.*).

Белобрысая шлюха (*исп.*).

Козел (*исп.*).

Хвала всем святым! (*фр.*)

Вы матрос? (*фр.*)

Я солдат (*фр.*).

Все в порядке. Это всего лишь змея (*фр.*).

Она неопасна (*фр.*).

Песнь Песней Соломона, 2, 5–6.

Прекрати, козел! (*исп.*)

Друг. Хорошо.

Здесь: вы говорите по-испански? (*исп.*)

Отче наш, сущий на небесах... (*лат.*)

Иоанн, 20, 29.